

СОЦИОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

2
2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромынка Принт», Москва,
ул. Стромынка, д. 18
Тираж 300 экз.

Подписано в печать: 30.04.2022

Цена свободная

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко
Заведующая редакцией:
А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченков,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Багаева А.В., Терновская Л.О.</i> Центрально-европейские религиозно-этические и социально-политические смыслы памяти о чуме.....	5	<i>Деханова Н.Г., Сушко В.А., Холоденко Ю.А.</i> Россия: социально-экономические последствия пандемии COVID-19.....	120
<i>Добренев В.И.</i> Кризис христианской религии в глобальную эпоху.....	14	<i>Журавлева И.А.</i> Проблемы российской системы высшего образования: качественный анализ.....	134
<i>Кравченко А.И.</i> Экзистенциальная социология и проблема пограничного существования.....	27	<i>Ляликова С.В., Карпова В.М.</i> Основные вопросы семейного образования: результаты социологических исследований.....	143
<i>Михайлов И.С.</i> Рациональность нового рабочего класса.....	40	<i>Полушкевич О.А.</i> Социальное измерение счастья.....	154
<i>Осеев А.А., Ногай Е.А.</i> Торгово-развлекательный центр: теоретические подходы и социальная практика.....	47	<i>Синельников А.Б.</i> Семейно-демографическая политика и пути повышения ее эффективности.....	162
<i>Пружинин А.Н.</i> Моделирование развития человеческого капитала в современном бизнесе.....	59	<i>Стоянов А.С., Калинин Л.В.</i> Статус спортсмена как фактор социальной адаптации в студенческой группе.....	174
<i>Савицкая Ю.П., Филиппова И.А.</i> Концепция открытой науки как базис развития современного общества.....	69	<i>Сингаевская М.В.</i> Структура и функции общественного мнения в политике.....	186
<i>Цзо Ци.</i> Технологии и развитие общества в эпоху цифровой экономики.....	76	<i>Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Березина (Корниенко) Н.В.</i> Отношение к публичному выражению своих взглядов о религиозной и политической жизни государства на Северном Кавказе.....	202
<i>Шастина А.Е.</i> Социальные аспекты становления экологической культуры в ракурсе проблем устойчивого развития.....	86	<i>Равочкин Н.Н., Бобриков В.Н.</i> Эмоции молодежи в постковидном городе: социологический анализ. Современная молодежь и ее существенные характеристики.....	214
<i>Блошко В.В., Капустин В.В.</i> Классификация методов патриотического воспитания молодежи в аспекте сферы их применения.....	93		
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ		ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	
<i>Аносов С.С.</i> Социальная солидарность и идентичность волонтеров общественных организаций.....	101	<i>Бакунов А.В., Коньков А.Т.</i> Управление программами корпоративной социальной ответственности в нефтегазовом секторе (на примере компаний развитых и развивающихся стран).....	223
<i>Батьянова Л.Н., Заварзина Ю.В.</i> Проблемы управления сферой культуры в селах (на примере сельских поселений Иркутской области).....	109	<i>Ватолин Д.А.</i> Применение социальных сетей в системе управления российским малым городом.....	233

<i>Вельмисова Д.В.</i> Интерпретация научного дискурса о феноменах ценностей и смысла в контексте трудовой деятельности.....	239	<i>Луценко А.В.</i> Ролевая модель трикстера в мифе о самозванце русского смутного времени XVII в.	324
<i>Гулина Д.С.</i> Социально-правовые основы управления миграционными процессами в современной России.....	250	<i>Попов В.В., Забровский В.А., Скрипниченко А.А.</i> Специфика субъективного времени индивида в специальной социальной группе (студенческой группе)	332
<i>Ермолаева Ю.В.</i> Трансформация концепции зеленых профессий	257	<i>Шуми Шакила, Сантану Халдер.</i> Представление женщины в кино в контексте дизайна женского костюма.....	338
<i>Малышкина Д.А.</i> Факторы общественного участия в городском планировании	267	<i>Сафронов А.В.</i> Понимание знака за пределами пользы и информации. Знак в теории не-систем	347
<i>Рыбакова М.В., Иванова Н.А.</i> Цифровые технологии в современной системе государственной службы.....	271	<i>Шипунова О.Д.</i> Функциональные модели интеллекта в междисциплинарной эпистемологии	367
<i>Узунов В.В.</i> Оценка эффективности институциональных практик социальной консолидации в контексте инновационного развития регионального пространства Юга России	281	<i>Звонова Е.Е.</i> Стремление к истине в контексте антропологии и этики христианства	375
<i>Федоринин Н.М.</i> Трансформации модели российского социального предпринимательства.....	289	<i>Язовских А.В.</i> Аксиологические основы культурных вызовов в условиях потери функции трансфера ценностей в традиционных социальных институтах	381
<i>Филясова Ю.А.</i> Концепция японского перфекционизма, управление качеством и создание бренда	294		

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Баранова Л.М.</i> Российский город в социальной эволюции: социологический взгляд.....	303
--	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Беломыцев А.А.</i> Воздействие музыкальной традиции раннего христианства на формирование практики применения современной музыки поклонения в протестантских богослужениях	311
<i>Звонова Е.Е., Наумов А.В.</i> О ценности исследования антропологического детерминизма А.Л. Чижевского в связи с идеей активной эволюции	318

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Хвастунова Ю.В.</i> «Политика» амортальности в доводах Х.Л. Кордейро	392
<i>Волков Ю.Г., Верещагина А.В., Левшин В.С.</i> Представления о справедливости в межэтнических отношениях: общественное мнение жителей Краснодарского края	403
<i>Дьяконова А.П.</i> Социальный портрет сборщика мамонтовой кости	411

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Чжан Вэнь.</i> Отношение населения Китая к китайской системе социального кредитования.....	418
<i>Петрова О.В.</i> Управление ценностями в исследовательском университете: кейс Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского	428

Центрально-европейские религиозно-этические и социально-политические смыслы памяти о чуме

Багаева Алиса Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии коммуникативных систем МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: dagny35@gmail.com

Терновая Людмила Олеговна,

доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)
E-mail: 89166272569@mail.ru

Актуальность статьи определяется не только ситуацией пандемии COVID-19, с которой уже более двух лет упорно борется человечество и в этой борьбе должно учитывать опыт сопротивления всем пандемиям прошлого, но тем, что анализ выхода общества из подобных критических обстоятельств, дает возможность понять, какие политические, социально-экономические, духовные механизмы способны помочь людям, сохранив память о постигшей их беде, избежать ее повторения. Один из самых страшных уроков человечеству в прошлом преподнесла чума. При общей картине болезни в разных странах и регионах разными были не медицинские, а социальные методы сплочения людей перед эпидемическим вызовом. Поучительным представляется опыт стран Центральной Европы, где последствия пандемии чумы оказались наиболее разрушительными. Этот опыт впитал в себя комплекс мер как во время болезни, так и после нее, в первую очередь действия, связанных с сохранением памяти. Символика чумных столбов стала одним из отличительных знаков региональной идентичности, осознание которой более всего востребовано в сложные моменты истории.

Ключевые слова: культура, история, память, символ, пандемия, духовность.

Зачем мы здесь? Ты видишь сам: наш город
Добычей отдан яростным волнам;
С кровавой зыбью силы нет бороться,
Нас захлестнула с головой она.
Хиреют всходы пажитей роскошных;
Подкошенные, валяются стада;
Надежда жен в неплодном лоне гибнет;
А нас терзает мукой огневицы
Лихая гостья, страшная чума.

Софокл. Царь Эдип [9]

Современный мир переживает состояние пандемии (греч. πανδημία). Понятие это имеет древнегреческое происхождение и обозначает «весь народ». Однако даже таким обобщающим термином сложно выразить отличия пандемии от эпидемии. Разница проявляется не столько в охвате болезнью огромной территории и численности пораженных ею лиц, сколько во влиянии на образ жизни людей, картину мира, повсеместное качество управления, способность медицинской науки и практики гасить вспышки заболеваемости и пр. В истории человечества коронавирусная инфекция COVID-19 стала десятой по счету пандемией. Ей предшествовали пандемии: черной оспы, чумы, холеры, тифа, гриппа, туберкулеза, малярии, проказы, ВИЧ-инфекции.

У каждой из них сложились не только собственные особенности протекания, но и выявились специфические инструменты влияния на общественное сознание. Воздействие пандемии становилось все страшнее, когда болезнь вновь возвращалась туда, где когда-то уже выкашивала косой смерти значительную часть населения и где эти ужасы сохранялись в памяти. Тогда такое бедствие воспринималось как кара Божия. Папа Римский Климент VI в послании от 26 сентября 1348 г. назвал чуму «тайным судом Божиим», болезнью, «которой Бог поразил христианский народ за грехи его» [5, с. 155].

Эти же смыслы, но уже с социально-политическим подтекстом отразились в переносе представлений о чуме

на общественно-политические явления близкого нам времени, делая название, идущее либо от латинского слова «*pestis*» – «зараза», либо от турецкого «*çuma*» – «прыщ», «нарыв», нарицательным. «Коричневой чумой» называют фашизм, а СПИД часто упоминается как «чума XX века».

Драматизму переноса этих медицинских терминов в социально-политическую реальность способствовало то, что с чумой люди столкнулись уже в древности, а также то, что чума постоянно возвращалась, становясь все более жестокой. Одно из первых описаний этой болезни было дано великим древнегреческим трагиком Софоклом, чья картина Афинской чумы, пришедшей на годы Пелопоннесской войны, в «Царе Эдипе» отражала подлинные события. Уже тогда в чуме чудилось что-то мистическое. Неудивительно, что в другой своей трагедии – «Эдип в Колоне» – Софокл связывает эпидемию и тайный культ элевсинских мистерий (греч. μυστήριον – таинство, тайное священнодействие). Современные исследователи указывают на обоснованность таких совпадений. Для мистерий жрецами выращивалась спорынья, отравленные грибами которой посева приводили к заболеванию, очень похожему на чуму [1]. Так как пшеница заражалась грибом меньше, чем рожь, то и белый хлеб, изготовленный из нее, превратился для бедного люда в символ праздника и достатка.

В VI столетии, когда во время правления в Византии императора Юстиниана вновь разбушевалась пандемия чумы, вошедшая в историю как Юстинианова чума, то выяснилось, что ее переносчиками были черные крысы. Несмотря на то, что светские власти прилагали максимум усилий, чтобы остановить распространение чумы, люди все больше надеялись на помощь Бога, считая залогом исцеления совместные молитвы, прикладывание к особо почитаемым иконам или мощам святых. Это способствовало росту ценности церковных реликвий и храмов. Папой Григорием Великим (590–604) вскоре после нача-

ла его понтификата была организована покаянная процессия с просьбой о прекращении мора. Когда же она проходила мимо мавзолея Адриана, то возникло видение архангела Михаила, который вкладывал пылающий меч в ножны, указывая на то, что Бог услышал молитвы римлян. Над башней мавзолея была водружена статуя ангела. Сам же мавзолей, который стал одним из первых памятников победы над чумой, стали называть замком Святого Ангела (итал. *Castel Sant'Angelo*, лат. *Castellum Sancti Angeli*).

Уже в период Юстиниановой чумы наблюдалось резкое похолодание. На этот климатический фактор в его взаимосвязи с пандемией чумы обратили внимание в XIV столетии, когда произошло глобальное похолодание, наступила первая фаза «малого ледникового периода». Он на долгое время сменил климатический оптимум VIII–XIII вв. [11]

В Европе в этих холодных и голодных условиях разразилась бубонная чума – Черная смерть или Черный мор (лат. *Atra mors*). Болезнь приобрела невиданный размах. По разным оценкам, население стран, где бушевала чума, сократилось от 25 до 40 миллионов человек. Эпидемия не щадила ни бедных, ни богатых, ни простолюдинов, ни знать. От Черного мора скончались: французский король Людовик IX (Святой); Жанна Бурбонская, супруга Филиппа Валуа; Жанна Наваррская, дочь Людовика X; Альфонс IX, король Кастилии и Леона; Гюнтер XXI фон Шварцбург-Бланкенбург; сводные братья и отчим короля Швеции Магнуса IV; великий художник Тициан.

Пандемия кардинально перевернула все стороны человеческой жизни, что удалось зафиксировать в живописи и литературе, где в 1380-е гг. возник просуществовавший до XVI в. сюжет «плясок смерти» (фр. *Danse macabre*). Это – повествование о том, как смерть забирает пляшущих мужчин, женщин, детей разных возрастов, профессий и социального положения. В сюжете № «плясок смерти» переплелись как факты реальной истории чумы, так

и танцевальной мании, являвшейся вспышкой массового психоза в 1518 г. в Страсбурге. Помешательство, вызванное, вероятнее всего, отравлениями продуктами спорыньи, поразившей Танцевальной чумой [16]. Страх, нависший над людьми эпидемией чумы, можно понять, проникнув в образы на картине Питера Брейгеля Старшего «Триумф смерти». Мастер написал ее в период с 1561 по 1563 г. Он изобразил смерть в виде бродячих скелетов, уничтожающих все живое, которую не могут остановить ни король своим золотом, ни молодые кутилы застольным весельем.

Бесчисленные эпидемии приходили в Европу не одни. Болезни сопровождалась войнами, неурожаями, голодом и холодом. Все это подрывало и жизненные силы людей, и моральные опоры общества, и его религиозные скрепы. Римско-католическая церковь теряла силы вместе с заболевшими и умершими служителями: во время пандемии чумы умерло почти 40 процентов духовенства [8]. Их чаще всего заменяли малограмотные священнослужители, объяснявшие пастве все беды происками ведьм и колдунов. Также внутри клира вызревало сопротивление устойчивым догматам, росли требования реформы, отрицался непререкаемый авторитет Святого престола. Все это готовило начало Реформации [10].

Понятие «чума» именно в то время приобретает глобальный смысл, указывающий на такое крушение миропорядка, которое неминуемо должно было повлечь все мыслимые и немыслимые нарушения принятых норм. Меркуцио, герой трагедии «Ромео и Джульетта» знаменитого английского драматурга Вильяма Шекспира, погибая, проклинает виновников своей смерти: «Чума, возьми семейства ваши оба! Я из-за вас стал кормом для червей. Все прахом!» [12]. То было страшное проклятие. В те жуткие периоды, когда чума подобно гигантской волне смывала в океан смерти население огромных пространств, люди искали островки

спокойствия. Кто-то, как герои «Декамерона» Джованни Боккаччо, написанного приблизительно в 1352–1354 гг., скрывался от болезни на огражденных виллах. Кто-то, наоборот подвижнически шел спасать страждущих, либо натянув маску «чумного доктора» (англ. *plague doctor*, нем. *Pestarzt*, итал. *physici epidemiei*) [14], либо принимая заболевших в приютах и монастырях, как монахи ордена святого Антония, ставшего центром лечения больных «антониевым огнем», близким по признакам к чуме тяжелым отравлением спорыньей.

Болезнь периодически отступала. В такие моменты люди преисполнялись чувством благодарности Богу, вознося жаркие молитвы. Богатые города возводили грандиозные храмы. Например, венецианцы в 1631–1687 гг. в память избавления города от чумы, унесшей около ста тысяч жителей, построили Собор Санта-Мария делла Салюте (итал. *Chiesa di Santa Maria della Salute* – Церковь во имя Святой Марии Спасительницы). В этом соборе и сейчас ежегодно служат мессу в память избавления от чумы.

Другим архитектурным знаком благодарности властей и жителей европейских городов за избавление от чумы стали «колонны победы», или «чумные столбы». Истоком образа таких памятных сооружений явилась единственная сохранившаяся после землетрясения колонна базилики Максенция – Константина (итал. *Basilica di Massenzio e Constantino*), самого большого здания, возведенного на Римском форуме и последней постройки императорского Рима (312). В 1614 г. по приказу Папы Павла V ее установили перед фасадом базилики Санта-Мария-Маджоре (итал. *Basilica di Santa Maria Maggiore*) на Эсквилинском холме в Риме, по проекту архитектора Карло Мадерна водрузив на вершине статую Девы Марии. Хотя саму колонну в память базилики Максенция-Константина, именовавшейся «Храмом Мира» (лат. *Tempio della Pace*), называли «Колонной мира» (итал. *Colonna della Pace*), все последующие подобные сооружения получили

наименования Марианских, в честь заступницы всех людей Девы Марии.

Безусловно, установление памятных столбов отразило традиции, берущие начало еще в мегалитических сооружениях древности. Обелиски, напоминающие колонны, ставились в Древнем Египте, где они были символами Солнца. Там они появились еще в эпоху Древнего Царства при фараонах V династии (около 2500 до н.э.) и носили название «Солнечный луч». В Римской империи этими памятными знаками отмечали триумфы полководцев. Традиции были сохранены европейскими средневековыми государствами. Например, в X в. подобное сооружение было установлено в Клермон-Ферране, откуда начался первый крестовый поход.

Как особый тип религиозного памятника чумные или Марианские столбы более всего распространились в городах Центральной и Восточной Европы. Именно эти территории были буферными зонами между Западом и Востоком [2; 3; 4]. А оттуда приходили многие эпидемии. Население этих небогатых земель оказывалось более беззащитным перед ударами, чем жители относительно богатых западноевропейских государств, что находило отражение не только в специфике экономики, устройстве власти и общества, но и в памятниках.

Сама по себе форма обелиска была созвучна художественным представлениям барокко, рождающегося в реалиях Тридцатилетней войны, Реформации и Контрреформации, разрушения традиционных ценностей и краха гуманистических идеалов, но одновременного появления признаков новых экономических отношений. Еще одной отличительной чертой того периода было изменение отношения людей ко времени. Благодаря изобретению маятника и пружинного механизма часов течение времени превращалось в сознании людей в его бег, который отныне измерялся не годами, месяцами и днями, а часами, минутами и секундами. Такие памятники, как обелиски, напоминали

о том, что в Древнем Риме они служили в качестве указателей – гномонов – солнечных часов.

Выступая знаком памяти о победе человеческого духа и тела над чумой, чумные столбы символизировали еще и прорыв в другое время. Однако эта победа над мором или в войне представлялась возможной в первую очередь благодаря святым заступникам. Поэтому чумная колонна была наполнена образами всех тех святых, которые имели самое непосредственное отношение к борьбе с эпидемией. Среди фигур, окружающих такие колонны, были: Святой Рох из Монпелье, ухаживавший за больными, заразившийся чумой и чудом исцелившийся; Святая Варвара, являвшаяся небесной покровительницей умирающих; Святой Франциск Ксаверий, миссионер и один из основателей Общества Иисуса (ордена Иезуитов), по преданию, в день его похорон в Малакке закончилась чума, свирепствовавшая по всей Азии; Святой Карл Борромео, видный деятель Контрреформации и инициатор реформы монашеских орденов, который, будучи архиепископом Милана, организовал действенную помощь заболевшим чумой и развернул программу профилактики заболевания, за что эту эпидемию 1570-х гг. стали называть Чумой Святого Карла (итал. *Peste di San Carlo*); Святой Себастьян, которого стали также считать заступником от чумы, в частности, такой сюжет в 1497–1499 гг. изобразил французский художник авиньонской школы Йос Лиферинкс на картине «Святой Себастьян просит остановить эпидемию чумы», написанной через полтора века после вспышки «Черного мора».

Первый чумной столб в Центральной Европе был установлен в 1638 г. на площади Мариенплац в Мюнхене. То, что он посвящен сразу двум радостным событиям – окончанию эпидемии чумы в городе и освобождению от шведского нашествия во время Тридцатилетней войны – свидетельствует не столько об экономности баварцев, одним монументом почтившим разные

явления, сколько о понимании взаимосвязанности чумы и войны.

Через десять лет, уже по окончании Тридцатилетней войны, Мариинская колонна была возведена на Староместской площади в Праге. И в этом памятнике был помимо благодарности за исцеление от чумы еще один смысл, сближавший этот обелиск с его древнеримскими предшественниками. С 1652 г. в астрономический полдень тень колонны падала на линию Пражского меридиана (чешск. *Pražský poledník*, 14°25'17"). С годами это особое назначение колонны забылось, ее стали рассматривать как памятник периоду господства в Чехии Габсбургов, а потому в 1918 г. в революционном порыве его снесли. Но сейчас и колонну, и линию меридиана воссоздали.

Справившись с очередной чумой, в 1713 г. благодарные пражане установили на Малостранской площади еще один чумной столб – Колонну Святой Троицы. Этот монумент из песчаника в сочетании с черным и красным мрамором имеет высоту более 20 метров. В середине композиции расположена скульптура Девы Марии, а вокруг нее находятся изваяния чешских святых-покровителей: Святого Вацлава, Святого Войтеха, Святой Людмилы, Святого Яна Непомуцкого и Святого Прокопа. На вершине столба есть символы Святой Троицы. Этой же эпидемии чумы посвящена Градчанская Марианская колонна, созданная 1726 г. скульптором Фердинандом Брокоффом (заканчивал работу его ученик Франц Вайс) и установленная непосредственно на том месте, где в разгар чумы 1713–1714 гг. прямо под открытым небом велись непрерывные богослужения. На вершину столба помещена статуя Девы Марии. На верхнем пьедестале вокруг колонны располагаются фигуры Святых Вацлава, Войтеха и Вита, а на нижнем – Святых Петра, Павла, Флориана, Карла Боромейского, Яна Непомуцкого и Елизаветы Тюрингской, подающей нищему милостыню.

Одной из наиболее известных чумных колонн является таковая, посвя-

щенная Святой Троице и находящаяся в Вене на улице Грабен. Мраморный чумной столб в стиле барокко – *Pestsäule* – появился там после эпидемии чумы 1679 г. [15] Столица империи Габсбургов приняла на себя страшнейший удар. Население города сократилось на треть. Император Леопольд I в благодарность за избавление от эпидемии пообещал возвести колонну. Над памятником трудилось множество мастеров, в том числе скульпторы Пауль Штрудель и Маттиас Раухмиллер. В проект постоянно вносились изменения. В итоге был воплощен в жизнь план итальянского архитектора, театрального художника и художника по костюмам Лодовико Оттавио Бурначини. Открытие монумента состоялось в 1693 г.

Особенностью композиции этой колонны является ее объемность, заключающаяся в наличии множества фигур святых, ангелов и путти, погруженных в облака. В верхней части памятника находится покрытое золотом изображение Святой Троицы. Ниже – скульптуры, изображающие ангелов, где золотом выделены корона, труба, орудия. Еще ниже, среди облаков, соответственно по числу Страстей Христовых, размещены фигуры девяти ангелов. Внизу колонны находится коленопреклоненное скульптурное изображение императора Леопольда I в золоченой короне и с церемониальным имперским мечом. Глаза императора возведены к небу в знак того, что он молит Бога о спасении жителей Вены от чумы. Есть на колонне и государственная символика: большой императорский герб в виде двуглавого орла и другие австрийские гербы.

Внимание к государственным символам имеет значение потому, что далеко не все венцы были уверены в реальном участии императора в борьбе с болезнью, ибо его семья и он сам покинули город во время чумы. А в Вене обыденная жизнь текла своим чередом. Особенно важно было поддерживать силу духа горожан, чем и занимался певец Августин, который имел привычку употреблять горячительные напитки. В один из дней сильно пьяный Августин

заснул прямо на улице. Подбирающие трупы посчитали Августина мертвым, погрузили в повозку и отвезли вместе с остальными скончавшимися от чумы в чумную яму. Когда же Августин очнулся, то обнаружил себя не только среди трупов, но и еще неспособным самостоятельно выбраться из ямы. Он не стал звать на помощь, а запел свою любимую песенку «Ах, мой милый Августин». Услышав знакомый голос, венцы поспешили на помощь. Произошло чудо: Августин не только сумел с их помощью выбраться из ямы, но еще и умудрился не заразиться. Это он воспринял как знак необходимости оказания венцам помощи в борьбе с чумой. И постепенно эпидемия стала отступать.

Как и в Праге, в память о победе над чумой Вене имеется не только *Pestsäule* на улице Грабен, но и другие сооружения. Самым знаменитым среди них можно назвать Карлскирхе (нем. *Karlskirche*) – католическую церковь, расположенную в южной части венской Карлсплац, на самом краю района Внутренний город рядом с Рингштрассе. Карлскирхе является одним из наиболее узнаваемых символов австрийской столицы. Ее следует рассматривать как образец обетной церкви, поскольку император Карл VI Габсбург в разгар страшной эпидемии чумы в октябре 1713 г. дал обет построить храм в честь небесного покровителя, избавителя от чумы, святого Карло Борромео. О том, что это обетная церковь говорит вотивная латинская надпись, находящаяся на фризе центрального портика: «*Vota mea reddam in conspectu timentium deum*» (Псалом XXI, 26: «Воздам обеты мои пред боящимися Его»). О помощи Святого Карло Борромео напоминает тимпан фронтона, украшенный горельефом работы скульптора Джованни Станетти «Прекращение чумы Святым Карло Борромео».

В других городах Центральной и Восточной Европы также были установлены чумные колонны. Практически одновременно такие памятники были построены в словацкой Кошице и чешской Кутной Горе. Завершился пе-

риод установления эпоха этих религиозных сооружений наиболее впечатляющей колонной Святой Троицы на Горней площади в чешском городе Оломоуце.

В качестве образца создатели этого памятника, а это был архитектор Венцель Редер, начавший строительство, и его ученики, в 1754 г. завершившие работу под руководством Иоганна Игнатия Рокицкого, взяли колонну коринфского типа, установленную на площади Санта-Мария-Маджоре в Риме. В Оломоуце возведение 35-метрового монумента продолжалось с 1716 г., окончания чумной эпидемии в Моравии, до 1754 г. О величине сооружения можно судить по тому, что в основании колонны поместилась часовня, украшенная барельефами, изображающими Каина и Авеля, Всемирный потоп, патриарха Исаака и распятие Иисуса Христа. В 2000 г. чумной столб в Оломоуце внесен в число памятников Всемирного наследия как один «из самых исключительных примеров апогея художественного выражения европейского барокко».

В Оломоуце на Долной площади имеется еще и Марианский чумной столб, построенный в 1716–1723 гг. в память о погибших во время чумы в 1713–1715 гг. Этот памятник наполнен духом чешского патриотизма, поскольку его создатели сосредоточились на том, чтобы представить заступничество именно тех католических святых, которые самым непосредственным образом связаны с Оломоуцем. Там есть изображение покровительницы города Святой Павлины, а также восьми святых, считающихся защитниками людей от чумы. На вершину столба поместили статую Девы Марии Непорочной.

То, что подобные памятники сосредоточились в регионе Центральной и Восточной Европы закономерно. Это не только отражает буферный характер территорий с точки зрения как геополитики и религии, так и архитектуры. Столб – это еще и символ стойкости, устойчивости. Такой знак всегда помогает утвердить собственную иден-

тичность. Землям, которые не имели государственности и входили в состав империи Габсбургов, формулирование национальных идей и целей было настолько важным, что для этого можно было использовать любой язык. Язык архитектуры, ярко, визуально передающий эти смыслы был наиболее подходящим.

Вместе с тем память о чуме сохранялась и с помощью языка театра. К числу популярных жанров средневекового европейского театра, основанного на религиозных сюжетах, относится мистерия. Ряд источников полагают этимологию от латинского слова «*ministerium*», которое также означает и «ремесло», что помогает объяснить, почему мистерии часто финансово поддерживались средневековыми ремесленными цехами.

Сейчас одну из таких исторических мистерий, связанных с чумой, можно увидеть в коммуне Обераммергау, находящейся в Верхней Баварии в 90 километрах от Мюнхена. Чума в эти места пришла в 1633 г. После того, как эпидемия отступила, оставшиеся в живых жители Обераммергау нашли способ помянуть погибших, разыграв мистерию «Страсти Господни». В итоге *Oberammergauer Passionsspiele* вызвала такой катарсис, что исполнители и зрители дали клятву раз в десять лет проводить такие представления. Этот обет неукоснительно исполняется, начиная с 1634 г. С тех пор чумы в этой местности не было. За все прошедшее время мистерия отменялась лишь три раза: в 1770 г. во время серьезного голода ее запретил курфюрст Баварии Максимилиан III, в 1940 г. из-за Второй мировой войны, в 2020 г. – пандемии коронавируса. В 2020 г. традиционная постановка должна была состояться в 42-й раз. Были проданы билеты на все 103 представления, подготовленные жителями Обераммергау. Помимо мистерии в коммуне о Божьей помощи в исцелении говорят распятая на большинстве домов, а также изделия местных мастеров, посвященные религиозной тематике.

Российской культуре чумные столбы не свойственны. Но память о чуме в стране есть. Так, фразеологизмом стало название четвертой из маленьких трагедий Александра Пушкина, созданных в болдинскую осень, – «Пир во время чумы». На самом деле, пьеса является вольным переводом фрагмента из пьесы шотландского поэта Джона Вильсона «Чумной город» (англ. *The city of the plague*), которая посвящена лондонской чуме 1665 г. [6; 7; 13] Однако содержание произведения Пушкина и Вильсона не совпадает. Драматизм «Пира во время чумы» живо ощущается в наши дни, когда праздность, беспечность, веселье во время всеобщего бедствия, которым стала пандемия COVID-19, препятствуют завершению периода болезни и перехода к спокойной жизни. Возможно, по прошествии времени после вспышки коронавируса возникнет идея тоже установить памятный знак. Он может иметь иную форму, нежели центрально-европейский чумной столб, но также будет нести смыслы памяти и благодарности, что помогает не только удерживать связи прошлого и настоящего, священного и мирского, но и духовного и геополитического соединения разных регионов.

Литература

1. Абсентис Д. Злая корча. Книга 1. Невидимый огонь смерти. М.: Ora & Co Publishing, 2011 [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/absentis_denis/zlaya_korcha_kniga_1_nevidimiy_ogon_smerti.html
2. Багаева А.В., Терновая Л.О. Восточная Европа: очерки утрат и обретения региональной идентичности. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. 345 с.
3. Багаева А.В., Терновая Л.О. Геополитическая судьба Восточной Европы. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 324 с.
4. Багаева А.В., Терновая Л.О. Конструирование региональной идентичности в координатах пространства и времени // Этносоциум

- и межнациональная культура. 2012. № 10 (52). С. 11–17.
5. Бульст Н. Почитание святых во время чумы. Социальные и религиозные последствия эпидемии чумы в позднее Средневековье // Одиссей. Человек в истории. 2000: Сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 2000. С. 152–185.
  6. Вильсон Дж. Город чумы. М.: Гослитиздат, 1938. 176 с.
  7. Згурская О.Г. Из опыта сравнительного анализа «Пира во время чумы» А.С. Пушкина и «The city of the Plague» («Город чумы») Дж. Вильсона: о формах «сгущения» действительности в драматическом произведении // Вестник СПбГУ Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 14–19.
  8. Иванова А. Зараза встряхнула весь мир // Версия. 2022. 1 февраля. № 4 [Электронный ресурс] URL: <https://versia.ru/chelovechestvo-dox-six-por-oshhushhaet-posledstviya-yevidemii-700-letnej-davnosti>
  9. Софокл. Драмы. В переводе Ф.Ф. Зелинского. Под ред. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо. Издание подготовили М.Л. Гаспаров и В.Н. Ярхо. Серия «Литературные памятники». М.: Наука, 1990. 605 с. [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/ROEEAST/SOFOKL/sofokl3_1.txt Режим доступа: 07.02.2022.
  10. Фаустова М. Во что «черная смерть» превратила западное христианство // Независимая газета. 2020. 31 марта.
  11. Федоров В.М., Фролов Д.М. Малый ледниковый период в жизни Земли и его возможные причины // Жизнь Земли. 2020. № 42(1). С. 4–12.
  12. Шекспир В. Ромео и Джульетта. Перевод Бориса Пастернака [Электронный ресурс] URL: <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=5460&page=6>
  13. Яковлев Н.В. Об источниках «Пира во время Чумы» (Материалы и наблюдения) // Пушкинский сборник памяти профессора С.А. Венгерова. М.; Петроград: Госиздат, 1922. С. 93–170.
  14. Boeckl C.M. Images of plague and pestilence: iconography and iconology. Kirksville, Missouri: Truman State University Press, 2000. 210 p.
  15. Velimirovic B., Velimirovic H. Plague in Vienna // Reviews of Infectious Diseases. Oxford University Press. Vol. 11, 1989 (Sep. – Oct.). No. 5. Pp. 808–826.
  16. Waller J.C. In a spin: the mysterious dancing epidemic of 1518 // Endeavour. Elsevier, 2008. September (т. 32, № 3). Pp. 117–121.

CENTRAL EUROPEAN RELIGIOUS-ETHICAL AND SOCIO-POLITICAL MEANINGS OF THE MEMORY OF THE PLAGUE

Bagaeva A.V., Ternovaya L.O.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

The relevance of the article is determined by the fact that the analysis of society's exit from such critical circumstances as pandemic makes it possible to understand what political, socio-economic, spiritual mechanisms are capable of preserving the memory of the misfortune to avoid its repetition. One of the most terrible lessons to humanity in the past was the plague. The general picture of the disease in different countries shows that social methods of rallying people before the epidemic challenge were different. The experience of the plague pandemic of the Central-European countries, which turned out to be the most devastating, is useful as it absorbed a set of measures both during the illness and after it, primarily actions related to the preservation of memory. The symbolism of the plague pillars has become one of the hallmarks of regional identity, the awareness of which is most in demand at difficult moments in history.

Keywords: culture, history, memory, symbol, pandemic, spirituality.

References

1. Absentis D. Evil cramp. Book 1. The invisible fire of death. M.: Ora & Co Publishing, 2011 [Electronic resource] URL:

- allib.com/book/absentis_denis/zlaya_korcha_kniga_1_nevidimiy_ogon_smerti.html
2. Bagaeva A.V., Ternovaya L.O. Eastern Europe: essays on the loss and acquisition of regional identity. M.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2014. 345 p.
  3. Bagaeva A.V., Ternovaya L.O. Geopolitical fate of Eastern Europe. M.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2016. 324 p.
  4. Bagaeva A.V., Ternovaya L.O. Construction of regional identity in the coordinates of space and time // Ethnosocium and international culture. 2012. No. 10 (52). pp. 11–17.
  5. Bulst N. Veneration of saints during the plague. Social and religious consequences of the plague epidemic in the late Middle Ages // *Odysseus. Man in history*. 2000: Collection / Ros. acad. Sciences, Inst. stories. M.: Nauka, 2000. S. 152–185.
  6. Wilson J. Plague city. M.: Goslitizdat, 1938. 176 p.
  7. Zgurskaya O.G. From the experience of a comparative analysis of A Feast in the Time of Plague by A.S. Pushkin and "The city of the Plague" by J. Wilson: on the forms of "condensation" of reality in a dramatic work // *Bulletin of St. Petersburg State University Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*. 2016. Issue. 2. S. 14–19.
  8. Ivanova A. Infection shook the whole world // *Version*. 2022. February 1. No. 4 [Electronic resource] URL: <https://versia.ru/chelovechestvo-do-six-por-oshhushhaet-posledstviya-yepidemii-700-letnej-davnosti>
  9. Sophocles. Drama. Translated by F.F. Zelinsky. Ed. M.L. Gasparov and V.N. Yarkho. The publication was prepared by M.L. Gasparov and V.N. Yarkho. Series "Literary Monuments". M.: Nauka, 1990. 605 p. [Electronic resource] URL: http://lib.ru/POEEAST/SOFOKL/sofokl3_1.txt Access mode: 02/07/2022.
  10. Faustova M. What the Black Death has turned Western Christianity into // *Nezavisimaya Gazeta*. March 31, 2020
  11. Fedorov V.M., Frolov D.M. The Little Ice Age in the life of the Earth and its possible causes // *Life of the Earth*. 2020. No. 42(1). pp. 4–12.
  12. Shakespeare W. Romeo and Juliet. Translation by Boris Pasternak [Electronic resource] URL: <http://lib.web-malina.com/get-book.php?bid=5460&page=6>
  13. Yakovlev N.V. On the sources of "Feast during the Plague" (Materials and Observations) // *Pushkin Collection in Memory of Professor S.A. Vengerov*. M.; Petrograd: Gosizdat, 1922. S. 93–170.
  14. Boeckl C.M. Images of plague and pestilence: iconography and iconology. Kirksville, Missouri: Truman State University Press, 2000. 210 p.
  15. Velimirovic B., Velimirovic H. Plague in Vienna // *Reviews of Infectious Diseases*. Oxford University Press. Vol. 11, 1989 (Sep. – Oct.). no. 5. Pp. 808–826.
  16. Waller J.C. In a spin: the mysterious dancing epidemic of 1518 // *Endeavor*. Elsevier, 2008. September (vol. 32, no. 3). pp. 117–121.

Кризис христианской религии в глобальную эпоху

Добреньков Владимир Иванович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Vladimiro040239@mail.ru

В настоящее время в связи с обострившимся кризисом традиционной христианской религии в условиях сложных мировых глобализационных процессов я решил обратиться к анализу и переосмыслению сущности богоискательских концепций современных протестантских радикальных модернистов. Время позволило мне по-новому взглянуть и оценить попытку протестантских модернистов спасти традиционное христианство и их усилия в поисках так называемого подлинного Бога, позволило мне увидеть много положительного в их усилиях создать новую религиозную веру и в очень глубокой и точной критике традиционной христианской теологии и церкви. Мне захотелось подробнее и точнее определить место протестантского теологического модернизма и его общественное значение в контексте истории протестантского либерализма, определить судьбу и будущее христианской религии и теологии.

Пропась между традиционной христианской религией и современным секулярным миром стала настолько очевидной, что уже не замечать этого стало невозможно. Церковные христианские догмы стали бессмысленными для людей XXI века, а традиционная форма христианства, заваренная на высших сверхъестественных чудесах, средневековых мифах и легендах, необратимо скатывается в прошлое. В ходе широкого обсуждения темы «смерти Бога» теологи, пытаясь спасти «Бога» и веру в него, обосновывают идею о том, что умирает лишь теистическая форма его выражения, а не Бог как таковой и сами предлагают решительно отказаться от такого определения Бога.

Ключевые слова: религия, протестантизм, христианство, глобализация, кризис, социально-экономические отношения, духовная сфера.

Человечество сейчас находится в состоянии невиданного до сих пор в его истории по своей глубине и масштабу величайшего глобального кризиса, который охватывает все стороны жизнедеятельности современного общества – экономику, политику и духовно-нравственную сферу и касается всех стран, государств и народов, населяющих нашу планету. Наступают тревожные времена, человечество на грани всеобщей катастрофы.

Глобализация на современном этапе развития общества впервые так ярко обнажила и обострила до всех возможных пределов как внутренние, так и внешние противоречия сложившейся к настоящему времени всей капиталистической мир-системы, поставила вопрос о ее существовании.

В настоящее время внутри самого капитализма резко обостряются противоречия между различными странами в их борьбе за ресурсы и новые рынки сбыта производимой продукции, углубляются социально-экономические противоречия, терпит крах вся система международных отношений, что ведет к невозможности решения и обеспечения безопасности в масштабе всего мира. Наблюдается вовлечение огромных масс людей в активную общественно-политическую деятельность, рост протестных настроений и увеличение количества людей, недовольных властью и существующими порядками в обществе. Бурное развитие научных знаний, рост просвещения и образования, ускорение внедрения в практическую жизнь новых технологий, успешное развитие процессов информатизации, цифровизации, освоения и использования технологий искусственного интеллекта – вот те объективные факторы, которые оказывают все более и более огромное влияние на миллионы людей, повышают их идейную и политическую зрелость, вызывают подлинный переворот в их сознании, ломают старые отжившие представления и понятия. Под влияни-

ем этих решающих социальных факторов и системных изменений традиционная христианская религия оказалась в настоящее время в состоянии глубочайшего кризиса. Во всем мире наблюдается прогрессирующее падение христианской веры, престижа традиционного христианства, его общественного авторитета, рост религиозного индифферентизма, общее снижение уровня религиозности, утраты доверия и отказ верующих от церкви [1].

Суть кризиса религии сводится к тому, что в настоящее время возникло резкое противоречие между традиционными ортодоксальными религиозными представлениями о мире, человеке и новыми идеями, концепциями, рожденными современной социально-исторической практикой. Фактически все традиционные идеологические и политические доктрины христианской религии оказались неадекватными современной эпохе, пришли в явное противоречие с ее требованиями.

Со времени возникновения и в продолжение всей истории своего существования религия не раз переживала кризисы, связанные с крупными социальными сдвигами и изменениями в духовной и социально-экономической основе общества. Уже не раз религиозные концепции вступали в резкое противоречие с изменившимися социальными условиями жизни и с уровнем развития самосознания человека.

Так, в условиях распада римской рабовладельческой империи национальные религии, отличавшиеся этнической ограниченностью, не могли удовлетворять все разноплеменное население империи, а принудительно насаждавшийся государством культ греко-римских богов и императоров встречал сопротивление народных масс. Поэтому в первые века нашей эры национальные религии переживали своеобразный кризис. Он был преодолен с возникновением новой мировой религии – христианства, которое более соответствовало требованиям времени.

В XVI в. очень глубоко был кризис католической религии, отразивший

важнейший социальный процесс того времени – переход от феодализма к капитализму. Реформация существенно модернизировала средневековое христианство, приспособив его к потребностям нарождающегося капитализма, породив протестантизм – новую, специфически буржуазную разновидность христианства.

Эти кризисы религии каждый раз преодолевались путем модернизации, модификации религии, путем ее приспособления к изменившейся социально-исторической ситуации, к новому уровню социального и духовного развития общества. Испытанным средством преодоления кризиса религии всегда оказывалась перестройка религиозного сознания соответственно изменившемуся миру.

В результате кризиса религии на смену изжившей себя формы религии приходила новая, более соответствовавшая изменениям, происшедшим в обществе. Религия успешно приспосабливалась к изменяющейся социально-исторической действительности, поскольку эти изменения не затрагивали существа социальных оснований, которые порождают и поддерживают религию, – стихийности общественного развития и классового гнета, свойственных любому эксплуататорскому обществу.

Сущность приспособления религии и церкви к тем социально-экономическим и духовным изменениям, которые происходили при переходе от одной классово антагонистической формации к другой, сводилась к организационной и идейной перестройке, к использованию различных средств для укрепления и освящения господства нового эксплуататорского класса, его институтов и социальных порядков.

Принципиально новой особенностью современного кризиса религии является то, что он затрагивает все без исключения религиозные конфессии, имеет глобальный всеохватывающий характер и касается всех сторон религиозного комплекса. Это самый острый и серьезный кризис из всех, которые

когда-либо переживали христианская религия и церковь за всю свою историю, ибо он ставит под вопрос существование христианства. Современный кризис религии выражает исторически необратимый процесс разложения христианской религии и неизбежность ее гибели.

Другая отличительная черта современного кризиса христианской религии заключается в том, что впервые за всю тысячелетнюю историю христианские теологи оказались в такой ситуации, когда они, несмотря на многочисленные попытки, не могут найти подходящие, эффективные способы преодоления этого поистине тотального по своей сущности кризиса. Любые стремления трансформировать старую систему традиционного христианского учения только убеждают теологов в том, что сохранить эту систему ни при каких обстоятельствах просто невозможно. Кризис кризису рознь, когда кризис коснулся христианской религии как системы, потенциал которой для дальнейшего развития исчерпан, то это означает конец, крах этой устаревшей системы, всей церковной христианской традиции.

Современный кризис религии происходит на фоне глобального кризиса человеческой цивилизации. Перед человечеством более, чем когда-либо за его многотысячелетнюю историю встали судьбоносные вопросы: куда идет человечество? Что ждет его впереди, в ближайшем и отдаленном будущем? Выживет ли оно? На что и на кого надеяться? Каковы будут последствия глобализации мира?

Человечество утратило исторический смысл своего существования и не может определить цель и стратегию своего развития. Христианская религия и христианская церковь не могут и не способны ответить на эти вопросы – такова реальность.

В настоящее время в мире сложилась очень тревожная ситуация, которая не оставляет равнодушным и волнует каждого человека. Положение во всех сферах человеческой жизнедеятельности давно уже стало критическим. Над

планетой реально возникла опасность самоуничтожения человечества в результате ядерной войны, миру, как никогда ранее, угрожают все более обостряющиеся экономические проблемы поистине планетарного значения. Мир сейчас стоит на краю очень вероятной экологической катастрофы всемирного масштаба. В связи с перенаселением нашей планеты возникает реальная угроза невозможности прокормить многомиллиардную массу людей. Уже сейчас сотни тысяч людей умирают от голода и нехватки воды. Человечество столкнулось сейчас с такими глобальными проблемами, которые кажутся человеку неразрешимыми и непреодолимыми – экологическая безопасность, пандемия, социальное неравенство, бедность, нищета и богатство, распространение голода во многих странах мира, насилие в различных формах, терроризм, организованная преступность, коррупция на всех уровнях общества и в структурах власти, неспособность обеспечить контроль и управление международными процессами. Всему человечеству угрожают: бездуховность, падение нравственности, деморализация, дегуманизация человека, господство и культ гиперпотребления.

Глобализация во всех сферах духовной жизни современного общества выхолостила культуру, обезбожила ее, вызвала прогрессирующий процесс духовной деградации общества. Зависть, непомерная гордыня, эгоизм, равнодушные, отупение – люди перестают понимать друг друга, люди не доверяют друг другу, люди ненавидят друг друга. У подавляющего большинства полностью утрачена способность уметь слушать друг друга, критически оценивать свое поведение. На всех уровнях общества, в низах и в верхах, царит безумие, переходящее в откровенную паранойю.

В мире царит хаос, грубое насилие, рекой льется кровь в региональных войнах по всему миру, в бессмысленных бунтах, протестных демонстрациях и цветных революциях. Человечество живет сейчас в состоянии перманентной войны.

В политической сфере давно господствуют двойные стандарты, политические лидеры не доверяют друг другу, культивируют ложь, обман, шантаж. Агрессивность и беспринципность на государственном уровне становятся доминирующей тенденцией мировой политики США и их западных союзников.

Человечество живет сейчас в условиях патологического несоответствия между материальными и духовными запросами, при котором первые вытесняют и постепенно все больше подменяют вторые. Глобализованное общество становится быстрорастущим потребительским рынком. Безудержное потребление опустошает душу человека, ведет его к духовной гибели. Духовный кризис, который охватил все сферы человеческой деятельности, является главной, фундаментальной причиной всех человеческих бед, в том числе и кризиса христианской веры [1].

Все проблемы, с которыми столкнулось современное общество, являются следствием духовной опустошенности, утраты веры человека в высшие традиционные морально-этические ценности. Никакие проекты модернизации общества, нового порядка и мироустройства не способны изменить существующее положение вещей к лучшему. Болезни современного общества настолько запущены, а причины их настолько глубоки, что сейчас надеяться на быстрое избавление от них не приходится.

Современный экзистенциальный кризис человечества непосредственно связан с глобальным процессом заката и гибели капитализма как мировой системы. Капитализм в своем развитии достиг предела, зашел в тупик. Он исчерпал свой созидательный потенциал и близится к своему закату. Мы не знаем, когда прозвучит реквием на его похоронах. Очень не хотелось бы, чтобы этот реквием обратился в реквием по всеобщей катастрофе человечества.

В истории человечества не раз возникали времена, когда люди предчувствовали и предсказывали «конец света». Но то, что происходит сейчас в на-

шем мире, действительно дает нам основание говорить о приближающейся величайшей катастрофе и гибели мира.

Трудно избавиться от этого тревожащего ощущения безнадежности. И каждый человек в страхе переживает сейчас наступление этого безотрадного будущего.

Развитые державы Запада во главе с США, опираясь на свою экономическую и политическую мощь, узурпировали, монополизировали процесс глобализации, загнали его в прокрустово ложе вестернизации и американизации. Запад фактически «приватизировал» глобализацию, подчинил ее своим интересам и выгоде для себя. США в новом миропорядке отводится роль главного мироустроителя и гегемона. В этом суть так называемой либеральной глобализации в ее современной проамериканской, прозападной форме. Либеральная глобализация – это амбициозный политический проект США по стратегии утверждения своей гегемонии над всем миром на длительную историческую перспективу, это заявка на установление глобальной американской империи.

Проект либеральной глобализации, задуманный и осуществленный США, представляет очень большую опасность. Гегемонистские планы США на создание нужного им мирового порядка с использованием силы и военной агрессии неизбежно приведут человечество к глобальной катастрофе – межцивилизационному противостоянию, не исключая военного конфликта между Западом и Востоком.

Человечество начинает осознавать, какую трагическую по своим последствиям угрозу для него представляет возникновение военного конфликта между США и теми странами, которые отвергают претензии США на мировое господство и не хотят подчиняться США, ориентируются на сохранение своего суверенитета и независимости.

Угроза возникновения термоядерной войны в настоящее время ощущается всеми здравомыслящими людьми, и они с содроганием и страхом ожида-

ют приближения трагической развязки – самоуничтожения всего человечества. Все проявления глобального кризиса человечества свидетельствуют о том, что у огромного большинства людей планеты растут настроения отчаяния, пессимизма, бессилия, которые пронизывают жизнь каждого человека. Футурологи-философы, социологи, экономисты, психологи констатируют, что мир сошел с ума, что он на грани величайшей катастрофы – Апокалипсиса. Подавляющее большинство из них рисуют различные картины будущего человечества, и, как правило, все они выдержаны в мрачных тонах: всемирная война, медленная гибель от истощения ресурсов, духовное одичание, распад мира на множество независимых государственных образований и перманентно враждующих друг с другом.

Человечество утратило способность управлять и контролировать развитие мировых процессов, оно в полной растерянности. Отсюда полная неопределенность и непредсказуемость развития мировых событий.

«Мир лежит во зле». XXI век знаменует собой наступление эпохи всеобщего безумия и социальной шизофрении. Современное капиталистическое общество является глубоко больным, патологичным по своей сути. Трудно уже представить и вообразить, что может произойти с человечеством в самом ближайшем обозримом будущем.

В условиях сложившейся обстановки в мире люди перестают верить в традиционного христианского бога, в возможность получения помощи от него, потому что он где-то там на небесах, в потустороннем мире, он очень далек от жизненных проблем земного человека. Растет скептическое настроение в отношении к христианской церкви, которая всегда претендовала на роль посредника между богом и человеком. Что-то бог не слышит голоса церкви или не хочет слышать, он просто молчит. Все, что делает сейчас христианская церковь, сводится к проповедям утешения и морализаторству, которые вряд ли помогут человеку решить

те проблемы, которые волнуют каждого. Все больше и больше человек начинает осознать, что только он сам может помочь себе. Надеяться надо только на себя и свои внутренние силы.

Одной из важных причин, которая углубляет и обостряет современный глобальный кризис человечества, является развязанная США и их западными союзниками информационно-психологическая война против всего человечества. Ее цель – полностью подчинить весь мир диктату Запада во главе с США, любой ценой сохранить удержать мировое лидерство.

С полным основанием, вопреки всем сомневающимся, можно утверждать, что в современном мире уже идет полным ходом третья мировая война, которая является военно-политической составляющей проекта либеральной глобализации мира.

Америка объявила весь мир зоной своих национальных интересов. Любая страна, которая не подчиняется диктату США, препятствует их интересам, объявляется врагом и изгоем, и каждой из таких стран объявляется война. Ведется она по трем направлениям в «холодной» и «горячей» формах: первое – мощная информационно-психологическая пропагандистская обработка общественного сознания населения тех стран, которые выбираются в качестве объекта экспансии; второе – создание специальной агентуры влияния, «пятой колонны» в этих странах, оказание этой агентуре всевозможной помощи, главным образом финансовой, для внедрения, проталкивания и поддержки «своих» людей в экономические, политические и государственные структуры власти, захват этими агентами влияния всех средств массовой информации для манипулирования сознанием людей прямо изнутри этих стран, финансовая поддержка любых общественных организаций, политических объединений и тех партий, деятельность которых способствует расшатыванию государственных устоев, созданию беспорядков и политической нестабильности в стране; третье – открытая вооружен-

ная агрессия против стран с целью замены власти и создания в них марионеточных проамериканских правительств. Только слепой может не видеть этого.

Эта война в преддверии угрозы развязывания большой ядерной мировой войны, которая охватит весь мир, очень негативно влияет на духовную обстановку в обществе и омрачает жизнь современного человека, мешает ему жить раскрепощенно, свободно и счастливо.

Еще одной из причин глобального кризиса человечества, может быть, самой важной и определяющей, является углубляющийся кризис всей капиталистической системы, приближающий ее крах. Сбывается пророчество К. Маркса о том, что капитализм не имеет будущего, что он обречен на гибель. Недавние события в США в связи с выборами нового президента – демонстрации, бунты, грабежи, вандализм, захват участниками протестных демонстраций Капитолия, несомненно, являются проявлением глубинных процессов распада всей капиталистической системы, государства США. Они продемонстрировали, что внутри самого американского общества существуют реальные силы, которые не согласны и не принимают реальность существующих порядков в США. Американское общество разваливается. Оно разделено, расколото. Власть бессильна что-либо изменить, она не способна овладеть, контролировать и управлять сложившейся ситуацией внутри страны. Все это свидетельствует о параличе власти, о глубоком политическом кризисе власти и еще раз убеждает нас в том, что Америкой управляют глупые и больные люди.

Политические события, происходившие в 2020–2021 годах не только в США, но и во Франции, Великобритании, Германии, Испании, Польше, Бельгии, свидетельствуют о том, что огромные массы людей часто в варварской форме выражали свое несогласие с той системой порядков и властями, которые существуют в этих странах.

Конечно, вряд ли власти в западных странах признают факт кризиса систе-

мы капитализма. Но те события, которые имеют место в этих странах, должны заставить задуматься, с одной стороны, власть имущих, с другой, пробудить на активные, более организованные действия массы трудящихся.

В настоящее время обострение внутренних противоречий в самих США и наличие нерешенных и не решаемых властями социальных проблем в США становятся все более очевидными и несомненными – проблема бедных и богатых, проблема дискриминации граждан по расовым признакам, проблема иммиграции, проблема насилия и незащищенности людей, проблема роста организованной преступности, проблема существования коррупции, проблема борьбы с пандемией и множество других проблем. Все это свидетельствует о глубоком внутреннем политическом и экономическом кризисе США, который диктует необходимость серьезных перемен и изменений всей политической системы в США.

США скатываются в пропасть, и это признают многие американские эксперты, политики, ученые. Американский политолог Анатолий Ливен в статье «Находящаяся в упадке Америка должна отказаться от имперских амбиций» пишет: «Глобальное лидерство Соединенных Штатов Америки в том виде, как его понимает большинство американского истеблишмента, сохранить невозможно» [2]. Бывший заместитель главы национального совета ЦРУ по разведке Г. Фуллер в статье «Закат американского лидерства» написал: «Неоконсервативный план постоянной и неуклонной экспансии американского могущества и мировой гегемонии США провалился» [3].

Мир становится иным, и правда выходит наружу. Вот что писал о возможном развитии человечества в XX веке социолог Дж. Арриги: «В этих обстоятельствах перспективы всякого глобального правления в ближайшем будущем выглядят весьма мрачно. Наиболее вероятный сценарий и все более серьезный и, по-видимому, необратимый распад системы и системный хаос» [4].

Множество подобных высказываний со стороны самих американцев о крахе мировой гегемонии США, о невозможности удержания мирового лидерства в современном, быстро меняющемся мире находят свое наглядное подтверждение в недавних событиях в августе 2021 года, связанных с выводом американских войск из Афганистана, которые еще и еще раз подтвердили неспособность американских властей управлять и контролировать сложившуюся ситуацию в Афганистане. Весь мир убедился в том, что так называемая эвакуация американских солдат больше походила на их спешное бегство и ярко свидетельствовала о полном провале американской антитеррористической операции в Афганистане. Рухнули планы США загнать силой оружия целую страну, весь афганский народ в демократический рай Американской империи.

С треском разваливается и рушится Американская империя, и этот процесс уже не остановить. Интеллектуальное убожество американской политической элиты не позволяет ей признать полное поражение своей миссии в Афганистане – победить, уничтожить терроризм и установить в Афганистане демократию американского образца. Вопреки реальности происшедших событий в Афганистане – победу афганского народа и приход талибов к власти американский истеблишмент в лице президента Соединенных Штатов Америки Д. Байдена в открытую на экранах телевидения откровенно лжет на весь мир, что США добились всего того, что они хотели, что двадцатилетняя оккупация в Афганистане завершилась успешно. Ложь и лицемерие всегда были инструментами того политического прагматизма, который лежал в основе внешней политики США.

На весь мир политическая элита США демонстрирует свой кретинизм и цинизм, беспомощность и глупость всех своих политических действий. Весь мир стал свидетелем сокрушительного позора стратегии американского гегемонизма, установления безраздельного господства над всем ми-

ром и создания всемирной американской империи.

Все вышеописанные события в самое ближайшее время будут определять содержание мировых процессов. Очевидно, что сейчас все более и более будет обостряться и углубляться всеобщий кризис капиталистической системы и влиять на политическую обстановку в мире, на духовное состояние и общественное настроение современного человека.

На этом современном историческом фоне кризиса капиталистической системы разворачивается невиданный по глубине и масштабам проявления кризис христианской религии и церкви, которые всегда были духовной опорой и фундаментом капиталистической системы. Исходя из этого можно предположить, что вместе с крушением капитализма как миросистемы постепенно будет уходить из жизни и ортодоксальное традиционное христианство.

В условиях сложившейся обстановки в мире люди перестают верить в традиционного христианского бога, в возможность получения помощи от него, потому что он где-то там на небесах, в потустороннем мире, он очень далек от жизненных проблем земного человека. Растет скептическое настроение в отношении к христианской церкви, которая всегда претендовала на роль посредника между богом и человеком. Что-то бог не слышит голоса церкви или не хочет слышать его. Все, что делает сейчас христианская церковь, сводится к проповедям утешения и морализаторству, которые вряд ли помогут человеку решить те проблемы, которые волнуют каждого. Все больше и больше человек начинает осознавать, что только он сам может помочь себе. Что надеяться надо только на себя и свои внутренние силы.

Характерной формой выражения современного кризиса религии является процесс секуляризации общества – освобождение всех сфер общественной жизни из-под влияния религии и церкви. Политика, право, мораль, наука, искусство все более освобождаются из-под религиозного контроля, усиливает-

ся эмансипация от религии жизни и быта людей, их сознания и поведения.

В условиях современных глобальных процессов, охвативших весь мир, процесс секуляризации становится всеобщим, универсальным явлением и в исторической перспективе неизбежно ведет христианскую религию к гибели, к ее отмиранию.

Для нашего времени характерна прогрессирующая «инфляция» религиозной веры. Отрицание бога выходит за рамки чисто теоретической сферы и становится достоянием повседневной жизни широких слоев населения. Это касается даже тех, кто субъективно продолжает себя считать христианином. Многие верующие начинают не только осознавать бессмысленность традиционных обрядов, но и сомневаться в бесспорности христианских догматов Библии как источника божественного откровения, в необходимости церкви как особого института, в самом существовании бога. Отсутствие потребности веры в бога не всегда выражается в форме открытого отрицания или бунта против бога. Кризис веры в бога чаще всего происходит незаметно, люди просто не находят в своей жизни ничего такого, что давало бы им основание говорить о существовании бога, хотя не всегда хотя бы признаются даже себе, что они уже более не верят. Многие христиане лишь по привычке продолжают считать себя верующими. Наиболее типичной формой выражения неверия среди христиан является *безразличие* к религии и церкви. Такого рода неверие медленно, но все шире распространяется среди верующих, которые начинают осознавать, что в жизни своей они вполне могут обходиться без христианской религии и собственными усилиями влиять на социальные процессы и обрести счастье в земном мире.

Именно неверие среди огромных масс верующих становится одним из самых характерных признаков кризиса христианской религии нашего времени и наиболее ярко отражает секуляризацию сознания простых верующих и их поведения в отношении к церкви.

Однако следует заметить, что секуляризация является чрезвычайно сложным процессом, особенности которого всецело определяются соответствующими социальными условиями, в которых он протекает. Если в условиях социалистического общества процесс секуляризации осуществлялся наиболее последовательно и полно, то в капиталистическом обществе ему свойственна определенная противоречивость и непоследовательность.

В Советском Союзе в условиях социалистического общества освобождение сознания человека из-под влияния религии не сводилось только к отрицанию им истинности и необходимости религиозных ценностей и норм, которые перестают выступать для него в роли регуляторов «поведения», но сопровождалось одновременно сознательным принятием иных, нерелигиозных ценностей и норм, почерпнутых из общественной практики, материалистической философии, науки. В социалистическом обществе освобождение сознания людей из-под влияния религии происходило вместе с усвоением ими научно-материалистического мировоззрения, что с необходимостью вело к развитию и расцвету научного атеизма и в конечном счете к полной секуляризации общества. Такая особенность секуляризации в социалистическом обществе объясняется тем, что в нем полностью были подорваны социальные корни религии, что в нем нет классов и социальных групп, которые были бы заинтересованы в насаждении и поддержании религиозных иллюзий. Для социалистического общества характерна закономерная тенденция к полной секуляризации, к освобождению всех сфер общественной жизни человека из-под влияния религии. Из самой природы социализма вытекала необходимость последовательной и всеохватывающей секуляризации общества, ибо только в этом случае наиболее полно реализуются все его потенциальные возможности.

Что касается капиталистического общества, то процесс секуляризации протекает в нем чрезвычайно противо-

речиво и непоследовательно. Современному капиталистическому обществу присуща борьба между объективно складывающимися и существующими внутри него противоречивыми тенденциями, которые олицетворяют, с одной стороны, все отсталое, отжившее, с другой – все передовое, прогрессивное. Это непримиримая борьба между двумя классами – буржуазией и пролетариатом. В капиталистическом обществе наряду с объективными факторами, которые подрывают религию, имеются и те, которые продолжают ее питать и поддерживать, что накладывает глубокий отпечаток и на процесс секуляризации. Лишь сравнительно небольшая часть людей, и прежде всего наиболее сознательная, образованная часть населения капиталистических стран способна подняться до уровня подлинно атеистических представлений.

В основном же для капиталистического общества более типична другого рода секуляризация, которая выражается в форме нигилистического или безразличного отношения к любой религии – неучастия в культовых церемониях, неверия в традиционные религиозные догматы и т.п. Ограниченность подобной секуляризации состоит в том, что она не приводит к принятию нерелигиозных ценностей и переходу на последовательно атеистические антирелигиозные позиции, чаще всего такого рода нигилизм на деле оказывается нигилизмом не столько по отношению к религии вообще, сколько по отношению к распространенным в капиталистическом обществе традиционным типам религий. Отрицательное или равнодушное отношение человека современного капиталистического общества к традиционным религиям иногда выливается в то, что он стремится отыскать какие-то другие, более приемлемые для него формы религии.

Природа капиталистического общества обуславливает именно такой характер секуляризации. Само существование объективной тенденции к секуляризации в капиталистическом об-

ществе вызвано тем, что в его недрах зреют социальные, экономические и духовные предпосылки общества, идущего ему на смену. А непоследовательность, ограниченность процесса секуляризации объясняется тем, что капитализм препятствует и тормозит этот процесс, по природе своей являясь обществом, которое постоянно воспроизводит религию, ибо нуждается в ней. Поскольку в капиталистическом обществе существует зависимость человека от стихийных и управляемых им социальных сил, которые навязывают ему условия его жизни и деятельности, постольку существуют и социальные корни религии. «В современном буржуазном обществе, – писал Ф. Энгельс, – над людьми господствуют, как какая-то чуждая сила, ими же самими созданные экономические отношения, ими же самими произведенные средства производства. Фактическая основа религиозного отражения действительности продолжает, следовательно, существовать, а вместе с этой основой продолжает существовать и ее отражение в религии» [5]. В капиталистическом обществе в принципе невозможна полная секуляризация, ибо это противоречит его сущности.

Таким образом, в капиталистическом обществе имеются, с одной стороны, социальные факторы, которые с необходимостью порождают тенденцию к секуляризации, к отходу человека от религии, и с другой – факторы, препятствующие секуляризации. Порождая тенденцию к секуляризации, капитализм в то же время порождает и другие процессы, которые действуют в обратном направлении и направлены на то, чтобы затормозить освобождение сознания человека от религии и противодействовать объективной закономерности отмирания традиционной христианской религии. Капитализм стихийно формирует у верующих, разочаровавшихся в традиционных религиях, потребность в отыскании новых форм религии, что приводит к возникновению различного рода нетрадиционных, «внецерковных» индивидуализирован-

ных и рафинированных форм религиозных верований. К тому же религиозные идеологи сознательно стремятся приспособить религию к изменившимся социальным условиям и вывести ее из кризисного состояния, в котором она находится. В той мере, в какой капитализм изживает себя исторически, растет и сопротивление господствующих классов, пытающихся противодействовать неодолимому процессу его внутреннего разложения, растет их потребность в религиозном оправдании его существования.

То, что в настоящее время под влиянием экономических, политических и социальных факторов растет и усиливается процесс секуляризации всех сфер общественной жизни и сознания человека, вызывает у высших церковных деятелей и религиозных идеологов крайнюю тревогу за грядущие судьбы религии и церкви. Они с горечью вынуждены признать наличие глубокого кризиса, который переживает религия в современном мире. Их пугает и приводит в замешательство тот факт, что «отрицание бога из области теоретической переходит в сферу практических действий». Кризис религии, являющийся следствием социально-экономических, политических, идеологических процессов, происходящих в современном мире, заставляет церковных деятелей и религиозных идеологов сосредоточить усилия на том, чтобы сохранить свои позиции, упрочить положение религии и церкви в сложных и противоречивых условиях настоящей действительности. Беспокойство, которое переживают религиозные идеологи в связи с прогрессирующим процессом секуляризации, является беспокойством не только за судьбы религии, но и за само существование капиталистических общественных отношений.

Можно выделить в основном три главных направления, по которым идут церковные деятели и религиозные идеологи в поисках преодоления существующего противоречия между законченными религиозными традициями, догматами, представлениями и требова-

ниями современной жизни. *Во-первых, изменение социально-политической деятельности церкви, переоценка ее позиций по важнейшим социальным и политическим проблемам современности, пересмотр ее отношения к религиозным и нерелигиозным организациям, увеличение внерелигиозной деятельности вообще. Во-вторых, трансформация внешней и внутренней организационной структуры церкви. И, в-третьих, модернизация религиозной идеологии.*

Для приспособления религии и церкви к изменившейся исторической действительности церковные деятели и религиозные идеологи, признающие необходимость для церкви встать на путь «диалога» с современным миром, готовы идти на существенные теологические преобразования, радикальную трансформацию структуры, доктрин, методов, форм, всех видов и проявлений деятельности церковью. И это понятно – ведь речь идет о судьбе религии и церкви в современном мире. Несмотря на то, что перед всеми религиозными конфессиями стоит одна и та же задача приспособления религии к современной действительности, решается она в зависимости от сложившихся ранее в том или ином направлении христианства институциональных и теологических традиций. Католицизм и православие проявляют большую сдержанность в пересмотре своих теологических концепций. Что же касается протестантизма, то в нем наиболее ярко выражены самые радикальные модернистские тенденции, направленные на решительную переоценку основных догматов и понятий традиционного христианства.

Протестантские теологи смелее вторгаются в сферу религиозной идеологии, проявляют большую свободу модификации ее содержания и приспособления к изменяющейся социально-исторической действительности. Модернизм протестантской теологии не только более радикален в своих претензиях по сравнению с модернизмом католической и православной теологий, но и разнообразен в формах про-

явления. Это объясняется тем, что протестантизм с самого начала не имел церкви, а представлял децентрализованное религиозное движение, которое включало в себя большое количество различных направлений. Протестантизм всегда был более гибкой формой христианства по сравнению, скажем, с католицизмом, более соответствовал условиям капиталистической действительности и, будучи жестко связан институциональными и теологическими традициями, обладал потенциально гораздо большей способностью быстро перестраиваться и приспосабливаться к изменениям в обществе.

Говоря о религиозном модернизме вообще, следует сказать, что он представляет собой объективно обусловленное явление, которое постоянно сопутствовало религии на всех этапах ее исторической эволюции. Религиозный модернизм в любых исторических проявлениях не что иное, как вынужденное приспособление, своеобразная мимикрия религии к исторической действительности. Религиозный модернизм, в каких бы формах он ни выражался, всегда является социально обусловленным явлением. Термином «религиозный модернизм» можно обозначить довольно широкий круг явлений, относящихся как к сфере теологической мысли, так и к сфере религиозной практики. В данном исследовании ставится цель проанализировать только тот круг явлений протестантского религиозного модернизма, который связан с теологической мыслью. В принципе любые изменения в религиозной идеологии, организационной структуре церкви, направлениях и формах внецерковной деятельности, которые происходили под влиянием изменений исторической действительности, для своего времени могут квалифицироваться как модернистские. Характер этих изменений, специфика модернизации религии всецело определялись ее соотношением с объективными социальными условиями. Многовековая история христианства показывает, как менялся облик религиозного модернизма в зависимости от вполне

определенных конкретных социально-исторических условий, которые вызвали его появление.

Современный религиозный модернизм существенным образом отличается от всех предшествующих ему типов и: способов обновления и приспособления религии к реальной действительности. Главной его особенностью является ярко выраженный радикализм в попытках модернизировать традиционную христианскую религию и теологию с целью их приспособления к современному миру, стилю и образу мышления современного человека.

В контексте исторической эволюции христианства можно утверждать, что модернизм (демифологизация христианства, философская реинтерпретация всей христианской догматики) это объективный исторический процесс, который сейчас достиг такого предела, когда сущность христианской религии разрушается изнутри самими теологами. Этот внутренний процесс секуляризации самого учения христианства неизбежно ведет его к саморазрушению, и он гораздо опаснее по своим последствиям для него, ибо в таком случае фактически происходит десакрализация самой сущности христианской религии, с нее снимается ореол священной тайны. Протестантские теологи, ставя перед собой апологетические цели спасти «христианское наследие» и не сдать его в архив истории вместе с тем показывают неспособность самой теологии осуществить это с помощью философских рациональных методов герменевтики. Они тем самым демонстрируют и истощенность самой теологии как предмета исследования религиозных истин. Они растворяют теологию в философских рассуждениях.

Религиозный модернизм, как признают сами теологи, в его «жестких» формах – это специфическое явление XX и особенно XXI веков, которое свидетельствует о глубочайшем кризисе традиционного христианства, о наступлении постхристианской эры. Все споры, дискуссии внутри христианской теологии в современном мире уже не мо-

гут ограничиваться кругом только самих теологов, они становятся массовым явлением, которое охватывает всех людей – верующих и неверующих.

Впервые в истории человечества христианская религия стала ощущимо терять свой авторитет и социальную почву во всемирном масштабе. Религиозный модернизм может рассматриваться и как форма выражения современного тотального кризиса христианской религии, и как определенная попытка его разрешения.

Ярчайшим примером современного радикального религиозного модернизма, который воплотил его характерные черты и особенности, является теологический модернизм в современном протестантизме. Протестантский теологический модернизм, затрагивающий основное в религиозной идеологии, сориентированный на весьма радикальные изменения религиозной идеологии, наиболее полно и наглядно отражает сущность современного кризиса религиозного сознания, всю глубину и неразрешимость противоречия между религией и современным миром. Протестантская теология всегда несколько опережала в своей эволюции другие типы христианской идеологии как по гибкости реакции на постоянно развивающуюся историческую действительность, так и по радикальности осуществляемых в ее рамках теоретических экспериментов. Как показывает история, протестантизм с самого начала своего возникновения всегда прокладывал пути религиозному модернизму в целом. В силу этого протестантский модернизм в его самых последних, новейших проявлениях может служить своеобразным индикатором, раскрывающим сущность тех процессов, которые происходят в современном религиозном сознании. Современный протестантский теологический модернизм во многом определяет подход представителей других религиозных направлений к проблеме модернизации религии, к поискам путей спасения религии и вывода ее из кризисного положения.

Наиболее ярко радикальный теологический модернизм выражен в концепциях современных протестантских теологов в США.

США являются такой страной, для которой в условиях углубляющегося кризиса традиционных форм религиозных верований характерно возникновение огромного количества различных по содержанию и необычных по форме модернистских религиозных концепций, типичных не только для США, но и для европейских стран, например, таких как ФРГ, Англия. Современный протестантский теологический модернизм в США полно и ярко выражает сущность неразрешимых в своей основе внутренних противоречий, которые характерны в настоящее время для христианской теологии в целом.

Научный анализ сущности, специфических особенностей и тенденций развития современного протестантского теологического модернизма позволит нам, во-первых, показать бесперспективность спасения христианской религии с помощью тех методов, которыми пользуются теологи, и во-вторых, точно оценить характер и значение тех изменений, которые происходят сейчас внутри христианства, и дать научно обоснованный ответ на вопрос об исторических перспективах и судьбах христианской религии, теологии в эпоху глобального кризиса человеческой цивилизации и социального крушения капиталистической мир-системы.

Литература

1. Добренков В.И. Глобализация духовности. М.: Академический проект, 2019.
2. Ливен А. Находящаяся в упадке Америка должна отказаться от имперских амбиций // *The Financial Times*/ 2005. November 29 // URL: <http://inosmi.ru/print/2523956.html>
3. Фуллер Г. Закат американского могущества // *La Vanguardia*. 2005. Decmber // URL: <http://inosmi.ru/translation/224156/html>
4. Арриги Дж. Глобальное правление, гегемония в современной ми-

росистеме // Прогнозис. 2008. № 3. Осень.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 20. С. 329.

THE CRISIS OF THE CHRISTIAN RELIGION IN A GLOBAL ERA

Dobrenkov V.I.

Lomonosov Moscow State University

At present, in connection with the aggravated crisis of the traditional Christian religion in the context of complex world globalization processes, I decided to turn to the analysis and rethinking of the essence of the God-seeking concepts of modern Protestant radical modernists. Time allowed me to take a fresh look and appreciate the attempt of Protestant modernists to save traditional Christianity and their efforts in search of the so-called true God, allowed me to see much positive in their efforts to create a new religious faith and in a very deep and accurate criticism of traditional Christian theology and the church. I wanted to determine in more detail and more precisely the place of Protestant theological modernism and its social significance in the context of the history of Protestant liberalism, to determine the fate and future of the Christian religion and theology.

The gulf between the traditional Christian religion and the modern secular world has become so obvious that it has become impossible

not to notice it. Church Christian dogmas have become meaningless for the people of the 21st century, and the traditional form of Christianity, brewed on the highest supernatural miracles, medieval myths and legends, is irreversibly slipping into the past. In the course of a wide discussion of the topic of "the death of God", theologians, trying to save "God" and belief in him, substantiate the idea that only the theistic form of its expression dies, and not God as such, and they themselves propose to resolutely abandon such a definition of God.

Keywords: religion, Protestantism, Christianity, globalization, crisis, socio-economic relations, spiritual sphere.

References

1. Dobrenkov V.I. Globalization of spirituality. M.: Academic project, 2019.
2. Lieven A. A declining America must abandon imperial ambitions // The Financial Times/ 2005. November 29 // URL: <http://inosmi.ru/print/2523956.html>
3. Fuller G. The decline of American power // La Vanguardia. 2005. December // URL: [http://inosmi.ru/translation\(224156/html\)](http://inosmi.ru/translation(224156/html))
4. Arrighi J. Global governance, hegemony in the modern world system // Forecasts. 2008. No. 3. Autumn.
5. Marx K., Engels F. Op. M., 1955. T. 20. S. 329.

Экзистенциальная социология и проблема пограничного существования

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Экзистенциальная социология и феноменологическая социология – изощренный интеллектуальный продукт узкого круга философски мыслящих социологов, не пресытившихся благами глобального общества, – на сегодняшний день является, пожалуй, самым радикальным прорывом к заброшенному человеку. Экзистенциалисты описывают актуальное или текущее человеческое существование, т.е. пока оно длится в одном человеке, без его отношения к исторической данности. Такое описание, не трансформированное коллективным историческим опытом, обладает чертами подлинности и скрытости – недоступности для объективного научного усмотрения. Залегающее в глубинных пластах подсознательного и бессознательного, экзистенциальное осознание своего существования доступно – и то не всегда в адекватном состоянии – методам интроспекции. Даже психологические приемы глубинного интервью не способны высветить скрытое в глубинах нашей личности. Стандартное социологическое анкетирование, измеряющее скорее всего уровень соответствия вербальной информации, полученной от респондента, корпусу социально одобряемых норм, строго говоря, вообще бьет мимо цели. Анкетирование высвечивает средние типичный срез мышления, установок, поведенческих моделей, ценностей и мнений, в то время как экзистенциальная социология делает шаг дальше не только количественной, но и качественной методологии, посягая на святое святых человека – его интимную индивидуальность, сакральную сущность, т.е. ту точку, где прерывает земное течение и общается с вечностью.

Ключевые слова: феноменологическая социология, символический интеракционизм, бытие-к-смерти, экзистенциальная социология, отчуждение.

Обращение к личности отдельного индивида – после многих лет увлечения их статистическими скоплениями (рабочий класс, городская беднота, здоровье народонаселения, переписи населения и политическая арифметика) – произошло в XX веке не случайно, но вполне закономерно. И случилось это на разных континентах по-разному. В конце XIX века экзистенциальная философия в Западной Европе выросла как реакция разочарования технической цивилизацией и буржуазной беспринципностью. Сирен Кьеркегор развил дальше идеи ведущего представителя философии жизни Анри Бергсона – чувствительные к тонкостям человеческой души и эстетике человеческих страданий французы осуществили примерно то же самое, что четырьмя столетиями ранее сделали итальянцы, спустившие красоту с небес на землю и поставившие человека в центр ренессансного космоса. В XX веке французскую человекообразность социального бытия подхватили еще два француза – Поль Сартр и Анри Камю. Они уточнили и опечалили общую картину человеческого бытия, главными характеристиками которого стали тошнота, одиночество, пограничная ситуация.

Чуть позже дотошные и педантичные немцы – Карл Ясперс и Мартин Хайдеггер – превратили эту картину в археологическую стоянку, раскапывая слой за слоем все более глубокие слои экзистенциального смысла, и, пройдя через человекообразный (теперь уже человекообразный) континуум пространство-время, дошли до крайней точки, до самого дна экзистенциального отчаяния – бытие-к-смерти. Экзистенциализм философский, таким образом, есть порождение Западной Европы. Забегая чуть вперед, отметим, что экзистенциализм социологический – продукт Северной Америки.

Более оптимистичные и прагматичные американцы в начале XX века со-

творили символический интеракционизм, в фокусе которого тоже оказался Я, который смотрел на других как на зеркало, корректировал свое поведение ради создания коллективного Мы. Это вполне уживчивый с соседями, мирно настроенный субъект социально-психологического действия. На почве символического интеракционизма, который оставался чрезмерно теоретичным и все еще философским, родилась социальная психология – как бы эмпирический остов символического интеракционизма. Ее миссия – создание сплоченных малых групп и подавления самолюбивого эго. Социальные психологи изучают вполне объективные законы групповой динамики, а возникшее чуть позже или одновременно с ним социометрическое направление австрийско-американского подданного Якоба Морено предоставило в их руки практический инструментарий – групповую терапию (психодраму и социометрию).

Философия прагматизма Дж. Дьюи, нацеливающая американцев на активность, успех и деньги, символический интеракционизм, социальная психология и социометрия – по преимуществу либо исключительно интеллектуальный продукт США. Продукт, предназначенный не только для внешнего потребления, но и на экспорт – как и все, что создается в Америке. Лихой ковбой, отважно покоряющий дикий запад и колонизирующий бесправных индейцев, не умер и в XXI веке. Только теперь он на другом коне и с другим оружием. Он по-прежнему верит только в себя, объединяется с другими в сплоченное Мы, если это выгодно для него, неустрашимо борется с врагами, которых то и дело выдумывает ради поддержания своей спортивной формы и поступления в кровь адреналина. Его приучили к тому, что социальная реальность конструируется им самим и так, как он того захочет, что стремится надо к выгоде и личному успеху, избегая боли и страдания.

Относительно боли и страдания задумались экзистенциальные социоло-

ги. Они вышли на сцену немного припозднившись – только в 1970–80-е годы. Потребовалось целое столетие беспощадного господства позитивизма, чтобы вдоль и поперек изучить человека толпы исключительно с внешней стороны – как средне статистического респондента. Неважно, шла речь о ценностных ориентациях, спрятанных глубоко в сознании, или количестве прочитанных книг, раскрывающих читательскую активность, человек оставался типичным, повторяющимся, закономерным и похожим друг на друга. Социологическая статистика, хотя она этого и не афишировала, оставалась слугой толп, агрегаций, множеств, безликих скоплений.

Прорыв к индивидуальности – отчужденной от средств производства, от самого себя и от знаний о смысле жизни – совершался в американской и европейской социологии не единожды. Австрийский лютеранский теолог и социолог Питер Людвиг Бергер (1929, Вена – 2017, Бруклин, США), основное творчество которого развернулось в Америке и американско-австрийский социолог из Словении Томас Лукман (1927, Югославия – 2016) в совместной книге «Социальное конструирование реальности» (1966) провозгласили полное отсутствие объективной реальности. Именно индивид – не государство, институты или классы, не природные закономерности и социальные нормы – творит ту реальность, в которой мы все обитаем. Люди в своем сознании и через взаимное общение создают социальную реальность, в которой затем и живут. Подобно тому, как человечество – это непрерывно производящая и воспроизводящая все новые и новые поколения людей природная и социальная цепь событий, реальность – это производимая и воспроизводимая творчеством людей окружающий мир. Восприятие реальности, осуществляемое на платформе здравого смысла и общедоступных знаний, происходит и поддерживается за счёт социальных взаимоотношений, каждый день и каждую секунду. Поскольку повседневные

знания являются продуктом договорённости людей, то, как следствие, любые человеческие действия, страхи и угрызения совести, разочарования и надежды, поступки и проступки, совместная деятельность и социальные учреждения представляются им как часть объективной реальности. Таким образом, реальность конструируется самим обществом.

Сдвиг в сторону экзистенциальной парадигмы был совершен так называемой «калифорнийской школой экзистенциальной социологии» во главе с американским социологом Джеком Дугласом. А.С. Мельников точно фиксирует данный момент: «Идейные истоки формирования калифорнийской школы экзистенциальной социологии связаны с усилением в 1950–1960-е годы влияния экзистенциальной философии на американскую социологическую науку, и в частности, с влиянием экзистенциализма Ж.-П.Сартра, достигшего вершин своей популярности после Второй мировой войны. Такие известные исследователи как Гарольд Гарфинкель, Ирвинг Гофман, Питер Бергер и многие другие представители их поколения в американской социологии испытали в этот послевоенный период своеобразную «прививку» экзистенциализма» [1]. Термин «экзистенциальная социология» впервые начал появляться в его работах в начале 1970-х годов, в частности в таких книгах как «Понимание повседневной жизни», «Воздействие социологии», «Американский социальный порядок» [2, 3, 4]. Программная трилогия «Экзистенциальная социология» (1977) стала теоретическим манифестом калифорнийской школы, базовые положения которого воплотились в серии эмпирических и теоретических исследований (книга «Экзистенциальное Я в обществе», 1984), и наконец, пересмотренным под влиянием постмодернизма в работе «Постсовременная экзистенциальная социология» (2002) [5, 6, 7].

Экзистенциальная социология часто рассматривается в рамках более общего интернационального движе-

ния – *социологии повседневной жизни*. Привлекательная фишка калифорнийских экзистенциалистов – изучение эмоций. Прямо скажем, далеко не социологический объект. По мнению Дугласа и Джонсона [8, 9], в повседневном поведении рационально-когнитивные и эмоционально-аффективные факторы соединены до неразличимости. Это как раз то, против чего в свое время восставал М. Вебер, который построил свой четырехпунктовую классификацию социальных действия для того, чтобы, во-первых, четко отделить целе-рациональные действия от аффективных, во-вторых, вывести вторые за скобки социологического поля, ограничив его двумя подвидами рационального действия: целевым и ценностным. Интересно, в каких ситуациях они изучали когнитивно-аффективную смесь: нудистские пляжи (предмет – нудистская субкультура), спортивные соревнования, домашнее насилие, торговля наркотиками членовредительство, страхи в обществе, музыка и музыкальная идентичность, состояние хронической боли и др. Часто американским последователям экзистенциализма наряду с распространенными методами приходилось использовать нетрадиционные, придуманные ими сами: «Так, например, Дуглас предложил новые исследовательские техники, эффективные для изучения ситуаций с высоким потенциалом конфликтности и противоречий, а также сформулировал новые идеи в отношении использования креативных техник интервьюирования и «исследования жизни» (life-studies). Патриция Адлер (Университет Колорадо) и Питер Адлер (Университет Денвера) провели глубокий анализ различных форм влияния участников исследования на его конечный результат. Андреа Фонтана и Джон Джонсон приложили немало усилий по совершенствованию использования метода интервьюирования в социологических исследованиях. Дэвид Алтейди (Аризонский университет), предложил новый метод, известный как «этнографический контент-анализ», адаптированный для иссле-

дований масс-медиа. Джозеф Котарба и Филипп Ваннини продемонстрировали, как глубинная вовлеченность в молодежные субкультуры, может принести исследовательский результат. Алтейди и Джонсон предложили новые идеи относительно валидности и надежности данных в исследованиях с применением интерпретативных методов, а Уоррен и Карнер опубликовали работу, суммирующую многие из перечисленных идей для студенческой аудитории» [1].

В литературе рассматриваются две региональные версии экзистенциальной социологии за рубежом. Первая версия представлена в работах американского социолога Э. Тириакияна – ученика П. Сорокина и Т. Парсонса. Вторая отражена в творчестве калифорнийской школы экзистенциальной социологии (школы Дугласа), к которой, помимо самого основателя школы – американского социолога Д. Дугласа, принадлежат Д. Джонсон, Д. Котарба, А. Фонтана, Д. Алтейде и ряд других социологов. Среди исследователей экзистенциальной социологии выделяют А.С. Мельникова, А.С. Гаспарян, Л.Г. Ионина, В.Я. Кисиль [10]. Американская школа экзистенциальной социологии на западном побережье возникла как отказ от большинства ортодоксальных научных версий социологии, утверждая в качестве корней европейскую экзистенциальную философию Сёрена Кьеркегора, Фридриха Ницше, Мартина Хайдеггера и Жана-Поля Сартра, а также феноменологии Гуссерля и Шюца.

В круг основных проблем новой дисциплины входят: концепция экзистенциального Я, проблема смысла жизни и бессмысленности существования, проблема чувств и эмоций, проблема неопределенности, проблема существования (экзистенции), проблема смысла и бессмысленности существования, проблема абсурда, проблема аутентичности существования, проблема одиночества и экзистенциальной коммуникации, проблема смерти и пограничной ситуации, проблема экзистен-

циального времени и становления, проблема свободы, ответственности и выбора, проблема интегрального человека.

Экзистенциальная социология определяется описательно как изучение человеческого опыта в мире (или существования) во всех его формах. Основополагающий, но не исключительный, метод экзистенциальной социологии – это прямой личный опыт, в том числе повседневной жизни. Экзистенциальная социология утверждает, что изучает людей в их естественных условиях и во всех сложностях повседневного бытия. Согласно экзистенциальным установкам, каждый человек должен найти ответ на свою жизненную ситуацию, не обращаясь за советом к книгам или «значимым другим». Это налагает на одинокого актора дополнительный груз ответственности. Однако лишь в этом случае его бытие достигнет подлинной аутентичности, которая выражает себя через мужество взять на себя ответственность за свое наследие и свои таланты, а также через взаимность – признание другого и других, желание уважать его и помогать ему самореализоваться. Таковы две кардинальные добродетели экзистенциального человека. В потоке жизни закономерное и случайное, хаотическое и стохастическое, неопределенность и предопределенность запутаны, перемешаны и переплетены, представляя собой некое незнакомое единство, подобное тому, какое в квантовой теории представляет пара корпускула-волна – корпускулярно-волновой дуализм, раскрывающий глубинную сущность материи – мы бы сказали здесь «экзистенциальную сущность» элементарных частиц.

Экзистенциальная социология пересекается со многими дисциплинами, такими как гуманистическая и экзистенциальная психология, экзистенциальная философия, символический интеракционизм, социология повседневности, феноменологическая социология, этнометодология, драматургическая социология, социокультурная антропо-

логия, социология эмоций, социология тела, социология религии, социология морали. Социология плача (sociology of lament) сосредоточена на плаче как на подлинной социальной практике, в которой раскрывается борьба человека с миром. Во-первых, плач можно проанализировать как олицетворяющую практику, с помощью которой человек пытается сохранить свою мотивационную значимость в сопротивлении внешнему миру. Во-вторых, плач может быть описан как перформативный акт – обряд заминки (rite of interruption). Плач – известная всем эмоциональная реакция на значимые события преимущественно негативного плана. Он не является естественной, рефлексивной реакцией, а выражает культурно приобретенное свойство, выражает социальную позицию и отношения незащищенности – экзистенциальную тревогу и одиночество. Плач представляет собой особую сферу антропологического и историко-культурного пространства, тесно связанным с бытием-к-смерти. Плач не анализируется надлежащим образом в рамках простого отношения «средство-цель». Ученые при помощи эмпирических исследований пытаются концептуально локализовать плач как социологическое явление (ситуации утраты, потери, обиды, боли, жесты привлечения внимания, практика выпрашивания). «Культура плача» в отличие от «смеховой», видимо, связана с преимущественно с женским и детским началом. Сегодня успешно развиваются и такие отрасли знания, как антропология плача и культурология плача. Достаточно сказать, что плач – выдающийся жанр древнерусской народной культуры, а «голошение» по умершему человеку – древнейший вид народного искусства. Плач Ярославны – собирательный образ женской скорби. Ныне культура скорби и плача практически угасла. Осмысление плача как культурной универсалии становится предметом исследований в сравнительной социологии. Во многих древних обществах, например, в Китае, существовала особая культура плача. «Плачевая культура

представляет собой обширный и чрезвычайно важный пласт жизни человека и общества. Плач – это категория амбивалентная, чья двойственность в том, что созидающее и разрушающее начала сосуществуют в нем одновременно. Плач определяет практически весь бытийственный потенциал человека: созидание, развитие, креативные и нравственные основы. Также плач проявляет себя как социальное явление, как форма коллективного самовыражения народа и как эмоциональная реакция человека на жизненные явления» [11].

Отношения между философией и социологией всегда были достаточно сложными и противоречивыми. Исторически сложилось так, что философия оказала большое влияние на развитие основных направлений социологической мысли. Философия Просвещения оказала глубокое влияние на социологию Эмиля Дюркгейма, а философия Вильгельма Дильтей – на социологию Макса Вебера. Философские труды Эдмунда Гуссерля, Анри Бергсона и Уильяма Джеймса оказали большое влияние на мышление ранних американских прагматиков. Они по-прежнему служат источником вдохновения для недавно возникших феноменологической социологии и этнометодологии. С точки зрения Джеймса, сознание является функцией, которая «по всей вероятности, как и другие биологические функции, развивалась потому, что она полезна». Исходя из такого приспособительного характера сознания, он отводил важную роль инстинктам и эмоциям, а также индивидуальным физиологическим особенностям человека. Джеймс изучал сознание с помощью самонаблюдения и самоанализа, а также подробного разбора литературных описаний психических процессов и рассказов людей.

Трактуя психику как сумму внешних и внутренних проявлений, Джеймс предложил теорию эмоций, согласно которой испытываемые субъектом эмоциональные состояния (страх, радость и др.) представляют собой эффект физиологических изменений в мышечной и сосудистой системах: «Специфиче-

ское различие между эмоциями и инстинктами заключается в том, что эмоция есть стремление к чувствованиям, а инстинкт – стремление к действиям при наличности известного объекта в окружающей обстановке. Но и эмоции имеют для себя соответствующие телесные проявления, которые заключаются иногда в сильном сокращении мышц (например, в момент испуга или гнева); и во многих случаях может оказаться несколько затруднительным провести резкую грань между описанием эмоционального процесса и инстинктивной реакции, которые могут быть вызваны тем же объектом... Как чисто внутренние душевные состояния, эмоции совершенно не поддаются описанию. Кроме того, такого рода описание было бы излишним, так как читателю эмоции, как чисто душевные состояния, и без того хорошо известны. Мы можем только описать их отношение к объектам, вызывающим их, и реакции, сопровождающие их. Каждый объект, воздействующий на какой-нибудь инстинкт, способен вызвать в нас и эмоцию... Человек может даже придать в большую ярость, думая о нанесенном ему оскорблении, чем непосредственно испытывая его на себе, и после смерти матери может питать к ней больше нежности, чем во время ее жизни... Гнев, страх любовь, ненависть, радость, печаль, стыд, гордость и различные оттенки этих эмоций могут быть названы наиболее грубыми формами эмоций, будучи тесно связаны с относительно сильным телесным возбуждением. Более утонченными эмоциями являются моральные, интеллектуальные и эстетические чувствования, с которыми обыкновенно бывают связаны значительно менее сильные телесные возбуждения» [12].

Традиционный способ мышления в философии – это некоторая форма самоанализа: некоторая форма мышления о мышлении, о формах или свойствах разума и о собственном сознательном опыте. В экзистенциальной социологии большой акцент делается на две стратегии сбора данных: (1)

самоанализ – наблюдение, описание и анализ собственных внутренних переживаний; (2) самонаблюдение – описание и анализ собственного здравого смысла и повседневного поведения во взаимодействии с другими людьми. Правда, простое упоминание интроспекции как конечной основы знания порождает страх солипсизма в умах большинства традиционных научных мыслителей.

С позитивистской наукой у экзистенциальных социологов тоже отношения натянутые. Джек Дуглас и Джон Джонсон отвергают дуализм субъекта-объекта, объективность научной истины, беспристрастность получаемых знаний, рациональность выводов и аргументов. Их главный тезис – субъект и объект взаимозависимы. «Личные исследования вместе с глубоким участием и пониманием нашей повседневной жизни являются наиболее отличительными чертами экзистенциальной социологии. Это основа, из которой должно возникнуть любое истинное теоретическое понимание американского общества» [13]. Сциентистско-позитивистский взгляд на социологию исходит из неявного предположения, что получаемое знание в принципе не зависит от личных качеств ученого. Гуманистически-экзистенциалистский взгляд ему прямо противоположен.

На сегодняшний день в этой традиции очень мало социологов, и у нее много критиков, которые обвиняют ее в создании еще одного раскола, избегая центральных проблем классической социологии и вульгаризации традиции экзистенциальной философии, разработанной в Европе.

В адрес экзистенциальной социологии можно высказать следующие критические замечания.

Экзистенциальная социология в США, а там она наиболее развита, даже с применением методов полевых исследований остается на уровне эксперимента. Во-первых, сама методология научного исследования несовместима с предпосылками экзистенциализма об уникальности человеческого

бытия, ибо главное требование в ней – повторяемость и воспроизводство научных результатов. Если экзистсоциология несовместима с научными требованиями, то она вовсе и не научная социология, а просто разговоры на абстрактные философские проблемы социологически образованных людей или неудовлетворенных современным потребительским обществом и разочарованных в капитализме интеллигентов. У нас к ним примыкают не разочарованные, а очарованные капитализмом, но разочарованные советским тоталитаризмом интеллигенты. Во-вторых, собственная, отличная от философии, теория в экзистсоциологии до сих пор не создана и вряд ли когда-либо будет создана, так как экзистенциализм чужд всякого формализма и логоцентризма. Это поток творческого воображения, парадигма, всегда открытая для дополнений и коррекции.

В-третьих, экзистенциальная философия и экзистсоциология, равно как и психоанализ З. Фрейда, аутентичны не для всех людей, а только для психически нездоровой или некомфортно чувствующей себя части населения, т.е. для больных. На наш взгляд, экзистенциальная социология аутентична не для всех социальных акторов, а лишь для той их части, которые находятся в пограничных ситуациях, переживают невроты, одиночество, отчуждение и т.п. Философия экзистенциализма также описывает не всю вселенную человеческого бытия, а только ее экстремальный полюс. При этом она хвалится, что она – единственная, кто повернулся лицом к гуманизму и к человеку. К какому человеку?

Экзистенциализм бывает «сытым» и «голодным». Европейец попадает в экзистенциальную ситуацию в пресыщенной обстановке потребительского общества, пребывая в так называемом сплине, созерцая свое одиночество, и делает все это он на полный желудок. Блокадный Ленинград дал образцы экстремальных ситуаций на грани выживания мира голодных и страдающих. В Африке сотни тысяч людей каж-

дый день голодают и борются за выживание. Землетрясения, голод, массовые эпидемии, войны и терроризм создают реальные экзистенциальные ситуации, где нет вымышленных чувств и глубоких теоретических прозрений о последних гранях бытия-к-смерти. В подобных условиях, о которых экзистенциальные философы не пишут, проявляется реальное бытие-в-смерти, когда человеческая плоть агонизирует, а дух цепляется за любую, даже самую слабую надежду. Кого должен интересовать этот мир? Может быть представителей экзистенциальной социологии? К сожалению, их чаще привлекают геи и люди нетрадиционных ориентаций.

Много ли на свете людей с расщепленным сознанием, глубоко одиноких, невротиков, постоянно задумывающихся о смысле жизни, т.е. пациентов Фрейда и объектов экзистсоциологии? Наверное, нет, если общество здоровое. Такие невротики в меньшинстве, это больные интеллигенты, которых экзистсоциологи и философы подняли на пьедестал и начали исследовать. Их лечить надо. Если такое болезненное состояние у человека постоянное, то он хроник, а его болезнь патологическая. Если это временное состояние, как после катастрофы или кризиса, то нужны врачи и психологи, а не философы.

Пригодится метод логотерапии В. Франкла – дерефлексия, то есть преодоление рефлексии – болезненного самокопания, неврозов, навязчивых состояний. К числу основных методов логотерапии относят: парадоксальную интенцию и дерефлексию при преодолении неврозов навязчивых состояний и фобий (навязчивых, преувеличенных страхов). Механизм образования фобий Франкл описывает по схеме: страх порождает страх. Человек, испытавший однажды страх, начинает бояться его и дважды, и трижды. Например, страх публичных выступлений, предстоящих экзаменов, соревнований. Человек нередко чувствует себя несчастным, больным, одиноким, никому не нужным именно из-за страха стать несчастным и одиноким. События еще

не произошло, а негативные переживания у него уже поселились. Именно переполненный ими он идет навстречу событию. Побороть себя крайне сложно: чем сильнее человек старается подавить в себе навязчивое состояние, тем сильнее оно проявляется. Франкл предлагает использовать этот парадоксальный механизм в противоположном направлении. То есть индивид должен постараться внушить себе, что он очень хочет испытать как можно более ярко то чувство, которое он до этого стремился во что бы то ни стало подавить. Все это предмет *экзистенциальной психотерапии*.

Экзистенциальная терапия, ставшая популярной еще в середине прошлого века благодаря работам Виктора Франкла, Ролло Мая и Ирвина Ялома, а позже – Джеймса Бугенганда и Клемонта Вонтресса, проистекает из концепции экзистенциальной мысли, которая может быть прослежена до самого Аристотеля. Экзистенциальная терапия фокусируется на человеческом состоянии и тревоге, обнаруженной в кризисе жизни против смерти [14]. Эта форма психотерапии исследует человеческий ум и трудности с философской точки зрения. Эмоциональные и психологические трудности рассматриваются как внутренний конфликт, вызванный конфронтацией индивида с благами бытия. Вместо того чтобы вникать в прошлое, экзистенциальный подход сосредоточен на четырех аспектах Dasein: неизбежности смерти, изоляции, бессмысленности, свободе и ответственности. Когда люди испытывают дефицит осознания своего существования, не принимают на себя ответственность, возникают экзистенциальные и невротические тревоги, именно тогда человек становится подавленным и должен обратиться к экзистенциальной терапии, главная цель которой – достижение душевного здоровья. Последнее возможно тогда, когда четыре аспекта находят в гармонии, а не противоборстве.

Экзистенциальная социология, на наш взгляд, должна отталкиваться не от экзистенциальной философии

и психотерапии, а опираться на сложившуюся в социологии традицию понимания глобального отчуждения и превращенной формы.

Определение превращенной формы, данное Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», важно для нас во многих отношениях. Оно завершает начатый ранее анализ, доводит его до логического конца, до совершенной ясности. Превращенная форма создает *двойной мир* – один настоящий, другой иллюзорный и отчужденный «Entäußerung». В этом «мире навыворот» иллюзорное занимает место реального и воспринимается как единственно реальное бытие. Причем, подмену человек не замечает и не должен замечать. Оба мира – первоначально реальный и иллюзорный (вторично реальный, ставший реальным благодаря искажению общественных отношений) – противоположны и противоречат друг другу. Все признаки превращенной формы – раздвоенность, подмена одного другим, противоположность и противоречие – крайне важны для правильного понимания ее природы. Если их не учитывать, то превращенную форму легко спутать с другими, похожими на нее категориями, например, отчуждением. В отчуждении какое-то качество человека, черта межиндивидуальных, или общественных (коллективных) отношений отрывается от носителя (субъекта) этих качеств или черт и становится чем-то самостоятельным, а затем и господствующим над субъектом. Для Маркса было неважно, переживает как-то индивид состояние отчуждения или нет. Для него отчуждение – объективно существующее отношение коллективного бытия людей, независимое от их воли и сознания.

Концепция Маркса параллельна концепции аномии Дюркгейма. В обоих случаях индивидум теряет чувство связи с окружением, но в то время как Дюркгейм подчеркивает утрату моральных чувств привязанности (как это выражается, например, в религиозных ритуалах), Маркс указывает на потерю контроля над своим физическим окру-

жением. Работник отчужден у Маркса потому, что продукт его труда удаляется из непосредственного контроля работника и заменяется «чужими», «отчужденными» продуктами (например, деньгами).

Аномия у Дюркгейма – это отсутствие общепринятых норм и стандартов поведения, твердых законов и социальных гарантий, своего рода смутное время. Аномия может существовать только на уровне большой социальной группы, но никак не индивида» Отчуждение у Маркса – это субъектное, но не субъективное отношение. Признаками и условиями отчуждения у него выступают разделение и специализация труда, частная собственность, эксплуатация. Современные западные социологи, напротив, чаще сводят отчуждение не к субъектным, а к субъективным отношениям. Наиболее известная концепция отчуждения принадлежит М. Симану [15], который выделил следующие переменные: отстраненность от власти (безвластие), бессмысленность, отсутствие норм, изоляция и самоустранение [16]. Все пять характеристик описывают субъективные ощущения, а не внешние условия коллективного бытия. Точно так же поступали Дж. Неттер [17] и Р. Блаунер [18], измерявшие степень отчуждения с помощью шкалы установок. Часто выходило, что, измеряя отчуждение, социологи измеряют также аномию и наоборот. Настолько оказались близкими оба понятия. Л. Козер также выделяет четыре аспекта отчуждения в сфере труда: 1) отчуждение человека от предмета производства; 2) от процесса производства; 3) отчуждение от самого себя и 4) от других людей.

Итак, отчуждение описывает одновременно субъективное ощущение потери смысла жизни, изолированности, подконтрольности и т.п., а также объективное отношение разрушения каких-то социальных институтов или структур. Как правило, у Маркса не прослеживается одной-единственной трактовки проблемы, напротив, в его работах встречаются самые разные, чуть ли

не отрицающие друг друга оценки. И не мудрено, ибо Маркс явился первым в западноевропейской мысли, кто попытался раскрыть экономические и социальные грани отчуждения. То отчуждение разрастается у него до метафизического знака, под которым проходит развитие современной цивилизации, то оно сводится чуть ли не к технической операции, например, отделению (отчуждению) работников от управления. Подобным образом нет единства у Маркса и в понимании превращенной формы. В одном случае она выражает результат технико-экономического по своей сути процесса обращения капитала, то разрастается до вселенских масштабов раздвоения мира. Маркс понимает превращение то как всецело позитивный процесс, то как однозначно негативный. Какой-то устойчивой трактовки он не дал и, видимо, подобной цели не преследовал вовсе.

Тем не менее, некоторые различия между отчуждением и превращенной формой удается обнаружить. Во-первых, превращенная форма, в отличие от отчуждения, никогда не бывает субъективным переживанием, хотя может существовать и на индивидуально-групповом уровне. Во-вторых, структурно она представляет более комплексное явление, в котором отчуждение может выступать всего лишь его частью. В-третьих, отчуждение необязательно должно завершаться удвоением и перевертыванием мира, но превращенная форма, как правило, содержит в себе отчуждение как один из своих этапов. В советской литературе одно из самых ранних – и до сих пор остающееся, пожалуй, самым обстоятельным – исследований превращенной формы принадлежит М. Мамардашвили. Согласно его предположению, подобная форма, являясь результатом искажения внутренних связей социальной системы, скрывает их фактический характер, подменяет видимыми, или косвенными. Искаженные связи обретают настолько прочную самостоятельность, что начинают вести себя как отдельное, качественно новое и самостоятельное образование.

В этом и состоит проблема превращенной формы; искаженные связи (черты, свойства, качества) настолько видимы, что их можно фиксировать эмпирическим путем, напротив, о скрытых за ними реальных чертах приходится только догадываться. Превращенная форма выступает своеобразной субстанцией, носителем этой видимости [19, с. 386].

Превращенную форму иначе можно интерпретировать как особую, если можно так выразиться, порочную разновидность обычного (классического) соотношения философских категорий формы и содержания. «Особенность превращенной формы, отличающая ее от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устраненности здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное «сущностное» значение, обособляется и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случаях символизма) и становится на место действительного отношения» Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы... Прямое отображение содержания в форме здесь исключается» [19, с. 387].

Проблему отчуждения советские обществоведы активно обсуждали в 1960–80-е годы, но лишь в свете учения К. Маркса и в применении к буржуазному обществу. У Маркса отчуждение является следствием социальных структур, которые угнетают людей, лишая их принадлежности к человеческому роду. Отчуждение является объективным условием присущих социально-экономических механизмов капитализма. Отчуждение является искаженной формой объективации человечества как родового существа в классово-антагонистическом обществе. Маркс называет четыре характеристики такой формы: 1) отчуждение работника

от своей «видовой сущности» в качестве человеческого существа, а не животного; 2) отчуждение между рабочими, так как капитализм редуцирует труд к товару, которым можно торговать на рынке, а не к социальным отношениям; 3) отчуждение рабочего от продукта своей деятельности, так как он присваивается классом капиталистов, и потому оказывается вне контроля работника; и, наконец, 4) отчуждение от самого акта производства таким образом, что работа превращается в бессмысленную деятельность, не доставляя индивиду никакого внутреннего удовлетворения. Последний момент как раз и порождает психологическое отчуждение с присущим ему чувством беспомощности, изоляции и недовольства, особенно в контексте безличных бюрократических институтов власти (бюрократ связывает себя с миром только как с объектом своей деятельности). Как отметил П. Друкер, крупные корпорации – это социоэкономический институт, определяющий образцы поведения. Отношения отчуждения в бизнесе проявляются в том, что позиция собственников корпорации расплывены. Из экономически активной их позиция стала экономически пассивной: они владеют только частью контроля и власти в компании. Ценность благосостояния индивида теперь зависит от внешних, неподконтрольных ему сил – рынка и менеджмента. Собственник настолько привязан к рыночным механизмам, что не способен уже напрямую ни распоряжаться своей собственностью, ни оценить ее реальную стоимость. За него все делает рынок.

Большинство людей вряд ли понимают, что такое отчуждение как субъективное состояние человека или объективное положение в обществе и самого общества, полагает Э. Фромм. В первоначальном своем значении, пишет Э. Фромм, термин «отчуждение» обозначал душевнобольного (*insane* – сумасшедший, безумный) человека: во Франции *aliene* и в Испании *alienado* – это старые слова для обозначения психотических, совершенно отчужденных

людей [20, р. 67]. В религии человек отчуждает себя и свою судьбу, отдавая их некому богу или божку, которым поклоняется так, как не поклоняется ни одному человеку. Каждый акт смиренного поклонения, пишет Э. Фромм, есть акт отчуждения и идолопоклонства в собственном смысле слова. И в любви к Богу, и в обычной земной любви к женщине человек проецирует свое внутреннее богатство в другого и переживает уже это богатство не как свое, но как нечто отчужденное от него, расположенное в другом, в том, с кем он может соприкоснуться, только поклоняясь ему, погружаясь в другого человека. Отчуждение может происходить под влиянием иррациональных страстей. Если индивид мотивирован только жадой власти, он уже не воспринимает себя во всей полноте своего внутреннего богатства, но превращается в раба своих частичных качеств, спроецированных на внешние цели, которые овладевают им. Это может быть страсть к деньгам. Точно также отчужден и больной неврозом человек. Его действия не являются его собственными до тех пор, пока он во власти своих иллюзий. Его желания превратились в господствующие над ними силы. Подсознательные силы обрели реальную власть над его сознанием. Сумасшедший есть абсолютно отчужденный, поскольку он потерял себя как центр своего жизненного мира. В результате человек теряет смысл существования [21].

Человек отчужден от работы, потребления, досуга, от социальных сил, агентов и институтов. Наша беспомощность перед властью имущими проявляется в том, что такие социальные катастрофы, как экономические депрессии и войны, случаются как бы естественно и стихийно, вне наших намерений. Человеческая жизнь, как повседневный процесс обмена, проходит по аналогии с процессом обмена товаров как эквивалентов. Мы управляемся законами, которые не в состоянии контролировать. Таково еще одно яркое проявление отчуждения. Экономика и общество больше не контролируются человеком.

Наш мир напоминает скорее всадника, который вроде бы управляет лошадью, крепко держась в седле, на самом деле он лишь следует за ней [20, р. 79] [2: 79].

Таким образом, отчуждение коренится 1) глубоко в психике человека и скрыто на уровне подсознания, 2) в социально-экономической структуре и политическом устройстве общества. В первом случае мы говорим о субъективной травме, во втором – об объективной патологии или деформации. Находясь между молотом и наковальней – между независимыми от человека законами общества и неподконтрольным подсознанием – индивид безысходно заперт в экзистенциальную клетку бытия. Таков трагизм нашего бытия, разгадать тайны которого психологи и философы без помощи социологов никогда не смогут.

Литература

1. Мельников А.С. Калифорнийская школа экзистенциальной социологии: общая характеристика деятельности // Соціологічні дослідження: Збірник наукових праць. – № 11. – Луганськ: Вид-во СЧУ ім. В. Даля, 2011. URL: <http://hpsy.ru/public/x5038.htm> (доступ 2017–07–11)
2. Understanding Everyday Life / Ed. by J. Douglas. – Chicago: Aldine, 1970;
3. The Impact of Sociology: Readings in the Social Sciences / Ed. by J. Douglas. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970;
4. Douglas J. American Social Order / J. Douglas. – N.Y.: Free Press, 1971.
5. Existential Sociology / Ed. by J. Douglas, J. Johnson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977;
6. The Existential Self in Society / Ed. by J. Kotarba, A. Fontana. – Chicago: The University of Chicago Press, 1984;
7. Postmodern Existential Sociology / Ed. by J. Kotarba, J. Johnson. – Walnut Creek: Alta-Mira Press, 2002.
8. Douglas J. Existential Sociology // Existential Sociology / Ed. by J. Douglas, J. Johnson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 3–73;

9. Johnson J. Behind the rational appearances: fusion of thinking and feeling in sociological research // *Existential Sociology* / Ed. by J. Douglas, J. Johnson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 201–228.
10. Павлова Е.Г. «Гедонистическая установка» как критерий самореализации личности: к проблематике экзистенциальной социологии // *Социология* 1/2011, с. 82–89
11. Аваряскина Т.В. «Плачевая» культура: от истоков до постмодерна // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 2008. Вып. 5, с. 263–264.
12. Джемс В. Психология. Часть II. СПб: Изд-во К.Л. Риккера, 1911. С. 323–324
13. Douglas Jack D., Johnson John M. Introduction to “Existential Sociology” (Cambridge University Press, 1977) URL: <https://existentialsociology.wordpress.com> (доступ 2017–07–11)
14. Seligman, L. & Reichenberg, L. (2014). *Theories of counseling and psychotherapy: Systems, strategies, and skills*. (4th ed). Upper Saddle River, NJ: Pearson.
15. Seeman M. On the Meaning of Alienation // *Amer. Sociol. Rev.* 1959. Vol. 24. No. 6. P. 783–791.
16. Mennell. S. *Sociological Theory: Uses and Unities*. N. Y., 1974; Seeman M. On the Meaning of Alienation // *Amer. Sociol. Rev.* 1959. Vol. 24. No. 6. P. 783–791.
17. Netter G. A Measure of Alienation // *Amer. Sociol. Rev.* 1957. Vol. 22. No. 6. P. 670–677.
18. Blauner R. *Alienation and Freedom*. Chicago, 1964.
19. Мамардашвили М. Форма превращенная // *Философская энциклопедия*. Т. 5. М. 1970, с. 386.
20. Fromm E. 1964. *The Sane Society // Alienation. The Cultural Climate of Our Time*. Vols. 1–2. / Ed. by G. Sykes. New York: George Braziller, Vol. 1, p. 67.
21. Кравченко А.И. Концепция отчуждения Эриха Фромма // *Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право*. 2018. Том 43, № 1. С. 47–48.

EXISTENTIAL SOCIOLOGY AND THE PROBLEM OF BORDERLINE EXISTENCE

Kravchenko A.I.

Lomonosov Moscow State University

Existential sociology and phenomenological sociology – a sophisticated intellectual product of a narrow circle of philosophically thinking sociologists, who are not fed up with the benefits of global society – is perhaps the most radical breakthrough to an abandoned man. Existentialists describe the actual or current human existence, i.e., as long as it lasts in one person, without its relation to the historical reality. Such a description is not transformed by collective historical experience, has the features of authentication and secrecy – is not accessible to objective scientific discretion. The existential awareness of its existence, which lies in the deep layers of the subconscious and unconscious, is accessible – and not always in an adequate state – to the methods of introspection. Even the psychological techniques of in-depth interviews are not able to highlight the hidden depths of our personality. The standard sociological survey, which measures the level of compliance of verbal information received from the Respondent to the body of socially approved norms, strictly speaking, generally misses the goal. The survey highlights the average typical cross-section of thinking, attitudes, behavioral models, values and opinions, while existential sociology takes a step further not only quantitative but also qualitative methodology, encroaching on the Holy of holies of man – his intimate individuality, sacred essence, i.e. the point where interrupts the earthly flow and communicates with eternity.

Keywords: phenomenological sociology, symbolic interactionism, being-to-death, existential sociology, alienation.

References

1. Melnikov AS California School of Existential Sociology: General Characteristics // *Sociological Research: Collection of Scientific Papers*. – № 11. – Luhansk: SNU Publishing House. V. Dahl, 2011. URL: <http://hpsy.ru/public/x5038.htm> (accessed 2017–07–11)
2. *Understanding Everyday Life* / Ed. by J. Douglas. – Chicago: Aldine, 1970;

3. The Impact of Sociology: Readings in the Social Sciences / Ed. by J. Douglas. – N.Y. : Appleton-Century-Crofts, 1970;
4. Douglas J. American Social Order / J. Douglas. – N.Y. : Free Press, 1971.
5. Existential Sociology / Ed. by J. Douglas, J. Johnson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977;
6. The Existential Self in Society / Ed. by J. Kotarba, A. Fontana. – Chicago: The University of Chicago Press, 1984;
7. Postmodern Existential Sociology / Ed. by J. Kotarba, J. Johnson. – Walnut Creek: Alta-Mira Press, 2002.
8. Douglas J. Existential Sociology // Existential Sociology / Ed. by J. Douglas, J. Johnson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 3–73;
9. Johnson J. Behind the rational appearances: fusion of thinking and feeling in sociological research // Existential Sociology / Ed. by J. Douglas, J. Johnson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 201–228.
10. Павлова Е.Г. «Hedonistic attitude» as a criterion of self-realization of the individual: to the problems of existential sociology // Sociology 1/2011, p. 82–89
11. Avaryaskina TV “Weeping” culture: from the origins to the postmodern // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research, 2008. Issue. 5, p. 263–264.
12. James W. Psychology. Part II. SPb: Izd-vo KL Ricker, 1911. P. 323–324
13. Douglas Jack D., Johnson John M. Introduction to “Existential Sociology” (Cambridge University Press, 1977) URL: <https://existentialsociology.wordpress.com> (accessed 2017–07–11)
14. Seligman, L. & Reichenberg, L. (2014). Theories of counseling and psychotherapy: Systems, strategies, and skills. (4th ed). Upper Saddle River, NJ: Pearson.
15. Seeman M. On the Meaning of Alienation // Amer. Sociol. Rev. 1959. Vol. 24. No. 6. P. 783–791.
16. Mennell. S. Sociological Theory: Uses and Unities. N. Y., 1974; Seeman M. On the Meaning of Alienation // Amer. Sociol. Rev. 1959. Vol. 24. No. 6. P. 783–791.
17. Netter G. A Measure of Alienation // Amer. Sociol. Rev. 1957. Vol. 22. No. 6. P. 670–677.
18. Blauner R. Alienation and Freedom. Chicago, 1964.
19. Mamardashvili M. Transformed form // Philosophical Encyclopedia. T. 5. M. 1970, p. 386.
20. Fromm E. 1964. The Sane Society // Alienation. The Cultural Climate of Our Time. Vols. 1–2. / Ed. by G. Sykes. New York: George Braziller, Vol. I, pp. 67.
21. Kravchenko AI Erich Fromm’s concept of alienation // Scientific Bulletin of BelSU. Philosophy Series. Sociology. Right. 2018. Volume 43, № 1. pp. 47–48.

Рациональность нового рабочего класса

Михайлов Иван Сергеевич,

ассистент кафедры Гуманитарных наук
и технологий, Тюменский индустриальный
университет
E-mail: Mikhailov-loannes@yandex.ru

В статье представлена авторская классификация типов рациональности, основанная на выделении следующих трёх оснований: хронологического, топологического и функционального. Также описывается возможность выделения классово-«субрациональности» на основании единства дискурса, характерного для определённой социальной страты. Во второй части интерпретируются эмпирические данные полученные в ходе социального опроса и делается предположение о наличии предпосылок для выделения рациональности нового рабочего класса в современной России.

Ключевые слова: рациональность, тип рациональности, дискурс, классификация, рабочий класс, классовая структура.

Разнообразие социокультурных форм, выделяемых в мировой истории, всегда ставило перед философией проблему рациональности. Признавая очевидное различие *содержательной* части человеческого мышления в различных плоскостях пространственно-временной шкалы, или, по выражению М. Бахтина – хронотопа, классическая философия стремилась найти общий *формальный* каркас мышления вообще. Такая формальная структура, общечеловеческая рациональность в представлении, к примеру, философов-структуралистов представляла собой некие глубинные структуры мышления свойственные всему человечеству на всем протяжении его истории. Однако с начала XX века, на фоне эйнштейновской научной революции начинает развиваться представление о том, что различие в мышлении разных эпох или даже разных народов, живущих в одну и ту же эпоху, вовсе не ограничивается содержательно-понятийным уровнем и вполне может затрагивать глубинные основы самого мыслительного процесса. Так представление о единой и единственно возможной рациональности (под которой понимается рациональность западноевропейская, ввиду её удивительной практичности) начинает конкурировать с представлением о разных *типах рациональности*, доминирующих в том или ином обществе [14, С. 223]. В.С. Швырев в своей статье «Рациональность как философская проблема» так формулирует данную проблему: «...рациональность зачастую связывается именно с определенным типом отношения к миру, свойственного современной научно-технической цивилизации. Какова, так сказать, жесткость этой связи, можно ли в этом отношении говорить о различных *типах рациональности*, рассматривать саму рациональность не однозначно, а как некоторый спектр возможностей, тенденций, форм реализаций? Или это неправомерно и рациональ-

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

ность должна пониматься достаточно однозначно и узко?» [16, С. 5] Проблема взаимоотношения различных социокультурных общностей в таком контексте обретает новые горизонты для исследования. С одной стороны, встает вопрос о возможности взаимодействия разных типов рациональности в современном глобализирующемся мире, с другой – единственный путь, позволяющий раскрыть формальную структуру чьего-либо мышления, – это анализ дискурсивной, языковой, то есть содержательной составляющей исследуемого типа мышления. Таким образом, чрезвычайно актуальным является выявление механизмов, с помощью которых через анализ дискурсивных практик и семиотико-нарративных аспектов речевой деятельности можно эксплицировать формальные структурные элементы, свойственные определенному типу рациональности. В настоящей статье представлена авторская классификация типов рациональности, а также на основе исследований в рамках гранта Российского научного фонда № 17–78–20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России» представлена попытка выявления возможной классовой рациональности нового рабочего класса в современном российском обществе.

Классификация типов рациональности

Рациональность, или, точнее, тип рациональности, можно рассматривать как нормативный стандарт мышления, с которым соотносятся индивидуальные разумы в процессе социализации, включающий систему правил и ориентиров, и которого придерживаются частные разумы в определенной сфере культуры (религии, политике, науке, философии и т.д.) [8, С. 111]. В таком случае первым и самым очевидным основанием для классификации типов рациональности является их местонахождение на пространственно-временной оси истории. С одной стороны, существующие в один временной период культуры создают свойственные только им модели

мышления, что частично отражается такими понятиями как менталитет и ментальность. С другой стороны, разные исторические эпохи, даже в рамках одной культуры, так же имеют специфические черты в области формального мышления [5, С. 84]. Таким образом, любой исторический тип рациональности может быть рассмотрен в качестве специфического хронотопа того общества, для которого он характерен. При его описании необходимо учитывать, как временные, так и локально-культурные особенности [4, С. 54]. Философия постмодернизма идет ещё дальше. Поскольку отделено взятое общество немонолитно и имеет ряд сфер или институтов со своей уникальной системой речевых и поведенческих практик, можно говорить и об особой форме объективации содержания человеческого сознания или дискурсе [7], свойственном для каждого из таких институтов. Если исходить из представлений М. Фуко, наличие у социальной группы своего особого дискурса свидетельствует о глубинных различиях этой группы с носителями иных дискурсов не только на внешнем содержательном, но и на более глубинном формальном уровне мышления [15, С. 78]. Выходит, что если можно говорить о политическом, религиозном, научном, медицинском и иных дискурсах в рамках одного социума, то вполне уместно поставить вопрос: если дискурс затрагивает формальные структуры мышления, можно ли говорить о профессионально-функциональных «субрациональностях»? Здесь возникает проблема границ такой группы, ведь и социальные институты имеют свою иерархию. Конечно, можно на основании общих дискурсивных практик сделать вывод о том, что представители одной профессиональной сферы обладают общим дискурсом, однако в данном случае не будет учитываться социальное или точнее классовое положение каждого отдельного представителя [11]. При этом дискурсивные и поведенческие практики могут значительно отличаться у представителей одного социального института, в зависимости от положения в иерархической структуре группы. Означает ли это, что можно

выделить некие «горизонтальные» классовые дискурсы в дополнение к «вертикальным» институциональным (функциональным)? Само по себе классовое сознание вполне понятное явление, подробно описанное в марксизме. Основано оно, в первую очередь, на солидарности и осознании классом некой «наднациональной» общности, выражаемой, в том числе, и в структурах коллективного мышления [6]. Таким образом, классическая марксистская классовая теория не отвергает возможность сосуществования в единичном сознании двух типов рациональности: локально-временной рациональности (к примеру, «русский» или «англичанин» XIX века), общей для английских и русских рабочих классов пролетарской рациональности. Если экстраполировать данную схему на отдельно взятое общество, то вполне справедливо сказать, что каждый индивидуум так же является своеобразной точкой пересечения двух дискурсов – профессионального и классового. Каким же образом это можно продемонстрировать? Исходя из вышеописанных представлений М. Фуко, уже само наличие общего дискурса и нарративных практик в выделяемой группе свидетельствует о наличии общих формальных структур, которые манифестируют себя через этот общий дискурс. Это означает, что наличие совпадений в семиотико-нарративных аспектах речевой деятельности представителей разных профессий, занимающих идентичное классовое положение, вполне может послужить одним из аргументов в пользу наличия такой классовой «субрациональности», свойственной исключительно исследуемой социальной страте. Конечно, не стоит переоценивать масштаб такого рода формально-логических структур, свойственных исключительно для определённого социального класса, даже если они действительно могут быть выявлены. Влияние такой субрациональности на психоземональную сферу и поведение конкретного человека будет не столь значительно, как влияние исторического типа рациональности, в котором этот человек сформировался. И, тем не менее,

описание такой субрациональности позволяет глубже понять процессы тотальной атомизации российского общества образца 90-х годов XX столетия, а также спрогнозировать возможную консолидацию социальных пластов по этому единому основанию в будущем. Далее, на основании анализа данных полученных в рамках указанного выше гранта мы попытаемся выявить некоторую общность в дискурсе и нарративных практиках исследуемых представителей зарождающегося нового рабочего класса и определить, имеются ли основания для того, чтобы констатировать наличие консолидирующей класс субрациональности.

Анализ эмпирических данных

Для начала необходимо определить ключевые характеристики «нового рабочего класса» как отдельной социальной группы со своим специфическим дискурсом. Главными отличиями «нового рабочего класса» от рабочего класса в его марксистском понимании являются: включение в него помимо работников производства людей, занятых в сфере услуг; стандартизация их труда и количественное нормирование результатов работы (что зачастую ведёт к прекаризации [12]); отчуждённость представителей нового рабочего класса от собственности и управления в компаниях, где они трудятся [9, С. 112]. Такое определение позволяет говорить о едва ли не самой многочисленной социальной группе в современной России. И если общественно-политические и социально-экономические факторы, объективно влияющие на становление этого социального кластера, исследуются довольно активно, то субъективным аспектам, характерным для «нового рабочего класса», уделяется недостаточное внимание. Причиной тому могут быть как укоренившаяся в советской науке тенденция уделять основное внимание объективным материально-экономическим факторам в становлении социальной группы, так и отсутствие четкой концептуализации самого понятия «новый рабочий класс» в российском научном дискурсе [9, С. 89].

Сейчас активно ведутся исследования, направленные на введение в российский социологический дискурс понятия «нового рабочего класса», а также на всестороннее изучение этой социальной группы с учетом не только объективных материально-экономических факторов, но и субъективных ценностно-смысловых аспектов формирования отдельных личностей этого класса [1; 2; 3].

В результате опроса 1534 респондентов и проведения 31 биографических интервью (исследования осуществлялись на территории Уральского федерального округа) выявлены специфические тенденции в культурных практиках, характерных для представителей молодежи (15–29 лет) «нового рабочего класса» [2, С. 116]. Так, у многих представителей исследуемой группы с возрастом снижается интенсивность межличностных контактов, а коммуникативным пространством зачастую становятся социальные сети [2, С. 118]. Это может говорить о наделении виртуальных контактов новыми смысловыми акцентами, связанными с большей практической значимостью таких связей по сравнению с традиционными. В дискурсивном поле это характеризуется некоторой терминологической общностью с использованием устойчивых семантических понятий: соцсети, ресурс, подкаст и др.

Еще одним примечательным результатом можно обозначить тенденцию молодежи нового рабочего класса к пассивному потреблению развлекательного контента в качестве досуговой практики, в противовес активному отдыху и творческим занятиям [2, С. 121]. Соответственно, можно говорить о девальвации ценности творческих успехов личности в силу малой практической значимости результатов такого вида деятельности для данной социальной группы. В стадии активного формирования остается ценность «здорового образа жизни» и посещения спортивных залов. Большинство данных молодых людей сталкиваются со сложностями в реализации своих устремлений

к занятию спортом из-за ненормированного рабочего времени и необходимостью совмещать здоровый образ жизни с культурными практиками своего ближайшего окружения, вредящими здоровью [2, С. 127]. Соответственно, формируются специфические ценностные и поведенческие нормы, оправдывающее «умеренное», но систематическое употребление алкоголя. Такая тенденция также сопровождается специфической, относительно устойчивой лексикой и использованием эвфемизмов, наподобие «отдохнуть» или «расслабиться» с устойчивым внутренним смыслом.

Необходимо упомянуть о низком уровне межкультурной толерантности в среде опрошенных. Возможность любого рода насилия в отношении иных культурных групп допускают, все же, менее половины участников опроса [2, С. 135], что позволяет с осторожностью говорить о распространении тренда на повышение терпимости к иным социальным группам у представителей «нового рабочего класса».

Совпадение синтаксических и семантических конструкций, согласно теории универсальной прагматики, Ю. Хабермаса, указывает на наличие общих прагматических характеристик речевых высказываний [13]. Для свободного коммуницирования с использованием указанных лингвистических единиц необходимо общее додискурсивное семантическое поле, которое бы собеседники разделяли ещё до вступления в диалог. Наличие такого поля можно рассматривать как указание на совпадение формальных структур в классовом мышлении или субрациональность.

Конечно же следует признать, что наличие у нового рабочего класса своей специфической субрациональности на данном этапе это лишь гипотеза, которая нуждается в дополнительных исследованиях. При этом, результаты опросов фиксируют активную стадию формирования смысловых и ценностных ориентиров для «нового рабочего класса» и позволяют выявлять общие тенденции в развитии исследуемой

социальной группы. В частности, прекаризация труда и нехватка времени на досуг повышают риски проявления негативных поведенческих практик, таких как систематическое употребление алкоголя, отсутствие мотивации к творческой деятельности, пассивная модель потребления развлекательного контента. Всё это указывает на наличие определённой дискурсивной и поведенческой общности и косвенно указывает на возможность существования классовой субрациональности как явления, общего для любого социального класса. Выявление подобных формальных когнитивных структур может помочь своевременно и эффективно корректировать государственную политику поддержки «нового рабочего класса», направленную на улучшение психоэмоционального состояния его представителей.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что комплексные исследования «нового рабочего класса» в современной России открывают горизонты не только для использования полученных результатов в области социальной поддержки, но и для более фундаментальных изысканий в контексте цивилизационистики. На наших глазах разворачивается процесс становления новой большой социальной группы, со своим специфическим общественным сознанием. Это общественное сознание или субрациональность, проявляющаяся в дискурсе, формируется не только исходя из объективных социально-экономических и политических процессов (хотя это влияние, конечно же, нельзя не учитывать). Огромную роль в становлении дискурсивных практик «нового рабочего класса» играет процесс активного смыслообразования, порождённый творческим взаимодействием индивидуальных разумов, входящих в этот формирующийся класс, с актуальными вызовами среды и времени. Самые популярные, эмоционально значимые, а главное – эффективные результаты такого творческого взаимодействия объективируются в культуре,

превращаясь из личностных субъективных смыслов в объективные цивилизационные нормы и ценности.

Дальнейшие исследования этого вопроса открывают широкие перспективы в области практического применения полученных социологических данных. В первую очередь, результаты могут быть направлены на улучшение не только материального состояния представителей «нового рабочего класса», но и позволят найти пути к разрешению самых распространённых психоэмоциональных проблем в их социальной группе. Более того, исследования в области формирования «нового рабочего класса» в перспективе способны выявить глубинные формальные структуры и закономерности становления ценностно-смысловой сферы целых социальных кластеров и прояснить отдельные моменты в политологическом и философском аспектах изучения цивилизационного процесса.

Литература

1. Гаврилюк Т. В., Гаврилюк В. В. Субъективные границы и солидарность современного российского рабочего класса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 170–185.
2. Гаврилюк Т. В. Культурные практики, нормы и предпочтения российской рабочей молодежи как составляющие ее классового габитуса // Журнал социологии и социальной антропологии, 2021, 24(3): С. 110–143.
3. Гаврилюк Т. В. Эмоциональная и смысловая природа труда рабочего класса в сервисной экономике: обзор проблематики в зарубежном социологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62 С. 64–73
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.

5. Жаринов С.А. Гетерологические основания дискурса любви [Текст]: диссертация ... к. филос. Н.: 09.00.01: защищена 28.04.2021: утв. 15.09.2021 / Жаринов Семён Александрович. Тюмень, 2020. 179 с.
6. Лукач, Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. / перевод, предисловие С.Н. Земляного. М.: «Логос-Альтера», 2003. – 416 с.
7. Мохейко М. А., Г.Б. Гутнер, А.П. Огурцов. Т.Х. Керимов– Дискурс / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2022 (последняя редакция: 04.02.2022). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6987>\\
8. Михайлов И.С. Рациональность в цивилизационной динамике // Социум и власть. 2014. № 2. С. 109–114.
9. Молодёжь нового рабочего класса современной России: коллективная монография / под. ред. Т.В. Гаврилюк. Москва: ФЛИНТА, 2019. 392 с.
10. Павлов, А.В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха. Вестник пермского университета, 2012. Выпуск 3 (11) С. 17–26
11. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
12. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. 400 с.
13. Тетюев Л.И. Философия языка Юргена Хабермаса: рациональная теория универсальной прагматики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 171–175.
14. Федорова В.Г. Рациональность как предпосылка и содержание модернизации общества // Исторические типы рациональности / Отв. ред. В.А. Лекторский. Т. 1. М., 1995. 350 с.
15. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
16. Швырев В.С. Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. М., 1995. 225 с.

RATIONALITY OF THE NEW WORKING CLASS

Mikhailov I.S.

Tyumen Industrial University

The article presents the author's classification of types of rationality based on the allocation of three foundations: chronological foundation, topological foundation and functional foundation. It also describes the possibility of distinguishing class "subrationality" based on the unity of discourse that is characteristic of a certain social stratum. The second part interprets the empirical data obtained in the course of a social survey. Author assumes that there are prerequisites for describing the rationality of the new working class in modern Russia.

Keywords: rationality, type of rationality, discourse, classification, working class, class structure.

References

1. Gavrilyuk T. V., Gavrilyuk V.V. Subjective boundaries and solidarity of the modern Russian working class // News of the South-Western State University. Series: Economy. Sociology. Management. 2021. V. 11, No. 3. S. 170–185.
2. Gavrilyuk T.V. Cultural practices, norms and preferences of Russian working youth as components of its class habitus // Journal of Sociology and Social Anthropology, 2021, 24(3): pp. 110–143.
3. Gavrilyuk T.V. Emotional and semantic nature of the labor of the working class in the service economy: a review of issues in foreign sociological discourse. Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2021. No. 62 S. 64–73
4. Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture. 2nd ed., rev. and additional Moscow: Art, 1984. 350 p.

5. Zharinov S.A. Heterological foundations of the discourse of love [Text]: dissertation ... k. filos. N.: 09.00.01: protected 04.28.2021: approved. 09/15/2021 / Zharinov Semyon Aleksandrovich. Tyumen, 2020. 179 p.
6. Lukacs, G. History and class consciousness. Studies in Marxist Dialectics. Per. with him. / translation, foreword by S.N. Earthen. M.: "Logos-Altera", 2003. – 416 p.
7. M. A. Mozheiko, G.B. Gutner, and A.P. Ogurtsov. T. Kh. Kerimov – Discourse / Humanitarian Portal: Concepts [Electronic resource] // Center for Humanitarian Technologies, 2002–2022 (last revised: 04.02.2022). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6987>
8. Mikhailov I.S. Rationality in civilizational dynamics // Socium and power. 2014. No. 2. P. 109–114.
9. Youth of the new working class of modern Russia: a collective monograph / ed. ed. T.V. Gavriilyuk. Moscow: FLINTA, 2019. 392 p.
10. Pavlov, A.V. Civilization and inter-civilization era. Bulletin of the Perm University, 2012. Issue 3 (11) P. 17–26
11. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // Sociology. 2020. No. 5. S. 163–176.
12. Precarious employment: origins, criteria, features / Ed. J.T. Toshchenko. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2021. 400 p.
13. Tetyuev L.I. Philosophy of Language by Jürgen Habermas: Rational Theory of Universal Pragmatics // Izv. Sarat. university New ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2019. Vol. 19, no. 2. S. 171–175.
14. Fedorova V.G. Rationality as a prerequisite and content of the modernization of society // Historical types of rationality / Ed. ed. V.A. Lecture. T.1. M., 1995. 350 p.
15. Foucault M. Archeology of knowledge / Per. from fr. M.B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova; intro. Art. A.S. Kolesnikov. St. Petersburg: Information Center "Humanitarian Academy"; University book, 2004. 416 p.
16. Shvyrev V.S. Rationality as a philosophical problem // Rationality as a subject of philosophical research. M., 1995. 225 p.

Торгово-развлекательный центр: теоретические подходы и социальная практика

Осеев Александр Александрович,

доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и менеджмента МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Oseev.a@mail.ru

Ногай Екатерина Андреевна,

аналитик, Cushman & Wakefield
E-mail: Katya_Nogay@mail.ru

В статье рассмотрены различные подходы к определению торгово-развлекательного центра, представленные в научной литературе, нормативно-правовой базе Российской Федерации, а также участниками рынка консалтинговых услуг в сфере коммерческой недвижимости. На основании проведенного анализа было предложено определение понятия «торгово-развлекательный центр», а также выявлены социальные функции подобного формата недвижимости, что представляется важным при проведении маркетинговых исследований, а также при решении вопроса об открытии объектов, попадающих по своим социально-экономическим характеристикам в категорию «торгово-развлекательный центр».

Ключевые слова: торгово-развлекательные центры, социальные функции торгово-развлекательных центров, социально-экономическое поле.

1. Предыстория постановки теоретической проблемы: определение понятия «торгово-развлекательный центр»

В середине 2019 года было проведено исследование «Сравнительный анализ стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров»¹, в рамках которого были рассмотрены социальные аспекты применения ряда маркетинговых коммуникаций такими специфичными субъектами как торгово-развлекательные центры. Об этом подробно рассказано в публикации А.А. Осеев, Е.А. Ногай «Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров: сравнительный анализ»². Уже в процессе проведения предыдущей исследовательской работы была установлена проблема определения понятия «торгово-развлекательный центр», что является концептуально важным для маркетинговых, социальных и правовых исследований, а также при принятии управленческих решений при открытии объектов, попадающих по своим социально-экономическим характеристикам в категорию «торгово-развлекательный центр». Раскрытие содержания понятия и проведение углубленного анализа существующих теоретических подходов потребовало воспроизвести в данной статье отдельные положения нашей предыдущей работы, чтобы аргументировано обосновать авторское определение понятия «торгово-развлекательный центр», уточняющее

¹ Осеев А.А., Ногай Е.А. Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров: сравнительный анализ. // Социология, 2020, № 5. С. 73–83. <https://cyberleninka.ru>

² Осеев А.А., Ногай Е.А. Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров: сравнительный анализ // Социология, 2020, № 5. С. 73–83. <https://cyberleninka.ru>

принятые в научной литературе формулировки и разъяснения.

Как показал анализ социальной практики работы торгово-развлекательных центров, торговые центры сегодня выступают не только местом продажи товаров и услуг, но и выполняют целый комплекс важных социальных функций, что и вызывает к ним особый научно-практический интерес как со стороны ученых, так и со стороны управленцев этими центрами, а также органов государственного управления. Забегая вперед, хотелось бы отметить, что существующие подходы к определению торгово-развлекательного центра (нормативно-правовой, маркетинговой и пр.) представляют перечень необходимых условий для квалификации объекта как торговый центр, в то время как формулировка «торгово-развлекательный центр» остается за рамками исследования. Кроме того, социальные функции торговых центров также не рассмотрены ни законодателями, ни представителями бизнеса. Рассмотрим эти подходы более подробно.

Одно из наиболее широких и распространенных определений торгово-развлекательного центра представлено в работах Ю.Г. Бюраевой: «торговый центр – форма организации розничной торговли, представляющую собой группу разнородных торговых предприятий, сосредоточенных в одном месте, функционирующих и управляемых как единый объект»³. Распространение этого понятия и применение его для торговых объектов самой разной направленности создает существенную проблему при исследовании социально-экономических особенностей данных объектов.

2. Понятие торгово-развлекательного центра: нормативно-правовой подход

В современном праве Российской Федерации понятие «торговый центр» появляется в Налоговом кодексе и госу-

дарственном стандарте, принятым федеральным агентством Росстандарт.

Следующее определение представлено в Налоговом кодексе: «торговым центром (комплексом) признается отдельно стоящее нежилое здание (строение, сооружение), помещения в котором принадлежат одному или нескольким собственникам и которое отвечает хотя бы одному из следующих условий: 1) здание (строение, сооружение) расположено на земельном участке, один из видов разрешенного использования которого предусматривает размещение торговых объектов, объектов общественного питания и (или) бытового обслуживания; 2) здание (строение, сооружение) предназначено для использования или фактически используется в целях размещения торговых объектов, объектов общественного питания и (или) объектов бытового обслуживания. При этом: здание (строение, сооружение) признается предназначенным для использования в целях размещения торговых объектов, объектов общественного питания и (или) объектов бытового обслуживания, если назначение, разрешенное использование или наименование помещений общей площадью не менее 20 процентов общей площади этого здания (строения, сооружения) в соответствии со сведениями, содержащимися в Едином государственном реестре недвижимости, или документами технического учета (инвентаризации) таких объектов недвижимости предусматривает размещение торговых объектов, объектов общественного питания и (или) объектов бытового обслуживания»⁴.

Явно видно, что в Налоговом кодексе такие понятия, как «торговый центр» и «торговый комплекс» отождествляются, а понятие «молла» отсутствует вообще. Базовым основанием для определения объекта как торгового центра выбирается пространственный критерий: «фактическое использование не менее

³ Стукалова И.Б., Токмачева О.С. Торговые центры в РФ: сущность, динамика развития, оценка эффективности // Российское предпринимательство, 2015. С. 1646.

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824. <http://elibrary.ru>

20 процентов общей площади для размещения торговых объектов, объектов общественного питания или объектов бытового обслуживания», что позволяет толковать различные формы строений, такие как, например, универсамы и отдельно стоящие гипермаркеты, как торговые центры.

В ГОСТе дано более четкое определение, которое предполагает разделение понятий «торговый центр», «торговый комплекс» и «молл» как качественно различных категорий.

Так, «торговый центр – совокупность торговых предприятий и/или предприятий по оказанию услуг, реализующих универсальный или специализированный ассортимент товаров и универсальный ассортимент услуг, расположенных на определенной территории в зданиях или строениях, спланированных, построенных и управляемых как единое целое и предоставляющих в границах своей территории стоянку для автомашин»⁵.

«Торговый комплекс, в свою очередь, представляет собой совокупность торговых предприятий, реализующих товары и оказывающих услуги, расположенные на определенной территории и централизующие функции хозяйственного обслуживания торговой деятельности»⁶. А молл – многофункциональный торгово-развлекательный центр общей площадью от 100 000 кв.м.⁷ Следует отметить, что такой показатель является достаточно крупным для российского рынка торговой недвижимости, несмотря на средние показатели в Москве, где размеры общей площади торговых центров доходят вплоть до 390 000 кв.м.⁸

⁵ ГОСТ Р 51303–2013 Торговля. Термины и определения. Введ. 2014–04–01. М., Госстандарт России: Изд-во стандартов, 2014.

⁶ ГОСТ Р 51303–2013 Торговля. Термины и определения. Введ. 2014–04–01. М., Госстандарт России: Изд-во стандартов, 2014.

⁷ ГОСТ Р 51303–2013 Торговля. Термины и определения. Введ. 2014–04–01. М., Госстандарт России: Изд-во стандартов, 2014.

⁸ Информационный портал торгово-развлекательного центра Авиапарк. URL: <https://www.aviapark.com>.

Как мы видим, данные определения более детально раскрывают понятие: во-первых, появляется указание на то, что спектр представленных услуг не ограничивается торговыми предприятиями, добавляя к ним «универсальный ассортимент услуг», а в понятии молла – и развлекательный компонент. И, во-вторых, указывается на целостность и неделимость управления торговым центром, что является ключевым фактором для исследования комплекса продвижения товаров и услуг.

Таким образом мы видим, что такое определение как «торгово-развлекательный центр» не предусмотрено на законодательном уровне, а любой многофункциональный торговый центр с развлекательным компонентом и общей площадью от 100 000 кв. м классифицируется, согласно ГОСТ, как молл, что вносит неясность в использование названий объектов с большей площадью таких оборотов как «торгово-развлекательный центр» и «торгово-развлекательный комплекс». Однако данная практика широко распространена и используется практически повсеместно, так как законодатель оставляет определение названия торгового объекта за собственником, а данная норма носит диспозитивный характер⁹. Исходя из этого мы видим, что присутствие в названии объекта таких категорий не гарантирует соответствие данного объекта классификации законодателя¹⁰.

Особый интерес представляет маркетинговый подход, в котором отражаются важные особенности торгово-развлекательных центров (например, наличие службы маркетинга, регулярное проведение исследований, опросов посетителей и пр.), важные для реализации ими социальных функций, о которых мы будем говорить далее.

⁹ Белов В.А. Торговое законодательство как почва для дуализма частного права // Правоведение, 2012. С. 88–90.

¹⁰ Дробот Г.А., Дробот В.Н. Международный торговый режим: стимулы и вызовы (подходы американских ученых) // Социально-гуманитарные знания, 2004. С. 58.

3. Торгово-развлекательные центры как вид коммерческой недвижимости

Рассмотрим, что понимают под «торговым центром» в маркетинговых исследованиях, а также определения, предлагаемые консалтинговыми компаниями в сфере коммерческой недвижимости.

В Colliers International дается следующее определение: «торговый центр – группа архитектурно объединенных торговых предприятий, спроектированных и построенных на едином, специально спланированном и развитом участке, управляемых как единое целое и «привязанных» к данному участку земли. При этом размеры и тип магазинов точно соответствуют обслуживаемой торговой зоне и обеспечены парковочными местами на прилегающем участке в точном соответствии типу и размеру существующих магазинов»¹¹.

В Jones Lang LaSalle мы находим другое определение, особенность которого состоит в том, что «торговый центр – помещение, арендуемая или торговая площадь которого составляет не менее 5000 квадратных метров, высокого качества строительства, в котором присутствует четко выраженная концепция, к минимуму сведены потери площадей, но при этом концепция достаточно эффективна для того, чтобы потенциальным покупателям было удобно в нем ориентироваться и передвигаться, а также включающее качественное и эффективное управление объектом»¹². Данное определение, как мы видим, вводит минимальную общую арендуемую площадь, что позволяет исключить отдельные магазины и гипер-

¹¹ Новая жизнь торгового центра: перемены ему к лицу // Colliers International, 2017. URL: <http://www.colliers.com/-/media/files/emea/russia/research/2017/aging.pdf?la=ru-RU>.

¹² Дзюба О., Копылова О., Шибанова М. Рынок торговых центров Москвы // Исследования JLL, 2018. URL: http://www.jll.ru/russia/ru-ru/Research/Moscow_shopping_centre%20market_Q4_2017_rus.pdf?56b5ec98-037e-4008-b5a1-20304783bc5e.

Кузьмина С.Н. Методологические аспекты управления развитием инновационной деятельности организации: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Кузьмина Светлана Николаевна; [Место защиты: С.-Петербург. гос. экон. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2014. – 360 с.: ил. <http://dlib.rsl.ru>

маркеты. Из него вытекает важность и необходимость единой концепции торгового центра, и оно исключает устаревшие форматы торговых центров.

В следующем определении, которое мы хотим представить, кроме всего прочего установлено минимальное количество торговых операторов. Так, в Cushman & Wakefield утверждают, что: «торговый центр – это объект недвижимости, спроектированный и построенный специально для торговых целей и обладающий единым управлением. Суммарная сдаваемая площадь составляет более 5000 квадратных метров, а количество торговых операторов – не менее 10 единиц»¹³.

Таким образом, существующие подходы содержат широкий перечень необходимых условий для квалификации объекта как торговый центр, в то время как формулировка «торгово-развлекательный» центр остается за рамками исследования. Кроме того, социальные функции торговых центров также не рассмотрены ни законодателями, ни представителями бизнеса. В связи с чем, представляется важным изучить другие существующие подходы к определению торгового центра.

Нельзя оставить без внимания позицию Российского Совета Торговых Центров (РСТЦ). Данная организация разработала систему стандартов для объектов торговой недвижимости, которые позволяют оценивать конкурентоспособность проекта, его социально-экономическую значимость, классифицировать тот или иной торговый центр как качественный. А среди качественных торговых центров выделять два уровня объектов: соответствие высоким стандартам и соответствие современным требованиям¹⁴. Данная систе-

¹³ Обзор торговых центров Москвы // CRE, 2004. URL: <https://cre.ru/analytics/1588>.

Кузьмина С.Н. Методологические аспекты управления развитием инновационной деятельности организации: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Кузьмина Светлана Николаевна; [Место защиты: С.-Петербург. гос. экон. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2014. – 360 с.: ил. <http://dlib.rsl.ru>

¹⁴ Официальный сайт организации Российский Совет Торговых Центров. URL: <http://www.rcsc.info/>.

ма включает в себя четыре основных параметра, в каждый из которых входят те или иные критерии. К ним относятся, как отмечает К.А. Селиванов, «технологические характеристики объекта, привлекательность объектов для арендаторов, соответствие оценки качества объекта ожиданиям посетителей и привлекательность для инвесторов»¹⁵. Для последней переменной необходимо анализировать следующие показатели: управление зданием и услуги, предоставляемые управляющей компанией, телекоммуникационные системы, эффективность операционной деятельности торгового центра, системы навигации, системы подсчета посетителей.

Также компонентом этой характеристики является маркетинг объекта. РСТЦ к наиболее важным компонентам маркетинговой стратегии торгового центра относит наличие службы маркетинга, регулярное проведение исследований, опросов посетителей, организация стимулирования сбыта, брендинг объекта, который включает в себя наличие бренд-бука и использование арендаторами бренда торгового центра в своих коммуникативных стратегиях, наличие программы лояльности торгового центра, пул арендаторов, в котором якорные арендаторы, занимающие не менее 5–15% процентов общей площади торгового центра и «выступающие его лицом», должны быть представлены исключительно международными и федеральными брендами, для арендаторов торговой галереи требуется не менее 80% федеральных и международных брендов. Еще одним важным показателем, утвержденным РСТЦ, является соответствие Шопинг Индекса объекта разработанному нормативу, который исчисляется как средняя посещаемость торгового центра на 1000 м² общей арендной площади за год.

Наибольший интерес, с учетом тематики нашей статьи, представляет социологический подход.

¹⁵ Селиванов К.А. Характеристика ритейл-индустрии в границах «Красного квадрата» города Хабаровска. <http://web.snauka.ru>

4. Торгово-развлекательные центры: социологический подход

Согласно концепции Р. Ольденбурга, торговый центр мы можем отнести к «третьим местам», которые следуют после дома и работы (первого и второго места соответственно)¹⁶. Исследователь относит к ним также кафе, кофейни, бары и различные неформальные общественные места для встреч. Среди функций таких мест он предлагает выделять следующие: объединение района, ассимиляция, место как «сортировочный узел», где «люди обнаруживают, что им очень нравятся одни люди и не нравятся другие»¹⁷, функция организационного пункта в критических ситуациях, обеспечение наличия «публичных персонажей», которые знают всех в округе и заботятся о своем районе. В торгово-развлекательном центре такими «публичными персонажами» выступают продавцы, наемные работники на различных выставках и аниматоры в развлекательных зонах. Ольденбург среди функций третьего места также выделяет совместный расслабленный и приятный отдых молодежи и взрослых, третье место выступает «местом примирения конфликта отцов и детей», то есть особым методом адаптации различных возрастных групп. Важно отметить, «что подобные места дают возможность вышедшим на пенсию людям не потерять связь с теми, кто еще работает, а в лучших случаях обеспечивают общение самого старого и самого молодого поколений»¹⁸.

Базовая функция торгового центра – развлекательная, получения удовольствия от развлечений, именно рекреация является сильнейшей мотивацией для посещения торговых центров,

¹⁶ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. С. 312. <https://kartaslov.ru>

¹⁷ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. С. 312. <https://kartaslov.ru>

¹⁸ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. С. 312. <https://kartaslov.ru>

личная выгода и иные потребности уходят на второй план, кроме того, это связано с отсутствием альтернатив иного времяпрепровождения в ближайшей транспортной доступности и особого чувства сопричастности, принадлежности к сообществу, которое возникает при посещении третьих мест. Не менее важным является то, что третьи места выступают политическими, интеллектуальными форумами, а также офисом. Таким образом, автор указывает на ряд специфических социальных функций торгово-развлекательных центров.

Дэниел Дж. Бурстин придерживается позиции, что торговые центры – *дворцы потребления*, он исследует исторический аспект возникновения такого рода торговых площадей, указывая, что даже в самых первых универмагах сотрудники «были нацелены предложить что-то достаточно близкое к тому, что клиент, возможно, уже желает, и *возбудить в нем желания*, о которых он никогда не подозревал. Покупателя убеждали не просто стать потребителем, а присоединиться к сообществу потребления»¹⁹. Ему предлагалось нечто, предназначенное не именно для него, а для таких, как он. Но существует позиция, согласно которой на сегодняшний день мы отошли от подобной тенденции, потребитель все больше требует индивидуального подхода²⁰.

Элвин Тоффлер, исследуя трансформацию социальных институтов при переходе к новому этапу развития, третьей волне, утверждает, что вторая волна произвела коренные изменения в системе распределения: «железные дороги, автомагистрали и каналы открыли доступ к районам, расположенным в глубине страны, и вместе с индустриализмом пришли «дворцы торговли» – первые универсальные магазины. Распределение товаров, изготовлен-

ных на заказ, уступило место массовому распределению и массовой торговле, которые стали столь же привычным и основным компонентом всех индустриальных обществ, как и машины»²¹. Но на современном этапе, по мнению автора, от тенденции создания массового рынка мы отходим в пользу специализированных магазинов с сильно различающимися подразделениями. Кроме того, такую специализацию Э. Тоффлер связывает с *попыткой крупных производителей управлять потребителем, создавая новые, «ложные» потребности*. Но существует и иная причина: «растущая дифференциация продуктов и сервиса также отражает растущее разнообразие действительных потребностей, ценностей и стилей жизни в обществе Третьей волны»²².

В Энциклопедии урбанистики R. Hutchison проводится строгое разграничение понятий молл и торговый центр: моллы – крытые торговые площади, единые строительные объекты. Торговые центры это открытые пространства, комплекс отдельных строений, реализующих торговую функцию, расположенных рядом друг с другом, и имеющих единую концепцию и управление²³. В данном случае стоит отметить, что исследования проводились в США, в то время как подобный формат открытых торговых центров в России не представлен, мы не относим к нему аутлет, выделенный в особую категорию из-за специфики ценовой и маркетинговой политики, однако описываемые форматы архитектурно близки к нему. R. Hutchison отмечает, что в Центральной и Восточной Европе торговые центры были восприняты как символы перехода к современному капитализму и *потребительской культуре*²⁴. Спецификой для этого региона яв-

¹⁹ Осеев А.А., Ногай Е.А. Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров: сравнительный анализ. // Социология, 2020, № 5. С. 73–53. <https://cyberleninka.ru>

²⁰ Daniel J. Boorstin. Consumption Communities. The Americans: The Democratic Experience. New York, 1974. P. 151–155.

²¹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 611.

²² Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 68. URL: [tretya_volna.doc https://lib100.com](https://lib100.com/tretya_volna.doc)

²³ Hutchison R. Encyclopedia of Urban Studies. Shopping Center. 2020. <http://sk.sagepub.com/reference/urbanstudies>.

²⁴ Осеев А.А., Ногай Е.А. Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торго-

ляется то, что якорными арендаторами выступают гипермаркеты и развлечения, а не универмаги, а также торговые центры сильно привязаны к системе общественного транспорта.

P. Corrigan в своей работе «The Sociology of Consumption: An Introduction»²⁵ рассматривает роль возникновения универсальных магазинов, не ограниченных по размеру. Как указывает автор, *важнейшим элементом стало фиксирование единой цены и бесплатный доступ в магазин без обязательства что-либо купить*. Это стало переломным моментом: посетителями стали представители всех слоев населения, происходила «демократизация роскоши», в связи с чем формировались соответствующие стратегии потребления. Универмаги предоставили материальную базу для нового среднего класса и формирования его идентичности. Развитие капитализма сильно отразилось на данной отрасли. Автор предполагает, что с уплотнением городской застройки возникла потребность у ритейлеров более экономно «использовать пространство, тем самым возвышая здания, а не расширяя их». В этом отношении идея магазина, существующего на нескольких этажах и обязательно содержащего несколько различных направлений, была функцией рыночных сил. Автор утверждает, что *массовое производство требовало, чтобы система розничной торговли была гораздо более эффективной и обширной, чем то, что мелкие владельцы магазинов могли бы предложить*, и поэтому торговые центры – это ответ фабрике. Старая система распределения не могла справиться с потоком товаров массового производства, который начинал наводнять рынок. Именно в этом ученый видит основные причины изменений торговых форматов в капиталистических обществах.

развлекательных центров: сравнительный анализ. // Социология, 2020, № 5. С. 73–53. <http://elibrary.ru>

²⁵ Corrigan P. The Sociology of Consumption: An Introduction. 1997. URL: <http://sk.sagepub.com/books/the-sociology-of-consumption>.

Нельзя оставить без внимания позицию И.С. Винниковой²⁶, которая рассматривает торговые центры как *механизм трансформации социального пространства*. Анализируя проблематику городского социального пространства, автор приходит к выводу, что современные торговые центры, представляющие широкий пул арендаторов самой разной направленности, позволяют наблюдать все виды социальных практик. Связано это, как правило, с резким развитием и распространением торговых центров как основных форматов торговых площадей в России²⁷. В своих трудах И.С. Винникова пишет: «торговый центр – крупное социально-экономическое поле, пространственно объединяющее совокупность универсальных и специализированных субъектов – арендаторов, реализующих универсальный ассортимент товаров и услуг для различных социальных страт населения, расположенных на определенной территории, архитектурно спланированных, построенных и профессионально управляемых как единое целое в соответствии с четкой концепцией и имеющее различные зоны влияния»²⁸. На наш взгляд, данный подход раскрывает целевой охват торгового центра, неоднородный по социально-экономическому составу²⁹.

Таким образом, мы видим, что в научной литературе сложилось несколько подходов к исследованию торговых-развлекательных центров и специфики потребления в таких местах. В работах

²⁶ Винникова И.С. Торговый центр как инновационный механизм трансформации социального городского пространства и проблемы его социологического изучения // Вестник Саратовского аграрного университета им. Н.И. Вавилова, 2006. С. 20.

²⁷ Винникова И.С. Торговый центр в современной России как социальное явление опыт классификации // Российское общество в зеркале социологии. Саратов: Научная книга, 2006. С. 236–237.

²⁸ Винникова И.С. Торговые центры как рыночный механизм трансформации социального городского пространства: дис. ... канд. соц. наук: Саратов, 2007. С. 131.

²⁹ Cartwright J., Hesselink M. A shopping centre without a tenant // University of Oxford, 2009. P. 242.

В.И. Ильина³⁰, И.С. Винниковой³¹, К. Левина³² торгово-развлекательные центры выступают как особые социально-экономические поля, механизм трансформации социального пространства. В трудах Дж. Ритцера³³ и Дэниела Дж. Бурстина³⁴ торговые центры рассматриваются как дворцы потребления, в которых сотрудники с самого момента их возникновения были нацелены предложить что-то достаточно близкое к тому, что клиент, возможно, уже желает, и возбудить в нем желания, о которых он никогда не подозревал³⁵. Тем самым, подчеркивалась роль торгово-развлекательных центров с точки зрения особой системы стимулирования сбыта разнообразных товаров и услуг. Исследователь Р. Ольденбург³⁶ относит торговый центр к «третьим местам», которые следуют после дома и работы (первого и второго места соответственно)³⁷, обращая внимание на реализацию важных социальных функций. R. Hutchison³⁸ и P. Corrigan³⁹ говорят о торгово-развлекательных центрах как

³⁰ Ильин В.И. Поведение потребителей. М., 2000. 320 с.

³¹ Винникова И.С. Торговый центр в современной России как социальное явление опыт классификации // Российское общество в зеркале социологии. Саратов: Научная книга, 2006. С. 233–240.

³² Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000. 368 с.

³³ Ritzer G. Expressing America: A Critique of the Global Credit Card Society. 1995. 256 p.

³⁴ Daniel J. Boorstin. Consumption Communities. The Americans: The Democratic Experience. New York, 1974. 170 p.

³⁵ Daniel J. Boorstin. Consumption Communities. The Americans: The Democratic Experience. New York, 1974. P. 151–155.

³⁶ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. 456 с.

³⁷ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. С. 312.

³⁸ Hutchison R. Encyclopedia of Urban Studies. Shopping Center. 2020. URL: <http://sk.sagepub.com/reference/urbanstudies>.

³⁹ Corrigan P. The Sociology of Consumption: An Introduction. 1997. URL: <http://sk.sagepub.com/books/the-sociology-of-consumption>.

о символах перехода к современному капитализму и потребительской культуре.

Обоснование авторского понятия требует еще раз вернуться к анализу социальной практики работы торгово-развлекательных центров, к анализу важных социальных функций, которые они выполняет в современных условиях, показать конкретные примеры?

5. Социальные функции торгово-развлекательных центров

В рамках данного исследования для характеристики социального аспекта деятельности торгово-развлекательного центра, на наш взгляд, представляется необходимым выделять соответствие функций и практик, осуществляемых в торгово-развлекательных центрах, целям и ориентирам социальной политики Российской Федерации. Основные положения социально-экономической политики РФ, как известно, изложены в документе «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Проведенные исследования показали, «что ряд ключевых задач, стоящих перед российским обществом на сегодняшний день, реализуется именно на площадках торгово-развлекательных центров как объектов социального назначения»⁴⁰.

Предпринимая попытки систематизировать социальную роль торгово-развлекательных центров, мы выделили следующие реализуемые такими объектами социальные функции.

Одной из базовых, основополагающих других социальных функций является функция унификации получения услуг. Она реализуется в доступности всевозможных услуг – торговой, бытовой, развлекательной, образовательной, спортивной, банковской инфраструктуры и пр., а также в включении государственных организаций (напри-

⁴⁰ Осеев А.А., Ногай Е.А. Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров: сравнительный анализ. // Социология, 2020, № 5. С. 73–53. <https://cyberleninka.ru>

мер, представление в торговых центрах многофункциональных центров «Мои документы» и пр.) на одной площадке торгового центра. Примером может служить флагманский офис «Мои Документы» в ТЦ Афимолл – это расширенный перечень государственных услуг и дополнительные сервисы: регистрация транспортного средства, услуги нотариуса и медицинский осмотр внутри крупного торгово-развлекательного кластера. Для посетителей появилась возможность в один приход на площадку центра удовлетворить разные потребности и самым сэкономить свое время. Из чего становятся понятным и другие социальные функции торгово-развлекательных центров.

К таким функциям относится функция социальной адаптации различных половозрастных групп, связанные с потреблением и поведением в общественных местах. Примерами могут выступать общественные зоны, такие как SkyLight в ТЦ Афимолл (зона отдыха, настольные игры, книги), в ТЦ Москворечье – это небольшие пространства с настольным теннисом, детскими площадками, играми и книгами на разных этажах. Наличие кафе, баров и ресторанов с доступными в этих центрах ценами дает возможность для встреч, празднования юбилеев, дней рождения, проведения семейных праздников. Общение молодежи и людей старших возрастных групп помогает молодежи лучше адаптироваться к происходящим динамичным общественным изменениям. Пенсионеры, как известно являются носителями нравов, традиций и пр. реализуют и здесь свою важную воспитательную функция наставников молодого поколения.

Формирование здорового образа жизни реализуется в проведении различных семинаров и мастер-классов о питании, тренировках и медитациях и пр. в регулярных мероприятиях по стимулированию сбыта. Среди примеров таких акций: йога в ТЦ Афимолл в пространстве SkyLight, акция проводилась дважды (каждый раз длительностью месяц), а также автограф-сессии

известных спортсменов в ТЦ Океания и пр.

Образовательная функция. Во многих торгово-развлекательных центрах г. Москвы расширяется образовательная инфраструктура. В созданных рекреационных зонах есть читальные места, различные настольные игры, филиалы библиотек и пр.. Наглядным примером является филиал библиотеки «Некрасовка» в ТЦ Океания, это открытое общественное пространство со свободным доступом и большим количеством книг и настольных игр, а также шахматные турниры в ТЦ VEGAS Кунцево.

Функция взаимодействия культур реализуется посредством доступа к произведениям культуры и искусства независимо от возраста, социального статуса и благосостояния посетителей. Кроме того, центр выступает площадкой взаимодействия туристов, мигрантов и постоянного населения города. Появляется возможность культурного отбора, знакомства с различными традициями, стилями поведения. Различные концерты регулярно проходят в ТЦ VEGAS Каширская и в ТЦ Каширская Плаза, в ТЦ Афимолл в 2019 г. был месяц искусства, когда по всему торгово-развлекательному комплексу были выставлены стенды с картинами, скульптуры с описанием, биографической справкой авторов, а также подготовлены тематические украшения всего комплекса. В целом, спектр культурного взаимодействия внутри торгово-развлекательных центров очень широк.

Отмеченные социальные функции делают возможным реализацию еще одной важной роли торгово-развлекательных центров, которая является составляющей социальной стабильности общества. Это функция укрепления социальных связей – укрепление взаимоотношений различных социальных групп и государства. Становится понятным, что «торговые центры предстают в качестве особого социального поля для взаимодействия: друзей, родственников, коллег, детей и родителей, супругов, предоставляя способы совместного времяпрепровождения».

дения»⁴¹. Указанные мероприятия предоставляют возможность такого взаимодействия.

Выводы

Таким образом, мы можем подвести итог проведенного исследования. Нами были рассмотрены различные теоретические подходы к определению торгово-развлекательного центра, представленные в научной литературе, нормативно-правовой базе Российской Федерации, а также участниками рынка консалтинговых услуг в сфере коммерческой недвижимости. На основании проведенного анализа нами было предложено следующее определение торгово-развлекательного центра. Торгово-развлекательный центр – объект торговой недвижимости, арендуемая площадь которого составляет не менее пяти тысяч метров квадратных, высокого качества строительства, в котором присутствует четко выраженная концепция и единое управление, в определенных условиях выполняет ряд ключевых социальных функций: рекреационная – базовая функция торгового центра; формирование классовой идентичности, особого чувства сопричастности, принадлежности к сообществу; отражение растущего разнообразия действительных потребностей, ценностей и стилей жизни в обществе; функция социальной адаптации; функция формирования здорового образа жизни; функция взаимодействия культур; функция укрепления социальных связей; функция унификации повседневных практик; образовательная функция; поколенческая функция: торгово-развлекательный центр выступает местом примирения «конфликта отцов и детей» (кроме того, данная функция также проявляется в том, что торгово-развлекательные центры дают возможность старшему поколению, вышедшему на пенсию, не потерять связь с теми, кто еще работает, а в лучших слу-

⁴¹ Осеев А.А., Ногай Е.А. Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров: сравнительный анализ. // Социология, 2020, № 5. С. 73–53. <http://elibrary.ru>

чаях обеспечивают общение самого старшего и самого молодого поколений). Можно сделать вывод, что по своим функциям торгово-развлекательные центры в России сегодня выступают не столько символами перехода к современному капитализму, сколько к современной потребительской культуре.

Литература

1. Белов В.А. Торговое законодательство как почва для дуализма частного права // Правоведение, 2012. № 2. С. 79–101.
2. Винникова И.С. Торговый центр в современной России как социальное явление опыт классификации // Российское общество в зеркале социологии. Саратов: Научная книга, 2006. № 6, С. 233–240
3. Винникова И.С. Торговый центр как инновационный механизм трансформации социального городского пространства и проблемы его социологического изучения // Вестник Саратовского аграрного университета им. Н.И. Вавилова, 2006. № 6. С. 18–22
4. Винникова И.С. Торговые центры как рыночный механизм трансформации социального городского пространства: дис. ... канд. соц. наук: Саратов, 2007. 180 с.
5. ГОСТ Р 51303–2013 Торговля. Термины и определения. Введ. 2014–04–01. М., Госстандарт России: Изд-во стандартов, 2014.
6. Дзюба О., Копылова О., Шебанова М. Рынок торговых центров Москвы // Исследования JLL, 2018. URL: http://www.jll.ru/russia/ru-ru/Research/Moscow_shopping_centre%20market_Q4_2017_rus.pdf?56b5ec98-037e-4008-b5a1-20304783bc5e.
7. Дробот Г. А., Дробот В.Н. Международный торговый режим: стимулы и вызовы (подходы американских ученых) // Социально-гуманитарные знания, 2004. № 3. С. 262–278.
8. Ильин В. Общество потребления: теоретическая модель и россий-

- ская реальность // Мир России. М., 2005. № 2. С. 3–40.
9. Ильин В. Поведение потребителей. М., 2000. 320 с.
  10. Информационный портал торгово-развлекательного центра Авиапарк. URL: <https://www.aviapark.com>.
  11. Кузьмина С.Н. Методологические аспекты управления развитием инновационной деятельности организации: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Кузьмина Светлана Николаевна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. экон. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2014. – 360 с.: ил. <http://dlib.rsl.ru>
  12. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000. 368 с.
  13. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
  14. Новая жизнь торгового центра: перемены ему к лицу // Colliers International, 2017. URL: <http://www.colliers.com/-/media/files/emea/russia/research/2017/aging.pdf?la=ru-RU>.
  15. Обзор торговых центров Москвы // CRE.ru, 2014. URL: <http://new.cre.ru/analytics/1588>.
  16. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. 456 с. <https://kartaslov.ru>
  17. Осеев А.А., Ногай Е.А. Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров: сравнительный анализ. // Социология, 2020, № 5. С. 73–53. <http://elibrary.ru>
  18. Осеев А.А., Ногай Е.А. Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров: сравнительный анализ. // Социология, 2020, № 5. С. 73–53. <https://cyberleninka.ru>
  19. Официальный сайт организации Российский Совет Торговых Центров. URL: <http://www.rcsc.info/>.
  20. Селиванов К.А. Характеристика ритейлинговой недвижимости в границах «Красного квадрата» города Хабаровска. <http://web.snauka.ru>
  21. Соколов Д. Marketbeat Q4 2017 // Cushman & Wakefield, 2018. URL: <http://cwrussia.ru/analytics/reviews/>.
  22. Стукалова И.Б., Токмачева О.С. Торговые центры в РФ: сущность, динамика развития, оценка эффективности // Российское предпринимательство, 2015. № 11. С. 1645–1673.
  23. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. 781 с.
  24. Cartwright J., Hesselink M. A shopping centre without a tenant // University of Oxford, 2009. 350 p.
  25. Corrigan P. The Sociology of Consumption: An Introduction. 1997. URL: <http://sk.sagepub.com/books/the-sociology-of-consumption>.
  26. Daniel J. Boorstin. Consumption Communities. The Americans: The Democratic Experience. New York, 1974. 170 p.
  27. Hutchison R. Encyclopedia of Urban Studies. Shopping Center. 2020. URL: <http://sk.sagepub.com/reference/urbanstudies>.
  28. Ritzer G. Expressing America: A Critique of the Global Credit Card Society. 1995. 256 p.

SHOPPING AND ENTERTAINMENT CENTER: THEORETICAL APPROACHES AND SOCIAL PRACTICE

Oseev A.A., Nogai E.A.

Lomonosov Moscow State University; Cushman & Wakefield

The article highlights the various approaches to the definition of a shopping and entertainment centers, presented in the scientific literature, the legislation of Russian Federation, as well as consulting companies in commercial real estate. As a result of analysis, a definition of a shopping and entertainment center was proposed, and the social functions of this type of real estate were identified. The study outcomes can be used in marketing research as well as shopping centers development.

Keywords: shopping and entertainment centers, social functions, social-economic field.

References

1. Belov V.A. Trade legislation as a basis for the dualism of private law // *Jurisprudence*, 2012. No. 2. P. 79–101.
2. Vinnikova I.S. Shopping center in modern Russia as a social phenomenon, the experience of classification // *Russian society in the mirror of sociology*. Saratov: Nauchnaya kniga, 2006. No. 6, pp. 233–240
3. Vinnikova I.S. Shopping center as an innovative mechanism for the transformation of social urban space and the problems of its sociological study // *Bulletin of the Saratov Agrarian University*. N.I. Vavilov, 2006. No. 6. pp. 18–22
4. Vinnikova I.S. Shopping centers as a market mechanism for the transformation of social urban space: dis. ... cand. social Sciences: Saratov, 2007. 180 p.
5. GOST R 51303–2013 Trade. Terms and Definitions. Introduction 2014–04–01. M., Gosstandart of Russia: Publishing house of standards, 2014.
6. Dziuba O., Kopylova O., Shebanova M. Market of shopping centers in Moscow // *Research JLL*, 2018. URL: http://www.jll.ru/russia/ru-ru/Research/Moscow_shopping_centre%20market_Q4_2017_rus.pdf?56b5ec98-037e-4008-b5a1-20304783bc5e.
7. Drobot G. A., Drobot V.N. International trade regime: incentives and challenges (approaches of American scientists) // *Social and humanitarian knowledge*, 2004. No. 3. pp. 262–278.
8. Ilyin V. Consumer society: theoretical model and Russian reality // *World of Russia*. M., 2005. No. 2. pp. 3–40.
9. Ilyin V. Consumer behavior. M., 2000. 320 p.
10. Information portal of the shopping and entertainment center Aviapark. URL: <https://www.aviapark.com>.
11. Kuzmina S.N. Methodological aspects of management of development of innovative activity of the organization: the dissertation... Doctors of economic sciences: 08.00.05 / Kuzmina Svetlana Nikolaevna; [Place of protection: St. Petersburg. state economy university]. – St. Petersburg, 2014. – 360 p.: ill. <http://dlib.rsl.ru>
12. Levin K. Field theory in the social sciences. SPb., 2000. 368 p.
13. Tax Code of the Russian Federation (part one) of July 31, 1998 No. 146-FZ // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 31. Art. 3824.
14. New life of the shopping center: change suits it // *Colliers International*, 2017. URL: <http://www.colliers.com/-/media/files/emea/russia/research/2017/aging.pdf?la=ru-RU>.
15. Overview of shopping centers in Moscow // *CRE.ru*, 2014. URL: <http://new.cre.ru/analytics/1588>.
16. Oldenburg R. Third place: cafes, coffee houses, bookstores, bars, beauty salons and other places of “hanging out” as the foundation of the community. M., 2014. 456 p. <https://kartaslov.ru>
17. Oseev A.A., Nogai E.A. Social Aspects of Sales Promotion Strategies for Shopping and Entertainment Centers: A Comparative Analysis. // *Sociology*, 2020, No. 5. P. 73–53. <http://elibrary.ru>
18. Oseev A.A., Nogai E.A. Social Aspects of Sales Promotion Strategies for Shopping and Entertainment Centers: A Comparative Analysis. // *Sociology*, 2020, No. 5. P. 73–53. <https://cyberleninka.ru>
19. Official site of the organization Russian Council of Shopping Centers. URL: <http://www.rcsc.info/>.
20. Selivanov K.A. Characteristics of retail real estate within the boundaries of the “Red Square” of the city of Khabarovsk. <http://web.snauka.ru>
21. Sokolov D. Marketbeat Q4 2017 // *Cushman & Wakefield*, 2018. URL: <http://cwrussia.ru/analytics/reviews/>.
22. Stukalova I.B., Tokmacheva O.S. Shopping centers in the Russian Federation: essence, development dynamics, efficiency assessment // *Russian Entrepreneurship*, 2015. No. 11. P. 1645–1673.
23. Toffler E. The Third Wave. M., 2004. 781 p.
24. Cartwright J., Hesselink M. A shopping center without a tenant // *University of Oxford*, 2009. 350 rubles.
25. Corrigan P. The Sociology of Consumption: An Introduction. 1997. URL: <http://sk.sagepub.com/books/the-sociology-of-consumption>.
26. Daniel J. Boorstin. Consumption Communities. The Americans: The Democratic Experience. New York, 1974. 170 rubles.
27. Hutchison R. Encyclopedia of Urban Studies. shopping center. 2020. URL: <http://sk.sagepub.com/reference/urbanstudies>.
28. Ritzer G. Expressing America: A Critique of the Global Credit Card Society. 1995. 256 p.

Моделирование развития человеческого капитала в современном бизнесе

Пружинин Александр Николаевич,
 ассистент преподавателя на кафедре
 «Государственное и муниципальное управление»
 Института социальных наук Иркутского
 государственного университета
 E-mail: alex.pruzhin@gmail.com

В статье проводится анализ форм и условий моделирования развития человеческого капитала в современном бизнесе. На примере нефтяных компаний анализируются процессы корпоративного обучения, способствующие развитию человеческого капитала конкретных компаний, а вместе с этим и регионов их присутствия.

Ключевые слова: человеческий капитал, корпоративное обучение, моделирование развития, современный бизнес.

В настоящей практике современных корпораций актуальным является вопрос как инвестировать максимально эффективным способом, основная цель инвестиций не только увеличить производительность человеческого капитала и количественно-качественные показатели интеллектуальной собственности компании, но и достичь закрытого производственного цикла, ключевая особенность которого – самостоятельное обеспечение необходимыми специалистами и технологиями.

Интеллектуальный капитал компании нужно определить в нескольких плоскостях, во-первых, как возможность интеллектуальных (рациональных и интуитивных) способностей личности ориентироваться в условиях неопределенности. Во-вторых, как четыре актива: рыночные активы, человеческие активы, интеллектуальную собственность и инфраструктурные активы. Рыночные активы – это потенциал, который обеспечивается нематериальными активами, связанными с рыночными акциями. Человеческие активы – это совокупность коллективных знаний сотрудников предприятия, лидерские качества, творческие способности, латеральные навыки решения проблем. Интеллектуальная собственность как актив является узаконенным инструментом защиты корпоративных активов. Инфраструктурные активы – технологии, патенты, методы и процессы, обновляющие и делающие возможной работу предприятия. Именно эти определения в совокупности показывают форму реализации интеллектуального капитала и его влияние на капитализацию активов компании, улучшение технологического или управленческого процесса. Главные инструменты моделирования человеческого капитала в бизнесе – это корпоративная социальная ответственность (КСО) и корпоративное образование, второе, чаще всего в рамках корпоративного университета [3].

Корпоративную социальную ответственность можно разделить на социальную ответственность фирмы – это выполнение социальных обязательств, предписываемых законом, добровольный вклад бизнеса в развитие общества, учитывающий интересы этого общества и окружающей среды. И корпоративная ответственность – перед своими сотрудниками, начиная с высокого уровня безопасности труда и заканчивая организацией досуга, отдыха и образования сотрудника. В современной теории КСО употребляется в обоих значениях.

В России КСО регулируется ФЗ № 135 от 11 августа 1995 г. «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», ст. 39 Конституции РФ и Гражданским кодексом. В этих законах установлен минимум КСО компании на уровне своевременной оплаты труда, гарантированного отпуска и подобных защит работника. Для международного сообщества определение КСО закреплено на законодательном уровне и является обязательным для крупного и среднего бизнеса. Большинство международных компаний заключает контракты только при наличии отчетности о выполнении КСО определенного уровня, причин выделяется множество – КСО, как стандарт качества продукции безопасности технологического производства, гарантирующее выполнение поставок товаров или услуг в срок, КСО как часть современного бренда, правило сотрудничества только с поставщиком качественного сырья, технологии или услуги. Подобное условие сильно способствовало развитию КСО российских нефтяных компаний.

Внешние инвестиции российских нефтегазовых компаний оказывают значительное влияние на человеческий капитал региона, они могут быть выгодны, как самой компании, так и обществу, а также только обществу. В исследованиях автора [8–13], а также в работах коллег (Г.В. Дружинина, Е.В. Мамуркова, О.А. Полюшкевич) [3–7] рассматриваются разные аспекты данных про-

цессов, позволяющие говорить об имеющихся закономерностях системы развития человеческих ресурсов крупных компаний.

Хорошим примером внешней политики КСО нефтегазовых компаний (Роснефть, Газпром, Башнефть и др.) может быть защита окружающей среды, реализуемая посредством улучшения технологического оборудования и как следствие сокращение выбросов в атмосферу, загрязнения вод, вырубки леса. Отметим, что большая часть обновлений создают сами компании на базе своих корпоративных университетов. При создании новых площадок добычи углеводородов учитываются территории, на которых расположены охот угодья малочисленных народов Сибири, что позволяет им сохранять привычный уклад жизни. Вместе с налогами, которые идут в казну субъекта РФ, осуществляется спонсирование муниципальных медицинских, культурных, спортивных и образовательных учреждений. За 2017 год компания Роснефть выделила 8 млрд руб. на благотворительность, Газпром в свою очередь 7,6 млрд. Подобная политика создает положительный образ компании в глазах людей, повышает лояльность сотрудников, приобщенность к чему-то большему и гордость за свою работу положительно влияет на производительность. Если внешнее КСО опосредованно влияет на производительность сотрудников, то внутренняя социальная политика ставит перед собой именно эту цель [4].

Внутреннее КСО компаний «закрывает» множество потребностей своих сотрудников, сюда включаются корпоративные пенсии, страхование жизни, повышенная промышленная безопасность, помощь в приобретении жилья, пакеты медицинского страхования, организация отпуска, спортивного досуга и т.п. Безусловно, рассмотрение этой политики в полном масштабе заслуживает отдельного внимания, в нашем случае достаточно общего понимания о том, что это повышает авторитет компании в глазах сотрудника и он более

предрасположен к проявлению инициативы, карьерному росту и качественно-выполнению своих обязательств.

Под корпоративным образованием следует понимать следующие процессы: взаимодействие компаний с внешними образовательными ресурсами (вузы, школы), образование сотрудников в рамках корпоративного университета, а также разработка инноваций и проведение исследований.

Взаимодействие нефтяных компаний (Роснефть, Газпром, Башнефть) со школами обусловлено целью выделить талантливых учеников, которые впоследствии будут трудоустроены в компанию. Школы в свою очередь получают необходимое финансирование на организацию углубленных программ обучения, содержание своей инфраструктуры и организацию дополнительного обучения. В свою очередь школьники могут и не попасть в число тех, кто будет учиться в вузе по целевому направлению от компании, но пройденная усиленная подготовка будет хорошим конкурентным преимуществом в дальнейшем. Как показывает статистика корпоративных отчетов количество роснефть-классов постоянно увеличивается с 2010 года, в котором было создано 60 роснефть-классов, а в 2017 уже 111. Более того, если в регионе присутствия есть возможность проводить подготовку сотрудников на базе профессиональных училищ, то для территории присутствия нефтяная компания становится и работодателем. Подобная практика была учреждена в 2017 году и в Газпроме [7].

При поступлении в профильный вуз по целевой программе уже студент может рассчитывать на именные стипендии за отличную учебу и победы в научных конференциях, организованных компанией, а также прохождение стажировок. Отметим, что в 2010 году Роснефть сотрудничала с 10 российскими вузами, а в 2017 уже с 27. Из 6 тысяч студентов, прошедших практику в Роснефти, 1437 трудоустроились в компанию. Взаимодействие с вузами необходимо и для создания технологических

обновлений, если корпоративный университет не обладает необходимыми ресурсами, возможно создание сдвоенных программ магистратуры, которые проходят, как сами сотрудники компании, так и желающие студенты. Аналогичная политика КСО реализуется и в Газпром-нефть, но в отчетах не указывается статистика. Именно это направление КСО полезно, как территории присутствия в качестве развития образовательных услуг и инфраструктуры, и для самой компании в качестве организации кадровой политики [9].

Соответственно можно утверждать, что внешняя социальная ответственность способствует развитию человеческого капитала в плане образования, здоровья, культуры или спорта при инвестициях в инфраструктуру территории присутствия или посредством адресной помощи. Влияние организации досуга и медицинского обеспечения сотрудников положительно влияет на их производительность, но измерить влияние этих мер на капитализацию компании затруднительно. Прямое влияние на капитализацию компании оказывает корпоративный университет. Именно этой практике будет посвящено основное внимание в данной работе.

Отсутствие способности к обучению имеет трагические последствия для развития ребенка, он оно поистине приобретает фатальные последствия, когда речь идет об организации. Поэтому многие компании не доживают до сорокалетнего возраста. За последние 20 лет в российском бизнесе сформировался тренд, о том, что каждая крупная уважающая себя компания обязательно должна иметь свой корпоративный университет. Подобная практика, как и КСО положительно влияет на имидж компании и лояльность сотрудников, но главная цель, в общем понимании – это подготовка и развитие персонала, обучение необходимым и новым знаниям и навыкам, а также разработка и внедрение технологических, управленческих инноваций. В дальнейшем мы подробно рассмотрим весь возмож-

ный функционал корпоративного университета.

Возникновение корпоративных университетов было обусловлено усложнением бизнес-среды в плане развития информационных технологий усложнением коммуникаций и переход к экономике знаний. Особое место в этом занимает рост сложности «интеллектуальных задач», быстрое устаревание профессий или замена их информационными технологиями. Также растет актуальность качества обучения, необходимость расширить его географические возможности. Кроме того, созданные интеллектуальные продукты требуют знать их специфику, свойственную продуктам одной фирмы, растет ориентация компаний на пожененный нам сотрудников, что в конечном счете ещё раз актуализирует разработку качественного обучения внутри компании. Впоследствии высшее образование перестало успевать за потребностями бизнеса, что сделало корпорации провайдером образования наравне с традиционными университетами.

Развитие корпоративных университетов проходило в три этапа. Первое поколение представляло собой традиционные учебные центры. Они занимались обучением некоторых групп сотрудников, адаптацией новых сотрудников через курсы техники безопасности, менторства и подобных. Главным отличием этих центров от классических учебных заведений – это распространением корпоративной культуры. Для этого и второго этапов характерно сотрудничество корпорации с вузами в целях подготовки персонала или разработки необходимых технологий.

На втором этапе у корпоративного университета появляется ключевая особенность, которая делает его отдельной и полномасштабной структурной единицей корпорации – реализация стратегических потребностей фирмы. Являясь отчасти и разработчиком стратегии, корпоративный университет осуществлял стратегически направленное обучение, распространял культуру ор-

ганизационных изменений, внедрял новые корпоративные стандарты.

Третий этап – это независимость корпораций от внешних провайдеров образования, как минимум в основных направлениях подготовки и разработки большей части технологических обновлений. Наличие самостоятельных исследований, развитая инфраструктура университета, часто наличие онлайн-обучения и что немало важно – планирование необходимых в будущем компетенций персонала. Также есть возможность предоставлять образовательные и исследовательские услуги другим фирмам. Иными словами, только на третьем этапе корпоративный университет создает конкурентоспособные преимущества фирмы. Он в полной мере обеспечивает компанию необходимыми патентами, курсами обучения, эффективно внедряет новые управленческие практики и технологические инновации.

Сегодня в России только крупные корпорации обладают развитыми корпоративными университетами, способными полноценно обеспечивать свои компании необходимыми знаниями и технологиями. Например, в компании Роснефть процент самообеспечения учебными программами вырос с 51% (в 2012 г.) до 66% в (2020 г.), 16 тыс. сотрудников прошли необходимое обучение, а 13 тыс. прошли квалифицированную аттестацию. В Газпроме на момент 2020 г. прошли обучение 85% сотрудников. В обеих компаниях за это время выросло количество направлений подготовки, акцент обучающих программ сместился с процесса добычи на развитие стратегических компетенций у ТОП-менеджеров или промышленной безопасности в рамках КСО. Соответственно выросло и количество объектов интеллектуальной собственности – в нашем случае это заявки на патенты в области технического развития компании, сюда же включены другие интересы компании.

В свою очередь в России, как за рубежом ещё не сложилось полноценных методик по внедрению и развитию кор-

поративных университетов, из-за чего компании идут методом проб и ошибок, делают большие вложения, но имеют низкую эффективность – это приводит к незаслуженной девальвации статуса корпоративного университета. Выделенные аспекты могут стать основой для проведения исследования деятельности корпоративного университета, формирования запроса компании и др. Далее подробно рассмотрим выделенные профили: организационный, образовательный, операционный, партнерский, маркетинговый.

Организационный профиль включает в себя определение стратегической роли корпоративного университета, стадию развития, форму контроля, структуру. Современная практика включает в себя 8 возможных вариантов стратегической роли корпоративного университета, но может быть бизнес-инициативой и предназначен в таком случае для осуществления и поддержки глобальных проектов, например, внедрения новой системы безопасности промышленного оборудования.

Как «агент изменений» – управление изменениями и внедрение инноваций внутри компании;

Как воспитатель талантов и лидеров – обучение сотрудников с высоким потенциалом на всех уровнях иерархии компании, развитие кадрового резерва;

Как «визионер» – разрабатывающий отдельные виды деятельности компании, расчет возможности выхода на новые географические рынки;

Как управляющий отношениями – главная функция выстраивать доверительные отношения с клиентами компании и её поставщиками, а также проводить необходимое обучение всех сторон;

Как развивающий отраслевые компетенции – развитие компетенций технических специалистов, инженеров и рабочих;

Как опора развития и распространения корпоративной культуры – проведение необходимого обучения для распространения корпоративных ценностей и идеалов у сотрудников;

Как центр развития КСО компании – выстраивание отношений с органами государственной власти, образовательными учреждениями и НКО для развития благотворительности, и спонсорской поддержки.

Менее принципиальным вопросом является форма контроля корпоративного университета, выделяются три основных: нисходящая – подчинение генеральному директору или ведущему специалисту по корпоративному обучению. Горизонтальная – подчинение департаменту по управлению человеческими ресурсами, также это может быть HR-служба или управление персоналом (кадрами). Восходящая – подчинение отдельной бизнес-единице – это редкая форма управления, которая встречается в диверсифицированных конгломератах, где бизнес-единицы обладают автономией друг от друга, но при этом технологически связанных, например: добыча – производство – сбыт.

Структура корпоративного университета включает в себя два аспекта – это организация корпоративного университета в пространстве, здесь возможны варианты онлайн-обучения или в более традиционном формате в рамках кампуса, как правило онлайн-обучение необходимо при широком географическом охвате компании, когда её филиалы расположены в разных странах или многочисленны в рамках одной. Онлайн-обучение сохраняет единство своих целей и качества «нет игры в сломанный телефон», когда информация передается от одного обучающего подразделения к другому, при подобных условиях требуется адаптация обучающих программ под культурные особенности страны-адресата. К подобному формату прибегают как правило из финансовой целесообразности – обучать ещё один состав преподавателей и содержать полноценное подразделение корпоративного университета – это дорого и долго. При этом, согласно европейскому опыту, качество онлайн-образования ниже, чем традиционными методами. Обучение в кампусе – это наиболее распространенная практи-

ка, также она вполне может дополняться онлайн-курсами. Второй аспект – это модели обучения:

1. Организационная карта – Сначала все сотрудники проходят «основное обучение», содержащее универсальные навыки и знания, которые необходимы для работы в вашей компании. Потом для каждого подразделения реализуется индивидуальная программа обучения, состоящая из нескольких уровней специализации, учитывающая профессиональные потребности сотрудников;
2. Храм – первые две ступени обучения такие же, как и в «организационной карте», но дополнительно проводится обучение генеральных директоров и его заместителей по стратегическому развитию компании, реализации устойчивого развития, лидерству и другим актуальным направлениям;
3. Пирамида – данная модель предполагает 5 видов обучения: общее обучение всех сотрудников, обучение сотрудников, работающих с клиентами, обучение средних менеджеров, обучение директоров подразделений, обучение генерального директора. Считается, что в компаниях с данной моделью продвижение сотрудников по карьерной лестнице происходит через обучение;
4. Корпоративный пирог – Значимость основного «общего обучения» содержащее универсальные навыки и знания выходят на первый план, помимо специализированного обучения у каждого подразделения компания, проходит повсеместное (эгалитарное) обучение лидерству.

В становлении корпоративного университета выделяют следующие стадии – запуск, включает в себя разработку регламентов обучения и планирование инфраструктуры, выделяется потребность в обучении. Начальное функционирование – разработаны программы обучения, сотрудники понимают, что внутрифирменное обучение может принести им пользу, осуществляется ещё разрозненное обучение. Полное

функционирование – корпоративный университет реализует широкий спектр программ и отлажен в плане организационной и содержательной структуры, обучение приносит ощутимые результаты. Следующий переход к стратегической фазе и экспертной фазе, когда компания в полной мере обеспечила себя необходимыми знаниями и способна оказывать услуги по корпоративному обучению другим фирмам, корпоративный университет добровольно проходит дополнительные аттестационные проверки и присваивает качественные ранги [4].

Образовательный профиль. Он состоит из программ обучения, методов оценки эффективности, целевой аудитории. Иными словами, важно не только верно подобрать или разработать программу обучения, но и грамотно оценить её результаты. Список программ обучения чрезвычайно широк, но выделяют 5 самых распространенных:

Программы по развитию стратегических управленческих компетенций – Посредством обучения генерального директора (его замов) корпоративный университет решает стратегические задачи компании. Среди обучения генерального директора фирмы и его замов – формирование индивидуального лидерского поведения, формирование корпоративного видения и ценностей, предвосхищение актуальных для бизнеса проблем;

Программы по развитию инструментальных управленческих компетенций – предназначены для менеджеров среднего звена, направлены на обучение принятию решений, командное взаимодействие, стратегическое планирование, бизнес-этика и другие сферы бизнеса;

Программы по развитию профессиональных отраслевых компетенций – предназначены для сотрудников неправленческих позиций, например, для инженеров или ИТ-специалистов, которым необходимо обучение, т.к. ранее полученные технические знания быстро устаревают. Этот профиль тесно связан

с интеллектуальной собственностью компании, её патентами и ноу-хау;

Программы по развитию лидерского потенциала, личностному и карьерному росту – класс программ, нацеленных на развитие индивидуальных потребностей в обучении и развитии различных категорий сотрудников. Применяется для высшего и с среднего менеджмента, в том числе, как и мотивация персонала на непрерывный характер обучения;

Программы по развитию организационных и корпоративных компетенций – изучение согласованности действий подразделений компании, оценка развития компании, оценка реализации стратегии компании, оценка эффективности программ обучения корпоративного университета.

Целевая аудитория делится на обучение персонала нижнего, среднего и высшего уровней, но иногда добавляются клиенты и поставщики компании, по мнению зарубежных исследователей корпоративный университет может создавать конкурентные преимущества тогда, когда он встроен в организацию всех бизнес-процессов от начала создания продукта до его реализации. Более того, наличие внешней аудитории свидетельствует о его публичном признании и состоятельности внутри компании.

Вопрос оценки обучения является одним из самых обсуждаемых в современной теории корпоративного университета, одной из центральных проблем выстраивание причин-следственной связи между обучением и показателями, например снижение текучести кадров можно однозначно связать с деятельностью корпоративного университета. В нашем случае мы рассмотрим несколько наиболее актуальных метрик, измеряющих качество обучения: метод Д. Киркпатрика, ROI – предложенный Дж. Филипсом, модуль продуктивности П. МакГи, организационные метрики М. Аллена и П. МакГи.

Операционный профиль включает в себя модели финансирования и внедрение информационных технологий.

Финансирование корпоративных университетов как правило закладывается на год «бюджетная» модель, как правило это показывает актуальность для компании развития своего персонала, особенно если предполагается возможность выделения дополнительных средств финансирования. Противоположная модель финансирования соответствует начальным этапам развития корпоративного университета, когда средства выделяются по необходимости, подобный опыт есть и у дифференцированных конгломератов. Информационные технологии тесно связаны с организацией и логистикой обучения.

1. Системы и инструменты по управлению обучением (LMS) – Позволяют регистрировать и отслеживать все образовательные программы и мероприятия, проводимые корпоративным университетом, регистрировать участников и фиксировать прогресс их обучения, генерировать отчеты о развитии;
2. Системы и инструменты по управлению знаниями (LCMS) – вид программного обеспечения, позволяющий создавать, сохранять, накапливать, передавать и изменять имеющиеся в организации знания;
3. Системы и инструменты по управлению развитием талантами (TMS) – сопровождение стратегического планирования и отбор персонала, управление эффективностью, планирование преемственности, формирование и развитие кадрового резерва. Также эти технологии позволяют составлять подробные карты компетенций персонала, для каждой должности и отдельного сотрудника составлять индивидуальный план развития компетенций;
4. Поддерживающие системы и инструменты (SS) – это технологии, обеспечивающие интеграцию LMS, LCMS и TMS в информационную структуру компании и представляющие поддержку всем участникам корпоративного университета в вопросах использования технологий обучения.

Партнерский профиль, предложенный Э. Луи Абель и Дж. Ли. Рассматривается в рамках сотрудничества с внешними и внутренними партнерами, но как можно видеть из практики современных российских корпорации этот профиль слабо развит в России. В нашей стране корпоративные университеты сейчас на ступени обеспечения родовой компании необходимыми технологиями и знаниями. К внутренним партнёрствам относят сотрудничество корпоративного университета с HR-департаментами или подрядными организациями. Подобное партнерство необходимо для сочетания целей двух организаций или её подразделений, чтобы избежать дублирования функций, некачественного исполнения или расхождений в целях. Внешние партнерства уже были частично нами описаны – это может быть сотрудничество со школами и вузами для формирования кадрового резерва, сотрудничество с консалтинговыми фирмами в целях обеспечения себя необходимой информацией или обучением, разработка которого может быть слишком затратной. Также сотрудничество с провайдерами информационных технологий необходимых для организации обучения корпоративного университета или взаимодействие с другими компаниями, имеющими корпоративные университеты для обмена опытом.

Маркетинговый профиль состоит из каналов продвижения и атрибутов бренда корпоративного университета. Целенаправленный маркетинг корпоративного университета способен создать положительное восприятие своей компании у заинтересованных сторон и повысить лояльность сотрудников, а также потенциальных сотрудников, компания, которая предлагает непрерывное образование в условиях экономики знаний имеет существенное преимущество перед своими конкурентами. В свою очередь маркетинг корпоративного университета отражает миссию компании.

Для этого корпоративный университет должен обладать набором стандартной атрибутики: имя (школа, академия, центр и т.д.), логотип, корпоратив-

ный стиль одежды, информация на веб-сайте, публикации в профессиональной научно-популярной литературы, наличие наград и сертификатов качества, членство в престижных ассоциациях.

Внутреннее продвижение особенно важно на стадиях запуска корпоративного университета в компании, сотрудники должны понимать какую пользу и возможности он несёт в себе для них. Внешнее продвижение необходимо для потенциальных сотрудников и клиентов, поставщиков, которые будут видеть свои интересы в сотрудничестве: непрерывное образование и широкое КСО, качественные товары и услуги, технологическая безопасность и гарантия поставок в срок.

Таким образом, развитие человеческого капитала в современном бизнесе – это сложный, пока не четкий механизм освоения и усвоения новых социальных рычагов и инструментов социального развития компаний. Без развития этих форм коммуникации и социального взаимодействия наступает коллапс человеческого развития внутри организации, а вслед и в регионе. Поэтому, данная форма социального моделирования будет развиваться в будущем и станет одним из актуальных направлений общественного воспроизводства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс
2. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 N 135-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс
3. Дружинин Г.В., Пружинин А.Н. Воспроизводство человеческого капи-

- тала в отечественных компаниях / Г.В. Дружинин, А.Н. Пружинин // Социология. 2019. № 3. С. 62–70.
4. Дружинин Г.В., Пружинин А.Н., Мамурков Е.В. Стратегии развития человеческого капитала нефтяных компаний / Г.В. Дружинин, А.Н. Пружинин, Е.В. Мамурков // Социология. 2019. № 1. С. 114–123.
  5. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность. Учебное пособие. / О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2012. – 131 с.
  6. Полюшкевич О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты / О.А. Полюшкевич // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2014. – С. 103–110.
  7. Полюшкевич, О.А. Идеологические ресурсы социокультурной солидарности / О.А. Полюшкевич // Гос. управление. Электрон. вестн. – 2017. – № 64. – С. 217–230.
  8. Пружинин А.Н. Анализ корпоративного образования нефтяных компаний (на примере компаний «РОС-НЕФТЬ» и «ГАЗПРОМ НЕФТЬ») / А.Н. Пружинин // Государственная служба. 2019. Т. 21. № 4 (120). С. 58–65.
  9. Пружинин А.Н. Анализ корпоративных норм регулирования человеческого капитала нефтяных компаний / А.Н. Пружинин // Социология. 2020. № 3. С. 162–169.
  10. Пружинин А.Н. Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний / А.Н. Пружинин // Социология. 2021. № 1. С. 128–140.
  11. Пружинин А.Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала / А.Н. Пружинин // Социология. 2020. № 2. С. 306–313.
  12. Пружинин А.Н. Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области) / А.Н. Пружинин // Социология. 2021. № 3. С. 114–125.
  13. Пружинин А.Н. Человеческий капитал нефтяных компаний / А.Н. Пружинин // Социология. 2018. № 4. С. 151–154.

MODELING THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN MODERN BUSINESS

Pruzhinin A.N.
Irkutsk State University

The article analyzes the forms and conditions for modeling the development of human capital in modern business. On the example of oil companies, corporate training processes are analyzed that contribute to the development of the human capital of specific companies, and along with this, the regions of their presence.

Keywords: human capital, corporate training, development modeling, modern business.

References

1. The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 N 6-FKZ, of December 30, 2008 N 7-FKZ, of February 5, 2014 N 2-FKZ, dated 07.21.2014 N 11-FKZ) [Electronic resource] // ATP Consultant Plus
2. Federal Law “On charitable activities and volunteering (volunteering)” dated 11.08.1995 N 135-FZ [Electronic resource] // SPS Consultant Plus
3. Druzhinin G.V., Pruzhinin A.N. Reproduction of human capital in domestic companies / G.V. Druzhinin, A.N. Pruzhinin // Sociology. 2019. No. 3. S. 62–70.
4. Druzhinin G.V., Pruzhinin A.N., Mamurkov E.V. Strategies for the development of human capital of oil companies / G.V. Druzhinin, A.N. Pruzhinin, E.V. Mamurkov // Sociology. 2019. No. 1. S. 114–123.
5. Polyushkevich O.A. Introduction to corporate social responsibility. Tutorial. / O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2012. – 131 p.
6. Polyushkevich O.A. Trends in the development of corporate social responsibility: federal and regional aspects / O.A. Polyushkevich // Problems of managing the devel-

- opment of social systems: personalities, organizations, territories. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2014. – S. 103–110.
7. Polyushkevich, O.A. Ideological resources of sociocultural solidarity / O.A. Polyushkevich // State. control. Electron. vestn. – 2017. – No. 64. – P. 217–230.
  8. Pruzhinin A.N. Analysis of the corporate formation of oil companies (on the example of the companies “ROSNEFT” and “GAZPROM NEFT”) / A.N. Pruzhinin // Public Service. 2019. V. 21. No. 4 (120). pp. 58–65.
  9. Pruzhinin A.N. Analysis of corporate norms for regulating the human capital of oil companies / A.N. Pruzhinin // Sociology. 2020. No. 3. S. 162–169.
  10. Pruzhinin A.N. Influence of a corporate university on the development of human capital of companies / A.N. Pruzhinin // Sociology. 2021. No. 1. S. 128–140.
  11. Pruzhinin A.N. Features of the strategic development of human capital / A.N. Pruzhinin // Sociology. 2020. No. 2. S. 306–313.
  12. Pruzhinin A.N. Regional specifics of human capital development (on the example of the Irkutsk region) / A.N. Pruzhinin // Sociology. 2021. No. 3. S. 114–125.
  13. Pruzhinin A.N. Human capital of oil companies / A.N. Pruzhinin // Sociology. 2018. No. 4. S. 151–154.

Концепция открытой науки как базис развития современного общества

Савицкая Юлия Петровна,

старший преподаватель кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: savitskajajp@tyuiu.ru

Филиппова Ирина Анатольевна,

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры сервисного инжиниринга и правового обеспечения в ЖК и СК, Тюменский индустриальный университет
E-mail: filippovaia@tyuiu.ru

Статья носит научно-теоретический характер и посвящена рассмотрению концепции открытой науки. В работе рассмотрено возникновение концепции и философии открытой науки. Констатировано отсутствие общепринятого определения данного понятия в силу большого количества аспектов, которое оно затрагивает. Отмечены ключевые составляющие инфраструктуры открытой науки и основополагающие нормативные документы, определяющие вектор достижения открытого доступа. Рассмотрены такие принципы открытой науки, как открытый доступ, открытые данные, открытая методология, открытые образовательные ресурсы, открытое рецензирование, а также программное обеспечение с открытым исходным кодом. Показано позитивное влияние распространения идей открытой науки на публикационный процесс: повышение воспроизводимости исследований за счёт роста уровня кооперации между учёными и качества экспертной оценки. Отмечено возникновение нового формата научных публикаций – «пре-регистриванные исследования». Сделан вывод о фундаментальной роли открытой науки в современном обществе.

Ключевые слова: открытая наука, популяризация, исследования, издательства, общественность, принципы, методология, образование.

Актуальность. Одним из ключевых трендов в научно-образовательной сфере в глобальном масштабе стала неуклонно возрастающая роль открытых источников информации. Исследователи всё чаще обращаются к многочисленным ресурсам, среди которых научные электронные библиотеки, репозитории, архивы с данными проведенных исследований, открытые образовательные проекты, научные социальные сети. Сегодня источники открытого доступа фактически являются базисом инфраструктуры, обеспечивающей исследователей актуальной информацией в любой научной сфере. Существующая тенденция разрушает монополии международных издательских и исследовательских коммерческих организаций на доступ к информации, делая процесс производства научного знания более прозрачным и доступным. В то же время сегодня существует ряд барьеров, затрудняющих развитие инфраструктуры открытого доступа: языковой, географический, финансовый, административный. Также существует проблема доступности каналов научных коммуникаций, проблема «информационного шума», проблема возможностей переработки больших объемов информации, ставших доступными с появлением открытого доступа. Сказанное актуализирует необходимость теоретического осмысления концепции открытой науки, её роли и места в современных научно-образовательных процессах.

Возникновение концепции и понятия «открытая наука». Философию движения открытой науки часто связывают с трудами социолога Роберта Мертон, работавшего над вопросами ценности научного знания. Мертоновские нормы для идеальных научных практик и научных способов, предложенные в 1942 году, провозглашали результаты научных исследований обще-

ственной собственностью, а целью работы учёных – внесение вклада в «общий котёл», подразумевающий отказ от прав интеллектуальной собственности ради развития коллективного знания. Важной частью философской составляющей движения является понятие «открытости» к процессу познания. Учёные должны быть открыты критике, интерпретации, равноправному производству знания, сотрудничеству для создания интеллектуальной собственности. [11].

На сегодняшний день отсутствует единое общепринятое определение понятия «открытая наука», что объясняется широтой и большим количеством аспектов, которое оно в себя вбирает. Таким образом – это собирательное понятие, обозначающее деятельность, направленную на устранение правовых, технологических или социальных барьеров в производстве и распространении научных знаний.

Появление термина «открытая наука» связывается с проведением в 2014 году Европейской комиссией общественных консультаций и опроса 500 экспертов, в результате которых было принято решение об его использовании в официальных документах. До этого, начиная с 2000-х годов, для обозначения влияния процессов цифровизации и информатизации на производство и распространение научного знания использовались понятия Science 2.0 и e-Science [8]. Само же движение открытой науки и его концептуализация начались на стыке 80-х – 90-х годов прошлого века в результате осознания научным сообществом проблемы неравенства доступа к научному знанию как фактора, затормаживающего прогресс. [1].

Институционализация открытой науки интенсифицировалась с возникновением институтов и аналитических центров, деятельность которых была полностью посвящена внедрению принципов открытой науки – Институт Ронина, Центр открытой науки, Институт открытых данных в Великобритании, Фонд Лаури и Джона Арнольдов и др. Основополагающие нормативные докумен-

ты, определяющие вектор достижения открытого доступа к публикациям, появились 2002–2003 годах. К наиболее значимым можно отнести Будапештскую инициативу открытого доступа, Берлинскую декларацию об открытом доступе к знаниям в области естественных и гуманитарных наук, а также заявление Bethesda об открытом доступе, выпущенное по итогам конференции медицинского института Ховарда Хьюза [6].

С 2006 года принципы открытой науки легли в основу многих программ развития. Так, Восьмая рамочная программа Европейского Союза по развитию научных исследований и технологий, осуществлявшая поощрение исследований в 2014–2020 годах, подразумевала публикацию поддерживаемых ею исследований только в открытом доступе. В 2013 году министры науки стран G8 официально одобрили политику поощрения принципов открытой науки. В мае 2016 года Совет Европейского союза заявил, что все научные статьи должны быть «в свободном доступе» к 2020 году. Это, в свою очередь, привело к включению принципов открытой науки в программу «Видение Европы» в 2016 году. Помимо этого, необходимость внедрения принципов открытой науки признаётся и международными организациями по всему миру, в том числе Европейской комиссией, Европейским парламентом, Европейским советом, Организацией экономического сотрудничества и развития, ООН, Всемирным банком. Эти организации призывают к принципам свободной науки для борьбы с такими глобальными проблемами, как изменение климата, чрезвычайные ситуации в области здравоохранения, обеспечение устойчивого развития и рост энергоэффективности. По их мнению, открытый доступ к научной информации и разработкам ускорит обмен данными и приведет к более быстрому поиску решений глобальных проблем [13].

Принципы открытой науки. Один из наиболее авторитетных порталов, активно продвигающий концепцию от-

крытой науки и реализующий конкретные мероприятия в этой сфере, выделяет 6 ключевых принципов открытой науки: открытый доступ, открытую методологию, открытые данные, открытые образовательные ресурсы, открытое рецензирование, открытый исходный код [10].

Открытый доступ – это набор принципов и практик, позволяющий распространять результаты исследований в Интернете без платы или иных барьеров. Часто открытый доступ реализуется с использованием открытой лицензии на авторское право. Открытый доступ может применяться ко всем формам опубликованных результатов исследований, включая академические журналы, статьи, доклады и тезисы конференций, монографии, отчеты и изображения. Отсутствие платы за доступ к ним становится возможен за счёт модели финансирования, подразумевающий гонорары авторов, государственное финансирование, субсидии и спонсорство. В этом их принципиальное отличие от журналов с закрытым доступом, расходы на рецензирование и публикация в которых осуществляется за счёт подписки. Классификация журналов по степени их «открытости», чаще всего осуществляется с использованием цветовой системы. Так, например, золотые издания с открытым доступом становятся доступными бесплатно на веб-сайте журнала сразу после публикации, а статьи лицензируются для совместного и повторного использования. Бронзовые – можно читать бесплатно только на странице издателя, у них нет четко идентифицируемой лицензии, а статьи обычно недоступны для повторного использования [9].

Открытые данные – это принцип, подразумевающий, что некоторые данные должны быть в свободном доступе для возможности их использования любым человеком по своему усмотрению, без ограничений авторского права, патентов или других механизмов контроля. Под открытыми данными подразумеваются не только результаты исследований, но и карты, геномы, хи-

мические соединения, математические и научные формулы, ноты и многое другое. Одной из наиболее важных форм являются открытые правительственные данные, созданные и аккумулируемые государственными учреждениями. Их ценность заключается в возможности использования не только исследователями, но и широкой общественностью, рядовым гражданами. Нобелевский лауреат по экономике Э. Остром отметил, что открытые данные являются новым видом общественного блага. Основным препятствием к более широкой публикации открытых данных является большой размер баз данных.

Суть принципа «открытая методология» заключается в важности открытой публикации исследователями точных методов, дизайна и исследовательского инструментария. Часто открытой публикации одних лишь данных бывает недостаточно: возможность обратиться к методологии позволяет оценить точность полученных результатов и сделанных выводов. Отсутствие детальной методологии в подавляющем большинстве современных публикаций сегодня представляет собой анахронизм, доставшийся от печатных публикаций и направленный на сокращении количества страниц публикации в бумажной версии. На самом деле это серьёзная проблема, не позволяющая воспроизвести исследование. Принцип открытой методологии подразумевает публичный доступ к подробному описанию процедур, используемых для сбора и анализа этих данных. Для этого могут использоваться различные пути – публикация методологии в виде отдельной статьи, цитируемой исследовательской работой, подробное его описание в самой статье или цитирование депонированной документации метода в репозитории [6].

Принцип открытых образовательных ресурсов подразумевает свободный доступ к образовательным материалам и их использование бесплатно или за небольшую плату. Термин «открытые образовательные ресурсы» получил распространение на Форуме по разви-

тию высшего образования в развивающихся странах ЮНЕСКО в 2002 г. [4]. Согласно определению, выработанному участниками Форума, к таким ресурсам были отнесены любые общедоступные учебные и исследовательские материалы, выпущенные под открытой лицензией и используемые без ограничений.

Относительно возможностей, которые могут быть реализованы по отношению к материалам, соответствующим критерию открытости, исследователи относят следующие. Во-первых, возможность их сохранения, понимая под этим право загружать, хранить на своих носителях и дублировать образовательные материалы. Во-вторых, возможность повторного использования в любых форматах и среди любой аудитории. В-третьих – возможность редактирования, включая адаптацию контента, его корректировку и модификацию. В качестве примера редактирования может быть перевод учебного курса на другой язык и его адаптация к национальной специфике. В-четвёртых, возможность создавать новый образовательный контент путём объединения исходного или переработанного контента с другими материалами. В-пятых, возможность распространять копии образовательного контента [14].

Открытые образовательные ресурсы могут быть опубликованы как учебными и научными организациями, информационными агентствами, так и профессиональными объединениями и межправительственными структурами. Одной из самых первых подобных инициатив стал проект Массачусетского технологического университета, предоставившего бесплатный онлайн доступ к своим курсам. Впоследствии данный проект при поддержке ЮНЕСКО был развит до уровня консорциума, с участием более 150 крупнейших университетов из 21 страны мира.

Открытое рецензирование. Цифровизация научно-образовательной среды открывает широкие возможности для решения части проблем существующей системы рецензирования. К чис-

лу таких проблем исследователи относят потенциальную предвзятость, низкой мотивированность рецензентов, низкую скорость и трудозатратностью процесса, а также качество самого рецензирования [2]. Открытое рецензирование является альтернативой традиционной формы анонимного рецензирования и становится все более распространённым способом верификации результатов научных исследований. К числу ключевых принципов открытого рецензирования относят деанонимизацию рецензентов и авторов работы, публикацию рецензий вместе с научной работой.

Программное обеспечение с открытым исходным кодом подразумевает доступность для изучения и изменения исходного кода программ. Это позволяет пользователю не только убедиться в отсутствии скрытых функций и уязвимостей программ, но и самостоятельно дорабатывать их. Ценности движения проникли в самые разнообразные сферы. Профессионалы из областей онлайн-образования, здравоохранения, архитектуры и дизайна, выкладывая коды своих разработок в открытом доступе. На сегодняшний день создана довольно обширная инфраструктура, поддерживающая развитие движения за открытый исходный код. Это веб-сервисы для хостинга IT-проектов, открытые библиотеки для приложений, сервисы совместной разработки программных кодов и др. Циркуляция среди разработчиков наработок и идей, базирующихся на одном коде, позволяет создавать более продвинутые решения за счёт коллективного творчества. В результате создаваемое программное обеспечение приобретает свойства гибкости и масштабируемости, позволяющие совершенствовать его в процессе многократного использования и распространения.

Эффект распространения идей открытой науки. Развитие и продвижение концепции открытой науки оказывает значительное влияние на ряд аспектов процесса производства научного знания, в первую очередь – на пу-

бликационный процесс. По состоянию на март 2022 г., в каталоге журналов открытого доступа зарегистрировано более 17,5 тыс. журналов [12]. Одна из ключевых проблем, решаемых при помощи инфраструктуры открытого доступа – повышение воспроизводимости исследований. Рост уровня кооперации между учёными и качества экспертной оценки, способны помочь в преодолении кризиса невоспроизводимости.

Другим позитивным последствием распространения принципов открытой науки стало возникновение нового формата научных публикаций – «пре-регистрационные исследования». Модель, лежащая в его основе, подразумевает рецензирование научного исследования на этапе его планирования. Экспертная оценка осуществляется по таким параметрам планируемого исследования, как выборка, методология и дизайн исследования, алгоритмы статистической обработки данных. Положительные отзывы рецензентов открывают путь к реализации проекта по одобренному плану и гарантируют публикацию его результатов. В 2019 году такой формат был доступен более чем в ста международных журналах [3].

Не менее значимые изменения можно наблюдать и в системе образования. Сегодня массовые открытые онлайн курсы стали неотъемлемой частью деятельности вузов. Создание MOOCa во многих отечественных университетах является одним из критериев оценки эффективности преподавателя, а их доля в образовательном процессе постоянно возрастает. Естественно, что усилению этой тенденции во многом способствовала пандемия COVID-19, вынудившая подавляющее большинство мировых вузов временно перейти на формат дистанционного образования, однако сам процесс появления открытых образовательных ресурсов появился значительно раньше.

Заключение. Как видно из приведённого в настоящей статье теоретического обзора, движение за принципы открытой науки способствует не только эффективному распростра-

нению знаний за счёт максимальной прозрачности. Открытую науку следует рассматривать как вызов, ориентированный на практическое применение принципов и технологических требований, позволяющих облегчить научно-исследовательскую и образовательную деятельность. Имея большой потенциал для демократизации исследований и снижения неравного доступа к научному знанию, открытая наука снижает барьеры и увеличивает возможности для участия в научных исследованиях широкого круга людей и организаций. Не случайно в октябре 2020 года глава ВОЗ, Верховный комиссар ООН по правам человека и Генеральный директор ЮНЕСКО призвали сделать науку «открытой». По их мнению, это «фундаментальный вопрос прав человека» – передовые технологии и открытия должны быть доступны тем, кто в них больше всего нуждается [5].

Литература

1. Гладкова З.В. Свободный доступ к научным публикациям как современная тенденция развития научной коммуникации // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – Вып. 6. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5030> (дата обращения: 11.03.2022).
2. Горбунова А.С., Засурский И.И., Трищенко Н.Д. Новые научные медиа: специфика платформ с открытым рецензированием // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. № 1. с. 22–38. DOI 10.17150/2308–6203.2021.10(1).22–38
3. Захаров И. Гордеев И. Чернов Т. За открытую науку: как публиковать статьи по-новому // Сайт: Троицкий вариант – Наука. – URL: https://trv-science.ru/2019/07/to-open-science/#_ftn4 (дата обращения: 11.03.2022).
4. Князева С.Ю. Открытые образовательные ресурсы в неанглоязычных странах // Высшее образование в России. 2014. № 10. с. 127–134.

5. Может ли «открытая наука» ускорить поиск вакцины против COVID-19? 5 вещей, которые вам нужно знать // Сайт: Новости ООН – URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/11/1390082> (дата обращения: 11.03.2022).
6. Открытая методология – следующий шаг для открытой науки Сайт: «ЛиБИнформ». URL: <http://libinform.ru/read/foreign-experience/Otkrytaya-metodologiya-sleduyushij-shag-dlya-otkrytoj/> (дата обращения: 11.03.2022).
7. Пивовар Х., Прим Д., Ларивьер В., Алперин Х.П., Маттиас Л., Норландер Б., Фарли Э., Вест Д., Хауштайн С. Открытый доступ сегодня: широкомасштабный анализ распространенности и влияния статей открытого доступа // Наука и научная информация. – 2019. – Т. 2, вып. 4. – С. 228–247. doi:10.24108/2658–3143–2019–2–4–228–247.
8. Шарабчиев Ю.Т. Открытая наука и система открытых инноваций. Сообщение 1. Открытая наука и открытые информационные ресурсы / Ю.Т. Шарабчиев – Текст: непосредственный // Медицинские новости. – 2017. – Вып. 4. – С. 48–56.
9. Швейцария – лидер по открытому доступу к научным данным! // Подразделение Швейцарской национальной теле- и радиокomпании SRG – URL: https://www.swissinfo.ch/rus/наука-для-всех_швейцария—лидер-в-рейтинге-открытого-доступа-к-научным-данным-/44308524 (дата обращения: 11.03.2022).
10. Die 6 Prinzipien // Сайт «Open-science-asar» – URL: <http://open-science-asar.org/open-science/> (дата обращения: 11.03.2022).
11. Huston P., Edge VL., Bernier E. Reaping the benefits of Open Data in public health // Canada Communicable Disease Report. – 2019. – Т. 45, Vol. 11. – P. 252–256.
12. The directory of open access journals // Сайт: DOAJ. – URL: <https://doaj.org/> (дата обращения: 11.03.2022).
13. Vicente-Saez R. Open Science now: A systematic literature review for an integrated definition // Journal of Business Research. – 2018. – No. 88. – P. 428–436.
14. Wiley, David; Iii, John Levi Hilton (2018–09–26). “Defining OER-Enabled Pedagogy”. The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 19 (4). doi:10.19173/irrodl.v19i4.3601.

THE CONCEPT OF OPEN SCIENCE AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Filippova I.A., Savitskaya Yu.P.
Tyumen Industrial University

The article is scientific and theoretical in nature and is devoted to the concept of open science. The paper considers the emergence of the concept and philosophy of open science. It is stated that there is no generally accepted definition of this concept due to the large number of aspects that it affects. The key components of the infrastructure of open science and the fundamental regulatory documents that determine the vector for achieving open access are noted. Such principles of open science as open access, open data, open methodology, open educational resources, open peer review, as well as open source software are considered. The positive impact of spreading the ideas of open science on the publication process is shown: increasing the reproducibility of research due to an increase in the level of cooperation between scientists and the quality of peer review. Emergence of a new format of scientific publications – “pre-registered studies” is noted. The conclusion is made about the fundamental role of open science in modern society.

Keywords: Open science, popularization, research, publishing houses, public, principles, methodology, education.

References

1. Gladkova Z.V. Free access to scientific publications as a modern trend in the development of scientific communication // Modern problems of science and education. – 2011. – Issue. 6. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5030> (date of access: 11.03.2022).

2. Gorbunova A.S., Zasursky I.I., Trishchenko N.D. New scientific media: the specifics of platforms with open peer review // Questions of theory and practice of journalism. 2021. № 1. with. 22–38. DOI 10.17150/2308–6203.2021.10(1).22–38
3. Zakharov I. Gordeev I. Chernov T. For open science: how to publish articles in a new way // Website: Trinity version – Science. – URL: https://trv-science.ru/2019/07/to-open-science/#_ftn4 (date of access: 03/11/2022).
4. Knyazeva S. Yu. Open educational resources in non-English speaking countries // Higher education in Russia. 2014. No. 10. p. 127–134.
5. Can “open science” accelerate the search for a vaccine against COVID-19? 5 things you need to know // Website: UN News – URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/11/1390082> (Accessed: 03/11/2022).
6. Open methodology – the next step for open science Website: “LibInform”. URL: <http://libinform.ru/read/foreign-experience/Otkrytaya-metodologiya-sleduyushij-shagdlya-otkrytoj/> (date of access: 03/11/2022).
7. Brewer H., Prim D., Larivière W., Alperin H.P., Matthias L., Norlander B., Farley E., West D., Haustein S. Open access today: a wide-ranging analysis of the prevalence and impact of open access articles. access // Science and scientific information. – 2019. – Vol. 2, no. 4. – S. 228–247. doi:10.24108/2658–3143–2019–2–4–228–247.
8. Sharabchiev Yu.T. Open Science and the System of Open Innovations. Message 1. Open science and open information resources / Yu.T. Sharabchiev – Text: direct // Medical News. – 2017. – Issue. 4. – S. 48–56.
9. Switzerland is a leader in open access to scientific data! // Subdivision of the Swiss National Television and Radio Company SRG – URL: https://www.swissinfo.ch/rus/science-for-all_switzerland—leader-ranking-of-open-access-to-scientific-data-/44308524 (date of access: 03/11/2022).
10. Die 6 Prinzipien // Openscienceasap website – URL: <http://openscienceasap.org/open-science/> (Accessed: 03/11/2022).
11. Huston P., Edge V.L., Bernier E. Reaping the benefits of Open Data in public health // Canada Communicable Disease Report. – 2019. – T. 45, Vol. 11. – P. 252–256.
12. The directory of open access journals // Website: DOAJ. – URL: <https://doaj.org/> (date of access: 03/11/2022).
13. Vicente-Saez R. Open Science now: A systematic literature review for an integrated definition // Journal of Business Research. – 2018. – No. 88. – P. 428–436.
14. Wiley, David; III, John Levi Hilton (2018–09–26). “Defining OER-Enabled Pedagogy”. The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 19 (4). doi:10.19173/irrodl.v19i4.3601.

Технологии и развитие общества в эпоху цифровой экономики

Цзо Ци,

аспирант кафедры истории и теории социологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
E-mail: zq840474927@126.com

В статье проанализированы развитие, взаимосвязь и интеграция технологий и общества. Анализ позволил сделать вывод о том, что между технологиями и обществом существуют сложные отношения, которые влияют друг на друга. С углубленным развитием и интеграцией технологий и общества эти отношения становятся более неразрывными. В условиях стремительного развития ИКТ-технологий общество фактически вступило в эпоху цифровой экономики. В связи с этим произошел новый виток социальных изменений в эпоху цифровой экономики. ИКТ-технологии стали основной технологией социального развития в эпоху цифровой экономики. Но такой стремительный прогресс, конечно же, повлек за собой возникновение различных проблем во многих сферах социальной жизни. Поэтому в условиях, когда технологии и общество неразделимы, разумное и эффективное решение или избежание подобных проблем сможет стать ключом к интеграции и развитию. Анализ других технологий, которые вызвали социальные изменения в прошлом, сможет помочь ИКТ-технологиям решить проблемы, которые могут возникать в процессе их интеграции с обществом. Кроме того, такой анализ позволит наметить новые направления развития ИКТ-технологий в будущем. Этот процесс непременно будет характеризоваться интеграцией технологий друг с другом: ИКТ с искусственным интеллектом, большими данными. Но нужно постоянно иметь в виду то, что развитие прежних и возникновение новых технологий должно обязательно происходить с учетом запросов общества, с учетом его культурных ценностей и запросов, которые исходят от общественных масс. Иначе впоследствии все это может привести к возникновению конфликтов определенных групп и технологий.

Ключевые слова: технология; общество; цифровая экономика; интеграция; ИКТ-технология, большие данные, искусственный интеллект, ценности.

Понятие цифровой экономики впервые появилось в конце прошлого века. До этого момента четких концепций, в которых были бы хотя бы определены границы цифровых технологий, не было. Это было связано с тем, что развитие общества в то время находилось только в начале периода цифровой экономики. Столкнувшись с таким незрелым термином, было невозможно точно определить его и, тем более, судить о его особенностях.

Каждое крупное изменение в истории всегда связано с появлением новой технологии, способной изменить мир, и это все еще актуально в эпоху цифровой экономики. Хотя люди не могут полностью описать появление и перспективы развития цифровой экономики, они открыли для себя новые технологии, способствующие социальному развитию в эту эпоху.

Технология и развитие общества неразделимы. В процессе содействия развитию общества, хотя влияние других факторов нельзя игнорировать, технология по-прежнему является основным фактором, способствующим развитию общества. Но что же такое технология? Wenda K. Bauchspies написал в своей книге, что технологии включают в себя инструменты, игрушки, изделия ручной работы и произведения искусства, а также знания о том, как делать продукты быстрыми и хорошими. По ее мнению, организационные стратегии, компьютеры и ИКТ в целом – все это относится к категории «технологии». Из такого описания видно, что технология происходит от человеческой жизни, производства и общества. Сама автор писала о том, что технологии – это именно те вещи, которые создаются обществом [Wenda K. Bauchspies, 2006, 53].

Итак, технология и общество взаимосвязаны, и эта связь сложна и тесна. Маркс считал, что общество можно

понимать, как кооперативную индивидуальную систему, то есть как физическую организацию живых индивидов. Люди, участвующие в труде, являются рабочими, а рабочие являются одновременно основной составляющей производительности и самой производительностью. Между технологией и работниками в таком случае наблюдаются отношения взаимного влияния. С одной стороны, люди становятся все более и более зависимыми от технологий в производственном процессе, поэтому технологии постепенно меняют и формируют методы производства и поведение людей в процессе её развития. Другими словами, технология определяет человеческое мышление и продукты человеческого мышления [Marx. K., 1964]. С другой стороны, способность людей преобразовывать природу называется производительностью. Когда технологии применяются в производственном процессе, они могут проникать в рабочую силу, рабочие материалы и предметы труда и вызывать в них качественные изменения, приводящие к формированию огромной материальной силы. Эта сила может быть преобразована в реальную прямую производительность, поэтому технология – это еще и производительность.

Технология, как производительность, превращает природу в общество, поэтому здесь и обоснуется тезис о влиянии технологий на общество. В этом процессе рабочие являются основным корпусом технологий, а общество оказывает влияние на технологии через посредников рабочих. Следовательно, с точки зрения производительности, технологии и общество имеют взаимное влияние. Однако это влияние не является закрытым, потому что производительность и рабочие, как посредники в отношении между технологиями и обществом, ещё зависят от других факторов (таких как материальные условия в природе и знания рабочих и т.д.). Таким образом, Маркс рассматривает взаимосвязь между технологией и обществом как функцию структуры человеческого труда (социальной

структуры и материальных условий жизни) [Marx. K., F. Engels, 1947].

Развитие и применение технологий также изменили социальные отношения людей. Технология исходит от общества и создается людьми. Следовательно, технология связывает создателей и пользователей. Когда технология создается, она должна включать в себя собственную волю создателя и цель использования технологии, чтобы создатель формировал господство над пользователями с помощью технологий, но это господство является неполным. Создание технологии должно быть основано на правилах создателя (или названном script [Akrich, M., 1992]). Но как только пользователь нарушает эти правила, результат применения технологии будет отражать намерения и поведение пользователя. Но нельзя отрицать, что и создатели, и пользователи имеют тенденцию максимизировать технологии (один – создание, другой – использование). Однако, когда создатели и пользователи преследуют свои соответствующие максимальные преимущества, технологии делают связь между ними еще более тесной. Это означает, что роль технологий в этой связи незаметно усиливается, и технология оказывает доминирующее влияние на пользователей и создателей одновременно. Роль технологий усиливается, и в то же время, увеличивается и господство технологий над пользователями и создателями.

Lewis Mumford считает, что технологии все больше контролируют изменения в производстве, отдельных лицах и обществе, и они стали силой, внешней по отношению к людям и обществу [Mumford, L., 1964]. На мой взгляд, чем больше роль техники, тем сильнее от нее зависимость людей и общества. Когда технологий не хватает, людям и обществу необходимо идти на уступки технологиям в условиях их доминирования. Например, экран в мобильных телефонах Apple не может избавиться от недостатка, заключающегося в том, что светодиодный экран имеет зеленый цвет в определенных оттенках серого,

что обеспечивает максимальную яркость цветов дисплея. Чтобы убедиться в отличной производительности мобильных телефонов Apple, пользователи должны пойти на уступки таким дефектам на экране.

Jacques Ellul считает, что в современном обществе люди являются продуктом технологической цивилизации. Как только технологии войдут во все сферы жизни, они станут сущностью человека и станут неотъемлемой его частью [Jacques Ellul, 1964]. На мой взгляд, в условиях технологической цивилизации интересы и потребности побуждают людей активно адаптироваться и интегрироваться в парадигму технологического общества, и технологии становятся неотъемлемым атрибутом людей в современном обществе. Технологии проникли на все уровни общества и вошли во все сферы человеческой жизни. Следовательно, сложно или почти невозможно отделить технологии от людей и общества.

В то же время развитие технологий сыграло ключевую роль в социальных преобразованиях и социальном развитии, что является одной из причин, по которым люди не могут отказаться от них. В эпоху цифровой экономики наиболее характерной и широко используемой технологией являются ИКТ-технологии. ИКТ-технологии – это такого рода технология, которая создана с учетом потребностей развития общества.

В связи с быстрым развитием глобализации во второй половине XX века у людей возникли новые и более насущные потребности в передаче информации. Наиболее представительной ИКТ-технологией является Интернет-технология, которая зародилась на ранней стадии Agranet в Соединенных Штатах. Она представляет собой внутреннюю сеть, созданную Соединенными Штатами для предотвращения утечки разведанных во время холодной войны. В то время изобретатели и пользователи никогда не думали о том, чтобы применить ее к общественному производству и жизни всего человечества,

и не ожидали огромных преимуществ, которые эта технология может принести после преодоления ограничений на использование. IBM в Соединенных Штатах увидела ее ценность. С тех пор Интернет начал процесс коммерциализации и социализации. Он имеет те же характеристики, что и предыдущие революции в истории, то есть развитие определенной технологии может быстро вызвать развитие других технологий, которые совместимы, дополняют друг друга и имеют ту же тенденцию развития. Наступление Информационного века положило начало быстрому развитию ИКТ-технологий, представленных Интернетом.

Сегодня уровень охвата Интернетом в большинстве развитых стран превышает 90%, а уровень охвата в развивающихся странах превышает 79,3%¹. Использование Интернета неизбежно приведет к увеличению использования сетевых терминалов, представленных мобильными телефонами и компьютерами, поскольку применение ИКТ-технологий вошло во все сферы и уровни жизни. Когда ИКТ-технология интегрирована в жизнь и проникает во все уголки общества, проблемы, вызванные технологиями, становятся все более заметными. Интеграция ИКТ-технологий в общество – одна из самых серьезных проблем на данный момент.

Jacques Ellul считает, что технологии – это сущность человечества и неотъемлемый атрибут всего общества [Jacques Ellul, 1964]. Неотъемлемым атрибутом они являются постольку, поскольку, когда их недостаточно для того, то возникает дефицит в производстве, и некоторые люди не могут адаптироваться к ним. Однако создание технологии, скорее всего, будет случайным и спонтанным, и их создание не обязательно будет включать в себя создателя, отвечающего за их социальность. Например, применение Интернета заключается в усилении контроля зару-

¹ Отчет об исследовании отрасли глобального интернет-коммуникационного облака за 2020 год (на китайском языке). URL: https://m.thepaper.cn/baijiaobao_10913160 (дата обращения: 27,10,2021)

бежных компаний над глобальным производством транснациональных компаний. Однако сегодня появление таких ИКТ-технологий, как большие данные, позволило привлечь потенциальных пользователей и выявить их потенциальные потребности. Но на начальном этапе такие технологии не всегда совместимы с обществом.

Искусственный интеллект возник на 30 лет раньше, чем цифровая экономика. Но ИИ не мог развиваться сам и содействовать развитию общества в условиях отсутствия технологий в других сферах, связанных с ним. Только тогда, когда появилась цифровая экономики и зрелости достигли ИКТ-технологии, искусственный интеллект начал играть важную роль в развитии общества и стал ядром цифровой экономики. Следовательно, только когда развитие технологий и общества будет иметь одно и то же направление, а технологии и общество будут иметь условия для слияния, технологии смогут стать неотъемлемым атрибутом людей и общества. Однако, чем сложнее технологии и чем шире область их применения, тем жестче условия её интеграции с обществом и тем выше сложность.

Развитие цифровой экономики основано на информационной революции. По мнению некоторых ученых [Хэ Сяоинь, 2005, 28; Ма Хуатэн и др, 2016, 21], цифровая экономика представляет собой совершенно новую экономическую форму. Это главным образом связано с тем, что вторичное развитие ИКТ-технологий основано на развитии общества. В то же время у них есть широкий спектр приложений, которые могут повлиять на жизнь людей и производство, а также изменить организационную структуру предприятий, стран и общества. По мере углубления развития ИКТ-технологий, их масштабы становятся шире, и они все больше и больше соответствуют потребностям и целям социального развития, это изменение затронуло общество. Процессом этого изменения является интеграция людей и общества в технологии

и постоянная их адаптация. Кроме того, с помощью ИКТ-технологий можно визуализировать всю социальную сеть и узнать ее внутренние связи и законы развития. Таким образом, информационная революция, возглавляемая ИКТ-технологиями, не менее значима, чем другие промышленные революции прошлого. Кое-какие технологии могут способствовать быстрому развитию общества, но это не означает, что появление технологий определенно приведет к разрушительным изменениям в обществе или даже достигнет уровня реформ общества, потому что такие социальные факторы, как грамотность, знания, культура и религия, все еще играют важную роль в процессе. В противном случае большая часть технологий в патентном бюро не останется без дела.

В процессе интеграции ИКТ-технологий в общество изменились социальные сети, производственные структуры и социальные механизмы. Это процесс адаптации общества к технологиям, который необходимо испытать. Конечно, технологии также будут развиваться в направлении социальных изменений. Технологии будут и дальше интернализироваться в людях и становиться неотъемлемым их атрибутом. Однако этот процесс интеграции не может быть изменен личной волей. Он отражает волю большинства людей.

Wajzman также считает, что технологические исследования сосредоточены на основном обществе и признают заинтересованность технологий по отношению к некоторым меньшинствам [Wajzman, J., 1991]. Например, банки открыли стойки самообслуживания, которые более удобны для современной молодежи. Благодаря своей высокой адаптивности и базовому образованию они экономят много времени. Однако люди с ограниченными физическими возможностями или люди с низким уровнем образования не могут адаптироваться к такой сложной машине за короткий период времени, что, очевидно, нарушает гуманитарную помощь.

Horkheimer и Adorno считают, что исключительно гуманистические ценности, а также другие ценности, основанные на контроле, порядке и господстве над природой, являются определяющими чертами нашего технологического общества [Horkheimer, Adorno, 1993]. Гуманистические ценности в большинстве своем отсутствуют в технологическом обществе. Потому что цель создания технологий состоит в основном в создании большей социальной ценности, которая воплощается в экономическом развитии, таком как увеличение производства и увеличение использования ресурсов. Под руководством основных средств массовой информации люди все чаще замечают, что технологии повысили производительность, снизили инфляцию, увеличили ВВП и так далее, но людей редко направляют на обнаружение проблем в ценностях, социальном взаимодействии и других похожих аспектах.

Поэтому многие социологи и философы в своих работах на тему цифровых технологий обсуждают именно эти вопросы. Но есть и другая часть (Маркс, Льюис Мамфорд и др.), которая считает, что социальные изменения, вызванные технологиями, неизбежны и политичны (Wenda K. Bauchspies, 2006). Кастельс сказал, что политика – это конкретное проявление позиции правительства [Мануэль Кастельс, 2001, 111]. Государство принимает политику и законы для обеспечения социальной стабильности. Однако национальная гарантия – это последняя линия, красная линия, а серая зона между моральной линией и юридической линией часто бывает самой сложной.

Люди прошли через примитивное общество, рабовладельческое общество, феодальное общество, а затем и в нынешнее капиталистическое общество. Наиболее активной социальной группой в капиталистическом обществе являются капиталисты. По своей природе капиталисты стремятся к прибыли, и их поведение часто связано с интересами. В то же время группа, представленная капиталистами, является

самой большой группой, действующей в серой зоне между моралью и законом в поисках выгод. Развитие технологий отвечает интересам именно этой группы. Улучшение рабочей силы может помочь капиталистам получить больше прибавочной стоимости. Оптимизация социальной структуры облегчит операции с капиталом. Именно поэтому капиталисты поддерживают развитие технологий, потому что это в их собственных интересах.

Однако, когда они сталкиваются с проблемой интеграции технологий и общества, то решают ее также, исходя из предпосылки максимизации выгод. Случай Ford Pinto в Соединенных Штатах в прошлом веке – лучший пример для объяснения. Ford отказался от ремонта неисправных автомобилей, когда автомобили покинули завод, чтобы снизить общую стоимость производства, потому что последующие убытки, вызванные дефектами, были намного ниже, чем общие затраты на техническое обслуживание перед отправкой с завода. Сегодня с развитием цифровой экономики некоторые капиталисты и компании по-прежнему сосредоточены на своих интересах. Например, чтобы не забыть о времени и новизне своей продукции, большинство производителей автомобилей предпочитают отказаться от традиционной платформы кнопочного управления и выбрать цифровую систему «автомобиль-машина» с низкой стоимостью и нестабильностью. Делают это они для того, чтобы получить выгоду и следовать духу времени, хотя и знаю, что такая система еще нестабильная и высока вероятность сбоя в ее работе. Но прибыль, получаемая с дешевизны такой системы, им важнее, чем эти проблемы.

Winner рекомендует включать ценности в технологии, поскольку такой шаг может придать им автономный вид [Winner, 1977]. По его словам, технология должна нести определенные социальные, политические и этические ценности. Технологическое развитие должно зависеть от конкретных социальных сценариев. Технологическая деятель-

ность также должна определяться социальными факторами, такими как экономические интересы, культурный фон и ценностная ориентация технологических субъектов. Ценностная нагрузка технологий формируется во взаимодействии и интеграции технологий и общества. Технологии должны отражать не только технологические ценностные суждения, они должны отражать широкий спектр социальных ценностей и технологических интересов, что также является основным содержанием социального конструктивизма [Ли Хун-вэй, 2005].

Таким образом, ценности в технологии должны быть в интегративном единстве, чтобы у технологий были личные и социальные гуманистические идеалы, социальная мораль и гуманистические ценности. Это необходимо в эпоху цифровой экономики. Искусственный интеллект рассматривается как ядро будущего развития цифровой экономики. Он станет субъективной технологией и будет действовать как непосредственный участник различных экономических и социальных мероприятий. Очевидно, что развитие ИКТ-технологий больше не является технологией без инициативы в прошлом. Когда они смогут действовать независимо, социальные ценности должны будут стать их неотъемлемыми атрибутами. В противном случае выдумка об искусственном интеллекте или роботах, заменяющих людей в фантастических фильмах, станет реальностью.

Еще одна причина, по которой соединяются ценность и ИКТ-технология – это широта, степень и сложность технологии ИКТ. Wenda K. Bauchspies считает, что контроллер по созданию технологий имеет больше прав, чем пользователь [Wenda K. Bauchspies, 2006, 90]. Развитие ИКТ-технологий постепенно интегрировалось во все уровни и области общества. По мнению некоторых ученых, это вызвало новую промышленную революцию. По сравнению с предыдущей технологией общего назначения, технология ИКТ имеет более широкий диапазон и более глу-

бую степень влияния (Цзо Ци, Ху Юэ, 2021). Контроллер технологии может определить, кто является пользователем, для чего он предназначен и как использовать технологию. Это означает, что у контроллера технологии будет больше возможностей, чем у пользователя.

В Китае многие ученые критикуют нарушение прав и интересов интернет-компаний, например, слежку за конфиденциальностью клиентов и утечку информации о них. В связи с этим я считаю, что развитие технологий может ослабить или даже решить эти проблемы, но уровень развития технологий будет становиться все более сложным, и возникнут новые проблемы в данной области. Следовательно, в основе оценки технологии должна лежать не только ее эффективность, но, что более важно, необходимо учитывать социальные эффекты технологии, поскольку технология должна служить обществу, а не вредить ему.

На сегодняшний день мы находимся только в самом начале развития цифровой экономики и ИКТ-технологий. Но уже сейчас они значительно способствовали социальному и экономическому росту. Общество должно сохранять открытое отношение к технологиям ИКТ, поскольку их непрерывное развитие может повлечь за собой появление многих недостатков. Чрезмерное подавление и критика ИКТ-технологий тоже не сможет способствовать их долгосрочному развитию. Лишь интеграция ИКТ-технологий и общества может поддержать их эффективность, при этом для достижения данной цели нужно постоянно продолжать идти на уступки друг другу для достижения унификации и интеграции. Интеграция – это истинный путь, который оправдал себя прошлой историей, в которой все предыдущие технологии становились эффективными только во их взаимосвязи с обществом.

1. Технологичность

Когда создание технологии требует высокой цены или по каким-то другим при-

чинам этот процесс труднореализуем, даже если технология сможет способствовать социальному развитию, она не сможет быть интегрирована в общество. Как основная технология современного развития цифровой экономики, искусственный интеллект в технологии ИКТ фактически разрабатывался более 50 лет. Однако он не получил широкого распространения и внимания, в основном потому, что его развитие требует поддержки аппаратного оборудования с высоким качеством и большими данными. А большие данные были поняты и постепенно использовались людьми только в начале 21 века, то есть в 20 веке, даже если ученые оптимизировали алгоритмы и структуры до крайности, они не могли создать идеальный искусственный интеллект. Следовательно, технологии, которые способствуют социальным изменениям и социальной интеграции, должны производиться на исходном уровне, иначе это пустые разговоры.

2. Эффективность

Так называемая эффективность относится к социальной значимости технологии. Когда технология создается, она может повысить эффективность и удовлетворить духовные потребности людей. Коротко говоря, она выполняет функцию удовлетворения определенных социальных потребностей. Основная причина признания ИКТ-технологий – их роль в повышении эффективности. В конце 20-го века с помощью ИКТ-технологий Соединенные Штаты однажды достигли высоких темпов экономического роста, высокого уровня занятости и низкой инфляции. Однако в то время технология ИКТ не включала в себя такие цифровые технологии, как искусственный интеллект и большие данные, поэтому перспективы развития технологии ИКТ все еще значительны. Следовательно, эффективность также будет в центре внимания развития технологий ИКТ в будущем.

3. Гибкость

Пользователь имеет право изменять технологию и ее результаты в процессе ис-

пользования. Это значит, что процесс использования технологии отражает не только тот смысл, который сам создатель в него вложил, но и смысл, вкладываемый в них пользователем. Поэтому технологии и должны быть гибкими. Она сделает развитие технологий более разнообразным. К примеру, ИКТ-технологии облачных вычислений предлагают целых три вида архитектуры SaaS, IaaS и PaaS. Разница между этими тремя архитектурами заключается в том, что они нацелены на пользователей с разным уровнем цифровой грамотности. Таким образом, облачные вычисления могут максимально удовлетворить потребности пользователей и предоставить им больше возможностей для использования. Однако злоупотребление технологией ИКТ, слежка, кража конфиденциальности пользовательских данных и использование технологии ИКТ для незаконной и преступной деятельности также породили новые социальные проблемы. Поэтому, обращая внимание на техническую гибкость, мы также должны следить за тем, чтобы использование технологий не затрагивало социальные интересы и основные положения закона.

4. Соответствие культурным обычаям

Когда технология и общество сливаются, необходимо полностью учитывать то, что она может посягать на такие гуманитарные разумности как культуру, религию, обычаи. Если технология серьезно разрушает социальные и культурные концепции, то она столкнется с сильным социальным отторжением. Развитие ИКТ как совершенно новой технологии расширило многие новые области. Возьмем, к примеру, большие данные. Многие интернет-компании используют большие данные, чтобы рекомендовать продукты, которые они могут купить. Однако это вероятностное событие, и метод рекомендации основывается только на законах, существующих в данных, он не учитывает внутреннюю логику людей и другие подобные факторы. К примеру, они могут порекомендовать мусульманам продукты из свинины, и такой результат обязательно вы-

зовет у них недовольство. Таким образом, предотвращение конфликта между технологией и культурой способствует развитию ИКТ-технологий и их удовлетворению со стороны общества.

5. Единство

Суть интеграции технологий и общества – процесс их объединения. Единый процесс требует основных единых стандартов. Установление стандартов – это определение правил, а единые правила делают технологию более приемлемой для общества. После объединения множества технологий у них появится более широкий спектр приложений, что будет способствовать социальному планированию и развитию. Лучшее объяснение единства – это единство интернет-протоколов, которое способствовало единству существующих совместимых систем. Следовательно, программное и аппаратное обеспечение для Интернета можно разрабатывать на основе одного стандарта и избегая конфликтов, вызванных конфликтующими правилами.

6. Сочетание технологий

W. Brian Arthur написал в своей книге, что технология состоит из других технологий, которые складываются в определенную комбинацию [W. Brian Arthur, 2018, 41]. Поэтому именно посредством сочетания нескольких видов технологий можно будет добиться получения определенных их новых видов. За последние 20 лет было слишком много примеров сочетания технологий ИКТ с другими технологиями для формирования новых технологий. Все они стали широко распространёнными, проникшими в производство и изменившими образ жизни общества. Уже давно было разработано сочетание ИКТ-технологий, искусственного интеллекта и больших данных, и это значительным образом повлияло на многие сферы жизни общества и производства. Все это говорит нам о том, что в будущем цифровые технологии также будут обладать огромным потенциалом, а их сочетание с другими технологиями откроет для общества больше возможностей для развития.

Заключение

Технологии сильнее всего связаны с обществом. В контексте производительности, например, видно, что технический процесс и социальное развитие влияют друг на друга значительным образом. То же самое можно сказать и о сфере ценностей, смыслов, о развитии других сфер жизни общества и их взаимосвязи с технологиями. Такая связь технологий и общества была заметна еще в прошлые периоды развития общества, когда технологиями назывались другие прогрессивные для того времени вещи, значительным образом упрощающие жизнь человека. Стало ясно, что интеграция технологий и общества – это однородный процесс развития, в котором они приспосабливаются друг к другу и идут на взаимные уступки. Общество приспосабливается к изменениям, вызванным технологиями, изменяя свою собственную структуру, социальную систему и социальные механизмы. Несмотря на то, что технологии также связаны с социальной эффективностью, коллективной воле и духовным потребностям, она также интегрируется с гуманистическими ценностями и ценностями общества. Являясь наиболее типичной технологией в эпоху цифровой экономики, ИКТ-технология способна добиться социальных изменений в процессе интеграции в общество. Характеристики технологичности, эффективности, гибкости, культурной интеграции, единства и сочетания являются основными направлениями интеграции технологий и общества в эпоху цифровой экономики.

Литература

1. Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. М.: Интеллектуальная литература, 2016. (In Russ.)
2. Akrich, M. The De-Description of Technical Objects// Shaping Technology/ Building Society/ Ed.by Wiebe E. Bijker, John Law. Cambridge: MIT Press, 1992. P. 205–224.
3. Ellul J. (1964) Technological Society New York: Alfred A. Knopf, Inc.ф

4. He Xiaoyin. (2005) A Study of the American Digital Economy. Чанчунь: Jilin University. (In Chinese)
5. Horkheimer, M., T.W. Adorno (1993). Dialectic of Enlightenment. New York: Continuum.
6. Li Hongwei. (2005) The Values of Technology. Newsletter of Dialectics of Nature. Vol. 27. No. 5: 13–17. (In Chinese)
7. Manuel Castells. (2001) The Rise of the Network Society. Beijing: Social Science Literature Press. (In Chinese)
8. Marx, K. (1964) Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. New York, International Publishers.
9. Marx, K., F. Engels (1947). The German Ideology. New York, International Publishers.
10. Mumford, L. (1964). The Myth of the Machine: The Pentagon of Power. New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc.
11. W. Brian Arthur (2018). The Nature of Technology. Hangzhou: Zhejiang People's Publishing House.
12. Wajcman, J. (1991). Feminism Confronts Technology. Philadelphia: University Park, Penn State University Press.
13. Wenda K. Bauchspies. (2006) Science, Technology, and Society: A Sociological Approach. Oxford: Blackwell Publishing.
14. Winner. (1977) Autonomous Technology. Cambridge, Mass: MIT Press.

TECHNOLOGY AND DEVELOPMENT OF SOCIETY IN THE ERA OF THE DIGITAL ECONOMY

Zuo Qi

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes the development, relationship and integration of technology and society. The analysis led to the conclusion that there are complex relationships between technology and society, which affect each other. With the deepening development and integration of technology and society, these relationships become more inseparable. In the context of the rapid development of ICT technologies, society has actually entered the era of the digital economy. In this regard, a new round of social changes

has taken place in the era of the digital economy. ICT technologies have become the main technologies for social development in the era of the digital economy. But such rapid progress, of course, led to the emergence of various problems in many areas of social life. Therefore, in a condition where technology and society are inseparable, a reasonable and effective solution or avoidance of such problems can be the key to integration and development. Analysis of other technologies that have brought about social change in the past can help ICT technologies solve problems that may arise in the process of their integration with society. In addition, such an analysis will allow to outline new directions for the development of ICT technologies in the future. This process will certainly be characterized by the integration of technologies with each other: ICT with artificial intelligence, big data. But one must constantly keep in mind that the development of old and the emergence of new technologies must necessarily take place taking into account the needs of society, taking into account its cultural values and requests that come from the public masses. Otherwise, later all this can lead to conflicts of certain groups and technologies.

Keywords: technology; society; digital economy; integration; ICT technology, big data, artificial intelligence, values.

References

1. Ma Huateng et al. China's digital transformation. M.: Intellectual Literature, 2016. (In Russ.)
2. Akrich, M. The De-Description of Technical Objects// Shaping Technology/ Building Society/ Ed.by Wiebe E. Bijker, John Law. Cambridge: MIT Press, 1992. P. 205–224.
3. Ellul J. (1964) Technological Society New York: Alfred A. Knopf, Inc.
4. He Xiaoyin. (2005) A Study of the American Digital Economy. Changchun: Jilin University. (In Chinese)
5. Horkheimer, M., T.W. Adorno (1993). Dialectic of Enlightenment. New York: Continuum.
6. Li Hongwei. (2005) The Values of Technology. Newsletter of Dialectics of Nature. Vol. 27. No. 5:13–17. (In Chinese)
7. Manuel Castells. (2001) The Rise of the Network Society. Beijing: Social Science Literature Press. (In Chinese)
8. Marx, K. (1964) Economic and Philosophical Manuscripts of 1844. New York, International Publishers.

9. Marx, K., F. Engels (1947). The German Ideology. New York, International Publishers.
10. Mumford, L. (1964). The Myth of the Machine: The Pentagon of Power. New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc.
11. W. Brian Arthur (2018). The Nature of Technology. Hangzhou: Zhejiang People's Publishing House.
12. Wajcman, J. (1991). Feminism Confronts Technology. Philadelphia: University Park, Penn State University Press.
13. Wenda K. Bauchspies. (2006) Science, Technology, and Society: A Sociological Approach. Oxford: Blackwell Publishing.
14. Winner. (1977) Autonomous Technology. Cambridge, Mass: MIT Press.

Социальные аспекты становления экологической культуры в ракурсе проблем устойчивого развития

Шастина Александра Евгеньевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
социологии и управления Московского
автомобильно-дорожного государственного
технического университета
E-mail: alex.shastina@sociomadi.ru

В статье прослеживается эволюция развития содержания понятия «экологическая культура», которая отвечает расширению потребностей отдельного человека и социума в общении с природой. Переломным моментом этой эволюции стала разработка и принятие Концепции устойчивого развития. Ее положения оказали принципиальное влияние на рождение новой компетенции – экологической, без которой в современном мире немислим не только ни один производственный процесс, но и организация политического управления или духовной жизни людей. В наши дни экология выступает сердцевинной экологической культуры, придавая ей устойчивость и обеспечивая социально ориентированный характер всех экологических программ.

Ключевые слова: социум, экология, устойчивое развитие, экологическая культура, экологическая компетентность, экологическая безопасность.

С давних времен созидательная деятельность человека выражалась в формировании предметно-пространственной среды, принципиально отличной от природной. Эволюция форм взаимодействия людей с окружающей средой прошла путь от понимания человеком его слабости и зависимости, требующими не только приспособления к природе, но и поклонения ей, что было свойственно периоду доиндустриального общества, до создания «второй природы» в эпоху индустриализации. Особенностями этого времени было формирование средствами и произведениями декоративно-прикладного искусства, архитектуры, инженерного искусства и пр. комфортной, эстетичной среды, что давало людям основания считать себя все более независимыми от природной стихии. Две эти, по сути, дихотомические модели, оказались неприемлемыми для постиндустриального мира.

Понять причины ограниченности имеющегося опыта взаимодействия людей и природы можно, посмотрев на него с точки зрения экологической психологии. Становится очевидным недостаточность накопленного багажа тем потребностям, которые предъявляет человек к своим контактам с окружающей средой. К ним следует отнести:

- психофизиологическую, заключающуюся в снятии стресса, нормализации работы нервной системы;
- психотерапевтическую, предполагающую гармонизацию как межличностных, так и межгрупповых отношений;
- реабилитационную, предполагающую психологическую и социальную разгрузку накопившейся усталости;
- эстетическую, состоящую в удовлетворении художественных запросов и более широком духовном развитии личности;

- познавательную, направленную на удовлетворение ментальных интересов, способствующую интеллектуальному развитию индивида и социума;
- в самореализации, как высшей потребности человека;
- в общении;
- в реализации познавательной активности, проявляющейся в удовлетворении конкретной компетенции и компетентности, в целом¹.

Природная среда, безусловно, постоянно подпитывает возможности удовлетворения таких потребностей. Однако сам человек в процессе своей жизнедеятельности часто разрушает природную среду или создает искусственную, например, архитектурную среду, которая не соответствует, противоречит естественной, некомфортна по каким-либо отдельным или в совокупности всем параметрам для жизни². Но этим люди разрушают еще и себя, как правило, неосознанно. Так, человечество превратилось в главного мусоропроизводителя, создало материалы, не включающиеся в естественный кругооборот веществ. Нагрузка на окружающую среду, оказываемая деятельностью человечества, ставшая фактором, определяющим ее деволюцию, растет так быстро, что о равновесии биосферы приходится говорить лишь в гипотетическом ключе³.

Немецкий архитектор Готфрид Земпер, во многом предопределивший теорию функционализма, еще в 1860 г. анализируя проявления эстетического и художественного порядка в изделиях машинного производства с позиций теории стиля, в работе «Практическая эстетика» писал: «Только что получив-

шее признание нововведение изымается из обихода как устаревшее до того еще, как оно смогло утратить свои технические и тем более художественные достоинства; как оно заменяется новинкой, далеко не всегда более высокого качества»⁴.

С каждым следующим десятилетием скорость нововведений увеличивалась все быстрее. Через сто лет после выхода в свет отмеченной работы Земпера человечество радостно встретило эпоху одноразовых предметов. Мимолетность, культ потребления, необдуманность эмоциональных покупок, формируемое воздействием средств массовой информации желание постоянного обновления вызывали спрос на вещи одноразового пользования: посуду, тару, полотенца, бумажную одежду и картонную мебель. В 1970 г. в Лондоне состоялась выставка под названием «Здесь и сейчас», где были представлены предметы для кратковременного пользования. Сейчас в мире уже существует не один музей одноразовых предметов. Современный дизайн, объекты которого рассчитаны на один раз или на сезон, фактически превратился в дизайн мусора, что и проявилось в таком новом направлении в арт-дизайне и современном искусстве, как дизайн из мусора – Recycle-дизайн.

Такие внешние проявления стремительного наступления человека на окружающую среду не могли не вызывать ответной реакции у экологически ответственной части научного сообщества, общественных и государственных деятелей. Процесс экологизации научных знаний в 1970-е гг. стал фактором перемен в подходах к социально-экономическому развитию. Требования к новому качеству были сформулированы в Концепции устойчивого развития, принятой на конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) и получившей известность как «Повестка дня на XXI век». В этом документе анализируются наиболее обостряющиеся со-

¹ Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 480 с.

² Панкина М.В. Феномен экологического дизайна: культурологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии 24.00.01 – теория и история культуры. Екатеринбург, 2016.

³ Тетиор А.Н. Формы эволюции, деволюции и бытия в природе // Евразийский Союз Ученых. 2017. № 8–1 (41). С. 89–98.

⁴ Земпер Г. Практическая эстетика. М.: Искусство, 1970. С. 181.

циальные, экономические и экологические проблемы, рассматриваются возможности и уровень современного научного познания, идеи глобального эволюционизма и самоорганизации и их проникновение в познавательный процесс, усиление взаимодействия и интеграцию различных наук о человеке, обществе и природе.

То, что Концепция устойчивого развития явилась квинтэссенцией современных времени ее принятия социологических и философских, математических и естественнонаучных теорий, продолжает и в наши дни, в условиях постиндустриального потребительского общества, в ситуации противостояния культуры и «натуры», истребления природы, череды экологических катастроф мирового масштаба, оказывать идейное влияние на формирование экологической культуры социума, направленной не только на обеспечение устойчивого развития, но и выживание человечества⁵.

Экологическому кризису сопутствует кризис духовный, потеря ценностей основ общества, отсутствие мотивации к гармоничному сосуществованию с природой. Изначально Концепция устойчивого развития призвала к необходимости взаимосвязи разума и нравственности. Для предотвращения разрушительных последствий экспериментов «разумной» хозяйственной деятельности, которых было достаточно в истории человечества, необходимы духовные ценности, изменение норм этики, уточнение традиционных ценностных установок общества, новые императивы в науке, технике, экономике и политике, изменения в целях и содержании образования⁶.

⁵ Мамедов Н.М. Концепция устойчивого развития: глобальное видение и российская действительность // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. 2021. Т. 2. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecopoiesis.ru>; Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: Монография. М.: Инфра-М, 2017; Терновая Л.О., Гольдин Г.Г., Антипенков А.А. Экологическая безопасность: правовые основы и геополитические ограничения: монография. М.: «Город XXI век», 2017.

⁶ Там же.

Также актуально формирование такой экологической культуры, которая может стать имманентным качеством каждой личности, определяющим критерием профессионализма в любой сфере деятельности. Понимание человечеством необратимых последствий антропогенной нагрузки на природу и для него самого, и для окружающей среды привело к экологизации культуры, переоценке ценностей в отношениях человека и природы, пониманию основополагающей ценности природы. Поначалу под экологической культурой понимали культуру природопользования, определяя такие ее главные признаки: ресурсосбережение, малоотходность или безотходность производства, контроль развития промышленных технологий, использование нетоксичных материалов и возобновляемых источников энергии (воды, ветра, солнца и т.д.), борьбу с загрязнением природной среды, принятие законов об охране природы. Т.е. предполагалось внесение корректив и ограничений в технический прогресс, что характерно для антропоцентрического сознания и технократического мышления.

Экологическая культура общества в любой период его развития представляет собой определенный уровень взаимоотношений человека и природы, впитывает в себя достижения различных наук, изменяется в связи с совершенствованием экологических и нравственных норм и правил, природоохранного законодательства, системы экологического просвещения и образования. В настоящее время понятие «экологическая культура» значительно шире. Это – часть общечеловеческой культуры, система социальных отношений, морально-этических норм, взглядов, установок и ценностей, касающихся взаимоотношений человека и природы. Как мера свободы человека по отношению к природе экологическая культура регулирует внутреннюю мотивацию человека, его системное понимание своего места и роли в эко-, био- и ноосфере, культуру поведения в природной среде.

Экологическая культура выступает мерой и способом реализации творческого потенциала личности и общества в процессе его разностороннего взаимодействия с природой при условии сохранения равновесия в био- и техносфере с помощью природосообразной хозяйственной и проектировочной деятельности⁷. Экологическая культура вбирает в себя экогуманитарные ценности, субъект-субъектные и субъект-объектные отношения в системе человек – общество – природа – целостное мировоззрение и мироотношение человека. Она же может быть представлена и как мера свободы человека по отношению к природе.

Обратим внимание на то, что в разных сферах человеческой деятельности: познании и науке, экономике, политике, производстве и технике, образовании, искусстве, религии и др., – экологическая культура приобретает такие содержательные аспекты, которые позволяют адаптировать ее в соответствии с целями и задачами конкретной деятельности и особенностями любой социальной группы, а также более широко – с характером взаимодействия с природой.

Необходимость понимания сути категории «экологическая культура» продиктована тем обстоятельством, что возникновение экологических проблем обусловлено, прежде всего, социально-экономическими факторами, и решаться эти проблемы должны не только исключительно техническими средствами, но и путем переориентации ценностей, установок, поведения отдельных лиц и групп населения по отношению к окружающей среде. Объективная реальность (негативное состояние окру-

жающей среды, низкое качество жизни) сама по себе не меняет поведения людей.

Требуется более активное освоение экологической культуры каждым человеком, превращая ее в такой способ жизнедеятельности человека и жизнеобеспечения, при котором индивид и общество имеющейся системой духовных ценностей, этических принципов, экономических механизмов, правовых норм, социальных институтов формирует потребности людей и способы их реализации, не создающих угрозы жизни на Земле.

Специфика содержание экологической культуры состоит в том, что она органично вбирает в себя важнейшие сегменты общекультурного пространства, в частности: производства и потребления, которые должны поддерживать устойчивость, динамическую стабильность экосистем и биосферы в целом; взаимодействия между партнерами, народами, странами, культурами, конфессиями, основанные на взаимном уважении, поддержке и сотрудничестве; поведения, основанного на самореализации каждой личности, малых и больших социальных групп и направленного не на рост, а на оптимизацию, качественное совершенствование потребления, исключаящее излишнее, ненужное, избыточное; обращения к традиционным формам культуры и к образу будущего, взаимодополняющим друг друга в духовном развитии отношений с природой; диалога культур, предполагающего не стирание, а углубление и параллельное существование культур, гармонизацию их взаимодействия; движения навстречу, углубление связей между духовной, социально-политической, экономической деятельностью, управлением и образованием, наукой, искусством, религией.

Все эти идейные и теоретические позиции, раскрывающие предназначение экологической культуры, в ракурсе концепции устойчивого развития наполняются и практическим смыслом. Наполненная экологическим содержанием деятельность не может не быть

⁷ Зарипова Р.С., Махубрахманова В.Р. Основы экологической культуры: Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2021; Дорошко О.М. Современные подходы к определению понятия «экологическая культура» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9(17). С. 1–11; Михеева Н.А., Жуков П.В. К вопросу об управлении процессом экосоциализации населения России // Современные исследования социальных проблем: журнал. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2010. № 1. С. 112–114.

природо-ориентированной и природосообразной⁸. Однако для реализации любой активности подобной направленности требуются собственные экологические компетенции. Экологические компетенции можно вывести в особый раздел багажа компетенций современного человека, поскольку их специфика выражена в том, что они не только выстроены профессионально грамотно, но и имеют ярко выраженную социальную направленность. В качестве примера пространства, где отчетливо видно это сопряжение можно привести политику корпоративного управления, где аббревиатура ESG отражает подход к внедрению устойчивого развития коммерческой деятельности, выстраиваемый на таких принципах, как: E – environment: ответственное отношение к окружающей среде; S – social: высокая социальная ответственность; G – governance: высокое качество корпоративного управления. Экологическая компетенция обязательно включает: экологическую направленность личности; экологическое сознание и экологические знания, а также опирающиеся на них умения и навыки; экологическое чувствование.

Специалистами предложено следующее определение экологической компетентности, в котором подчеркиваются системные интегративные качества индивидуальности, характеризующие способность профессионала решать разного уровня проблемы и задачи, которые возникают в жизненных ситуациях и профессиональной деятельности, на основе сформированных ценностей и мотивов, знаний, учебного и жизненного опыта, индивидуальных особенностей, наклонностей, потребностей⁹. И в этом подходе к конкретизации понятия «экологическая компетентность», и в других, определениях, предлагаемых отечественными исследователя-

⁸ Жуков А.А. Природосообразность в терминах и определениях // Наука и школа. 2017. № 2. С. 163–168.

⁹ Алексеев С.В., Груздева Н.В., Симонова Л.В. Экологическое образование в базовой школе: Методическое пособие. СПб.: Специальная литература, 1998.

ми, акцент делается на интегративный характер экологической компетентности, ее глубокую связь с макромиром и микромиром, которым и является сам человек, со своими переживаниями, склонностями, мечтами и фантазиями, но в то же время большинство авторов отмечают воздействие на процесс формирования такой компетенции экологического императива. Благодаря ему в нужное время и в конкретных обстоятельствах мобилизуется ценностное отношение к окружающему миру, а творческий опыт направляется на разрешение конфликтных экологических ситуаций.

Усилившееся внимание к комплексу вопросов, касающихся экологической компетентности, обусловлено рядом обстоятельств теоретического и практического характера. Безусловно, интерес к выявлению сущности экологической компетентности возрос в связи с пониманием того, что решение глобальной экологической проблемы, существующей в современном мире, невозможно без качественного изменения экологической культуры, частью которой выступает экологическая компетентность. Именно эту часть можно рассматривать как наиболее ценную внутри целой экологической культуры вследствие ее наполненности актуальным пониманием трансформации многих производственных, социальных, духовных и иных процессов под влиянием цифровизации. Искусственный интеллект может выбрать вариант любого действия не по типу природоподобия, а природоугнетения. Поэтому в экологической компетенции специалиста все более и более должны углубляться и ее гуманитарная составляющая, и гуманистическая компонента, являющиеся сердцевинной культурой¹⁰.

Несмотря на то, что понятие «экологическая культура» многогранно и многоаспектно, его содержательное наполнение и уровень развития зависит

¹⁰ Ромашина Е.Ю. «Гуманитарный» и «гуманистический»: из истории понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 1(10). С. 116–121.

от многих факторов, среди которых выделяются социальные, связанные с изменением социума и усилением воздействия на него двух противоположных тенденций. Первая из них была отмечена в Концепции устойчивого развития и отвечает задачам создания прочного и стабильного миропорядка и жизнестойкого мирового сообщества. Вторая тенденция связана с ростом неопределенности, непредсказуемости, социальной турбулентности. Отличительной чертой экологической культуры можно назвать ее чуткость к реальному проявлению конкретной экологической ситуации, а критерием сформированности такой культуры становится готовность человека или определенной группы социально ответственно применять в этих обстоятельствах, как экологические знания и опыт, так и экологические мировоззрение и чувства.

Литература

1. Алексеев С.В., Груздева Н.В., Симонова Л.В. Экологическое образование в базовой школе: Методическое пособие. СПб.: Специальная литература, 1998. 88 с.
2. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 480 с.
3. Дорошко О.М. Современные подходы к определению понятия «экологическая культура» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9(17). С. 1–11.
4. Жуков А.А. Природосообразность в терминах и определениях // Наука и школа. 2017. № 2. С. 163–168.
5. Зарипова Р.С., Махубрахманова В.Р. Основы экологической культуры: Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2021. 106 с.
6. Земпер Г. Практическая эстетика. М.: Искусство, 1970. 320 с.
7. Мамедов Н.М. Концепция устойчивого развития: глобальное видение и российская действительность // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. 2021. Т. 2. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecopoiesis.ru>.
8. Михеева Н.А., Жуков П.В. К вопросу об управлении процессом экосоциализации населения России // Современные исследования социальных проблем: журнал. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2010. № 1. С. 112–114.
9. Панкина М.В. Феномен экологического дизайна: культурологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии 24.00.01 – теория и история культуры. Екатеринбург, 2016. 282 с.
10. Ромашина Е.Ю. «Гуманитарный» и «гуманистический»: из истории понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 1(10). С. 116–121.
11. Тетиор А.Н. Формы эволюции, деволюции и бытия в природе // Евразийский Союз Ученых. 2017. № 8–1 (41). С. 89–98.
12. Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: Монография. М.: Инфра-М, 2017. 312 с.
13. Терновая Л.О., Гольдин Г.Г., Антипенков А.А. Экологическая безопасность: правовые основы и геополитические ограничения: монография. М.: «Город XXI век», 2017. 276 с.

SOCIAL ASPECTS OF THE FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE IN THE PERSPECTIVE OF THE PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Shastina A.E.

Moscow Automobile and Highway State Technical University

The article traces the evolution of the development of the content of the concept of “ecological culture”, which meets the expansion of the needs of an individual and society in communicating with nature. The turning point of this evolution was the development and adoption of the Concept of Sustainable Development. Its provisions had a fundamental impact on the birth of

a new competence – ecological, without which in the modern world not only a single production process is unthinkable, but also the organization of political management or the spiritual life of people. Today, the ecological is the core of ecological culture, giving it sustainability and ensuring the socially oriented nature of all environmental programs.

Keywords: society, ecology, sustainable development, ecological culture, ecological competence, ecological safety.

References

1. Alekseev S.V., Gruzdeva N.V., Simonova L.V. Ecological education in the basic school: Methodological guide. St. Petersburg: Special Literature, 1998. 88 p.
2. Deryabo S.D., Yasvin V.A. Ecological pedagogy and psychology. Rostov-on-Don: Phoenix, 1996. 480 p.
3. Doroshko O.M. Modern approaches to the definition of the concept of "ecological culture" // Modern studies of social problems (electronic scientific journal). 2012. No. 9(17). S. 1–11.
4. Zhukov A.A. Natural conformity in terms and definitions // Science and school. 2017. No. 2. P. 163–168.
5. Zaripova R.S., Makhubrahmanova V.R. Fundamentals of ecological culture: Textbook for universities. M.: Yurayt, 2021. 106 p.
6. Zemper G. Practical aesthetics. Moscow: Art, 1970. 320 p.
7. Mamedov N.M. The Concept of Sustainable Development: Global Vision and Russian Reality // *Ecopoiesis: Ecohumanitarian Theory and Practice*. 2021. V. 2. No. 1. [Electronic resource]. URL: <http://ecopoiesis.ru>.
8. Mikheeva N.A., Zhukov P.V. On the issue of managing the process of eco-socialization of the population of Russia // *Modern studies of social problems: a journal*. Krasnoyarsk: Scientific and Innovation Center, 2010. No. 1. P. 112–114.
9. Pankina M.V. The Phenomenon of Ecological Design: A Cultural Analysis. Dissertation for the degree of Doctor of Cultural Studies 24.00.01 – theory and history of culture. Ekaterinburg, 2016. 282 p.
10. Romashina E. Yu. "Humanitarian" and "humanistic": from the history of concepts // *News of the Volgograd State Pedagogical University*. 2005. No. 1(10). pp. 116–121.
11. Tetior A.N. Forms of evolution, devolution and being in nature // *Eurasian Union of Scientists*. 2017. No. 8–1 (41). pp. 89–98.
12. Ternovaya L.O. *Ecosemantics of Geopolitical Space: Monograph*. M.: Infra-M, 2017. 312 p.
13. Ternovaya L.O., Goldin G.G., Antipenkov A.A. *Ecological safety: legal bases and geopolitical restrictions: monograph*. M.: "City XXI century", 2017. 276 p.

Классификация методов патриотического воспитания молодежи в аспекте сферы их применения

Блошко Виталий Васильевич,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ

E-mail: Vit.bloshko@gmail.com

Капустин Владимир Владимирович,

кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии, ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ

E-mail: kapustinww@list.ru

В статье раскрываются основные научные подходы в исследовании современных методов патриотического воспитания, применяемых в процессе социальной работы с гражданами России и прежде всего с молодежью. Проведенный теоретический анализ исследований отечественных и зарубежных ученых по данному направлению позволил выделить существующие классификации этих методов по различным признакам, а также определить оптимальные сферы их применения. Они проанализированы с точки зрения возможности и эффективности их использования в процессе патриотического воспитания граждан современной России, а также целесообразности их реализации в мерах и программах, проводимых в стране на государственном уровне.

Ключевые слова: патриотизм, социальная типология методов патриотического воспитания, глобализация, социальные программы.

Актуальность проблемы. Противостояние идей глобализма и патриотизма в начале XX века стало основным вопросом геополитической повестки дня во всем мире. Тому есть множество подтверждений, первым из которых стала речь президента России В.В. Путина в Мюнхене в 2007 году [5], в которой декларировались официальная позиция нашего государства, поддерживаемая многими другими, заключающаяся в том, что однополярная модель мира, которая, в сущности, и является олицетворением идеологии глобализма и ее конечной геополитической целью, изжила себя, является неприемлемой и нереализуемой. Если рассмотреть основные тезисы данной речи [5], критика идей глобализма заключалась главным образом в том, что правовая система конкретного государства, а именно Соединенных Штатов Америки, вышла за национальные границы этой страны и стала навязываться другим государствам по всему миру. Вместе с тем, президент Путин заявил, что как страна с многовековой историей, обычаями и традициями, Россия оставляет за собой право вести независимую внешнюю и внутреннюю политику, и не собирается менять повестку дня в угоду другому государству. Именно это и является ключевым антиглобалистским тезисом, который предшествовал формированию и декларации национальной идеи нашего государства, а именно – патриотизма, что было закреплено на законодательном уровне в 2020 году в Конституции России [1].

Данная национальная идея не является уникальной или оригинальной. Несмотря на то, что с точки зрения глобалистов это может быть шагом назад, патриотизм являлся силой, объединяющей народы во всех государствах, на протяжении практически всей истории человечества [8], и остается таковой и по сей день. Все ведущие миро-

вые державы, такие, как США, Великобритания, Китай, Россия, Япония, Франция – каждая из них уделяет огромное внимание патриотическому воспитанию собственного населения, что подтверждает рациональность и эффективность данной внутреннеполитической стратегии.

Превосходство патриотизма над глобализмом в качестве определяющей стратегии и национальной идеи также подтверждается многочисленными событиями на мировой арене, в результате которых ведущие государства мира публично отказались от идеи однополярного мира и политики глобализма в пользу собственных национальных интересов, иначе говоря – патриотизма. В качестве основных примеров, можно привести так называемый «Брекзит» 2020 года, когда посредством волеизъявления подданных в форме демократического голосования Великобритания вышла из состава Европейского союза [14].

Помимо того, на сегодняшний день заключительным этапом отказа стран запада от политики глобализма можно считать выступление президента США Д.Р. Байдена, последовавшее за выводом американских войск из Афганистана после 20 лет военных действий, в котором он публично декларировал отказ Соединенных Штатов от последующих попыток насильственного переделывания других государств под «западные» стандарты, в том числе навязывание демократии, американских ценностей и законов, а также свержения неугодных американскому политическому истеблишменту режимов [15]. Это выглядит логичным и последовательным продолжением политики предыдущего президента США Д. Трампа, которая строилась именно на идеях патриотизма – в частности, знаменитый лозунг «America First», подразумевающий, что именно внутренние интересы этого государства и его граждан должны быть приоритете у его руководства, и политика глобализма и постоянного вмешательства в дела других государств должна прекратиться [14].

Таким образом, говоря об актуальности исследований в области патриотизма в целом и социологии патриотического воспитания в частности, можно подвести черту, процитировав К. Маркса: «Практика – критерий истины», и в данном случае практика показала всю несостоятельность глобализма на фоне возрастающей релевантности патриотизма. Поэтому здесь следует отойти от обсуждения положения вещей в других странах и перейти к обсуждению ситуации в России и текущем состоянии института патриотизма в нашей стране.

Краткий обзор литературы. На сегодняшний день патриотическое воспитание молодежи и де-юре, и де-факто является одной из главных задач образовательной системы РФ [1, 4]. Именно оно является главным инструментом формирования у молодых граждан нашей страны патриотического сознания, которое позволяет им понять и принять свой гражданский долг, заключающийся в защите интересов своей Родины, а также верности и любви к собственному Отечеству.

С точки зрения социологии, сущность патриотизма заключается в закономерном развитии данного чувства у людей посредством трансформации первобытного трайбализма, то есть такой формы групповой идентичности, которая характеризуется замкнутостью и внутренней самодостаточностью, как правило при этом сопровождающейся определенной степенью враждебности, направленной на группы, которые воспринимаются данным социумом как конкуренты за некие интересы [6]. В свою очередь, корень трайбализма как явления берет свое начало в инстинкте самосохранения человека, стремящегося защитить себя и своих соплеменников, их образ жизни, обычаи и ареал их обитания [6, 8]. С течением времени в процессе эволюции и индивида, и социума, эти чувства также развивались и трансформировались. Таким образом в людях постепенно формировалось чувство гордости за свое сообщество, привязанности

к территории, на которой они родились и выросли. Именно это и стало в конечном итоге тем, что сегодня называется патриотизмом – любовью к Родине, Отечеству, своей земле, истории своего народа и его героическим подвигам, а также готовность пожертвовать личными интересами в пользу нужд общества и государства, проявления верности и желание защищать свою страну.

Термин «патриотическое воспитание» подразумевает процесс целенаправленного формирования личности человека, которого можно назвать патриотом своей страны; который любит свою Родину, предан своей стране и ее народу, готового действовать в интересах этого государства и понимающего необходимость его защищать, в том числе, готового принести определенные жертвы и вытерпеть некоторые лишения во имя процветания своего Отечества. Для того, чтобы трайбализм, который обычно в той или иной степени присущ человеку, живущему в любом социуме по умолчанию [7], был преобразован в патриотизм, данный процесс необходимо направлять и контролировать. Как любой систематизированный и управляемый процесс, имеющий под собой определенный и ряд целей и задач, патриотическое воспитание на любом уровне должно реализовываться посредством определенного набора методов, выбор которых определяется с учетом конкретных обстоятельств и специфики социальной группы, в которой они применяются [8, 10].

В сущности, все эти методы являются социальными технологиями – то есть, определенным набором методов, приемов и воздействий, которые применяются ради достижения заданных целей в отношении социального развития, решения общественных задач различной природы, моделирования и реализации коммуникативных воздействий, которые вносят изменения в сознание людей посредством внедрения некоторых социальных, культурных и политических структур, ситуаций и систем [6]. По мнению ряда авторов, таких, как Грызова У.И., Шохов А.С.,

Реут Д.В., именно социальные технологии используются в политике, в том числе внутренней, для формирования определенного общественного мнения и ведения идеологической работы с населением той или иной страны [3, 13]. Иначе говоря, именно посредством внедрения и использования социальных технологий можно реализовывать процесс патриотического воспитания граждан любой страны, и в данном случае они являются главным и единственным инструментом.

Но раз все эти методы являются социальными технологиями, справедливо ли обратное утверждение – о том, что все социальные технологии могут являться методами патриотического воспитания? В некотором отношении это действительно так, и это следует из приведенной выше дефиниции термина социальных технологий. Любое социальное воздействие, прямое или опосредованное, приводящее к повышению уровня патриотизма, в той или иной степени можно отнести к методам работы патриотической направленности. Однако, когда речь идет непосредственно о воспитательных методах, акцент делается прежде всего на педагогической работе, то есть, тех социальных технологиях, которые целенаправленно используются для воспитания патриотических чувств [8].

Социологическая природа данных процессов в контексте обсуждаемой проблематики вторична, поскольку далеко не все социальные технологии подразумевают под собой воздействия педагогического характера, хотя большая часть из них может использоваться таким образом, чтобы стимулировать возвращение в обществе патриотических чувств [3, 9]. Иначе говоря, под методами патриотического воспитания в данном контексте понимается ограниченный ряд социальных технологий педагогической направленности, главной целью которых является прямой воспитательный процесс с патриотическим уклоном, контролируемый напрямую, в то время как иные социальные технологии, такие, как телепередачи,

продвижение в социальных сетях и т.д. используются опосредованно и не напрямую.

Таким образом, в качестве первого уровня дифференциации можно принять разделение социальных технологий патриотической направленности на педагогические и непедагогические, или же прямые и опосредованные [7]. Прямые, они же педагогические, можно отнести непосредственно к методам патриотического воспитания; опосредо-

ванные же являются в данном случае вспомогательными, не несущими в себе прямую функцию обучения и воспитания. Для наглядности, ниже приведены примеры социальных технологий, являющихся методами патриотического воспитания, вместе с теми из них, которые нельзя отнести к таковым, а также их сходства и различия по ряду ключевых признаков и функционалу (таблица 1).

Таблица 1. Классификация социальных технологий патриотической направленности по их функционалу и пригодности для использования в целенаправленном процессе патриотического воспитания

Социальная технология	Степень целенаправленности на патриотическое воспитание	Может ли считаться педагогическим методом?
Лекции и уроки по истории страны	Высокая, выражена в изучении объективных причин для уважения и любви к Отечеству	Да
Внеклассные занятия, посвященные проблемам домашнего региона	Средняя, выражена в изучении и обсуждению проблем, которые могут относиться или не относиться к проблемам всей страны	В отдельных случаях да
Кинофильм патриотической направленности, знакомящий зрителей с определенными трудностями, которые были преодолены их народом в прошлом	Высокая, выражена в изучении объективных причин для уважения и любви к Отечеству	Да
Кинофильм об определенной исторической эпохе в стране, не имеющий при этом внятного патриотического подтекста	Низкая, так как образ государства и народа в фильме данного типа может иметь нейтральный или даже негативный оттенок	Нет
Статьи в интернете, посвященные тем или иным историческим событиям	Средняя, выражена в изучении точки зрения, которая может быть или не быть патриотичной	В отдельных случаях да
Картинки (мемы), видеоролики и лозунги в интернете, посвященные событиям, затрагивающим всю страну	Низкая, так как образ государства и народа в данном случае может как воспеваться, так и порицаться, поскольку данный контент хаотичен и размещается в сети произвольно любыми пользователями	Нет

Поскольку одним из основных источников патриотического воспитания в России в настоящий момент являются общеобразовательные учреждения [11], для получения полного представления о классе социальных технологий, которые можно отнести к методам патриотического воспитания, следует обратиться к педагогической классификации воспитательных методов и проанализируем возможность их применения непосредственно в патриотическом воспитании (таблица 2).

Если рассматривать перечисленные в таблице 2 методы комплексно можно прийти к выводу, что почти все они могут успешно применяться в процессе патриотического воспитания. Помимо того, ряд авторов [6, 8, 11] в качестве пригодных для патриотического воспитания способов организации деятельности выделяет такие, как: военно-спортивные игры и соревнования; конкурсы и викторины; спектакли; встречи и взаимодействие с прославленными земляками; различные мероприятия,

несущие в себе цель почтить память павших и почивших героев Отечества; организация празднований в честь различных памятных дат; посещение воинских частей и изучение военной атрибутики страны; поиск информации и биографических данных о собственных

родственниках и предков, принимавших участие в важных исторических событиях, таких, как войны (например, Великая Отечественная) и революции (Великая Октябрьская); изучение истории локальных конфликтов; поиск семейных реликвий и т.п.

Таблица 2. Классификация педагогических воспитательных методов и возможность их применения в патриотическом воспитании

Метод	Практические способы применения	Применимость в патриотическом воспитании
Формирование сознания индивидуальной личности	Диалог; Рассказ; Доклад; Дискуссия; Дебаты; Беседы; Семинары; Симпозиумы	Да (обмен информацией патриотического толка, просвещение, поиск новых подходов)
Стимулирование специфической деятельности и формирование определенной модели поведения	Конкуренция; Состязание; Поощрение; Похвала	Да (социальное одобрение, чувство принадлежности к группе и обществу в целом)
Контроль, оценка, в т.ч. самостоятельные	Оценка деятельности индивида социумом; Регламентация статуса; Наличие конкретных целей и понятных задач, к которым можно стремиться	Да (наличие поддерживаемых социумом стимулов для соответствия патриотической модели поведения, а также порицаемых поведенческих паттернов)
Организация деятельности и сознательное формирование конкретного опыта	Поручения; Указания; Направления к действию; Инструкции; Упражнения	Да (выполнение конкретных задач, одобряемое обществом и наглядно демонстрирующее преимущества патриотичной модели поведения)
Самостоятельная работа и самообразование	Изучение литературы на определенную тему; Выборочное общение; Интервью; Поиск информации	В отдельных случаях да (хаотичный поиск информации может привести индивида к недостоверным источникам, которые приведут к формированию порочной картины мира, не соответствующей объективной действительности – в т.ч. может противоречить идеям патриотизма)

Но для того, чтобы получить более полную социологическую типологию методов патриотического воспитания, следует немного углубиться в существующие в педагогической науке классификации самих направлений данного процесса. К примеру, Вырщиков А.Н. и Кусмарцев М.Б. предлагают разделить эти направления по сферам жизнедеятельности, в рамках которых и происходит непосредственная воспитательная работа [2]. Каждая из этих сфер в той или иной степени имеет непосредственное значение для форми-

рования личности полноценного гражданина и члена общества, обладающего патриотическим сознанием и в полной мере идентифицирующего себя со своей Родиной, Отечеством, народом, его обычаями и традициями, территорией, качеством жизни на этой территории и т.д. (таблица 3).

Таким образом можно сказать, что патриотическое воспитание граждан любой страны – это многогранный процесс, затрагивающий так или иначе практически все сферы жизнедеятельности. Это также говорит и о наличии

широкого спектра возможностей применения данных методов воспитания, поскольку как в случае социального, так и индивидуального подхода можно посредством опросов или интервью получить представление о том, какие именно направления наиболее сильно затрагивают группу граждан или конкретного гражданина, чтобы скорректировать воспитательную программу для максимальной эффективности, подстроив ее под параметры конкретной целевой аудитории в зависимости от ее специфики и обстоятельств. Тем не менее, хотя подобных направлений можно выделить достаточно большое количество [3, 6, 8], необходимо понимать, что зарождение и возвращение такого комплексного чувства, как патриотизм,

то есть любовь к Родине, реализуется прежде всего на основе развития правильных установок и ценностей с учетом индивидуальных особенностей детей с самых ранних лет, поэтому патриотическое воспитание должно начинаться в раннем возрасте [6]. Основным триггером в данном случае служат родители, которые, в свою очередь, также должны быть правильным образом воспитаны, чтобы обеспечить непрерывность данного процесса и преемственность поколений. Заложив требуемый фундамент, родители должны готовить своих детей к переходу на следующую стадию развития молодого патриота, которая начинается в общеобразовательной школе и продолжается на протяжении всего их жизненного пути.

Таблица 3. Направления патриотического развития в соответствующих сферах жизнедеятельности и примеры социальных технологий, через которые оно реализуется

Сфера жизни (направление)	Обоснование значимости направления для повышения патриотических чувств	Примеры социальных технологий
Духовно-нравственная	Соответствие нормам и правилам поведения общества; Принятие индивида обществом, ощущение единства	Лекции, семинары, занятия, телепередачи
Исторически-культурная	Ознакомление с историей и культурой страны и малой родины; Ощущение причастности к величию этой страны	Трансляция телепередач, видеофильмов, просветительская работа
Гражданско-правовая	Изучение государственных законов; Осознание гражданского долга; Ознакомление с правами и обязанностями	Правозащитная деятельность, публичные юридические консультации
Экологическая	Ценность природных ресурсов страны; Защита редкой флоры и фауны; Влияние природы на качество жизни	Пропаганда защиты природы, публичное осуждение загрязнения окружающей среды предприятиями
Краеведческая	Ощущение единения малой родины со всем государством; Повышение чувства причастности как к родному краю, так и ко всей стране	Участие региона в жизни государства; Спортивные чемпионаты и турниры
Миротворческая	Осознание важности сохранения мира и «статуса кво»; Ценность человеческой жизни и благополучия мирной жизни	Публичная демонстрация последствий конфликта, как прямых, так и косвенных
Военно-патриотическая	Понимание необходимости в наличии способности к защите границ государства; Готовность объединиться с другими гражданами для защиты общих интересов	Экскурсии в военно-исторические музеи и воинские части; Воздание почестей павшим героям страны

Выводы. Социальная типология методов патриотического воспитания молодежи должна начинаться с четкого разделения всех социальных техноло-

гий, которые применяются в данном комплексном процессе, на две категории: педагогические, т.е. те, которые намеренно используются для прямой

воспитательной и просветительской деятельности с целью взращивания патриотического самосознания и любви к Отечеству у молодых граждан, и на те, которые не являются педагогическими методами, но все же используются для продвижения патриотических идей косвенно – например, информационные передачи в СМИ и публичное освещение успехов и достижений государства.

Определившись с тем, какие именно социальные технологии патриотической направленности являются педагогическими методами патриотического воспитания молодежи, нужно более конкретно рассмотреть практические способы применения этих методов воспитательной работы на примерах непосредственной работы с молодыми гражданами, а также оценить эффективность использования данных методов в данном контексте, поскольку в литературе существует ряд вопросов к некоторым из них и к результативности их использования на практике [6, 9].

Тщательный анализ конкретных направлений по сферам жизнедеятельности, в которых реализуются данные методы воспитания молодых патриотов, позволяет выработать оптимальные стратегии по подбору определенных методик, использование которых является наиболее рациональным для заданных обстоятельств и конкретной целевой аудитории в зависимости как от ее социальных характеристик, так и от индивидуальных параметров субъектов воспитательной работы.

При этом, вероятно, самой важной составляющей процесса патриотического воспитания граждан любой страны является обеспечение непрерывности данного процесса путем преемственности поколений, когда родители-патриоты готовят почву для воспитания ребенка в патриотическом ключе.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
2. Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном обществе: монография. – Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. – 172 с.
3. Грызова, У.И. Социальные технологии: информационно-коммуникативная типология / У.И. Грызова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2012. – № 3. – С. 80–83.
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493.
5. Колесников, А.П. Его Фултон: к десятилетию Мюнхенской речи Владимира Путина // РБК.5.2017
6. Корнилова М.Ю., Томилин А.Н. Теоретико-методологические подходы к патриотическому воспитанию курсантов // Современный мир: опыт, проблемы и перспективы развития. 2016. Т. 1. № 1. С. 70–75.
7. Кукушин В.С. Теория и методика воспитания. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 508 с.
8. Лопуха А.Д., Володин Р.В. Педагогические условия обеспечения эффективности управления патриотическим воспитанием курсантов в военном вузе // Профессиональное образование в России и за рубежом, 2016. № 1 (21). С. 91–96.
9. Лутовинов В.И. Критерии и основы методики оценки результатов работы по патриотическому воспитанию. М., 2006.
10. Михалева Е.В. Мотивация участия молодежи в добровольческой деятельности // Аллея Науки. 2016. № 4.
11. Оганян К.К. Методологический анализ социальных технологий формирования профессиональных лидеров // СПб., 2011.

12. Плохова И.А. Роль волонтерского движения в патриотическом воспитании молодежи (на примере социологического исследования при ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова») // Электронный журнал «Общество. Культура. Наука. Образование».
13. Шохов А.С., Реут Д.В. Сознание: инструкция пользователя / Шохов А.С. – 1. – Одесса: ВМВ, 2009. – 464 с. – ISBN 978-966-413-135-0.
14. Hatemi, P., Plutzer, E., Berkman, M. There Are Many Ways to Be Patriotic // PennState College of Liberal Arts Poll Reports. – 2019.
15. Julian B. Biden calls for new era in US foreign policy in defensive Afghanistan speech // The Guardian. – 2021.

CLASSIFICATION OF METHODS OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN TERMS OF THEIR SCOPE

Bloshko V.V., Kapustin V.V.

Federal State Educational Institution «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article reveals the main scientific approaches in the study of modern educational methods that are used in the process of patriotic education of citizens of Russia, most importantly the young ones. The conducted theoretical analysis of the research of domestic and foreign scientists allowed us to identify the basic classifications of these methods according to a variety of attributes, as well as the optimal fields of their usage. They were analyzed primarily from the standpoint of possibility and efficiency of their usage in modern Russia, as well as their viability in the social programs that are performed in Russia in order to improve the quality of patriotic education on the level of the state.

Keywords: patriotism, social typology of the methods of patriotic education, globalization, social programs.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 N 6-FKZ, of December 30, 2008 N 7-FKZ, of February 5, 2014 N 2 -FKZ, dated 07/01/2020 N 11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07/01/2020, N 31, art. 4398.
2. Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B. Patriotic education of youth in modern society: monograph. – Volgograd: NP IPD "Author's Pen", 2006. – 172 p.
3. Gryzova U.I. Social technologies: information and communication typology / U.I. Gryzova // Intellect. Innovation. Investments. – 2012. – No. 3. – P. 80–83.
4. State program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020", approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 No. 1493.
5. Kolesnikov, A.P. His Fulton: on the tenth anniversary of Vladimir Putin's Munich speech // RBC.52017
6. Kornilova M. Yu., Tomilin A.N. Theoretical and methodological approaches to the patriotic education of cadets // Modern world: experience, problems and development prospects. 2016. V. 1. No. 1. S. 70–75.
7. Kukushin V.S. Theory and methodology of education. – Rostov n/D: Phoenix, 2006. – 508 p.
8. Lopukha A.D., Volodin R.V. Pedagogical conditions for ensuring the effectiveness of managing the patriotic education of cadets in a military university // Professional education in Russia and abroad, 2016. No. 1 (21). pp. 91–96.
9. Lutovinov V.I. Criteria and bases of methodology for evaluating the results of work on patriotic education. M., 2006.
10. Mikhaleva E.V. Motivation of youth participation in volunteer activities // Alley of Science. 2016. No. 4.
11. Oganyan K.K. Methodological analysis of social technologies for the formation of professional leaders // St. Petersburg., 2011.
12. Plokhova I.A. The role of the volunteer movement in the patriotic education of youth (on the example of a sociological study at Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov) // Society. Culture. The science. Education".
13. Shokhov A.S., Reut D.V. Consciousness: user manual / Shokhov A.S. – 1. – Odessa: WWII, 2009. – 464 p. – ISBN 978-966-413-135-0.
14. Hatemi, P., Plutzer, E., Berkman, M. There Are Many Ways to Be Patriotic // PennState College of Liberal Arts Poll Reports. – 2019.
15. Julian B. Biden calls for a new era in US foreign policy in defensive Afghanistan speech // The Guardian. – 2021.

Социальная солидарность и идентичность волонтеров общественных организаций

Аносов Сергей Сергеевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

E-mail: ssanosov@mail.ru

В статье рассматриваются процессы внутренней интеграции волонтеров общественных организаций, формирующие условия для конструирования их социальной идентичности. Определяются внешние и внутренние предпосылки закрепления социальной идентичности волонтерского сообщества и механизмы социальной интеграции. На основе анализа результатов количественного и качественного исследования волонтеров общественных организаций, рассматривается специфика развития гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: социальная солидарность, идентичность, волонтеры, общественные организации, гражданское общество, институты гражданского общества.

Актуальным моментом в исследовании общественных организаций выступает личная и социальная идентичность его членов. Идентичность – это то, как и кем себя ощущают члены определенного сообщества, а также по каким критериями выделяют «своих» и «чужих».

Находясь в сообществе волонтеров общественных организаций, участники понимают то, что их связывает между собой незримыми нитями, то, что является основой их внутренней интеграции, что помогает работать эффективно и слажено, понимать мотивы друг друга и воплощать в жизнь социальные проекты. Идентичность возникает не сразу, она формируется в процессе вовлеченности в общую работу, опираясь на ценности волонтеров, их мировоззрение, воплощаясь в будущем в солидарном сообществе с четкой идентификацией «своих».

Волонтерская деятельность в общественных организациях изначально притягивает молодых людей (а по статистике 90% всех волонтеров это люди в возрасте до 35 лет) с определенным мотивационным настроем, обладающих схожими чертами и характеристиками. Совместная работа усиливает общие мотивы, формирует критерии понимания общего дела и «своих» людей. Это своего рода отбор, отбор тех, кто хочет быть вместе, потому что разделяет те же ценности и нормы, готов не просто думать, но и действовать для реализации поставленных целей.

Социальная среда волонтеров формируется под влиянием разных условий, начиная от философско-мировоззренческих представлений (примером могут служить работы автора [1,2]), до формирования образа своих и чужих через призму социальной интеграции (А.С. Ким, О.А. Полюшкевич [4,5] или условий развития гражданского общества (Р.В. Иванов [3], М.В. По-

пова [6], А.Н. Пружинин [7]) и конструирования межсекторного партнерства (П.А. Трескин [8–10]). В любом случае – это сообщество, которое формируется общими представлениями и ценностями, которые находят отражение на уровне когнитивных, аффективных и деятельностных форм социальной реализации.

Методология и методика исследования

Логика нашего исследования строилась на принципах социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), когда мы предполагали, что социальная реальность формируется под влиянием мотивации и социальной идентичности членов определенного сообщества и способствует формированию внутренней интеграции. Это стало отправной точкой анализа внутреннего конструирования институтов гражданского общества на примере общественных организаций в новых социально-экономических и политических условиях.

В исследовании приняли участие общественные организации, привлекающие к своей деятельности волонтеров (имеющие как собственный штат волонтеров (базу), так и задействующие на разовые мероприятия волонтеров-добровольцев). Данные критерии позволили выявить наиболее активные в волонтерской деятельности общественные организации, понимающие цели и способы привлечения добровольцев, обладающие общей стратегией и конкретным пулом мотивации волонтеров, участвующих в их деятельности.

Технически, представители общественных организаций отбирались следующим образом:

1. Сайт. Наличие сайта общественной организации, где присутствовала информация о привлечении волонтеров (постоянно или на разовые проекты). В исследовании приняло участие 145 общественных организаций.
2. Время существования. Мы отбирали общественные организации, суще-

ствующие более трех лет, и привлекающие для организации собственной деятельности более 100 волонтеров в год.

3. Информационное сопровождение в СМИ и сети Интернет. Реализуемые социальные проекты с участием волонтеров должны были находить отражение в информационных сообщениях (ТВ и печатных), не только на собственном сайте, но и на информационных сайтах и СМИ. Анализировалось 876 сообщений.
4. Социальные сети волонтеров. Также нами изучались социальные страницы самих волонтеров, отражающие свое участие в проектах общественных организаций. Исследовалось 1256 социальных страниц.

Нами исследовались следующие показатели: мотивация, идентичность, солидарность волонтеров. В количественном исследовании (анкетный опрос) приняло участие более тысячи волонтеров (n=1100). В качественном исследовании (экспертное интервью) приняло участие более ста человек (n=110). Все волонтеры были в возрасте от 18 до 35 лет, участвующие в волонтерской деятельности от года и более, 60% девушки и 40% юноши.

Полученные данные анализировались при помощи пакета Statistic и методов контент-анализа и трансимволического анализа.

Анализ результатов исследования и их обсуждение

Уже на этапе подбора респондентов, изучая сайты общественных организаций, где имелась информация о приглашении волонтеров с указанием контактов, а также материалы о том, где и как они себя проявили. Эти сообщения чаще носили информационный характер (61%), но встречались и личные отзывы, и оценки самих волонтеров (13%), в комментариях к постам звучали отзывы тех, кому была оказана поддержка волонтеров (26%).

Статистика просмотров именно в этих публикациях была максимальной

в 90% сайтов. Т.е. для обывателей, заходящих на сайт общественной организации – освещаемая работа волонтеров являлась знаком повышения доверия, увеличения интереса и желания либо более тесно сотрудничать, либо получить поддержку со стороны данной организации, либо стать ее частью. По нашему мнению, данный факт может стать основой для формирования социальной идентичности и интеграции волонтеров общественных организаций.

Количество публикаций о работе волонтеров заметно увеличилось во время пандемии COVID-19 в 2020 и 2021 годах, но и без этого факта можно утверждать то, что частота и объем внимания заметно возрастают (см. табл. 1).

Таблица 1. Контент-анализ динамики публикаций о работе волонтеров на сайтах общественных организаций и в сети Интернет

Объекты и формы анализа		2018г	2019г	2020г	2021г
Частота внимания	Сайты общественных организаций	111	123	173	187
	Интернет	146	189	288	353
Объем внимания	Сайты общественных организаций	134	167	263	396
	Интернет	179	228	270	368

При опросе волонтеров мы уточняли их первую реакцию, когда они зашли на сайт той организации, в рамках которой работали волонтером в будущем – на что они обращали внимание и какие испытывали при этом чувства (см. табл. 2).

Как видно из таблицы 2, восхищение является более выражено среди мужчин ($F=29,9$ при $P = 0,05$), как и воодушевление ($F=13,3$ при $P = 0,005$) и активность ($F=2,3$ при $P = 0,005$); для женщин более значимо беспокойство ($F=23,3$ при $P = 0,06$), безразличие ($F=9,3$ при $P = 0,004$) и сопереживание ($F=6,4$ при $P = 0,004$).

Таблица 2. Параметры реакции на деятельность волонтеров при первом изучении сайта общественной организации, куда планировали прийти

Параметр	Пол	Среднее	Стандартное отклонение	F-критерий Фишера	P
Беспокойство	Ж	14,4	5,3	23,3	0,06
	М	15,3	4,1		
Воодушевление	Ж	21,1	4,2	13,3	0,005
	М	23,4	4,6		
Восхищение	Ж	22,8	4,3	29,9	0,05
	М	27,7	4,4		
Безразличие	Ж	25,5	3,6	9,3	0,004
	М	20,3	3,8		
Сопереживание	Ж	14,5	4,2	6,4	0,004
	М	13,1	3,3		
Активность	Ж	14,4	5,2	2,3	0,005
	М	16,6	5,1		

Реакции, безусловно, разные. Но и положительные и отрицательные стали стимулом к тому, чтобы они пришли в общественную организацию, стали волонтерами. В таблице 3 показаны оценки того, как сейчас себя чувствуют волонтеры (после участия минимум в трех волонтерских проектах).

Как видно из таблицы 3, положительные оценки волонтерской деятельности существенно увеличились, отрицательные хоть и остались, но связаны не с тем, что сами не справятся, а с тем, что глобально ситуацию не изменили и еще впереди много работы (это уточнение сформировано на основе открытых комментариев респондентов и указания на данный факт при экспертном интервью волонтеров).

Восхищение все также более выражено среди мужчин ($F=32,2$ при $P = 0,004$), как и воодушевление ($F=21,2$ при $P = 0,004$) и активность ($F=5,2$ при $P = 0,006$); для женщин более значимо беспокойство ($F=13,4$ при $P = 0,005$), безразличие ($F=8,1$ при $P = 0,003$) и сопереживание ($F=4,5$ при $P = 0,003$).

Таблица 3. Параметры реакции на деятельность волонтеров после нескольких волонтерских проектов

Параметр	Пол	Среднее	Стандартное отклонение	F-критерий Фишера	P
Беспокойство	Ж	5,6	5,2	13,4	0,005
	М	6,6	3,4		
Воодушевление	Ж	27,6	6,7	21,2	0,004
	М	32,3	7,5		
Восхищение	Ж	27,7	6,5	32,2	0,004
	М	31,1	6,7		
Безразличие	Ж	13,1	2,2	8,1	0,003
	М	10,1	2,1		
Сопереживание	Ж	19,9	6,7	4,5	0,003
	М	18,9	6,3		
Активность	Ж	25,4	6,8	5,2	0,006
	М	27,7	7,3		

В процессе экспертного интервью, мы смогли зафиксировать следующие объяснения данных реакций.

Когда я смотрел на сайт своей будущей общественной работы – я не могу поверить в том, что также смогу участвовать в этих проектах, помогать людям, быть таким нужным. Мне было и страшно, и радостно одновременно. Я восхищался ребятами и сомневался в себе – а достаточно ли я хорош для того, чтобы быть волонтером. Сомневался в себе страшно. И спустя два года активной волонтерской работы я все также сомневаюсь, так как знаю, что есть ребята более умные, активные, смелые – мне есть на кого ровняться и куда расти, но я ничуть не жалею, что преступил свой страх и стал волонтером. (И.Ю., член волонтерской организации Ирида, 21 год).

Заполняя анкету для того, чтобы записаться в волонтеры, я сначала прочитала кучу отзывов ребят, кто уже участвовал в волонтерском движении, посмотрела организованные ими мероприятия и проекты и так захотелось стать частью этого общего дела, что беспокойство ушло, а воодушевление

и восхищение остались, я не просто стала сопереживать, но появилась потребность проявлять активность, что-то делать, чтобы помочь тем, кому могу помочь. И я не жалею об этом нисколько. Спустя годы я приобрела такой шикарный опыт, который за все обучение в вузе не имела, да и за всю жизнь не получила. (Т.А., член волонтерской организации студентов, 22 года).

Также, стоит отметить, что все волонтеры (100%) отслеживают публикации в сети Интернет и СМИ о тех акциях что они сами организовали или были участниками, в 92% фиксируют свое участие в собственных социальных сетях, где фиксируют не только личное участие, но и дают оценку того, насколько та или иная акция или мероприятие важно и может изменить ситуацию в целом.

На вопрос о том, зачем они публикуют информацию о мероприятиях, в которых принимают участие в социальных сетях они ответили следующим образом: повышает личный имидж (23,4%), укрепляет социальный капитал (30,8%), повышает самооценку (24,7%), показывает мой личный вклад в общественное развитие (21,1%).

Отдельно практически всеми участниками (96,2%) была указана такая причина как понимание того, «кто свой», иными словами – критерий идентичности и консолидации. Те, кто откликнулись на пост или публикацию комментариями или хотя бы лайками – давали обратную связь и понимания того, что «мы с тобой одной крови» (комментарий эксперта).

Это ж основной показатель того, кто те люди, что числиться у тебя в друзьях – они с тобой одной крови или из каких-то иных соображений. Если после публикации о том, что я сегодня делала в качестве волонтера, что меня зацепило, поразило, удивило и т.д. я читаю вопросы и вижу искренний интерес или поддержку или желание поделиться собственным опытом и переживаниями в этой сфере – я понимаю – это «мой» человек. А если ноль реакции или недоумение или неприятие моего опыта,

действия, чувств – то как раз обратный пример – «не мой» человек. (Д.А., волонтер доноров крови, 25 лет).

Социальные сети делают людей на своих и чужих. У меня несколько тысяч состоят в друзьях, но это не значит, что я с ними со всеми на одной волне. И как раз реакции на мои посты, видео и сторис показывают – как они меня видят, зачем я им и есть понимание – зачем они мне. Я не хочу тратить время на чужих мне по духу людей, пусть и по какой-то нелепой случайности подписанных на мой блог или страницу. Это их дело. Мое дело – быть с теми, с кем мне по пути. (С.А., член волонтерского студенческого общества, 23 года).

Публикации о деятельности волонтеров общественных организаций на сторонних сайтах также вызывают особый интерес, и они их активно перепостиживают у себя на страницах, давая собственные оценки и комментарии (64,5%). Это по мнению волонтеров, помогает сплотить единомышленников, дополнительно подчеркнуть значимость и важность того, в чем они участвуют, к чему имеют непосредственное отношение каждый день.

Я всегда делаю ссылки на свои страницы в различных социальных сетях, если прочитаю где-то новость о том мероприятии что сама принимала участие или о каком-то интересном социальном проекте, в котором принимали участие другие волонтеры – то, что меня цепляет, цепляет и моих друзей-волонтеров, поэтому, это позволяет нам быть более едиными и солидарными, это то, что укрепляет нашу дружбу и нашу общественную деятельность. (И.А., член студенческого союза волонтеров, 24 года).

Информация о значимых или интересных волонтерских проектах всегда меня привлекает так как дает возможность расширить наш совместный опыт, что-то можно перенять, чему-то научиться и улучшить нашу общественную работу. И то, что об этом узнают мои друзья-волонтеры еще больше нас сплотит и позволит лучше понимать, как и что нам делать, куда и к чему

стремиться. (М.В., член студенческого волонтерского общества, 26 лет).

Волонтеры указывали на то, что социальное взаимодействие через изучение информации в сети Интернет и социальных сетях формирует неформальную социальную сеть коммуникаций, когда даже не знакомые между собой люди, но вовлеченные в единое пространство начинают взаимодействовать между собой и достигают в два раза больших результатов, чем если бы действовали по одиночке.

Социальная сеть волонтеров, даже не знакомых между собой, может существенно облегчить жизнь не только в пространстве волонтерской деятельности, но и при решении личных вопросов – например оказавшись в другом городе и столкнувшись с какой-то проблемой можно ее решить только обратившись в сообщество волонтеров. Например, я приехав в Москву, потеряла свой багаж, где у меня были и документы и деньги и одежда и обратилась в сообщество студентов-волонтеров – мне нашли жилье, помогли с деньгами и организовали все чтобы я ни в чем не нуждалась и когда мне нужно было уезжать – нашелся мой багаж. И я знаю сотни таких примеров – когда «свои» просто помогли. (А.А., член волонтерского сообщества студентов, 23 года).

Волонтеры – это навсегда. Сформированные сети взаимодействия связывают нас сильнее чем совместное обучение в школе или вузе – слишком разные могут быть интересы. А в волонтерской среде интерес один – помогать другим. Это то, что ты понимаешь – что тебя всегда поймут и поддержат в любой момент. Это единство и понимание других на безусловном уровне. (Т.В., член волонтерского сообщества студентов, 27 лет).

Таким образом, социальное конструирование реальности происходит в волонтерском сообществе как на интуитивном уровне (осмысления личного опыта и индивидуальных практик), так и на социальном организационном уровне (через выстраивание сети взаимо-

действия между волонтерами и волонтерскими сообществами разных городов). Личный и социальный капитал вовлеченности в данную социальную среду выступает ориентиром личностного и профессионального развития, помогает регулировать социальное взаимодействие от мотивации для реальных просоциальных практик вовлеченности в реальную работу.

Мы можем утверждать то, что социальная идентичность формируется через личный опыт и принятие опыта других как смыслонаполненный ориентир личного и профессионального развития. Без этого структурирования социального и личного пространства сложно представить конструирование идентичности волонтеров. А также социальная интеграция сообщества волонтеров происходит через выделение ключевых моментов единения как на уровне ценностей и представлений, так и в оценке значимости внешних событий (мероприятий, в которые они непосредственно вовлечены или оценивают роль и значимость сторонних социальных проектов, которые могли бы лично для них и их сообщества быть примером и ориентиром развития).

Волонтерство и волонтерская деятельность – это как профессия, которая становится частью личности. Побеждается и усиливается ее влияние через поддержку и социальное взаимодействие с такими же волонтерами, формирование социальных сетей и новых социальных ориентиров в виде деятельности других общественных организаций определяет поле интуитивно-смыслового развития волонтеров, формирования их социальной идентичности и внутренней консолидации. Тут срабатывает как личный выбор и готовность не просто мыслить, чувствовать, но и реально что-то делать для реализации личных и общественно полезных задач социального развития. А также социальные нормы и стереотипы создают и усиливают социальные практики, определяя форму и инструменты подтверждения и закрепления данных процессов.

Выводы

Сайты общественных организаций, поддерживающие информацию о деятельности волонтеров, выступают основой для формирования доверия к организации и желания быть ее членом, т.е. формируют установку на социальную идентичность с данной сферой деятельности или с конкретной организацией. Это помогает в будущем консолидировать сообщество изнутри и более слажено и эффективно работать во вне.

Первичная реакция на то, что делают волонтеры, через изучение публикаций о проектах, отзывах самих волонтеров или тех, кому была оказана волонтерская поддержка выступает основным рычагом вовлечения, а сообщество волонтеров. Причем мотивы вовлечения могут быть как положительные, так и отрицательные – с течением времени первые еще больше растут, а вторые уменьшаются, но не исчезают. Скорее, трансформируются в качественно другое неудовлетворенное состояние, так как есть понимание что еще не сделано и что надо успеть.

Фиксация своего волонтерского опыта на личных страницах в социальных сетях является формой развития личного имиджа, социального капитала, повышения самооценки и вклада в общественное развитие. Помимо этого, через данные посты волонтеры выделяют «своих» людей по реакциям на публикации, их комментарии, вопросы, а также личный опыт, которым они делятся в комментариях. Этот факт также дает возможность строить личный контент конструирования социальной идентичности и консолидации сообщества волонтеров.

Отслеживание интересной информации о значимых социальных проектах с участием волонтеров, ссылки со своих социальных сетей на данные проекты, приобщение своих друзей к ознакомлению с ними способствует укреплению социальных связей и социальной идентичности членов сообщества, а также их консолидации для реализации общих целей, разными способами.

Формируемые социальные сети взаимодействия как на уровне непосредственной тематической реализации общественных проектов, так и по личным вопросам – формирует среду уверенных в себе и в друг друга людей, способных поддержать и помочь в любой трудной жизненной ситуации, не потому что надо, а потому что «свой». Более того, волонтерская деятельность воспринимается как безусловный пример и принцип интеграции людей между собой.

Таким образом, социальная идентичность волонтеров общественных организаций формируется разными инструментами, опирается как на личные представления и опыт, так и на социальный ресурс и просоциальные практики вовлеченности в социальное взаимодействие. Более того, эти же инструменты способствуют формированию социальной солидарности членов данного сообщества как на микроуровне (внутри общественной организации), так и на макроуровне (уровне институтов гражданского общества). Поэтому, социальная солидарность и социальная идентичность волонтеров общественных организаций выступает формой развития гражданского общества и повышения личной и социальной активности каждого гражданина нашей страны.

Литература

1. Аносов С.С. Волонтерская деятельность студентов: социально-философский и прикладной анализ // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 33–35.
2. Аносов С.С. Философия волонтерского движения или новые формы социального служения // *Гуманитарный вектор*. 2018. Т. 13. № 2. С. 6–13.
3. Иванов Р.В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // *Социология*. 2020. № 5. С. 145–151.
4. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Идентичность как способ восприятия чужих и своих // *DIXI – 2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях*. сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 94–100.
5. Полюшкевич О.А. Социокультурная трансформация социальной идентичности и консолидации российского общества (1984–2009 гг.) // *Социология*. 2011. № 2. С. 66–78.
6. Попова М.В. Гражданское общество: основные подходы // *Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы*. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. 2017. С. 126–129.
7. Пружинин А.Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // *В поисках социальной истины*. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 137–141.
8. Трескин П.А. Некоммерческие организации в сетевом взаимодействии // *В поисках социальной истины*. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2019. С. 115–122.
9. Трескин П.А. Социально-психологические условия формирования мотивации сотрудников общественных организаций // *Философия здоровья: интегральный подход*. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 74–78.
10. Трескин П.А. Факторы организации межсекторного взаимодействия некоммерческих организаций // *Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы*. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 317–322.

SOCIAL SOLIDARITY AND IDENTITY OF VOLUNTEERS OF PUBLIC ORGANIZATIONS

Anosov S.S.

Irkutsk National Research Technical University

The article deals with the processes of internal integration of volunteers of public organizations, which form the conditions for constructing their social identity. The external and internal prerequisites for strengthening the social identity of the volunteer community and the mechanisms of social integration are determined. Based on the analysis of the results of a quantitative and qualitative study of volunteers of public organizations, the specifics of the development of civil society in modern Russia are considered.

Keywords: social solidarity, identity, volunteers, public organizations, civil society, civil society institutions.

References

1. Anosov S.S. Volunteer activity of students: socio-philosophical and applied analysis // Alma mater (Vestnik vysshei shkoly). 2018. No. 5. S. 33–35.
2. Anosov S.S. Philosophy of the volunteer movement or new forms of social service // Humanitarian vector. 2018. V. 13. No. 2. S. 6–13.
3. Ivanov R.V. Civil activity of the population in the public space of Irkutsk // Sociology. 2020. No. 5. P. 145–151.
4. Kim A.S., Polyushkevich O.A. Identity as a way of perceiving strangers and friends // DIXI – 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research. collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 94–100.
5. Polyushkevich O.A. Sociocultural transformation of social identity and consolidation of Russian society (1984–2009) // Sociology. 2011. No. 2. S. 66–78.
6. Popova M.V. Civil Society: Basic Approaches // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. 2017. S. 126–129.
7. Pruzhinin A.N. Management of civil society institutions through the prism of human capital // In Search of Social Truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, IGU, 2021, pp. 137–141.
8. Treskin P.A. Non-profit organizations in network interaction // In Search of Social Truth. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of V.A. Reshetnikov, O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. 2019. S. 115–122.
9. Treskin P.A. Socio-psychological conditions for the formation of motivation of employees of public organizations // Health Philosophy: an integral approach. Interuniversity. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021, pp. 74–78.
10. Treskin P.A. Factors of organization of intersectoral interaction of non-profit organizations // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. 2020. S. 317–322.

Проблемы управления сферой культуры в селах (на примере сельских поселений Иркутской области)

Батьянова Людмила Николаевна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: batyanova.ekaterina@mail.ru

Заварзина Юлия Владимировна,

доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: borisovaylia@bk.ru

В статье анализируются проблемы управления сферой культуры в сельских поселениях Иркутской области. Приводятся результаты исследования, позволяющего актуализировать ключевые проблемы, а также на основе системного анализа сформулировать общие рекомендации по совершенствованию управления сферой культуры сельских поселений Иркутской области.

Ключевые слова: село, культура, управление культурой, муниципальное управление.

Для управления сферой культуры в России важное значение имеет не только федеральное и региональное законодательство, но и муниципальное. Муниципальная политика, прежде всего, направлена на обеспечение условий для комфортного проживания граждан на муниципальной территории и развития духовной и экономической сферы общества. Одним из её главных направлений является – управление сферой культуры, направленное на регулирование в области сохранения и популяризации культурных ценностей, а также на обеспечение прав каждого человека пользоваться учреждениями культуры.

Управленческая деятельность в сфере культуры осуществляется на муниципальном уровне отраслевыми органами: комитетами, управлениями, отделами. Основная их роль заключается в том, чтобы сформировать систему взаимодействия органов власти и управления различных уровней, а также условий саморазвития и партнерства общественными организациями и структурами социального сектора в осуществлении культурной политики.

Положения об отделах культуры, где определены компетенция и полномочия, а также структура подведомственной сети, как правило, утверждаются постановлением (распоряжением) администрации муниципального округа.

В помощь управлениям культуры созданы совещательные органы, например, общественные советы, консультативные комитеты, совещательные или экспертные комиссии, общественные коллегии, координационные советы и другие.

На муниципальном уровне управление сферой культуры включает в себя способность на территории муниципального образования к развитию

всех видов организации культурной и досуговой деятельности. Соответственно, устанавливаются следующие функции:

- 1) реализация мер государственной поддержки и финансирования муниципальных учреждений культуры;
- 2) обеспечение прав граждан на свободу всех видов творчества, на доступ и приобщение к культурным ценностям и благам;
- 3) координация деятельности муниципальных учреждений культуры;
- 4) организация и проведение культурно-массовых мероприятий;
- 5) обустройство и обслуживание мест, предназначенных для массового посещения мероприятий;
- 6) развитие контактов с творческими коллективами и учреждениями и их поддержка;
- 7) защита и развитие исторических традиций народного творчества, обычаев, фольклора, традиционных промыслов и ремесел;
- 8) организация работ по реставрации, ремонту и строительству зданий, сооружений, инженерных коммуникаций и другие.

Эффективное муниципальное управление сферой культуры направлено на повышение культурного уровня муниципального образования. В связи с этим задача органов местного самоуправления заключается в создании такой системы управления, которая будет способна провести правовые, финансовые и организационные преобразования муниципальных учреждений культуры.

Отметим, что полномочия органов местного самоуправления в области культуры прописаны в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) и Федеральном Законе № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

В соответствии с Основами законодательства РФ о культуре полномочия органов местного самоуправления связаны с:

- организацией библиотечного обслуживания населения, комплектовани-

ем и обеспечением сохранности библиотечных фондов библиотек;

- созданием условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры;
- созданием условий для развития местного традиционного народного художественного творчества в поселениях, входящих в состав муниципального района;
- сохранением, использованием, охраной и популяризацией памятников истории и культуры.

Необходимо отметить, что в действующем законодательстве полномочия органов местного самоуправления ранжируются в зависимости от вида муниципального образования (городское поселение; муниципальный район; муниципальный округ, городской округ; внутригородской район).

К делегированным полномочиям органов местного самоуправления в сфере культуры можно, например, отнести, практикуемое в отдельных субъектах РФ определение потребности и формирование заказов на кадры для учреждений культуры, заключение договоров на подготовку специалистов в области культуры, организация работы по повышению квалификации кадров и т.п.

Соответственно, на заседаниях районного, областного совета утверждаются программы культурного городского поселения; муниципального района; муниципального округа, городского округа; внутригородского района, заслушиваются отчеты об их исполнении; принимаются управленческие решения по вопросам строительства новых учреждений культуры, благоустройстве и капитальном ремонте имеющихся, совершенствования имеющихся объектов культурного наследия и т.п.

К компетенции органов местного самоуправления также относится организация работы местных периодических изданий, радио – и телепередач, официальных веб-сайтов и страниц в социальных сетях.

Отметим, что деятельность органов местного самоуправления в сфе-

ре культуры направлена на регулирование культурной жизни муниципального образования, формирование необходимого уровня предоставления культурных услуг посредством реализации государственной культурной политики и обеспечения деятельности подведомственных учреждений культуры.

Деятельность государственных и муниципальных органов управления в сфере культуры основывается на законодательной базе, которая содержит большое количество нормативно-правовых актов разных уровней. К ним относятся: Конституция РФ, кодексы законов, федеральные законы, указы Президента, постановления и распоряжения Правительства РФ, нормативно-правовые акты органов государственной власти субъектов РФ, нормативно-правовые акты органов местного самоуправления и другие.

На сегодняшний день так или иначе возникают проблемы, часть из которых вызвана отсутствием единой структурированной нормативно-правовой базы. В соответствии с этим, для эффективного развития сферы культуры страны, необходим целостный правовой механизм, в котором все компоненты были бы согласованы. Отметим, что наряду с этим существует также необходимость обновления ряда действующих нормативно-правовых актов.

Учитывая современные условия и высокую значимость культуры, необходимо уделять внимание вопросам совершенствования процесса управления сферой культуры муниципального образования. Ведь формирование эффективной системы управления сферой культуры является также необходимым условием перспективного развития территории.

В данном исследовании мы опирались на работы по территориальному развитию Ю.В. Заварзиной [1,2] и О.А. Полюшкевич [6,7] по формированию культурной среды и формирования пространства «своих» и «чужих». В работах М.В. Поповой [8–12] прослеживается исследование разных аспек-

тов сельчан, где культура и культурные практики выступают ключевым элементом формирования менталитета и социокультурного пространства сельских территорий. А также опирались на опыт исследований в сфере культуры Иркутской области Р.В. Иванова [3], К.Р. Кузнецовой [4,5] и Н.В. Рудаковой [13].

Методика и методология исследования

Для определения проблем управления сферой культуры муниципального образования был проведен опрос работников учреждений культуры (n=1200). 80% женщины и 20% мужчины в возрасте от 22 до 65 лет, имеющие стаж работы в учреждениях культуры от 2х лет и более. Исследование проводилось через анкетирование. Анализ формальных данных проводился при помощи пакета Statistic.

Анкета строилась по принципу социального конструирования проблем (П. Бурдьё) и способов их решения через моделирование ситуации (применение метода форсайта). Респондентам предлагалось не просто ответить на вопросы, обозначив проблемы, но и предложить свои варианты решения проблем (открытые вопросы, которые смогли расширить формальные проблемные зоны и наполнить их личными смыслами). Для анализа последних применялся метод контент-анализа и транссимволического анализа.

Комплексная методология исследования позволила выявить как очевидные, так и скрытые проблемы, которые формируют смыслы проблемного поля сельских поселений Иркутской области. Но мы можем предположить, что данные проблемные зоны характерны для всех сельских муниципальных образований РФ.

Анализ результатов исследования

В результате анализа полученных данных, мы смогли выделить наиболее острые проблемы, которые препятствуют развитию сферы культуры в сельских муниципальных образованиях (см. таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Какие, на Ваш взгляд, наиболее острые проблемы препятствуют развитию культуры в вашем муниципальном образовании?», в%

№ п/п	Варианты ответов	Доля, в%
1.	Недостаточный объем финансирования	10,5
2.	Большая изношенность материально-технической базы учреждений культуры	10,2
3.	Низкий уровень оплаты труда в сфере культуры	7,7
4.	Недостаток в учреждениях культуры современного оборудования/оснащения	7,4
5.	Отсутствие условий для привлечения кадров	7,4
6.	Сокращение штатных единиц	6,3
7.	Нехватка молодых специалистов	5,7
8.	Недостаточный уровень доступности культурных услуг для населения, проживающего в отдаленных населенных пунктах	5,4
9.	Отсутствие в ряде учреждений культуры устойчивой Интернет-связи	5,1
10.	Нехватка специалистов в учреждениях культуры	4,5
11.	Неразвитость «обратной связи» с населением	4,5
12.	Низкий уровень менеджмента в сфере культуры	4,3
13.	Недостаточное взаимодействие между организациями (учреждениями культуры и общественными организациями, СМИ, образовательными организациями и т.д.)	4,3
14.	Отсутствие интереса у представителей бизнеса к финансовому участию в развитии сферы культуры, реализации конкретных культурных проектов	4,0
15.	Низкая степень информационной обеспеченности населения	3,7
16.	Отсутствие своевременного и эффективного обучения и возможности прохождения курсов повышения квалификации	2,8
17.	Отсутствие поддержки учреждений культуры со стороны Администрации района	2,6
18.	Невысокий уровень квалификации работников	2,0

Окончание

№ п/п	Варианты ответов	Доля, в%
19.	Сокращение сети учреждений	1,4
20.	Проблемы отсутствуют	0,3
	Всего	100

В результате опроса выяснилось, что в учреждениях культуры, по мнению работников, основными проблемами, влияющими на эффективность работы сферы культуры и ее управление являются:

1. Кадровая обеспеченность, а именно отсутствие условий для привлечения кадров; сокращение штатных единиц; нехватка специалистов, в том числе молодых.

Под кадровым обеспечением понимается процесс «снабжения» учреждений культуры кадрами, в том числе молодыми специалистами. Зачастую выпускники образовательных учреждений остаются работать и жить в городе, где обучались и не возвращаются обратно. По данным аналитического сборника, молодых специалистов (до 30 лет), устроившихся на работу в учреждения культуры.

Важно отметить, что участники опроса считают, что в муниципальном образовании нет условий для привлечения кадров, в том числе для молодых: отсутствие жилья специалистам, доплат к окладу, стимулирующих выплат, подъемных.

2. Низкий уровень оплаты труда в сфере культуры, являющийся одним из сдерживающих факторов развития культуры. В 2020 году средняя заработная плата работников учреждений культуры составила 36 399 рублей, что на 4,2% больше значения за 2019 год, но в то же время ниже среднемесячной заработной платы трудящихся в учреждениях культуры в Иркутской области, которая составляет 40 009 рублей.

3. Недостаток в учреждениях культуры современного оборудования/оснащения и большая изношенность материально-технической базы уч-

- реждений культуры не позволяют внедрять инновационные формы работы, привлекать в сферу культуры молодых специалистов, вследствие чего не выполняется в полном объеме основная функция по культурно-информационному обслуживанию населения. В настоящее время износ зданий муниципальных учреждений культуры составляет около 23%: 18 учреждений культуры требуют капитального ремонта, из них 14 культурно-досуговых учреждений, 3 библиотеки, 1 музей. Сохраняется высокий уровень потребности учреждений культуры в музыкальных инструментах и оборудовании.
4. Недостаточный объем финансирования. Постоянные изменения в сфере культуры и в обществе в целом требуют современный подход к совершенствованию сферы культуры, в связи с этим требуется достаточное финансирование отрасли. Следует отметить, что функционирование муниципальных учреждений культуры осуществляется в ограниченных финансовых рамках, которые ежегодно сужаются. От финансирования учреждений напрямую зависит качество предоставляемых услуг.
  5. Отсутствие в ряде учреждений культуры устойчивой Интернет-связи. Всего 63,3% учреждений культуры оснащены компьютерной техникой, 40,5% учреждений культуры обеспечены доступом к сети Интернет. В связи с этим многие учреждения культуры в 2020 году не смогли провести работу по некоторым направлениям деятельности в связи со сложной эпидемиологической ситуацией в регионе. Так как в данный период работа всех учреждений культуры была направлена на активизацию культурно-просветительной деятельности в онлайн режиме, поиск и освоение новых форматов и идей взаимодействия с аудиторией в интернет-пространстве.
  6. Также отметим, что из общего числа учреждений культуры Иркутской области 40% имеют собственный сайт в сети Интернет. На настоящий момент наблюдается определенный пробел в сфере, относящейся к освещению вопросов культуры и культурной жизни Иркутской области. На многих сайтах представлена общая сведения, но при этом информация по многим показателям, отражающих деятельность учреждений культуры отсутствует.
  7. Низкая степень информационной обеспеченности населения, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет о мероприятиях и услугах, предоставляемых муниципальными учреждениями культуры Иркутской области.
  8. Недостаточный уровень доступности культурных услуг для населения, проживающего в отдаленных населенных пунктах. В Иркутской области расположено 567 населенных пунктов, в 345 функционируют учреждения культуры. В связи с этим для 33% населенных пунктов, не имеющих стационарные учреждения культуры, культурное обслуживание населения передвижными формами работы остается особенно актуальным. Форма передвижных услуг культуры рассматривается как возможность повышения социальной и территориальной доступности культурных услуг населению путем создания передвижных систем обслуживания (автоклубы, библиотеки).
  9. Низкий уровень менеджмента в сфере культуры. В данном случае менеджмент рассматривается как особая область знаний об управлении учреждением в процессе производства, распространения и потребления культурных услуг. Учреждения культуры осуществляют свою деятельность в период развития рынка, глобализации и информатизации, в связи с этим требуется пересмотр традиционных принципов управления сферой культуры. Также эти обстоятельства предъявляют новые

требования к компетентности и профессионализму современного руководителя.

10. Незрелость «обратной связи» с населением не дает составить полное представление о работе отдела культуры и учреждений культуры, а также выявить реальные потребности жителей района, что в свою очередь ведет к низкой посещаемости учреждений.

Таким образом, работа отделов культуры и учреждений культуры Иркутской области сталкиваются с двумя группами проблем: внешними и внутренними. К внешним проблемам, можно отнести проблемы, связанные с финансированием учреждений, взаимодействием с различными организациями, например, СМИ, бизнес-сообщества и др. К внутренним проблемам относятся: износ материально-технической базы, отсутствие условий для привлечения

кадров, нехватка специалистов, в том числе молодых, взаимодействие с населением.

Актуализируя вышесказанное, отметим, что согласно результатам опроса работников учреждений культуры, подавляющее большинство оценивают уровень развития сферы культуры в муниципальном образовании на 3,48 балла из 5, где 5 является наивысшей оценкой.

Более того, на символическом уровне, проблемы сферы культуры, по мнению работников учреждений культуры, строятся негативных символических уровнях во всех возрастных группах. Эти символические блоки стали основными при анализе точек доминирования символических фокусов внимания причин проблемы управления культурой в России. В таблице 2 представлен трансимволический анализ данных сфер.

Таблица 2. Трансимволический анализ символических уровней проблем культуры (в %)

Группы	Когнитивный уровень	Аффективный уровень	Деятельностный уровень
Старшая возрастная (55 лет и старше)	Государство (65,3) Чиновники (62,4) Народ (60,1)	Безответственное (64,4) Ленивые (62,8) Пассивный (59,8)	Утрачивает (63,9) Разрушают (61,1) Бездействует (62,5)
Средняя возрастная (36–54 года)	Безграмотность (76,3) Черствость (70,2) Люди (68,2)	Полная (75,5) Знаковая (73,3) Ограниченные (70,2)	Отупляет (66,5) Уничтожает (63,2) Разочаровывают (60,1)
Младшая возрастная (22–35 лет)	Политика (74,5) Знак (72,3) Общество (70,1)	Бездушная (72,2) Универсальный (70,1) Деградирующее (68,6)	Стирает (68,7) Проникает (66,5) Обесценивает (62,4)

Таким образом, отметим, что вышечисленные проблемы могут повлечь за собой снижение уровня предоставления услуг учреждениями культуры и неэффективную реализацию культурной политики на муниципальном уровне. В связи с этим на основании выявленных проблем были внесены предложения по совершенствованию управления сферой культуры муниципального образования Иркутская область.

Совершенствование управления сферой культуры Иркутской области является одним из важнейших этапов в развитии сферы культуры района и области. При развёрнутом анализе

выявленных проблем, были разработаны предложения по совершенствованию управления сферой культуры, в том числе работы отдела культуры и учреждений культуры.

1. Для эффективной работы по развитию и организации культуры, важную позицию занимает кадровая обеспеченность: увеличение штатных единиц, привлечение молодых специалистов. Также необходимо отметить, одно из направлений – повышение квалификации и переподготовки специалистов отдела культуры и учреждений культуры, в том числе по работе с современными

цифровыми технологиями в сфере культуры. Из-за постоянных изменений в нормативно-правовой базе работники сферы культуры могут допустить ошибки, например, в разработке локальных нормативных актов или заключении трудовых договоров и т.д. В связи с этим, работникам необходимо повышать правовую грамотность, что является одним из условий нормального развития культуры.

Руководителям следует проходить повышения квалификации, не только с целью получения знаний, но и для освоения необходимых навыков управления. В настоящее время обучение и повышение квалификации по необходимой теме можно получить дистанционно в любом образовательном центре или университете, очно в г. Иркутск, также в рамках национального проекта «Культура». Для того, чтобы охватить больше работников культуры предлагается организовывать выездные курсы повышения квалификации в Иркутской области.

Необходимо отметить, что для привлечения квалифицированных работников и молодых специалистов у учреждений культуры отсутствуют условия, а именно нет подходящего жилья и финансовых средств для выплат подъемных.

2. Одним из направлений совершенствования управления сферой культурой является создание и развитие официальных сайтов отдела культуры и учреждений культуры. На настоящий момент наблюдается определенный пробел в сфере, относящейся к освещению вопросов культуры и культурной жизни Иркутской области, что может быть связано с отсутствием навыков работы с сайтом, стабильной интернет-связи, квалифицированных специалистов (программистов и т.д.).

Совершенствование сайта включает в себя постоянное обновление культурных мероприятий района на определенный период, а также на планируемый период, создание афиши, где разме-

стятся активные предложения по возможным направлениям развития культуры граждан с подробной информацией о направлении и стоимости услуг. Проблема совершенствования официальных сайтов стала более актуальной из-за сложившейся эпидемиологической обстановки в регионе, которая привела к переходу учреждений культуры в цифровой формат работы.

3. Необходимо отметить, что для выполнения задач муниципальных программ является актуальным развитие онлайн-формата предоставления услуг в сфере культуры, разработка и активное внедрение новых форматов работы муниципальных учреждений культуры, привлечение специалистов в области менеджмента и маркетинга в сфере культуры, информационных технологий (видеооператоров, SMM-специалистов, программистов и др.). Необходимо делать упор на деятельность по совершенствованию форм работы с использованием современных информационных технологий, развитию инфраструктуры культурной деятельности, повышению квалификации работников, в том числе в сфере создания онлайн-продуктов.

4. Предлагается усилить работы по привлечению внебюджетных источников финансирования и благодаря этому осуществлять крупные вложения в формирование и развитие человеческого потенциала, также решить проблемы, связанные со слабой материально-технической базой, учреждений культуры, оснащением современным оборудованием. К данным способам могут относиться и государственно-частное партнерство, и участие в государственной поддержке на получение грантов, и привлечение спонсоров, меценатов для процветания культурной среды Иркутской области.

В настоящее время в связи с расширением коммуникационных возможностей, появились новые способы привлечения финансовых средств, к которым относится краудфандинг. Благодаря

данной технологии представители сферы культуры могут обратиться со своей идеей, проектом интернет-сообществу для привлечения внимания потенциальных инвесторов, которые окажут финансовую поддержку для осуществления проекта.

5. Следует отметить, что обязательным условием эффективного функционирования сферы культуры является усовершенствованная законодательная база. Предлагается пересмотреть некоторые аспекты муниципальной программы, уделяя внимание развитию материально-технической базы учреждений культуры, повышению заработной платы работников культуры, сохранению культурного наследия и других проблемам.

6. Для совершенствования управления сферой культуры предлагает расширить работы по выявлению реальной потребности населения Иркутской области в организации культурной деятельности для каждого конкретного населенного пункта. Методами изучения мнения населения выступают опрос, наблюдения, эксперимент.

7. Для достижения открытости и доступности услуг в сфере культуры, необходимо тесное сотрудничество с различными организациями Иркутской области: СМИ, образовательными организациями и общественными и др. Это может быть освещение мероприятий, возможно даже рекламная информация, но и также совместное проведение мероприятий. Сотрудничество позволит учреждениям культуры привлекать необходимых специалистов на мероприятия, решать проблемы, связанные с помещением.

Необходимо отметить, что в ходе проведенного опроса работников учреждений культуры Иркутской области и отдела культуры были выявлены предложения по совершенствованию управления сферой культуры:

- обмен опытом между учреждениями культуры,

- привлечение талантливой молодежи,
- внедрение современных форм мероприятий,
- развитие технологии управления,
- повышение заработной платы работников сферы культуры,
- оснащение современным оборудованием,
- увеличение форм вне стационарного обслуживания,
- информированность населения о мероприятиях.

Также отметим, что в ходе опроса работникам учреждений был задан вопрос: «Какие меры на сегодняшний день применяются в Вашем в вашем муниципальном образовании для решения проблем в сфере культуры?» (см таблицу 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Какие меры на сегодняшний день применяются в Вашем в вашем муниципальном образовании для решения проблем в сфере культуры?»

№ п/п	Варианты ответов	Доля ответов, в%
1.	Совместная работа образовательных учреждений с учреждениями культуры	19,7
2.	Развитие онлайн-формата предоставления услуг в сфере культуры	13,9
3.	Сотрудничество между организациями (учреждениями культуры, общественными организациями, СМИ и т.д.)	12,4
4.	Совершенствование официальных сайтов Отдела культуры и учреждений культуры	10,9
5.	Выявление реальной потребности населения в организации культурной деятельности для каждого конкретного населенного пункта	8,0
6.	Разработка и активное внедрение новых форматов работы муниципальных учреждений культуры	8,0
7.	Никакие	8,0
8.	Повышение квалификации и переподготовки специалистов учреждений культуры по работе с современными цифровыми технологиями в сфере культуры	5,8

Окончание

№ п/п	Варианты ответов	Доля ответов, в%
9.	Привлечение специалистов в области менеджмента и маркетинга в сфере культуры, информационных технологий (видеооператоров, SMM-специалистов, программистов и др.)	4,4
10.	Усиление работы по привлечению внебюджетных источников финансирования (активизация участия в грантовых конкурсах, инвестиции, краудфандинг)	3,6
11.	Использование информационных, компьютерных технологий в реализации деятельности Отдела культуры и учреждений культуры	3,6
12.	Повышение оплаты труда специалистам, творческим работникам и обслуживающему персоналу отрасли культуры	0,7
13.	Развитие системы стажировок для специалистов учреждений культуры	0,7
	Всего	100

Согласно результатам опроса, активными мерами, которые применяются в Иркутской области на сегодняшний день являются совместная работа образовательных учреждений с учреждениями культуры (19,7%), развитие онлайн-формата предоставления услуг в сфере культуры (13,9%), сотрудничество с организациями (учреждениями культуры, общественными организациями, СМИ и т.д.) (12,4%), совершенствование официальных сайтов Отдела культуры и учреждений культуры (10,9%).

Реализация вышеперечисленных предложений способствует совершенствованию управления сферой культуры муниципального образования Иркутская область. Выявленные направления развития сферы культуры должны включать в себя всесторонние меры по развитию учреждений культуры и также поддержки отдела культуры муниципального образования Иркутская область.

Выводы

В целом, деятельность отдела культуры сельских муниципальных образований остается достаточно традиционной. Вся деятельность направлена на сохранение прежней системы учреждений культуры и ее привычные функции, а управление направлено на поддержание текущей деятельности этих учреждений и выполнения ими всех планов и программ. Таким образом, в настоящее время требуется пересмотр традиционных принципов управления сферой культуры.

Нами были рассмотрены основные проблемы отдела культуры и муниципальных учреждений культуры, замедляющие развитие отрасли культуры в селах. По результатам опроса работников учреждений культуры и отделов культуры предложены меры по совершенствованию управления сферой культуры сельских муниципальных образований. Реализация данных направлений позволит решить большинство проблем, что положительно скажется на развитии социокультурной сфере жизнедеятельности общества.

Литература

1. Заварзина Ю.В. Имидж территории через призму социокультурных коммуникаций // Социология. 2021. № 4. С. 75–91.
2. Заварзина Ю.В. Особенности территориального развития Иркутской области // Перспективы изучения социальной реальности. Сборник научных статей. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, О.А. Эдельштейн, Г.В. Логуновой. Иркутск, 2021. С. 103–110.
3. Иванов Р.В. Культурные, социальные и естественные пространства современного человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 166–172.
4. Кузнецова К.Р. Анализ официальных сайтов культурно-досуговых учреждений Иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в па-

- радигме цифровизации: материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. И.А. Журавлевой, О.А. Полюшкевич, В.Ю. Митусова. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. С. 242–248.
5. Кузнецова К.Р. Анализ официальных сайтов муниципальных библиотек Иркутской области // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 21 сентября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. С. 331–336.
  6. Полюшкевич О.А. «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры // Дискуссия. 2011. № 5. С. 84–89.
  7. Полюшкевич О.А. Креативная культурная среда современных городов Сибири // Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса. Материалы Первой региональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета и 20-летию Института социальных наук. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 52–56.
  8. Попова М.В. Коммуникативное пространство сельской молодежи // Социология. 2019. № 2. С. 257–260.
  9. Попова М.В. Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области // Социология. 2020. № 1. С. 317–327.
  10. Попова М.В. Привлекательность сельских территорий для современной молодежи // Социология. 2019. № 1. С. 153–158.
  11. Попова М.В. Социальное самочувствие и социальная идентичность сельской молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 328–334.
  12. Попова М.В. Социальные связи сельской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 274–280.
  13. Рудакова Н. В., Кузнецова К.Р. Кадровая потребность в организациях отрасли культуры Иркутской области: результаты мониторингового исследования // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч. Тр./ ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020. С. 209–215.

PROBLEMS OF MANAGING THE SPHERE OF CULTURE IN VILLAGES (ON THE EXAMPLE OF RURAL SETTLEMENTS OF THE IRKUTSK REGION)

Batyanova L.N., Zavarzina Yu.V.
Irkutsk State University

The article analyzes the problems of managing the sphere of culture in rural settlements of the Irkutsk region. The results of the study are presented, which make it possible to update the key problems, as well as, on the basis of a system analysis, formulate general recommendations for improving the management of the sphere of culture in rural settlements of the Irkutsk region.

Keywords: village, culture, cultural management, municipal government.

References

1. Zavarzina Yu.V. The image of the territory through the prism of socio-cultural communications // Sociology. 2021. No. 4. S. 75–91.
2. Zavarzina Yu.V. Features of the territorial development of the Irkutsk region // Prospects for the study of social reality. Collection of scientific articles. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, O.A. Edelstein, G.V. Logunova. Irkutsk, 2021, pp. 103–110.
3. Ivanov R.V. Cultural, social and natural spaces of modern man // The problem of correlation between natural and social in society and man. 2017. No. 8. S. 166–172.
4. Kuznetsova K.R. Analysis of official websites of cultural and leisure institutions of the Irkutsk region // Transformation of state and municipal government in the digitalization

- paradigm: materials / FGBOU VO "ISU"; under total ed. I.A. Zhuravleva, O.A. Polyushkevich, V. Yu. Mitusova. Irkutsk: IGU Publishing House, 2020. P. 242–248.
5. Kuznetsova K.R. Analysis of official sites of municipal libraries of the Irkutsk region // Social reality of virtual space: materials of the II International scientific and practical conference. Irkutsk, September 21, 2020 / ISU; under total ed. O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk: IGU Publishing House, 2020. P. 331–336.
  6. Polyushkevich O.A. "Friends" and "strangers": sociocultural markers // Discussion. 2011. No. 5. S. 84–89.
  7. Polyushkevich O.A. Creative cultural environment of modern Siberian cities // Creative industries in the regional space of social services and business. Materials of the First regional scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Irkutsk State University and the 20th anniversary of the Institute of Social Sciences. Irkutsk, IGU, 2018. S. 52–56.
  8. Popova M.V. Communicative space of rural youth // Sociology. 2019. No. 2. S. 257–260.
  9. Popova M.V. Mechanisms for the development of the attractiveness of rural areas in the Irkutsk region // Sociology. 2020. No. 1. S. 317–327.
  10. Popova M.V. The attractiveness of rural areas for modern youth // Sociology. 2019. No. 1. S. 153–158.
  11. Popova M.V. Social well-being and social identity of rural youth // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. collection of scientific papers. FGBOU VO "ISU"; under total ed. V.A. Reshetnikova, O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2019, pp. 328–334.
  12. Popova M.V. Social ties of rural youth // The problem of correlation between the natural and the social in society and man. 2019. No. 10. S. 274–280.
  13. Rudakova N. V., Kuznetsova K.R. Personnel need in the organizations of the cultural sector of the Irkutsk region: the results of a monitoring study // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the XXI century: coll. scientific Tr./FGBOU VO "ISU", 2020. S. 209–215.

Россия: социально-экономические последствия пандемии COVID-19

Деханова Наталья Геннадьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры социологии государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ndehanova@mail.ru

Сушко Валентина Афанасьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры социологии государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

Холоденко Юрий Александрович

кандидат экономических наук, доцент, доцент
кафедры социологии государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: hol.u@mail.ru

В статье рассматриваются социально-экономические последствия эпидемии коронавируса, охватившая огромное количество стран, приведшая к заражению огромного количества людей во всем мире, заставившая государства предпринимать чрезвычайные усилия по её преодолению. Все это воздействует на общественное сознание населения, обостряет восприятие и оценку людьми предпринимаемых органами государственной власти действий по защите населения от распространения коронавируса. В статье данный анализ основывается на вторичных эмпирических данных с использованием традиционного анализа документов, который позволил изучить документы в их социальном контексте.

Ключевые слова: социально-экономические последствия пандемии, цифровизация, санкционное противостояние, публичное управление.

Мировое сообщество вступило в эпоху масштабных социальных изменений, которые разрушают привычный образ жизни людей, систему социальных связей, складывавшийся на протяжении десятилетий экономический уклад, характер и формы занятости населения. Важнейшими факторами происходящих трансформаций выступают глобализация и цифровая революция. Они создают дополнительные возможности для ускоренного внедрения современных цифровых технологий, овладения новыми знаниями и умениями, актуализации и накопления человеческого капитала, профессионального и карьерного роста. Однако как глобализация, так и цифровая революция имеют неоднозначные социально-экономические последствия, оказывая противоречивое влияние на социальные процессы, принципы социального управления, социальные обязательства государства, обостряя риски общественного развития. Более того, это диалектически взаимосвязанные процессы с синергетическим как позитивным, так и негативным эффектом. Происходит глобальная цифровая трансформация сложившейся в мировом сообществе системы политических, экономических, культурных связей, результат которой предсказать невозможно, в том числе по причине неоднозначного влияния глобальных цифровых гигантов на социальные процессы.

С недавних пор в один ряд с глобализацией и цифровой революцией как важнейшими факторами социальной динамики встала пандемия коронавируса COVID 19. Она нанесла сильнейший удар по сложившемуся в большинстве государств социально-экономическому порядку, в том числе по механизмам функционирования рынка труда, традиционным формам, структуре и условиям занятости населения. Пандемия привела к глубоким общественным транс-

формациям, которые затронули сложившиеся социокультурные связи, образ жизни, конфигурацию социального неравенства, формы и методы государственного регулирования общественных процессов. Адаптация к неожиданным переменам происходит болезненно. Первый опыт борьбы с пандемией показал, что нередко политики, бизнес и общество неспособны дать адекватный ответ на происходящие изменения. Это несет угрозу сложившемуся социально-экономическому и даже политическому порядку, повышает градус общественных настроений. Рестриктивные санкционные ограничения коллективного Запада в отношении российской экономики, предпринятые в последнее время, ещё более усугубляют ситуацию на глобальном социэкономическом пространстве, но их последствия для сложившегося мирового экономического, политического и социального порядка сейчас точно предсказать невозможно.

Каким же станет постпандемическое общество в России? Произойдет ли модернизационный сдвиг в базовых ценностях после того, как закончится борьба с коронавирусом в мире? Станут они более либеральными или более консервативными? Это, на наш взгляд, зависит от сравнения хода и результатов борьбы с пандемией в России. Впечатления российских граждан формируются на основе статистических данных, свидетельств специалистов, российских и иностранных, о состоянии дел по борьбе с коронавирусом и причинах бедственного положения граждан в этих странах [1].

Между тем меры государства, направленные на профилактику заболевания, вакцинацию населения и реализацию антиковидных мероприятий в той или иной степени ограничивают права граждан. На фоне экономического спада, роста инфляции и безработицы, снижения реальных доходов населения, роста долговой нагрузки на бюджетную систему, изменения структуры занятости в обществе наблюдается накопление конфликтного потенциала. Нередко

это ведёт к усилению протестной активности.

Пандемия COVID-19 ещё более обостряет экономические и социальные риски общественного развития. Она вызвала глубокий кризис в глобальной экономике. Так, по итогам 2020 года падение ВВП стран ЕС составило 6,3%, в том числе Франции, Германии и Италии – соответственно 4,1, 4,2 и 11% соответственно, США – 3,7% [2]. Масштабное сокращение ВВП в большинстве ведущих государств, разорение малого бизнеса, рост безработицы, снижение уровня и качества жизни населения – вот далеко не полный перечень негативных последствий пандемии и связанных с ней ограничительных мер, реализуемых органами публичного управления с целью предотвращения широкого распространения заболевания. Все страны в той или иной степени испытали на себе разрушительные последствия пандемии. Российская Федерация не осталась в стороне.

Беда в том, что пандемия COVID19 в настоящее время выглядит как «ужас без конца». Появляются всё новые и новые штаммы вируса. Ни один мировой лидер не гарантирует, что третья волна пандемии не сменится четвёртой, а четвёртая – пятой. Вакцинация населения пока не приносит ощутимых результатов. Производимой вакцины элементарно всем не хватает. При этом негативная информация о побочных эффектах и летальных случаях применения той или иной вакцины, систематически появляющаяся в глобальных СМИ, на фоне пристального внимания мирового сообщества к данной проблеме, усиливает чувство неопределённости у простых граждан, обостряя социально-политические риски общественного развития. Всё более громко звучит голос так называемых COVID-диссидентов, отрицающих необходимость вакцинации препаратами, последствия применения которых в долгосрочной перспективе неочевидны. Протесты против действующей власти становятся всё более острыми и непримиримыми, так как её решения затраги-

вают прежде всего фундаментальные экономические и социальные права граждан – на труд и достойную жизнь. Кроме того, введённые в феврале 2022 г. беспрецедентно жёсткие санкции западных стран в отношении России вызвали эффект бумеранга. В этой связи следует ожидать обострения кризисных явлений в глобальной экономике в целом и промышленно развитых странах – в частности, а, значит, и усиления конфликтности в современном западном обществе.

Россия также в полной мере ощутила последствия эпидемии COVID 19. По итогам 2020 года ВВП страны сократился на 3,1%, промышленное производство – на 2,9%, объёмы розничной торговли – на 4,1%. В максимальной степени пострадали такие сектора российской экономики, как гостиничный и ресторанный бизнес, транспорт, культура и спорт. Инфляция достигла 4,91%, в том числе продовольственная – 6,69%. При этом реальные доходы населения снизились на 3,5% [3]. Для отдельных домохозяйств падение доходов стало катастрофическим.

В 2021 году ситуация несколько выравнивалась. Государство и общество в той или иной степени адаптировались к жизни в экстремальных условиях. Несмотря на ряд проблем внешнего характера, экономика России восстанавливалась достаточно динамично. По предварительным данным Росстата, ВВП РФ увеличился на 4,6%, объём промышленного производства – на 5,3%, реальные располагаемые доходы – на 3,1%. Однако при этом цены выросли на 8,4%. Это максимальный показатель с 2015 года, когда уровень инфляции достиг 12,9% [4].

В 2020–2021 годах Правительство РФ реализовало комплекс мер, направленных на поддержание доходов предприятий и домашних хозяйств. Предпринимателям автоматически были продлены ряд видов разрешений и лицензий на осуществление отдельных видов деятельности, в том числе в таких социально значимых отраслях как медицина, образование, экология, фармацевтика,

охрана труда. Малые и средние предприятия получили отсрочку по уплате арендных платежей. Кроме того, приняты антикризисные меры в сфере кредитования малого и среднего бизнеса, в числе которых – программы льготного кредитования и микрокредитования. Реализованы меры социальной поддержки отдельных категорий граждан. С учётом материального положения семьи увеличены выплаты на детей в возрасте от 3 до 7 лет. Принято решение, согласно которому для получения социальных пособий и выплат гражданам более не нужно предоставлять множество справок. Необходимые для этого сведения с использованием цифровых технологий соответствующие органы и организации получают в ходе межведомственного взаимодействия [5]. В 2020–2021 г. осуществлены единовременные выплаты на детей в возрасте 3–16 лет в размере 10000 рублей, а также на подготовку школьников к новому учебному году в августе 2021 г. Кроме того, осенью 2021 г. финансовую поддержку от государства получили пенсионеры, военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов [6].

Несмотря на позитивные в целом итоги 2021 года, в российском обществе накопилась некоторая усталость от пандемии и действий власти, связанных с разного рода антиковидными ограничениями. И хотя россияне не выходили на массовые манифестации, митинги и демонстрации, своеобразный «тихий», скрытый протест проявлялся в отказе от соблюдения антиковидных мероприятий, в том числе от вакцинации. Несмотря на то, что Россия одной из первых разработала вакцину от COVID 19, в настоящее время менее половины россиян сделали прививку от коронавируса. Многие граждане демонстративно не соблюдали санитарные нормы, предпочитая платить небольшие по российским меркам штрафы. Не все домохозяйства восстановили допандемийный уровень доходов, что также не добавляет значительной части россиян социального оптимизма. Более того, в условиях введённого про-

тив России жёсткого санкционного режима социально-экономическая ситуация в нашей стране ещё более усложнилась.

Следствием пандемии COVID-19 стала интенсификация процессов цифровизации. Она выступила своеобразным драйвером роста масштабов использования цифровых технологий в различных сферах жизнедеятельности людей. Удаленная работа и онлайн-обучение, дистанционное потребление услуг принципиально изменили образ жизни россиян. Цифровая среда де-факто постепенно становится частью жизненного пространства. В цифровой среде формируются новые бизнес-практики и модели поведения людей, что не может не повлиять на государственные институты и механизмы реализации государством своих функций.

Пандемия актуализировала ряд вопросов, стоящих перед российским обществом и государством. Прежде всего, речь идёт об активном повседневном использовании современных цифровых технологий и способности населения адаптироваться к процессам цифровой трансформации. Очевидно, что внедрение передовых цифровых решений создает новые возможности для бизнеса, общества и государства. Цифровой переход ведёт к масштабному росту производительности труда и снижению издержек бизнеса, в том числе расходов на оплату труда. Так, согласно экспертным оценкам, внедрение российскими сельхозпроизводителями цифровых технологий при организации агротехнических и логистических процессов обеспечит снижение себестоимости продовольствия в отдельных подотраслях АПК на 15% и более, а использование роботизированных систем уборки урожая способно привести к многократному увеличению производительности труда, так как одна такая система заменяет труд 30 работников [7, с. 85–86]. Несмотря на то, что наша страна в сфере цифровизации сельскохозяйственного производства заметно отстает от стран-лидеров, примеры

успешного применения цифровых технологий в сельском хозяйстве России уже существуют. В частности, на ряде молочных ферм, где ранее на 5000 коров было занято около 250 доярок, в результате внедрения цифровых решений то же самое поголовье обслуживают 2 оператора и робот-дойя [8].

Успешные цифровые решения можно встретить и в других отраслях экономики. Так, на «КамАЗе» совместно с компанией Мерседес создано автоматизированное производство каркасов кабин для грузовых автомобилей с проектной мощностью 55000 кабин в год. На производстве заняты около 700 работников. Ранее для этого потребовалось бы порядка 4000 человек [9, с. 45]. Чрезвычайно динамично цифровая трансформация протекает в банковском секторе. Достаточно сказать, что свыше 82% россиян с той или иной степенью активности пользуются цифровыми финансовыми сервисами [10, с. 160]. При этом чат-боты активно замещают работников при выполнении тех или иных трудовых процессов. А это создаёт риски повышения уровня безработицы и увеличения сроков поиска работы. Пандемия COVID-19 придаёт дополнительный импульс цифровой трансформации социально-трудовых отношений, в том числе роботизации производственных процессов. Анализ сложившихся практик позволяет сделать вывод, что роботы способны заменить работников массовых профессий во многих отраслях экономики. Однако при этом роботизация обостряет проблему безработицы. Согласно одному из прогнозов, в ближайшее десятилетие 19% всех работников могут быть заменены роботами на 81%. [11].

Неслучайно именно проблема безработицы и связанная с ней проблема снижения уровня жизни выступает фактором социально-политической турбулентности общественных отношений в большинстве стран. Пандемия COVID-19 ужесточила условия конкурентной среды на рынке труда. Ведь для поддержания конкурентоспособности производители вынуждены всё

более активно внедрять технологические, продуктовые, маркетинговые инновации, в том числе динамизировать процесс внедрения современных цифровых технологий. Структура спроса на рабочую силу меняется столь стремительно, что предложение трудовых услуг к этим изменениям адаптироваться не успевает. Пандемия интенсифицирует процессы диффузии цифровых технологий, а, значит, способствует разрушению сложившихся условий занятости во многих странах. Антироссийские санкции ещё более обострили ситуацию в сфере социально-трудовых отношений, так как больно ударили как по находящейся в депрессивном состоянии глобальной экономике, так и по экономике ряда начавших санкционную войну промышленно развитых стран.

Пандемия обострила проблемы в сфере международной трудовой миграции, которая, по нашему мнению, в эпоху глобализации превратилась в самостоятельный фактор социальной динамики. В настоящее время общая численность трудовых мигрантов в мире превышает 1,2 млрд человек [12, с. 75]. Стимулируя развитие новых форм занятости, активизируя процессы перехода к дистанционной работе, пандемия одновременно снизила интенсивность миграционных процессов. Связанные с пандемией ограничения оказали негативное влияние на миграционные потоки и, как оказалось, создали дополнительное напряжение на рынках труда отдельных стран в отраслях, где нет альтернативы иностранным работникам. Российская Федерация, которая является одним из ведущих мировых центров трудовой миграции, в период пандемии столкнулась с дефицитом рабочей силы в целом ряде отраслей, в частности, в строительстве и общественном транспорте, преодолеть который за счёт внедрения современных трудовых практик не представляется возможным. До пандемии в экономике РФ были заняты около 8 млн. неквалифицированных иностранных рабочих. В 2020 г. Правительство РФ

ввело жёсткие ограничения на трансграничные перемещения, резко сократив приток в страну трудовых мигрантов. В результате, несмотря на ограничения на работу предприятий ряда отраслей, когда частный бизнес перешёл к бизнес-практикам элементарного выживания, в отдельных секторах российской экономики возник дефицит рабочей силы.

Пандемия и связанные с ней изменения показали, что интенсивное внедрение цифровых технологий ведёт к разрушению традиционных форм и видов занятости, сокращению работающих в одних секторах экономики и к увеличению рабочих мест в других, прежде всего в индустрии высоких технологий и сфере творческого высокоинтеллектуального труда. Цифровизация формирует новую среду для осуществления профессиональной деятельности, создания новых профессий и видов занятости. В цифровом пространстве люди находят возможности как для реализации своих профессиональных навыков, так и для творческой самореализации, нередко совмещающей их.

Появление новых видов занятости обусловлено в том числе возникновением цифровых платформ, которые выступают драйверами формирования цифровой среды в сфере рынка труда и социально-трудовых отношений. «Платформизация» ведёт к значительному сокращению спроса на труд и глубоким структурным изменениям в сфере занятости населения. Как отмечает Е.С. Садовая, «платформы, с одной стороны, упрощают для ... людей процесс поиска сферы приложения труда, а, с другой, фрагментируют социально-трудовые отношения, делая их менее защищёнными» [13, с.38]. Платформенная занятость ведёт к значительному снижению издержек на аренду торговых и офисных площадей, сокращению расходов на оплату труда, что обусловлено прежде всего низкими барьерами при включении в систему платформенной занятости. Увеличивается количество людей, использующих потенциал цифровых платформ для получения

дохода. Вместе с тем цифровая трансформация рынка труда ведёт к глубоким изменениям в системе социально-трудовых отношений. Наряду с появлением новых форм занятости и расширением возможностей в сфере труда активно распространяются неформальные трудовые практики, постепенно разрушающие институциональные основы государственного регулирования социально-трудовых отношений. В сфере услуг цифровые платформы достаточно динамично вытесняют традиционные формы бизнеса. Это затрагивает от 60 до 75% всех занятых в этом секторе экономики. Увеличивается безработица. По данным Международной организации труда, в 2020 году было потеряно 255млн рабочих мест [14, с. 42].

Специалисты неоднозначно оценивают риски цифровой трансформации для российского рынка труда. Часть из них считают, что активное внедрение в бизнес-практики современных цифровых технологий приведет к потере около 6,5 млн рабочих мест в течение 10 лет. При этом 20–25 млн. из сохранившихся потребуют от потенциальных кандидатов новых знаний и компетенций [15]. Другие специалисты делают более оптимистичные прогнозы, согласно которым к 2025 году на российском рынке труда будет предложено 960000 новых вакансий на фоне сокращения 610000 рабочих мест [16, с. 84]. Такая позиция представляется вполне реалистичной, что можно объяснить прежде всего так называемым эффектом «низкой базы». В частности, в России в 2014 году лишь 43% работавших использовали для работы Интернет [17, с. 94]. Это немало. Но в Германии в том же 2014 году Интернетом пользовались в рабочих целях 92% работников [18].

Сейчас Россия по количеству пользователей Интернета занимает первое место в Европе, поэтому потенциал его активного использования в трудовых практиках представляется значительным. И хотя многие цифровые технологии пока еще недостаточно интегрированы в инфраструктуру российских компаний, COVID-19 продемонстриро-

вал потенциал их внедрения. В этой связи серьезные изменения в структуре занятости неизбежны, а государство и общество должны быть к ним готовы. Уже в настоящее время наблюдается активный переход к дистанционной работе. На фоне пандемии «дистанционка» стала активно используемой формой занятости, хотя ещё до пандемии наблюдалось расширение практики её активного внедрения. Так, в 2018 году 33% россиян были готовы работать удаленно или дистанционно; при этом 54% молодых людей предпочли бы трудиться на себя [19, с. 25]. Это означает, что наши сограждане понимали неизбежность трансформации рынка труда и готовы были к переменам в своей профессиональной деятельности. Пандемия интенсифицировала процессы использования Интернета российским бизнесом и домашними хозяйствами, в том числе за счёт расширения интернет-занятости и активного использования удалённой работы. Заметно увеличилось количество наших сограждан, положительно оценивающих возможность трудиться на расстоянии. В 2021 г. было уже 64%. В Москве и Санкт-Петербурге этот показатель ещё выше – 75% [20].

Активное внедрение дистанционных форм работы актуализирует проблему неформальной занятости. По оценкам отдельных специалистов, в 2018 году она составляла 25 млн человек, или 30% занятых в российской экономике [21, с. 29]. Очевидно, что не все неформально занятые являются креативными профессионалами и их труд связан с использованием современных цифровых технологий. Однако неформальная занятость создаёт для государства серьёзные риски криминализации социально-трудовой сферы, сокращения бюджетных доходов и выполнения социальных обязательств. В 2019 году в целях легализации доходов самозанятых в четырёх субъектах РФ в качестве эксперимента была внедрена новая система налогообложения – «Налог на профессиональный доход». Она оказалась эффективной и востребованной. В настоящее время её используют

все субъекты РФ. Не в последнюю очередь это было обусловлено распространением коронавируса и трансформацией российского рынка труда.

Наряду с изменением структуры занятости и развитием её неформальных форм актуализируется ещё одна непростая проблема, которая заслуживает пристального внимания социологического сообщества. Сейчас мы являемся живыми свидетелями своеобразной маргинализации социально-трудовых отношений и занятости, которую социологи называют депрофессионализированной. Как отмечают отдельные исследователи, «рынок труда продолжает разделяться на практически полностью изолированные части – сегмент высокопрофессиональной занятости, связанной с формирующимся новым технологическим укладом, и сегмент депрофессионализированной занятости, которую сегодня всё чаще квалифицируют как «безворотничковую», в противовес «беловоротничковой» и «синеворотничковой» занятости индустриальной эпохи» [22, С.42]. Граница между этими сегментами проходит в том числе по линии активного использования информационно-компьютерных технологий в трудовом процессе. В этих условиях говорить о равенстве шансов и социальных прав граждан не приходится. На наш взгляд, несмотря на антироссийские санкции, уход из России ряда цифровых гигантов, попытки возвести барьеры на пути проникновения в Россию высоких технологий и возникшие в этой связи проблемы тенденция маргинализации сферы занятости в нашей стране сохранится, ибо она носит глобальный характер.

В рамках современной социально-экономической парадигмы решить проблему эффективной занятости невозможно. Более того, в условиях обострения санкционной войны она будет обостряться. На наш взгляд, пандемия и реализованные в большинстве государств в рамках борьбы с ней правительственные мероприятия не оказали в целом ожидавшегося позитивного воздействия на рынок труда, сокращая

в перспективе ресурсную базу социального государства и его возможности проводить активную социальную политику.

Пандемия обострила проблему социального неравенства, которое под влиянием глобализации и цифровизации меняет свою конфигурацию, приобретая новые и новые контуры. Активный цифровой переход актуализирует проблему цифрового неравенства, которое проявляется в неравном доступе к Интернету, цифровым технологиям, образовательным услугам и информации в цифровом пространстве. Это является серьезным социальным риском цифровой революции, который отчётливо проявился в период пандемии. Российская Федерация характеризуется высоким уровнем цифрового неравенства регионов. С целью оценки его уровня используется индекс «Цифровая Россия». Данный показатель демонстрирует уровень использования цифровых технологий в деятельности органов публичной власти, бизнес-практиках, повседневной жизни людей. Так, по 100-балльной шкале в 2018 году показатель колебался в диапазоне от 39,74 (Республика Тыва) до 77,03 (Москва) баллов, в то время как в 2017 году интервал составлял 26,06–70,01 балла. При этом констатируется, что на конец 2018 года 25% населения России не имело доступа к Интернету [23].

Пандемия кардинально усложнила ситуацию. Она разрушила сложившийся экономический и социальный порядок, усилила неопределённость в жизни людей. Ведь далеко не все сумели использовать возможности цифровизации. Значительная часть населения, чей труд не является творческим и креативным, не в полной степени приспособилась к новым реалиям. Именно она оказалась наиболее уязвимой в условиях различного рода ограничений, вводимых правительствами многих государств. Масштабы протестных акций, прежде всего в США и благополучной Европе, нарастают, несмотря на меры поддержки бизнеса и домохозяйств. Значительные социальные груп-

пы не видят для себя позитивных перспектив. Общество становится более конфликтным. Всё активнее артикулируется запрос на социальную справедливость.

Пандемия COVID-19 вызвала изменения в социально-экономической системе, несущие угрозу стабильности многих государств, в том числе Российской Федерации, которая обостряется на фоне западных экономических санкций. Угрозе можно противостоять, однако выбор мер у властей не слишком обширен. Во-первых, это глубокие структурные преобразования в отраслях, способных стать локомотивом роста российской экономики. Во-вторых, политика импортозамещения должна стать более продуманной и результативной.

До недавнего времени результативность реализуемых мероприятий зависели прежде всего от состояния глобальной экономики и темпов её восстановления. Сейчас положение усложнилось. Российская экономика по-прежнему зависима от конъюнктуры глобальных рынков энергоносителей, металлов, химической продукции. Более того, введенные против нашей страны санкции наглядно показали, что Российская Федерация – один из важнейших элементов глобальной системы мирохозяйственных связей. Теперь для всех стал очевидным тот факт, что экономическая глобализация – не «игры разума», а объективная реальность. Также очевидно, что быстрое постковидное восстановление глобальной экономики невозможно. Глобализация, цифровизация, санкционное противостояние создают негативный синергетический эффект, порождают клубок проблем, способных заметно усложнить социально-экономическую ситуацию в нашей стране. Для преодоления негативных последствий предстоит реализовать комплекс антикризисных мероприятий, в числе которых – активная поддержка переживающего непростые времена российского бизнеса, поиск новых партнёров в сфере экспорта и импорта, определение новых при-

оритетов в области импортозамещения и механизмов их реализации, осуществление масштабных мер, направленных на кардинальное улучшение предпринимательского климата и расширение экономических свобод для отечественных предпринимателей. Другой важнейший приоритет регулирующей деятельности государства – проведение активной превентивной социальной политики, направленной на поддержку граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. При этом следует продолжить курс на усиление адресного характера социальной защиты населения. Ресурсы для этого есть: пришло время «распечатать кубышку» Фонда национального благосостояния.

Пандемия обострила проблему цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации. Антиковидные ограничения не могли не затронуть данную сферу жизни россиян. Более того, пандемия выступила в качестве фактора, стимулирующего процессы перехода к цифровому государству. Цифровая трансформация в полной мере затрагивает органы государственной власти и управления. Как отмечают специалисты, в условиях цифровой трансформации объектом реформирования становятся все компоненты государственного сектора – государственная служба, финансы, система управления, информационные ресурсы. Поэтому «переход к новому качеству государственного управления на основе проектного управления в цифровой среде обуславливает комплексирование всех административных элементов» [24, с. 146–147]. Более того, внедрение современных цифровых технологий должно быть направлено на своеобразную «интеллектуализацию» государственного управления, предполагающую координирующую и направляющую деятельность государственных органов по формированию системной цифровой среды и интеграцию не только органов публичной власти и управления, но и всех акторов цифровых коммуникаций – государства, граждан и бизнеса. Необходимы

такие государственные платформенные решения, которые обеспечат вовлечение в процессы цифровой трансформации максимальное количество предпринимательских структур, домохозяйств, государственных и муниципальных организаций и учреждений. При этом главной задачей государства становится обеспечение надежности цифровых решений, которое напрямую определяет степень кибербезопасности цифровых коммуникаций, а значит, защищённости всех участников цифровых коммуникаций, что укрепляет доверие общества к цифровому переходу государственного управления.

Цифровая трансформация способна вызвать заметные позитивные эффекты как в деятельности отдельных органов государственной власти и управления, так и всей системы публичного управления. По мнению специалистов, цифровизация государственного управления позволит снизить уровень затрат на общегосударственные расходы на 0,3% ВВП к 2024 году, бизнесу – снизить административные издержки, а гражданам – получать государственные и муниципальные услуги более высокого качества [25, с. 5].

Цифровизация государственного управления – процесс затратный. Прежде всего, предстоит создать соответствующую цифровую инфраструктуру государственного управления, провести основательную работу по формированию адекватных современным требованиям цифровых компетенций государственных служащих, разработать и внедрить конкурентоспособные, простые и понятные для каждого пользователя цифровые продукты, обеспечить обратную связь с потребителями государственных услуг с целью выяснения степени их удовлетворённости качеством услуг.

Достаточно остро стоит проблема адаптации людей к цифровой среде. Прежде всего, это относится к представителям старшего поколения, для которых цифровая трансформация представляет определённые сложности [26]. Так, результаты исследования, прове-

дённому в 2020 г. ВЦИОМ совместно с компанией «Социал Бизнес Групп» показывают, что если в возрастной группе 18–24 года 82% опрошенных обладают достаточными навыками работы на компьютере, ноутбуке и телефоне, в возрасте 25–34 года – 80%, то у лиц после 60 лет этот показатель составляет 48%. При этом определён недостаток навыков у 20% опрошенных [27, с. 413]. Подобное положение вполне объяснимо. Овладение цифровыми знаниями и навыками происходит прежде всего в процессе обучения и активной трудовой деятельности. Специалисты отмечают, что именно трудовая деятельность выступает фактором адаптации к цифровой среде. Неслучайно наиболее высокий уровень владения цифровыми навыками демонстрируют специалисты с высшим образованием, которые наиболее активно использовали возможности дистанционной занятости в период жестких ограничений, связанных с пандемией COVID 19. В частности, в марте–мае 2020 г. полностью или частично на удалёнку было переведено 30% занятых. При этом переход на дистанционную занятость в первую очередь коснулся специалистов с высшим образованием [28, с. 414–419].

При выходе на пенсию общественная активность человека снижается. В той или иной степени, утрачивается мотивация по овладению новыми цифровыми компетенциями и поддержанию части цифровых навыков в силу банального отсутствия необходимости их систематического использования. Более того, возможна ситуация, когда пожилые люди, адаптировавшиеся к действующим в настоящее время цифровым технологиям, утратят часть навыков цифрового поведения в более продвинутой и сложной цифровой среде, ибо представители старшего поколения, как правило, предпочитают пассивный тип адаптации к вводимым инновациям.

Реализация мероприятий в области цифровизации публичного управления должна учитывать такую сложную и постоянно обостряющуюся проблему как

социальное неравенство. Ранее мы уже отмечали, что одним из негативных последствий цифровой революции, которая преобразует среду обитания человека и создает новые возможности для его самореализации и профессионального роста, но при этом неоднозначно влияет на рынок труда и занятость, является возникновение и стремительное углубление цифрового неравенства [29]. Более того, под влиянием глобализации и цифровой трансформации изменяется сам характер социального неравенства и его конфигурация. По мнению ряда специалистов, развитие и широкое распространение цифровых технологий углубляет неравенство, так как под влиянием цифровой трансформации выкристаллизовываются принципиально новые критерии неравенства – доступ к информационным технологиям, коммерциализированной культуре и человеческому опыту [30, с. 164]. Не в последнюю очередь это обусловлено трансформацией рынка труда и занятости населения. Как мы уже отмечали ранее, «наиболее высокооплачиваемые рабочие места связаны с цифровой экономикой, информационными технологиями и встроенностью в глобальные цепочки формирования потребительских стоимостей. Глобализация и цифровизация принципиально меняют характер социального неравенства, придают ему новое качество» [31, с. 91].

Социологи выделяют три уровня цифрового неравенства. Первый уровень обусловлен различием в доступе к информационно-коммуникационным технологиям. Такой доступ предполагает наличие или отсутствие соответствующей материальной базы и цифровой инфраструктуры. Второй уровень состоит в дифференциации цифровых компетенций и навыков деятельности в цифровой среде [32, с. 41–42]. Третий уровень цифрового развития означает неравенство шансов и возможности использования цифровых технологий для решения проблем трудоустройства и карьерного роста [33, с. 141–142; 33, с. 174–175]. В свою оче-

редь, В.П. Васильев подчёркивает, что «в России цифровое неравенство имеет два особых аспекта – во-первых, значительный слой бедного населения, что не позволяет приобретать компьютерную технику и, во-вторых, значительную пространственную протяженность, что обуславливает значительные затраты на создание качественной информационно-коммуникационной инфраструктуры» [35, с. 7]. Как отмечает Н.Г. Осипова, только 26% россиян имеют высокий уровень цифровой грамотности и демонстрируют хорошее владение базовыми компетенциями работы в цифровой среде [36, с. 146]. Следовательно, для результативного внедрения передовых цифровых технологий необходимо следует активизировать работу по сглаживанию цифрового неравенства, объединив усилия государства, российского бизнеса и общества.

Представляется, что цифровая трансформация и глобализация – тенденции необратимые, несмотря на развязанную коллективным Западом санкционную войну. Они неоднозначны и противоречивы, ибо создают как новые возможности, так и новые проблемы в социально-экономической сфере для российского общества и государства, в том числе в области социально-трудовых отношений. Пандемия COVID-19 активно влияет на эти процессы. Задача государства – помочь россиянам адаптироваться к глубоким социальным изменениям, затрагивающим привычные основы жизнедеятельности. Предстоит пройти по лезвию бритвы: обеспечить социальную стабильность и достижение национальных целей социально-экономического развития, правильно оценить последствия экономических санкций и найти рациональные пути преодоления возникших трудностей, воспользовавшись внезапно приоткрывшимся «окошком возможностей». В этой связи политика российского государства в социальной сфере должна быть прежде всего направлена на поддержку компаний, решающие ключевые для экономики нашей страны проблемы импортозамещения, смягче-

ние социальных последствий пандемии COVID-19 и экономических санкций, социальную поддержку людей, оказавшихся в этой связи в сложной жизненной ситуации, в том числе потерявших работу. При этом не следует забывать о стратегических целях – стимулировании разработки и внедрения передовых отечественных цифровых технологий, развитии системы образования, подготовке и переподготовке работников, способных адаптироваться к активной цифровой трансформации, что чрезвычайно важно в условиях современного этапа обострения глобальной конкуренции. Очевидно, что лозунг опоры на собственные силы становится для россиян как никогда актуальным.

Литература

1. Аверин Ю.П., Сушко В.А. Will a Post-Pandemic Society in Russia be Post-Liberal or Conservative? Postmodern Openings, LUMEN Publishing (Iasi, Romania), том 11, № 2 Supl 1, с. 1–15.
2. Мировая экономика: итоги 2020 года и перспективы в 2021 году/ russtrat.ru/ analytics/ 8-fevralua-2021-0010-2931 (20.02.2022)
3. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2021. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat>
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2021. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat>
5. Government.ru/support_measures/.
6. kremlin.ru
7. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. – М: Издательский дом ВШЭ, 2021. – 239 с.
8. Роботы не приживаются на российских заводах// Ведомости. 13.10.2016.
9. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. – М: Издательский дом ВШЭ, 2021. – 239
10. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. – М: Издательский дом ВШЭ, 2021. – 239 с.
11. Россия 2025: от кадров к талантам/ The Boston Consulting Group, URL.: http://d-russia.ru/wp-co11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (24.10.2020)
12. Алешковский И.А., Ионцев В.А. Управление международной миграцией в условиях глобализации. // Век глобализации. – 2015. – № 1. – с. 75–87.
13. Садовая Е.С. Механизм формирования неравенства на рынке труда в цифровую эпоху. // Социально-трудовые исследования, 2021, № 3, с. 32–44
14. Садовая Е.С. Механизм формирования неравенства на рынке труда в цифровую эпоху. // Социально-трудовые исследования, 2021, № 3, с. 32–44
15. Варламов Е. Цифровая экономика без человеческого капитала несостоятельна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: tass.ru on 09.04.2018 09:00 [http: tass.ru/opinions/interviews/5100624](http://tass.ru/opinions/interviews/5100624) (25.10.2020)
16. Полеванов В. Куда идешь, человек? // Экономические стратегии, 2017, № 1, с. 82–98.
17. Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики.// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016(6), с. 89–106.
18. Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда.// Вестник СПбГУ, Социология, 2017. Т. 10. Вып.4, с. 376–396. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.401>.(24.10.2020).
19. Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева В.А. Новые формы занятости и готовность работающего насе-

- ления России к активному поведению на рынке труда. // Социально-трудовые исследования, 2018, № 4, с. 13–27
20. Удалённая работа по-русски: плюсы и минусы. // wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/
  21. Сафонов А.А., Некипелова Д.В. Оценка влияния налогового маневра на сокращение количества занятых в неформальном секторе экономики России. // Социально-трудовые исследования, 2018, № 4, с. 28–41
  22. Садовая Е.С. Механизм формирования неравенства на рынке труда в цифровую эпоху. // Социально-трудовые исследования, 2021, № 3, с. 32–44
  23. «Цифровая Россия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://finance.skolkovo/downloads/documents/FinChair/ResearchReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_ru/pdf. \(03.02.2021\)](https://finance.skolkovo/downloads/documents/FinChair/ResearchReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_ru/pdf. (03.02.2021))
  24. Социальные изменения в условиях цифровой среды: коллективная монография/ Под ред. В.П. Васильева. – Москва: МАКС Пресс, 2020. – 240 с.
  25. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. – Москва: Центр стратегических разработок, 2018. – 53 с.
  26. Васильев В.П., Деханова Н.Г. Факторы формирования человеческого капитала в сфере высшего образования // Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 237–248.
  27. Давыдов С.Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID 19. // Социально-трудовые исследования, 2021, № 2, с. 403–422.
  28. Давыдов С.Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID 19. // Социально-трудовые исследования, 2021, № 2, с. 403–422.
  29. Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Факторы и тенденции социальной дифференциации: новые риски. // Социальная динамика, 2020, № 5, с. 43–55.
  30. Социальные изменения в условиях цифровой среды: коллективная монография/ Под ред. В.П. Васильева. – Москва: МАКС Пресс, 2020. – с. 240.
  31. Холоденко Ю.А. Социальные риски цифровой революции: фактор глобализации. // Альма-Матер. Вестник высшей школы, 2019, № 9, с. 88–93.
  32. Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Социальные вызовы цифровой революции // Проблемы экономики и юридической практики, 2019. Т. 15. № 4, С. 39–45.
  33. Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире. / Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019; 25(4), с. 124–153.
  34. Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. No 1. С. 171–192.
  35. Васильев В.П. Электронное правительство в цифровой реальности. // Цифровое общество, 2019, № 6, с. 4–11.
  36. Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире. / Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019; 25(4), с. 124–153.

RUSSIA: THE SOCIO-ECONOMIC IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Dekhanova N.G., Sushko V.A., Kholodenko U.A.
Lomonosov Moscow State University

The article discusses the socio-economic consequences of the coronavirus epidemic, which swept a huge number of countries, led to the infection of a huge number of people around the world, forcing states to make extraordinary efforts to overcome it. All this affects the public

consciousness of the population, sharpens people's perception and assessment of the actions taken by state authorities to protect the population from the spread of coronavirus.

In the article, this analysis is based on secondary empirical data using traditional document analysis, which made it possible to study documents in their social context.

Keywords: socio-economic consequences of the pandemic, digitalization, sanctions opposition, public administration.

References

1. Averin Yu.P., Sushko V.A. Will a PostPandemic Society in Russia be PostLiberal or Conservative? Postmodern Openings, LUMEN Publishing (Iasi, Romania), vol. 11, no. 2 Supl 1, p. 1–15.
2. World economy: results of 2020 and prospects for 2021/ russtrat.ru/ analytics/ 8-fevralua-2021-0010-2931 (20.02.2022)
3. Federal State Statistics Service (Rosstat). M., 2021. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat>
4. Federal State Statistics Service (Rosstat). M., 2021. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat>
5. Government.ru/support_measures/).
6. kremlin.ru
7. Digital transformation of industries: starting conditions and priorities. – M: HSE Publishing House, 2021. – 239 p.
8. Robots do not take root in Russian factories // Vedomosti. 10/13/2016.
9. Digital transformation of industries: starting conditions and priorities. – M: HSE Publishing House, 2021. – 239
10. Digital transformation of industries: starting conditions and priorities. – M: HSE Publishing House, 2021. – 239 p.
11. Russia 2025: from personnel to talents / The Boston Consulting Group, URL .: http://d-russia.ru/wp-co11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdfntent/uploads/2017/ (24.10.2020)
12. Aleshkovsky I.A., Iontsev V.A. Management of international migration in the context of globalization. // Age of globalization. – 2015. – № 1. – p.75–87.
13. Sadovaya E.S. The mechanism of the formation of inequality in the labor market in the digital age. // Social and labor research, 2021, No. 3, pp. 32–44
14. Sadovaya E.S. The mechanism of the formation of inequality in the labor market in

- the digital age. // Social and labor research, 2021, No. 3, pp. 32–44
15. Varlamov E. Digital economy without human capital is untenable. [Electronic resource]. Access mode: tass.ru on 04/09/2018 09:00 <http://tass.ru/opinions/interviews/5100624> (10/25/2020)
16. Polevanov V. Where are you going, man? // Economic strategies, 2017, No. 1, pp. 82–98.
17. Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Spirina M.O. Self-employment in the remote work market: the spread of innovative labor practices.// Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2016(6), pp.89–106.
18. Sizova I.L., Khusyainov T.M. Labor and employment in the digital economy: problems of the Russian labor market. // Bulletin of St. Petersburg State University, Sociology, 2017. T.10. Issue 4, pp. 376–396. [Electronic resource]. Access mode: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.401>. (10/24/2020).
19. Zabelina O.V., Mayorova A.V., Matveeva V.A. New forms of employment and readiness of the working population of Russia for active behavior in the labor market. // Social and labor research, 2018, No. 4, p.13–27
20. Remote work in Russian: pros and cons./ wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/
21. Safonov A.A., Nekipelova D.V. Assessment of the impact of the tax maneuver on the reduction in the number of people employed in the informal sector of the Russian economy.// Social and labor research, 2018, No. 4, p.28–41
22. Sadovaya E.S. The mechanism of the formation of inequality in the labor market in the digital age. // Social and labor research, 2021, No. 3, pp. 32–44
23. "Digital Russia". [Electronic resource]. Access mode: [https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/ResearchReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_en/pdf.\(02/03/2021\)](https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/ResearchReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_en/pdf.(02/03/2021))
24. Social changes in the digital environment: a collective monograph / Ed. V.P. Vasiliev. – Moscow: MAKS Press, 2020. – 240 p.
25. State as a platform. (Cyber) state for the digital economy. Digital transformation. – Moscow: Center for Strategic Research, 2018. – 53 p.
26. Vasiliev V.P., Dekhanova N.G. Factors of formation of human capital in the field of higher education// Bulletin of the Moscow

- University. Series 18. Sociology and political science. 2017. V.23. No. 3. S.237–248.
27. Davydov S.G. Digital competencies of Russians and work on self-isolation during the COVID-19 pandemic.// Social and labor research, 2021, No. 2, p.
  28. Davydov S.G. Digital competencies of Russians and work on self-isolation during the COVID-19 pandemic.// Social and labor research, 2021, No. 2, p.
  29. Vasiliev V.P., Dekhanova N.G., Kholodenko Yu.A. Factors and trends of social differentiation: new risks.// Social dynamics, 2020, No. 5, pp. 43–55.
  30. Social changes in the digital environment: a collective monograph / Ed. V.P. Vasiliev. – Moscow: MAKS Press, 2020. – p. 240.
  31. Kholodenko Yu.A. Social risks of the digital revolution: the factor of globalization.// Alma – Mater. Bulletin of the Higher School, 2019, No. 9, pp. 88–93.
  32. Dekhanova N.G., Kholodenko Yu.A. Social challenges of the digital revolution // Problems of Economics and Legal Practice, 2019. V.15. No. 4, pp. 39–45.
  33. Osipova N.G. Social inequality in the modern world. / Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2019; 25(4), p.124–153.
  34. Martynenko T.S., Dobrinskaya D.E. Social inequality in the era of artificial intelligence: from digital to algorithmic divide // Public opinion monitoring: economic and social changes. 2021. No 1. S. 171–192.
  35. Vasiliev V.P. Electronic government in digital reality.// Digital Society, 2019, No. 6, p.4–11.
  36. Osipova N.G. Social inequality in the modern world. / Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2019; 25(4), p.124–153.

Проблемы российской системы высшего образования: качественный анализ

Журавлева Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье рассматриваются проблемы российской системы образования высшей школы. А также обозначаются пути решения выявленных проблем. Эти социальные рамки образовательной политики и образовательных трансформаций получены в рамках применения системного и структурно-функционального подходов к анализу образовательных практик в результате анализа качественного исследования ректоров и проректоров вузов, министров и руководителей отделов региональных министерств образования.

Ключевые слова: высшее образование, качественный анализ, проблемы, перспективы, пути решения.

Не секрет, что российская система образования имеет множество проблем и противоречий. Одни из них строятся на несовершенной модели реформирования образования, другие на постоянно меняющейся цели получения образования, третьи на несоответствии качества преподавания и т.д.

Нестабильность в экономике также мешает стабильному развитию образовательного потенциала России. И противоречия правовых норм образовательных реформ также требуют внимания законодателей. И это все в совокупности формирует напряженную социальную среду развития высшего образования.

Рассматривать эти процессы можно как исторические закономерности, когда ситуация логично развивается (проблемы и противоречия доводят до абсурдности и разрушают систему изнутри, достоинства становятся формальными формами, не наполненными ни смыслом, ни содержанием). Или же как период разрушения, за которым следует возрождение на принципиально новом уровне. Как бы то ни было, мы не говорим о конспирологии, мы указываем на достаточно сложные противоречивые процессы, которые определяют ситуацию в высшей школе. И требуют четких, последовательных и кардинальных решений и действий, которые изменят социальные рамки образовательной политики.

В некоторых своих работах мы уже поднимали данные вопросы, говоря о качественных сдвигах в образовании и мерах, необходимых для изменения ситуации [1–6]. Также в ряде работ коллег, звучали идеи социального моделирования на правовом уровне (Р.В. Иванов [7,8]), роли образования в территориальном развитии регионов (С.В. Малых [10–13]), мировоззрения, ценностей и идеологии образовательного потенциала (В.А. Колесников, О.А. Полюшкевич

[9,17]), социальных перспектив развития образования (В.А. Решетников, О.А. Полюшкевич, В.С. Федчин [18]) и др.

Характеристика исследования

Собственное исследование мы строили на системном и структурно-функциональном подходах, позволившем нам учитывать особенности как внешних условий (социального поля, функционирования социальных институтов и отдельных акторов), так и личностно-субъективных переживаний, способствующих пониманию процессов трансформации системы образования на личностном, опосредованном уровне.

При этом, мы опирались на качественную методологию, где учитывали экспертное мнение представителей различных социальных групп и институтов, имеющих прямое отношение к системе образования (ректоры, проректоры вузов РФ, руководители отделов и министры образования различных субъектов РФ (Иркутская область, Красноярский край, Республика Бурятия, Новосибирская область, Хабаровский край)).

Всего исследованию приняли участие 38 человек, занимающие свои должности 5 и более лет, в возрасте 35–65 лет, 65% мужчин и 35% женщин.

Работа строилась по полу структурированному интервью, которое анализировалось через методы контент-анализа, транссимволического анализа, дискурсивного анализа и др. Комплексность полученных результатов позволяет делать выводы о проблемах высшей школы и путях их решения.

Анализ результатов исследования

Проводя качественный анализ результатов исследования, мы пришли к ряду ключевых проблем и способов их решения, предложенных экспертами. Данная схема выступает общим направлением развития высшей школы, не является универсальным, но может быть структурно направленным. В таблице 1 представлены структурно-функциональные данные, а после ее представлен развернутый анализ ключевых мнений экспертов о развитии высшей школы Российской Федерации.

Таблица 1. Современные проблемы российской системы высшей школы и пути их решения

Проблемы	Пути решения
Несоответствие качества образования современным требованиям	Новая идеолого-мировоззренческая и философская составляющая опережающего обучения: – фундаментальность образования – интеграция естественно-научного и гуманитарного образования – инновационное обучение
Несоответствие подготовки кадров высшей школы к требованиям уровня образования	Переподготовка, повышение квалификации, мотивация труда преподавателя: – высокие минимальные критерии для допуска к педагогической деятельности (научной активности, уровнем цитирования) – открытостью отзыва о преподавателе на сайтах вузов – публичность в чтении лекций (он- и оффлайн) – участие в общественно и социально-активной деятельности
Прагматическая ориентация образования в ущерб развитию личности	Развивающее образование: – гуманистическая ориентация – гибкое проблемное обучение – креативные информационные технологии
Недоступность качественного образования для масс	Информационная поддержка образования: – дистанционное обучение – доступные базы данных – телекоммуникационные технологии

Проблема 1. Несоответствие качества образования современным требованиям.

Внутри этой проблемы эксперты затрагивали разнообразные темы и вопросы, позволяющие судить о неодно-

значности и противоречивости данного явления, а также отсутствия единого мнения в отношении того, как его можно решить. Причем причиной важности данного явления указывали как на «особое время», уникальны исторический этап, так и на неэффективность работы конкретных представителей власти, не способных быть гибкими и мобильными.

Современный мир слишком сильно будоражит новыми открытиями и возможностями, что приходит в нашу жизнь благодаря глобализации и виртуализации и наряду с легким доступом к любой информации, усиливается ее хаотичность, отсутствие структурности и фундаментальности, что не только обесценивает, но и обезличивает образование, делая его все более формальным. (А.А., проректор вуза, Новосибирск). Новые механизмы работы системы образования не отточены, слабы в регулирование и еще менее поддаются прогнозированию. Здесь сами законодатели создали сложную систему взаимодействия, а также максимально взяли от практики те условия и формы развития высшей школы, что были наработаны ранее. Проблемы начинаются в ограниченных возможностях министерств в реализации благих, но удаленных от практических реалий данных образовательных учреждений. (И.Б., зам министра образования, Хабаровский край).

Актуальность образования – выпускать специалистов, обладающих востребованными на практике на сегодняшний день знаниями, а в идеале – опережать требования сегодняшнего дня (36,2%).

Это важно, как никогда: готовить не тех, для кого подготовлены учебники, а тех, кто действительно нужен рынку, обществу, социальному воспроизводству. Это компромисс между требованиями власти и возможностями вузов по подготовке стоящих специалистов, способных изменить мир. (Л.Д., проректор вуза, Красноярский край). Завтра уже стучится к нам и если мы не будем готовить плацдарм для завтрашних

специалистов, мы отстанем от всего мира минимум на 20–30 лет. Нам нужны специалисты не книжки старые заучивающие, а способные моделировать новые знания в режиме здесь и сейчас, а не когда-нибудь потом и случайно. А чтобы это было не случайно – к этому стоит готовиться. (А.А., проректор вуза, Хабаровский край).

Качество образования – умение применять на практике полученные знания, а не только объем и уровень знаний (35,1%).

Смешно говорить о качестве, так как слишком много смыслов в него вкладывают. На мой взгляд, качество начинается с понимания как применить полученные знания на практике и реальных возможностей это сделать. (Т.А., проректор вуза, Новосибирская область). Нам нужны специалисты – умеющие сразу применять на практике знания, не требующие нового обучения, дополнительного времени и денег – а готовые со студенческой скамьи начать делать то, что понимают, умеют, хотя и будут получать за это достойное вознаграждение. (И.А., зам министра образования, Иркутская область).

Признание образования – разными социальными институтами, государствами, акторами, а также признание и ценность дипломов того или иного вуза во всем мире (28,7%).

Любой университет повышает рейтинг территории, усиливает ресурсный человеческий капитал региона и потому жизненно необходим. Но приоритетным выступает тот вуз, который ценится не только и не столько на местечковом уровне, сколько значим на международном рынке, когда за его выпускников не только местные работодатели готовы бороться, но и крупные компании и системы готовы пригласить к себе как уникальных качественных специалистов. Вот это единственный критерий признания образования современным требованиям. (А.А., зам министра образования, Республика Бурятия). Сильная политика начинается с кадров – реальных человеческих ресурсов, которые определяют то, что мы делаем,

куда идем, что важно, что мы реально можем, а о чем только громкие слова кричим. По делам судят о нас в других городах и странах и чем значимее эти оценки, тем больше вероятности что мы готовим нужных в современном обществе специалистов, а не по старинке готовим тех, кто ничего не изменит ни в себе, ни в мире. (Г.О., зам министра образования Хабаровского края).

Наши эксперты, ища варианты решения данной проблемы находили их в новом мышлении, новой философии, ново мировоззрении, которое изменит то, что мы видим, как мы это видим и как это можно использовать. Социальное моделирование строится на основе того – как можно выйти за рамки обычного и увидеть современные требования к образованию, требования, которые будут востребованы для него завтра и еще вчера начать готовить кадры для этого. И для решения этого они не сводят все к практико-ориентированным компетенциям, наоборот, говорят о фундаментальности, но с применением инновационных систем, способных интегрировать разные системы и формы обучения (естественнонаучные, гуманитарные, технические и т.д.).

Качество образования на сегодняшний день строится на комплексной основе, если посмотреть на приоритетные сферы науки, где за последние десятилетия сделаны прорывы – то это те сферы, где идет соединение фундаментальных знаний естественно-научного и гуманитарного подходов, технического и эволюционного и т.д. Мы думаем иначе, когда обычные для одной научной сферы знания берем и применяем в другой – все становится принципиально иным. Это залог, условие и форма прорыва. (Л.В., проректор вуза, Республика Бурятия). Будущее вузов не в практических компетенциях, хотя умение и возможность их применять на практике это условие востребованности и актуальности специальности. Но только новое мышление, готовность разрушать старые представления, исследовать новые условия, давать воз-

можность новым вводным на реализацию – дает силу и готовность раскрыть потенциал социального развития и в конечном счете научного и повседневного прорыва в условиях и качестве жизни. (А.В., зам министра образования Красноярского края).

Проблема 2. Несоответствие подготовки кадров высшей школы к требованиям уровня образования.

Это отдельный вопрос будущего высшей школы. Вопрос: А судьи кто? Звучит риторически. Чтобы учить чему-то новому, передовому, оппозиционному – надо понимать у кого этому учиться и что делать, когда сами педагоги не готовы к новому образовательному уровню, не готовы к новым реалиям востребованности знаний? Это вопрос, на который нет однозначного ответа, так как он лежит в плоскости личных амбиций и представлений, и условия, которые может предоставить вуз для своих педагогов для того, чтобы повысить собственный интеллектуальный и социальный багаж.

Качество знаний и подготовки тех, кто учит студентов – это основа реализации последних. И тут просто повышением квалификации не обойдешься – необходим комплексный подход к новому осмыслению знаний и опыта, который необходим для развития социального взаимодействия и получения новых знаний для преподавателей. Хотеть изучать и исследовать что-то новое в своей области – выступает критерием социального и личного развития как педагога, так и вуза, а результатом этого будет более качественная подготовка студентов. (Т.А., проректор вуза, Иркутская область). Обновление знаний важно не только вернее не столько для студентов сколько для их преподавателей, так как от их готовности быть специалистами в своей области знаний зависит то, что они смогут передать тем, кто к ним приходит. Знания нельзя передать, их можно усвоить, пропустив через свой личный опыт и только тогда специалист может считаться специалистом. (О.О., зам министра образования, Красноярский край).

Рассматривая способы решения этого вопроса, эксперты придерживались как традиционных механизмов (повышения квалификации и переобучения), так и новых конкурентных форм мотивации (оценка и сравнение уровня цитирования (индекс Хирша), социальная активность, готовность предоставлять свои лекции в публичный свободный доступ, открытость данных по публичной оценке преподавателя студентами и т.д.).

Это все указывает на готовность использовать разные подходы и методы стимулирования решения проблемы кадров в высшей школе. Побеждает сильнейший. Причем эти критерии могут носить как общий универсальный характер (быть рекомендованными министерствами образования), так и отдаваться на откуп вузам (фиксироваться в коллективном договоре и эффективном контракте сотрудников).

Только являясь социально-активной личностью, можно успевать за требованиями современного дня в области знаний и навыков. Умение учить – требует навыка учиться самому. Это помогает быть на плаву. А также отражать получаемые знания в принимаемых для научного и педагогического сообщества формах: научных публикациях, отслеживании уровня цитирования или открытых публичных лекциях. (О.А., проректор вуза, Иркутская область). *Виртуальное взаимодействие создает для преподавателей безграничные возможности социальной реализации и потенциала воспроизводства – выкладывая свои лекции в открытый доступ, проводить интерактивное взаимодействие со студентами, быть мобильным и гибким в условиях новых форм социальной коммуникации.* (Н.Г., проректор вуза, Хабаровский край).

Проблема 3. Прагматическая ориентация образования в ущерб развития личности.

Востребованность в современном мире конкретных навыков и компетенций влечет за собой прагматизм в образовании и не дает социально и лично расти. Это может стать блоком

социального развития. Личность растёт из кризиса. Но для этого необходимо создавать условия чтобы были поводы и пространства для социального роста и развития. Эта проблемы и пути ее решения лежат в сфере патетики, идеологии и мировоззрения, где личный выбор, а также личная и социальная ответственность являются основными условиями социального развития.

Знания без личности – делают нас роботами. Только человекосоразмерность позволит высшему образованию быть пространством становления личности и профессионала. Суперпрофессионализм, не обладающие гуманистической составляющей уничтожит и себя и окружающий мир. (Т.А., проректор вуза, Новосибирская область). *Прагматизм в образовании хорош при выборе специальности, но плох в процессе получения конкретных навыков. Стоит жить тем, что увлекает и радует, и наполняет душу тем чувством, что рождает надежду и веру в светлое будущее. Если этого нет – то никакие знания не спасут нас.* (О.О., зам министра образования, Красноярский край).

Говоря о данной проблеме, эксперты указывали на задачи развивающего образования, которое сочетало бы и гуманистические ценности и современные информационные технологии и имело бы практический проблемный характер изучения. Они говорили об универсальных подходах, которые могут быть применимы к любому профилю и системе обучения, так как стоит готовить не только специалистов, но и людей, обладающих духовными ориентирами в эпоху прагматизма и технократии.

Важно давать не только знания, но и воспитывать и прививать ценности, так же, как и культуру, профессиональную, этическую. Это те навыки выживания в новую эпоху, это навыки того, как оставаться человеком в цифровом бездушном мире. Креативность в информационном пространстве граничит с гениальностью, опирающейся на человеческое достоинство и силу интеллекта. (Л.Д., проректор вуза, Красноярский край). *Обучение не через правила,*

а через проблемы – дает возможность выхода за пределы обычного знания. А также возможность и/или условие соблюдения морально-этического кодекса создает пространство новых возможностей системы развития высшей школы. (А.А., проректор вуза, Хабаровский край).

Проблема 4. Недоступность качественного образования для масс.

Эта проблема наиболее противоречива, так как выступает одновременно условием и следствием того социального порядка, в котором мы живем. С одной стороны, виртуализация усилила доступность знаний и образования, с другой стороны сделала ее хаотичной и поверхностной. А качественное знание, глубинные процессы понимания и осознания (мы не говорим о гениях, а только об обычных людях) строится на глубине освоения любого материала, постепенного погружения в проблемное поле. С цифровым обучением это может быть достаточно проблематично.

Образование для всех возможно. Но важный вопрос о его качестве оставляет желать лучшего. Форма, не предполагает ни глубину, ни качество. И это ограничение любой дистанционной формы коммуникации. Принципиальное освоение знаний возможно только в процессе личного контакта с преподавателем, а это возможно только при личном взаимодействии. (А.А., проректор вуза, Новосибирск). При формализации дистанционного обучения, понижается его качество. Увы, это реальность. От личной ответственности студентов и их родителей будет строиться механизм личного взаимодействия для получения не просто корочки, но и личного опыта. Это выступает основой нашего будущего развития и процветания. (И.Б., зам министра образования, Хабаровский край).

На наш взгляд данная проблема на данный момент менее всех продумана, так как эксперты указывали только на информационной поддержке при ее решении, что, безусловно, выступает достаточно ограниченным фактором

социального развития системы образования, еще более ограниченным способом решения проблем высшей школы.

Новые технологии и коммуникации могут создать возможности для дистанционного обучения, но не заменят личных компетенций преподавателей. И эти вопросы можно решать при личных консультациях, пусть и дистанционных, с педагогом. (Т.А., проректор вуза, Новосибирская область). Доступные базы данных, наряду с дистанционным форматом обучение могут стать инструментами личного развития студентов и преподавателей, что повлечёт за собой новые смыслы и способы получения и анализа данных. (И.А., зам министра образования, Иркутская область).

Элитное обучение и обучение масс – вопросы старые как мир, но на рубеже эпох, новых информационных технологиях именно они вновь становятся актуальными. Элита всегда управляла государством, но от качества образования масс зависит общий человеческий потенциал народа и общества. Этот вопрос развития высшей школы лежит в сфере этики и требует отдельного дополнительного изучения.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование выявило четыре основные проблемы развития высшей школы.

Проблема 1. Несоответствие качества образования современным требованиям.

Проблема 2. Несоответствие подготовки кадров высшей школы к требованиям уровня образования.

Проблема 3. Прагматическая ориентация образования в ущерб развитию личности.

Проблема 4. Недоступность качественного образования для масс.

Способы решения этих проблем сами по себе противоречивы и не полны, но позволяют понять ориентир ключевых исследований в данной сфере. Понимание общего социального развития и роли и места высшей школы в этих

процессах станет основой общественного воспроизводства.

Литература

1. Журавлева И.А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74.
2. Журавлева И.А. Виртуальное образование: выбор современной молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 368–372.
3. Журавлева И.А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 361–363.
4. Журавлева И.А. Перспективы развития образования в регионе // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 917–927.
5. Журавлева И.А. Социальная напряженность при формировании образовательных стратегий региональной молодежи // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 182–184.
6. Журавлева И.А. Социальные условия и психологические предпосылки образования молодежи // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, 2020. С. 315–321.
7. Иванов Р.В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов. научно-методические материалы. Иркутск, ИГУ, 2016. С. 107–109.
8. Иванов Р.В. Право и образование: условия гражданского общества современной России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 218–225.
9. Колесников В.А., Полюшкевич О.А. Высшее образование в нелинейном обществе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12. С. 28.
10. Малых С.В. Проблемы дополнительного образования // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 974–980.
11. Малых С.В. Социальные условия развития социальной ответственности университетов // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 29–37.
12. Малых С.В. Территориальная интеграция через университетское образование // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 350–354.
13. Малых С.В. Цифровизация обучения в университете: социальные эффекты и риски // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция.

ция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 412–413.

14. Полюшкевич О.А. Образование в жизненном мире современной молодежи: региональный аспект // Иркутская социологическая школа на рубеже XXI века. сборник научных трудов. Печатается по решению президиума Иркутского регионального отделения Российского общества социологов. Иркутск, ИГУ, 2008. С. 69–77.
15. Полюшкевич О.А. Образование и социокультурная солидарность // Alma mater (Вестник высшей школы). 2011. № 7. С. 19–22.
16. Полюшкевич О.А. Ценность высшего образования в нелинейном обществе // Подготовка специалистов для экономики и социальной сферы региона: приоритеты инновационной политики в образовании, науке, экономике. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2009. С. 186–196.
17. Полюшкевич О.А., Колесников В.А. Роль образования в жизненном мире молодежи // В мире научных открытий. 2013. № 3–1 (39). С. 312–327.
18. Решетников В.А., Полюшкевич О.А., Федчин В.С. Основные направления социального образования // Социодинамика. 2016. № 4. С. 52–58.

PROBLEMS OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM: QUALITATIVE ANALYSIS

Zhuravleva I.A.
Irkutsk State University

The article deals with the problems of the Russian higher education system. Also, ways to solve the identified problems are indicated. These social frameworks of educational policy and educational transformations were obtained through the application of systematic and structural-functional approaches to the analysis of educational practices as a result of the analysis of a qualitative study of rectors and vice-rec-

tors of universities, ministers and heads of departments of regional ministries of education.

Keywords: higher education, qualitative analysis, problems, prospects, solutions.

References

1. Zhuravleva I.A. Evaluation of the development of state educational policy (expert analysis) // Sociology. 2021. No. 4. S. 63–74.
2. Zhuravleva I.A. Virtual education: the choice of modern youth // Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. S. 368–372.
3. Zhuravleva I.A. Educational strategies in the information society // Philosophy and culture of the information society. Eighth International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020, pp. 361–363.
4. Zhuravleva I.A. Prospects for the development of education in the region // Telecommunication technologies: Actualization and solution of the problems of training highly qualified personnel in modern conditions. Khabarovsk, 2020. S. 917–927.
5. Zhuravleva I.A. Social Tension in the Formation of Educational Strategies for Regional Youth // Spaces of Social Tension and Strategic Consensus Interactions in the 21st Century. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2020. S. 182–184.
6. Zhuravleva I.A. Social conditions and psychological prerequisites for the education of youth // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the V International Scientific and Practical Internet Conference. In 2 parts. Vologda, 2020, pp. 315–321.
7. Ivanov R.V. Distance higher education: the role of virtual components // The role of social education in the development of the institute of public opinion in the context of global challenges. scientific and methodological materials. Irkutsk, IGU, 2016, pp. 107–109.
8. Ivanov R.V. Law and education: conditions of civil society in modern Russia // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FGBOU VO "ISU"; under the general editorship of

- O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk, ISU, 2020. S. 218–225.
9. Kolesnikov V.A., Polyushkevich O.A. Higher education in a non-linear society // Modern studies of social problems (electronic scientific journal). 2012. No. 12. P. 28.
  10. Malykh S.V. Problems of additional education // Telecommunication technologies: Actualization and solution of the problems of training highly qualified personnel in modern conditions. Khabarovsk, 2020. S. 974–980.
  11. Malykh S.V. Social conditions for the development of the social responsibility of universities // The problem of the correlation between the natural and the social in society and man. 2019. No. 10. S. 29–37.
  12. Malykh S.V. Territorial integration through university education // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, IGU, 2020. S. 350–354.
  13. Malykh S.V. Digitalization of education at the university: social effects and risks // Philosophy and culture of the information society. Eighth International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020, pp. 412–413.
  14. Polyushkevich O.A. Education in the life world of modern youth: a regional aspect // Irkutsk sociological school at the turn of the XXI century. collection of scientific papers. Published by decision of the Presidium of the Irkutsk Regional Branch of the Russian Society of Sociologists. Irkutsk, IGU, 2008, pp. 69–77.
  15. Polyushkevich O.A. Education and socio-cultural solidarity // Alma mater (Vestnik vysshei shkoly). 2011. No. 7. S. 19–22.
  16. Polyushkevich O.A. The value of higher education in a non-linear society // Training of specialists for the economy and social sphere of the region: innovation policy priorities in education, science, economics. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2009, pp. 186–196.
  17. Polyushkevich O.A., Kolesnikov V.A. The role of education in the life world of youth // In the world of scientific discoveries. 2013. No. 3–1 (39). pp. 312–327.
  18. Reshetnikov V.A., Polyushkevich O.A., Fedchin V.S. The main directions of social education // Sociodynamics. 2016. No. 4. S. 52–58.

Основные вопросы семейного образования: результаты социологических исследований

Ляликowa Софья Викторовна,

научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, аспирант кафедры социологии семьи и демографии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: lyalikova@socio.msu.ru

Карлова Вера Михайловна,

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии семьи и демографии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: wmkarпова@yandex.ru

Материалы статьи освещают ключевые аспекты семейного образования. На основании эмпирических данных показаны ключевые причины выбора семейного образования в России, а также продемонстрированы преимущества и недостатки данной формы обучения. В рамках статьи представлены результаты авторских исследований, реализованных с применением качественной и количественной методологии. Показано, семейное образование в России родители выбирают преимущественно как ответ на низкое качество школьного образования и желание воспитывать ребенка в традициях семейной преемственности. Ключевым преимуществом данной формы обучения является гибкий график и наличие свободного времени, а недостатком – финансовые трудности и отсутствие государственной поддержки. Хоумскулинг достаточно распространенная практика получения образования вне образовательных организаций в США, Канаде, Великобритании и ряде других стран, однако родители-хоумскулеры убеждены, что данная форма обучения не может распространяться на все семьи. Семейное образование – осознанный выбор родителей, лишь в этом случае оно может выступать эффективной альтернативой классическому школьному обучению.

Ключевые слова: семейное образование, хоумскулинг, альтернативные формы обучения, качество образования, преимущества и недостатки семейного образования, родители, дети, школа, семья.

Пандемия COVID-19 стала причиной крупнейшего сбоя работы образовательной системы по всему миру. Согласно концептуальной записке ООН, подобная нестабильность затронула около 1,6 млрд учащихся более чем из 190 стран мира [5]. Примерно 1,5 млрд школьников были переведены на дистанционное обучение, свидетельствуют данные ЮНЕСКО [8], подчеркнуто, что не все страны в равной степени были готовы к онлайн-обучению. Исключением не стала и Россия, по данным РАН-ХиГС, около 60% учителей отметили, что их школы совершенно или частично не были готовы к организации дистанционного образования, причем подавляющее большинство опрошенных считали, что образовательная программа в установленном формате усваивается детьми не полностью [4], что является еще одним негативным аспектом образовательного процесса организованного дистанционно. Исследование КССиД МГУ среди родителей из восьми Федеральных округов РФ показало, что процесс перехода на дистанционное обучение был совершенно не организован, так считает порядка 40% родителей (а в сельских районах доля таких достигала 50%), а на фоне ухудшающихся знаний успеваемость школьников повысилась [6]. Негативный фон, связанный с вынужденным дистантом, накладывается на недоверие к образовательной системе в целом и школьному образованию в частности, согласно результатам исследования Ромир примерно за 20 лет в 1,5 раза увеличилась доля тех, кто считает, что школьное образование современной молодежи хуже, чем образование их родителей, если в 2003 году согласных с данной позицией было 39%, то в 2020 году на 29пп больше (68%) [10].

Сложившая ситуация стала причиной, побудившей родителей со всего мира обратиться к альтернативным

формам обучения, в попытке отыскать наиболее эффективное решение сложившейся проблемы, позволяющее повысить качество образования в целом, а также смягчить негативные последствия вынужденного обучения на дому, связанные не только с низким уровнем знаний ребенка при обучении в новой для него обстановке, но и с физическим, и эмоциональным здоровьем школьника [См.подробнее: 6].

Согласно экспертным оценкам за последние несколько лет число хоумскулеров увеличилось вдвое, а COVID-19 стал лишь причиной ускоряющегося роста приверженцев семейного образования по всему миру [13]. Например, в восьми из десяти провинциях Канады с 2006/07 по 2018/19 учебные годы сократилось число учащихся в государственных школах, на фоне роста популярности частных школ и альтернативных форм обучения (семейное образование, «учебные модули» или иначе мини-школы из 4–5 учеников), отмечается двукратный рост числа хоумскулеров в десяти провинциях из десяти [17]. Наиболее яркий рост семейников наблюдается в США. Согласно исследованию Gallup, несмотря на то, что наиболее популярным типом школы остается общеобразовательная школа, с 2019 по 2020 год возросло число родителей, отвечающих, что их старший ребенок будет учиться в семье с 5% до 10% (в данном опросе особо подчеркивалось отличие между дистанционным обучением в семье, организованной школой, и семейной формой образования – хоумскулинг) [14]. В целом, за последние несколько лет число хоумскулеров в США возросло с 2,5 миллионов учащихся в 2019/20 учебном году до 3,7 миллионов в следующем учебном году, что отражает рекордный скачок с 2% до 8% от общего числа учащихся [15]. В Великобритании распространение COVID-19 послужило резким всплеском популярности семейного образования, предварительные результаты исследования Ofsted среди 130 школ показали, что в каждой третьей школе были родители, которые перевели де-

тей на семейное образование в период пандемии [16]. Данные Ассоциации директоров детских служб (ACDS) показывают, что число детей и подростков в Великобритании, получающих образование в семье в 2020/21 учебном году, увеличилось на 34% в сравнении предыдущим периодом [18].

Россияне также проявляют интерес к семейному образованию. Согласно исследованию КССиД МГУ даже после весьма негативного опыта дистанционного обучения пережитого весной 2020 года некоторые родители утвердились в своих намерениях перевести ребенка на семейную форму обучения или задумались об этом, так как раньше о такой возможности не слышали (6,5%) [6]. В некоторых регионах, таких как Крым, Ростовская область, Челябинская область и др. число хоумскулеров за последние несколько лет увеличилось в два раза [2]. В нашей стране есть определенные сложности с учетом официальной статистики представителей семейной формы обучения, в связи с чем отдельные инстанции и эксперты предоставляют отличные друг от друга данные, однако, тенденция на увеличение численности хоумскулеров определенно просматривается. В 2007 году было зарегистрировано 3940 человек [12], а к 2015/16 гг. их численность составила уже 8452 человека, т.е. 0,058% [3] от общего числа лиц, получающих общее образование. Заместитель министра просвещения РФ В. Басюк отметил, что число хоумскулеров в нашей стране на протяжении нескольких лет остается неизменным, в том числе в 2020 году составляло примерно десять тысяч человек [1]. Обратившись к официальным ресурсам, отметим, что численность детей и подростков в возрасте от 7 до 18 лет, не обучающихся в образовательных учреждениях на 1 января 2020 года, насчитывает 8342 человека, причем 2269 человек из них – по состоянию здоровья [11]. В то же время представители РГ на основании открытых источников по субъектам фиксируют рост учащихся по се-

мейной форме до 13 тысяч человек в 2021 году [2].

Озвученная выше тенденция о росте популярности семейного образования в обозримом будущем может представить СО в качестве релевантной альтернативы классическому школьному образованию. Семейное образование может рассматриваться не просто как возможность уйти от шаблонной системы, не учитывающей индивидуальные особенности школьников, но и выступить неким ориентиром для дальнейшего развития альтернативных форм обучения и модернизации системы образования в целом. В связи с чем особую значимость приобретает возможность рассмотрения ключевых аспектов семейного образования с опорой на эмпирические данные.

Методология

Для решения поставленных задач научно-исследовательский коллектив кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ в 2020 году реализовал два инициативных исследования по изучению особенностей семейного образования в России. Критериями отбора респондентов для каждого исследования являлись: во-первых, наличие детей, обучающихся в семье (в рамках качественного исследования – исключительно на момент его проведения), во-вторых, юридически закрепленный статус «семейной формы» образования (иные варианты, такие как очно-заочное или заочное, выходили за границы исследовательского интереса), третьим критерием отбора выступал наличествующий опыт семейного обучения с детьми не менее двух лет (для обеспечения глубокого погружения родителей в особенности организации данной формы обучения).

Количественное исследование на тему: «Опыт семейного образования в России» (Часть 1. Метод анкетирования) проведено во II–III квартале 2020 года посредством анкетного опроса и включает в себя свыше 650 респондентов из 56 субъектов РФ. Социально-демографический портрет хоумскуле-

ров – лица с высшим образованием (82,0%), состоящие в зарегистрированном браке (86,1%), являющиеся преимущественно горожанами (34,9% проживают в мегаполисах, 47,7% – в городах), 46,5% опрошенных родителей воспитывают 3 и более детей. При анализе результатов количественного исследования были использованы методы описательных статистик, а также проводился сравнительный анализ распределений при помощи статистического критерия Хи-квадрат, попарные сравнения осуществлялись с использованием z-статистики с поправкой Бонферрони для компенсации эффекта множественных сравнений.

Качественное исследование на тему: «Опыт семейного образования в России» (Часть 2. Метод глубинных интервью) реализовано в IV квартале 2020 года. В рамках глубинных интервью было опрошено 35 родителей, имеющих не менее двух лет опыта семейного образования со своими детьми. Содержание интервью затранскрибировано и проанализировано посредством специального программного обеспечения Atlas.ti (Версия 9.1.3). Краткая характеристика информантов: две возрастные когорты младше 39 лет и старше 40 лет представлены равномерно (18 и 17 человек соответственно), в городах миллионниках проживают 17 родителей, 33 родителя из 35 имеют высшее образование, при этом педагогическое образование имеется лишь у 23 информантов. 18 родителей – являются домохозяйками, еще 9 человек имеют частичную занятость. Треть опрошенных – многодетные (7 человек родители троих детей, еще 5 участников исследования имеют четырех и более детей), двухдетными оказались 17 участников интервью. В статье представлены наиболее яркие цитаты, иллюстрирующие конкретные аспекты семейного образования.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим причины перехода на семейное образование среди родителей, принявших участие в исследовании. Стере-

отип, господствующий в обществе и отожествляющий хоумскулеров с детьми, имеющими определенные ограничения здоровья, зафиксированный в исследовании КССиД МГУ в 2017 году, не находит эмпирического подтверждения. Несмотря на то, что реальной причиной перехода на семейное образование по ответам практикующих хоумскулеров являлось низкое качество школьного образования (66,4%) [7, С.20]. Вероятнее всего в связи с низкой информированностью общественности о феномене семейного образования 62,1% родителей, чьи дети обучались в образовательных организациях, ответили, что хоумскулерами становятся в первую очередь из-за инвалидности ребенка (среди практикующих семейников таковых было 4,7%, аналогичные результаты были зафиксированы и исследователями ВШЭ, где инвалидность ребенка среди ключевых причин выбора СО была названа лишь 5% родителей [9, С.75]). В исследовании 2020 года зафиксировано лишь 6,3% родителей, которые выбрали ограниченные возможности здоровья ребенка в числе важных причин перехода на семейное образование, большая часть опрошенных руководствовалась иными мотивами.

Лидером рейтинга, описывающего причины выбора СО, как и в исследовании 2017 года по-прежнему остается низкое качество школьного образования (49,2%), однако наравне с данным аспектом на первые позиции выходит

возможность хоумскулеров воспитывать ребенка в традициях семейной преемственности (48,8%) (см.рис.1). Если о низком качестве школьного образования информанты неоднократно вспоминали во время интервью, как например: «*Мы очень сильно разочаровались в образовании и было принято решение перейти на СО*» (Интервью 17, Ж, 41 год, 3 детей) или «*Я довольно критична на самом деле к качеству образования... у меня очень большие претензии... к школьной программе*» (Интервью 30, Ж, 36 лет, 4 детей), то о традициях семейной преемственности, как правило, респонденты самостоятельно не упоминали при ответе на вопрос о причинах перехода на СО. Однако, в случае уточняющего вопроса о том, насколько важна семья для информантов и их детей, мнения респондентов были весьма единообразны и подчеркивали первостепенную значимость семьи: «*Семья – это всё... Она не может не важна быть... Вы меня в тупик поставили таким вопросом. Семья – это опора..., подушка безопасности*» (Интервью 7, Ж, 44 года, 1 ребенок). Замыкает тройку лидеров желание отцов и матерей сохранить здоровье ребенка, избежав чрезмерных нагрузок, данный вариант ответа набирает чуть выше 40% («*Конечно, в школах сейчас задают очень много... у него (ребенка) всё время уходило на уроки*» (Интервью 9, Ж, 38 лет, 2 детей)).

Рис. 1. Причины выбора семейного образования (Ответ на вопрос: «Какие причины побудили Вас выбрать семейное образование?», в%)

Практически каждый пятый родитель, участвующий в исследовании, в числе основных причин выбора семейного образования указывал напряженную психологическую обстановку в школе. Подобная причина нашла отклик и в интервью: *«Она переживала, что не успеет переодеться (урок физкультуры был в другом здании), ... постоянная нервозность присутствовала. Она Наверное... и согласилась потому, что так будет спокойнее (Интервью 11, Ж, 34 года, 2 детей); «Дети, в таком возрасте достаточно злые, им интересно поиздеваться бывает, подоминировать, особенно, когда жертва на это не отвечает» (Интервью 4, Ж, 49 лет, 2 детей).* Нередко участники интервью подчеркивали, что они лично пережили негативный опыт в школе или столкнулись с трудностями при обучении ребенка, что вынудило их сделать выбор в пользу семейного образования, например: *«У мужа и у меня остались не очень приятные воспоминания о школе. Вдруг пришла в голову мысль, может быть, попробовать домашнее обучение?!» (Интервью 7, Ж, 44 года, 1 ребенок).*

Рассмотрев взаимосвязь между причинами выбора семейного образования и социально-демографическими характеристиками респондентов по результатам попарных сравнений на основе z-теста ($p < 0,05$) было зафиксировано, что мужчины вдвое чаще женщин заявляют о желании сохранить здоровье ребенка избежав чрезмерных нагрузок (41,5% против 20,7%), для них более значимыми оказываются религиозные убеждения семьи в качестве актуальной причины перевода ребенка на СО (20,7% против 8,0% у женщин) (здесь и далее описанные отличия являются статистически значимыми). С ростом числа детей в семье повышается значимость желания воспитывать ребенка в традициях семейной преемственности при выборе формата обучения для своих детей (27,2% у родителей с единственным ребенком к 71,9% в семьях с четверьями и более детьми). С возрастом участники исследования начинают реже руководствоваться низким

качеством школьного образования при принятии решения о выборе СО (среди респондентов младше 35 лет таковых 58,8%, среди тех, кто старше 45 лет – 41,6%). Данная причина оказывается более актуальной для представителей зарегистрированных супружеских союзов в отличие от респондентов с иным семейным положением (53,7% к 20,6%).

Таблица 1 отражает преимущества семейного образования, по мнению практикующих хоумскулеров. Согласно полученным данным каждый второй опрошенный среди основных плюсов СО называет наличие свободного времени и гибкий график: *«Семейное образование дает нам много свободы, когда у нас отличная погода, мы на СО можем себе позволить какой-то день просто провести на свежем воздухе» (Интервью 10, Ж, 39 лет, 6 детей), «Преимущества... – занимает меньше времени на учебу, чем в школе. Ребенок может за меньший промежуток времени узнать больше, график свободный» (Интервью 14, Ж, 32 года, 2 детей).* Вторую позицию заняло преимущество, которое отражает возможность сохранить заинтересованность ребенка и повысить усваиваемость материала (42,7%) (*«Дома у нас неформальная обстановка, колоссальную роль, конечно, играет отсутствие оценок... для ребёнка эта нагрузка психологическая..., здесь этого нет, здесь главная задача – усвоить материал (Интервью 7, Ж, 44 года, 1 ребенок).* Третьим важным преимуществом хоумскулинга является забота о здоровье и психологическом климате, данный аспект также нашел отражение и в интервью: *«Бережем их здоровье физическое, но также и ментальное» (жен., 39 лет, 6 детей) (Интервью 10, Ж, 39 лет, 6 детей).*

Стоит отметить, что для четырехдетных родителей в ряду преимуществ семейного образования особо значимым оказывается тесный контакт с ребенком и поддержание семейных связей, в отличие от респондентов другой детности (среди четырехдетных родителей таковых 49,6%, среди трехдетных – 32,9%, среди двухдетных – 24,2%, среди одно-

детных – 20,6%). А вот заботу о здоровье и психологический климат четырехдетные родители в качестве преимущества СО упоминают намного реже, чем родители, имеющие меньшее число детей (21,5% против 47,8% среди однопородных), подобного мнения придерживаются также представители зарегистрированных союзов в сравнении с теми, кто не состоит в официальном браке (36,5% к 47,4%). Рассмотрев различия во мнениях респондентов в зависимо-

сти от уровня образования, обнаружим, что лица со средним образованием в качестве плюсов СО значимо чаще упоминают возможность оградить ребенка от дурного влияния (32,6% к 25,0%). Каждый десятый родитель с высшим образованием в числе преимуществ хоумскулинга называет использование новейших технологий и подходов в обучении, среди респондентов со средним образованием данный ответ совершенно непопулярен (10,1% к 1,1%).

Таблица 1. Преимущества семейной формы образования (Ответ на вопрос: «Какие Вы видите плюсы семейного образования?»), в%

Варианты ответа	Процентное соотношение
Больше свободного времени, гибкий график	55,0
Сохранить заинтересованность ребенка, повышенная усваиваемость материала	42,7
Забота о здоровье, психологический климат	38,1
Индивидуальная программа, а не стандартизированное обучение	32,3
Более тесный контакт с ребенком, поддержание семейных связей	30,9
Возможность оградить от дурного влияния	26,2
«Учеба – это нечто большее, чем оценки в дневнике и баллы за ОГЭ и ЕГЭ»	24,5
Ребенок – личность и имеет право выбора (при обучении важно учитывать интересы ребенка)	13,7
Свобода перемещений	11,1
Профессиональные занятия спортом, музыкой и прочее	9,9
Использование новейших подходов и технологий, неформальный подход к обучению	8,8
Другое	1,7

Среди негативных аспектов семейного образования родители нередко указывали финансовые трудности и отсутствие компенсации со стороны государства, данное мнение разделяют 42,1% опрошенных (см. табл. 2). «Семейникам, которые сами обучают детей, государство никак не помогает, потому что это не обязанность, а лишь рекомендация, ... которую выполняют пара регионов» (Интервью 8, Ж, 42 года, 2 детей). Некоторые родители отмечают, что дополнительное образование является неотъемлемой частью образовательного процесса ребенка, которая обеспечивается преимущественно не на безвозмездной основе, также в траты записывается и неоплачива-

емое время родителя, которое он посвящает образованию ребенка. В связи с чем респонденты считают правоммерным введение некоторых выплат, компенсирующих организацию образования в семье по аналогии с государственным финансированием школ. Денежные вливания помогут облегчить финансовую нагрузку на семью в целом, которая усугубляется при переводе ребенка на семейное образование. «СО – это большая финансовая нагрузка... Мы сами покупаем учебники, ищем дополнительное образование, ... платим онлайн – школе, а когда занимается родитель, то он не может работать, но это тоже не оплачивается, финансовая нагрузка ложится на се-

мью» (Интервью 1, Ж, 44 года, 2 детей). Около 25% опрошенных отмечают, что у родителей порой не хватает времени на организацию семейного образования, актуальнее всего данная проблема для матерей. «Семейное образование «пожирает» огромное количество времени мамы» (Интервью 17, Ж, 41 год, 3 детей), «Мне не хватает времени сидеть и с ребенком заниматься» (Интервью 14, Ж, 32 года, 2 детей). Каждый пятый родитель упомянул о критике со сторо-

ны знакомых и родственников, результаты качественного исследования иллюстрируют данную проблему, подчеркивая негативное отношение в обществе к семейному образованию. «Среди негативных моментов следует выделить, конечно, непонимание со стороны окружающих, ребенку – то ладно, а вот на меня до сих пор смотрят... и чуть ли не у виска пальцем крутят. Считают, что это (СО) неправильная форма обучения» (Интервью 9, Ж, 38 лет, 2 детей).

Таблица 2. Недостатки семейной формы образования (Ответ на вопрос: «Какие Вы видите минусы семейного образования?»), %

Варианты ответа	Процентное соотношение
Финансовые трудности, отсутствие компенсаций со стороны государства	42,1
Нехватка времени у родителей	23,5
Критика со стороны знакомых и родственников	20,1
Совмещение роли родителя и педагога, психологические трудности	19,7
Организационные вопросы (отсутствие законодательной базы, четких правил четких регламентов, проблемы с аттестацией и др.)	15,1
Нехватка знаний и квалификации у родителей (обучающих)	14,0
Организация учебного процесса	13,4
Детям на семейно-домашнем обучении не хватает общения со сверстниками	10,1
Недостаток в оборудовании образовательных помещений	8,1
Давление учителей, школы, отдела образования и прочее	7,6
У детей на семейно-домашнем обучении нет опыта взаимоотношений в коллективе	5,3
Требуется поддержка со стороны родственников и окружающих, государства и прочее	4,4
Сложный процесс перехода на очное обучение	2,0
Другое	3,0
Нет минусов	14,8

Описывая негативные стороны семейного образования, мужчины значимо чаще женщин упоминают о критике со стороны знакомых и родственников (34,5%, среди женщин таковых – 19,5%). Лиц со средним образованием больше волнует нехватка знаний и квалификации у родителей (21,7%) в сравнении с теми, кто имеет высшее образование (12,8%). Последние в перечне негативных аспектов СО чаще называют организационные вопросы, связанные с отсутствием законодательной базы, четких регламентов и т.п. (16,3% к 7,6% среди лиц со сред-

ним образованием). Помимо уже описанных статистически значимых отличий было установлено, что респонденты, состоящие в зарегистрированном союзе, среди недостатков хомскулинга реже отмечали нехватку знаний и квалификации у родителей (12,9% к сравнению среди участников, не состоящих в браке, таковых 20,6%), недостаток общения со сверстниками среди детей-хомскулеров (4,7% к 9,3% соответственно), а также финансовые трудности и отсутствие компенсации со стороны государства (39,9% к 54,6%).

Родители отмечают, что перевод ребенка на семейное обучение является осознанным выбором, несмотря на то, что профильное педагогическое образование в 60% случаях отсутствует у обоих супругов, примерно половина родителей, принявших участие в исследовании отметили, что перед переходом на СО они проходили специальные курсы или семинары по педагогике и семейному образованию, которые способствовали формированию у них более полного представления о данной форме обучения и ее отдельных аспектах.

Заключение

Рассмотрев ключевые вопросы, связанные с причинами выбора семейного образования, его преимуществами и недостатками можно заключить, что посредством данной формы обучения родители, как правило, решают проблему низкого качества среднего образования и одновременно с этим уделяют внимание особой атмосфере воспитания ребенка, связанной с традициями семейной преемственности. В числе наиболее значимых недостатков семейного образования родители чаще всего отмечают отсутствие денежной компенсации со стороны государства. Ведь при такой форме обучения в семье полностью реализуется образовательная функция и родители несут ответственность за образование своих детей, в связи с чем родители хотели бы получать соответствующую государственную поддержку по аналогии со школьным финансированием. Широкий спектр преимуществ семейного обучения не ограничивается особенностями, связанными с качественной организацией учебного процесса (индивидуальный подход, уникальная образовательная программа, собственный темп работы и т.д.) и налаживанием более тесного контакта между родителями и детьми. Немаловажными плюсами СО являются сохранение физического и эмоционального здоровья ребенка, отсутствие чрезмерных нагрузок и предоставление учащемуся свободы, так высоко ценящейся в современном мире.

Семейное образование – уникальная форма обучения, в рамках которой тесным образом переплетаются образовательная и воспитательная функции на фоне благоприятной атмосферы семейной преемственности и заботе о здоровье ребенка. Хоумскулинг – осознанный выбор родителей, берущих на себя ответственность за образование своего ребенка и за его будущее. Поддержка семейного образования может послужить основой для снижения нагрузки на государственные школы, сократив число учащихся в классе, что позволит реализовать намеченный ФГОС подход к индивидуальному обучению, так удачно реализованному в рамках хоумскулинга. Для заинтересованных родителей организация обучения в семье позволит решить не только вопросы, связанные с качеством образования ребенка и обеспечением более тесного взаимодействия между родителями и детьми, но и повысит уровень свободы семьи, не привязывая ее к конкретному времени и месту. Все это может послужить поводом для изменения образа жизни всех членов семьи: через общесемейную деятельность к семейно-детному образу жизни.

Литература

1. Бухарова О., Колесникова К. Звонок на перемены. Российская газета № 206(8260). 14.09.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9455381> (дата обращения: 10.11.2021)
2. Волкова М., Гавриленко А., Гарднер Ю. и др. В России растет число родителей, дающих детям семейное образование. Российская газета. № 196(8547). 29.08.2021. URL: <https://rg.ru/2021/08/29/reg-ufo/v-rossii-rastet-chislo-roditelej-predpochitaiushchih-davat-detiam-семейное-образование.html> (дата обращения: 10.11.2021)
3. Единая информационная система обеспечения деятельности Минобрнауки России. URL: <http://eis.mon.gov.ru/education/SitePages/Общее%20образование>

- Формы_2015–2016.aspx (дата обращения: 11.12.2021)
4. Ежегодный мониторинг общего образования от Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, 2020. URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/794-issledovaniye-firo-dist-obuch> (дата обращения: 10.01.2022)
  5. Концептуальная записка: Образование в эпоху COVID-19 и в последующий период. ООН, 2020. 33 с. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf (дата обращения: 10.01.2022)
  6. Ляликова С. В., Карпова В.М. Дистанционное обучение: опыт родителей. Пресс-релиз инициативного социологического исследования КССиД МГУ. – М.: Издательство «Перо», 2020. 46 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/329182034/> (дата обращения: 10.01.2022)
  7. Ляликова С.В., Карпова В.М., Жуйкова К.В. Семейно-домашнее обучение как модель образования будущего: аналитический отчет по результатам социологического исследования. – М.: МАКС Пресс, 2018. 145с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37178746> (дата обращения: 11.12.2021)
  8. Новости ООН. Глобальный взгляд на человеческие судьбы, 2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1376532> (дата обращения: 10.11.2021)
  9. Поливанова К.Н., Любицкая К.А. Семейное образование в России и за рубежом // Современная зарубежная психология, 2017. Том 6. № 2. С. 72–80. doi:10.17759/jmfp.2017060208 (дата обращения: 11.12.2021)
  10. Россияне пессимистично оценивают современное школьное образование. Ромир. 26 августа 2020. URL: [rossiyane-pessimistichno-ocenivayut-sovremennoe-shkolnoe-obrazovanie](https://romir.ru/studies/rossiyane-pessimistichno-ocenivayut-sovremennoe-shkolnoe-obrazovanie) (дата обращения: 10.01.2022)
  11. Сводные статистические отчеты по форме федерального статистического наблюдения № 1-НД «Сведения о численности детей и подростков в возрасте 7–18 лет, не обучающихся в образовательных учреждениях», 2020. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/bd24958d201da4307e4b5d848f03d205/> (дата обращения: 11.01.2022)
  12. Статистика российского образования, 2007. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=fd_5_8&group=sub&ttype=1&Field=J1&Field=J2&Field=J3 (дата обращения: 19.12.2021)
  13. Хубнер Дж. ММСО – 2021. Секция «Семейное образование. «Доверие родителей к СО», 2021. URL: <https://clck.ru/UpDK2> (дата обращения: 10.11.2021)
  14. Brenan Megan. Parents' Satisfaction With Child's Education Slips. Gallup. 25.08.2020. URL: <https://news.gallup.com/poll/317852/parents-satisfaction-child-education-slips.aspx> (дата обращения: 10.01.2022)
  15. Brian D. Ray. Research Facts on Homeschooling. 09.09.2021. National Home Education Research Institute. URL: <https://www.nheri.org/research-facts-on-homeschooling/> (дата обращения: 10.11.2021)
  16. COVID-19 series: briefing on schools. Evidence from pilot visits to schools between 14 and 18 September 2020. Ofsted, 2020. 9 p. URL: <https://clck.ru/bkhK7> (дата обращения: 10.11.2021)
  17. MacPherson P. 'Learning pods' prove that governments should fund students – not systems. Fraser Institute, 2020. URL: <https://www.fraserinstitute.org/article/learning-pods-prove-that-governments-should-fund-students-not-systems> (дата обращения: 10.11.2021)
  18. Sally Weale. Pandemic linked to 'rapid surge' in number of families choosing to take children out of school. The Guardian, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/>

education/2021/nov/24/councils-england-report-34-rise-elective-home-education-children (дата обращения: 10.11.2021)

MAIN ISSUES OF FAMILY EDUCATION: RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Lyalikova S.V., Karpova V.M.
Lomonosov Moscow State University

The materials of the article cover the key aspects of family education. Empirical data show important reasons for choosing family education in Russia, as well as the advantages and disadvantages of this form of education. The article presents the results of the authors' research. The studies were implemented using qualitative and quantitative methodology. It is shown that parents choose family education in Russia as a response to the low quality of school education and the desire to raise a child in the tradition of family continuity. An important advantage of homeschooling is a flexible schedule and free time. The disadvantage is financial difficulties and lack of government support. Homeschooling is a common practice of getting education outside educational institutions in the USA, Canada, Great Britain and other countries. However, homeschoolers are convinced that this form of education cannot be extended to all families. Family education is a conscious choice of parents, only in this case it can be an effective alternative to classical school education.

Keywords: family education, homeschooling, alternative forms of education, quality of education, advantages and disadvantages of family education, parents, children, school, family.

References

1. Bukharova O., Kolesnikova K. Call for change. Russian newspaper № 206 (8260). 14.09.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/> (In Russia)
2. Volkova M., Gavrilenko A., Gardner Yu. et al. In Russia, the number of parents who give their children family education is growing. Russian newspaper. № 196(8547). 29.08.2021. URL: <https://clck.ru/X9nZi> (In Russia)
3. Unified information system for supporting the activities of the Ministry of Education and Science of Russia. URL: <https://clck.ru/bmdew> (In Russia)

4. Monitoring of general education from the Center for Continuing Education Economics Institute of Applied Economic Research, 2020. URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/794-issledovaniye-firo-dist-obuch> (In Russia)
5. Concept note: Education in the time of COVID-19 and beyond. UN, 2020. 33 c. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf (In Russia)
6. Lyalikova S., Karpova V. Distance learning: the experience of parents. Press release of the initiative sociological research of the Department of Family Sociology and Demography Lomonosov Moscow State University, Moscow. 2020. 46p. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/329182034/> (In Russia)
7. Lyalikova S.V., Karpova V.M., Zhuykova K.V. Family-home education as a model for the education of the future: an analytical report on the results of a sociological study / under general editorship of Antonov A.I. M.: MAKS Press, 2018. – 145 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37178746> (In Russia)
8. UN news. A global view of human destinies, 2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1376532> (In Russia)
9. Polivanova K.N., Lyubitskaya K.A. Homeschooling in Russia and abroad. Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology, 2017. Vol. 6, no. 2, pp. 72–80. doi:10.17759/jmfp.2017060208. (In Russ., abstr. in Engl.) (In Russia)
10. Russians are pessimistic about modern school education. Romir. 26 августа 2020. URL: <https://romir.ru/studies/rossiyane-pessimistichno-ocenivayut-sovremennoe-shkolnoe-obrazovanie> (In Russia)
11. Summary statistical reports on the form of federal statistical observation No. 1-ND "Information on the number of children and adolescents aged 7–18 years not studying in educational institutions", 2020. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/bd24958d201da4307e4b5d848f03d205/> (In Russia)
12. Statistics of Russian education, 2007. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listD-B&t=fd_5_8&group=sub&ttype=1&Field=J1&Field=J2&Field=J3 (In Russia)
13. Huebner G. MMCO – 2021. Section "Family education. "Parental Trust in Family Ed-

- ucation", 2021. URL: <https://clck.ru/YpDK2> (In Russia)
14. Brenan Megan. Parents' Satisfaction With Child's Education Slips. Gallup. 25.08.2020. URL: <https://news.gallup.com/poll/317852/parents-satisfaction-child-education-slips.aspx>
  15. Brian D. Ray. Research Facts on Homeschooling. 09.09.2021. National Home Education Research Institute. URL: <https://www.nheri.org/research-facts-on-homeschooling/>
  16. COVID-19 series: briefing on schools. Evidence from pilot visits to schools between 14 and 18 September 2020. Ofsted, 2020. 9 p. URL: <https://clck.ru/bkhK7>
  17. MacPherson P. 'Learning pods' prove that governments should fund students – not systems. Fraser Institute, 2020. URL: <https://www.fraserinstitute.org/article/learning-pods-prove-that-governments-should-fund-students-not-systems>
  18. Sally Weale. Pandemic linked to 'rapid surge' in number of families choosing to take children out of school. The Guardian, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/education/2021/nov/24/councils-england-report-34-rise-elective-home-education-children>

Социальное измерение счастья

Полушкевич Оксана Александровна,

доцент, кандидат философских наук, доцент
кафедры государственного и муниципального
управления института социальных наук Иркутского
государственного университета
E-mail: okwook@mail.ru

В статье рассматриваются результаты исследования социального измерения счастья, которое проводилось в 2018 и 2021 годах в РФ. Выявляется динамика трансформации социальных смыслов счастья, основные показатели и ассоциации, которые возникают у россиян, имеющие социальные и гедонистические смыслы счастья.

Ключевые слова: счастье, социальное измерение, радость, эмпатия, просоциальное поведение, взаимодействие, эгоизм, гедонизм, эмпатия, солидарность.

Счастье выступает критерием удовлетворенности жизнью людей, одновременно – это показатель и состояния общества и его прогресса в разных социальных и территориальных группах. Удовлетворенность начинается тогда, когда происходит то, что ожидаешь. И второй показатель счастья – это эмоциональное состояние (как правило позитивное). Соединение удовлетворенности и положительных эмоций приводит человека и целые социальные группы к счастью.

Традиционно, счастье понималось достаточно разнообразно и состояло из множества элементов. В содержании которых входили представления о качестве т удовлетворенности жизни, также то, наличия благополучия, умения наслаждаться каждому дню, умению радоваться за других, как, впрочем, и наоборот – их противоположные состояния. Такие социальные явления – как множественный выбор, который зависит от разных стратегий жизни, личных представлений и т.д.

Индекс счастья

В 2019 г. РОМИР стал участником общемирового исследования Gallup International (в нем участвовало 45 000 человек из 46 стран, в том числе 1500 россиян), россияне оказались менее счастливыми, чем в среднем жители Земли. Индекс счастья в этом исследовании рассчитывался как разница между положительными и отрицательными ответами на вопрос: «Чувствуете ли вы себя счастливым?» В среднем в мире счастливыми себя считают больше половины (59%) респондентов, а несчастными – 11%, т.е. индекс счастья составляет 48 процентных пунктов (п.п.). В России счастливыми себя назвали всего лишь 42% опрошенных, в свою очередь не ощущают себя счастливыми 18%, что делает значение российского индекса вдвое меньше мирового – 24 п.п. Примечательно, что еще в 2017 г. индекс счастья в нашей стране составлял 50 п.п. (ср.: 55% «счастливых» vs 5% «несчастливых») [3].

Анализируя результаты исследования, эксперты пришли к выводу, что уровень счастья зависит не от политического режима или социально-экономического положения общества (т.к. самыми счастливыми странами были Колумбия, Эквадор, Индонезия), а от внутреннего личного выбора, стиля жизни, особенностей мышления.

Также проводились и другие исследования индекса счастья, где наша страна, увы также не занимала лидирующих мест. Так, Всемирный индекс счастья (World Happiness Report), рассчитываемый ООН, поместил Россию в 2020 г. на 73-е место из 156, а по последним данным исследования Международного индекса счастья (Happy Planet Index), предложенного Фондом новой экономики, наша страна находится на 116-й позиции из 140 возможных.

В исследованиях автора указывается на взаимосвязь идей альтруизма и эгоизма на внутреннее переживание счастья и оптимистического или пессимистического взгляда на жизнь [4,5]. Субъективные критерии счастья изучены в работе Д.А. Леонтьева [2] и визуальные образы счастья в исследовании М.А. Абрамовой [1]. Также в работе А.Н. Пружинина [6] прослежены трансформации представлений о счастье в современном социуме.

Счастье в социологии

Традиционно, социологи чаще исследуют социальные проблемы и недостатки, конфронтации и деструктив. Но даже на этом фоне есть счастливые люди, живущие в несовершенном социальном мире. И они тоже достойны внимания научного сообщества социологов.

Почему социологов интересуют темы счастья? Потому что одним из фокусов внимания этой науки выступает аспект изучения развития, совершенствования человеческого общества. Счастье выступает одним из важных показателей социального развития в целом, где качество жизни тесно связывается с социальной эволюцией. Помимо экономической стабильности и безопасности, бедности и богатства,

солидарности и идентичности именно счастьем отводится связующая нить между другими показателями.

Если рассматривать социологию счастья как категорию фундаментальную, то ее основы находятся в эпохе Просвещения, где принципы социального развития опирались на идеи общественного договора (который, в отличие от божественного, может быть пересмотрен в случае непродуктивности). Идеи счастья на земле, которое строят сами люди, противопоставлялось слепому следованию божественному провидению. Поэтому, к XX веку представления о социальном прогрессе и возможности человека самому строить свою жизнь, определять ее качество – стало ключевым моментом научного дискурса.

Так, О. Конт понимал счастье как результат консенсуса трех компонентов – научной концепции мира, чувств любви и уважения и разумно организованных действий. По Э. Дюркгейму, человек счастлив, если живет в согласии со своей природой и условиями своего существования. Г. Зиммель видел в счастье качество действий и состояние разума, посредством которых человек может быть – или стать – самим собой. Для Т. Адорно и Х. Арндт счастье – это форма позитивной рефлексии, в то время как для Д.Г. Мида любой опыт, в том числе переживание счастья, принадлежит настоящему. А. Хоннет акцентирует важность взаимного признания для счастья индивидов, тогда как Н. Фрейзер полагает, что материальное неравенство не позволяет социально незащищенным группам испытывать счастье; соответственно, его достижение должно стать результатом коллективных усилий, направленных на взаимное уважение и большее материальное равенство.

С позиции методологии, счастье изучали через интервью и самоотчеты, анкетные опросы и контент-анализ. В исследовательской практике применялись опросники напрямую исследующие вопросы счастья или же с косвенными, где о счастье можно было судить через завуалированные вопросы.

Характеристика исследования

Исследование проходило на платформе www.google.ru в два этапа – первый в 2018 году (n=1250) и второй в 2021 году (n=1250). Мужчин 45%, женщин 55% в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих в разных субъектах Российской Федерации.

Анкета состояла как из закрытых вопросов, так и открытых, которые позволяли зафиксировать в виде самоотчетов ощущения, критерии и оценки счастья у мужчин и женщин разного возраста, проживающих в разных регионах России.

Отдельно мы включили ассоциативный текст, где уточняли с какими словами, ассоциируется у них счастье. Каждый респондент должен был назвать 3 значения. В итоге, в 2018 году в анализе приняло участие 3750 слов и столько же в 2021 году. Каждое слово респонденты ранжировали по шкале от 1 до 10, где 1 – это сейчас у меня наихудшая жизнь и 10 – это сейчас наилучшая жизнь.

По 7-ми бальной шкале оценивались следующие показатели:

- объем социальной поддержки ранжировался: от «я никогда не помогаю окружающим», до «я всегда помогаю окружающим как только могу»;
- самоэффективность оценивалась: от «я всегда добиваюсь того, чего хочу», до «я никогда не получаю то, что хочу»;
- чувство одиночества оценивалось: от «я никогда не чувствую поддержку и внимания других», до «я часто ощущаю, что никому не нужен».

Анализ результатов исследования

Количество прожитых счастливых лет субъективный показатель, но мы просили примерно оценить сколько лет в жизни, респонденты могли бы назвать счастливыми. В таблице 1 представлены изменения показателей за рассматриваемый период.

Таблица 1. Количество прожитых счастливых лет (в %)

	1–3 года		3–5 лет		5–9 лет		9–12 лет		Более 12 лет	
	2018г	2021г	2018г	2021г	2018г	2021г	2018г	2021г	2018г	2021г
Мужчины	15,4	28,5	28,8	24,5	26,6	23,2	17,5	15,2	11,7	8,6
Женщины	17,8	28,7	24,6	21,5	28,7	25,3	15,2	13,4	13,7	11,1
Молодые люди (18–34 года)	36,7	47,1	23,9	25,5	22,6	15,5	12,4	8,7	4,4	3,2
Средний возраст (35–55 лет)	32,2	54,5	31,9	22,1	20,2	13,4	11,1	7,8	4,6	2,2
Старший возраста (56 и старше)	41,6	36,6	25,8	20,2	18,7	12,2	9,8	7,3	4,1	2,1

Вероятно, ситуация с пандемией, новые сложности в работе, доходах стали поводом, чтобы основные внутренние показатели счастливо прожитых лет уменьшились во всех рассматриваемых социальных группах. И мужчины, и женщины стали чувствовать себя менее счастливыми в 2021 по сравнению с 2018 годом.

Представители всех возрастов также чувствуют себя менее счастливыми и меньше счастливых лет прожи-

ли. Но при этом, среди пожилых людей меньше тех, кто испытывает счастье продолжительно, нежели чем среди молодежи. В молодости еще сохраняется надежда на то, что счастливо прожитых лет будет больше и что все еще впереди, тогда как с возрастом данное ожидание становится все более иллюзорным.

Максимальным рекордсменом во всех группах выступает период 1–3 года – как максимальное ко-

личество счастливых прожитых лет. По сравнению с 2018 годом в 2021 году количество счастливых людей уменьшилось в два раза.

При анализе различных критериев счастья нами выявляется несколько групп факторов, определяющих различные условия для счастья, при описании 92,1% общей дисперсии (таблица 2).

Таблица 2. Факторный анализ критериев счастья

Фактор	Переменные	Кэффициент
Духовно-культурный Вес фактора – 19,1. Объяснительная дисперсия – 25,4%	Счастье строится на традициях и нормах культуры	0,876
	Счастье определяется работой души и состоянием духа человека и общества	0,843
	Религия и духовность определяют то, насколько счастливы граждане	0,653
Психологический Вес фактора – 15,7. Объяснительная дисперсия – 22,1%	Личностные установки определяют то, насколько счастлив человек	0,832
	Это выбор человека – быть счастливым или несчастным	0,753
	Оптимизм влияет на счастье, также как и пессимизм на несчастье	0,665
Коммуникативный Вес фактора – 13,2. Объяснительная дисперсия – 18,2%	Умение помогать другим дает понимание того, что ты не один, в тебе нуждаются и следовательно, ты счастлив	0,654
	Умение слышать и слушать, помогать и поддерживать делает человека счастливым	0,422
	Эмпатия основа для счастья	0,433
Социально-экономический Вес фактора – 11,2. Объяснительная дисперсия – 15,3%	Качество и достаток жизни дает человеку счастье	0,578
	Возможность позволить себе все что необходимо делает людей счастливыми	0,522
	Комфорт безопасность и достаток основные критерии счастья	0,512
Социально-политический Вес фактора – 8,1. Объяснительная дисперсия – 11,1%	Политическая стабильность дает счастье людям	0,611
	Социально-политические условия создают процессы социального взаимодействия	0,573
	Политические решения и идеология государства определяют счастье людей	0,552

Духовно-культурный фактор опирается на социально-исторические условия, культурные и религиозные ценности, влияющие на мировоззрение россиян и определяющие их поведение.

Духовность и понимание высшей цели – служения Родине и людям – дает надежду на счастье не только в том, но и этом мире. (М.Ю., пенсионер, 74 года). Ценности людей позволяют им сохранять частичку себя для общества и семьи, мировоззрение и ориентиры определяют то, что по-настоящему важно и ценно. (О.О., учитель истории, 44 года).

Психологический фактор фиксирует внимание россиян на личной структуре, личной ответственности и выборе того, что важно и приоритетно и это вы-

ступает основой для понимания личного и социального счастья.

Выбор человека – замечать в жизни черные полосы или белы, видеть возможности или ограничения в одних и тех же событиях. Поэтому, что мы выбираем – то и получаем. (О.А., преподаватель в университете, 40 лет). От мотивации человека зависит то, будет он счастливым или несчастным. Что он делает, что он думает, о чем мечтает – проявляется в его реальном поведении и это формирует его уровень счастья или несчастья. (Т.В., полицейский, 32 года).

Коммуникативный фактор определяет условия социального контакта – кто, когда и по какому поводу вступает во взаимодействие.

Если я могу кому-то помочь – я беру и помогаю, не жду просьб, одобрения, приглашения. Если не я, то кто? Важно не словами бросаться, а делами помогать. (Л.А., хирург, 49 лет). *Важность социальных коммуникаций определяется тем, что важно человеку, что он может сделать ради другого или других бескорыстно, просто потому что может. Это может быть официальное волонтерство или добровольчество или же простое человеческое участие и соседская помощь.* (Е.Н., экономист, 29 лет).

Социально-экономический фактор предполагает, что финансовые ценности и экономические притязания определяют уровень и качество счастья человека или группы людей.

Достаток, комфорт и материальное благополучие конечно притягательны для очень многих, но достижение этого не дает человеку счастье, скорее обесценивает и эти ценности, и самого человека, потому что если нет ничего за оберткой, то пустота не может напоить счастьем. (С.Ю., художник, 40 лет). *Все материальные блага мира не могут быть включены в слово счастье, так как это всего лишь одна грань его и та – не основная. Хотя, далеко не все с этим согласны, но это именно так, если же деньги и иные ценности становятся единственным показателем и мерилем счастья, то оно становится пустым и обесцененным.* (Р.А., фотограф, 27 лет).

Социально-политический фактор транслирует значимость политических

ценностей и идеологической составляющей в счастье людей. Например, в советском обществе, идеология, выраженная линией партии, напрямую была связана со счастьем народа, сегодня эта связь не очевидна, поэтому и вес, и роль фактора самая минимальная.

Политические условия и гарантии не дают людям счастья, они могут дать иллюзию свободы, но и это не равно счастье. (С.А., маркетолог, 33 года). *Идеологическая работа заключается в том, чтобы создать образы счастливого будущего, куда должны стремиться граждане любой страны. У нас пока слабовато это получается, но ориентиры социального развития пока есть, хотя и не для всех.* (И.А., журналист, 47 лет).

Таким образом, факторный анализ показал существенную фрагментаризацию по критериям конструирования условий развития счастья в разных социальных группах. Эти факторы идентичны, что в 2018, что в 2021 годах. А это, в свою очередь, указывает на то, что представленные показатели – являются универсальными для изучения условий и форм счастья.

В 2021 году счастье в три раза реже ассоциировалось со свободной. Т.е. это означает что социально-политические аспекты счастья уходят на второй план. При этом здоровье, природа и социальное взаимодействие стали наиболее важными показателями счастья. См. таблицу 3.

Таблица 3. Внешние показатели счастья (в%)

	Политика		Экономика		Здоровье		Природа		Социальное взаимодействие (личные отношения)	
	2018г	2021г	2018г	2021г	2018г	2021г	2018г	2021г	2018г	2021г
Мужчины	32,3	12,4	25,6	20,1	18,9	24,2	16,7	23,1	13,5	20,1
Женщины	22,1	7,1	25,2	9,5	24,6	32,1	22,5	33,2	5,6	18,1
Молодые люди (18–34 года)	39,6	1,3	13,2	14,4	15,6	34,3	11,2	13,3	20,4	36,7
Средний возраст (35–55 лет)	24,4	5,4	22,8	26,6	18,9	27,7	15,4	18,9	18,5	21,4
Старший возраст (56 и старше)	27,7	11,7	20,2	24,1	20,2	25,5	14,2	16,6	17,7	22,1

Здоровье за рассматриваемый период стало ключевым показателем счастья. Воздействие информационных сообщений о ситуации с пандемией сыграли свою роль. Для молодежи в приоритете социальное взаимодействие, а для людей более старшего возраста природа и экономика. Политика потеряла или существенно уменьшила роль в критериях счастья для всех социаль-

ных групп. Также в 2021 году уровень счастья меньше связан с уровнем дохода людей (в два раза).

Помимо этого, образование и социальный статус дают в два раза меньше значимости в разных социальных группах. К 2021 году большую значимость приобретает качество и количество личных и интимных отношений. См. таблицу 4.

Таблица 4. Личные показатели счастья (в%)

	Образование		Социальный статус		Виртуальные отношения	
	2018г	2021г	2018г	2021г	2018г	2021г
Мужчины	30,2	25,6	34,5	27,8	35,3	46,6
Женщины	26,7	21,1	47,5	22,3	25,8	56,6
Молодые люди (18–34 года)	23,5	17,6	38,9	26,9	37,6	55,5
Средний возраст (35–55 лет)	26,7	21,2	43,4	27,9	29,9	50,9
Старший возраста (56 и старше)	24,4	15,5	45,5	22,4	30,1	62,1

В 8 раз повысилась значимость виртуального социального взаимодействия.

Также мы попросили респондентов назвать ассоциации, которые у них вызывает слово счастье. В результате мы выявили два типа счастья: первое – личное внутреннее переживание – не социальное (35,6%) и второе – личное, но требующее внешней оценки – социальное (64,4%).

По сравнению с 2018 годом, в 2021 году респонденты чаще опираются на социальные смыслы, гедонистические (несоциальные) отходят на второй план. Например, абстрактные ценности (любовь, уважение, признание), людей (семья, друзья), отношения (свидания, партнерство). Первые обладают более высоким уровнем эгоистического настроения, вторые более эмпатичны и готовы эмоционально включаться в социальное взаимодействие в три раза чаще чем первые.

Для женщин счастье чаще ассоциируется со словом «семья» (37,4%), для мужчин 31,1%. В три раза чаще «семья» встречается в ассоциациях со счастьем у более старших респондентов, чем среди молодежи. Среди молодых

людей (18–35 лет) чаще встречаются такие ассоциации со словом счастье как «улыбка» (18,2%), «смех» (15,2%). Эти данные показывают, что социальные установки более важны для старших поколений, среди молодежи больше гедонистических эквивалентов счастья.

Отношения с друзьями для молодежи чаще в три раза, чем среди других поколений ассоциируются со счастьем. Для старших поколений такой ценностью и счастьем обладает все та же семья.

Для женщин всех возрастов «любовь» в три раза чаще означает счастье и в целом, для молодежи любовь в два раза чаще означают счастье, чем для старших поколений. Надо сказать, что в 2021 году любовь стала менее значимым показателем, чем в 2018 – понизилась в 3,5 раза.

Деньги означают счастье лишь для 40% респондентов. Основная часть из них – люди среднего возраста (35–55 лет), уже имеющие семьи и социальные обязательства. Роль денег также уменьшилась к 2021 году, по сравнению с 2018 годом в 1,5 раза.

Среди молодежи 54,2% тех, кто считает, что сейчас у них хорошая жизнь,

25,5% что сейчас наихудшая жизнь и 20,3% что сейчас наилучшая жизнь. Среди респондентов среднего возраста тех, кто живет хорошо 42,2%, у кого наихудшая жизнь 45,3%, наилучшая 12,5%. Среди представителей старшего возраста: 32,2%, 54,8% и 19,2% соответственно.

Для тех, для кого более важны социальные смыслы счастья обладают более высокими оценками по категории социальной поддержки, высокой самоэффективности и низким показателем чувства одиночества. Среди старшего поколения таких 54%, среднего 62%, младшего 33%.

Для тех, для кого приоритетны гедонистические ориентиры счастья обладают формальными (не искренними) условиями социальной поддержки (сами отмечают не искренность отношений), средним или низким уровнем самоэффективности и высокими показателями по оценке уровня одиночества. Среди старшего поколения таких 14%, среднего 28%, младшего 57%.

Выводы

На примере счастья мы можем наблюдать социальную динамику. Смыслы счастья трансформируются максимально быстро, а следствием этого будет то, что и количество несчастных людей (читай: не успевающих адаптироваться к новым условиям) будет расти. С позиции социологии – сейчас конструируется новый показатель социального неравенства – уровень счастья.

Те, кто будет относиться к группе несчастных людей потенциально представляет собой рискоопасную группу в качестве дезинтегрирующего фактора социального воспроизводства.

Подвергается сомнению классическое понимания связи качества и удовлетворенности жизни от материального достатка и статуса. Люде делает счастливыми социальное взаимодействие, собственное здоровье и здоровье близких, природа, а не экономический статус или политическое развитие общества.

Молодежь более счастлива по отношению к старшим возрастным груп-

пам. Возможно, стоит говорить о наличии больших надежд на лучшую жизнь, чем у старших. Среди женщин больше счастливых, чем среди мужчин.

Те респонденты, кто более интенсивно вовлечен в виртуальное взаимодействие – чувствуют себя более счастливыми, так как могут общаться с теми, кто удален от них территориально. Хотя, надо признать, в таком взаимодействии есть формальная сторона общения, которая обесценивает его. Счастье в данном случае может измеряться количеством лайков и комментариев, а не доверительным общением. Но этот вопрос требует дополнительного изучения.

Символический анализ слов, ассоциирующихся у россиян со словом счастье выявил динамику от 2018 до 2021 года: люди стали менее счастливы, но слова, концентрирующие социальные смыслы счастья, социальную поддержку употребляются в 2021 году в два раза чаще, чем в 2018 году, а гедонистические смыслы счастья в три раза реже. Скорее всего, просоциальное поведение позволяет людям чувствовать себя более счастливыми и эмпатичными, в отличие от эгоистического поведения, способствующего самолюбованию и нарциссизму, а не счастью социальному.

Безусловно, исследование социальных измерений счастья необходимо продолжать и расширять, привлекая не только российские, но и мировые данные. Счастье – как процесс и явление может стать единственным условием социального воспроизводства общества в будущем.

Литература

1. Абрамова М.А. Визуальная репрезентация образа «счастье» как способ исследования социокультурного архетипа // Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены. 2020. № 1 (155). С. 51–87.
2. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: соци-

- альные и экономические перемены. 2020. № 1 (155). С. 14–37
3. Мереминская Е. Индекс счастья россиян упал до минимума с 2013 года // Ведомости. 2020. 30 января. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/30/821892-indeks-schastya> (Дата обращения: 20.01.2022.)
  4. Полюшкевич О.А. Идеи альтруизма и эгоизма через призму счастья // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, 2020. С. 240–243.
  5. Полюшкевич О.А. Оптимисты и пессимисты в современном мире // Социология. 2020. № 1. С. 328–340.
  6. Пружинин А.Н. Трансформация представлений о счастье // На встречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях. Материалы VII международной социологической Грушинской конференции/ Ответственный редактор А.В. Кулешова. СПб., 2017. С. 501–506.

THE SOCIAL DIMENSION OF HAPPINESS

Polyushkevich O.A.
Irkutsk State University

The article discusses the results of a study of the social dimension of happiness, which was conducted in 2018 and 2021 in the Russian Federation. The dynamics of the transformation of

the social meanings of happiness, the main indicators and associations that arise among Russians that have social and hedonistic meanings of happiness are revealed.

Keywords: happiness, social dimension, joy, empathy, prosocial behavior, interaction, selfishness, hedonism, empathy, solidarity.

References

1. Abramova M.A. Visual representation of the image of “happiness” as a way to study the socio-cultural archetype // Monitoring public opinion: social and economic changes. 2020. No. 1 (155). pp. 51–87.
2. Leontiev D.A. Happiness and subjective well-being: towards the construction of a conceptual field // Public opinion monitoring: social and economic changes. 2020. No. 1 (155). pp. 14–37
3. Mereminskaya E. The happiness index of Russians fell to a minimum since 2013 // Vedomosti. January 30, 2020 – Access mode: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/30/821892-indeks-schastya> (Date of access: 01/20/2022.)
4. Polyushkevich O.A. Ideas of altruism and egoism through the prism of happiness // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the V International Scientific and Practical Internet Conference. In 2 parts. Vologda, 2020. S. 240–243.
5. Polyushkevich O.A. Optimists and pessimists in the modern world // Sociology. 2020. No. 1. S. 328–340.
6. Pruzhinin A.N. Transformation of ideas about happiness // Towards the future. Forecasting in sociological research. Proceedings of the VII International Sociological Grushin Conference / Managing editor A.V. Kuleshova. SPb., 2017. S. 501–506.

Семейно-демографическая политика и пути повышения ее эффективности

Синельников Александр Борисович,

доктор социологических наук, профессор
кафедры социологии семьи и демографии,
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: sinalexander@yandex.ru

Автор статьи анализирует данные социологического исследования, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2018–2019 гг. По этим данным он установил, что точка зрения респондентов о важности рождения нескольких детей для нормальной семейной жизни тесно связано с их мнением о законном браке, о разводе и об отношениях между родителями и женатыми детьми. По мнению автора, недостаточная эффективность пронаталистической демографической политики в России, отчасти объясняется тем, что эта политика стимулирует только рождения детей в уже существующих семьях. Необходимо стимулировать также вступление в законный брак, предотвращать разводы и поддерживать связь между поколениями. Для того, чтобы старшее поколение могло более активно заботиться о внуках следует отметить повышение возраста выхода на пенсию для тех дедов и бабушек, которые воспитывают нескольких внуков от одного сына или от одной дочери.

Ключевые слова: семейно-демографическая политика, рождаемость, браки, разводы, отношения между поколениями, деда, бабушки, внуки, возраст выхода на пенсию.

Семейно-демографическая политика, как составная часть демографической политики. Для начала следует определить сам термин «семейно-демографическая политика» и установить, как он соотносится с терминами «семейная политика» и «демографическая политика», которые употребляются и в научной литературе, и в официальных документах в самых разных значениях [2; 3; 4; 5; 6].

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года была утверждена в 2007 г. В 2014 г. в нее были внесены некоторые изменения. В этом документе указано: «Основными задачами демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года являются:

- сокращение уровня смертности не менее чем в 1,6 раза, прежде всего в трудоспособном возрасте от внешних причин;
- сокращение уровня материнской и младенческой смертности не менее чем в 2 раза, укрепление репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков;
- сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение продолжительности активной жизни, создание условий и формирование мотивации для ведения здорового образа жизни, существенное снижение уровня заболеваемости социально значимыми и представляющими опасность для окружающих заболеваниями, улучшение качества жизни больных, страдающих хроническими заболеваниями, и инвалидов;
- повышение уровня рождаемости (увеличение суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза) за счет рождения в семьях второго ребенка и последующих детей;
- укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–511–00020 «Особенности занятости и социализации лиц пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации: компаративистский социологический анализ».

нравственных традиций семейных отношений» [15].

В 2014 г. была принята Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации. В этом документе указано: «Целями государственной семейной политики являются поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития.

Меры, предусмотренные Концепцией государственной семейной политики, определены во взаимосвязи с общественно значимыми функциями семьи – рождением, воспитанием, содержанием и социализацией детей, участием в экономической деятельности государства, сохранением физического, психологического и эмоционального здоровья ее членов, а также духовным развитием членов семьи и всего общества, сохранением и укреплением традиционных семейных ценностей. Эти меры распространяются на все семьи независимо от их состава, социально-экономического положения и социального статуса. К традиционным семейным ценностям, провозглашаемым Концепцией, относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению» [8].

Цели и задачи семейной и демографической политики отчасти совпадают друг с другом. Когда принималась Концепция демографической политики, к ее задачам, кроме упомянутых выше, относилось также и «привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического

развития» [15]. Однако позже (в 2012 и 2018 гг.) были приняты две концепции миграционной политики, которая стала рассматриваться как нечто отдельное от демографической политики.

В аспекте принятия управленческих решений это понятно – для регулирования миграции требуются принципиально иные меры, чем для повышения рождаемости и снижения смертности. Мнение некоторых демографов, в том числе А.И. Антонова и В.А. Борисова, о том, что миграция вообще не относится к числу демографических процессов [1, с. 15–17] подтверждает необходимость разграничения демографической и миграционной политики.

Однако миграция прямо влияет на изменение численности населения, а такие бесспорно демографические процессы, как брачность и разводимость, влияют на рост или убыль населения только косвенно – через рождаемость. Если считать миграцию демографическим процессом, то миграционную политику следует рассматривать, как часть демографической политики. Меры по регулированию миграции отличаются от мер по повышению рождаемости, но не больше, чем последние отличаются от мер по снижению смертности.

К сожалению, многие демографы считают политику, направленную на привлечение мигрантов, единственной реальной альтернативой политике стимулирования рождаемости, которая, по их мнению, заведомо неэффективна. Эта идея проходит красной нитью в публикациях Института демографии НИУ ВШЭ имени А.Г. Вишневого «Население России», в том числе в учебнике «Демографическая история и демографическая теория», хотя по мнению его автора сама миграция создает потенциальную угрозу для коренного населения принимающих стран [4; 5, с. 300–305].

Если миграционную политику можно рассматривать либо как часть демографической политики, либо как нечто отдельное от нее, то семейная политика в любом случае частично совпадает с демографической политикой, хотя оба эти термина трактуются неоднозначно.

В ежегодных демографических докладах Института демографии ВШЭ меры по стимулированию рождаемости с помощью льгот и пособий семьям с детьми называются мерами семейной, а не демографической политики. С другой стороны, некоторые авторы относят к мерам демографической политики любые льготы и пособия для семей с детьми, независимо от того, для чего они предоставляются – чтобы улучшить условия жизни семей с детьми (социальная цель) или чтобы повысить уровень рождаемости (демографическая цель).

В учебнике «Введение в демографию» под редакцией В.А. Ионцева и А.А. Саградова, изданном в 2002 г., демографическая политика определяется как «целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения» [3, с. 538]. В той же книге указано, что: «Термин семейная политика используется все чаще и чаще как самостоятельный термин для обозначения деятельности государственных и иных служб по созданию оптимальных условий для выполнения семьей ее функций, по социальной защите семьи, по оказанию адресной поддержки семьям определенных типов. В отличие от демографической политики семейная политика не направлена на дости-

жение каких-то определенных демографических результатов» [3, с. 540].

Ее цели носят социальный характер. Если государство предоставляет одиноким матерям и семьям, в которых есть дети-инвалиды, больше льгот и пособий, чем остальным семьям с детьми, то это не означает, что государство в данном случае ставит себе демографическую цель – увеличить число семей данных типов. Такие меры помощи семьям характерны для социальной, но не демографической политики. Если же государство оказывает приоритетную помощь многодетным семьям, то политика может иметь две цели: социальную – улучшить условия их жизни и демографическую – повысить рождаемость. Семейная и демографическая политика совпадают, т.е. проводится семейно-демографическая политика, чтобы повлиять на семейно-демографическое поведение на микроуровне и демографическую ситуацию на макроуровне (рис. 1).

Семейно-демографическое поведение – это поведение индивидов, связанное с формированием, разделением и распадом семьи и направленное на изменение либо на воспрепятствование изменению своего семейно-демографического статуса и(или) размера и демографического типа их семей и(или) домохозяйств. (В отличие от семьи, домохозяйство может состоять из одного человека).

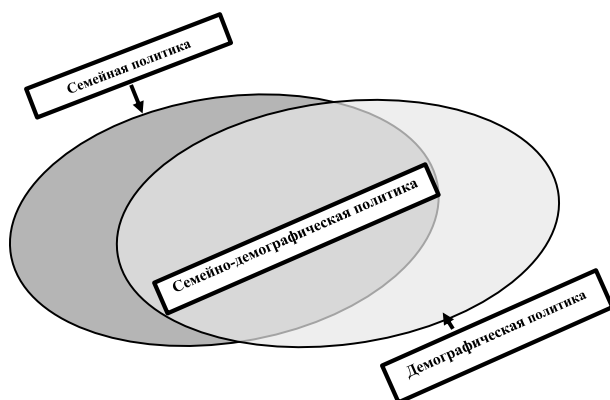

Рис. 1. Соотношение семейной, демографической и семейно-демографической политики

Семейно-демографическое поведение – это составная часть демографического поведения. Видами этого поведения являются:

- 1) Брачное поведение – это поведение, направленное на вступление в брак или на отказ от предложения вступить в брак.
- 2) Бракоразводное поведение – это поведение, направленное на расторжение брака или на сохранение семьи в ситуации, когда другой супруг требует развода.
- 3) Репродуктивное поведение – это поведение, направленное на рождение или на отказ от рождения ребенка в браке или вне брака. (К этому поведению относятся как действия, направленные на рождение детей (например, лечение от бесплодия), так и предотвращение нежелательных рождений с помощью контрацепции или абортов).
- 4) Семейно-обособительное поведение – это поведение, направленное на отделение и(или) обособление женатых и неженатых взрослых детей от родителей либо на предотвращение разделения семьи, если одни ее члены желают удержать других от этого шага.

Другие виды демографического поведения – миграционное и самосохранительное поведение (т.е. забота или отсутствие заботы о сохранении и продлении своей жизни) – не относятся к семейно-демографическому поведению.

Взаимосвязь между брачным, бракоразводным, репродуктивным и семейно-обособительным поведением. Все виды семейно-демографического поведения взаимосвязаны [10, с. 506–508; 12, с. 63–69]. Брачное поведение влияет на репродуктивное поведение, поскольку большинство людей вступают в брак (особенно если это первый брак), чтобы создать семью с детьми. Ослабление этой связи ослабляет и социальный институт семьи в целом. Но и репродуктивное поведение влияет на брачное поведение. Многие браки являются «стимулированными», т.е.

закключаются из-за беременности невесты.

Брачное поведение тесно связано с бракоразводным поведением в ситуации, когда муж уходит от жены к другой женщине или жена бросает мужа ради другого мужчины, с которым она собирается создать новую семью.

Бракоразводное поведение связано и с репродуктивным поведением в тех случаях, когда причиной развода являются расхождения между репродуктивным поведением мужа и жены, т.е. категорические возражения одного из супругов против рождения ребенка, которого очень хочет иметь другой супруг. Развод, как правило, приводит к отказу от рождения детей, т.е. к изменению репродуктивного поведения того из бывших супругов, который хотел иметь ребенка, если этот человек не вступает в повторный брак.

Брачное поведение связано с семейно-обособительным поведением, поскольку почти все супружеские пары при первой же возможности отделяются от родителей. Кроме того, люди, у которых не ладятся отношения с отцом и(или) матерью, иногда вступают в брак с единственной целью – как можно скорее уйти из родительского дома. Как правило, такие браки неудачны. После распада СССР в нашей стране постепенно утверждаются принятые в США и многих западноевропейских странах социальные нормы семейно-обособительного поведения, которые не допускают даже временного проживания супружеских пар с родителями. По данным исследования, проведенного ВЦИОМ в 2009 г., на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является совершенно необходимым для создания семьи?» респондентам разрешалось указать до трех из девяти вариантов ответа. На первом по частоте месте оказался ответ «любовь». Его дали 65% респондентов. Второе место занял ответ «жилье для отдельного проживания от родителей» (55%), а третье – «уровень доходов, позволяющий жить независимо от родителей, близких» (46%) [9]. То есть, оплата съемной квартиры ро-

дителями тоже неприемлема почти для половины респондентов. Отцы и матери не всегда одобряют выбор своих детей и могут отказать в деньгах на съем жилья. Кроме того, далеко не все родители имеют средства чтобы снять квартиру для сына или дочери.

Для российского общества, значительная часть которого не имеет финансовых возможностей, чтобы обзавестись собственным жильем, эта норма явно преждевременна. Мужчинам и женщинам, которые не имеют средств для того, чтобы построить, купить или хотя бы арендовать отдельный дом или квартиру, приходится надолго откладывать вступление как в законный, так и в «гражданский» брак и, соответственно, рождение детей. Если эти средства у них так и не появляются, они могут навсегда остаться безбрачными и бездетными. Расчеты по данным Росстата показывают, что за 1989–2020 гг. средний возраст у женихов и невест при вступлении в первый брак и у матерей при рождении первого ребенка увеличился на четыре года, а число первых браков и первых рождений уменьшилось в два раза.

Бракоразводное поведение тоже связано с семейно-обособительным поведением, особенно если последнее не достигает своей цели, т.е. обособиться не удается. Вынужденное совместное проживание с родителями часто сопровождается конфликтами не только между ними и молодыми супругами, но и внутри самой молодой пары. Если один из супругов становится на сторону своих родителей, то это с высокой вероятностью может привести к разводу.

Однако и отделение от родителей нередко создает сложные проблемы, особенно в семьях с маленькими детьми. Жена, не получая помощи от своей матери или свекрови ни в уходе за ребенком, ни в ведении домашнего хозяйства, требует этой помощи от мужа. Если он недостаточно помогает ей, это может стать причиной для конфликта в семье и даже для ее распада.

Репродуктивное поведение связано также и с семейно-обособительным по-

ведением. Супруги, принимая решение о рождении ребенка, часто надеются на помощь родителей. Если они отделяются от родительской семьи и живут далеко от нее, помощь маловероятна. Это может привести к отказу от рождения детей, особенно если в семье уже есть хотя бы один ребенок.

Из-за повышения возраста выхода на пенсию многие семьи уже не смогут рассчитывать на помощь бабушек в уходе за вторыми и третьими детьми. Число рождений данных очередностей может уменьшиться, а от них во многом зависит уровень замещения поколений. Большинство первенцев рождается до достижения их бабушками пенсионного возраста.

Все виды семейно-демографического поведения не только влияют друг на друга, но и зависят от одного и того же фактора – индивидуализма, т.е. стремления индивидов к независимости от членов семьи и других родственников (Рис. 2). Крайний индивидуализм и эгоизм приводят к отказу от вступления в зарегистрированный брак (либо к его расторжению), к замене брака сожительством, к решению иметь только одного ребенка либо вообще не иметь детей, к уходу из родительского дома без намерения создать свою семью, к разрыву отношений со старшим поколением и отсутствию заботы о пожилых и больных родителях. В итоге все это может привести к исчезновению семьи, как социального института.

При анализе данных исследования «Семейно-детный образ жизни», проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ в 2018–2019 гг. и охватившего 2489 респондентов [16], проверялась гипотеза о связи репродуктивного поведения с брачным, бракоразводным и семейно-обособительным поведением по ответам на блок вопросов: «Ниже перечислены некоторые признаки семьи. Насколько каждый из них важен, с вашей точки зрения, для нормального семейного образа жизни?» Варианты ответа: «очень важен», «не очень важен», «совсем не важен».

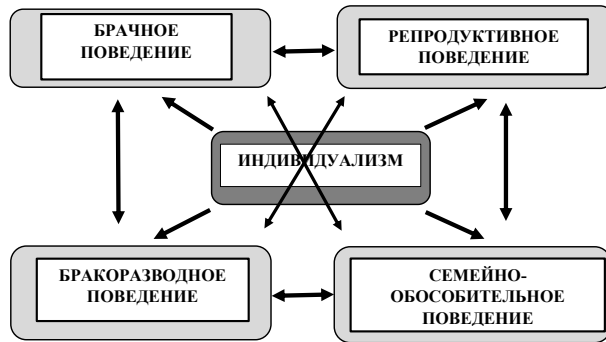

Рис. 2. Взаимосвязь между разными видами семейно-демографического поведения

Одобряемый респондентами тип репродуктивного поведения выделен по их отношению к признаку семейного образа жизни «иметь нескольких детей». 54% опрошенных считают этот признак

очень важным, для 35% он не очень важен, а для 10% совсем не важен, 1% – затруднились ответить [16, с. 49] (рис. 3).

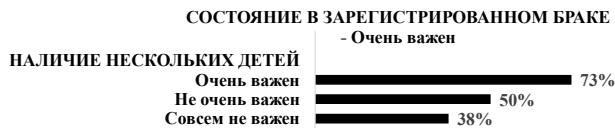

Рис. 3. Доля считающих «состояние в зарегистрированном браке» очень важным признаком нормального семейного образа жизни в% к числу респондентов, признающих или не признающих наличие нескольких детей в качестве того же признака, данные СеДОЖ-2019

Среди людей, по мнению которых для нормальной семейной жизни очень важно иметь несколько детей, три четверти (73%) считают, что для этого столь же важно также и состоять в зарегистрированном браке. А среди тех респондентов, которые вообще не увязывают нормальную семейную жизнь с наличием нескольких детей, лишь немногим более трети (38%) придают очень важное значение законному браку. Это подтверждает тесную прямую связь между брачным и репродуктивным поведением.

Связь же между репродуктивным и бракоразводным поведением оказала

обратной. К сожалению, даже среди респондентов, считающих наличие нескольких детей очень важным признаком нормальной семейной жизни, две трети (66%) считают, что и при наличии детей муж имеет моральное право на развод с женой, которую он разлюбил (Рис. 3), а 69% признают, что такое право имеет жена, разлюбившая мужа (Рис. 4).

Любая семья с детьми может быть разрушена тем из супругов, у кого «любовь прошла», даже если другой ни в чем не виноват.

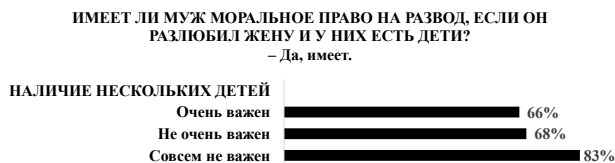
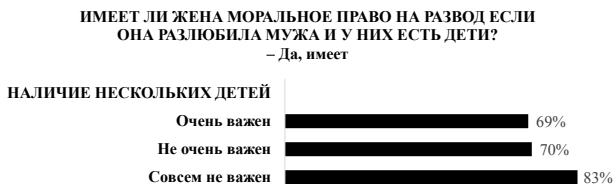

Рис. 4. Доля считающих, что муж имеет моральное право на развод, если он разлюбил жену, но у них есть дети, в% к числу респондентов, признающих или не признающих наличие нескольких детей очень важным признаком нормального семейного образа жизни, данные СеДОЖ-2019

Однако респонденты, которые вообще не считают наличие нескольких детей важным признаком нормальной семейной жизни, еще больше одобряют столь эгоистичное бракоразвод-

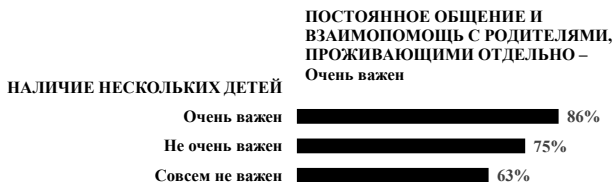
ное поведение. Почти все из них (83%) признают, что муж имеет право на это (рис. 3), и столько же – что такое право есть у жены (рис. 5).

Рис. 5. Доля считающих, что жена имеет моральное право на развод, если она разлюбила мужа, но у них есть дети, в% к числу респондентов, признающих или не признающих наличие нескольких детей очень важным признаком нормального семейного образа жизни, данные СеДОЖ-2019

Семейно-обособительное поведение проявляется не только в стремлении почти всех женатых и многих не-

женатых взрослых детей жить отдельно от родителей, но и в характере отношений с ними после отделения (рис. 6).

Рис. 6. Доля считающих «Постоянное общение и взаимопомощь с родителями, проживающими отдельно» очень важным признаком нормального семейного образа жизни, в% к числу респондентов, признающих или не признающих наличие нескольких детей в качестве того же признака, по данным СеДОЖ-2019

Но на практике в нашей стране государство пытается воздействовать лишь на репродуктивное поведение, чтобы повысить рождаемость. Недоучет тесной связи репродуктивного поведения с другими видами семейно-демографического поведения является одной из основных причин недостаточной эффективности мер по стимулированию рождаемости.

Необходимость перехода к научно-обоснованной комплексной семейно-демографической политике. Семейно-демографическая политика в нашей стране, как и во многих других государствах, основана главным образом на соображениях здравого смысла, а конкретные меры по стимулированию рождаемости – на так называемой «концепции помех к рождению детей». Логика здесь очень простая – ожидается, что чем больше льгот и пособий бу-

дет предоставляться семьям при рождении детей той или иной очередности, тем выше поднимется рождаемость. Но такие меры могут стимулировать рождение детей лишь в тех семьях, которые имеют меньше детей, чем желают иметь, и лишь в тех случаях, когда это несоответствие объясняется устраняемыми помехами к рождению детей, т.е. материальными и жилищными проблемами, а также трудностями совмещения ухода и присмотра за детьми с работой их матерей вне дома.

Увеличение пособий на детей, предоставление матерям, имеющим маленьких детей, частично оплачиваемого отпуска с сохранением рабочего места, право на материнский капитал и т.п. – все это может в лучшем случае повысить фактическое итоговое число рожденных детей до желаемого числа, но на само желаемое число не влияет.

Однако по данным опросов Росстата и других социологических исследований среднее желаемое число детей значительно ниже уровня простого замещения поколений.

«Концепция помах к рождению детей» основана лишь на житейской логике и не подтверждается данными социологических исследований. Семейно-демографическая политика должна базироваться на научных концепциях, объясняющих закономерности трансформации семейно-демографического поведения и возможности воздействия на него. Таких концепций всего две. Это теория демографического перехода (в основе которой лежит модернизационная парадигма) и концепция институционального кризиса семьи (соответственно, кризисная парадигма).

Согласно модернизационной парадигме, на которой основана теория демографического перехода, все изменения в социальном институте семьи, включая падение рождаемости ниже уровня простого замещения поколений являются прогрессивными, позитивными и необратимыми, а любые попытки повысить рождаемость хотя бы до этого уровня обречены на неудачу, поскольку они противоречат объективным закономерностям развития общества и нарушают права свободной личности на социально приемлемый выбор любого жизненного пути, включая добровольную бездетность.

К сожалению, весьма популярно мнение о том, что повысить рождаемость до уровня простого замещения поколений невозможно, потому что большинство семей в настоящее время не желают иметь больше одного или двух детей, а все попытки стимулировать подъем рождаемости до этого уровня с помощью различных льгот и пособий не достигли своей цели или имели лишь частичный и временный эффект. Сторонники этой точки зрения считают, что только миграционный природу может компенсировать естественную убыль населения [5, с. 102].

Мнение о невозможности эффективного стимулирования рождаемости

основано на идее приоритета права личности над интересами государства и общества. Если большинство людей хотят иметь только одного или двух детей, а многие вообще не желают иметь ни одного ребенка, то это их право и ничего с этим не поделаешь.

Но если государство не может проводить эффективную политику по стимулированию рождаемости, потому что эта политика не встречает поддержку со стороны основной массы населения, то может ли оно проводить миграционную политику в условиях, когда подавляющее большинство населения возражает против переселения в страну больших масс иммигрантов? [13].

По данным девятого раунда Европейского социального исследования, проведенного в 2018 г., респонденты, считающие что в их страны можно допускать много иммигрантов даже той же расы и национальности, что и большинство населения, повсеместно составляют меньшинство – от 7% в Чехии до 44% в Германии (в России – 29%). Доля респондентов, согласных на переселение в их страны множества иммигрантов из бедных неевропейских стран, значительно ниже – от 1% в Венгрии (!) до 26% в Норвегии (в России – 10%) [11, с. 151–152]. Тем не менее, богатые страны Западной Европы принимают большие массы иммигрантов из неевропейских стран, несмотря на сильные антииммигрантские настроения в обществе.

Компенсация естественной убыли населения за счет иммиграции из неевропейских стран с более высокой рождаемостью лишь временно «решает» проблему уменьшения численности населения. Конфликты между этнически «инокультурными» иммигрантами и коренными жителями, особенно в Западной Европе, носят столь острый характер, что иммиграция становится лекарством, которое хуже болезни. Кроме того, рождаемость снижается и в тех странах, откуда приезжают мигранты. Когда депопуляция охватит весь мир, никакая миграция от этого не спасет. [7, с. 262–271].

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г., указано:

«Основным источником восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. Миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем» [14].

До сих пор почти все меры семейно-демографической политики, имеющие какой-либо реальный эффект, направлены только на стимулирование рождения детей в уже существующих семьях, но не на создание новых семей путем вступления в законный брак и даже не на сохранение тех семей, которые уже есть. Поэтому данная политика имеет очень ограниченный эффект. Чтобы повысить ее эффективность необходимо стимулировать вступление в законный брак. Для этого следует давать молодым супругам кредиты, которые могут частично погашаться при рождении первого и второго ребенка и полностью – при появлении на свет третьего. Если же детей не будет, кредит придется возвращать с процентами. Следует ввести в Семейный кодекс поправку о необходимости заключения при регистрации брака договора о совместной или раздельной собственности супругов. Сейчас большинство новобрачных не заключают договор, потому что боятся оттолкнуть недоверием другую сторону. Этого не будет, если брачный договор станет обязательным. Нередко пары живут вместе без регистрации брака, потому что не верят в прочность отношений и боятся потерять квартиру в случае развода. Надо устранить повод для этих опасений.

Необходимо изменить правила расторжения брака. Если один из супругов требует развода без согласия другой стороны, но не докажет, в чем виновата эта сторона, то инициатор развода сам

должен считаться виновным в распаде семьи. Это следует учитывать при судебных тяжбах между супругами о разделе имущества, а также о том, с кем останутся дети.

Государство рассматривает семьи, которым оно помогает, как полностью нуклеарные, т.е. обособленные во всех отношениях семьи, без учета их тесных родственных связей со старшим поколением. Но и в нуклеарных семьях помощь обычно предоставляется не всем их членам, а только матерям и детям. Наиболее весомая часть этой помощи официально именуется материнским (семейным) капиталом, но люди редко обращают внимание на то, что написано в скобках, и правильно называют его просто «материнским», так как распоряжаться им могут только матери.

То есть, государство относится к семьям, которым оно помогает, как к неполным семьям, даже если в них есть отцы. Это снижает и без того невысокий авторитет мужчин в семье и обществе. Чтобы поднять его, надо переименовать капитал в семейный, а списание средств со счета, на котором он хранится, производить по совместному заявлению обоих родителей, если ребенок рожден в браке и этот брак не был расторгнут.

Нередко молодым парам не дают ипотечный кредит из-за низких доходов, а их родителям отказывают в кредите из-за возраста. Проблему можно решить через родственно-обменное ипотечное кредитование, т.е. давать кредит родителям, а потом переоформлять его на детей, когда их доходы повысятся.

Повышение пенсионного возраста может негативно повлиять на число рождений вторых и последующих детей, от которых во многом зависит степень замещения поколений, т.е. рост или убыль населения. Они часто рождаются в то время, когда их бабушкам от 55 до 59 лет. Надо разрешить дедам и бабушкам, ухаживающим за двумя и более внуками от одного сына или одной дочери, выходить на пенсию со-

ответственно в 60 или 55 лет либо еще раньше.

Следует расширить категории населения, так или иначе затрагиваемые мерами семейно-демографической политики. Это должны быть не только уже существующие, но и будущие семьи, не только матери с детьми, но и отцы, а в определенных ситуациях также деды и бабушки детей. В этом случае семейно-демографическая политика может стать намного более эффективной.

Литература

1. Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М.: Академический проект, 2011. – 592 с.
2. Антонов А.И. Цели активной семейно-демографической политики в связи с тенденциями динамики населения РФ // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 211, № 3. С. 264–274.
3. Введение в демографию // Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2003. – 629 с.
4. Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 368 с.
5. Вишневский А.Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 93–104. – <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/6820/6859> (дата обращения 12.02.2022).
6. Исупова О.Г. Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 51–83. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11636>.
7. Клупт М.А. Демография регионов Земли. СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
8. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации // Российская газета. 29 августа 2014 г. – URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения: 12.02.2022)
9. Любовь, деньги или жилье – без чего не построить крепкую семью? Аналитический обзор ВЦИОМ. 08 июля 2009. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lyubov-dengi-ili-zhile-bez-chego-ne-postroit-krpkuuyu-semyu> (дата обращения 12.02.2022).
10. Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования: монография /А.И. Антонов, А.Б. Синельников, Е.Н. Новоселова [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 540 с.
11. Синельников А.Б. Влияние демографической саморегуляции на воспроизводство и миграцию населения // Социология. 2020. № 4. С. 151–152. URL: <http://soziologi.ru/archive/> (дата обращения 12.02.2022).
12. Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. Учебное пособие. М.: КДУ, 2008. – 320 с.
13. Синельников А.Б. Что более приемлемо для населения – стимулирование рождаемости или приток иммигрантов? // Демографические исследования: сборник / отв. редактор А.И. Антонов. М.: КДУ, 2009. – С. 179–191.
14. Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения 12.02.2022).
15. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 01.07.2014 г. N 483) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения 12.02.2022).

16. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / под. ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2020. – 486 с. – 3,1 Мб. (Электронное издание сетевого распространения). http://socio.msu.ru/documents/20200127_otchet.pdf (дата обращения 12.02.2022)

FAMILY-DEMOGRAPHIC POLICY AND WAYS TO IMPROVE ITS EFFECTIVENESS

Sinelnikov A.B.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The author of the article analyzes the data of a sociological study conducted by the Department of Family Sociology and Demography of the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University in 2018–2019. According to these data, he found that the respondents' point of view about the importance of having several children for a normal family life is closely related to their opinion about legal marriage, about divorce and about the relationship between parents and married children. According to the author, the insufficient effectiveness of the pronatalist demographic policy in Russia is partly explained by the fact that this policy only encourages the birth of children in existing families. It is also necessary to encourage legal marriage, prevent divorce and maintain communication between generations. In order for the older generation to take more active care of grandchildren, it is necessary to cancel the increase in the retirement age for those grandfathers and grandmothers who raise several grandchildren from one son or from one daughter.

Keywords: family and demographic policy, birth rate, marriages, divorces, relations between generations, grandfathers, grandmothers, grandchildren, retirement age.

References

1. Antonov A.I., Borisov V.A. Lectures on demography. M.: Academic project, 2011. – 592 p.
2. Antonov A.I. Goals of an active family and demographic policy in connection with trends in the dynamics of the population of the Russian Federation // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2018. V. 211, No. 3. S. 264–274.
3. Introduction to demography // Ed. V.A. Iontseva, A.A. Sagradova. – M.: Faculty of Economics of Moscow State University, TEIS, 2003. – 629 p.
4. Vishnevsky A.G. Demographic history and demographic theory: a course of lectures. M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2019. – 368 p.
5. Vishnevsky A.G. Demographic transition and the problem of demographic self-regulation. Answer A.B. Sinelnikov // Sociological journal. 2019. Volume 25. No. 4. S. 93–104. – <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/6820/6859> (Accessed on February 12, 2022).
6. Isupova O.G. Demographic and family policy in different countries: conceptual approaches and practices // Demographic Review. 2020. V. 7, No. 3. S. 51–83. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11636>.
7. Klupt M.A. Demographics of the regions of the Earth. St. Petersburg: Piter, 2008. – 352 p.
8. The concept of state family policy in the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. August 29, 2014 – URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (Accessed on February 12, 2022).
9. Love, money or housing – without which you can't build a strong family? Analytical review of VTsIOM. July 08, 2009. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lyubov-dengi-ili-zhile-bez-chego-nejpostroit-krepkuyu-semyu> (Accessed on February 12, 2022).
10. Family and child lifestyle: the results of sociological and demographic research: monograph / A.I. Antonov, A.B. Sinelnikov, E.N. Novoselova [i dr.]. – M.: INFRA-M, 2018. – 540 p.
11. Sinelnikov A.B. The influence of demographic self-regulation on the reproduction and migration of the population // Sociology. 2020. No. 4. Pp. 149–164. URL: <http://sociologi.ru/archive/> (Accessed on February 12, 2022).
12. Sinelnikov A.B. Transformation of the family and development of society. Tutorial. M.: KDU, 2008. – 320 p.
13. Sinelnikov A.B. What is more acceptable for the population – the stimulation of the birth rate or the influx of immigrants? // Demographic research: collection / otv. editor A.I. Antonov. M.: KDU, 2009. – Pp. 179–191.

14. Decree «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (Accessed on February 12, 2022).
15. Decree of the President of the Russian Federation of 09.10.2007 No. 1351 “On approval of the Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025”. (As amended by Decree of the President of the Russian Federation No. 483 of July 1, 2014) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (Accessed on February 12, 2022).
16. The family-child lifestyle values (SeDOJ-2019): an analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study: Moscow, MSU, Faculty of Sociology / under general editorship of Antonov A.I. – M.: MAKS Press, 2020. – 486 p. – 3,1 Mb. (Electronic edition of network distribution). http://socio.msu.ru/documents/20200127_otchet.pdf (Accessed on February 12, 2022).

Статус спортсмена как фактор социальной адаптации в студенческой группе

Стоянов Александр Сергеевич,

доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Академия гражданской защиты МЧС России
E-mail: stoianoff@mail.ru

Калинкина Лолита Васильевна,

студент, Академия гражданской защиты МЧС России
E-mail: lolaafins@mail.ru

в новом коллективе благодаря достигнутому статусу и полученным в результате этого навыкам.

Ключевые слова: социальная адаптация, студенческая группа, статус спортсмена, коллектив, социологическое исследование.

Актуальность темы исследования обусловлена, с одной стороны, важностью процесса социальной адаптации спортсмена в студенческой группе. С другой стороны, возможностью трансляции положительных сторон этого процесса на другие категории студентов, составляющих до 80% контингента, для которых главной проблемой начала студенческой жизни является правильная адаптация в студенческой группе. **Проблема** влияния статуса спортсмена на социальную адаптацию в студенческой группе обусловлена процессом, который можно охарактеризовать повышенными требованиями к режиму спортсменов, усвоение ими знаний в короткий срок, требовательностью к себе, самостоятельностью и их дисциплинированностью.

На основе исследования, которое выполнялось **методом** анкетирования студентов-спортсменов, проанализирована зависимость процесса социальной адаптации от различных аспектов их статуса. В **результате** исследования выявлено, что статус спортсмена существенно влияет на скорость и успешность социальной адаптации в студенческой группе. Наиболее значимые её проявления у спортсменов: умение быстро находить общий язык с людьми (37,7%), дисциплина и организованность (36,7%), воспитанность (35,3%), а также чувство уверенности в своих действиях и в своих знаниях, мыслях (33,3%).

Также более половины (55%) спортсменов достаточно быстро (около недели и менее) освоились в новом коллективе и нашли общий язык с одноклассниками (62,4%). 63,8% опрошенных считают, что большинство одноклассников (от 50 до 100%) отреагировали положительно на их статус спортсмена. Кроме того, выявлено, что 35,3% опрошенных нашли общий язык с одноклассниками в течение дня.

Выводы. Подтверждено то, что спортсмен успешно адаптируется и социализируется

Введение

В наше время вопрос социальной адаптации до сих пор остаётся актуальным. Усвоение социальных норм, ценностей и стандартов поведения обычно происходит в подростковом возрасте. Именно в этот период формируются навыки общения (Дербенев, 1997: 142). Рассматривая адаптацию студентов в вузе, исследования показывают, что успешность профессиональной адаптации зависит от личностных особенностей студента (Елгина, 2010: 164).

Объектом исследования является социальная адаптация спортсмена в студенческой группе.

Предметом исследования являются статус спортсмена как фактор социальной адаптации в студенческой группе.

Цель исследования: изучить влияние статуса спортсмена на социальную адаптацию в студенческой группе.

Основные задачи исследования:

- выявить, использует ли спортсмен свой статус при социальной адаптации в коллективе;
- выяснить, что даёт статус спортсмена вне спорта;
- выяснить, наиболее влиятельные факторы статуса спортсмена в социальной адаптации в студенческой группе;
- выяснить, какую роль в социальной адаптации спортсмена играет студенческий коллектив.

Гипотезы

Статус спортсмена влияет на скорость социальной адаптации в студенческой группе.

Статус спортсмена влияет на успешность социальной адаптации в студенческой группе.

В процессе становления личности молодого специалиста в ВУЗе основным объективным показателем успешности является его успеваемость (Стоянов, Шестопалова, 2021). Также тесно переплетаются в этом процессе учебная и спортивная деятельность. Исходя из анализа научной литературы, учёные (Абдурасулов, 2009; Горская, 2016;

Гулин, Красичков, 2009; Речкалов, Смелышева, Пшеничникова, 2006; Ушаков, Фалькова, 2018; Шевченко Е.В. и др., 2017; Рубчевский, 2003; Ryskin, 2019) рассматривали разные аспекты данной темы, но не затрагивали взаимодействие таких факторов, как статус спортсмена и его социальная адаптация.

В спорте ярко проявляется стремление человека расширить границы своих возможностей, это огромный мир эмоций, порождаемых успехами и неудачами, действенное средство воспитания и самовоспитания человека. В нем присутствует самый сложный процесс межличностных отношений (Карева, Курочкина, Сугутов, 2016: 36–37). В то же время специалисты отмечают, что приверженность спорту может оставлять мало времени и энергии для участия в деятельности, не связанной со спортом (Wendling, Sagas, 2020). В дополнение к бремени, с которым сталкивается большинство студентов, университетские спортсмены должны уделять значительное количество времени совершенствованию своих спортивных способностей (Lopes Dos Santos et al., 2020).

Скорость и успешность являются немаловажными аспектами адаптации. Большое значение на сроки адаптации к обучению в вузе оказывает удалённость их основного места жительства от образовательного учреждения, отношения в семье, товарищи, обучающиеся на одном курсе или других факультетах (Волков, 2016: 52).

В научной литературе данные свидетельствуют о том, что студенты, имеющие уровень физкультурно-спортивной подготовленности выше по сравнению с другими, быстрее и лучше адаптируются к процессу обучения. Связано это с тем, что достижение более высокого уровня физкультурно-спортивной подготовленности обусловлено прошлым тренировочным процессом, который можно охарактеризовать повышенными требованиями к самостоятельному режиму, усвоение им знаний школьной программы в короткие сроки, требовательностью к себе, самостоятельно-

стью и дисциплинированностью. От общего числа абитуриентов подобная группа студентов невелика и составляет 20–25% (Волков, 2016: 53).

Помимо хорошей планировки времени, одно из самых важных и бесспорных преимуществ у спортсмена – это более развитые коммуникативные навыки, чем у человека, не имеющего опыта взаимодействия в спортивной команде. Умение работать под руководством тренера, оптимизировать отношения с другими членами спортивной команды, быть нацеленным на общий успех в игре помогают спортсмену построить позитивные межличностные связи в новом коллективе. Огромное значение этого умения заключается в том, что молодому специалисту приходится профессионально адаптироваться не изолированно со своими навыками и умениями, а именно в новой для них социальной группе. Расширенный круг общения спортсмена помогает ему различать психологические особенности разных людей, видеть их самооценку и уровень притязаний, строить с ними максимально продуктивные взаимоотношения (Карева, Курочкина, Сугутов, 2016: 37–38).

Спорт, командное сотрудничество, формируют чувство личной ответственности и участия в совместных достижениях. На спортсмена также может в значительной степени влиять его социальная среда (например, товарищи по команде), а в наши дни и платформы различных социальных сетей (Wasserfurth et al., 2020).

Стоит обратить внимание на взаимоотношения спортсмена в коллективе. Каждый человек, являясь субъектом межличностных взаимоотношений, которые определяются как субъективно переживаемые связи и отношения между людьми, как система межличностных установок, ориентаций, ожиданий (Стоянов, Адаева, 2021; Стоянов, Пеканова, 2021), определяемых содержанием совместной деятельности людей и их общения, оказывается включённым в различные социальные образования, в том числе, в малые социальные группы.

Взаимоотношения в малых социальных группах оказывают влияние на эффективность совместной деятельности, характер протекания процесса общения, характеризуются избирательностью, эмоциональной окрашенностью (Дроздова, Капитанова, 2014: 2).

Одной из важных характеристик межличностного взаимодействия является положение личности в группе или статус, обозначающий позицию человека в системе межличностных отношений и меру его «психологической приемлемости» членами группы. Его можно считать достаточно объективным показателем успешности коммуникативной деятельности личности в качестве интегрального понятия, включающего как объективные параметры, такие как положение личности во внутригрупповой структуре, так и субъективное отражение своего положения, отрефлексированное в разной степени (Дроздова, Капитанова, 2014: 2). Таким образом, статус рассматривается как положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его, в том числе неформальные, права, обязанности и определённые привилегии в группе.

Особенно значимым для студентов является неформальное общение, которое оптимизирует эмоциональное состояние личности, даёт поддержку в трудных жизненных ситуациях. Ярко выражена потребность в признании, в самоуважении, самопринятии (Дроздова, Капитанова, 2014: 4).

Помимо статуса личности, обратим внимание на статус спортсмена, который тоже, несомненно, будет влиять на социальную адаптацию в ВУЗе. Благодаря позитивной адаптации к невзгодам и стрессам на спортивной арене спортсмены могут развивать свою способность эффективно реагировать на негативные стимулы, что в конечном итоге приводит к личностному росту (McManama O'Brien, 2021).

Все вышеперечисленные качества, особенности поведения спортсмена в социуме обязательно отражаются на процессе социализации его в коллективе. Студенческая группа – это

тот же самый социальный коллектив, который имеет свои правила, установки и ценности. Спортсмен обладает хорошей коммуникацией, дисциплиной и выдержкой, поэтому социальная адаптация в студенческой группе может проходить без каких-либо серьезных трудностей, по сравнению со студентами без физкультурно-спортивного опыта.

Методология и методы

Социологическое исследование носило пилотный характер и может быть в дальнейшем использовано как основа для более глубоких и репрезентативных исследований. Исследование выполнено на доступной выборке, что имеет свои недостатки. Данные получены методом анкетирования. Были опрошены только спортсмены, которые обучаются или ранее обучались в ВУЗе, отобранные в случайном порядке. Анкетирование проводилось в ноябре 2021 года с помощью рассылки через Google-формы, при ответах сохранялся принцип анонимности. Анкета состояла из 40 вопросов. Количество опрошенных составило 207 человек, при 90% доверительной вероятности и доверительном интервале 5,58%.

Опрос проведён среди женщин (33,8%) и мужчин (66,2%), обучающихся и работающих в Академии гражданской защиты МЧС России, преимущественно в возрасте от 17 до 19 лет (44,4%), от 20 до 22 лет – 39,1%, от 23 до 25 лет – 9,2%, от 26 до 30 лет – 3,9%, от 31 до 35 лет – 0,5%, от 36 до 40 – 1,4%, от 41 до 45 лет – 1,4%.

Подавляющая часть участвующих в опросе – студенты (82,1%), работающих оказалось – 15,5%, другое – 2,4%. Среди опрошенных холосты/не замужем – 90,3%, женаты/замужем – 9,7%, без детей 92,3%, с детьми – 7,7%. Большая часть (41,5%) респондентов получает ежемесячный доход на каждого члена семьи свыше 50 тыс. руб. 30–50 тыс. – 23,7%, 20–30 тыс. – 15%. Доход 10–15 тыс. у 9,2% опрошенных. 16–20 тыс. среди респондентов имеют в качестве дохода всего 5,3%, а до 10 тыс. получают также оставшиеся 5,3%.

Большинство респондентов (23,2%) учатся на первом курсе обучения. На втором – 18,4%, на третьем – 17,9%, на четвёртом – 18,4% и на пятом – 8,7%. На бюджетной основе – 52,2%, на платной – 47,8%. Следует также отметить, что опрос проходили респонденты, которые на данный момент не учатся, таковых – 13,5%.

Результаты проведённого анкетирования приведены ниже.

Научные результаты и дискуссия

На вопрос: «В каком возрасте Вы пришли в спорт?» ответы респондентов распределились следующим образом: в возрасте от 3 до 5 лет – 21,3% опрошенных, 40,1% – от 6 до 9 лет, от 10 до 15 лет – 27,5% респондентов, в возрасте от 16 до 18 лет – 8,2%, после 18 лет – 2,9% опрошенных.

Социальный возраст характеризуется отношением социального статуса и уровня достижений человека со статусом и уровнем достижений большинства его ровесников. К примеру, спортсмен, пришедший в спорт в достаточно зрелом возрасте, социально моложе своих товарищей по команде, уже имеющих тренировочный опыт, спортивные разряды и титулы, тем самым это оказывает большое влияние на адаптацию респондентов. Таким образом, мы можем отметить, что большая часть опрошенных респондентов (61,4%) начала заниматься спортом в раннем возрасте, то есть они имеют больше опыта взаимодействия в команде.

На вопрос «Каким видом спорта Вы занимались / занимаетесь?» (см. Табл. 1) респонденты ответили следующим образом.

Таблица 1. Каким видом спорта Вы занимались / занимаетесь (несколько вариантов ответов)?

Варианты ответа / Response options	Ответы респондентов (кол-во/%) / Respondents' answers (qty/%)	
Футбол / Football	81	39,1%
Боевые виды спорта / Fighting sports	68	32,9%

Окончание

Варианты ответа / Response options	Ответы респондентов (кол-во/%) / Respondents' answers (qty/%)	
Плавание / Swimming	49	23,7%
Волейбол / Volleyball	38	18,4%
Танцевальные виды спорта / Dance sports	34	16,4%
Баскетбол / Basketball	32	15,5%
Силовые виды спорта / Strength sports	30	14,5%
Легкая атлетика / Athletics	25	12,1%
Зимние виды спорта / Winter sports	16	7,7%
Экстремальные виды спорта / Extreme sports	15	7,2%
Художественная гимнастика / Rhythmic gymnastics	15	7,2%
Теннис / Tennis	14	6,8%
Йога / Yoga	13	6,3%
Интеллектуальные виды спорта / Mind sports	11	5,3%
Спортивная гимнастика / Sports gymnastics	10	4,8%
Гандбол / Handball	6	2,9%
Спортивная акробатика / Sports acrobatics	5	2,4%

Многие из опрошенных (см. Табл. 1) занимаются (–лись) командными видами спорта: футболом – 39,1%, 18,4% – волейболом, 15,5% – баскетболом и так далее. За ними следуют боевые виды спорта (32,9%). 16,4% респондентов выбрали для себя танцевальные виды спорта. Как показывает практика, именно командные виды спорта максимально способствуют адаптации в студенческой группе (Карева, Курочкина, Сугутов, 2016), что и будет показано в дальнейшем.

Отвечая на вопрос «Отметьте положительное влияние спорта на Вас? (несколько вариантов ответа)» радует, что 82,6% опрошенных указывают на то, что спорт способствует здоровому образу жизни. 60,4% – отмечают укрепление духа и воли, 55,1% укрепляют с помощью спорта дружеские связи. 54,6% респондентов рассматривают спорт как

фактор снятия стресса, 41,1% опрошенных указывают на содействие росту внутренней культуры человека.

Далее респондентам предлагалось «Отметить негативное влияние спорта (несколько вариантов ответа)». Травмы оказались наиболее распространённым ответом среди опрошенных (76,3%). Такое негативное влияние, как стресс отметили 23,7% участников анкетирования, 4,8% – разрушение психики. Спорт негативно не влиял только на 9,5% опрашиваемых.

Таким образом, несмотря на существенную травмоопасность (76,3%), спорт воспитывает и формирует много позитивных качеств, которые впоследствии положительно сказываются на социальной адаптации спортсмена в любом коллективе: дух и воля (60,4%), дружба (55,1%), внутренняя культура (41,1%)

Распределение ответов на вопрос «Сколько полных лет Вы занимались спортом?» следующее: 0–1 год – 4,3%, 1–3 лет – 19,8%, 4–6 лет – 20,8%, 7–9 лет – 20,8%, 10–13 лет – 26,1%, 14–15 лет – 3,4%, более 15 лет – 4,8%. Данные ответы участников позволяют нам понять, какую роль в жизни респондентов играл спорт. Наибольшее количество ответивших (46,9%) занимались спортом от 7 до 13 лет, то есть он имел большое значение в их жизни. Это значит, что респонденты имеют достаточно большой опыт построения взаимодействия в команде или с теми, кто занимался с ними на протяжении долгих лет в одном спортивном зале.

Отвечая на вопрос «Что больше всего Вам нравится в ВУЗе?» (см. Табл. 2), ответы опрошенных распределились следующим образом.

Таблица 2. Что больше всего Вам нравится в ВУЗе (несколько вариантов ответов)?

Варианты ответа / Response options	Ответы респондентов (кол-во/%) / Respondents' answers (qty/%)	
Новые знакомства / New acquaintances	123	59,4%

Окончание

Варианты ответа / Response options	Ответы респондентов (кол-во/%) / Respondents' answers (qty/%)	
Учиться / Study	121	58,5%
Заниматься спортивной деятельностью / Engage in sporting activities	63	30,4%
Столовая или кафе / Canteen or cafe	59	28,5%
Заниматься творческой деятельностью / Engage in creative activities	48	23,2%
Возможность работать / Ability to work	30	14,5%
Появление второй половинки / The emergence of the other half	29	14,0%
Заниматься научной деятельностью / Engage in scientific activities	26	12,6%
Ничего не нравится / Don't like anything	16	7,7%
Другое / Other	5	2,4%

Мы выявили (см. Табл. 2), что наибольшему количеству респондентов нравится в ВУЗе заводить новые знакомства (59,4%) и учиться (58,5%). Следовательно, спортсмены открыты для нового общения, для новых дружеских связей, любят контактировать с людьми. «Одно из самых важных и бесспорных преимуществ у спортсмена – это более развитые коммуникативные навыки, чем у человека, не имеющего опыта взаимодействия в спортивной команде. ...Расширенный круг общения спортсмена помогает ему различать психологические особенности разных людей, видеть их самооценку и уровень притязаний, строить с ними максимально продуктивные взаимоотношения» (Карева, Курочкина, Сугутов, 2016: 37–38).

Отвечая на вопрос «Какие награды Вы получали, когда вели / ведёте активную спортивную деятельность?» (см. Табл. 3), респонденты отметили, что получали различные награды, это значит, что они действительно вели, либо продолжают вести активную спортив-

ную деятельность. Другими словами, статус спортсмена у участников анкетирования подтверждался год за годом на протяжении многих лет.

Таблица 3. Какие награды Вы получали, когда вели / ведёте активную спортивную деятельность (несколько вариантов ответов)?

Варианты ответа / Response options	Ответы респондентов (кол-во/%) / Respondents' answers (qty/%)	
Грамоты или почетные грамоты / Certificates or honorary degrees	158	76,3%
Медали / Medals	143	69,1%
Кубки / Cups	95	45,9%
Благодарственные письма / Thanksgiving letters	64	30,9%
Значки / Badges	63	30,4%
Сувениры / Souvenirs	46	22,2%
Не получал никаких наград / Didn't receive any awards	29	14,0%
Другое / Other	2	0,97%

Отвечая на вопрос «Поступив в ВУЗ, когда Вы заявили своим одногруппникам о том, что Вы спортсмен?», ответы распределились следующим образом. Не заявлял/заявляла – 52,2% опрошенных, 0–2 недели – 32,4%, 1–3 месяца – 11,1%, 4–5 месяцев – 1%, 6 мес.-1 год – 1,9%, узнали сами – 0,5%, прочие ответы – 1%. Таким образом большинство опрошенных (52,2%) не заявляли о своём статусе спортсмена и скорее всего одногруппники узнали об этом сами, например, по его физической форме, по его физическим способностям. Но важно то, что анкетированные не стали самоутверждаться за счёт статуса спортсмена перед своим новым окружением.

Отвечая на вопрос, используют ли респонденты свой статус спортсмена в коллективе, были получены следующие ответы. Да, использую – 12,1% респондентов, не использую – 64,7%, скорее да – 7,7%, скорее нет – 9,2%, затрудняюсь ответить – 6,3%. Подавляющее большинство респондентов

(64,7%) ответило, что не считают нужным использовать статус спортсмена. Это может указывать на то, что спортсмены не любят выделяться и выставлять напоказ свои спортивные достижения и способности, но ведь статус спортсмена – это не только физические качества, но и морально-нравственные особенности, которые воспитываются благодаря спорту. Вероятнее всего эта часть опрошенных действительно не пользуется статусом спортсмена в коллективе, а заполучает уважение и принятие их студенческой группой посредством других приёмов (например, взаимная помощь друг другу во время учёбы, коллективное участие в мероприятиях в стенах ВУЗа и за его пределами и т.п.).

В то же время ответы на вопрос «Где ещё Вы используете статус спортсмена?» распределились так: 49,3% опрошенных отметили, что используют статус спортсмена в спортивной деятельности, почти столько же (47,3%) применяют такой статус в личной жизни, 16,9% – в творческой деятельности, 15,9% – в учебной деятельности. Используют статус спортсмена при трудоустройстве 15,5% опрошенных. Нигде не используют 13,5% респондентов. Прочие ответы – 0,5%. Что подтверждает выводы по предыдущему вопросу.

Отвечая на вопрос «Что Вам даёт статус спортсмена вне спорта?», были получены следующие ответы (см. Табл. 4).

Таблица 4. Что Вам даёт статус спортсмена вне спорта (несколько вариантов ответов)?

Варианты ответа / Response options	Ответы респондентов (кол-во/%) / Respondents' answers (qty/%)	
Новые знакомства с людьми с общими интересами / New acquaintances with people with common interests	73	35,3%
Получение спортивного опыта / Gaining sports experience	69	33,3%
Ничего не даёт / Gives nothing	68	32,9%

Окончание

Варианты ответа / Response options	Ответы респондентов (кол-во/%) / Respondents' answers (qty/%)	
Чувство гордости за то, что ты спортсмен / Feeling proud to be an athlete	59	28,5%
Авторитет в студенческой группе / Authority in the student group	26	12,6%
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	24	11,6%
Преимущества при поступлении в ВУЗ / Advantages when entering a university	22	10,6%
Другое / Other	4	1,9%

Мы выявили (см. Табл. 4), что статус спортсмена вне спорта даёт большей доле опрошенных возможность завести новые знакомства с людьми с общими интересами (35,3%), а также получать физкультурно-спортивный опыт (33,3%). Можно сделать вывод, что спортсмены очень коммуникабельны и не чувствуют трудностей при знакомстве людьми.

При ответе на вопрос «В чем проявляются различия между жизнью в спорте от жизни вне спорта?» 47,3% опрошенных отметили, что главным различием для них является необходимость в тренировках, почти только же респондентов (42,5%) выделили наличие свободного времени, 34,8% – другой режим питания. Нарушение привычного ритма жизни для 25,1% оказалось значимым различием, 15,5% отмечают однообразие, 12,1% – дезорганизованность.

На вопрос: «Как Вы думаете, влияет ли Ваш статус спортсмена на Вашу социальную адаптацию в студенческой группе?» респонденты ответили так: да, влияет – 29,5% опрошенных респондентов, не влияет – 31,9%, скорее да – 19,8%, скорее нет – 12,6%, затрудняюсь ответить – 6,3%.

Отвечая на вопрос «В чем проявляется влияние статуса спортсмена на Вашу социальную адаптацию в студенческой группе?», были получены следующие ответы (см. Табл. 5).

Таблица 5. В чем проявляется влияние статуса спортсмена на Вашу социальную адаптацию в студенческой группе (несколько вариантов ответов)?

Варианты ответа / Response options	Ответы респондентов (кол-во/%)/ Respondents' answers (qty/%)	
Быстро нахожу общий язык с людьми / I quickly find a common language with people	78	37,7%
Дисциплина и организованность / Discipline and organization	76	36,7%
Воспитанность / Upbringing	73	35,3%
Уверенность в своих действиях, в своих знаниях / Confidence in your actions, in your knowledge	69	33,3%
Быстро привыкаю к смене обстановки / I quickly get used to a change of scenery	64	30,9%
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	63	30,4%
Много новых друзей с общими интересами / Many new friends with common interests	56	27,1%
Другое / Other	10	4,8%

Исходя из распределения ответов (см. Табл. 5), сделаем вывод, что на большую часть респондентов (31,9%) не влияет их статус спортсмена, это может указывать на то, что, скорее всего опрошенные не придают значения этому влиянию и не замечают его. Однако есть доля респондентов (29,5%), у которых социальная адаптация в студенческой группе зависит от статуса спортсмена. Данные показывают нам, что такое влияние проявляется в том, что они быстро находят общий язык с людьми (37,7%), кроме того, у них играет роль дисциплина, организованность (36,7%) и воспитанность (35,3%), а также они уверены в своих действиях и в своих знаниях (33,3%). Таким образом, статус спортсмена оказывает существенное влияние (возможно не всегда осознаваемое) на социальную адаптацию в студенческом коллективе.

Отвечая на вопрос «Сколько процентов от группы отреагировали поло-

жительно на то, что Вы спортсмен?», результаты опроса распределились следующим образом. (0–10% группы) – 10,1%, (10–30% группы) – 7,2% опрошенных, (30–50% группы) положительно – 12,6%, (50–70% группы) – 17,9%, (70–100% группы) – 33,3%, никто не отреагировал отрицательно – 18,8%.

Нельзя не отметить, что подавляющее большинство респондентов (63,8%) заметили положительную реакцию от 30% до 100% одnogруппников на их статус спортсмена. Студенческая группа уважает интересы тех, кто в ней состоит. Это говорит нам о том, что статус спортсмена помогает им завоевать доверие почти всего коллектива, то есть напрямую влияет на социальную адаптацию в группе, что подтверждает нашу гипотезу.

Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, сколько одnogруппников поддержат любую Вашу инициативу?», результаты опроса распределились следующим образом. Никто – 6,3% респондентов, 1–3 человека – 36,7%, 4–6 человек – 28,5%, 7–9 человек – 10,6%, 10 и более человек – 17,9%.

Практически все опрошенные (93,7%) хорошо адаптированы и думают, что любую их инициативу поддержат от 1–3х до 10 и более человек из студенческой группы. Данное обстоятельство указывает на то, что респонденты имеют крепкую поддержку, что очень важно в процессе адаптации. Особенно адаптированы чуть менее трети респондентов, 28,5% имеющие поддержку 7 и более человек в группе!

Заключение

Большинство респондентов (40,1%) пришли в спорт в возрасте от 6 до 9 лет, а почти пятая часть (21,3%) в возрасте от 3 до 5 лет. 46,9% опрошенных респондентов занимались спортом от 7 до 13 лет, то есть спорт играл в их становлении важную роль, что влияет на их социальную адаптацию в группе.

Очень многие респонденты занимаются групповыми видами спорта: футболом – 39,1%, 18,4% – волейболом, 15,5% – баскетболом, 16,4% – танце-

вальными видами спорта. За ними следуют боевые виды спорта (32,9%). Групповые виды спорта – это, прежде всего, взаимодействие в группе. То есть опрошенные до поступления в ВУЗ ранее сталкивались с взаимодействием в коллективе, приобретая положительный опыт. Кроме того, это значит, что респонденты имеют достаточно большой опыт взаимодействия в команде или с теми, кто занимался с ними на протяжении долгих лет в одной спортивной секции.

Наибольшему количеству респондентов (59,4%) в ВУЗе нравится завести новые знакомства. Спортсмен открыт для нового общения, для новых дружеских связей, любит контактировать с людьми, ведь одно из самых важных и бесспорных преимуществ у спортсмена – это развитые коммуникативные навыки.

Подавляющее большинство респондентов заявило о достижениях в спорте. Обычные и почетные грамоты получили 76,3% опрошенных, 69,1% – медали, 45,9% – кубки. Очень важно, что они действительно реализовали себя в спорте и подтвердили свой статус спортсмена. В то же время большинство опрошенных (52,2%) не заявляли о своём статусе спортсмена в группе. Также определено, что ценности, нормы и установки в своей группе поддерживает большая часть спортсменов (50,7%), а это говорит нам об уважении к своему студенческому коллективу и к его правилам.

Большая часть респондентов (39,1%) подтвердили, что их статус спортсмена не влияет на их социальную адаптацию, однако такое влияние чаще всего проявляется в том, что они быстро находят общий язык с людьми (37,7%) и в их дисциплине и организованности (36,7%). Это связано с тем, что возможно опрошенные не придают значения этому влиянию и не осознают его, но оно определённо существует.

Нужно отметить, что 64,7% ответили, что они не считают нужным использовать статус спортсмена в своей студенческой группе, но скорее всего

сами того не замечая, все-таки пользуются этим статусом в коллективе неосознанно. Только 12,1% респондентов подтвердили, что делают это осознанно. Как оказалось, вне спорта статус спортсмена большей части опрошенных (35,3%) даёт возможность завести новые знакомства с людьми, что подтверждает вышеуказанные предположения. Можно сделать вывод, что спортсмены очень коммуникабельны и не чувствуют трудностей при знакомстве людьми благодаря полученным в спорте навыкам.

Подавляющее большинство респондентов (63,8%) отметили положительную реакцию 50–100% одноклассников на их статус спортсмена. Практически все опрошенные спортсмены (93,7%) хорошо адаптированы и уверены, что *любую их инициативу* поддержат от 1–3х до 10 и более человек из студенческой группы. Особенно адаптированы чуть менее трети респондентов, 28,5% имеющие поддержку 7 и более человек в группе! Это говорит нам о том, что статус спортсмена помогает им завоевать доверие почти всего коллектива, то есть напрямую влияет на социальную адаптацию в группе, что подтверждает наши гипотезы.

На наш взгляд, в целях повышения качества социальной адаптации спортсменов в студенческой группе считаем, что необходимо:

- спортсменам не использовать свой статус в коллективе для того, чтобы поставить себя выше других, а также не злоупотреблять статусом спортсмена в коллективе;
- спортсменам выступать за честь своей студенческой группы на различных культурно-массовых или спортивных мероприятиях;
- выступление спортсмена перед своей учебной группой с докладом про его вид спорта с его достижениями и трудностями;
- посещение студентами соревнований, где выступает их одноклассник, что будет являться поддержкой с их стороны, способствуя укреплению дружеских связей.

Литература

1. Абдурасулов Р.А. Индивидуально-психологические особенности учащихся занимающихся различными видами спорта // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № . 4–2. С. 373–378.
2. Волков А.В. Особенности адаптации студентов к обучению в вузе и спортивной педагогике // Наука, образование и культура. 2016. № 5 (8). С. 52–54.
3. Горская Г.Б. Общение как регулятор психической напряженности деятельности высококвалифицированных спортсменов // Актуальные вопросы физической культуры и спорта. 2016. Т. 18. С. 80–89.
4. Гулин А. В., Красичков Д.В. Особенности адаптации студентов-спортсменов и критерии прогноза развития у них дизадаптационных состояний в процессе обучения вузе // Культура физическая и здоровье. 2009. № . 5. С. 25–27.
5. Дербенев Д.П. Социальная адаптация подростков // Социологический журнал. 1997. № . 1–2. С. 142–147.
6. Дроздова И. И., Капитанова Е.В. Социально-психологические факторы статуса личности в студенческой группе // Инженерный вестник Дона. 2014. Т. 31. № . 4–1. – С. 1–11.
7. Елгина Л.С. Социальная адаптация студентов в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2010. № . 5. С. 162–166.
8. Карева Ю. Ю., Курочкина Н.Е., Сугутов Д.В. Спорт как средство социальной адаптации выпускников школ и вузов // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2016. № . 2. С. 36–39.
9. Речкалов А. В., Смелышева Л.Н., Пшеничникова О.Л. Психологический статус спортсменов разных специализаций // Теория и практика физической культуры. 2006. № . 6. С. 47–49.
10. Рубчевский К.В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. 2003. № . 3. С. 147–151.
11. Статус личности в студенческой группе / Шевченко Е.В., Грица А.И., Духанин А.Ю., Неупокоева А.В., Нечаева В.Г., Сычевский А.В. // Система менеджмента качества: опыт и перспективы. 2017. № 6. С. 55–57.
12. Стоянов А. С., Адаева Е.С. Ожидания как фактор потребительской лояльности к фармацевтическому препарату: бренд vs дженерик (на примере ибупрофена) // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. Т. 67. № . 4. С. 14.
13. Стоянов А.С., Пеканова Е.А. Гастрономические ожидания курсантов Академии Гражданской Защиты МЧС России // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 135–148.
14. Стоянов А.С., Шестопалова П.В. Экономическая независимость как фактор успеваемости студентов // Гуманитарные исследования Центральной России. 2021. № 1 (18). С. 78–87. DOI 10.24412/2541–9056–2021–1–78–87
15. Ушаков А. В., Фалькова Н.И. Психическая регуляция и адаптация спортсмена к психическим и стрессовым состояниям // Современные проблемы физической культуры, спорта и молодежи. 2018. С. 467–470.
16. Psychological Resilience in Young Female Athletes / McManama O'Brien K. H., Rowan M., Willoughby K., Griffith K., Christino M.A. // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. № 16. Pp. 8668.
17. Reasons for and consequences of low energy Availability in female and male athletes: social environment, adaptations, and prevention / Wasserfurth P., Palmowski J., Hahn A., Krüger K. // Sports medicine-open. 2020. Vol. 6. № . 1. Pp. 1–14.
18. Ryskin P.P. Factor analysis of post-sports social adaptation of

professional athletes // Материалы докладов 52-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов. 2019. С. 44–46.

19. Stress in academic and athletic performance in collegiate athletes: A narrative review of sources and monitoring strategies / Lopes Dos Santos M., Ufring M., Stahl C.A., Lockie R.G., Alvar B., Mann J.B., Dawes J.J. // *Frontiers in Sports and Active Living*. 2020. Vol. 2. Pp. 42.
20. Wendling E., Sagas M. An application of the social cognitive career theory model of career self-management to college athletes' career planning for life after sport // *Frontiers in psychology*. 2020. Vol. 11. Pp. 9.

THE STATUS OF AN ATHLETE AS A FACTOR OF SOCIAL ADAPTATION IN A STUDENT GROUP

Stoyanov A.S., Kalinkina L.V.

Academy of Civil Defense EMERCOM of Russia

The relevance of the research topic is due, on the one hand, to the importance of the process of social adaptation of an athlete in a student group. On the other hand, the possibility of transferring the positive aspects of this process to other categories of students, up to 80% of the contingent, for which the main problem of the beginning of student life is the correct adaptation in the student group. *The problem* of the influence of the status of an athlete on social adaptation in the student group is due to a process that can be characterized by increased requirements for the regimen of athletes, their assimilation of knowledge in a short time, demanding of themselves, independence and their discipline.

Based on the study, which was carried out by *the method* of questioning student-athletes, the dependence of the process of social adaptation on various aspects of their status was analyzed. *As a result* of the study, it was revealed that the status of an athlete significantly affects the speed and success of social adaptation in the student group. Its most significant manifestations among athletes are: the ability to quickly find a common language with people (37.7%), discipline and organization (36.7%), good manners (35.3%), as well as a sense of confidence in their actions and in their knowledge., thoughts (33.3%).

Also, more than half (55%) of the athletes quickly enough (about a week or less) got used to the new team and found a common language with classmates (62.4%). 63.8% of respondents believe that the majority of classmates (from 50 to 100%) reacted positively to their status as an athlete. In addition, it was found that 35.3% of the respondents found a common language with classmates during the day.

Conclusions: confirms that the athlete successfully adapts and socializes in the new team due to the status achieved and the skills obtained as a result of this.

Keywords: social adaptation, student group, athlete status, team, sociological research.

References

1. Abdurasulov, R. A. (2009), "Individual psychological characteristics of students involved in various sports", *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 11, 4–2, 373–378. (In Russian)
2. Derbenev, D. P. (1997), "Social adaptation of adolescents", *Sociological journal*, 1–2, 142–147. (In Russian)
3. Drozdova, I. I., Kapitanova, E. V. (2014), "Socio-psychological factors of personality status in the student group", *Engineering Bulletin of the Don*, 31, 4–1, 1–11. (In Russian)
4. Elgina, L. S. (2010), "Social adaptation of students in the university", *Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society*, 5, 162–166. (In Russian)
5. Gorskaya, G. B. (2016), "Communication as a regulator of mental tension in the activity of highly qualified athletes", *Actual problems of physical culture and sports*, 18, 80–89. (In Russian)
6. Gulin, A. V., Krasichkov, D. V. (2009), "Features of adaptation of student-athletes and the criteria for predicting the development of dysadaptation states in them in the process of university education", *Physical culture and health*, 5, 25–27. (In Russian)
7. Kareva, Yu. Yu., Kurochkina, N.E, Sugutov, D.V. (2016), "Sport as a means of social adaptation of school and university graduates", *OlymPlus. Humanitarian version*, 2, 36–39. (In Russian)
8. Lopes Dos Santos, M., Ufring, M., Stahl, C. A., Lockie, R. G., Alvar, B., Mann, J. B., and Dawes, J. J. (2020), "Stress in academic and athletic performance in collegiate athletes: A narrative review of sources and

- monitoring strategies”, *Frontiers in Sports and Active Living*, 2, 42.
9. McManama O'Brien, K. H., Rowan, M., Willoughby, K., Griffith, K., and Christino, M. A. (2021), “Psychological Resilience in Young Female Athletes”, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(16), 8668.
  10. Rechkalov, A. V., Smelysheva, L. N., Pshenichnikova, O. L. (2006), “Psychological status of athletes of different specializations”, *Theory and practice of physical culture*, 6, 47–49. (In Russian)
  11. Rubchevsky, K. V. (2003), “Socialization of personality: interiorization and social adaptation”, *Social sciences and modernity*, 3, 147–151. (In Russian)
  12. Ryskin, P. P. (2019) “Factor analysis of post-sports social adaptation of professional athletes”, *Proceedings of the 52nd International Scientific and Technical Conference of Teachers and Students*, 44–46.
  13. Shevchenko, E. V. (2017), “Personality status in the student group”, *Quality management system: experience and prospects*, 6, 55–57. (In Russian)
  14. Stoyanov, A.S., Adaeva, E.S. (2021), “Expectations as a factor of consumer loyalty to a pharmaceutical product: brand vs generic (exemplified by ibuprofen)”, *Social aspects of population health*, 67(4), 14. (In Russian)
  15. Stoyanov, A.S., Pekanova, E.A. (2021), “Gastronomic expectations of the cadets of the Academy of Civil Defense EMERCOM of Russia”, *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2, 135–148. (In Russian)
  16. Stoyanov, A.S., Shestopalova, P.V. (2021), “Economic Independence as a Factor of Student Academic Performance”, *Humanitarian researches of the Central Russia*, 1. 78–87. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2541-9056-2021-1-78-87>
  17. Ushakov, A. V., Falkova, N. I. (2018), “Mental regulation and adaptation of an athlete to mental and stressful conditions”, *Modern problems of physical culture, sport and youth*, 467–470. (In Russian)
  18. Volkov, A. V. (2016), “Peculiarities of adaptation of students to university education and sports pedagogy”, *Science, education and culture*, 5 (8), 52–54. (In Russian)
  19. Wasserfurth, P., Palmowski, J., Hahn, A., and Krüger, K. (2020), “Reasons for and consequences of low energy Availability in female and male athletes: social environment, adaptations, and prevention”, *Sports medicine-open*, 6(1), 1–14.
  20. Wendling, E., and Sagas, M. (2020), “An application of the social cognitive career theory model of career self-management to college athletes’ career planning for life after sport”, *Frontiers in psychology*, 11, 9.

Структура и функции общественного мнения в политике

Сингаевская Марина Владимировна,

аспирант кафедры политологии
и социологии политических процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: singaevskaya.marina@yandex.ru

Общественное мнение является своеобразным способом существования и проявления массового сознания, посредством которого выражается духовное или духовно-практическое отношение народного большинства (субъекта общественного мнения) к актуальным для него фактам, событиям, явлениям и процессам действительности (объекта общественного мнения). Данный подход к определению общественного мнения позволяет в данной статье рассмотреть его сущностную структуру и проявление функций в политике.

Рассмотрев комплексную характеристику общественного мнения как социологической категории и его функции, можно прийти к выводу о том, что общественное мнение является важным и неотъемлемым фактором политической жизни. Оно имеет целый арсенал способов воздействия на властные институты – от простого одобрения или неодобрения до диктования институтам власти и управления путей и способов проведения политики, решения конкретных проблем.

Ключевые слова: общественное мнение, структура общественного мнения, объект общественного мнения, субъект общественного мнения, функции общественного мнения в политике.

В анализе структуры и функций общественного мнения мы будем придерживаться динамической концепции М.К. Горшкова. В его концепции общественное мнение представляет собой “систему, причём систему целостную, динамичную, целесообразную”¹. Специфика структуры общественного мнения заключена в её центральном звене, в качестве которой выступает отношение субъекта к объекту общественного мнения, в процессе установления данного отношения становится возможным зарождение, формирование и возникновение феномена общественного мнения и становится выраженной внутренней организацией системы общественного мнения, её содержательные, сущностные начала, которые принято обозначать в рамках динамической концепции общественного мнения понятиями рационального, эмоционального и волевого. Выделение субъекта и объекта является одним из важнейших моментов теоретического анализа общественного мнения и уже последующего рассмотрения структуры общественного мнения и проявления его функций в политике.

“Следует признать, – отмечает М.К. Горшков, единственным субъектом – всеобщим творцом общественного мнения является народ – подлинный носитель общественных интересов, основная сила, творящая и революционно преобразующая социальное бытие, подлинный субъект истории”².

Помимо этого, качественная определённость субъекта общественного мнения неразрывно связана с его количественной определённостью. Она выражается понятием “большинство”. По мнению М.К. Горшкова, иначе быть не может, “ибо массы и представляют

¹ Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 203.

² Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 186.

собой большинство народа, большинство населения, выражающее в своём общественном мнении интересы и стремления всех трудящихся или их подавляющей части»³.

При этом понятие «большинство» имеет свои качественные и количественные характеристики. Например, и 51% и 99% граждан, которые занимают определенную позицию по конкретному социально-политическому событию или вопросу, считаются большинством. Поэтому, понятие «большинство» используется с такими дополнительными характеристиками, как «относительное большинство», «абсолютное большинство» и др.

Объектом выступает то, по поводу чего складывается общественное мнение. К ним относятся в соответствии с динамической концепцией общественного мнения М.К. Горшкова различные факты, события, явления, представляющие общественный интерес и имеющие высокую степень актуальности. Д.П. Гавра также полагал, что «объектом общественного мнения являются события, явления, социальные факты, затрагивающие интересы субъекта мнения»⁴. По степени сложности объекты общественного мнения дифференцируются на *объекты-факты, объекты-события, объекты-явления (процессы)*⁵.

Наиболее простым объектом реакции общественного мнения выступает тот или иной *факт действительности*. Однако, несмотря на внешнюю простоту «с точки зрения своей коммуникативной функции, т.е. как средство хранения и передачи определённой информации, он включается в систему взаимодействия людей и может выполнять роль стимула социальной активности, её ограничителя и т.п.»⁶. К фактам об-

щественного мнения можно отнести те факты социальной реальности, которые существуют вне субъекта общественного мнения и воздействуют на них. *В качестве примера* можно привести теракт, произошедший в Санкт-Петербурге 3 апреля 2017 г. Трагедия в питерском метро привлекла внимание абсолютного большинства населения России⁷.

Событие выступает достаточно сложным объектом общественной оценки, включающим в себя спектр определённых сведений (фактов), составляющих содержание объекта общественного мнения. Так, совокупность социальных фактов создает качественно новый объект оценок и суждений – событие, которое является более информативным. В качестве примера одного из главных политических событий в мире в 2021 году можно привести разработку вакцин от коронавируса⁸.

Самым сложным объектом общественного мнения выступает *явление (процесс)*, включающее в себя набор событий и фактов, которые необходимо рассматривать в динамике. Являясь отражением взаимодействия различных социальных сил, ориентированных друг на друга и имеющих собственную ценностно-мотивированную структуру, они требуют от субъекта умения видеть анализировать явления в динамике и развитии. Полиструктурность, сложность социальных процессов для полного и глубокого отражения в общественном мнении требуют от людей остроты внимания, диалектического мышления, определённого объёма знаний.

Сущностная структура общественного мнения включает в себя следующие взаимосвязанные компоненты: рациональный, эмоциональный, оценочно-ценностный и волевой. *Рациональный компонент* выступает опреде-

³ Там же. С. 187.

⁴ Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб.: ИСЭП, 1995. С. 10–12.

⁵ См.: Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т. Тоценко. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 577.

⁶ Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. С. 211.

⁷ См. об этом подробн.: ВЦИОМ: Теракт в Санкт-Петербурге: первые оценки. // Пресс-выпуск № 3350. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116155> (дата обращения: 05.08.2021 г.).

⁸ См об этом подробн.: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4834415 (дата обращения: 05.08.2021 г.).

ляющим в этой структуре и образуется из конкретных сведений, которые относятся к области рационального знания, имеющиеся у людей о фактах и событиях, явлениях и процессах, ставших объектом пристального общественного внимания и общественного интереса. Рукавишников В.О. следующим образом определяет данный компонент: “Заключение насчет рационально мыслящей общественности можно делать при соблюдении следующих условий: 1. Люди получили достаточно информации по данному вопросу, ибо нельзя обсуждать вопрос, ничего не зная, либо зная очень мало, так что практически валидный вопрос здесь – это вопрос о коррективности, и количестве информации, необходимой для формирования мнения; 2. готовность отвечать на вопросы без эмоций; 3. если детальный анализ ответов на взаимосвязанные вопросы выявляет некоторую связь в ответах”⁹.

Эмоциональный компонент связан с настроениями, чувствами, эмоциями, которые возникают по поводу объекта общественного мнения. Эмоциональный компонент представляет собой своеобразный динамический синтез массового ощущения, массового настроения и социальных чувств, выраженных в непосредственном пристрастном переживании жизненного смысла фактов и явлений действительности, которые оказались объектом общественного внимания¹⁰. По соотношению рационального и эмоционального в общественном мнении можно говорить о возможности им манипулировать. Преобладание эмоциональной составляющей в структуре общественного мнения делает его более доступным для психологического давления и возможностей манипулирования.

Рациональный и эмоциональный компоненты неразрывно связаны в общественном мнении, “всегда представ-

⁹ Рукавишников В.О. Рационально ли общественное мнение по вопросам экологии // СОЦИС. 1994. № 1.

¹⁰ Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 205.

лены в сознании в единстве и взаимопроникновении, выступают в структуре общественного мнения как *знание и переживание*”¹¹.

При исключении рационального компонента из сущностной структуры, общественное мнение может даже не возникнуть, ибо оно представляет собой некий результат дискуссионного сравнения познанных и значимых для субъекта объектов, а сравнения, в свою очередь, как верно отмечают М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги основываются именно на знаниях. Данное сравнение, по мнению учёных, опирается на конкретные критерии, мерил и нормы. В подобном качестве выступают знания, представления и ощущения субъекта о предмете. Сравнения и оценки помогают субъекту прийти к оценочному суждению – мнению¹².

В результате взаимодействия и взаимопроникновения рационального и эмоционального складывается *оценочно-ценностная сторона общественного мнения, именуемая зачастую социальной оценкой*. Социальная оценка представляет собой “выражение одного из видов отношения объектов к субъекту, отношение, которое заключается в том, что субъект определяет соответствие объекта или его отдельных сторон и свойств критериям, им выдвигаемым”¹³.

Социальная оценка проявляется через конкретные оценочно-ценностные суждения общественного мнения, воспроизводит позицию масс по тем или иным вопросам языком общественных суждений и выступает духовно-оценочным отношением. “Социальная оценка, выражение отношения в форме одобрения или осуждения является стержнем общественного мнения”¹⁴.

¹¹ Там же.

¹² См. об этом подробн.: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: Учебн. Пособие для вузов. М.: ФГАНУ «Центр социологических исследований», Институт социологии РАН, 2003. С. 106–107.

¹³ Коробейников В.С. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 20.

В качестве исходной формы общественное мнение выступает как оценочное суждение, то есть как духовный феномен. При определённых условиях мнение может преобразоваться в поведенческих акт (например, политическая акция в поддержку текущего политического курса и т.д.). Рассматривая сущностную структуру общественного мнения, мы не можем ограничиться только его характеристиками как духовной реальности, необходимо выделить в структуре и компонент, который выражает проявление “позиции людей”, “переход от слов к действию”. Таким компонентом выступает *воля*. Так, значимость общественного мнения проявляется тогда, когда оно выражается в действии и это связано с политической волей, которую выражают граждане.

Волевая составляющая структуры общественного мнения формируется на основе социальной оценки и характеризует направленность субъекта на практическую деятельность (“переход от слов к действию”) по реализации интересов, связанных с содержанием объекта. Иными словами, в волевых побуждениях людей запечатлевается факт глубокого понимания ими значимости занятой социально-политической позиции и, как следствие, готовность провести её в жизни. *Воля*, как таковая, представляет собой “способность к выбору цели деятельности и внутренним усилиям, необходимым для её осуществления”¹⁵.

Волевой компонент позволяет раскрыть активную, деятельную сторону изучаемого объекта. Благодаря общественной воле и психологическому настрою реализуются на практике те представления, взгляды и знания, которые составляют рациональный (интеллектуальный) костяк содержания общественного мнения. Как отмечал А.К. Уледов, “активное начало проявляется главным образом в позиции

людей в отношении предмета мнения, в переходе от слов к действию”¹⁶. Тем самым волевые начала способствуют превращению общественного мнения в явление духовно-практическое; стимулируют к деятельности, обеспечивают воздействие на политическую систему. Так, общественное мнение, будучи изначально духовным отношением, обладает способностью стимулировать практическую деятельность людей и выступать уже как духовно-практическое отношение.

Становление и кристаллизация общественной воли – это длительный и сложный процесс. Он во многом обусловлен такими качествами субъекта, как сознательность, целеустремлённость, решительность и настойчивость. Эти качества свойственны далеко не каждому человеку, а для перехода общественного мнения на данный уровень необходимо, чтобы вышеизложенные качества были присущи большинству. В случае преобразования, общественное мнение как единство социальной оценки и общественной воли способно выполнять роль организатора совместной деятельности своих субъектов, направленной на удовлетворение их интересов”¹⁷.

Таким образом, общественное мнение без наличия волевого компонента выступает лишь как духовное отношение, неспособное оказывать воздействие на социальную действительность, неспособное проявить себя как “социальную силу”. Общественное мнение так и может остаться существовать в качестве социальной оценки, в виде некоего духовного образования. В качестве примера такой ситуации можно привести данные социологического опроса, приведённые в известной книге Э. Ноэль-Нойман¹⁸. Один из опросов, заданных респондентам, был о том, что каждый хотел сделать для партии, наи-

¹⁵ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. URL: <https://readtiger.com/terme.ru/slovari/filosofskii-enciklopedicheskii-slovar1.html> (дата обращения: 05.08.2021)

¹⁶ Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 216–217.

¹⁷ Там же. С. 217.

¹⁸ См.: Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996. С. 70–71.

более близкой к его воззрениям. Помимо общих вариантов ответов, предлагались и варианты для застенчивых, чтобы и они могли проявить свою лояльность без публичного выражения симпатии, например, пожертвования денег. Результаты пилотажного опроса оказались довольно неожиданными. Респонденты ответили, что они ничего из перечисленного не стали бы делать для партии, которой симпатизируют¹⁹. Данный пример иллюстрирует то, что общественное мнение может проявляться лишь как оценочные суждения, в качестве только духовного образования.

Теперь, после того, как мы раскрыли сущностные структурные компоненты общественного мнения, можно утверждать, что взаимопроникая, дополняя и уравновешивая друг друга, эти компоненты структуры общественного мнения наделяют его качеством духовно-практической целостности. В таком разнокачественном образовании, общественное мнение становится стороной деятельности людей, реализуется в их практических делах и поступках. Разнокачественная сущность общественного мнения может проявляться в социальной практике на трёх уровнях – духовном, духовно-практическом и практическом субъектно-объектном. Трехединая сущность общественного мнения, его способность перекидывать “мостики” между духовными и практическими началами людей дают основание считать его не только разнокачественным отношением масс к действительности, но и своеобразным конкретно-историческим механизмом связи массовых оценочно-ценностных суждений и массовых поведенческих актов, массового сознания и массовых действий.

Поправки в Конституцию Российской Федерации, которые были утверждены большинством россиян 1 июля 2020 г., определили в числе прочих дополнений новый вектор развития закрепленного в ст. 7 Конституции России 1993 г. принципа социального государства, что подразумевает под собой исполнение государством своих соци-

альных обязательств в полном объеме и качественно, а также более эффективную реализацию концепции социального государства. Иными словами, в обществе остается актуальным запрос на социально-ответственное государство, которое ставит в центр своей политики благополучие каждого человека.

Активность граждан в вопросах отстаивания своей гражданской позиции, прав и интересов является важной характеристикой гражданского общества. В Конституции Российской Федерации закреплено право каждого гражданина на защиту своих прав и свобод всеми способами, которые не запрещены законом. Таким образом, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общественное мнение становится стороной деятельности людей, реализуется в их практических делах и поступках.

Отечественный исследователь Д.П. Гавра²⁰ предлагал рассматривать общественное мнение как институциональное образование. Стоит отметить, что говорить об общественном мнении как социальном институте можно лишь тогда, когда оно обладает зрелостью, функциональной ориентированностью, действенностью. “Функционирование общественного мнения как социального института означает, что оно действует в качестве своего рода “социальной власти”, то есть, власти, наделённой волей и способностью подчинять себе поведение субъектов социального взаимодействия”²¹. Общественное мнение в данном случае рассматривается как социально-политическая сила, которая участвует в регулировании общественных отношений через механизмы общественного воздействия, передачу норм, ценностей, традиций и т.д. Таким образом, общественное мнение можно определить как специфический соци-

²⁰ См.: Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб.: ИСЭП, 1995.

²¹ Сафаров Р.А. Политический статус общественного мнения // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 14.

¹⁹ См.: Там же. С. 71.

альный институт, обладающий своими функциями.

Как отмечает В.К. Падерин, «общественное мнение, выражая позицию одобрения или осуждения по общественным проблемам, регулирует поведение индивидов, социальных групп, институтов, насаждает определённые нормы общественных отношений. Оно действует как в рамках общества в целом, так и социальных групп»²².

Для того чтобы закрепить за общественным мнением признак функционирования, необходимо выяснить совокупность взаимосвязанных функций, иными словами социальных ролей, которые возникают из самого его движения, функционирования и развития.

В отечественной литературе детально вопрос о функциях общественного мнения представлен в концепции М.К. Горшкова. Учёный полагает, что «разнокачественная природа общественного мнения переходит в многообразие форм его реализации, в результате чего можно выделить частные, отраслевые функции общественного мнения»²³.

Способы и формы воздействия общественного мнения на властные институты весьма многообразны. Так, в данной научной статье будут рассмотрены следующие относительно самостоятельные функции общественного мнения в политике: *регулятивная, воспитательная, оценочная, контрольная, защитная, консультативная, директивная и познавательная*.

Регулятивная функция является основной, интегративной функцией общественного мнения. Содержание регулятивной функции, как следует из её названия, заключается в осуществлении регулирующих воздействий на социальные субъекты, каковыми могут быть индивиды, социальные общности и социальные институты. Общественное

мнение в своей регулятивной функции обеспечивает реализацию определённых норм общественных отношений, выработанных самостоятельно, либо привнесённых извне. Эта основная, интегративная функция общественно-го мнения, она проявляется в том, что в реальной практике различные функции общественного мнения взаимопроникают и дополняют друг друга, обуславливая главный смысл его существования.

Механизм регулятивной функции основывается, прежде всего, на методе общественного воздействия. Данный метод стремится свести воедино правовые, нравственные и другие виды социальных норм, существующие в обществе, он апеллирует к сознанию людей, приводя их действия и поступки в соответствие с требованиями вырабатываемого им самим свода так называемых общечеловеческих неписанных законов²⁴.

Воспитательная функция общественного мнения состоит в том, что мнение является важнейшим фактором, средством, условием социализации личности, её вхождения в социальную жизнь, обретения комплекса качеств социального существа. В рамках регулятивной функции можно выделить *регулятивно-воспитательную* (социализирующую) функцию, которая способствует формированию в каждом члене общества (социальной общности) социально одобряемую систему ценностей и норм поведения.

Распространённой является *оценочная* функция общественного мнения, которая затрагивает проблемы политики и власти. Акцент на оценочной функции общественного мнения объясняется преимущественным пониманием его роли как индикатора системы ценностей, преобладающих в *массовом сознании* в конкретный исторический отрезок времени.

В компетенцию оценочной функции входит выражение ценностного отно-

²² Падерин В.К. Общественное мнение в политической системе советского общества. М.: Знание, 1987. С. 42.

²³ См.: Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 215–223.

²⁴ См. об этом подробн.: Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. Там же. С. 216.

шения масс к тем или иным фактам, событиям, процессам социальной действительности, к деятельности официальных учреждений, должностных лиц. Можно говорить об организованной и неорганизованной форме подобных оценки. В неорганизованной, т.е. стихийной форме подобные оценки присутствуют в домашнем или рабочем кругу людей, в их неформальном общении, в дискуссиях о политической «злобе дня». «В организованной форме данные оценки чаще всего выявляются путём опросов общественного мнения, инициируемые структурами действующей власти, различными общественными организациями, партиями, движениями и иными негосударственными заказчиками»²⁵.

В России опросы общественного мнения демонстрируют, что социальная оценка гражданами деятельности политиков, которые занимают высшие политические должности, во многом характеризует взаимоотношения между обществом и государством и специфику легитимации политического режима страны. Учитывая высокий уровень персонализации государственной власти в России, можно полагать, что отношение к решениям главы Российской Федерации оказывает влияние на уровень доверия россиян ко всему государственному аппарату в целом.

В качестве примера проявления данной функции могут служить данные всероссийских социологических опросов, проводимых ИСПИ РАН, ВЦИОМ и др.²⁶

Согласно результатам социологического исследования, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года, в 2021 г.,²⁶ россияне в кризисный пери-

²⁵ Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 585.

²⁶ Используются материалы социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», который проводится Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 года. Исследовательский коллектив 51 этапа мониторинга: д-р соц.н. В.К. Левашов (руководитель), д-р полит.н. Н.М. Великая, канд. социол. наук И.С. Шушпанова, ст. науч. сотр. В.А. Афанасьев, мл. науч. сотр. О.В. Гребняк, ст. науч. сотр. О.П. Но-

од в развитии общества выше оценили политическую деятельность президента В.В. Путина по сравнению с деятельностью премьера М.В. Мишустина (6,09 против 5,2 баллов). Однако, позитивных оценок в массовом сознании деятельности ведущих политических лидеров в 2021 г. было больше, чем в 2020 году. Следует отметить, что повышение оценки деятельности М.В. Мишустина более заметно, по сравнению с В.В. Путиным

Весьма показательно, что данные социологического исследования, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года, свидетельствуют о росте доли респондентов, чье мнение о главном политическом лидере страны В.В. Путине изменилось в худшую сторону по сравнению с 2018 годом, например (с 16% до 36% соответственно). Падение рейтинга Президента мы фиксируем с 2015 года. В 2021 году процент негативно настроенных респондентов оказался беспрецедентно высок, что коррелирует с сокращением почти вдвое количества людей, заявивших об улучшении своего отношения к Путину (с 39% в 2018 до 19% в 2021).

В известном смысле высокий уровень персонализации власти и высокие рейтинги лиц, занимающих высшие государственные и политические должности, определяют и степень до-

вожена, мл. науч. сотр. И.А. Полякова. В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорции между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности в июле 2021 г. составил 1609 респондентов. Опрос населения проведен в период 28.05.2021–18.06.2021 в следующих регионах Российской Федерации: УрФО (Челябинская область, Екатеринбург, Свердловская область), СФО (Новосибирская область), ЮФО (Ростов-на-Дону, Азов, Краснодарский край), СКФО (Ставропольский край), ЦФО (Ярославская область, Москва, Московская обл.), ПФО (Нижегородская область, Татарстан), ДФО (Владивосток), СЗФО (Санкт-Петербург, Ленинградская область). Полевой этап в регионах осуществляли Общество с ограниченной ответственностью «Ю. Си. Пи.аР. – Ресерч».

верия к тем или иным властным институтам. Согласно результатам социологического исследования, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года, в 2021 г. в общем рейтинге доверия лидерами в России на протяжении последних 20 лет являются Президент, Армия и Церковь, в разные годы занимающие места в первой тройке. Индикатор доверия в рамках социально-политических исследований имеет особое значение, поскольку в данной работе доверие рассматривается и как социальный капитал, и как культурный ресурс²⁷, обеспечивающий социальное взаимодействие в обществе и позволяющий объективно оценить уровень публичной легитимности политической системы в целом и степень развитости гражданского общества в стране.

Напротив, рейтинги органов законодательной власти, в лице Совета Федерации, Государственной Думы и политических партий демонстрировали определенную устойчивость. Можно отметить, что с 2019 года прослеживается тенденция роста доверия к определенным политическим партиям. Вероятнее всего это связано с тем, что некоторые политические партии заявляли о несогласии с государственной политикой в сфере ограничений при режиме самоизоляции, резко критиковали экономические меры правительства РФ и выступили против обязательной и принудительной вакцинации населения.

Особенно активны в этой связи были партии Справедливая Россия и КПРФ, активно настаивающие на бесплатном тестировании на COVID и на антитела²⁸, а позднее данные партии выступили против принудительной вакцинации²⁹, запустив соответствующие акции

²⁷ Штомпка П. Доверие – основа общества / Пер. с пол. Н.В. Морозовой. Москва: Логос, 2012. 445 с.

²⁸ Сергей Миронов: тестирование на антитела к COVID должно быть массовым и бесплатным // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 23 марта 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11102910> (дата обращения 15.07.2021).

²⁹ Всероссийская пресс-конференция «Особенности принудительной вакцинации. Прививаться нужно, увольняться нельзя» // Официальный сайт

в ряде регионов, что способствовало выходу людей на митинги по всей стране³⁰.

ВЦИОМ 1 октября 2021 г. опубликовал результаты опроса с представленными рейтингами доверия. Уровень поддержки и одобрения партии «Единая Россия» составил в данный период 29,5%, КПРФ – 23,3%, ЛДПР – 7,6%, «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» – 6,4% и «Новые люди» – 8,4% соответственно³¹.

ВЦИОМ ежегодно представляет данные исследований о том, как жители Республики Крым и всей страны в целом относятся к воссоединению Крыма с Россией. Спустя 7 лет в ходе опроса ВЦИОМ 2021 г. было выявлено, что основное чувство, которое испытывают россияне от вхождения Крыма и Севастополя в состав России, это гордость (48%). Также большинство россиян оценивают присоединение Крыма к России положительно (81%) и полагают, что Крым может стать курортом мирового уровня, по мнению 62% опрошенных³².

партии «Справедливая Россия». 28 июля 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11392310> (дата обращения 30.07.2021).

³⁰ Старикова М. «Нагнетается определенный психоз»: Митинг КПРФ против принудительной вакцинации закончился задержаниями // Коммерсант. 26.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877504> (дата обращения 15.07.2021).

³¹ Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров.

Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Для данной случайной (вероятностной) выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает для данных, собранных в течение семи дней (11200 человек), 1%. Помимо ошибки выборки смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ. 1600 опрошенных. В опросе принимают участие россияне в возрасте от 18 лет. До 17 июня 2018 г. включительно опрашивалось ежедневно 1000 респондентов не менее чем в 80 регионах РФ. С 18 июня 2018 г. ежедневно опрашивается 1600 респондентов. Приведено среднее значение за семь дней опроса.

³² Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ–Спутник» проведен 10 марта 2021 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке

Как Вы в целом оцениваете воссоединение Крыма с Российской Федерацией: положительно или отрицательно? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 1. Как Вы в целом оцениваете воссоединение Крыма с Российской Федерацией, в %

	Крым 2019	Крым 2020	Крым 2021
Безусловно положительно	69	66	46
Скорее положительно	24	27	35
Скорее отрицательно	2	3	6
Бесспорно отрицательно	1	1	7
Затрудняюсь ответить	4	3	6

Примечание: См. подробности на сайте ВЦИОМ URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10726> (дата обращения: 05.10.2021)

Достаточно часто общественное мнение реализуется в сфере властных отношений через *контрольную функцию*. Через данную функцию общественное мнение требует принятия и исполнения принятых решений. Своеобразие данной функции заключается в том, что общественное мнение по любому значимому для себя вопросу занимает определённую позицию и стремится к тому, чтобы ей отвечала соответствующая деятельность властных органов и их руководителей³³.

ке стационарных и мобильных номеров. Выборка извлечена из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ. См. подробн. на сайте ВЦИОМ: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10726>

³³ См.: Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 585.

Выступая в своей контрольной функции, общественное мнение является “двигателем” механизма обратной связи в политической системе, выражая требования или поддержку. Знание общественных настроений в целом позволяет властям принимать правильные решения по отдельным вопросам, даже если общественное мнение по ним не выявлено или вообще не сформировалось. Проведение успешного политического курса предполагает выявление отношения людей не только к конкретным управленческим решениям, но и к более общим вопросам, к тому, что можно назвать “духом” государственной политики.

Сложившееся общественное мнение занимает определённую позицию по любому значимому для большинства людей вопросу. В силу своей массовости и внутреннего единства оно приобретает характер силы и способность “вставать над властью”, с пристрастием следить за их деятельностью, а возможно даже навязать свою волю имеющимися моральными санкциями и рычагами давления. В виду этого, в ходе принятия политических и иных решений, правящие органы вынуждены учитывать общественное мнение.

В виде полноценной концепции социальный контроль как функция общественного мнения рассматривается в рамках демоскопической теории “спирали молчания” Э. Нозль-Нойман³⁴. Скрытая функция общественного мнения как социального контроля, полагает учёный, целью которой является интеграция общества и обеспечение достаточного уровня согласия. В качестве примера контрольной функции можно указать на оценку текущего положения дел в стране.

Защитная функция общественного мнения достаточно близка по своей сути и характеру к контрольной функции; она является частным её проявлением, когда духовно-практическая составляющая общественного мнения выраже-

³⁴ См.: Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996.

на наиболее ярко. Активность граждан в вопросах отстаивания своей гражданской позиции, прав и интересов является важной характеристикой гражданского общества. В Конституции РФ закреплено право каждого гражданина на защиту своих прав и свобод всеми способами, которые не запрещены законом.

Именно через защитную функцию общественное мнение служит связующим звеном между социальными умонастроениями масс и их практическими действиями. Ибо через выражение мнения, с помощью чётко обозначенной позиции по насущным вопросам люди могут отстаивать собственные интересы, помимо этого защищать свои собственные права и свободы. В нашей постсоветской истории есть немало примеров того, как граждане путём выражения общественного мнения защищали свои права и свободы (например, массовые протесты граждан в начале 2005 г., вызванные монетизацией льгот; массовые акции протеста в декабре 2011 г., вызванные многочисленными нарушениями на выборах Государственной Думы 4 декабря, и др.³⁵).

Коронавирусная пандемия, которая началась в начале 2020 года, определила кризисный период в развитии общества и существенно обострила социально значимые для россиян проблемы и сложившиеся в социуме противоречия. По сравнению с 2020 годом в сложилась новая тенденция во общественном мнении и несколько уменьшилась доля тех, кто потенциально может выйти на митинг или демонстрацию и тех, кто готов взять в руки оружие, если потребуется. Ряд ученых полагает, что цифровизация может существенно влиять на протестное поведение, формы его реализации и реализацию защитной функции общественного мнения. Чаще всего речь в данном контексте идет о возможностях протестной тех-

³⁵ См подробн.: Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010, Волков Д, Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов, „Вестник общественного мнения“, 2012, № 2, с. 73.

нологии мобилизации общественного мнения и вовлечении молодежи в протестное движение. Однако, существуют основания полагать, что с распространением информационных технологий выражение политических и протестных активностей может «уходить» в виртуальное пространство с реализацией технологии формирования общественного мнения в Интернете³⁶. Данная тенденция приобретает особую значимость в условиях самоизоляции, в которых роль информационных и медиа-технологий стремительно возросла. Стоит отметить, что количество россиян, считающих, что их интересы достаточно защищены, стало больше, чем в прошлом году, возрос и процент тех, кто для защиты своих интересов готов подписать обращение к властям³⁷.

Почти половина (43%) россиян, согласно результатам социологического исследования, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года, не склонны предпринимать ни одну из предложенных форм защиты своих собственных интересов. Примечательно, что в 2021 году был выявлен самый высокий уровень неготовности граждан отстаивать свои интересы³⁸. Данную пассивную позицию среди россиян можно объяснить нежеланием граждан находиться среди большого скопления людей на митингах и демонстрациях в условиях сложной эпидемиологической ситуации из-за боязни заражения коронавирусом. Однако, существуют разные мнения и ряд экспертов полагает, что напротив, окончание очередной волны коронавируса дает россиянам надежду на спокойную жизнь, что сказывается на нежелании наших сограждан выходить на митинги и демонстра-

³⁶ Игнатовский Я.Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 84–90.

³⁷ Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов. ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2020.

³⁸ Там же.

ции³⁹. Возможно, что в нынешней ситуации влияет и роль вероятного усиления разрозненности общества вследствие введения режима самоизоляции в 2020 году.

Следует отметить еще одну причину стремления избегать активных действий по отстаиванию своих прав, которая связана с возможным ростом страхов граждан в связи с ужесточения политического режима в стране. Подавление протестов, целая серия судебных заседаний и обвинительных приговоров после протестов в 2020–2021 гг. (в поддержку А. Навального) не могла не отразиться на «сворачивании» протестной активности в России.

Консультативная функция укрепляет механизм взаимодействия общества и власти. Не обязывая управляющих действовать тем или иным образом, общественное мнение может в то же время выступать в качестве морально-этического ориентира работы государственных структур, выполняя консультативную функцию. Данная функция позволяет носителям власти учитывать общественные настроения и прогнозировать потенциальную реакцию общественности на принимаемые решения.

Властным органам стоит учитывать общественным мнение потому, что оно не только определяет отношение больших групп людей к тем или иным явлениям, но и регулирует их поведение и практическую деятельность. Это своего рода народная мудрость, которая может помочь властному органу в решении сложных социальных, экономических и иных проблем. «Функция общественного мнения, – утверждает Е. В. Тихонова, – обратить внимание социальной системы на те дисбалансы в её структуре, которые требуют особого отношения»⁴⁰. Подключение широких слоёв населения к процессу выработки

³⁹ Барышева Е. 5 фактов о протестных настроениях в России в 2021 году // Deutsche Welle: [сайт]. 31 марта 2021. URL: <https://p.dw.com/p/3rNLB> (дата обращения 11.10. 2021).

⁴⁰ Тихонова Е.В. Общественное мнение и управление социальными процессами в современном российском обществе. М.: Дело, 2000. С. 42.

и принятия политико-управленческих решений значительно усиливает их социальную легитимность, утверждает в понимании народа факт их принятия сообщая, всем миром.

Директивная функция общественного мнения подразумевает под собой, что общественное мнение народных масс может диктовать, предписывать органам социального управления; выносить решение по тем или иным проблемам общественной жизни, имеющим императивный характер. Даная функция проявляет себя, когда решение кардинальных вопросов государственной и общественной жизни выносятся на всенародное *голосование (референдум)* и при *проведении избирательных кампаний*, когда люди делают свой политический выбор и определяют лицо новой власти. На всенародном голосовании, итоги которого являются обязательными, и при проведении избирательных кампаний императивный характер выраженного общественного мнения вытекает из конституционного населения народа ролью верховного суверена и главного источника власти.

Именно в ходе выборов (как процедуры легитимации власти) реализуется директивная функция общественного мнения. Однако все это справедливо только в том случае, если выборы (включая предвыборную кампанию и непосредственный процесс голосования) не превращаются в формальную процедуру, лишённую реального политического содержания, и не фальсифицируются, как это часто случается в авторитарных режимах. *В качестве примера* можно привести выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва, которые состоялись в период 17–19 сентября с завершением в единый день голосования 19 сентября 2021 года. По итогам обработки 100% итоговых протоколов в Госдуму VIII созыва прошли пять партий и три непарламентских партии представлены в ней одномандатниками.

В результате “Единая Россия” несколько ухудшила свои показатели по сравнению с 2016 годом, однако со-

хранила большинство, набрав по парти- спискам 49,8% (рис. 1).

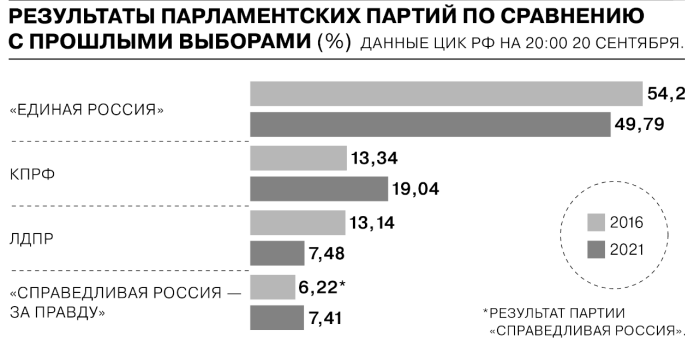

Рис. 1

Источник: URL: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения 11.10. 2021).

Более того, Единая Россия провела в Госдуму сразу 198 одномандатников (всего ее кандидаты были зарегистрированы в 217 округах из 225). В итоге партия Единая Россия получила на 19 мест меньше, чем по итогам думских выборов 2016 года: 324 места из 450. Вместе с тем, она провела в Госдуму

сразу 198 одномандатных депутатов (всего ее кандидаты были зарегистрированы в 217 округах из 225). Партия КПРФ соответственно провела 9 одномандатных депутатов, “Справедливая Россия – За правду” – 8 одномандатных депутатов и партия ЛДПР – 2 одномандатника (рис. 2).

Рис. 2. Распределение депутатских мест

Источник: URL: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения 11.10. 2021).

Явка избирателей на выборах в Госдуму 2021 составила 51,7% против 47,9% на думских выборах 2016 года (рис. 3).

Однако, результаты выборов депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва и данные условия по-

зволяют утверждать что сложившаяся модель рекрутирования политической элиты является мало-альтернативной и имеет застойный характер с отсутствием включения в список селектора-та новых людей. Несменяемость власти

на федеральном, региональном и местном уровне в политических партиях снижает конкурентность политического процесса в стране, не способствует легитимности органов власти и развитию гражданского общества.

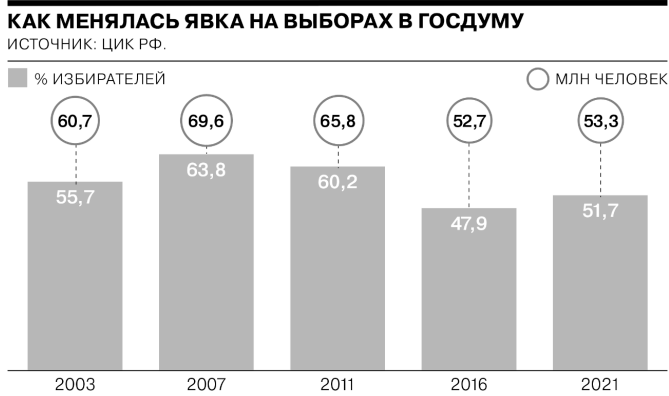

Рис. 3. Изменение явки на выборах

Источник: URL: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения 11.10. 2021).

В качестве примеров референдумов, в которых напрямую реализуется директивная функция, можно привести референдум в Крыму о статусе автономии, который состоялся 16 марта 2014 г. Стоит особо отметить, что проведение референдума в Крыму являлось легитимным, исходя из положений Декларации о принципах международного права 1970 года, в которой достаточно чётко прописано право народа на самоопределение. Также ярким примером является референдум в Англии по случаю выхода Великобритании из ЕС (“Брексит”).

Возможности познавательной функции “определяются синтезом теоретического и обыденного сознания, выражающим гносеологическую природу общественного мнения”⁴¹. Все функции общественного мнения органично взаимосвязаны. За каждой из названных функций стоит реальная практика функционирования общественного мнения. Все они в той или иной мере несут в себе регулятивный и воспита-

тельный заряд и, будучи тесно взаимосвязанными в итоге интегрируются в единую регулятивно-воспитательную функцию.

Рассмотрев комплексную характеристику общественного мнения как социологической категории и его функции, можно прийти к выводу о том, что общественное мнение является важным и неотъемлемым фактором политической жизни. Оно имеет целый арсенал способов воздействия на властные институты – от простого одобрения или неодобрения до диктования институтам власти и управления путей и способов проведения политики, решения конкретных проблем. Дальнейшее исследование проблемы общественного мнения в структуре механизма функционирования социально-политических систем требует раскрытия роли и места общественного мнения в механизме “обратной связи” функционирования политических систем.

Литература

1. Барышева Е. 5 фактов о протестных настроениях в России в 2021 го-

⁴¹ Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 222.

- ду // Deutsche Welle: [сайт]. 31 марта 2021. URL: <https://p.dw.com/p/3rNLB> (дата обращения 11.10.2021).
2. ВЦИОМ: Теракт в Санкт-Петербурге: первые оценки. // Пресс-выпуск № 3350. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116155> (дата обращения: 05.02.2021 г.).
  3. ВЦИОМ URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10726> (дата обращения: 05.10.2021)
  4. Всероссийская пресс-конференция «Особенности принудительной вакцинации. Прививаться нужно, увольняться нельзя// Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 28 июля 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11392310> (дата обращения 30.07.2021).
  5. Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб.: ИСЭП, 1995. – 235 с.
  6. Гавра Д.П. Общественное мнение в системе социального управления: дисс ... докт. соц.наук. СПб, 1995. – 039 с.
  7. Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. – 383 с.
  8. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: Учебн. Пособие для вузов. М.: ФГАНУ «Центр социологических исследований», Институт социологии РАН, 2003. – 312 с.
  9. Грушин Б.А. Мнения о мире и мирных мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967. – 400 с.
  10. Игнатовский Я.Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 84–90.
  11. Коробейников В.С. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции. М.: Молодая гвардия, 1981. – 222 с.
  12. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010, Волков Д, Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов, „Вестник общественного мнения”, 2012, № 2, С. 73.
  13. Ноэль–Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996. – 352 с.
  14. Падерин В.К. Общественное мнение в политической системе советского общества. М.: Знание, 1987. – 127 с.
  15. Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Юрайт, 2015. – 623 с.
  16. Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. – 303 с.
  17. Рукавишников В.О. Рационально ли общественное мнение по вопросам экологии // СОЦИС. 1994. № 1.
  18. Сафаров Р.А. Общественное мнение в системе советской демократии М.: Знание, 1982. – 063 с.
  19. Сафаров Р.А. Политический статус общественного мнения // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 14.
  20. Сергей Миронов: тестирование на антитела к COVID должно быть массовым и бесплатным // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 23 марта 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11102910> (дата обращения 15.07.2021).
  21. Старикова М. «Нагнетается определенный психоз»: Митинг КПРФ против принудительной вакцинации кончился задержаниями// Коммерсант. 26.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877504> (дата обращения 15.07.2021).
  22. Тихонова Е.В. Общественное мнение и управление социальными процессами в современном российском обществе. М.: Дело, 2000. – 318 с.
  23. Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963. – 391 с.

24. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. URL: <https://readtiger.com/terme.ru/slovvari/filosofskii-enciklopedicheskii-slovar1.html> (дата обращения: 05.03.2021).
25. URL: http://www.cikrf.ru/analog/edinyden-golosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения 11.10. 2021).

STRUCTURE AND FUNCTIONS OF PUBLIC OPINION IN POLITICS

Singaevskaaya M.V.

Lomonosov Moscow State University

Public opinion is a peculiar way of existence and manifestation of mass consciousness, through which the spiritual or spiritual-practical attitude of the majority of the people (the subject of public opinion) to the facts, events, phenomena and processes of reality (the object of public opinion) that are relevant to it is expressed. This approach to the definition of public opinion allows in this article to consider its essential structure and manifestation of functions in politics.

Having considered the complex characteristics of public opinion as a sociological category and its functions, one can come to the conclusion that public opinion is an important and integral factor in political life. It has a whole arsenal of ways to influence government institutions – from simple approval or disapproval to dictating to the institutions of power and management the ways and means of conducting policy, solving specific problems.

Keywords: public opinion, structure of public opinion, object of public opinion, subject of public opinion, functions of public opinion in politics.

References

1. Barysheva E. 5 facts about protest moods in Russia in 2021 // Deutsche Welle: [website]. March 31, 2021. URL: <https://p.dw.com/p/3rNLB> (accessed 10/11/2021).
2. VTsIOM: Terrorist attack in St. Petersburg: first assessments. // Press release No. 3350. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116155> (date of access: 02/05/2021).
3. VTsIOM URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10726> (date of access: 05.10.2021)
4. All-Russian press conference "Peculiarities of compulsory vaccination. You need to be vaccinated, you can't quit // Official website

- of the Just Russia party. July 28, 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11392310> (accessed 07/30/2021).
5. Gavra D.P. Public opinion as a sociological category and social institution. St. Petersburg: ISEP, 1995. – 235 p.
6. Gavra D.P. Public opinion in the system of social management: diss ... dokt. social sciences St. Petersburg, 1995. – 039 p.
7. Gorshkov M.K. Public Opinion: History and Modernity. M.: Politizdat, 1988. – 383 p.
8. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Applied sociology: Textbook. Allowance for universities. M.: FGANU "Center for Sociological Research", Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2003. – 312 p.
9. Grushin B.A. Opinions about the world and the world of opinions. Problems of public opinion research methodology. M.: Politizdat, 1967. – 400 p.
10. Ignatovsky Ya.R. The role of digitalization in the transformation of Russian political protest // Power. 2021. Vol. 29, No. 1. pp. 84–90.
11. Korobeinikov V.S. Pyramid of opinions. Public opinion: nature and functions. M. : Young Guard, 1981. – 222 p.
12. Clement K., Miryasova O., Demidov A. From the townfolk to the activists. The emerging social movements in modern Russia. Moscow: Three squares, 2010, Volkov D, Protest rallies in Russia in late 2011 – early 2012: a request for the democratization of political institutions, Bulletin of Public Opinion, 2012, no. 2, p. 73.
13. Noel-Neumann E. Public opinion. The opening of the spiral of silence. Moscow: Progress-Academy; All World, 1996. – 352 p.
14. Paderin VK Public opinion in the political system of the Soviet society. M.: Knowledge, 1987. – 127 p.
15. Political sociology: textbook / ed. J.T. Toshchenko. M.: Yurait Publishing House, 2015. – 623 p.
16. Rakitov A.I. Historical knowledge: system-epistemological approach. M.: Politizdat, 1982. – 303 p.
17. Rukavishnikov V.O. Is public opinion on environmental issues rational? // SOCiS. 1994. No. 1.
18. Safarov R.A. Public opinion in the system of Soviet democracy M.: Knowledge, 1982. – 063 p.
19. Safarov R.A. Political status of public opinion // Sociological research. 1979. No. 4. S. 14.

20. Sergei Mironov: testing for antibodies to COVID should be massive and free // Official website of the Just Russia party. March 23, 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11102910> (accessed 07/15/2021).
21. Starikova M. "A certain psychosis is being pumped up": the CPRF rally against forced vaccination ended in arrests // Kommersant. 06/26/2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877504> (accessed 07/15/2021).
22. Tikhonova E.V. Public opinion and management of social processes in modern Russian society. M.: Delo, 2000. – 318 p.
23. Uledov A.K. Public opinion of the Soviet society. M.: Sotsekgiz, 1963. – 391 p.
24. Philosophical encyclopedic dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1989. URL: <https://readtiger.com/terme.ru/slovari/filosofskii-enciklopedicheskii-slovar1.html> (date of access: 03/05/2021).
25. URL: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (accessed 11.10.2021).

Отношение к публичному выражению своих взглядов о религиозной и политической жизни государства на Северном Кавказе

Дзугцев Хасан Владимирович,

доктор социологических наук, профессор

Дибирова Аминат Паруковна,

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН
E-mail: dibirova59@mail.ru

Березина (Корниенко) Наталья Владимировна,

кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН
E-mail: A-editor@yandex.ru

Данная статья написана с целью исследования отношения к публичному выражению своих взглядов об острых вопросах религиозной и политической жизни в Российской Федерации с учётом этнического и мировоззренческого разнообразия, сформировавшегося в ходе исторического развития российского общества. Исследование базируется на материалах массового и экспертного социологического опроса, проведённого в республиках Северо-Кавказского Федерального Округа Российской Федерации в 2020 году. Авторы постарались привести максимально полные и разнообразные высказывания экспертов, позволившие сделать представленные в заключении выводы. В целом можно отметить как разницу в подходах со стороны представителей различных этносов (чаще всех готовы были запретить публичные провокационные высказывания ингуши, реже всего – осетины) и в различных ситуациях (преподавателям и авторам книг в среднем позволена большая свобода в выражении непопулярного мнения, чем простым митингующим), так и общую тенденцию – люди в современном обществе понимают высокую роль влияния публичных высказываний на общественную жизнь, на устройство общества и государства, и скорее готовы ограничить свободу выражения непопулярных взглядов, чем подвергнуться риску распространения опасных для общества идей.

Ключевые слова: Северный Кавказ; общественное мнение; свобода слова; публичные высказывания; религия; выборы; власть.

Введение

Современная общественная мысль всё чаще обращается к вопросу о допустимости публичного выражения своего мнения, особенно, если мнение это значительно выделяется на фоне общего дискурса.

Существуют три основных подхода к определению теории свободы слова: теория поиска истины (или рынка идей) Дж. Ст. Милля, демократическая и теория автономии, выделяющая «... важность свободы слова для самореализации личности и её моральной независимости от государства» [7, С. 92]. Данные идеи объединяет ключевой момент: они с разных сторон высвечивают ценность и уязвимость свободы слова и обеспечиваемой ей свободы личности и общества в их развитии.

В России свобода слова определяется и гарантируется Конституцией РФ: Статья 2 провозглашает права и свободы человека высшей ценностью, защита которой обеспечивается государством, ст. 29 конкретизирует: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства ... Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [1]. Здесь мы сталкиваемся с некоторой неопределённостью: бесконтрольная реализация права на поиск, получение, производство и распространение информации очевидно может привести к возбуждению ненависти или вражды определённого этой информацией характера (например, многие мировые религии изначально предполага-

ют некоторую враждебность к иноверам [2]).

Как же определить ту самую грань, где выражение своего мнения и распространение информации переходит в возбуждение ненависти или вражды? В данном случае важно учитывать не только чёткие прописные истины, но и динамику общественного настроения, так как именно реакция на выраженные взгляды определяет возможность возбуждения ненависти и вражды, а также других негативных последствий, для предотвращения которых работает значительное число институтов российской правовой системы [6; 11].

Говоря о влиянии государства на реализацию людьми права на выражение своего мнения, нельзя не брать во внимание обратноподправленный процесс – влияние публичного выражения мнения на политику государства, особенно ориентированного на демократические ценности. Причём влияние могут оказывать как отдельные лица [8; 9; 13], так и группы населения [10; 12; 14] – например, через опросы общественного мнения. Хотя в России есть механизмы выражения своего мнения народом по ключевым вопросам: референдумы, голосования и т.д., данные институты имеют ряд особенностей, которые не позволяют государству достаточно быстро реагировать на общественные запросы – обеспечение же свободы выражения мнения позволяет оперативней поднимать «на поверхность» актуальные чаяния людей, что в итоге будет способствовать решению общественных нужд и проблем, что в конце концов будет способствовать ослаблению на-

пряжения и недопонимания между властью и народом.

В представленном исследовании мы постарались проанализировать общественное мнение о допустимости высказываний в публичном пространстве на остросоциальные темы (в нашем случае были выбраны высказывания против любой религии и церкви, а также против любых выборов и за неограниченную власть армии и органов госбезопасности), а также отследить, как оно меняется, если такие идеи излагает очень уважаемый человек (в нашем случае – преподаватель ВУЗа), или если они изложены в книгах, представленных в публичной библиотеке.

Массовый и экспертный опросы проводились в шести республиках СКФО РФ. Объем выборки составил 1200 человек (по 200 респондентов из каждой республики); исследование было проведено в 2020 г. Центром исследований приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН под руководством Х.В. Дзудева. Для целей настоящего исследования были отдельно сгруппированы ответы представителей титульных национальностей республик; русские и другие русскоязычные жители региона нетитульных наций были объединены в отдельную категорию.

Результаты исследования

В первую очередь мы предложили респондентам представить, что кто-то заявляет, что он противник любой религии и церкви, и что от них только вред. Отношение к публичному высказыванию таких мнений представлено в таблицах 1, 2 и 3.

Таблица 1. Нужно ли ему разрешить или запретить публично высказывать эти взгляды на собраниях/ митингах в Вашем городе/селе?

(в %)

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	20,9	21,5	23,5	20,7	18,3	23,6	13,6
Запретить	74,9	74,8	75,8	77,7	78,7	57,5	72,7

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Затрудняюсь ответить	4,2	3,7	0,8	1,7	3,0	18,9	13,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видно из таблицы 1, подавляющее большинство респондентов (73,2%) считают необходимым запретить противникам какой-либо религии открыто высказывать свою точку зрения на собраниях или митингах, реже всего так отвечали осетины. В среднем каждый пятый опрошенный (20,3%) считает, что на собраниях и митингах допустимо вы-

сказываться против какой-либо религии, самым непопулярным такое мнение было у чеченцев.

Данные таблицы 2 показывают, что большинство респондентов (66,1%) были против того, чтобы открытые противники какой-либо религии и церкви преподавали в ВУЗах, самым непопулярным такой ответ был среди осетин.

Таблица 2. А если такой противник какой-либо религии и церкви преподают в ВУЗе (институте или университете), нужно ли ему разрешить или запретить преподавать?

(в %)

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	30,0	22,2	34,1	28,5	13,4	35,4	17,2
Запретить	63,5	71,9	63,6	70,4	84,8	41,7	66,7
Затрудняюсь ответить	6,5	5,9	2,3	1,1	1,8	22,8	16,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Из данным таблицы 3 следует, что в среднем две трети опрошенных (67,4%) считают, что книги, написанные противниками какой-либо рели-

гии, необходимо изъять из ближайших библиотек; как и в предыдущих вопросах, меньше всего сторонников запрета (38,6%) было среди осетин.

Таблица 3. А теперь представьте, что книги, написанные противниками религии и церкви, есть в местной библиотеке. Нужно ли разрешить или запретить библиотеке держать такие книги?

(в %)

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	28,1	20,7	33,3	24,0	17,1	40,2	10,6
Запретить	66,2	77,0	62,9	74,3	80,5	38,6	72,2
Затрудняюсь ответить	5,7	2,2	3,8	1,7	2,4	21,3	17,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Причины получения таких ответов мы попытались найти в расширенных комментариях экспертов. Большинство экспертов их Чеченской Республики заявили, что жители их республики ратовали бы за запрет распространения подобного мнения: «Население Чеченской Республики отнеслось бы к такому человеку негативно. Тому, кто заявляет, что он противник любой религии и церкви, и что от них только вред, необходимо запретить публично высказывать свое мнение, преподавать в ВУЗе, также запретить библиотекам держать его книги»; «К такому человеку люди отнеслись бы отрицательно, поскольку человек должен верить и быть приверженцем какой-либо религии. Конечно, есть определенная категория людей, которые считают, что человек может быть вне религии, иметь чисто научное мировоззрение, это чаще встречается в кругах научной интеллигенции в крупных городах»; «С точки зрения большей части жителей республики, Русская православная церковь не нужна».

Большинство экспертов из Республики Дагестан считают, что открытое выражение неприязни к какой-либо религии население не примет: «К этому отнеслись бы плохо. Делать такие заявления неразумно, права надо уважать. Религия нужна большей части населения»; «Люди понимают, что сей день – это неприлично, это неумный человек, не способный смотреть даже на полшага вперед»; «Это было бы поводом для горячих дискуссий среди населения. Вряд ли кто-либо решился бы провоцировать окружающих на подобные споры»; «Ну, мало кто так бы сказал. Обычно говорят: «Ты верующий? Я уважаю твой выбор. Я не хочу тебя оскорблять, но меня лучше не трогай. Если я приду к религии, то сам, своим сердцем». Негативного такого момента, наверное, нет. Прямых атеистов тоже нет, хотя не исключено, что они есть. Но так не заявляет никто, как могут заявить за рубежом, например. Здесь не принято так говорить, потому что важную роль играет дагестанский менталитет. Это всё равно, что сказать: «Я не при-

надлежу этому этносу». Т.е. нередко религиозные моменты связаны с принадлежностью к этносу».

В ответах экспертов из Кабардино-Балкарской Республики было больше разнообразия. Большинство высказали достаточно либеральные мнения: «К таким людям в нашей республике отнеслись бы с пониманием. Это личное дело каждого человека – как относиться к религии. Атеистов тоже достаточно много. Возможно, с точки зрения определенной части населения, это вызвало бы недопонимание и неприятие, но в основном это воспринимается как личное дело и выбор каждого»; «Мы все вышли из Советского Союза, в котором подавляющее число населения были атеистами, и такие заявления населением воспринимаются спокойно и естественно. Другое дело, если человек будет навязывать свою точку зрения, то тут он встретит сопротивление»; «Мне кажется, что сейчас отнеслось бы терпимо, потому что атеист имеет право на свои взгляды. Он имеет точно такие же права, как и человек верующий. Другое дело, что должно быть чувство меры»; «Я думаю, что у него будут единомышленники. Значительная доля населения. Я это связываю с происходящими событиями, более того, я начинаю склоняться в сторону этих людей. Не скажу, что я ярый противник, но вопрос религии и ее роли в жизни населения – меня уже задевает». Около трети экспертов КБР считают, что кабардинцы и балкарцы скорее склонились бы к запрету деятельности противников какой-либо религии: «Запретить. Они приносят вред, подрывают настоящую, человеческую веру. Поэтому к ним я отношусь отрицательно и всякого рода их агитации, проповеди надо запретить. Мое мнение такое. Конечно, каждый волен говорить что угодно, если это не во вред соседу, товарищу, но проповедовать такие идеи – должно быть запрещено. Если он заявляет открыто – это будет рассматриваться как его недостаток»; «Отрицательно. Если он против радикализма, то можно и нужно выступать,

в том числе и открыто. Но против традиционного ислама, или православия, или иудаизма население не разрешит выступать»; «Мне кажется, это просто глупый человек. А с другой стороны, как может появиться такой один человек, кто-то донес это до него, его семья и близкие. Он, наверное, с этим родился и рос. Наверное, ему пришлось бы сложно. Наверное, есть такие люди, но они просто умалчивают об этом, а мы не спрашиваем. Но если бы он кричал о том, что нужно убрать церкви и мечети, ему пришлось бы уехать из республики».

Около половины экспертного сообщества Карачаево-Черкесской Республики предположили, что население скорее будет желать запрета деятельности подобных людей: «К противнику религий отнесутся отрицательно, он не будет в обществе иметь никакой поддержки». Высказывались и противоположные мнения: «В КЧР живут представители различных религий, течений, философских течений. Если человек не имеет никаких притязаний к твоему личному пространству, то отношение положительное. Население положительно относится к чужим мнениям».

Высказывания экспертов из Северной Осетии содержали более нейтраль-

ные оценки: «Любая религия это конечно плод человеческой деятельности. Но религия в обществе играет определенную роль и поэтому говорить, что от религии один вред, неправильно. Если бы не было религии, то общество невозможно было удержать от противоправных действий. Когда в обществе нет моральных устоев, которые дает религия, в обществе царит хаос»; «В истории России уже был такой период. На самом деле, это личное дело каждого. Все имеют право на свое мнение, главное не навязывать его насильно тем, кто его не разделяет. Думаю, население РСО-А отнеслось бы по-разному. Верующие люди бы не поняли такие высказывания. И боялись бы даже слушать, чтобы кара божья их не настигла»; «Нормально, людей с такими взглядами становится все больше. Атеизм никак не сказывается на нравственных установках нашего населения. Сегодняшний мир – это мир рациональных людей, где для религии все меньше места».

Далее мы предложили респондентам представить ситуацию, в которой кто-то выступает за отмену всяких выборов и неограниченную власть армии и органов госбезопасности. Отношение к публичному выражению такого мнения представлено в таблицах 4, 5 и 6.

Таблица 4. Нужно ли разрешить или запретить ему публично высказывать эти взгляды на собраниях/митингах в Вашем городе/поселке?

(в %)

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	15,6	17,0	28,8	20,1	15,2	17,3	13,6
Запретить	79,1	76,3	71,2	78,2	84,1	70,1	78,3
Затрудняюсь ответить	5,3	6,7	0,0	1,7	0,6	12,6	8,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Данные таблицы 4 свидетельствуют, что в среднем три четверти (76,8%) респондентов были против того, чтобы человеку, выступающему за отмену вы-

боров и неограниченную власть армии и органов госбезопасности, дали возможность высказываться на собраниях. По сравнению с ответами, представ-

ленными в таблице 1, здесь наблюдается значительно большее единообразие мнений. В среднем 18,2% респондентов

сочли, что такие высказывания допустимы.

Таблица 5. А если такой сторонник неограниченной власти армии и органов госбезопасности и противник выборов преподаает в ВУЗе (институте или университете), нужно ли ему разрешить или запретить преподавать?

(в %)

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	22,1	16,3	34,1	22,9	11,6	20,5	20,7
Запретить	71,9	73,3	65,9	75,4	87,2	56,7	65,2
Затрудняюсь ответить	6,1	10,4	0,0	1,7	1,2	22,8	14,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видно из таблицы 5, семь из десяти респондентов (70,8%) считают, что противникам выборов и сторонникам неограниченной власти армии и ре-

прессивных органов не следует разрешать преподавать в ВУЗе; 21,2% опрошенных находят это возможным

Таблица 6. А теперь представьте, что книги, призывающие к неограниченной власти армии и органов госбезопасности, есть в местной библиотеке. Нужно ли разрешить или запретить библиотеке держать такие книги?

(в %)

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Разрешить	19,4	17,0	30,3	20,7	13,4	22,8	14,6
Запретить	75,3	74,8	69,7	78,8	84,8	59,8	72,7
Затрудняюсь ответить	5,3	8,1	0,0	0,6	1,8	17,3	12,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Три четверти респондентов (73,7%) высказывались за то, чтобы из библиотек изымали книги, отстаивающие идеи о неограниченной власти силовых структур.

Большинство экспертов считают, что граждане их республик поддержали бы запрет свободно высказываться тем людям, которые являются противниками выборов и сторонниками неограниченной власти силовых органов.

Эксперты из Чеченской Республики высказывались таким образом: «Человеку, который выступает за отме-

ну всяких выборов и неограниченную власть армии и органов госбезопасности, нужно запретить публично высказывать эти взгляды, преподавать в ВУЗах, также запретить библиотекам держать его книги»; «Возможно, в начале был бы протест, а потом люди согласились бы. Если бы это исходило от лидера республики, то население согласилось бы, потому что они в нем видят некоего гаранта стабильности. Интересы власти и народа в сознании среднего чеченца не совпадают, у них разные цели. В сознании людей сидит мысль:

«Оставьте нас в покое», потому что повлиять на власть народ не видит возможности. У нас власть не служит народу, а народ прислуживает. Для того, чтобы было иначе, надо иметь весьма развитое гражданское национальное, от слова «нация», государственное мышление, сознание. А люди, мне кажется, пережив невзгоды, ценят больше всего жизнь»; «Что касается неограниченной власти армии и органов госбезопасности – это воспринимается обществом как вторжение в социально-политическую жизнь социума. Есть, конечно, исключительные случаи, когда армия берет власть в свои руки, чтобы навести порядок в государстве».

Эксперты из Дагестана вновь говорили об осуждении обществом именно публичных высказываний подобных взглядов: «Наши люди осудят этого выскочку, посчитают его психически больным. Можно понять, что с такими лозунгами выйти в военный период, но не в мирное время. Это было бы глупостью»; «Я категорически против. Власть должна быть избрана народом. Мне кажется, что административно-территориальное деление можно было бы организовать по-другому. Мы, к сожалению, не изучаем опыт царской администрации XIX в., которая очень скрупулёзно анализировала этнические моменты. У нас, к сожалению, этого нет. Нет необходимости в таком количестве районов, в таком административном делении. Власть необходимо избирать на уровне республики, глава должен назначать власть на уровне районов, а уровень районов должен назначать управленцев на уровне муниципальных образований. Тогда будет с кого спрашивать. А так у нас никто ни за что не отвечает. Власть на уровне муниципального образования избрана, снять её невозможно. Она что хочет, то и делает. Как избирают её, мы тоже знаем: голоса покупаются. Когда будет демократия, и человек будет приходить во власть и знать, что там он ничего не зарабатывает, кроме того, что отдаст от себя на благо своего народа, когда такое сознание будет в обществе,

тогда власть будет совершенно другой. Но не на данный момент. Республиканская власть не должна избираться узким кругом лиц, она должна избираться народом. Потом этот общепризнанный лидер должен требовать, и народ должен с него требовать. И он должен устанавливать на местах справедливость, закон и порядок в понимании нормального человека, а не в воровском лозунге»; «Если кто-то выступает за отмену выборов и неограниченную власть армии – это один из наихудших вариантов развития ситуации. Это путь в никуда»; «Смотря в какой форме это произойдет. Населения Дагестана в 70% случаях высказываются за «твёрдую руку», наведение порядка во всех сегментах жизни. Люди устали от «разгильдяйства», произвола, мздоимства власть предержащих. Если будет наведен «порядок» добрая половина населения Дагестана возражать не будет. Другое дело, что власти могут увлечься в эту игру, тогда вместе с виновными головами полетят и невинные»; «Я воспринял бы его как сильно отчаявшегося человека, который хочет, чтобы его гражданские права защищало бы государство. Это было бы его последняя попытка выражения своих чаяний. Естественно, пройдя все инстанции и ничего не получив, не получив никакого удовлетворения, он хотел бы, чтобы «сильной рукой» государство бы наказало обидчиков. Что-то мне подсказывает, что большинство населения было бы не против. Хотя потом бы это, несомненно, привело бы к авторитаризму и тоталитаризму».

Аналогичную точку зрения высказали эксперты из Кабардино-Балкарской Республики: «Я думаю, отрицательно. Понимаете, здесь же не идет речь о свободе выбора. Неограниченная власть армии и органов госбезопасности – мы знаем, к чему это приводит, и наша страна пережила 37, 30-е годы. Более того, значительная часть населения полагает, что отрицательные явления, которые мы наблюдаем, вовлечение молодёжи в радикальные течения ваххабизма – это есть последствия того, что свое время правоохра-

нительные органы, вместо того, чтобы проводить профилактические мероприятия, стали жестко бороться этим течением и нарушали законность в этом плане. Поэтому, я думаю, что реакция будет отрицательной»; «Ни в коем случае нельзя разрешать такому человеку, который вздумал открыто где-то выступить, потому что это не отражает мнение и никак не может отразить мнения людей, потому что мы, все-таки, светское общество и живем по конституционным законам. Что касается неограниченной власти армии, можно сказать, что неограниченная власть в руках кого угодно, и гражданского, и армейского – это плохо. Бывают ситуации, когда представители армии берут в свои руки власть. Но во всех случаях, это отрицательно скажется на общественном развитии»; «Если эти призывы есть в древних или исторических книгах, я бы не стала их изымать из библиотек, потому что по ним можно было бы изучить историю. Что касается современных книг, если они призывают к тоталитаризму, я бы их запретила, потому что сегодняшнему человеку, который мало разбирается в политических течениях или плохо разбирается в направлениях религии, не сразу станет понятно, что его призывают стать участником создания какого-то тоталитарного общества. Вряд ли им надо позволять высказываться на митингах, потому что есть «эффект толпы» и невозможно предсказать, к чему может подтолкнуть людей человек, обладающий ораторским даром, и это очень опасно. В любом случае, ни одно государство в виде силовых структур не должно иметь неограниченной власти, потому что всегда при этом есть опасность того, что пострадает огромное количество невиновных людей»; «Этого, к сожалению, сейчас нет, и к выборам у населения вырабатывается совсем другое отношение. Ходит население или не ходит – всё равно выборы, как правило, состоятся, людей выбирают, а выбирают как – скорее всего, назначают. Честно говоря, я на представительную власть сейчас смотрю несколько другими глазами, чем это было

раньше. Сегодня я на них смотрю как на назначенцев сверху. Можно и отменить выборы, но лучше сделать законными и объективными. Лучшего человечество еще не придумало, это единственный инструмент формирования представительной власти. Поэтому это надо просто совершенствовать. Сейчас очень ущербные выборы. Исторически кабардинцы и балкарцы очень серьезно относились к выбору – мы князей своих выбирали, у нас была Хасэ традиционная, законодательная власть. А сейчас мы извратили суть выборов, и в этом люди сами не виноваты. Вертикаль власти так построили, что выборы уже никакого значения не имеют. Под видом выборов сейчас назначаются чиновники. Люди уже стали безразлично относиться, они знают, видят, что от них мало зависит, в общем, полная апатия. А если бы выборы отменили и усилили роль органов власти, органов безопасности, армии – это было бы страшно. Это тупик человеческого развития. Я не могу представить себе такого. Но такие формальные выборы как сейчас тоже долго не будет продержатся, люди осознают, что они все-таки какую-то роль должны играть, не на словах, а на деле. В конце концов люди должны прийти до понимания, что от них зависит назначение того или иного чиновника и проявить активность»; «Это абсурдно и нереально в условиях достаточно развитой демократии. В нынешних условиях это вообще противоречит закону, так как, по сути, речь можно вести об изменении конституционного строя. Я думаю, это вернет к тоталитарному режиму, в принципе не приведет ни к чему хорошему. Население не готово принять такую ситуацию, уже нет, после того, как ощутили какую-то степень свободы»; «Для меня лично выборы не имеют никакого значения. Имеет значение человек, а структура и организация с некоторых пор не имеет значения, потому что однажды я участвовал в этом и был сильно удивлен, что можно бросить в урну около ста бюллетеней одним человеком. Руководство дало такое распоряжение, и я это сделал. Но я про-

тив того, чтобы дали неограниченную власть органам госбезопасности и силовым структурам. Это рождает коррупцию, потому что уже завтра станет очень сложно попасть в эти структуры. Даже очень законопослушному и порядочному человеку, который захочет туда попасть, будет очень сложно это сделать без денег. Поэтому я против такого рода привилегий в любой структуре».

Эксперты из Карачаево-Черкесской Республики высказались достаточно категорично: «Это было бы выступлением против государственности, против основ нашей страны. Любое государство должно обладать военной мощностью. Людям, которым не нравится, свободно уезжают. Всегда находятся те, кто не доволен действующей властью».

Экспертный корпус Республики Северная Осетия-Алания был един во мнении о неодобрении осетинами свободного выражения мнений от противников выборов и сторонников «крепкой руки»: «Это неприемлемо. В такой стране жить и реализовываться нет возможности. Поэтому я бы не смогла жить при таком строе и покинула бы страну»; «Население резко негативно отреагировало бы на подобную ситуацию. Можно сказать даже больше по этому поводу: у нас это сейчас и невозможно. И неограниченная власть также невозможна, так как очень большой процент грамотных и образованных людей от всего населения этого не допустят»; «Население Северной Осетии будет категорически против. Что такое власть военных и спецорганов – это, фактически, диктатура. В демократической стране должна быть демократия и коллегиально должны выбираться органы власти такие, как Совет Федерации, Госдума и т.д. Население против, чтобы какая-то группа в лице военных захватила власть».

Эксперты из Республики Ингушетии отметили категоричный настрой ингушей в отношении всех предложенных ситуаций, исключение составляли лишь письменные источники: «Население запретило бы. Такого рода литературу можно предоставлять в библиотеках.

Если преподаватели высказываются таким образом, то им не место в учебных заведениях, они мешают молодежи самим определяться, выбирать. Нельзя таким людям давать трибуну, потому что их цель выискивать людей, которые выступают против власти. Это провокаторы, которые будут подрывать основы государства».

Заключение

Проведённое исследование показало достаточно чёткую картину – люди понимают, что возможность открыто публично выражать своё непопулярное мнение несёт риск нестабильности социальной системы и государственного строя, и платить такую цену они не готовы.

Как показывают наши опросы, чеченцы не были самыми яркими сторонниками запретов – частота ответов «запретить» близка к средним показателям по всем группам респондентов, разрешали такие выступления примерно так же часто, как и затруднялись с ответом. Комментарии экспертов в основном выражали аналогичные настроения, особо привлекло наше внимание замечание о готовности жителей республики принять на первый взгляд недопустимую позицию, если она звучит от лидера республики. В наших более ранних исследованиях мы приходили к похожим выводам на основании данных массовых опросов – до четверти чеченцев затруднялись с ответом на вопросы об отношении к публичной активности сторонников любых религий, кроме ислама [3–5].

Дагестанцы чаще желали запретить предложенные формы выражения своего мнения; эксперты в комментариях поясняли неразумность подобных высказываний, допуская, что такие мысли могут возникать у отдельных людей и оставаться не озвученными под страхом общественного осуждения; при этом сами эксперты выражали недовольство нынешней системой власти и допускали назревание внутреннего неудовлетворения в народе.

Эксперты из КБР достаточно смело высказывались об атеизме, его проч-

ных корнях, относящихся к советскому периоду, и допустимости озвучивания своих антирелигиозных и антицерковных взглядов; немало было и тех, кто считал неприемлемыми подобные высказывания – последнее мнение совпало с данными массовых опросов, где кабардинцы и балкарцы показали достаточно однозначную готовность запретить любые формы публичного осуждения религии и церкви. Более близкими к средним показателям были ответы на вопросы о призывах к отмене выборов и неограниченной власти армии и органов госбезопасности. В этой части эксперты давали наиболее развёрнутые пояснения – неоднократно приводились примеры страшных последствий подобной политики, также говорилось об исторической органичности выборной традиции для кабардинцев и балкарцев.

Мнения экспертов из КЧР о допустимости провокационных высказываний о вреде религии и церкви разделились, а вот массовые опросы показали неожиданную динамику: карачаевцы и черкесы в среднем немного чаще рассмотренных выше групп желали запрета выражения подобных мнений на митингах, а вот к словам преподавателей ВУЗов или авторов книжной продукции отношение было более лояльным, в вопросах об отмене выборов и неограниченной власти органов госбезопасности уровень лояльности был также выше, чем в других мусульманских республиках.

Самые категоричные запреты высказывали ингуши, эксперты республики подчеркнули, что такие мнения могут исходить от провокаторов, которым нельзя давать трибуну.

Наибольшую лояльность выражали осетины – в среднем только половина респондентов желали запретить предложенные высказывания, причём большую лояльность проявляли к мнениям, озвученным преподавателями ВУЗов или изложенными в книгах. Эксперты делали акцент на исторической важности института религии в обществе и растущую популярность атеизма; в вопро-

сах, связанных с выборами и полнотой власти, высказывания были гораздо более категоричными.

В целом можно отметить как разницу в подходах со стороны представителей различных этносов и в различных ситуациях (преподавателям и авторам книг в среднем позволено больше, чем простым митингующим), так и общую тенденцию – люди в современном обществе понимают высокую роль влияния публичных высказываний на общественную жизнь, на устройство общества и государства, и скорее готовы ограничить свободу выражения непопулярных взглядов, чем подвергнуться риску распространения опасных для общества идей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Горюнов С.А. Между полемикой и толерантностью: конструирование «религиозного другого» через призыв николаевской цензуры // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(2). С. 247–276. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-2-247-276>.
3. Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Общественное мнение населения республик Северо-Кавказского Федерального Округа Российской Федерации о религиозных ценностях иудеев // Миссия конфессий. 2017. № 21. С. 21–30.
4. Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Общественное мнение населения республик Северо-Кавказского Федерального Округа Российской Федерации о ценностях новых западных религий // В сборнике: Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы II ежегодной научно-практической интернет-конференции. Вологодский научный центр Российской академии наук. 2017. С. 174–180.

5. Дзугцев Х.В., Корниенко Н.В. Отношение населения республик Северо-Кавказского Федерального Округа Российской Федерации к ценностям православных христиан // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 1 (103). С. 116–126.
6. Котляров М.В. Контролируя неконтролируемое: стратегия российского государства в интернете // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 3. С. 41–56.
7. Кульнев А. Свобода выражения мнения: обзор основных теорий // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 2 (129). С. 92–104.
8. Лоос Е.В. Применение принципа повышенной терпимости публичных лиц к критике в свой адрес в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98). С. 29–34.
9. Миронкина О.Н. Ограничения, связанные с публичным выражением сотрудником органов внутренних дел своего мнения, и их связь с созданием его имиджа // В сборнике: Формирование позитивного имиджа органов внутренних дел в деятельности подразделений информации и общественных связей. Материалы межведомственной научной конференции. Составитель С.С. Никитина. Санкт-Петербург, 2017. С. 88–92.
10. Нурутдинова А.Н., Русь А.А. Мнение россиян о возможностях публичного выражения мнения и технологиях «черного пиара» // Наука и современность. 2016. № 45. С. 100–104.
11. Павлова Э.С. Правовые основы и пределы свободы выражения мнения, практика уполномоченного по правам человека в Пермском крае // В сборнике: Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики: материалы Международной научно-практической конференции. 2015. С. 432–440.
12. Попов А.В. Общественное мнение как фактор влияния гражданского общества на институты власти и управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 4 (118). С. 42–49.
13. Решетникова И.В. Публичное выражение мнений и участие в общественной жизни судей: пределы и возможности // Судья. 2015. № 1 (49). С. 16–19.
14. Хохлова Е.А. Открытое письмо как конституционно-публичный институт выражения мнения // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 11. С. 23–34.

ATTITUDE TOWARDS PUBLIC EXPRESSION OF ONE'S VIEWS ON RELIGIOUS AND POLITICAL LIFE IN THE NORTH CAUCASUS

Dzutsev Kh. V., Dibirova A.P., Berezina (Kornienko) N. V.
ISPR FCTAS RAS

This article was written with the aim of studying the attitude towards the public expression of one's views on acute issues of religious and political life in the Russian Federation, taking into account the ethnic and ideological diversity that has formed during the historical development of Russian society. The study is based on the materials of a mass and expert sociological survey conducted in the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation in 2020. The authors tried to give the most complete and varied statements of experts, which made it possible to draw the conclusions presented in the conclusion.

In general, it can be noted as a difference in approaches on the part of representatives of various ethnic groups (most of all, they were ready to ban public provocative statements of the Ingush, least of all – Ossetians) and in various situations (teachers and authors of books, on average, were allowed more freedom in expressing unpopular opinion than ordinary protesters), as well as the general trend – people in today's society understand the high role of the influence of public statements on public life, on the structure of society and the state, and are more likely to limit the freedom of expression of unpopular views than to run the risk of spreading ideas dangerous to society.

Keywords: North Caucasus; public opinion; freedom of speech; public statements; religion; elections; power.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 // SZ RF. 2014. No. 31. Art. 4398.
2. Goryunov S.A. Between controversy and tolerance: constructing a "religious other" through the prism of Nikolaev censorship // State, religion, church in Russia and abroad. 2021. No. 39(2). pp. 247–276. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-2-247-276>.
3. Dzutsev Kh.V., Kornienko N.V. Public opinion of the population of the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation on the religious values of the Jews // Mission of confessions. 2017. No. 21. pp. 21–30.
4. Dzutsev H.V., Kornienko N.V. Public opinion of the population of the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation on the values of new Western religions // In the collection: Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. materials of the II annual scientific and practical Internet conference. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2017. pp. 174–180.
5. Dzutsev H.V., Kornienko N.V. Attitude of the population of the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation to the values of Orthodox Christians // Ethnosocium and interethnic culture. 2017. No. 1 (103). pp. 116–126.
6. Kotlyarov M.V. Controlling the uncontrollable: the strategy of the Russian state on the Internet // Bulletin of the Perm University. Political science. 2017. No. 3. pp. 41–56.
7. Kulnev A. Freedom of expression: a review of the main theories // Comparative constitutional review. 2019. No. 2 (129). pp. 92–104.
8. Loos E.V. Application of the principle of increased tolerance of public persons to criticism in the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2019. No. 1 (98). pp. 29–34.
9. Mironkina O.N. Restrictions associated with the public expression of an opinion by an employee of the internal affairs bodies, and their connection with the creation of his image // In the collection: Formation of a positive image of the internal affairs bodies in the activities of information and public relations departments. Materials of the interdepartmental scientific conference. Compiled by S.S. Nikitin. St. Petersburg, 2017. pp. 88–92.
10. Nurutdinova A.N., Rus A.A. The opinion of Russians about the possibilities of public expression of opinion and the technologies of "black PR" // Science and Modernity. 2016. No. 45. pp. 100–104.
11. Pavlova E.S. Legal foundations and limits of freedom of expression, the practice of the Commissioner for Human Rights in the Perm Territory // In the collection: Language tolerance as a factor in the effectiveness of language policy: materials of the International Scientific and Practical Conference. 2015. pp. 432–440.
12. Popov A.V. Public opinion as a factor in the influence of civil society on the institutions of power and management // Ethnosocium and interethnic culture. 2018. No. 4 (118). pp. 42–49.
13. Reshetnikova I.V. Public expression of opinions and participation in the public life of judges: limits and opportunities // Judge. 2015. No. 1 (49). pp. 16–19.
14. Khokhlova E.A. An open letter as a constitutional and public institution for expressing opinion // Constitutional and municipal law. 2012. No. 11. pp. 23–34.

Эмоции молодежи в постковидном городе: социологический анализ. Современная молодежь и ее сущностные характеристики

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Бобриков Валерий Николаевич,

доктор педагогических наук, профессор, декан факультета фундаментальной подготовки Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: ideologie@mail.ru

В статье проводится социологический анализ эмоций молодежи в реалиях постковидного городского пространства. В вводной части работы авторы обращают внимание на исследовательские точки зрения на возрастные границы молодежи, обуславливающие принадлежность индивидов к данной социально-демографической группе. Далее критически рассматриваются различные критерии, в соответствии с которыми люди могут быть отнесены к молодежи. Авторами обосновывается, что для более глубинного осмысления молодежи вне зависимости от методологических установок отдельных исследователей целесообразно руководствоваться сочетанием нескольких критериев. Предложен собственный «обобщающий» подход к прояснению сущностных характеристик молодежи. Представлены методы и материал исследования. Описана процедура исследования. Выявлены релевантные работы, посвященные трансформации эмоций молодежи в период пандемии коронавирусной инфекции. В заключение подводятся итоги и намечаются перспективы для будущего результирующего исследования.

Ключевые слова: эмоции, молодежь, повседневность, коронавирусная инфекция, пандемия, общество, взаимодействия, городское пространство.

Специфика проявления эмоций у молодежи подразумевает обращению к изучению особенностей и сущностных характеристик данной группы [14]. В первую очередь следует уточнить, что несмотря на относительно юный возраст социологии, молодежь вовсе не обделена различными позициями ученых на предмет ее осмысления, в том числе и среди представитель других частных наук. Начнем с того, что молодость как таковая связана с возрастными характеристиками, являя собой период личностного взросления и становлений на отрезке от 18 до 30 лет [7]. Самоочевидно, что отсутствие единства в понимании возраста позволяет отодвигать верхние и нижние рамки в обе стороны. К примеру, Т.В. Лисовский, соглашаясь с верхней границей в 30 лет, опускает нижнюю до 16 лет [9]. Однако максимально широкие границы молодости лежат между 14-ю и 35-ю годами [1].

Для социологов привлекательность молодежи как целевой группы и одновременно с этим объекта исследования состоит главным образом в особенностях ее повседневности и богатого на проявления образа жизни. Неудивительно, что повсеместно встречаются люди куда более старшего поколения, придерживающегося молодежного образа жизни. В связи с этим весьма любопытны результаты не так давно проведенного фондом «Общественное мнение» опроса. Они хоть и конгруэнтны так называемому «научному» пониманию молодости, но заставляют задуматься. Прежде всего, это связано с несколько локализованным пониманием молодости: 35% респондентов относят сюда период жизни от 30 до 34 лет, а еще 25% – от 25 – до 29 лет. Но более всего показательно мнение других 25% респондентов, продлевающих молодость как таковую до 50 лет [12]. Та-

кое «ностальгирующее» отношение наверняка связано с наполненностью ранних периодов жизни определенными смыслами и/или же такими распространенными трендами современности, как, к примеру «жизнь в стиле соло», «синдром Питера Пена», что все-таки позволяет варьировать границы молодости в различных урбанизированных пространствах российского социума. Отсюда следует, что традиционная верхняя граница молодости – 35 лет – неминуемо отодвигается. Экспликация подобного понимания на общепланетарный масштаб дает основания полагать, что продлению молодости могут способствовать совершенствование качества предоставляемых медицинских услуг, общее увеличение продолжительности жизни, общая инициативность граждан, обусловленная перманентным характером преобразований и желанием стать со-участником в позитивизации окружающей действительности и ее объектов.

Как известно, одними из первых фундаментальных социологических исследований, посвященных молодежи, являются работы Т. Парсонса. Так, американскому мыслителю удалось зафиксировать такие характеристики данной группы, как «инициатор социальных перемен», «драйвер социализации», «нон-конформистский, переходящий в протестный тип настроений» [13]. Приведенный перечень дает все основания считать, что именно молодежь воспринимается как главный актор запуска функциональных цепей социальных обновлений и демонстрации самых различных стилей и вкусовых предпочтений жизни.

В продолжении изучения работ классиков социологии, обращает на себя внимание фигура К. Мангейма. Он определяет «молодежь» следующим образом: «Один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность <...> Особая функция молодежи состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний

план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам» [10, с. 571–572]. На наш взгляд, приведенная дефиниция в очередной раз подчеркивает, что молодежь выступает своего рода «скрытым ресурсом», актуализация которого наблюдается в тех случаях, когда то или иное общество нуждается в поступательном реформировании или же вовсе кардинальных изменениях – именно поэтому объединенные в конкретные сообщества молодые люди являются двигателем инновационного развития социума.

Претендует на всестороннее понимание сущности молодежи позиция В.И. Добрынина. В своем освещении особенностей молодежи она предлагает одновременно руководствоваться несколькими – психофизиологическими, социальными, экономическими – критериями. Итак, по мнению автора, к «молодежи» следует относить наиболее динамичную социальную прослойку, которая пребывает в состоянии становления и формирования организма и психики, а также постепенно интегрируется в множественные системы intersubъективных взаимодействий, тем самым обретая самостоятельность и материальную независимость [4, с. 38].

Анализ трудов И.С. Иконниковой дает основания причислить к «молодежи» достаточно сложную и внутренне дифференцированную группу. Сложность такого образования объясняется тем, что принадлежащие к нему представители неизбежно будут выполнять неодинаковые функции, играть различные роли повседневности, придерживаться собственных наборов аксиологических модусов, одобрять и воплощать на практике те или иные ментальные конструкты, а также дифференцироваться по многим другим параметрам (классовые признаки, статус, конфессиональные признаки) [6, с. 53]. На самом деле, развернутая интерпретация дефиниции Иконниковой позволяет схватить собственно социологическое

понимание рассматриваемой группы, обратить внимание на функциональную неоднородность и выстраивать различные иерархии, которые на каждом этапе общественного развития высвечивают богатство новых смыслов. При этом наиболее распространенным в отечественном обществоведческом дискурсе определением молодежи все еще остается термин, который предложил И.С. Кон. По его мнению, под «молодежью» следует понимать «социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла, биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанные с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [8, с. 85]. Вне сомнения, здесь отчетливо выражена претензия на универсальность молодости как этапа взросления, но тут можно увидеть распространенные сегодня динамику и подвижность данных рамок, поскольку они, как уже было показано нами выше, всегда детерминированы контекстуально.

На основании вышеприведенных позиций выведем свой обобщающий подход. Мы относим к «молодежи» представителей определенного поколения людей, которому присущи: (1) активная жизненная позиция; (2) процесс становления; (3) готовность к многозадачности и многофункциональности, проявляющиеся в (а) плюрализме принимаемых ролей; (б) тяге к новому (информация, знания, технологии); (с) стремлениях не выбирать одну профессию по принципу «раз и навсегда», но освоить несколько профессиональных компетенций; (4) динамичность и непредсказуемость мотивов. Инструментальное значение данного и какого-либо подобного подхода позволяет выйти

за учет формальных возрастных рамок, но сосредоточиться именно на характере жизнедеятельности и расставлять акценты на значимых ключевых характеристиках, задающих широкую панораму для компаративистских изучений. Действительно, проведя сквозной анализ понимания молодежи, мы обнаруживаем, как существенно расширяются методологические возможности социологии, а данные опроса по поводу того, что к молодежи можно относить людей старше 30–35 лет, ни в коей мере не выглядят оторванными от реальности. Более того, непредвзятый анализ наличных реалий и огромного числа научных, научно-популярных и художественных работ свидетельствует об увеличении численности индивидов, предпочитающих молодежный образ жизни за счет, например, более позднего создания собственной семьи, комфорта проживания с родителями, неодномоментного достижения финансовой самостоятельности и т.д. С другой стороны, этим людям удается надолго сохранить такие важные для молодежи сущностные характеристики, как открытость, свобода выбора и суждений, критичность мышления, доходящая до антагонизма неоднородность ценностных ориентаций, приверженность непривлекательным социальным ролям, ярко выраженный иррационализм поведенческих паттернов и жизненных сценариев [3].

В полной мере солидаризуем-ся с тем, что молодежь – это «главный агент социальных изменений, происходящих в стране» [16, с. 27]. Здесь как нельзя лучше схватываются не только динамизм и непостоянность, но и влияние данной социально-демографической группы на осуществляемые социальные изменения, для чего хотя бы достаточно вспомнить показательный в данном плане XX век. И хотя сегодня подобное понимание, вне всякого сомнения, выглядит идеализированным, но молодые люди все еще остаются наиболее вовлеченной в различные сферы общественной жизни группой, которой неоднократно удавалось изменить привычное положение

вещей вплоть до самых неожиданных переворотов по всему миру.

Конечно, в первую очередь вспоминаются протестные движения, приводившие к смене государственных режимов, однако нас более интересуют трансформации рамок повседневности, а не целой институциональной архитектоники, в которой, например, гораздо чаще и интенсивнее решающая роль отводится различного рода властным акторам. Скорее можно говорить о том, что молодежь способна объективировать энтузиазм и энергию субъектов их сообщивших, а также протестировать разработанные в недрах интеллектуальных сообществ социальные новации как наиболее мотивированная на метаморфозы группа. Н.М. Великая и Г.В. Тартыгашева связывают специфический статус молодежи с отсутствием опыта. При этом мы не можем согласиться с ними в том, что данная группа не обладает реальными социальными связями, а множественная идентичность сегодня скорее оказывается перспективным достоинством молодежи, нежели, как полагают эти авторы, «слабым навыком» [5]. Тем более парадоксально выглядит вывод Великой и Тартыгашевой о том, что именно молодые люди являются объектом манипуляций [2, с. 24]. Социальная практика все чаще доказывает обратное: критический настрой сегодняшней молодежи уже не раз заставил другие группы предлагать более продуманные инициативы и отказаться от приверженности двойным и тройным стандартам, а также излюбленной многими субъектами черной риторики.

В рамках данного исследования под молодежью понимаются люди в возрасте от 14 до 35 лет. Мы исходим из того, что молодежь представляет собой наиболее перспективную, динамичную и в то же время самую открытую по отношению к внешней среде и инновациям социально-демографическую группу. Индивидов, относящихся к молодежи, объединяют весьма схожие психофизиологические особенности, при этом следует сделать акцент, что их ак-

сиологические модусы и экспектации вряд ли удастся привести к общему знаменателю, поскольку эти характеристики детерминированы ролевыми позициями, социальными статусами и контекстуальными реалиями, в которых бытийствуют представители российской молодежи. Важнейшей характеристикой социально-демографической группы выступает нахождение в состоянии интенсивного развития, поисков своего места в системе социальных взаимодействий, вхождения в профессию и т.д. Все это оказывает влияние на эмоциональный фон личности, ее состояния, которые могут отличаться отсутствием стабильности. В период пандемии привычные виды деятельности оказались недоступны молодым людям, а привычный образ жизни попросту был нарушен, соответственно, особую актуальность приобретает изучение эмоциональных состояний до и после пандемии именно этой социально-демографической группы.

Материал и методы исследования

Принимая во внимание выявленные подходы к пониманию эмоций, молодежи как социально-демографической группы, представляется целесообразным обратиться к изучению трансформаций молодежи до пандемии и после. В качестве материала исследования используются вторичные данные, т.е. результаты работ, направленные на изучение заявленной проблематики. Отбор материала осуществлялся при помощи обращения к Гугл Академии. Данный информационный ресурс представляет сегодня уникальную научную электронную библиотеку, позволяющую исследователям иметь доступ к научным работам с аннотационными комментариями и аналитическими обзорами.

Процедура исследования включала следующие стадии:

1. Поиск источников осуществлялся на основании запроса «молодежь» и «эмоции» (манифестное кодирование). Необходимо отметить, что «манифестная кодировка обладает максимальной степенью надеж-

ности, так как словосочетание или есть в наличии, или его нет» [11, с. 123], что позволяет повысить надежность, достоверность результатов количественного анализа. Также при поиске информации нами были выбраны конкретные ограничения: (1) русский язык; (2) временной период, объективировавший «коронавирусную социальность», то есть 2020–2021 гг. Представленные нами ограничения способствуют главным образом комплексному освещению метаморфоз, которые непосредственно претерпели эмоции российской молодежи. Так, учитывая различия в целом ряде параметров (контекстуальные реалии, строгость ограничений, особенности жизнедеятельности, специфика менталитета, можно предположить, что эмоциональные переживания российской молодежи могут существенно отличаться от чувств молодых людей в других странах.

2. Анализ полученных данных.

Несомненно, что более детальному пониманию трансформаций эмоций молодых людей способствует не только учет количественных характеристик, но и обращение к качественным методам. В самом деле, «качественные методики играют наибольшую роль для осознания непростых условий действительности, требуемых для формирования и внедрения гипотез, проверяемых посредством количественного анализа» [17, с. 69].

Из имеющихся в инструментарии качественных методов использовался информативно-целевой анализ. В самом общем виде качественные методы предполагают целевое выделение информационных единиц, несущих основную смысловую нагрузку. Синтез взглядов Л.С. Выготского, И.А. Зимней и Н.И. Жинкина, дает основания понимать по минимальной информационной единицей «субъектно-предикатное» или «тема-рематическое» единство, которое представляет собой двухкомпонентное образование из «данного, известного» и «нового, неизвестного». Выходит, что в применительно к нашей тематике случае мы получаем следующее прочтение «эмоции» в следующем значении: «данное, известное» + «особенности, проявления эмоции, глубина, масштабность» = «новое, неизвестное». Наконец, укажем, как происходит реализация данной процедуры: процедура осуществляется поэтапно, включает следующие стадии: (1) выявление тема-рематических единств – (2) выделение и фиксация денотатных словосочетаний – (3) составление предметного содержания текста [15, с. 87]. Соответственно, при написании работы мы произвели сочетание количественных и качественных методов исследования.

Результаты и обсуждение

За обозначенный период были опубликованы следующие релевантные исследованию научные труды, которые мы отобрали в Таблице 1.

Таблица 1. Особенности изучения эмоций молодежи в 2020–2021 гг.

Название	Подходы к пониманию молодежи	Аспекты изучения эмоций
Белова Е. В., Братковская Е.В. Развитие эмоционального интеллекта и лидерского потенциала молодежи в виртуальной среде	–	Эмоциональный интеллект
Бурлак К.К., Пугачёва М.С., Рубцова М.О. Особенности эмоционально-волевой регуляции и ценностных ориентаций современной молодежи	–	Преобладающие эмоции молодых людей
Бызова В. М., Перикова Е.И. Эмоциональный интеллект в структуре метакогнитивных способностей молодежи// Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен	–	Взаимосвязь эмоционального интеллекта и метакогнитивных способностей личности

Название	Подходы к пониманию молодежи	Аспекты изучения эмоций
Бычкова М.Н. От богатства медиа до экономии эмоций: к результатам эмпирических исследования использования СМС современной молодежной аудиторией.	–	Изменения эмоций, их оскудение под влиянием современных технологий
Костригин А. А., Козлова Л.В. Стресс, вызванный угрозой заражения коронавирусом, и преобладающие копинг-стратегии у молодежи	–	Эмоции, возникающие в период пандемии
Кулакова В. О., Двойникова Е.С. Эмоционально-психологические и педагогические проблемы физического воспитания молодежи	Студенческая молодежь	–
Лемякина Ю. А., Родионов Г.А. Гендерные особенности эмоционального интеллекта молодежи	–	Гендерные аспекты эмоций
Смольникова Л.В. Роль эмоционального интеллекта в межличностном взаимодействии молодежи	–	Эмоциональный интеллект
Федоровский А.Е., Атаманова И.В., Шнайдер М.И. Взаимосвязь инновативных качеств личности и эмоционального интеллекта у юношей и девушек	–	Эмоциональный интеллект
Федотова Е.Е. Структура эмоционального самочувствия в контексте субъективного благополучия студенческой молодежи	Студенческая молодежь	Эмоциональные сферы молодежи
Атнашева А.Р. Средства эмоционального воздействия в музыкальных молодежных телепередачах	–	Средства воздействия на эмоции молодежи
Костригин А. А., Козлова Л.В. Особенности переживания стресса, психологических защит и копинг-стратегий у молодежи, вызванных угрозой заболевания COVID-19	–	Стресс, негативные эмоции, вызванные страхом заболеть

Как отражают приведенные данные, наибольшая численность исследований была проведена в 2020 году, численность работ 2021 года составляет лишь 16,67% (Рис. 1).

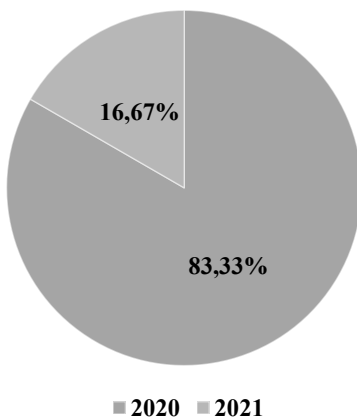

Рис. 1. Распределение материала по годам

Как правило, обоснование выборки ограничивается указанием возрастных рамок респондентов, причем, указанные рамки, как будет показано ниже, могут существенно варьироваться.

Численность работ, посвященных непосредственно изучению трансформаций эмоциональных состояний молодых людей под влиянием пандемии ограничена, составляет лишь 2 исследования (16,67%). Количественное распределение проанализированного материала представлено на Рис. 2.

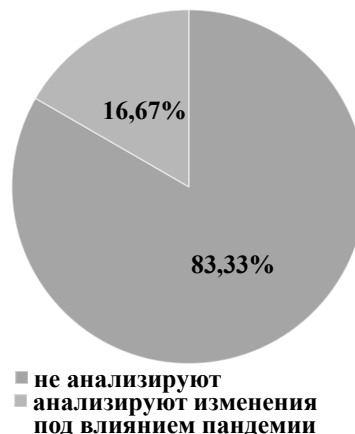

Рис. 2. Распределение материалов на основании учета критерия изучения трансформаций под влиянием пандемии

Распределение материала позволяет сделать вывод, что численность исследования, направленных на изучение изменений эмоциональных состояний под влиянием пандемии, принятыми изоляционными мерами, незначительна, составляет лишь 16,67% от общего числа собранных публикаций. Во многом исследования 2020 года были посвящены изучению «привычных», «традиционных» аспектов эмоциональных состояний личности: эмоциональный интеллект и его взаимосвязь с другими личностными качествами, характеристиками; особенно эти проявления эмоций в речи. То есть в начале пандемии публиковались результаты исследований, проведенных ранее, в «доковидные» времена. В 2020–2021 гг. не только широкая общественность, но и научное сообщество оказалось в ситуации беспрецедентных вызовов, изоляционные меры существенно ограничили возможности осмысления эмоциональных проявлений, реализации исследовательской деятельности как таковой. Единственной возможной формой проведения исследований стала дистанционная, относительно новая для российских ученых, которая выдвинула качественно новые требования к обоснованию, формированию выборки, реализации исследовательской процедуры, что привело к снижению численности работ, посвященных изучению изменений эмоциональных состояний молодых людей. В то же время, можно предположить, что опыт реализации дистанционных исследований за период пандемии приведет к увеличению численности публикаций уже в ближайшее время.

Литература

1. Беляева Л.А. Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 220–237.
2. Великая Н. М., Тартыгашева Г.В. Российская молодежь как субъект политики: особенности политического поведения // Социально-демографический потенциал российской молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2021. С. 22–28.
3. Громов И.А., Иконникова С.Н., Лисовский В.Т. Молодежь в обществе // Человек и общество: социальные проблемы молодежи: ученые записки ЛГУ. 1969. № 6. С. 8.
4. Добрынина В.И. Воспитание личности – управляемый процесс // Социальное управление и молодежь. 1969. № 3. С. 28–39.
5. Довбыш Е.Г. Сетевые технологии формирования городской идентичности // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 111–118.
6. Иконникова С.Н. Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1974. 164 с.
7. Казакова В.И., Худяков М.В. Современная российская молодежь как объект стратификационного анализа // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2012. № 3 (96). С. 304.
8. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
9. Лисовский В.Т. Эскиз к портрету: жизненные планы молодежи. М., 1969. 208 с.
10. Мангейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: РАО Говорящая книга, 2010. 744 с.
11. Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119–129.
12. О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11748>
13. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
14. Равочкин Н.Н. Эмоции молодежи в постковидном городе: социологический анализ. Специфика прояв-

ления эмоций // Социология. 2022. № 1. С. 347–351.

15. Серова Т.С., Коваленко М.П., Руцкая Е.А. Информативно-целевой анализ текстов и выявление проблемно обусловленной информации при взаимосвязанном коммуникативном обучении чтению, письму, аудированию и говорению // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 1. С. 83–102.
16. Усынина Н.И. Определение сущности понятия «молодежь» // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 1. С. 26–28.
17. Чирикова А.Е. Влияние статуса пациента на поведение врачей // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 067–098.

EMOTIONS OF YOUTH IN A POST-COVID CITY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS. MODERN YOUTH AND ITS ESSENTIAL CHARACTERISTICS

Ravochkin N.N., Bobrikov V.N.

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev

The article provides a sociological analysis of the emotions of young people in the realities of the post-COVID urban space. In the introductory part of the work, the authors draw attention to the research points of view on the age limits of young people, which determine the belonging of individuals to this socio-demographic group. What follows is a critical examination of the various criteria by which people can be classified as youth. The authors substantiate that for a deeper understanding of youth, regardless of the methodological attitudes of individual researchers, it is advisable to be guided by a combination of several criteria. Proposed own "generalizing" approach to clarify the essential characteristics of youth. The methods and material of the study are presented. The research procedure is described. Relevant works on the transformation of young people's emotions during the coronavirus pandemic have been identified. In conclusion, the results are summarized and prospects for the future resulting research are outlined.

Keywords: emotions, youth, everyday life, coronavirus infection, pandemic, society, interactions, urban space.

References

1. Belyaeva L.A. Generation Y in Russia: social stratification, position in the labor market and problems of political socialization // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2020. V. 13. No. 4. S. 220–237.
2. Velikaya N. M., Tartygasheva G.V. Russian youth as a subject of politics: features of political behavior // Socio-demographic potential of Russian youth: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. 2021. S. 22–28.
3. Gromov I.A., Ikonnikova S.N., Lisovsky V.T. Youth in society // Man and society: social problems of youth: scientific notes of Leningrad State University. 1969. no. 6. p. 8.
4. Dobrynina V.I. Education of the personality – a controlled process // Social management and youth. 1969. No. 3. S. 28–39.
5. Dovbysh E.G. Network technologies for the formation of urban identity // Man. Community. Control. 2012. No. 4. P. 111–118.
6. Ikonnikova S.N. Youth: sociological and socio-psychological analysis. L.: Leningrad. state un-ti im. A.A. Zhdanova, 1974. 164 p.
7. Kazakova V.I., Khudyakov M.V. Modern Russian Youth as an Object of Stratification Analysis // Proceedings of NNSTU im. R.E. Alekseev. 2012. No. 3 (96). S. 304.
8. Kon I.S. In search of oneself: personality and its self-consciousness. M.: Politizdat, 1984. 335 p.
9. Lisovsky V.T. Sketch for a portrait: life plans of youth. M., 1969. 208 p.
10. Mannheim K. Selected: Diagnosis of our time. M.: RAO Talking book, 2010. 744 p.
11. Newman L. Non-survey research methods // Sociological research. 1998. No. 6. P. 119–129
12. About youth: age limits, values, features// FOM [Electronic resource]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11748>
13. Parsons T. The system of modern societies. M.: Aspect Press, 1998. 270 p.
14. Ravochkin N.N. Emotions of youth in a post-COVID city: a sociological analysis. The specifics of the manifestation of emotions // Sociology. 2022. No. 1. S. 347–351.
15. Serova T.S., Kovalenko M.P., Rutskaya E.A. Informative-targeted analysis of texts and identification of problem-based information in interconnected communicative

- teaching of reading, writing, listening and speaking // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy. 2018. No. 1. S. 83–102.
16. Usynina N.I. Definition of the essence of the concept of “youth” // Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2013. No. 1. S. 26–28.
17. Chirikova A.E. Influence of the status of the patient on the behavior of doctors // Bulletin of the Institute of Sociology. 2013. No. 6. S. 067–098.

Управление программами корпоративной социальной ответственности в нефтегазовом секторе (на примере компаний развитых и развивающихся стран)

Бакунов Алексей Викторович,

старший преподаватель кафедры юриспруденции
Института права, экономики и управления
Сахалинского государственного университета
E-mail: bakunov@mail.ru.

Коньков Александр Тимофеевич,

доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии Института
права, экономики и управления Сахалинского
государственного университета
E-mail: konkov_sakh@rambler.ru

В статье рассмотрена практика управления программами корпоративной социальной ответственности (КСО) ведущими американскими, европейскими нефтегазовыми компаниями, а также компаниями развивающихся стран (Бразилии, Индии, Китая). На основе анализа ежегодных нефинансовых отчетов компаний в работе обоснован тезис, согласно которому в управлении программами КСО зарубежными нефтегазовыми компаниями гибко сочетаются системный и проектный подходы. Изучение практики показывает, что КСО интегрирована в общую систему корпоративного управления, однако наличие постоянных структур, таких, как комитеты при советах директоров, постоянных рабочих групп по направлениям КСО, не исключает использования проектного подхода к реализации конкретных программ КСО. Современной тенденцией в практике взаимодействия зарубежных нефтегазовых компаний развитых стран с заинтересованными сторонами является вовлечение их в управление программами и проектами КСО, а также привлечение внешних экспертов для оценки реализуемой компаниями политики КСО.

Ключевые слова: управление программами корпоративной социальной ответственности, нефтегазовая отрасль.

Последние десятилетия XX века и первые десятилетия XXI века ознаменовались формированием современной модели управления политикой нефтегазовых компаний в сфере КСО и постепенным распространением передовой практики ведущих компаний в глобальном масштабе. Осмысление этого процесса требует рассмотрения опыта компаний, в наибольшей степени определяющих состояние нефтегазовой отрасли за рубежом и активно формирующих современную практику КСО нефтегазовой отрасли.

В настоящее время на мировом нефтегазовом рынке можно выделить группу ведущих компаний, по таким показателям, как доля в мировой добыче нефти и газа, объем годовой прибыли, численность занятых. На основе указанных критериев могут быть выделены следующие ведущие нефтегазовые компании развитых и развивающихся стран:

- а) крупнейшие нефтегазовые компании развитых стран Европы: British Petroleum (BP), Shell, Total, Eni и США: Exxon Mobil, Chevron, Conoco Phillips;
- б) ведущие нефтегазовые компании развивающихся стран: PetroChina и Sinopec (Китай), Reliance Industries (Индия), Petrobras (Бразилия).

Для получения эмпирических данных о практике КСО нами были рассмотрены отчеты нефтегазовых компаний в сфере КСО, официальные сайты компаний, а также другие материалы, содержащие сведения о КСО европейских, американских нефтегазовых компаний и компаний развивающихся стран, относящиеся к периоду с 2015 по 2021 годы.

Изучение отчетов ведущих европейских и американских нефтегазовых компаний позволяет констатировать, что в современной зарубежной практике руководство деятельностью в сфере

КСО осуществляется на уровне Совета директоров компании, при котором обычно создаются 4–5 постоянных комитетов (комиссий), вовлеченных в разработку и реализацию тех или иных компонентов программ КСО.

Так, например, в компании ExxonMobil Совет директоров регулярно получает текущую информацию и рассматривает вопросы, связанные с КСО (безопасность, окружающая среда и т.п.), оценивает эффективность руководств, программ и практики компании в этой сфере. Комиссии Совета выполняют углубленный анализ и предоставляют дополнительные данные [См.: 1, с. 28].

Зачастую сложно определить, какие именно комитеты отвечают за КСО, так как одновременно несколько комитетов отвечают за корпоративную устойчивость и деятельность по различным направлениям КСО. Так, при совете директоров компании BP в 2009 году было 5 постоянных комитетов, из которых к КСО имели отношение комитеты: по промышленной безопасности, этике, окружающей среде [См.: 2, с. 5]. В 2020 году в компании осталось 4 комитета, из которых к КСО имеет прямое отношение комитет по безопасности и устойчивости [См.: 3, р. 89]. Во французской компании Total из 4 комитетов 2 имеют непосредственное отношение к КСО: комитет по управлению и этике, комитет по стратегии и КСО [См.: 4, р. 19]. На уровне руководства компании Chevron по состоянию на 2019 год выделено 4 комитета, из которых реализация политики КСО поручена комитету по публичной политике [См.: 5, р. 28]. Из 4 комитетов итальянской компании Eni, существовавших в 2019 году, деятельность в сфере КСО координирует комитет по устойчивости [См.: 6, р. 24–25].

Некоторые компании в своих отчетах выделяют ведущую роль отдельных комитетов в вопросах КСО. Так, в отчете ConocoPhillips за 2019 год указано, что одним из основных в сфере КСО является комитет по публичной политике (Public Policy Committee – PPC) [См.: 7, р. 5]. Отчет ExxonMobil за 2015 год от-

носит вопросы КСО к компетенции комитета по социальным аспектам и благотворительности [См.: 8, с. 23].

Таким образом, в вопросе о том, какие именно комитеты при советах директоров отвечают за КСО, наблюдается разнообразие. Количество таких комитетов и их функциональные обязанности зависят от традиций управления, сложившихся в каждой из компаний.

В нефтегазовых компаниях развивающихся стран, существует сходная структура управления КСО в виде специализированных комитетов при советах директоров. Так, при совете директоров китайской компании PetroChina выделяются 5 комитетов, из которых деятельность в сфере КСО координирует Комитет по устойчивому развитию [См.: 9, р. 11]. В другой крупнейшей китайской нефтегазовой компании – Sinopec – вопросами КСО занимается Комитет по управлению социальной ответственностью [См.: 10, р. 48].

Для бразильской компании Petrobras характерна «классическая» схема с советом директоров (большинство которого составляют независимые директора) и комитетами в его составе, из которых Комитет по охране труда, здоровья и окружающей среды непосредственно вовлечен в разработку политики КСО [См.: 11, р. 54]. Совет директоров компании, а также комитеты не только определяют стратегию в сфере КСО, но и осуществляют контроль за ее исполнением.

В индийской компании Reliance политику КСО реализуют комитеты в составе совета директоров, при этом в компании выделяются отдельно Комитет по корпоративной социальной ответственности и управлению и Комитет по охране здоровья, технике безопасности и охране окружающей среды. Кроме того, существует Комитет по взаимодействию с заинтересованными сторонами, который возглавляет тот же председатель, что и Комитет по корпоративной социальной ответственности и управлению [См.: 12, р. 185].

Одним из проблемных вопросов является соотношение полномочий коми-

тетов по КСО и функций менеджмента компании. Вопрос заключается в том, насколько комитеты должны быть вовлечены в управленческий процесс? В научной литературе бытует мнение, что комитеты могут давать только рекомендации органам управления, ставить вопросы и определять направления, но не заниматься непосредственным руководством КСО. В противном случае им придется контролировать собственные действия [См.: 13, с. 211].

Изучение зарубежной практики КСО показывает, что комитеты по КСО, как правило, не наделяются управленческими полномочиями, их деятельность нацелена на выработку рекомендаций менеджменту компании, относящихся к политике КСО, а также общий контроль данной политики. Так, в компании Epi подобные комитеты имеют консультативные и рекомендательные функции [См.: 6, р. 24–25]. Комитет по публичной политике (PPC) компании CopocoPhilips, дает рекомендации совету директоров и контролирует соблюдение программ и практик КСО [См.: 7, р. 5]. Комитет по безопасности, окружающей среде и устойчивому развитию компании Shell утверждает ежегодный план мероприятий по КСО и проверяет его исполнение, оценивает общие показатели устойчивого развития [См.: 14, р. 17]. Комитет по устойчивому развитию компании PetroChina также ограничивается контролем и рекомендациями Совету директоров или президенту компании по вопросам КСО [См.: 9, р. 11].

Комитеты имеют тесную связь с советами директоров, фактически являясь их профильными подразделениями. Каждый из комитетов по КСО обычно состоит из членов Совета директоров (как правило, независимых) и его возглавляет один из них. Например, в компании Chevron члены комитетов и их председатели состоят исключительно из независимых директоров, которые являются представителями академического, делового и технологического секторов. Комитеты сообщают о результатах своих заседаний Совету директо-

ров, когда он собирается в полном составе [См.: 5, р. 28].

Примером подобной практики является Комиссия по социальным аспектам и благотворительности при Совете директоров компании ExxonMobil, которая формируются из лиц, имеющих профессиональный или академический опыт в соответствующей сфере, либо опыт в научных исследованиях. Кандидаты должны иметь известность в своей области, а также опыт успешного руководства крупными и сложными организациями, опыт работы по снижению финансовых и других рисков, опыт участия в одном или более Советах директоров крупной некоммерческой организации [См.: 1, с. 27–28].

В составе комитета по управлению и этике компании Total и комитета по стратегии и КСО независимые директора составляют, соответственно, 75% и 67%. При этом все 5 директоров комитета по управлению и этике входят в состав комитета по стратегии и КСО. Все члены комитетов одновременно являются членами Совета директоров [См.: 4, р. 137]. В отличие от американских компаний, практически все члены вышеуказанных комитетов являются выходцами из деловой, или управленческой среды; представители науки в состав комитетов не входят [См.: 4, р. 138–152].

Таким образом, комитеты КСО, как правило, формируются из независимых членов советов директоров, что обеспечивает тесную связь с высшим органом управления компании, в то же время, обеспечивая беспристрастность их членов. Члены комитетов имеют значительный авторитет, знания и опыт в своих сферах (научной, деловой, профессиональной), что позволяет им давать квалифицированную и авторитетную оценку политике компаний и реализуемым программам КСО.

Комитеты, связанные с выработкой политики КСО функционально отделены от менеджмента компании, что, однако, не исключает их взаимодействия. Так, в компании Shell председатель Совета директоров и генеральный дирек-

тор регулярно посещают заседания комитета по безопасности, окружающей среде и устойчивому развитию для обсуждения конкретных тем, относящихся к его компетенции [См.: 14, р. 17]. Однако возможны и исключения. Во французской компании Total Главный исполнительный директор (CEO) является председателем комитета по стратегии и корпоративной социальной ответственности [См.: 4, р. 139]. В то же время председателем комитета по корпоративному управлению и этике является независимый директор [См.: 4, р. 142]. Таким образом, в компании Total функции контроля и реализации программ КСО между Советом директоров и менеджментом строго не разделены.

Разделение функций контроля и реализации политики КСО может создавать проблемы коммуникативного характера между подразделениями компании. Поэтому, компании стремятся поддерживать связь между подразделениями, реализующими управленческие и контрольные функции в отношении программ КСО. Так, например, в компании BP систематически проводятся встречи между группами, реализующими различные направления КСО, и устраиваются форумы для межгрупповых обсуждений с участием менеджмента компании [См.: 3, р. 77].

Обычно общее руководство деятельностью в сфере КСО возложено на вице-президентов компаний. Например, в компании Chevron имеются вице-президент по стратегии и устойчивому развитию, вице-президент по охране труда, здоровья и окружающей среды, кроме этого, имеется вице-президент к функциям которого относится реализация принятых компанией принципов КСО в области управления человеческими ресурсами [См.: 15, р. 11]. Аналогичным образом, один из вице-президентов компании СопосоPhillips отвечает за направление, связанное с противодействием изменению климата, другой за соблюдение прав человека, третий за биоразнообразие [См.: 7, р. 6]. В компании также создано несколько групп (команд) из пред-

ставителей менеджмента, в том числе группа по устойчивому развитию, группа по здоровью, безопасности и окружающей среде. Существуют также рабочие группы по отдельным вопросам, состоящие из экспертов в какой-либо области КСО. Группы проводят ежеквартальные заседания по вопросам политики компании в отношении изменения климата, водных ресурсов, вопросам взаимодействия с заинтересованными сторонами, правам человека и биоразнообразию [См.: 7, р. 7]. Кроме этого, каждое бизнес-подразделение СопосоPhillips отвечает за интеграцию вопросов КСО в повседневные операции и отчитывается перед высшим менеджментом [См.: 7, р. 8]. Согласно отчету компании Shell общее руководство КСО лежит на главном исполнительном директоре (CEO) и Правлении [См.: 14, р. 17].

Очевидно, что такой большой и разнообразный объем работы в крупных компаниях, работающих в разных регионах, высшее руководство должно делегировать свои полномочия на нижние уровни управления. Кроме того, необходимо привлекать внешних экспертов, для консультаций с ними, начиная со стадии планирования политики КСО.

Изучение организации деятельности в сфере КСО позволяет отметить, что компании сочетают линейную и проектную модели управления КСО. Все компании развитых стран имеют долгосрочную стратегию КСО, реализуют большое количество долгосрочных программ и в этом случае управление КСО «встроено» в управление компанией как система относительно постоянных органов. Такая система управления в целом соответствует линейно-функциональной модели организационной структуры.

Основываясь на опыте крупных зарубежных компаний, можно представить модель управления КСО, основанную на принципе линейно-функционального управления, в виде следующей схемы (рис. 1).

Данная схема иллюстрирует, что в компании существует функцио-

нальное разделение ответственности структурных подразделений (по направлениям КСО) и при этом существует иерархическая система управления КСО. Подобные структуры состоят из сотрудников компании и воз-

главляются профильными представителями менеджмента. Они являются долговременными подразделениями, что закреплено в организационной структуре компании.

Рис. 1. Схема линейно-функциональной системы организации корпоративного управления КСО

Однако нефтегазовые компании также реализуют значительное количество временных программ, под которые создаются специализированные временные структуры управления. В такой ситуации используется проектная модель управления. Временные структуры – более гибкие, они рассчитаны на срок реализации проекта, их легко ликвидировать или преобразовать после его завершения. По окончании одной программы КСО компания может реализовать другую программу, не связанную с предыдущей, создавая для этого новые органы управления. Проектный принцип организации управления программой КСО можно представить следующим образом.

Общее руководство программой КСО осуществляет вице-президент компании, к компетенции которого отнесено управление деятельностью в сфере КСО. Для

непосредственного управления программой создается орган управления, обычно включающий представителей заинтересованных сторон, а также представителей компании. Орган управления программой КСО работает во взаимодействии с экспертной группой, состоящей из экспертов в соответствующей сфере, не являющихся сотрудниками компании. Экспертная группа выступает в роли консультативного органа.

Органу управления программой КСО подчиняются рабочие группы, отвечающие за реализацию отдельных направлений программы. Каждую рабочую группу возглавляет руководитель из числа специалистов компании, ответственный перед органом управления проектом.

Подобная организация управления программой КСО представлена на рисунке 2.

Рис. 2. Схема проектной модели организации корпоративного управления экологическими проектами в рамках КСО

Как показывает анализ, компании могут гибко сочетать стратегический подход к реализации программ КСО, с проектным подходом. Соответственно, помимо корпоративного уровня управления КСО получила распространение практика выделения органов управления отдельными программами КСО.

Важными аспектами управления деятельностью компании в сфере КСО является стимулирование менеджмента к достижению показателей КСО, а также вовлечение заинтересованных сторон и авторитетных независимых экспертов в управление программами КСО. Практика зарубежных нефтегазовых компаний демонстрирует способы мотивации и стимулирования персонала, реализующего корпоративные программы и отдельные проекты КСО. Так, компании практикуют установление в качестве критериев вознаграждения менеджмента и иных работников, достижение установленных целевых показателей в сфере КСО. В качестве примера можно привести компанию Shell в которой в 2019 и 2020 годах на устойчивое развитие приходилось 20% показателей, определяющих годовые бонусы исполнительным директорам (10% составили показатели безопасности и 10% – экологические показатели) [См.: 14, р. 18].

Аналогичные показатели используются и для сотрудников компаний в других странах. Так, компания SocoPhillips сочетает ежегодные вознаграждения менеджмента за достижения показателей КСО с вознаграждениями за трехлетний период [См.: 7, р. 6]. Французская компания Total устанавливает дополнительное вознаграждение менеджмента (около 300 менеджеров на конец 2020 года) в зависимости от достижений в сфере экологии [См.: 16, р. 247]. Экологические показатели PetroChina включаются в аттестацию высшего руководства и топ-менеджеров региональных компаний [См.: 9, р. 37].

С управленческой точки зрения заслуживает внимания опыт нефтегазовых компаний по привлечению заинтересованных сторон к участию в реализации программ КСО. Изучение отчетов ведущих нефтегазовых компаний показало, что взаимодействие с заинтересованными сторонами осуществляется в различных формах. Так, например, компания ExxonMobil взаимодействует с ними в рамках встреч с общественностью, через электронные СМИ и социальные сети, корпоративные публикации и индивидуальные обсуждения [См.: 1, с. 3]. Основной поток жалоб и предложений от заинтересованных сторон компании Petrobras идет через

специальный офис омбудсмана [См.: 11, р. 70], однако помимо этого существуют и иные каналы связи (служба поддержки клиентов, центр взаимодействия с населением, канал для поставщиков) [См.: 11, р. 72]. Общение с заинтересованными сторонами компании PetroChina осуществляется через периодические и чрезвычайные отчеты, объявления, СМИ, интервью и визиты, дни открытых дверей, пресс-встречи, а также интерактивное общение [См.: 9, р. 17].

Процесс выявления заинтересованных сторон организован в компаниях по-разному. К примеру, каждое бизнес-подразделение компании СопосоPhillips обязано выявлять заинтересованные стороны, с целью определения потенциальных конфликтов. Социальные риски выявляются и описываются экспертами в каждом бизнес-подразделении или проекте. Каждое бизнес-подразделение управляет собственными социальными рисками, обеспечивая достижение бизнес-целей с учетом специфики региона [См.: 7, р. 147]. Для взаимодействия с заинтересованными сторонами компании могут создавать и отдельные подразделения. Так, в 2018 году компания Chevron создала специальную команду для обсуждения с ведущими инвесторами и другими заинтересованными сторонами экологических, социальных и управленческих вопросов. Эта команда (при необходимости к ней присоединяется высший менеджмент и профильные эксперты), регулярно проводит углубленные обсуждения с инвесторами и другими заинтересованными сторонами [См.: 5, р. 29].

Ведущие компании не только организуют каналы обратной связи с заинтересованными сторонами, но и привлекают общественность на всех этапах выработки и реализации программ и проектов в сфере КСО. Так, компания Shell взаимодействует с заинтересованными сторонами, как на стадии выбора проекта, так и при его исполнении и окончании [См.: 14, р. 12]. При обсуждении с общественностью таких про-

ектов затрагиваются в первую очередь социальные и экологические вопросы, что имеет непосредственное отношение к КСО. Так, например, обсуждение компании СопосоPhillips с местными жителями одного из своих проектов на Аляске заставило компанию изменить план его развития. Вместо того, чтобы строить временный гравийный остров в качестве плацдарма для переноса инфраструктуры на удаленную площадку, компания решила использовать временные ледяные дороги. Этот новый вариант не только решил проблему воздействия гравийного острова на жизнедеятельность морских млекопитающих, но и удешевил проект [См.: 7, р. 150].

Привлечение представителей общественности для обсуждения программ и проектов КСО является способом выявления нужд и опасений заинтересованных сторон и нейтрализации возможных рисков в деятельности нефтегазовых компаний. Взаимодействие с заинтересованными сторонами не только помогает укреплять доверие заинтересованных сторон, но и делиться лучшими практиками [См.: 14, р. 65].

Заинтересованные стороны (их представители) могут привлекаться и для управления некоторыми программами КСО. Например, компания СопосоPhillips проводит в Канаде регулярные встречи с лидерами коренных народов, для обсуждения возможностей заключения контрактов с местными поставщиками, мониторинга и охраны окружающей среды [См.: 7, р. 151]. Компания Chevron взаимодействует с представителями коренного населения Австралии, реализуя программу по борьбе с болезнями сердца, которые являются основной причиной смерти местных аборигенов. Компания реализует «культурно приемлемые мероприятия» по охране здоровья сердца во взаимодействии с местными лидерами. Образовательные проекты компания реализует в партнерстве с университетами и другими заинтересованными сторонами [См.: 5, р. 37]. Компания Shell привлекает местные сообщества

в дельте Нигера к работам по ликвидации аварийных разливов нефти. Представители компании Shell, неправительственных организаций, регулирующих органов и местных сообществ также участвовали в совместных исследовательских поездках, чтобы установить причины и объем разливов. Совместное инспектирование и работа по ликвидации разливов призваны укреплять доверие к компании со стороны заинтересованных сторон [См.: 14, р. 76]. Таким образом, ведущие нефтегазовые компании нередко практикуют вовлечение адресатов своих программ в реализацию проектов КСО.

Важным аспектом повышения качества управления политикой в сфере КСО ведущих нефтегазовых компаний является привлечение внешних экспертов, для оценки своей политики и программ КСО. Так, в компании ExxonMobil с 2009 года существует «Внешняя консультативная комиссия по устойчивому развитию», в состав которой входят ученые, представители негосударственных организаций и бывшие государственные служащие с большим опытом работы в области охраны окружающей среды, социального развития и организационного управления. [См.: 1, с. 7]. Привлечение внешних экспертов к оценке программ КСО позволяет не только использовать опыт «со стороны», но и за счет авторитета экспертов повысить престиж самих программ.

Подводя итоги анализа управления программами КСО зарубежными компаниями нефтегазовой отрасли, следует отметить следующее.

1) В практике зарубежных нефтегазовых компаний преобладает подход, предусматривающий интеграцию КСО в общую систему корпоративного управления. Этот стратегический подход реализуется в создании в крупных компаниях специальных подразделений по КСО (комитетов), которые, как правило, включают в себя представителей высших органов управления – совет директоров. Совет директоров и комитеты при нём осуществляют функции контроля, непосредственную работу

по реализации программ КСО осуществляет менеджмент. При исполнительных органах обычно создаются группы по направлениям КСО, работу которых курируют представители менеджмента на самом высшем уровне (вице-президенты и президенты).

2) Наличие постоянных структур, ответственных за реализацию политики КСО в компании, не исключает использования проектного подхода к решению конкретных проблем. Отдельные программы и проекты КСО могут иметь собственные органы управления (а также экспертные группы, независимых наблюдателей и т.п.), создаваемые на период действия программы (проекта). Формы реализации политики КСО могут быть достаточно гибкими и зависеть от конкретной ситуации.

3) Компании как развитых, так и развивающихся стран взаимодействуют с заинтересованными сторонами, однако пока только в практике компаний развитых стран наблюдается тенденция вовлечения заинтересованных сторон (их представителей) в управление программами и проектами в сфере КСО. Стандартной практикой ведущих нефтегазовых компаний развитых стран также является привлечение внешних экспертов для выработки стратегии КСО, оценки её эффективности и результативности отдельных программ КСО.

Литература

1. ExxonMobil Отчет 2018 года по устойчивому развитию: основные положения. <https://www.exxonmobil.ru/-/media/Russia/Files/Community-engagement/Sustainability/Sustainability-report-2018-RUS.pdf>
2. Обзор устойчивого развития BP в 2009 году. https://www.bp.com/content/dam/bp/businesssites/en/global/corporate/pdfs/sustainability/archive/archived-reports-and-translations/2009/bp_sustainability_review_2009_russian.pdf
3. BP Sustainability report 2020. <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/>

- pdfs/sustainability/group-reports/bp-sustainability-report-2020.pdf
4. Total Universal Registration Document including the Annual Financial Report 2019. https://totalenergies.com/sites/g/files/nytnzq121/files/atoms/files/2019_total_universal_registration_document.pdf
  5. Chevron Corporate sustainability report 2019. <https://www.chevron.com/-/media/shared-media/documents/2019-corporate-sustainability-report.pdf>
  6. Eni Annual Report 2019. <https://www.eni.com/assets/documents/eng/reports/2019/Annual-Report-2019.pdf>
  7. ConocoPhillips Sustainability report 2019. <https://static.conocophillips.com/files/resources/conocophillips-2019-sustainability-report.pdf>
  8. ExxonMobil Корпоративная социальная ответственность Основные направления Отчет 2015 г. https://www.exxonmobil.ru/-/media/Russia/Files/Community-engagement/Sustainability/CCR-Highlights-Russian_2016_LR.pdf?la=ru-RU&has=h=84B977C48E5704029ECC77F3E65BAF91321F4E6E
  9. PetroChina Environmental, social and governance report 2020. <http://www.petrochina.co.id/Lists/ArticleList/Attachments/133/Sustainability%20Report%202019.pdf>
  10. Sinopec Annual Report 2020. <http://www.sinopec.com/listco/Resource/Pdf/2021041502.pdf>
  11. Petrobras Sustainability report 2020. <https://sustentabilidade.petrobras.com.br/en/>
  12. Reliance Industries Integrated Annual Report 2020–2021. <https://www.ril.com/ar2020–21/index.html>
  13. Теория и практика корпоративной социальной ответственности / науч. ред. Е.В. Нехода. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015.
  14. Shell Sustainability report 2019. <https://reports.shell.com/sustainability-report/2019/>
  15. Chevron Annual Report 2020. <https://www.chevron.com/annual-report>
  16. Total Universal Registration Document including the Annual Financial Report 2020. <https://totalenergies.com/system/files/documents/2021–03/2020-universal-registration-document.pdf>

MANAGEMENT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY PROGRAMS IN THE OIL AND GAS SECTOR (ON THE EXAMPLE OF COMPANIES IN DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES)

Bakunov A.V., Konkov A.T.
Sakhalin State University

The article considers the practice of managing corporate social responsibility (CSR) programs by leading American, European oil and gas companies, as well as companies in developing countries (Brazil, India, China). Based on the analysis of annual non-financial reports of companies, the paper substantiates the thesis according to which the management of CSR programs by foreign oil and gas companies flexibly combines system and project approaches. The study of practice shows that CSR is integrated into the overall corporate governance system; however, the presence of permanent structures, such as committees under the boards of directors, permanent working groups dealing with particular CSR areas, does not exclude project approach to the implementation of specific CSR programs.

The modern trend in the practice of interaction between foreign oil and gas companies and stakeholders in developed countries is to involve them in the management of CSR programs and projects, as well as to attract external experts to assess the CSR policy implemented by companies.

Keywords: management of corporate social responsibility programs, oil and gas industry.

References

1. ExxonMobil 2018 Sustainability Report: Highlights. <https://www.exxonmobil.ru/-/media/Russia/Files/Community-engagement/Sustainability/Sustainability-report-2018-RUS.pdf>
2. BP Sustainability Review 2009. <https://www.bp.com/content/dam/bp/businesssites/en/global/corporate/pdfs/sustainability/archive/>

- archived-reports-and-translations/2009/bp_sustainability_review_2009_russian.pdf
3. BP Sustainability report 2020. <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/sustainability/group-reports/bp-sustainability-report-2020.pdf>
  4. Total Universal Registration Document including the Annual Financial Report 2019. https://totalenergies.com/sites/g/files/nytnzq121/files/atoms/files/2019_total_universal_registration_document.pdf
  5. Chevron Corporate sustainability report 2019. <https://www.chevron.com/-/media/shared-media/documents/2019-corporate-sustainability-report.pdf>
  6. Eni Annual Report 2019. <https://www.eni.com/assets/documents/eng/reports/2019/Annual-Report-2019.pdf>
  7. ConocoPhillips Sustainability report 2019. <https://static.conocophillips.com/files/resources/conocophillips-2019-sustainability-report.pdf>
  8. ExxonMobil Corporate Social Responsibility Highlights Report 2015. https://www.exxonmobil.ru/-/media/Russia/Files/Community-engagement/Sustainability/CCR-Highlights-Russian_2016_LR.pdf?la=ru-RU&hash=84B977C48E5704029ECC77F3E65BAF91321F4E6E
  9. PetroChina Environmental, social and governance report 2020. <http://www.petrochina.co.id/Lists/ArticleList/Attachments/133/Sustainability%20Report%202019.pdf>
  10. Sinopec Annual Report 2020. <http://www.sinopec.com/listco/Resource/Pdf/2021041502.pdf>
  11. Petrobras Sustainability report 2020. <https://sustentabilidade.petrobras.com.br/en/>
  12. Reliance Industries Integrated Annual Report 2020–2021. <https://www.ril.com/ar2020–21/index.html>
  13. Theory and practice of corporate social responsibility / scientific. ed. E.V. Nehoda. – Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2015.
  14. Shell Sustainability report 2019. <https://reports.shell.com/sustainability-report/2019/>
  15. Chevron Annual Report 2020. <https://www.chevron.com/annual-report>
  16. Total Universal Registration Document including the Annual Financial Report 2020. <https://totalenergies.com/system/files/documents/2021–03/2020-universal-registration-document.pdf>

Применение социальных сетей в системе управления российским малым городом

Ватолин Дмитрий Александрович,
соискатель; Центр региональной социологии
и конфликтологии; Федеральный научно-
исследовательский социологический центр РАН
E-mail: VatolinDA@yandex.ru

В статье определено понятие онлайн-овых социальных сетей. На основе общедоступных данных наглядно продемонстрирована глубина проникновения данных сервисов в коммуникативные практики населения, на примере ряда регионов Северо-Западного федерального округа. Дано определение управленческой деятельности, показывающее важность не столько экономической хозяйственной, сколько информационной составляющей этой работы. Рассмотрены особенности управленческой деятельности в отношении малых городов России. Малый город представлен как особый, «неинтегрируемый» субъект управления, требующий специального инструментария и отдельного подхода. Учитывая особенность малых городов, как субъекта управления, обосновано применение семиосоциопсихологического метода исследования онлайн-овых социальных сетей как средства, позволяющего дополнить набор первичных данных для уже зарекомендовавшего себя социопро-странственного подхода проведения региональных исследований. Намечено дальнейшее развитие приведенного метода в работы по повышению прогностической точности социопро-странственного подхода.

Ключевые слова: малый город, социологический мониторинг социальных сетей, семиосоциопсихологический метод, социальные сети.

Онлайновые социальные сети (далее социальные сети) – это веб-платформы, предоставляющие пользователю определенный социальный функционал, то есть фиксированный позволяющий, используя разные виды коммуникации, общаться с другими пользователями, делиться своим и обсуждать чужое мнение, выражать свою гражданскую позицию и тому подобное. Важной особенностью является наличие возможности осуществления такого общения как в личных беседах, так и принимая участие в открытых обсуждениях.

Впервые появившиеся в начале 2000-х годов социальные сети завоевали большую популярность среди пользователей Интернета, став распространенным средством личной и массовой коммуникации. Так, например, используя данные Системы мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ brand analytics о количестве активных авторов за январь 2022 года [7] и Росстата о численности постоянного населения за январь 2021 года [8] можно получить выборку см. *таблица № 1*. Таблица демонстрирует глубину проникновения наиболее популярной в России социальной сети «ВКонтакте» в различных регионах Северо-западного федерального округа и в стране в целом.

Опираясь на показанные цифры, можно констатировать, что даже одна социальная сеть на текущий момент уже проникла в коммуникативные практики больше трети населения некоторых регионов. В месте с тем, необходимо констатировать, что для самой сети коммуниканты предстают полностью открытым источником данных, организация хранения обработки и анализа которых представляет собой одну из насущных проблем современной науки как социального института.

Одним из первых отечественных социологов, который начал разрабаты-

вать роль СМК в управлении социальными процессами считается Б.А. Грушин. Опубликовав, результаты знаменитого Таганрогского исследования [1], он положил начало широкому социоло-

гическому осмыслению, с одной стороны, деятельности средств массовой информации в управлении и, с другой стороны, участия населения в информационном процессе.

Таблица 1

№ п/п	Регион	Количество авторов сети	Численность постоянного населения	Процентное соотношение авторов к населению
1	Всего по России	22635 877	146 171 015	15,5%
2	Мурманская область	262527	732864	35,8%
3	Республика Карелия	226854	609071	37,2%
4	Вологодская область	415974	1151 042	36,1%
5	Архангельская область	375508	1 127 051	33,3%

В качестве философско-социологических оснований дальнейшего развития мысли видится важным отметить следующие выводы, приведенные в указанном исследовании: во-первых, управленческая деятельность вообще имеет, по сути, информационную природу – либо совпадает, либо ближайшим образом связана с циркуляцией социальной информации, либо, как минимум, может быть интерпретирована в терминах оперирования информацией; во-вторых, весьма важное место в этой системе занимает как раз деятельность по передаче информации населению (трудящимся), выступающему в качестве объекта управления. [1]

Логически продолжая развивать характеристики данные управленческому процессу, можно сказать, что если представлять управление как процесс ближайшим образом связанный с циркуляцией информации, а её передачу как один из важнейших элементов системы, то современные средства массовой коммуникации, и в первую очередь социальные сети, становятся важнейшим инструментом управления.

Под управлением в данном случае следует понимать не столько хозяйственную или экономическую деятельность, сколько деятельность в духовной и культурной сферах. Целью такого управления выступает воздействие на сознание и поведение людей, вы-

работка устойчивых социальных механизмов и регулятивных форм, действие которых в свою очередь позволят вести хозяйственную и экономическую деятельность.

Переходя к характеристике малых городов России, как объекта управления, первым делом следует отметить, что согласно данным исследований, проведенным ФНИСЦ РАН около 70% всех городов России можно отнести к категории малых, так как количество жителей в них не достигает 50 тысяч. Оценки разных экспертов сходятся во мнении, что в настоящий момент в населенных пунктах такого рода проживает около трети всего населения России. Важнейшим качеством поселений такого типа является их пространенность по всей территории страны. По мнению авторов монографии «Малые города в социальном пространстве России» [2] именно эта географическая особенность превращает малые города в социальный каркас территориальной целостности государства, а вместе с тем и в важнейший вектор его пространственного развития или угнетения. Таким образом проблемы, с которыми приходится столкнуться малым городам становятся вызовами для системы государственной власти в целом, а качество их решения играет существенную роль в темпах и направлении развития страны.

На ряду с большой вариативностью объективных факторов таких как, например, разнообразные гео-климатические и ресурсные условия, история образования и т.п., выделяются и общие в основном социокультурные особенности. Например, более размеренное, по сравнению с крупными городами, течение жизни, более тесной связью горожан с природой, важнейшей особенностью выступает механизм образования социально-территориальных общностей, складывающихся в ходе ежедневной непосредственной коммуникации. Такие общности воспроизводят особую ментальность тем самым определяя своеобразное для определенной местности отношение к официальной власти, а вместе с тем и специфические социально-управленческие практики. [3]. Являясь одной из ключевых особенностей малых городов, эта черта нашла свое отражение в социопространственном подходе, в котором особую субъектность играют характерные для таких групп институциональные практики и ментальные программы, то, каким образом в них сочетаются конфессиональные гражданские, этнические и социально-территориальные идентичности и ценностные установки.

Реализация таких исследований – это всегда сложный междисциплинарный процесс, требующий особых методологических оснований в выработке которых большое значение играет социологи [4]. Например, занимающийся этой проблематикой Центр региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН, строя модели взаимодействия основных стейкхолдеров развития малых городов проводит анализ:

- Актуального состояния нормативно-правовой базы;
- показателей государственной статистики всех уровней (от муниципальной до федеральной);
- результатов экспертных опросов;
- фокус групп;
- примеров реализации тех или иных управленческих практик;

- региональных и местных СМИ, включающий социальные сети и другие интернет-ресурсы. [5]

Анализируя результаты одного из проведенных исследований, профессор В.В. Воронов отмечает, слабую разработанности тематики малых городов в СМИ. [6] На региональном уровне демонстрируется «сбалансированная картина», описывающая основные моменты из жизни города, но не имеющая охватывающего влияния на население и решения, принимаемые властью. На федеральном уровне вырисовывается куда более однобокая картина, высвечивающая различные сюжеты, связанные с криминалом, авариями, пожарами и тому подобными новостными поводами. Важно, что эти результаты были получены при обработке анкет экспертного опроса, в котором принимали участие члены Научно-экспертного совета Союза малых городов России.

Вместе с тем, на фоне изложенной логики и выводов, полученных в приведенных работах, наблюдается отсутствие исследований, анализирующих непосредственно коммуникативное пространство социальных сетей малых городов. Также в тени других важных вопросов остается необходимость поиска социологических оснований для интерпретации результатов таких исследований. Важность этих вопросов видится в первую очередь в связи с тем, что при сравнительно низком уровне затрат, характерном для многих онлайн исследований, этот метод представляется эффективным инструментом уточнения непосредственного отношения разных социопространственных общностей к широкому кругу вопросов, присутствующих в рамках этого коммуникативного пространства.

В этой связи новую актуальность получают семиосоциопсихологические методы, разработанные Т.М. Дридзе. Работая в уже упоминавшийся таганрогском исследовании, она выработала непротиворечивую концепцию локальных социально-диагностических исследований коммуникативного пространства, позволяющих использовать

средства массовой коммуникации как инструмент поиска конструктивных решений социально значимых проблем.

Схема, разработанная и впервые примененная в ходе исследования «Общественное мнение» активно использовалась в 90-е годы для исследований телевизионных программ и других средств массовой информации. Данные работы проводились в рамках изучения процесса перестройки гражданского общества в России и преследовали цель его всестороннего развития с использованием средств коммуникации, существовавших в то время, т.е. телевидение, радио и пресса. Суть сводится к научно обоснованному анализу интенций, отраженных в сообщениях и тем, как их воспринимает аудитория внутри определенного коммуникационного и контентного пространства. Фактически он заключается в последовательной реализации трех комплексных исследовательских процедур.

- Первая подразумевала сбор объективной (пол, возраст, уровень образования и тд.) и субъективной (установки, заданные проблемные ситуации, ценности, социальные стереотипы и элементы общественного мнения) информации об аудитории, а также установление границ коммуникативного и контентного пространства.
- В результате второй процедуры в аудитории выделяются различные семиотические группы каждой из которых присущ определённый уровень и глубина понимания сообщений входящих в коммуникативную среду.
- Третья процедура направлена на сопоставление данных, имеющихся о коммуникативной среде с перцептивными способностями выделенных семиотических групп.

Результатом реализации последней процедуры является картина, позволяющая выявить «коммуникативные сбои» т.е. отсутствие смыслового контакта между коммуникантами, наличие которого детерминирует появление ошибочных интерпретаций и следова-

тельно потери эффективности принятых решений. Дополнительно стоит отметить, что полученный результат является измеримым и повторяемым, что, несомненно, важно для его использования не только в научной, но и в управленческой деятельности, поскольку дает твердые основания для анализа причин такого обнуляющего феномена.

Так как основными единицами анализа предложенного исследовательского метода являются интенция и её восприятие, то это предполагает возможным его применение к социальным сетям. С другой стороны, хотя его методические основания, базирующиеся на определении семиотических групп и согласуются с другими исследовательскими методами, применяющиеся в рамках социопространственного подхода, бесспорно потребуют сонастройки и перепроверки.

Имея определенный опыт и серьезные научно-исследовательские традиции уже сегодня можно и нужно начать высказывать и прорабатывать некоторые научные гипотезы. Но объект исследования (малые города) не так прост. Выражаясь языком математики он «неинтегрируемый», т.е. его поведение детерминируется глубинными нелинейными и динамическими процессами. Социальные сети, в свою очередь являясь инструментом контролируемого наблюдения и модификации поведения социальных групп, видятся удачным инструментом, позволяющим начать наблюдение этих процессов в императивном режиме.

Таким образом, несмотря на, то, что адаптация семиосоциологического метода исследования для анализа социальных сетей сопряжено с некоторыми методологическими издержками, эта работа позволит включить социальные сети как один из источников первичной информации в рамках уже доказавшего свою эффективность социопространственного подхода, тем самым добавив прогностической точности в практике применения подхода в целом.

Предполагается, что адаптация и применение данного метода позволит организовать наиболее точную систему интерпретации мониторинга социальных сетей в малых городах, что, по нашему мнению, имеет большую практическую значимость для всей системы государственного управления, но не входит в реальную управленческую практику ввиду слабой разработанности его методики.

Литература

1. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Б.А. Грушин, Л.Н. Федотова, Е.Я. Таршиш [и др.]. – Москва: Политиздат, 1980. – 446 с.
2. Малые города в социальном пространстве России: [монография] / [А.Ю. Ардалянова, П.В. Бизюков, Р.Г. Браславский и др.]; отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш; предисл. ак. М.К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 545 с. Текст электрон. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751
3. Маркин, В.В. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Часть 2 / В.В. Маркин, М.Л. Малышев, Д.Ю. Землянский // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1(34). – С. 61–74. – DOI 10.21681/2226-0692-2020-1-61-74.
4. Малышев М.Л. Социологический подход к исследованию социально-пространственной трансформации малых городов России // Социологическое обеспечение стратегического управления развитием регионов и муниципальных образований России: сборник статей / Отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 68–73. – DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-365-2.2021.11
5. Маркин В.В. Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий и практик / В.В. Маркин, В.В. Воронов, В.М. Пешкова // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.17 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2019. С. 271–286. DOI: 10.19181/ezheg.2019.11.
6. Воронов В.В. Оценка экспертами ситуации и перспектив развития малых городов России // Социологическое обеспечение стратегического управления развитием регионов и муниципальных образований России: сборник статей / Отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 74–82. – DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-365-2.2021.12
7. Статистика социальных сетей: [Электронный ресурс]. URL: https://br-analytics.ru/statistics/author/?hub_id=3&date=202201&country_id=20&period_type=month (Дата обращения: 23.02.2022).
8. Численность постоянного населения в среднем за год: [Электронный ресурс]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278930/> (Дата обращения: 23.02.2022).

THE USE OF SOCIAL NETWORKS IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF A RUSSIAN SMALL TOWN

Vatolin D.A.

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article defines the concept of online social networks. On the basis of publicly available data, the depth of penetration of these services into the communicative practices of the population is clearly demonstrated, using the example of a number of regions of the North-Western Federal District. The definition of managerial activity is given, showing the importance not so much of the economic and economic, but of the informational component of this work. The features of managerial activity in relation to small towns of Russia are considered. The small town is presented as a special, “non-integrated” subject of management, requiring special tools and a separate approach. Taking into account the peculiarity of small towns as a subject of management, the application of the semiosociopsychological method of studying online social networks as a means to supplement the set of primary da-

ta for the already proven sociospatial approach of conducting regional research is justified. The further development of the given method in the work on improving the predictive accuracy of the sociospatial approach is planned.

Keywords: small town, sociological monitoring of social networks, semiosociopsychological method, social networks.

References

1. Mass information in the Soviet industrial city: the experience of complex sociological research / B.A. Grushin, L.N. Fedotova, E. Ya. Tarshis [et al.]. – M.: Politizdat, 1980 – 446 p.
2. Small towns in the social space of Russia: [monograph] / [A.Y. Ardalyanova, P.V. Bizyukov, R.G. Braslavsky, etc.]; edited by V.V. Markin, M.F. Chernysh; preface by M.K. Gorshkov. – M.: FNIITS RAS, 2019. – 545 s.. Text electron. URL: https://www.is-ras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751
3. Markin, V.V. Small towns of Russia: integrated monitoring of development / V.V. Markin. Part 2 / V.V. Markin, M.L. Malyshev, D.Y. Zemlyansky // Monitoring of law enforcement. – 2020. – № 1(34). – Pp. 61–74. – DOI 10.21681/2226–0692–2020–1–61–74.
4. Malyshev M.L. A sociological approach to the study of the socio-spatial transformation of small towns in Russia // Sociological support of strategic management of the development of regions and municipalities of Russia: collection of articles / Edited by M.K. Gorshkov; FNIITS RAS. – M.: FNIITS RAS, 2021. pp. 68–73. – DOI: 10.19181/collection.978–5–89697–365–2.2021.11
5. Markin V.V. Small towns in the state policy of spatial development of Russia: on the methodology of social modeling of regional strategies and practices / V.V. Markin, V.V. Voronov, V.M. Peshkova // Reformed Russia: Yearbook: issue 17 / Edited by M.K. Gorshkov. M.: New Chronograph, 2019. pp. 271–286. DOI: 10.19181/ezh.2019.11.
6. Voronov V.V. Assessment by experts of the situation and prospects for the development of small towns in Russia // Sociological support of strategic management of the development of regions and municipalities of Russia: collection of articles / Edited by M.K. Gorshkov; FNIITS RAS. – M.: FNIITS RAS, 2021. pp. 74–82. – DOI: 10.19181/collection.978–5–89697–365–2.2021.12
7. Social network statistics: [Electronic resource]. URL: https://br-analyt-ics.ru/statistics/author/?hub_id=3&date=202201&country_id=20&period_type=month (Accessed: 02/23/2022).
8. The number of permanent population on average per year: [Electronic resource]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278930> / (Accessed: 02/23/2022)

Интерпретация научного дискурса о феноменах ценностей и смысла в контексте трудовой деятельности

Вельмисова Дарья Владимировна,

к.с.н., старший преподаватель кафедры социологии и управления персоналом, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

E-mail: daria-babiy@yandex.ru

Статья посвящена анализу научного дискурса о феноменах ценностей и смысла в контексте трудовой деятельности и их интерпретации в научном пространстве современных междисциплинарных исследований. В статье раскрывается содержание понятий ценностей и смысла в классических и современных западных и отечественных научных школах, обращается внимание на многообразие интерпретаций и подходов к определению их значения в формировании поведения человека. Автором представлены результаты наукометрического анализа публикационного поля по данной проблематике, на основе выборки из 860 релевантных статей, размещенных в базе данных Scopus в 2012–2021 гг. В процессе сетевого анализа ключевых и наиболее упоминаемых понятий выявлено наличие 8 исследовательских областей, составляющих кластеры, на основе которых автором определено 3 основных направления в современных исследованиях смысла в трудовой деятельности, их содержание и характеристики.

Ключевые слова: смыслы в деятельности, смысл работы, удовлетворенность, продуктивность, ценностно-мотивационные смыслы, лидерство, осмысленность трудовой деятельности, мотивация поведения.

Функционирование предприятий и организаций в условиях общества знаний, во многом, опирается на управление социальным капиталом, представляющим собой ключевой организационный актив. Вместе с тем, персонал, включающий работников различных статусных, квалификационных и социально-демографических групп, является рискогенным фактором для организации. Это связано с тем, что организационное поведение работников подвержено влиянию множества объективных и субъективных характеристик, относящихся как к внешней среде жизнедеятельности, так и к внутренним свойствам личности, ее социогенным, биогенным и психогенным особенностям. В связи с этим, в зависимости от направленности поведение работников может способствовать или препятствовать достижению целей организации, создавать риски при принятии и реализации управленческих решений. Не случайно, многочисленные исследования направлены на выявление механизмов, регулирующих организационное поведение в социально-трудовом контексте. Данная проблематика имеет междисциплинарный характер и освещается в социологических, социально-психологических, аксиологических, философских, экономических исследованиях. Автором в представленной работе исследуется междисциплинарный научный дискурс о феноменах ценностей и смысла трудовой деятельности. *Цель* представленного исследования состояла в научной интерпретации понятийных связей, в т.ч. решение следующих исследовательских задач: анализ научных подходов к интерпретации сущности ценностей и смысла и их понимания в социально-трудовом контексте; определение направлений научного интереса в исследованиях смыслов и ценно-

стей работников в современных исследованиях.

Научная интерпретация феноменов ценностей и смысла трудовой деятельности

Ценности. По мысли Э. Шпрангера, «духовный характер человека ничем не определяется столь решительно, как тем, при помощи какого органа ценности он живет». Обратив внимание на моральные характеристики различных направлений деятельности, Э. Шпрангер одним из первых заявил о связи ценностей со сферой труда [10, с. 101]. В соответствии с концепцией Э. Дюркгейма личность является продуктом общества, формируясь под воздействием социальных фактов, прежде всего, духовных: «шкала ценностей оказывается свободной от субъективных и изменчивых оценок индивидов. Последние находят вне себя уже устоявшуюся классификацию, к которой они вынуждены приспосабливаться» [1, с. 290]. Ценности занимают существенное место в концепции Т. Парсонса как особая форма коллективных представлений, которые, институционализируясь, выполняют функцию воспроизводства образца и поддержания «надлежащих мотивационных обязательств индивидов перед обществом» [4, с. 132]. В контексте целей существования человека и способов его поведения ценности интерпретируются М. Рокичем как устойчивые убеждения индивида об их социальной и личностной предпочтительности. А. Маслоу исследовал влияние дефицитных и бытийных ценностей на поведение человека: первые объясняют стремление человека к избавлению от дефицита чего-либо, поэтому созвучны понятию «потребность», в то время как вторые – соотносятся с самоактуализацией человека (стремление к целостности, совершенству, справедливости и др.). Исследователями отмечается, что «в сфере труда ценностная позиция человека *приобретает реально-практическое значение и соотносится с количеством и качеством*

выполняемой работы, оценкой своего труда, характером взаимоотношений между различными профессионально-квалификационными и статусными группами персонала предприятий, а также с различного рода устремлениями в признании в совместном труде своих различных достижений» [6].

В ряде современных исследований утверждается, что ценности, подобно потребностям, мотивам и целям мотивируют действия, но при этом ценности отличаются от конкретных целей, потому что ценности трансситуативны. Ценности – это *непреходящие цели* и позволяют понять, «что люди считают важным», к каким целям, они хотят идти. Ценности служат идеалами или обязанностями и, следовательно, руководящими принципами саморегулирования. Люди могут стремиться уменьшить расхождения, которые они ощущают между своими ценностями и поведением, изменяя свое поведение [17].

Приведенные определения отражают представления о ценностях как важной составляющей мотивации человека. Однако, ценности могут рассматриваться, прежде всего, как духовно-нравственные ориентиры, принятые в обществе. Совершенно не случайно, исследования ценностей обнаруживают их сходство у людей, принадлежащих к одному поколению, эпохе и социализирующихся в едином социально-историческом контексте. В ценностях отражаются наиболее общие черты целей и способов жизнедеятельности человека в определенном социуме, при этом значимая роль в мотивации деятельности принадлежит и таким элементам диспозиционной структуры как потребности, установки, интересы личности.

Смыслы деятельности. Нельзя не обратить внимание на то, что выбор человеком целей деятельности и моделей поведения складывается не только из психологических реакций, потребностей и интернализованных ценностей, но также на основе *когнитивных представлений об окружающем мире,*

отражающих мыслительные конструкции, в которых индивид интерпретирует реальность, придавая ей тот или иной смысл. Данные когнитивные представления выступают инструментом осмысления субъектами процесса и характеристик социального действия и взаимодействия. В исследовании семиотической модели действия А.Е. Сериков отмечает, что «человеческие действия не сталкиваются, обмениваясь энергией, на манер бильярдных шаров или фотонов. Материальные объекты в природе взаимодействуют непосредственно, а между человеческими действиями всегда имеет место посредник, называемый *смыслом*» [8, с. 19]. И далее, «люди производят действия, они извлекают из действий смысл и они же выражают этот смысл новыми действиями» [8, с. 20].

Смысл как важнейшая характеристика, определяющая социальное действие человека был одним из первых интерпретирован М. Вебером, который, вместе с тем, обращал внимание на предопределенность смысла социального действия ценностями, господствующими в обществе. Нормальный человек, как пишет В. Франкл, стремится не к удовлетворению потребностей, а к *осуществлению смысла* и реализации ценностей и лишь в ходе данных процессов он осуществляет и реализует себя самого. В.К. Потемкин справедливо утверждает, что «личностные ценности, потребности, отношения и конструкты являются для человека источниками и носителями значимых смыслов» [5, с. 25]. Нельзя не согласиться с тем, что «ничто не может так мотивировать человека, как убежденность в возможности приняться за нечто, полное смысла» [3]. Человеческие существа запрограммированы на поиск смысла, и отсутствие смысла рассматривается как серьезное психологическое лишение, связанное с депрессией, смертностью и даже суицидальными идеями.

Современные исследования смысла в контексте трудовой деятельности акцентируют внимание, прежде всего,

на понятиях «осмысленность», «значимость» работы, «призвание», «духовность», направляют усилия на поиск механизмов смыслообразования в социально-трудовом контексте.

Смысл и «значимая работа». Работа, имеющая *осознаваемый смысл* для человека обозначается в ряде исследований как «значимая», как в широком контексте поиска своего профессионального призвания (т.е. в более общем жизненном пространстве), так и в более узком смысле – как субъективная значимость выполняемых задач и их соответствие личным целям. Противоположностью значимой работы в данном ключе является *бессмысленная работа*. Ряд авторов [11] фиксируют различие между «значимой работой» в более общем понимании и «значимым опытом», т.е. теми ежедневными социальными практиками, которые человек реализует в социально-трудовом контексте: опыт приобретает смысл, когда люди совершают действия, которые соответствуют ценностям, имеющим отношение к их существованию, и понимают, «почему их работа стоит того, чтобы ее делать». «*Значимая работа*» (наполненная смыслом) соотносится с понятием «осмысленность» и обозначает осознаваемую ценность данной деятельности [11]. «*Значимость работы*» (наполненность смыслом) для индивида определяется как достаточно широкое понятие – во взаимосвязи с чувством идентичности, с положительной оценкой данной деятельности в целом, как многомерная конструкция, учитывающая в том числе, мотивационные элементы (опыт единения с другими, развитием внутреннего «я», мотивацию к благу или служению), которые концептуально и эмпирически связаны с глобальным или общим ощущением значимости работы в целом [14].

Смысл и «призвание». С понятием «*смысл*» связывается также термин «*призвание*» как в широком понимании (высшее предназначение человека), так и в узком – как профессия, соответствующая природным склонностям

и ценностям [19]. Призвание интерпретируется как одна из предпосылок формирования смысла деятельности [13]. Выявлено, что сотрудники с ориентацией на призвание работают для удовлетворения, а не для денежной выгоды, социального статуса или профессионального роста. Они также более довольны своей работой, чем рабочие без призвания [20]. Когда работа дает людям возможность реализовать свое призвание, люди склонны рассматривать свою работу как более значимую, потому что она воспринимается как позволяющая реализовать личностную миссию и оказывающая положительное влияние на мир.

Смысл и «духовность». «Смысл» работы нередко рассматривается во взаимосвязи с понятием «духовность», которое интерпретируется как в организационном, так и в личностном контексте. В организационном контексте «духовность» понимается как характеристика места работы, в рамках которого признается наличие внутренней духовной жизни сотрудников, которая, с одной стороны, оказывает положительное влияние на труд, а с другой стороны, подпитывается деятельностью, наполненной смыслом в составе определенного сообщества [12]. Исследователи приходят к выводу, что основу духовности в трудовой деятельности составляют три компонента: субъективная значимость работы, чувство общности с группой и соответствие деятельности ценностям организации [16].

Источники смысла и механизмы смыслообразования. Ряд исследователей предпринял попытку не только определить сущность значимой и наполненной смыслом работы, но и ответить на вопрос о *механизмах формирования смысла*. Б.Д. Россо и его коллеги [18] зафиксировали *четыре области, являющиеся источниками смысла*: я, другие люди, рабочий контекст и духовная жизнь. В рамках этих областей функционируют следующие *механизмы смыслообразования*: целостность (аутентичность), самоэффективность,

самоуважение, цель, принадлежность, трансцендентность, а также культурное и межличностное смыслообразование. *Аутентичность* интерпретируется как чувство согласованности между своим поведением и восприятием «истинного» я, это центральный мотив, который помогает людям поддерживать чувство смысла и порядка в своей жизни. *Самоэффективность* как механизм смыслообразования в трудовой деятельности отражает убеждение людей в том, что они обладают силой и способностью произвести намеченный эффект, изменить ситуацию или контролировать ее развитие. *Самооценка* (самоуважение) как механизм формирования смысла выражается в том, что чувство выполненного долга дает человеку ощущение своей значимости и ценности. *Цель* является четвертым механизмом, используемым для объяснения процессов смыслообразования. *Принадлежность* отражает всепроникающее стремление человека к формированию и поддержанию хотя бы минимального количества длительных, позитивных и значимых межличностных отношений и поиска смысла в них. Механизм *трансцендентности* подразумевает, что работа имеет смысл, когда люди *могут подчинять себя* группам, опыту, или сущности, выходящие за пределы «я». Механизм *культурного и межличностного смыслообразования* основан на том, что люди считывают, воспринимают, интерпретируют сигналы в организационной среде, которые прямо или косвенно придают смысл и значение их работе.

Исследователями все чаще обращается внимание на изучение факторов, которые воздействуют на восприятие значимости профессиональной деятельности, причем нередко значимость работы рассматривается во взаимосвязи с достижением организационных целей, производительностью, вовлеченностью, гражданским поведением на работе и др. Вместе с тем, проведенный контент-анализ показывает, что исследования сущности «значимой работы», а также индивидуальных, ор-

ганизационных и социальных факторов, способствующих формированию чувства «значимости работы», ее наполненности смыслом – имеют разнонаправленный и междисциплинарный характер и не дают единого понимания того, как факторы соотносятся друг с другом и как организации могут активно способствовать опыту значимой и наполненной смыслом трудовой деятельности сотрудников.

Исследование понятийных связей о феноменах ценностей и смысла трудовой деятельности

Автором был осуществлен анализ публикаций, размещенных в базе Scopus в 2012–2022 гг., отобранных по ключевым словам: *осмысленная работа* (meaningful work), *ценности* (values), *поведение* (behaviour), *мотивация* (motivation). Для проведения наукометрического анализа была сформирована выборка из 860 наиболее релевантных статей. Обработка данных производилась в программном комплексе VosViewer, который позволил реализовать кластерный анализ. Единицей анализа является понятие, характеризующее двумя параметрами – количеством упоминаний и количеством совместных упоминаний с другими понятиями.

Из полученной выборки было отобрано 2102 ключевых слова, из которых 98 упоминаются наиболее часто и имеют взаимосвязи. Результаты сетевого анализа свидетельствуют о том, что **центральный понятием** исследований, посвященных феномену «значимая работа» в сочетании понятиями «ценности», «поведение», и «мотивация», является **«удовлетворенность трудом»** (Job Satisfaction). Примечательно, что понятия «ценности», «смыслы в работе», «мотивация» – остаются периферийными терминами.

В Таблице 1 отражены понятия, имеющие наибольшее количество взаимосвязей и взаимных упоминаний с другими терминами, в Таблице 2 – наименее упоминаемые и имеющие наименьшее количество взаимосвязей понятия.

Таблица 1. Наиболее упоминаемые и имеющие наибольшее количество взаимосвязей понятия

Ключевые слова	Частота упоминаний	Сила взаимосвязей с другими понятиями (количество совместных упоминаний)
meaningful work/ значимая работа	71	108
job satisfaction / удовлетворенность трудом	52	84
calling / призвание	58	82
work engagement / вовлеченность	48	75
well-being / самочувствие	38	54
job crafting / джоб-крафтинг (совершенствование, конструирование работы)	36	50
leadership / лидерство	30	47
motivation / мотивация	23	46
transformational leadership / трансформационное лидерство	42	45
corporate social responsibility / корпоративная социальная ответственность	18	36
self-determination theory / теория самодетерминации	17	34
meaningfulness / осмысленность	20	33
work meaningfulness / осмысленность работы	16	31
job performance / производительность труда	17	30
performance / производительность	19	30
organizational commitment / организационная приверженность	15	28
positive psychology / позитивная психология	17	27
burnout / выгорание	15	26
meaning / значение	13	25

Таблица 2. Наименее упоминаемые и имеющие наименьшее количество взаимосвязей понятия

Ключевые понятия	Частота упоминаний	Сила взаимосвязей с другими понятиями (количество совместных упоминаний)
virtue ethics / этика добродетели	5	1
work meaning / значение работы	5	4
innovative work behavior / инновационное трудовое поведение	5	5
millennial / миллениалы	5	5
social justice / социальная справедливость	5	5
social support / социальная поддержка	6	5
values / ценности	5	5
entrepreneurship / предпринимательство	6	6
happiness / счастье	7	6
authentic leadership / аутентичное лидерство	7	7
career calling / карьерное призвание	5	7
identity / идентичность	6	7

При помощи программного комплекса VosViewer исследуемая научная область была разделена на 8 кластеров (Табл. 3).

Таблица 3. Кластеризация ключевых понятий, центральное понятие в каждом кластере выделено

Кластер 1 (19 элементов): выгорание, призвание, карьерное призвание, карьерное развитие, культура, достойный труд, предпринимательство, значение работы, ЗНАЧИМАЯ РАБОТА, позитивная психология, психология труда, удержание, социальная идентичность, социальная справедливость, социальная поддержка, намерения в отношении текучести, смысл работы, желание работать	Кластер 2 (16 элементов): автономия, сотрудники, управление человеческими ресурсами, дизайн работы, смысл в работе, СМЫСЛ В ЖИЗНИ, моральная идентичность, психологический капитал, качественное исследование, духовное лидерство, устойчивость, ценности, призвание, работа, трудовая мотивация	Кластер 3 (14 элементов): эмоциональное истощение, вовлеченность сотрудников, вдохновляющее лидерство, индивидуальные различия, вовлеченность в работу, обмен между лидером и командой, осмысленность, воспринимаемая организационная поддержка, психологическая поддержка, психологическая безопасность, психологическое благополучие, теория самодетерминации, духовность, ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ ЛИДЕРСТВО
Кластер 4 (14 элементов): карьера, приверженность, этическое лидерство, требования к работе, трудовые ресурсы, метаанализ, организационная приверженность, организационная идентификация, производительность, лидерство-служение, теория социального обмена, учителя. ТРУДОВАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ	Кластер 5 (11 элементов): аутентичное лидерство, процветание, высшее образование, внутренняя мотивация, обмен знаниями, удовлетворенность жизнью, миллениалы, количественное исследование, самоэффективность, БЛАГОПОЛУЧИЕ, значимость работы	Кластер 6 (11 элементов): эмоциональная приверженность, теория сохранения ресурсов, КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, творчество, вовлеченность, счастье, инновационное трудовое поведение, психическое здоровье, гражданское поведение в организации, субъективное благополучие
Кластер 7 (7 элементов): этика, идентичность, ЛИДЕРСТВО, смысл, мотивация, цель, этика добродетели	Кластер 8 (6 элементов): конструирование работы, производительность труда, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ, соответствие личности работе, текучесть кадров, духовность на рабочем месте	

Обозначенные кластеры можно объединить в три ключевых направления исследований концепта «СМЫСЛ» применительно к трудовой деятельности человека:

1. **Исследования «смысла работы (деятельности)» в широком понимании**, в контексте поиска человеком своего **призвания** и «значимой» работы, в т.ч. исследования психологических последствий отсутствия значимой деятельности: намерения по смене работы, выгорание, поиск достойного труда. В данном направлении исследуются вопросы социальной поддержки, социальной справедливости, приверженности, социальной идентичности в профессии (кластер № 1).
2. **Исследования вопросов «смыслов в трудовой деятельности»,** смыслообразования в организационной среде, факторов мотивации, в т.ч. поиск методов управления значимостью работы и смыслообразованием при помощи управленческих технологий, лидерства, профессиональной и трудовой этики, управления целями в деятельности (кластеры № 2 и № 7, которые имеют множество взаимосвязей и располагаются в одном и том же секторе). В данном направлении упоминаются понятия: «ценности», 3 из 4 взаимосвязей которого находятся также в рамках данного кластера и 1 взаимосвязь с понятием «значимая работа»; «этика» – связывающая данный кластер с исследованиями призвания, значения работы и удовлетворенности трудом.
3. **Исследования «осмысленности деятельности», самоопределения человека, целостности, духовности** (кластеры № 3 и № 5, которые имеют множество взаимосвязей и располагаются в одном и том же секторе). В данном контексте нельзя не согласиться с утверждением, что «личностный смысл не есть нечто существующее во внешнем мире или противостоящее индивидам извне и диктующее, какой шаг им предпринять. Это видение, которое каждый из нас должен создать для себя заново и чтобы создать для себя это «видение» человек должен ответить самому себе на три вопро-

са: 1) В каком мире я живу? 2) Как прожить жизнь, чтобы наилучшим образом удовлетворить мои потребности и ценности? 3) Кто я?» [9].

Значимым является то, что ключевые понятия, расположенные в исследуемой сети взаимосвязанных понятий, включают в себя упоминания *7 типов лидерства*: духовное лидерство (spirituality leadership), вдохновляющее лидерство (empowering leadership), трансформационное лидерство (transformational leadership), этическое лидерство (ethical leadership), лидерство-служение (servant leadership), аутентичное лидерство (authentic leadership), лидерство в общем понимании (leadership). Это свидетельствует о внимании исследователей к роли лидера в контексте смыслообразования в рамках упомянутых трех направлений. Причем наибольший акцент на роль лидера ставится в третьем направлении исследований: исследования осмысленности деятельности, самоопределения работников, духовности на рабочем месте, поиска высшего смысла в труде. Лидер в данном направлении реализует задачи, выходящие за пределы организационного контекста, выступая для работников в качестве ментора, коуча, наставника.

Отдельно выделены два направления, которые не затрагивают понятия «смысл», но имеют *множество взаимосвязей с обозначенными направлениями исследований и затрагивают смежные области*: кластер 6, в центре которого понятие «корпоративной социальной ответственности», напрямую взаимосвязано с понятием «осмысленность работы» (work meaningfulness); кластер 4, в центре которого понятие «трудолюбивая вовлеченность», имеющее прямую взаимосвязь с понятием «значимая работа» (meaningful work).

Удовлетворенность трудом как центральное понятие. Особенного внимания заслуживает *кластер 8, занимающий центральное положение по количеству и силе взаимосвязей с другими понятиями.* Центральным концептом в этом кластере является

«удовлетворенность трудом». Данный кластер не затрагивает смыслы как таковые, но занимает центральное место в проблематике исследования «значимой работы», «поведения», «ценностей», «мотивации». Понятия, которые вошли в кластер: совершенствование, конструирование работы (Job-crafting); производительность труда (Job-performance); удовлетворенность трудом (Job satisfaction); соответствие личности работника и его деятельности (Person-job fit); текучесть кадров (Turnover); духовность на рабочем месте (Workplace spirituality). Анализ приведенных понятий позволяет сделать вывод о том, что они объединяют междисциплинарную область знаний, направленную на поиск путей сотнесения личности человека и его организационной роли, а также наиболее важных результатов данного процесса. Таким образом, подтверждается вывод о том, что смыслы в деятельности работников исследуются во взаимосвязи с понятиями качества и эффективности труда, эмоциональной вовлеченности, приверженности, удовлетворенности. Ключевые аспекты осмысленной работы привлекают повышенное внимание исследователей как важное психологическое состояние само по себе и в связи с воздействием на такие явления как профессиональная идентификация, мотивация работы, приверженность, психологический капитал, удовлетворенность, социальное благополучие, производительность, снижение текучести.

Выводы и заключение

Сформированный исследовательский запрос был направлен на проблематику ценностей и смыслов в трудовой деятельности. Однако, центральным понятием по количеству упоминаний и взаимосвязей в сетевой схеме оказалась *удовлетворенность трудом*, которая вошла в данное предметное поле в 2019 году, но уже имеет множество взаимосвязей с различными интерпретациями смысла: как атрибута профессии, призвания, деятельности, поведения человека, как осмысленность. В то время как «значи-

мая работа (деятельность)», одно из понятий сформированного нами запроса, появилась в предметном поле раньше (2017–18 гг.), но в большей степени взаимосвязана лишь с понятиями кластера № 1, хотя и занимает первое место по частоте упоминаний и количеству взаимных упоминаний совместно с другими понятиями. Это позволяет сделать ряд теоретических обобщений, позволяющих утверждать о сохранении традиций и появлении ряда новых тенденций и ключевых слов.

Смысл труда исследуется современными авторами в контексте деятельностного подхода. Причем смысл деятельности рассматривается как в его *социальном значении* применительно к деятельности значимой в обществе, в *групповом значении* (деятельность, значимая в рамках социальной группы или общности), так в *личностном значении*, т.е. деятельности, значимой в контексте жизненных целей и приоритетов человека. По прежнему актуальны выводы А.Н. Леонтьева, что в процессе предметной деятельности человек творит себя самого, выстраивает взаимосвязи в социальной среде. «И индивид не просто «стоит» перед некоторой «витриной» покоящихся на ней значений, среди которых ему остается только сделать выбор, что эти значения (представления, понятия, идеи) «не пассивно ждут его выбора, а энергично врываючися в его связи с людьми, образующие круг его реальных событий» [2]. Смыслы обуславливают интерпретацию человеком социальных явлений и процессов, проявляются в принимаемых решениях, и, вместе с тем, трансформируются в процессе реализации человеком деятельности в контексте определенной социально-культурной среды.

Структура научного дискурса о смыслах и ценностях трудовой деятельности соотносится с интенсивным развитием концепции человекоориентированного управления [7], в центре которой находится личность работника. Это выражается в поиске ответов, прежде всего, на вопрос – *как повысить удовлетворенность работников,*

улучшить их социальное самочувствие, психологическое благополучие через управление смыслами в труде, и лишь косвенно – в поиске способов повышения производительности труда (это понятие входит в центральный кластер № 8, но в качестве периферийного).

В число новых понятий междисциплинарного научного дискурса о смыслах и ценностях в трудовой деятельности вошли многочисленные социальные технологии: социальная поддержка; джоб-крафтинг; джоб-дизайн; обмен знаниями; корпоративная социальная ответственность, технологии лидерства и др., что свидетельствует о внимании исследователей к вопросам управления процессом смыслообразования и научном потенциале данной области знаний не только в теоретическом, но и в практическом аспекте. Выявлен интерес исследователей к взаимосвязям социальной среды организации и смыслов деятельности работников. Обнаруженные в результате наукометрического анализа направления исследования смысла деятельности: а) в широком понимании (как призвания), б) в контексте организационной среды, в) контексте ее осмысления работниками и поиска ресурсов духовности в социально-трудовом контексте – отражают подходы к исследованиям сферы трудовой деятельности работника и организационного поведения, сложившиеся в научном сообществе.

Литература

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение: пер. с франц. – М.: Канон. – 1995.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М., 1975. – 304 с.
3. Лепский В.Е. Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. С. 3–33.
4. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. / Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998.
5. Потемкин В.К. Личностный фактор в территориальной организации производственной деятельности: научное издание. – СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФНС России, 2014.
6. Потемкин В.К. Ценности персонала современных предприятий: истоки, историческая память, ориентация на эффективность и качество работы // Потемкин В.К. Социальные проблемы человекоориентированного управления предприятиями и организациями: сборник избранных научных статей – СПб.: Изд-во «Инфо-Да», 2021. С. 45–55
7. Потемкин В.К. Человекоориентированное управление предприятиями и организациями // Экономика и управление, 2020. Т. 26. № 2. С. 165–176.
8. Сериков А.Е. Семиотическая модель действия // Социологический журнал. № 1. 2009. С. 19–46.
9. Серый А.В., Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999.
10. Шпрангер Э. Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности / Э.Шпрангер / Пер. А.К. Судакова. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2014.
11. Allan B., Batz-Barbarich C., Sterling H., Tay L. Outcomes of Meaningful Work: A Meta-Analysis // Journal of Management Studies. 2018. 56. DOI:10.1111/joms.12406
12. Duchon D., Plowman D.A. Nurturing the spirit at work: Impact on work unit performance // Leadership Quarterly, 2005. 16. P. 807–833. DOI:10.1016/j.leaqua.2005.07.008
13. Hall D. T., Chandler D.E. Psychological success: When the career is a calling // Journal of Organizational Behavior, 2005. 26. P. 155–176. DOI:10.1002/job.301
14. Lips-Wiersma M., Wright S., Dik B. Meaningful work: differences among blue-, pink-, and white-collar occupations // Career Development

- International. 2016. 21. P. 534–551. DOI:10.1108/CDI-04-2016-0052
15. Lysova E., Allan B., Dik B., Duffy R., Steger M. Fostering meaningful work in organizations: A multi-level review and integration // *Journal of Vocational Behavior*. 2018. DOI:10.1016/j.jvb.2018.07.004
  16. Milliman J., Czaplewski A.J., Ferguson J. Workplace spirituality and employee work attitudes: an exploratory empirical assessment // *Journal of Organizational Change Management*. 2003. 16. P. 426–447. DOI:10.1108/09534810310484172
  17. Roccas S., Sagiv L., Schwartz Sh., Knafo-Noam A. The Big Five Personality Factors and Personal Values // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 28. 2002. P. 789–801. DOI:10.1177/0146167202289008
  18. Rosso B. D., Dekas K.H., Wrzesniewski A. On the meaning of work: A theoretical integration and review // *Research in Organizational Behavior*, 2010. 30. P. 91–127. DOI:10.1016/j.riob.2010.09.001
  19. Schnell T., Höge T., Pollet E. Predicting meaning in work: Theory, data, implications // *The Journal of Positive Psychology*. 8. 2013. P. 543–554. DOI:10.1080/17439760.2013.830763
  20. Wrzesniewski A., McCauley C., Rozin P., Schwartz B. Jobs, careers, and callings: People's relations to their work // *Journal of Research in Personality*, 1997. 31. P. 21–33. DOI:10.1006/jrpe.1997.2162

INTERPRETATION OF SCIENTIFIC DISCOURSE ON THE PHENOMENA OF VALUES AND MEANING IN THE CONTEXT OF WORK

Velmisova D.V.

Saint-Petersburg State Economic University

The article is devoted to the analysis of scientific discourse about the phenomena of values and meaning in the context of labor activity and their interpretation in the scientific space of modern interdisciplinary research. The article reveals the content of the concepts of values and meaning in classical and modern foreign

and domestic scientific schools, draws attention to the variety of interpretations and approaches to determining their significance in shaping human behavior. The author presents the results of a scientometric analysis of the publication field on this issue, based on a sample of 860 relevant articles posted in the Scopus database in 2012–2021. In the process of network analysis of the key and most mentioned concepts, the presence of 8 research areas that make up clusters was revealed, on the basis of which the author identified 3 main areas in modern research on the meaning of work, their content and characteristics.

Keywords: meanings in work, meaning of work, satisfaction, productivity, value-motivational meanings, leadership, meaningfulness of work, motivation of behavior.

References

1. Allan B., Batz-Barbarich C., Sterling H., Tay L. (2018) Outcomes of Meaningful Work: A Meta-Analysis. *Journal of Management Studies*. 56.
2. Duchon D., Plowman D.A. (2005) Nurturing the spirit at work: Impact on work unit performance. *Leadership Quarterly*. 16: 807–833.
3. Durkheim E. (1995) *Sotsiologiya. Yeye predmet, metod i naznacheniyе*. [Sociology. Its subject, method and purpose]. M.: Kanon. (in Russian).
4. Hall D. T., Chandler D.E. (2005) Psychological success: When the career is a calling. *Journal of Organizational Behavior*. 26: 155–176.
5. Leontiev A.N. (1975) *Deyatel'nost', soznaniye, lichnost* [Activity, consciousness, personality]. M. (in Russian).
6. Lepsky V. E. (2001) *Nauchnoye i sotsiokul'turnoye znacheniyе reflektivnogo dvizheniya v Rossii. Refleksivnyye protsessy i upravleniye* [Scientific and socio-cultural significance of the reflexive movement in Russia. Reflexive processes and management]. 1:3–33. (in Russian).
7. Lips-Wiersma M., Wright S., Dik B. (2016) Meaningful work: differences among blue-, pink-, and white-collar occupations. *Career Development International*. 21: 534–551.
8. Lysova E., Allan B., Dik B., Duffy R., Steger M. (2018) Fostering meaningful work in organizations: A multi-level review and integration. *Journal of Vocational Behavior*.
9. Milliman J., Czaplewski A.J., Ferguson J. (2003) Workplace spirituality and employee work attitudes: an exploratory empiri-

- cal assessment. *Journal of Organizational Change Management*. 16: 426–447.
10. Parsons T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv*. [The system of modern societies]. Ed. M.S. Kovalev. Moscow: Aspect Press. (in Russian).
  11. Potemkin V.K. (2014) *Lichnostnyy faktor v territorial'noy organizatsii proizvodstvennoy deyatel'nosti: nauchnoye izdaniye* [Personal factor in the territorial organization of production activities: scientific publication]. Severo-Zapadnyy institut povysheniya kvalifikatsii FNS Rossii. (in Russian).
  12. Potemkin V.K. (2020) *Chelovekooriyentirovannoye upravleniye predpriyatiyami i organizatsiyami* [Human-oriented management of enterprises and organizations]. *Ekonomika i upravleniye* [Economics and Management]. 26.2:165–176. (in Russian).
  13. Potemkin V.K. (2021) *Tsennosti personala sovremennykh predpriyatiy: istoki, istoricheskaya pamyat', oriyentatsiya na effektivnost' i kachestvo raboty* [Personnel values of modern enterprises: origins, historical memory, focus on efficiency and quality of work]. In: Potemkin V.K. *Sotsial'nyye problemy chelovekooriyentirovannogo upravleniya predpriyatiyami i organizatsiyami: sbornik izbrannykh nauchnykh statey* [Social problems of human-oriented management of enterprises and organizations: a collection of selected scientific articles]. St. Petersburg: Info-Da. 45–55. (in Russian).
  14. Roccas S., Sagiv L., Schwartz Sh., Knafo-Noam A. (2002) *The Big Five Personality Factors and Personal Values*. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 28: 789–801.
  15. Rosso B. D., Dekas K.H., Wrzesniewski A. (2010) *On the meaning of work: A theoretical integration and review*. *Research in Organizational Behavior* 30: 91–127.
  16. Schnell T., Höge T., Pollet E. (2013) *Predicting meaning in work: Theory, data, implications*. *The Journal of Positive Psychology*. 8: 543–554.
  17. Serikov A.E. (2009) *Semioticheskaya model' deystviya* [Semiotic model of action]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. 1:19–46. (in Russian).
  18. Seryy A.V., Yanitskiy M.S. (1999) *Tsennostno-smyslovaya sfera lichnosti* [Value-semantic sphere of personality]. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet. (in Russian).
  19. Spranger E. (2014) *Formy zhizni: Gumanitarnaya psikhologiya i etika lichnosti* [Forms of life: Humanitarian psychology and personality ethics]. M.: Kanon +, ROOI Reabilitatsiya. (in Russian).
  20. Wrzesniewski A., McCauley C., Rozin P., Schwartz B. (1997) *Jobs, careers, and callings: People's relations to their work*. *Journal of Research in Personality*. 31: 21–33.

Социально-правовые основы управления миграционными процессами в современной России

Гулина Дарина Сергеевна,

аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: darinka_good@mail.ru

В данной статье рассмотрены основные элементы современной системы социально-правового управления миграционными процессами в Российской Федерации. Приведены институциональные особенности реализации миграционной политики России. Обобщены недостатки миграционного законодательства Российской Федерации и возможности его совершенствования. А также сформулированы общие рекомендации по совершенствованию системы полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере реализации миграционной политики.

Ключевые слова: миграционная политика, управление миграционными процессами, миграционный учёт, репатриация, лицо без гражданства, государственная поддержка соотечественников, трудовая миграция.

Актуальность темы исследования

Российская Федерация – активный участник миграционных отношений, происходящих в современном мире. Эффективность социально-правового регулирования миграционных процессов имеет прямое воздействие на демографическую ситуацию в стране. При этом, правовое регулирование миграционных отношений должно учитывать объективное противоречие между правом человека на свободу передвижения и потребностью государственного контроля за таким перемещением. В современных условиях роста интенсивности перемещения беженцев на территорию Российской Федерации вопрос совершенствования системы управления миграционными процессами для государства приобрел ещё большую актуальность.

Цель данной статьи – определение особенностей и возможностей совершенствования системы социально-правового регулирования миграционных процессов в современной России.

Для целей данной статьи автор исходит из положения о том, что миграционная политика и управление миграционными процессами представляют собой одно из направлений государственной политики, в состав которого входят концептуальные тезисы в сфере миграции, нашедшие выражение в нормативных правовых актах, и способы их реализации. Миграционную политику характеризует также ее доктринальный характер и неотъемлемая связь с другими сферами жизни общества (социальной, экономической, демографической и т.д.).

Миграционную политику делят на внешнюю и внутреннюю. Первая является выражением права граждан на свободу перемещения за пределы своего государства. Вторая относится к рациональному, с точки зрения социально-экономических ресурсов, распределению населения на территории внутри государства [7, с. 14].

И хотя Конституция РФ не затрагивает вопросов регулирования миграционных процессов в буквальном смысле этого слова, однако в свете концепции внутренней и внешней миграционной политики становится ясно, что особую роль в этом регулировании занимают вопросы безопасности. А значит, формирование внешней миграционной политики является исключительной компетенцией Российской Федерации, а ее регулирование происходит на уровне Федерации. Однако тот факт, что Конституция РФ не относит миграционную политику к исключительному ведению Федерации, ее субъектов или совместному ведению, позволяет выделять как федеральную, так и региональную миграционную политику.

Стоит отметить, что законодательное участие субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в реализации управления миграционными процессами предусмотрено, однако есть ограничения в участии регионов непосредственно в правовом регулировании миграционной политики. Эти ограничения связаны с необходимостью подчинения миграционной политики субъектов РФ общероссийскому курсу, а также ограничениями в использовании инструментов регулирования миграционных процессов, кроме того, к компетенции регионов относятся регулирование не всех миграционных процессов, происходящих в государстве.

Таким образом, региональное управление миграционными процессами полностью подчинено федеральной системе миграционной политики и вряд ли может рассматриваться как самостоятельное направление регулирования.

При этом следует отметить, что Конституция РФ закрепляет приоритет прав и свобод человека и гражданина, а потому её регулирование касается не только и не столько фактического перемещения населения через границу Российской Федерации, но, прежде всего, реализации через это прав человека и гражданина, которые относятся Конституцией к совместному ведению

Российской Федерации и субъектов РФ. Данный факт закрепляет, по сути, неотъемлемую связь миграционной политики государства с политикой социальной, демографической, социальной, а значит, и цели ее достижения должны носить комплексный характер.

Таким образом, правовое регулирование миграционных процессов Конституцией РФ позволяет говорить об управлении миграционными процессами как существенном пласте общественных связей и отношений, не сводимых исключительно к перемещению, а включающих все его стадии от планирования до интеграции на принимающей территории.

Помимо Конституции РФ, основными источниками социально-правового регулирования миграционных процессов являются следующие федеральный законы:

Вопросы внешней миграции, въезд и выезд из страны граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства регулирует ФЗ «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации». Кроме того, указанным федеральным законом определяется обязанности государства по защите граждан за рубежом, порядок выдачи документов для перемещения за границу. Закон Российской Федерации «О государственной границе Российской Федерации» [3] регулирует процедуру передвижения через границу Российской Федерации.

Миграционный учет как ключевой источник информации о миграционных процессах регулируется федеральным законом «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Закон регулирует права и обязанности мигрантов при проведении миграционного учета, который предполагает обработку, анализ, хранение, защиту и использование основных сведений об иностранных гражданах, включая регистрацию и учет по месту жительства и пребывания.

Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан

в Российской Федерации» [11] – один из ключевых актов регулирования миграционного вопроса в РФ. Он впервые закрепил понятия «лицо без гражданства», «миграционная карта», «вид на жительство», «разрешение на временное проживание» и другие. Данные закон значим именно тем, что охватывает максимально широкий круг общественных отношений, связанных с миграционными процессами, проводит разграничение статусов лиц, постоянно и временно проживающих на территории РФ, а также временно прибывших. Кроме того, федеральный закон предусматривает регламентацию мигрантов и органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также должностными лицами. Кроме того, указанный закон содержит положения, регулирующие вопросы внешней трудовой миграции, а потому вводит понятия «разрешение на работу», «иностранец-работник» и другие.

Помимо норм закона, широкий спектр социально-правовых отношений регулируется подзаконными актами. К ключевым относятся постановления Правительства РФ «О порядке определения исполнительными органами государственной власти потребности в привлечении иностранных работников и формирования квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации» [5], «Об утверждении перечня объектов и организаций, в которые иностранные граждане не имеют права быть приняты на работу» [6] и др.

Некоторые исследователи отмечают отсутствие четкого разделения управления миграционными процессами по отраслям [1]. Кроме того, отмечается потребность в специальном регулировании реализации иностранными гражданами своих трудовых прав. Для этого предлагается выделить специальный раздел в Трудовом кодексе РФ или предусмотреть такое регулирование в отдельном федеральном законе. Отдельным пунктом критики некоторых исследователей является тот факт, что большая часть общественных отноше-

ний, связанных с миграционными процессами, регулируется на уровне подзаконных актов, что, по их мнению, недостаточно для полноценной защиты прав мигрантов.

Таким образом, несмотря на расширение социально-правового регулирования миграционных процессов, отмечается потребность в детальном закреплении прав мигрантов на труд на территории РФ, по крайней мере, в виде кодификации федеральных подзаконных нормативных правовых актов.

Социально-правовое регулирование вынужденной миграции нашло проявление в Законе Российской Федерации «О беженцах» [2] и Законе Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» [4], а также связанных с их реализацией подзаконных актах.

Социально-правовой базой регулирования вопроса защиты прав соотечественников за рубежом является, прежде всего, федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [10] и ряд нормативно-правовых актов. К этим вопросам относятся репатриация как процесс добровольного возвращения в страну, а также предоставление дополнительных прав россиянам за рубежом. А одним из центральных подзаконных актов является Указ Президента РФ «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [9]. Государственная политика РФ и её цели в отношении соотечественников определяется в оказании им государственной помощи, а также защита их закрепленных Конституцией РФ прав человека.

К правам соотечественников относится право на переселение на территорию РФ, а также ряд специфических прав, как-то право на национально-культурную автономию, работу в неправительственных организациях и т.д. Поддержка соотечественников за рубежом имеет главной целью стимулирование их добровольного возвращения на территорию РФ. Основные цели

по осуществлению репатриации соотечественников сформулированы в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. В реализации программы приняли участие и субъекты РФ. И хотя программа приобрела скорее компенсационный, чем стимулирующий характер, тем не менее, формулировка политического курса на возвращение репатриантов является, безусловно, положительной тенденцией управления миграционными процессами.

Концептуальные основы социально-правового регулирования миграционных процессов регламентированы Концепцией регулирования миграционных процессов в Российской Федерации [8]. Целями такого регулирования названы гарантии национальной безопасности Российской Федерации, а также гарантии социально-экономического развития РФ, рациональное размещение населения на территории государства, а также обеспечение потребностей развивающейся экономики в трудовых ресурсах. По мнению специалистов, отмечается декларативный характер и отсутствие гибкости данной Концепции под современные условия. Кроме того, создатели Концепции отталкивались от основных целей миграционных процессов, а не миграционной политики государства. Несмотря на это, принципиальные положения данной Концепции не могут игнорироваться органами государственной власти, осуществляющими регулирование миграционными процессами.

Резюмируя, стоит отметить, что центральным источником социально-правового регулирования миграционных процессов является Конституция Российской Федерации, однако миграционное законодательство РФ начало формироваться до ее принятия. Это, прежде всего, относится к законодательству о вынужденных мигрантах.

Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» играет централь-

ную роль в регулировании миграционных процессов, поскольку предусматривает регулирование в той или иной мере большинства общественных отношений, связанных с миграцией. Цели и задачи миграционного регулирования были определены Концепцией регулирования миграционных процессов. А правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства регламентированы, прежде всего, в подзаконных актах РФ.

Таким образом, можно отметить, что система правового регулирования миграционных процессов, помимо Конституции РФ, охватывает не менее десяти федеральных законов, регулирующих социально-правовой статус граждан иностранных государств и лиц без гражданства.

Стоит отметить, что сегодня все ещё наблюдается перевес государственного регулирования в сторону контроля над иммигрантами, их трудовой деятельностью и в целом вопросами пребывания и проживания. При этом стоит отметить потребность в более связанном регулировании различных миграционных процессов. Так, в отношении политики репатриации сформулированы её концептуальные положения, регламентирована связь Программы добровольного переселения в РФ для проживающих за рубежом соотечественников с Концепцией демографической политики РФ. Таким образом, в РФ отмечено стимулирование репатриации соотечественников как один из приоритетов государственной миграционной политики, в достижении которого отмечается комплексный подход. И именно недостаток такого комплексного подхода и концептуальной завершенности наблюдается в социально-правовом регулировании других миграционных процессов. Этот факт накладывает определенные ограничения на развитие миграционной политики в Российской Федерации.

В заключение стоит отметить, что на современном этапе государственного управления миграционными процессами выделяется двунаправленная ориентация миграционной политики

на вопросы внешней трудовой миграции и репатриации. Данный факт стал возможным благодаря либерализации социально-правового регулирования миграционных процессов в 2000-х гг. и попыткам государства стимулировать те или иные миграционные процессы за счет социально-экономических инструментов.

Действующее миграционное законодательство характеризуется недостаточностью целевых установок, которые в полной мере раскрыты лишь в регулировании вопросов репатриации. В государственном социально-правовом регулировании процессов репатриации использован программно-целевой механизм, а также проведение иммиграционной политики по признаку этнокультурной принадлежности. Препятствием для комплексного регулирования миграционной политики Российской Федерации в целом, является концептуальная незавершенность государственного управления остальными миграционными процессами.

Для российской социально-правовой базы управления миграционных процессов характерно недостаточное внимание комплексности решения вопроса интеграции миграции в принимающее общество. Представляя собой сложный комплекс нормативных правовых актов, миграционное законодательство РФ отдает приоритет вопросам определения социально-правового статуса граждан иностранных государств и лиц без гражданства на территории РФ: регулированию, контролю и ограничениям их пребывания и проживания, а также их трудовой деятельности в РФ. Преодолению такого социально-правового ограничения могла бы способствовать разработка Стратегии миграционной политики Российской Федерации. Этот шаг содержит в себе существенный потенциал для совершенствования социально-правового регулирования миграционных процессов в РФ. Стратегия миграционной политики РФ призвана определить самостоятельный статус миграционной политики по отношению к другим направлениям государ-

ственной политики, конкретизировать цели, задачи и принципы социально-правового управления миграционными процессами.

Ещё одним препятствием на пути преодоления несоответствия интересов государства способам реализации миграционной политики является нестройная структура федеральных органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по разработке и реализации мер управления миграционными процессами. В миграционном законодательстве отмечено недостаточное правовое регулирование и координация работы субъектов государственного управления миграционными процессами. Наблюдается потребность повышения межведомственных связей внутри органов исполнительной власти, реализующих полномочия в сфере миграционной политики. Для повышения эффективности этих процессов возможна разработка моделей сотрудничества таких органов. К примеру, подведомственная Министерству внутренних дел РФ Федеральная миграционная служба, не наделена полномочиями участвовать в разработке миграционного курса, что делает управление миграционными процессами одним из направлений государственной политике в правоохранительной плоскости, что, разумеется, необоснованно сужает сущность данного явления и повышает репрессивный потенциал реализуемых государством мер миграционной политики. При этом отведение МВД России и ФМС России центральной роли в реализации управления миграционными процессами в РФ, заведомо ограничивает эффективность такого управления.

Кроме того, отнесение разработки государственной миграционной политики к компетенции МВД РФ, а полномочий в сфере трудовой миграции – к компетенции Министерства труда и социальной защиты РФ осложняет реализацию миграционного регулирования, затрудняет определение роли миграционной политики, поскольку разработка миграционной политики оказывается

разделена между ведомствами различной подчиненности. При этом отнесение системы управления миграционными процессами к компетенции одного из существующих органов государственной власти была бы также малоэффективной. Однако повышению потенциала системы управления миграционными процессами может способствовать формирование федерального органа исполнительной власти, объединяющего в себе функции по разработке миграционной политике, координации деятельности других органов исполнительной власти в сфере реализации миграционной политики, а также реализации основных мероприятий по такой реализации. При определенных структурных изменениях таким органом могла бы выступить Федеральная миграционная служба России. При сохранении полномочий в сфере контроля над исполнением миграционного законодательства, ФМС имеет потенциал расширить свои компетенции до формирования стратегии миграционной политики России, принять на себя социально-экономическое управление миграционными процессами. При этом важно включение в компетенции такого органа регламентированное взаимодействие со всеми субъектами социально-правового регулирования миграционных процессов. Приоритезирование направления добровольной репатриации требует более расширенного использования социально-экономических механизмов деятельности ФМС России, поскольку для стимулирующего воздействия большую эффективность дает применение не только прямых административных, но и косвенных социально-экономических мер.

Литература

1. Андрейченко Л. В., Васильева Л.Н. Правовое регулирование привлечения и использования иностранной рабочей силы в российской Федерации // Журнал российского права. 2007, № 2.
2. Закон Российской Федерации «О беженцах»// Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993, № 12. Ст. 425.
3. Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 № 4730–1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.
4. Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530–1 «О вынужденных переселенцах»// Ведомости СНД и ВС РФ. 1993, № 12. Ст. 427.
5. Постановление Правительства РФ «О порядке определения исполнительными органами государственной власти потребности в привлечении иностранных работников и формирования квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации» от 22 декабря 2006 № 783 // СЗ РФ. 2007, № 1 (2 ч.). Ст. 247.
6. Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня объектов и организаций, в которые иностранные граждане не имеют права быть приняты на работу» от 11 октября 2002 № 755 // СЗ РФ. 2002. № 41. Ст. 3996.
7. *Сандугей А.Н.* Проблемы формирования и реализации миграционной политики в Российской Федерации. М., 2008.
8. Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»// Сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>.
9. Указ Президента РФ «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СЗ РФ 2006, № 26. Ст. 2820.
10. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 № 9-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. № 22. Ст. 2670.
11. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 18 ию-

ля 2006 № 109-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.

SOCIO-LEGAL FOUNDATIONS OF MIGRATION MANAGEMENT OF MODERN RUSSIA

Gulina D.S.

Lomonosov Moscow state University

This article discusses the main elements of the modern system of socio-legal management of migration processes in the Russian Federation. The institutional features of the implementation of the migration policy of Russia are presented. The shortcomings of the migration legislation of the Russian Federation and the possibilities of its improvement are summarized. The author also formulates general recommendations for improving the system of powers of federal executive authorities in the implementation of migration policy.

Keywords: migration policy, management of migration processes, migration registration, repatriation, stateless person, state support of compatriots, labor migration.

References

1. Andreichenko L. V., Vasilyeva L.N. Legal regulation of attracting and using foreign labor in the Russian Federation // Journal of Russian law. 2007, no. 2.
2. Law of the Russian Federation «On Refugees»// Bulletin of the SND and the Armed Forces of the Russian Federation. – 1993, No. 12. Art. 425.
3. Law of the Russian Federation “On the State Border of the Russian Federation” dated April 1, 1993 No. 4730–1 // Gazette of the SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 1993. No. 17. Art. 594.
4. Law of the Russian Federation of February 19, 1993 No. 4530–1 «On forced migrants» / / Gazette of the SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 1993, No. 12. Art. 427.
5. Decree of the Government of the Russian Federation “On the procedure for determining by the executive bodies of state power the need to attract foreign workers and the formation of quotas for the implementation of labor activities by foreign citizens in the Russian Federation” dated December 22, 2006 No. 783 // СЗ РФ. 2007, No. 1 (2 hours). Art. 247.
6. Decree of the Government of the Russian Federation «On approval of the list of objects and organizations in which foreign citizens do not have the right to be employed» dated October 11, 2002 No. 755 // SZ RF. 2002. No. 41. Art. 3996.
7. Sandugey A.N. Problems of formation and implementation of migration policy in the Russian Federation. M., 2008.
8. Decree “On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025”// Website of the President of the Russian Federation. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>.
9. Decree of the President of the Russian Federation “On measures to assist the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad” // CZ RF 2006, No. 26. Art. 2820.
10. Federal Law «On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad» dated May 24, 1999 No. 9-FZ // СЗ of the Russian Federation. – 1999. No. 22. Art. 2670.
11. Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» dated July 18, 2006 No. 109-FZ // SZ RF. 2006. No. 30. Art. 3285.

Трансформация концепции зеленых профессий

Ермолаева Юлия Вячеславовна,

научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
E-mail: mistelfrayard@mail.ru

В данной статье рассматривается три волны энвайронментализма, повлиявшие на становление рынка зеленых рабочих мест: 1) охрана природы, 2) политика экологического регулирования, 3) концепция энвайронментальной и социальной справедливости и зеленые инвестиции. Эти этапы не сменяются, а развиваются совместно внутри общей концепции зеленых профессий, отдельные элементы приобретают все больше взаимосвязей между проблемами устойчивого развития и изменения климата. На рубеже последней половины XX–XXI в. понятие того, что мы называем «зелеными» рабочими местами существенно трансформировалось с целью охватить каждый сектор экономики и стремится найти и больше связей между экологическими, экономическими, социально – культурными и демографическими вопросами, становится глобальным трендом, обязательным для развития компаний. Зеленые рабочие места стремятся к трансдисциплинарности как в теории, так и на практике.

Ключевые слова: зеленые рабочие места, социальная структура, зеленые профессии, социология профессий, динамика социальной структуры, ESG-стратегии, устойчивое развитие.

Существует несколько понятий, обозначающие эко-ориентированные профессии в рамках разных дисциплин. *Экономическая трактовка* «зеленое рабочее место» – green job, согласно Бюро статистики труда, классифицируются как «рабочие места в бизнесе, которые производят товары или услуги, приносящие пользу окружающей среде или сохраняющие природные ресурсы» или «рабочие места, в которых обязанности работников связаны с практикой более экологически ориентированных производственных процессов или экономии природных ресурсов». Бюро статистики труда классифицирует «Зеленые рабочие места» по видам занятости: сохранение водных ресурсов, устойчивых лесных хозяйств, работа на местах ВИЭ (возобновляемые источники энергии): биотопливо, геотермальная энергия; также другие направления: экологическая реабилитация, устойчивое развитие, энергетическое аудиторство, переработка, использование электромобиля.

Концепция создания зеленых рабочих мест тесно переплетается с вопросами экологической этики, корпоративной ответственности и целями устойчивого развития. Зеленые профессии, исходя из определения ООН ЮНЕП, это «зеленые профессии и занятия в области сельского хозяйства, производства, исследований и разработок (НИ-ОКР), административных и служебных мероприятий, которые в значительной степени способствуют сохранению или восстановлению качества окружающей среды». Также в рамках концепции устойчивого развития под эко-ориентированными профессиями встречается понятие sustainable job (экология, экономика, общество), включает в себя все рабочие места, которые будут созданы в борьбе с бедностью, неравенством в рамках концепции устойчивой экономики. Здесь на первый план выходят формирование ценностей концепции «устойчивой» карьеры, которые

сосредоточены на том, чтобы компании делали экономический вклад для сегодняшних мировых потребностей без ущерба для экологической целостности глобальной экосистемы или истощения будущих ресурсов. Концепция устойчивого развития является базой для определения динамики эко-ориентированных профессий.

Зеленые рабочие места были предметом экономических исследований в течение последних пятнадцати лет на Западе. Систематические отчеты начали появляться в рецензируемых журналах примерно с 2004 г., когда экономист Мэтью Форстейтер предложил программу «зеленой» занятости в государственной службе[1]. Но до тех пор, пока Бюро статистики труда (BLS) не запустило масштабное исследование зеленых рабочих мест на рынке труда в 2010 году, не существовало всеобъемлющего и унифицированного способа их отслеживания в экономике.

На данный момент в мировых и трудовых отчетах учитывается: (1) количество и динамика «зеленых» рабочих мест, (2) отраслевое, профессиональное и географическое распределение рабочих мест (3) заработная плата работников на этих рабочих местах». Учитываются а) рабочие места на предприятиях, которые производят товары или предоставляют услуги, приносящие пользу окружающей среде или сохраняющие природные ресурсы; или б) рабочие места, в обязанности которых входит сделать производственные процессы их предприятия более экологически безопасными или использовать меньше природных ресурсов» [2]. Глобальные экологические проблемы и угроза изменения климата так же предполагает рост зеленых рабочих мест в таких секторах, как сельское хозяйство, связанное с деградацией водных ресурсов и деградация почвы, поддержка биоразнообразия, сфера утилизации и переработки отходов, строительная индустрия, и ESG – менеджмент, транспорт. Программы по продвижению зеленых рабочих мест должны будут сконцентрироваться на мерах по регу-

лированию производства зеленых товаров и услуг, повышении экологичности рабочих мест и производственно-сбытовых цепочек; повышении устойчивости бизнеса к адаптации изменения климата и противостояния стихийным бедствиям, развития профессиональных навыков и квалификаций, функций и предложений социального страхования, включающего экологическое благополучие.

Далее проанализированы исторические факторы и экологические проблемы, играющие ведущую роль в развитии концепции зеленых рабочих мест. Преимущественно, лидерами и инициаторами зеленого движения являлись западные страны, однако и российские разработки существенно смогли увеличить сектора экономики, где возможно создание устойчивых зеленых рабочих мест.

Первая волна: сохранение окружающей среды

Коренные народы веками жили за счет земли, используя устойчивые и регенеративные методы земледелия и естественной регуляции популяций, поддерживая биоразнообразие. Но вместе с экспансией европейских поселенцев на запад и началом промышленной революции местное общество, основанное на коллективизме уступило место обществу, где доминировала частная собственность, а устойчивые методы природопользования заменились на экстрактивные. Раннее движение за охрану природы в США было вызвано спросом на развлекательные мероприятия (туризм и кемпинг). В конце 1800-х годов земли Йосемити и Йеллоустона были обособленно выделены федеральным правительством и объявлены общественными парками, а в 1916 году президент Вудро Вильсон подписал закон о создании Службы национальных парков в качестве официального агентства при Департаменте интерьер. Этот закон был направлен на «сохранение ландшафта, природных и исторических объектов и диких видов и обеспечение пользования ими таким образом и с помощью

таких средств, которые оставят их без урона в дальнейшем». Первоначальное принятие концепции Службы национальных парков имело неотъемлемые экономические выгоды – повышение благосостояния жителей, ценности проведения досуга нынешнего и будущих поколений, и эти экономические выгоды от сохранения окружающей среды были дополнительно институционализированы новым указом[3]. Президент Рузвельт создал Гражданский корпус охраны природы, наняв миллионы рабочих (на данном этапе в основном это были белые мужчины) для решения проблемы безработицы и улучшения экологической ситуации. Работники отвечали за посадку деревьев, следили за лесом, ухаживали за растениями, предотвращали пожары, следили за тропами и кемпингами на территории, а также прокладывали дороги и строили инфраструктуру. Так были созданы первые зеленые рабочие места. Сегодня в управлении Службы национальных парков находится 419 географических районов. Зеленые рабочие места, связанные с защитой и обслуживанием этой земли, и сегодня составляют значительный сектор экономики: только в Службе национальных парков работает 20 000 оплачиваемых рабочих; если бы его 315 000 добровольцев в год также получали оплачиваемую «зеленую» работу, она наняла бы столько же «зеленых» рабочих, сколько учителей и инструкторов по всей стране. Другие природоохранные профессии, по данным Бюро трудовой статистики включают: ученых-природоохранников и лесников; зоологов и биологов; техников, которые составляют карту, патрулируют и контролируют землю; и государственных служащих в федеральных агентствах, например Службе рыболовства, которые в совокупности представляют более 100 000 рабочих[4].

По примеру успешного опыта США, инициатива по созданию заповедных зон, национальных парков и территорий особого назначения была подхвачена и в других регионах мира. Рецепт успеха США был прост в масштабировании: монетизация, вовлечение мест-

ных сообществ, создание инфраструктуры и институтов контроля и надзора. Сегодня национальные парки действуют, как минимум, в 117 странах мира, и концепции развития парков отличаются в зависимости от местных приоритетов, уровня развития экономики страны и экологической культуры, возможностей создания зеленых рабочих мест колоссальны. Например, только в Великобритании правительственным фондом Green Recovery Challenge был выделен грант в размере 80 миллионов фунтов стерлингов для создания зеленых рабочих мест и новых национальных парков на территории страны[5]. Уникальные национальные Парки Азии, США, Латинской Америки, Европы, стран Африки и Ближнего Востока поддерживают не только уникальные экосистемы, но и обмен экологическим опытом регулирования национальными парками.

Запаздывание в индустриализации России имело свои преимущества для экосистем. Переосмысление европейского опыта создания заказников помогло российским ученым сделать первые заказники на хорошо оборудованном и современном уровне. Проявляя инициативу промысловики-охотники в 1882 году создали на Камчатке охотничий заказник для сохранения популяции соболя. Далее в 1916 году появился Государственный Баргузинский заповедник, в 1910 году появляется первое Общество охраны природы. В последующие несколько лет подобные общества появляются и в других губерниях, а также крупных городах. При Императорском географическом обществе была создана постоянно действующая природоохранная комиссия, при советской власти заповедники создавались по плану «Всероссийский день заповедников и национальных парков» появился в 1997 г[6]. Именно в том году «Центр охраны дикой природы» и «Всемирный фонд дикой природы» выступили с инициативой ежегодно отмечать день работников заповедного дела. В 2020 г. предусмотрено года создание 11 но-

вых заповедников, 20 национальных парков и 3 федеральных заказников. Общая площадь всех российских природоохранных территорий составляет свыше 4,5 млн гектаров; Штат сотрудников, занятых в непосредственной работе на этой территории составляет более чем 25000 человек; в зависимости от назначения, заповедные территории могут быть организованы в форме: государственных биосферных заповедников и природных заказников, национальных и природных парков, памятников природы, дендрологических парков и ботанических садов. Существует широкий спектр профессий, связанных с лесами, которые предлагают возможности для людей с разным опытом, навыками, сферами интересов и личными качествами, приветствуется работники разных возрастов. Некоторые из вакансий, описанных в *Green Jobs: Exploring Forest Careers*, включают следующие профессии: арборист, архитектор, педагог, гид, лесник, лесной инженер, регистратор-менеджер, рабочий на лесопилке, смотритель парка, менеджер по устойчивому развитию, директор по социальным сетям, почвовед, гидролог, пожарный, биолог и пр.

Вторая волна: политика экологического регулирования и нормирования

Экологи второй волны – политики экологического урегулирования – поняли, что устойчивость должна определяться не только тем, насколько успешно охраняются заповедные земли, но и насколько удастся сохранить в чистоте все остальные зоны, как промышленные, так и селитебные. Люди нуждаются во всех видах экосистемных услуг: чистой воде, воздухе, питательной почве, поэтому защитники окружающей среды вскоре осознали, что сохранение и защита некоторых участков земли и пренебрежение остальными – провальная стратегия, учитывая бесконечное количество системных взаимосвязей экосистема-человек, возникающих вследствие интенсивного природопользования и химической на-

грузки на окружающую среду. Триггером изменений оказались новые научные исследования, иллюстрирующие такие биологические взаимосвязи. Рэйчел Карсон, автор книги «Безмолвная весна» – одного из самых важных произведений экологической литературы в истории, показала как промышленные пищевые производства наносят вред экосистемам и здоровью человека, используя пестициды и гербициды. Изначально пестицид ДДТ считался «чудодейственным продуктом», эффективным в борьбе с вредными насекомыми и показал успешные результаты по борьбе с брюшным тифом, однако, ДДТ обнаружился у лабораторных животных и вызвал необратимые последствия, а через пищевую цепь легко передавался человеку. Использование пестицидов приводило к разрушению скорлупы птиц, препятствующих их правильному воспроизводству, а птицы, являясь частью экосистемы, влияли на популяции других видов.

Книга Карсон была основополагающей для формирования второй волны энвайронментализма, подчеркивая необходимость того, чтобы именно правительство регулировало отрасли, которые способствовали разрушению окружающей среды, т.к. в отсутствие законов и санкций за сброс токсичных отходов. Однако, в некоторых странах плата за загрязнения оказалась более дешевым вариантом по сравнению с ответственной утилизацией и переработкой, а также созданием новых промышленных процессов, что привело к необходимости снова пересмотреть экологическую политику и создать более жесткие санкции[7]. Экологическое нормирование – представляет собой процесс определения видов, размеров, содержания вредных воздействий на окружающую среду в целом или на отдельные средообразующие элементы, что позволяет гарантировать не причинение вреда жизни и здоровью человека, иным охраняемым правом объектам. Это один из самых сложных и интенсивно развивающихся правовых инструментов охраны окружающей среды. Основная цель нормирования заключает-

ся в установлении допустимых пределов воздействия на биосферу, которые гарантируют не только экологическую безопасность и сохранность генофонда, но также адекватное использование и эффективное восполнение природных компонентов в условиях непрерывно развивающейся хозяйственной деятельности.

Агентства по охране окружающей среды (EPA) в 1970 году в США сформировали стандарты регулирования проблем окружающей среды. Это создало спрос на новые виды рабочих мест в области знаний технологических процессов, экологического регулирования, устойчивого менеджмента. Главной потребностью, в отличие от первой волны, стала не защита, а восстановление и рекреация окружающей среды. Теперь в программу необходимых зеленых профессий были включены не только специалисты экологи, но и представители смежных дисциплин – химики, биологи, медики; специалисты в области нормирования и права – те, кто разрабатывает правила и положения или обеспечивает их соблюдение (государственные служащие и юристы); те, кто реализует нормативные правила на практике (специалисты, инженеры, и специалисты в сфере промышленной безопасности, сертификации, технических регламентов, технические специалисты, например геологи, морские биологи, метрологи); проектировщики, производители и инициаторы зеленых бизнес – инициатив (рабочие-производители, дизайнеры, строители, специалисты по переработке отходов, специалисты по охране труда).

История регулирования экологического права в России сложилась еще в середине века – отдельными указами регламентировалась охота, лесопользование. Обширные реформы были произведены Петром I, было принято более 60 указов, регулирующих природопользование. В последующие годы число законодательных актов в этой области только увеличивалось: в 1725–1801 гг. издано 140 законов, а в XIX веке – около 300. Указы, в основном, бы-

ли запрещающие или ограничивающие использование конкретных ресурсов (20–25%), регламентирующие исполнение основных актов (50%), отменяющие или сужающие область применения основных законов (около 15%), направленные на рекультивацию нарушенных территорий (около 8%)[8]. Но природоохранное законодательство всё равно оставалось слабо развитым по сравнению с Европой, где люди столкнулись с истощением природных ресурсов раньше и были вынуждены прийти к более жесткой форме контроля и экологического регулирования. У россиянки оставалась преобладающей экстенсивная концепция освоения территорий, чему способствовало быстрое расширение государства на Урал, затем в Сибирь и на Дальний Восток. В Советский период в основе взаимоотношения с окружающей средой лежала концепция потребительского отношения к природе[9]. Первые нормативы допустимых концентраций (ПДК) были утверждены Государственной санитарной инспекцией Минздрава СССР в 1938 г., с 1948 г. началась публикация нормативов предельно допустимых содержаний вредных веществ в водоемах (как дополнение к Правилам по условиям спуска сточных вод в водоемы). Разработка нормативов ПДК веществ в атмосфере в 1949 г. В 1952 г. в атмосферном воздухе населенных мест и норм выбросов в атмосферу. По результатам работы этой комиссии Государственной санитарной инспекцией был утвержден перечень ПДК атмосферных загрязнений, в который были включены 40 наименований вредных веществ. В 1955 г., были утверждены соответствующие нормативы допустимого уровня вибрации, а в 1956 г. – нормативы допустимого уровня шума, нормы ПДК для питьевой воды были утверждены в 1939 г. К 1991 г. существовали такие нормативы для 1925 веществ; число нормативов содержания веществ в атмосферном воздухе к 1991 г. составляло 479. Для почв первые нормы ПДК вредных веществ появились в 1980 г., а в насто-

ящее время они установлены для более 100 вредных веществ.

Начало формирования системы экологических стандартов регулирования началось в России 70-х годах, когда появились первые документы серии ГОСТ «Охрана природы». В нее включаются документы, регулирующие качество окружающей среды, воздействия хозяйственной деятельности, нормативы технологических процессов, нормативы качества продукции и организационно-управленческие нормативы. Становление экологической политики в 1980-х гг. связано с инициативностью НКО. Социально-экологический союз, Экологический союз, Зеленое движение, экологический фонд, а в 1988 и первое в истории страны природоохранное ведомство – Государственный комитет по охране природы. Нормативы регулируются Минприроды, Санэпиднадзор[10]. Сейчас наравне используются стандарты ГОСТ и ISO.

Третья волна: концепция энвйронментальной и социальной справедливости и зеленые инвестиции

Согласно концепции экологической справедливости, каждый человек может иметь право на здоровую окружающую среду, независимо от расы, класса или социального положения. В то же время социологи находили корреляции между расой, классом и доступом к основным экологическим благам в пользу белых, хорошо обеспеченных людей, которые чаще могли себе позволить лучшие экологические условия, а цветное население и мало обеспеченное население чаще находились в зоне высокого загрязнения. Третья волна трансформации концепции зеленых рабочих мест появилась с целью исправления недостатков, которые обнаружались в системе регулирования институтов управления окружающей средой, а именно – отсутствием учета социальных вопросов на рынке труда, энвйронметального и социального равенства. К тому же, сами по себе нормативы, стандарты и процесс регули-

рования до конца не решали проблемы загрязнения, и открытым оставался вопрос о формировании устойчивых социально – экологических практик граждан и корпораций. Отдельным серьезным недостатком было отсутствие инвестиций государственных ресурсов в создание справедливой и устойчивой экономики, а также в отдельные отрасли, где могли бы быть созданы рабочие места, технологии, социальные и образовательные структуры и другие институты, составляющие устойчивую экономику[11].

Одним из ключевых факторов преодоления разногласий эко-апартаида и достижения целей зеленой экономики, ориентированной на благополучие человека и окружающей среды, являются инвестиции. В частности, существующие инвестиции согласно энвйронментализму третьей волны должны перетекать из экстрактивных практик в устойчивые и восстанавливающие окружающую среду. Эти инвестиции могут быть реализованы в форме государственной финансовой помощи по принципу «сверху вниз» или создания финансовых учреждений на уровне местных сообществ для запуска проектов устойчивого экономического развития. Переход, предусмотренный Зеленым новым курсом на федеральном уровне, может быть направлен на мобилизацию федеральных ресурсов для декарбонизации всех секторов экономики таким образом, чтобы создавать рабочие места и объединять сообщества.

По оценкам МОТ, к 2030 году зеленая экономика может создать 24 миллиона рабочих мест во всем мире. Большой разброс в оценках рабочей силы, занятой в «зеленой» экономике указывает на ограниченность исследований по этому вопросу и необходимость в финансируемой государством инициативе по изучению сектора. Зеленые рабочие места согласно стандартному определению, скорее относятся к среднему классу, чем незеленые рабочие места, и с меньшей вероятностью будут низкооплачиваемыми, чем незеленые рабочие места. Средняя почасовая

заработная плата в каждой из основных категорий «зеленых» рабочих мест (производство экологически чистой энергии, энергоэффективность и рациональное использование окружающей среды) превышала средний показатель по стране как минимум на 2 доллара в час. Примечательно, что фактически неравенство в доходах среди «зеленых» рабочих мест меньше, чем в среднем по странам, несмотря на более низкие образовательные требования. В зеленом секторе есть возможности для роста с точки зрения расового и гендерного разнообразия: например, в секторе ВИЭ и энергоэффективности, каждый пятый работник женщина, и менее одного из десяти – чернокожие работники.

Критерии устойчивости для программ «зеленых» рабочих мест: выявление «зеленых» и «коричневых» рабочих мест

Объективное определение того, какие профессии способствуют устойчивому развитию рабочей силы, а какие нет, требуют дополнительных критериев оценки:

- поддерживает ли данное рабочее место подлинную концепцию устойчивости или работает вразрез с ней?
- вносит ли данное рабочее место вклад в декорбанизацию экономики, делает ли продукты, процессы и услуги более экологически устойчивыми и энергоэффективными в соответствии?
- представляет ли собой данное место достойную, поддерживающую семью работу со справедливой заработной платой и льготами, отпускам по болезни и семейным обстоятельствам, безопасным условиям труда, медицинскому страхованию, выходу на пенсию и возможности карьерного роста?
- включает ли данное рабочее место возможность рассмотреть всех работников в независимости от географического положения, пола, расы и этнической группы?

- предлагает ли рабочее место специальную поддержку, обучение и набор работников из малообеспеченных, меньшинств, частично занятых сообществ, а также сообществ, наиболее пострадавших от изменения климата?

Чтобы оценить, является ли развитие устойчивым, некоторые практики устойчивого развития использовали модель, которая оценивает «многомерность устойчивости». Например, проект Circles of Sustainability, первоначально организованный Программой городов Глобального договора Организации Объединенных Наций, проводит оценку устойчивости по четырем категориям или кругам: экономика, экология, политика и культура [12]. Экологические движения прошлого охватывают некоторые из этих элементов устойчивости. Например, движение за сохранение природы было сосредоточено на экологическую справедливость и инвестиции стремится заполнить элементы всех кругов – особенно технологии и инфраструктуру, материалы и энергию. В то время как структура Circles of Sustainability предназначена для оценки всесторонней социальной и экологической устойчивости сообщества, может быть полезно также определить критерии или категории рабочей силы, которая способствует общей устойчивости человеческого общества.

Этот инструмент многомерной оценки также можно использовать для изучения того, в какой степени стандартное определение «зеленых» рабочих мест подходит для достижения целей устойчивого развития в корпорации, чтобы определить, какие элементы не охвачены.

В ближайшие 10 лет экономика совместного потребления все больше будет зависеть от демографических трендов, ставка будет сделана на зарождающийся средний класс, в особенности женщин, поколение миллениалов и пожилых потребителей.

Также, обратимся к не вполне очевидным, но важным профессиям на примере (1) работников здравоохра-

нения – в развитых странах в последующих десятилетиях будет наблюдаться тенденция повышения людей пенсионного возраста, которые нуждаются в уходе и спрос на социальных работников вырастет. Медицинские работники, в докладе COP24 описали, как создавать системы и учреждения здравоохранения, устойчивые к изменению климата, включая медицинские продукты и технологии, программы просвещения с экологической и социальной устойчивостью. Между тем, эти профессии в настоящее время являются одними из самых низкооплачиваемых, что делает сектор финансово неустойчивым для работников. Изменение климата окажет еще большее давление на спрос на работу в области здравоохранения и сектора социальных работников[13].

(2) Работники образовательного сектора, включая работников по уходу за детьми и дошкольному образованию имеют решающее значение для сохранения ресурсов для будущих поколений и формирования социально-экологических практик.

Для сообществ образование является движущей силой экономического процветания, снижения уровня преступности и геополитической стабильности. Важность ухода за детьми младшего возраста и их образования как движущей силы долгосрочной устойчивости упускалась из виду. Отсутствие этих возможностей заставляет миллионы родителей остаться вместо того, чтобы работать, – люди теряют заработную плату, а экономика – производительность[14].

Гендерный аспект

Гендерное и расовое равенство необходимы для стабильной рынка труда. Определение «зеленых» рабочих мест, предложенное в этой статье, включает работу в сфере здравоохранения и образования – две области, в которых непропорционально заняты женщины. На формальном рынке труда женщины составляют 75% всех медицинских работников, включая врачей и техников; 89% профессий поддержки здравоохранения, та-

ких как медсестры и санитарки; и более 73% работников сферы образования, обучения и библиотек⁶⁶. В дошкольных и детских садах женщины составляют 98 процентов учителей, а в классах начальной и средней школы женщины составляют 80% учителей. Включение этих миллионов рабочих в концепцию устойчивой экономики означает признание того, что эта работа имеет решающее значение для общества и что она должна иметь экономическую ценность как таковая. Этот сдвиг будет иметь большое значение для гендерного и расового равенства, а также для обеспечения всех работников экологически безопасными, поддерживающими семью рабочими местами. В общем, если мы добавим зеленые рабочие места для обеспечения устойчивости к стандартным зеленым рабочим местам в области возобновляемых источников энергии, энергоэффективности и рационального использования окружающей среды, мы сможем получить более широкое представление о том, как может выглядеть устойчивая рабочая сила и экономика[15].

Заключение

Стандартное определение «зеленых» рабочих мест следует расширить, включив в него ряд секторов, имеющих решающее значение для действительно устойчивой экономики, что относится к любой должности, которая является частью рабочей силы устойчивого развития: работа, которая способствует сохранению или повышению благосостояния, культуры и управления как нынешнего, так и будущих поколений, а также восстановлению природных ресурсов и экосистем, обеспечивающими достойное качество жизни и конкурировать с традиционным сектором экономики, основанном на экстракции ресурсов которые приводят к истощению или деградации экологических систем и поддерживающих их социальных, культурных и политических институтов, и создавая перевес в пользу институтов зеленой экономики. Чтобы отслеживать прогресс на пути к устойчивой экономике, одним из важнейших действий правительства должно быть

предварительное исследование количества «зеленых» рабочих мест и секторов. Их трудно измерить без стандартизированных данных опросов, потому что диапазон действий, которые человек выполняет на работе, может включать как устойчивые/низкоуглеродные, так и неустойчивые/высокоуглеродные входные и выходные данные. Компонент гарантии «зеленых» рабочих мест в «Новом зеленом курсе» направлен на решение проблем нестабильности, низкой заработной платы и повсеместной безработицы посредством корпоративного обучения. Программа гарантий занятости, финансируемая из федерального бюджета и управляемая на местном уровне, позволит населенным пунктам устранить системное неравенство как на рынке труда, так и в зеленой инфраструктуре для обеспечения устойчивости и адаптации к изменению климата, улучшения условий труда на недооцененных должностях.

Литература

1. Pollin R., Garrett-Peltier H., Heintz J., Helen Scharber H. Green Economy: A Program to Create Good Jobs and Start Building a Low-Carbon Economy/Political Economy Research Institute, September 2008, URL: https://www.peri.umass.edu/fileadmin/pdf/other_publication_types/green_economics/peri_report.pdf. (дата доступа 31.03.2022)
2. Measuring Green Jobs. U.S. Bureau of Labor Statistics. URL: <https://www.bls.gov/green/>. (дата доступа 31.03.2022)
3. Magni G. Indigenous knowledge and implications for the sustainable development agenda//European Journal of Education 52, no. 4 URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/ejed.12238>. (дата доступа 31.03.2022)
4. Occupational Employment and Wages, May 2018. Bureau of Labor Statistics, URL: <https://www.bls.gov/oes/current/oes253097.htm>
5. 80 billions fund for green jobs URL: <https://www.miragenews.com/80-million-fund-for-green-jobs-and-new-national-parks-to-kick-start-green-recovery/>(дата доступа 31.03.2022)
6. Краснощеков Г.П. Становление экоправа в России // Известия Самарского научного центра РАН. 2000. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-ekoprava-v-rossii> (дата обращения: 17.03.2022).
7. Карсон, Р. Безмолвная весна: пер. с англ = Silent Spring. – М.: Прогресс, 1965. – 216 с.
8. Дулов А.В. Законодательство Российской империи как источник по исторической экологии России 1700–1860 гг. // Историко-экономические исследования. Байкальский государственный университет (Иркутск). 2007. Т. 8. № 3. С. 119–133.
9. Булгаков М. Б., Ялбулганов А.А. Природоохранные акты: от «Русской правды» до петровских времен // Государство и право. – 1996. – Вып. 2. – С. 55.
10. Ивакин В.И. История правового регулирования ответственности за нарушения экологического законодательства в дореволюционной России // Аграрное и земельное право. 2007. № 5, с. 95–104.
11. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future also known as The Brundtland Report. UNEP, 1987.
12. Sustainability circles URL: https://www.westernsydney.edu.au/ics/research/impact/circles_of_sustainability/(дата доступа 31.03.2022)
13. COP 24 Special Report Health & Climate Change. World Health Organization, 2018, <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/276405/9789241514972-eng.pdf?ua=1>(дата доступа 31.03.2022)
14. Schochet L., Malik R. 2 Million Parents Forced to Make Career Sacrifices Due to Problems with Child Care. // Center for American Progress, September 13, 2017, URL: <https://www.americanprogress.org/issues/early-childhood/news/2017/09/13/438838/2-million-parents-forced-make-career->

sacrifices-due-problems-child-care/.
(дата доступа 31.03.2022)

15. Green jobs reports ILO URL: https://www.ilo.org/global/topics/green-jobs/publications/WCMS_360572/lang-en/index.htm

TRANSFORMATIONS OF GREEN JOBS FRAMEWORK TRENDS

Ermolaeva Yu.V.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

This article discusses three waves of environmentalism that influenced the formation of the green jobs labour market: 1) nature conservation, 2) environmental regulation policy, 3) the concept of environmental and social justice and green economy. These stages developing together within the general concept of green professions, and these elements are acquiring more interconnections between the problems of sustainable development and climate change. At the turn of the last half of the XX–XXI centuries the concept of “green” jobs has been significantly transformed to cover every sector of the economy and seeks to find more links between environmental, economic, socio-cultural and demographic issues, becoming a global trend that is mandatory for the development of companies and strive for transdisciplinarity in theory and practice.

Keywords: green jobs, social structure, green professions, sociology of professions, social structure dynamics, sustainable development, ESG.

References

1. Pollin R., Garrett-Peltier H., Heintz J., Helen Scharber H. Green Economy: A Program to Create Good Jobs and Start Building a Low-Carbon Economy/Political Economy Research Institute, September 2008, URL: https://www.peri.umass.edu/fileadmin/pdf/other_publication_types/green_economics/peri_report.pdf. (accessed 03/31/2022)
2. Measuring Green Jobs. U.S. Bureau of Labor Statistics. URL: <https://www.bls.gov/green/>. (Accessed 03/31/2022)
3. Magni G. Indigenous knowledge and implications for the sustainable development agenda//European Journal of Education 52, no. 4 URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/ejed.12238>. (accessed 03/31/2022)
4. Occupational Employment and Wages, May 2018. Bureau of Labor Statistics, URL: <https://www.bls.gov/oes/current/oes253097.htm>,
5. 80 billions fund for green jobs URL: <https://www.miragenews.com/80-million-fund-for-green-jobs-and-new-national-parks-to-kick-start-green-recovery/> (accessed 03/31/2022)
6. Krasnoshchekov G.P. Formation of eco-law in Russia // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2000. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-ekoprava-v-rossii> (date of access: 03/17/2022).
7. Carson, R. Silent Spring: Per. from English = Silent Spring. – M.: Progress, 1965. – 216 p.
8. Dulov A.V. Legislation of the Russian Empire as a source on the historical ecology of Russia in 1700–1860. // Historical and economic research. Baikal State University (Irkutsk). 2007. V. 8. No. 3. S. 119–133.
9. Bulgakov M.B., Yalbulganov A.A. Environmental acts: from the “Russian Truth” to the times of Peter the Great // State and Law. – 1996. – Issue. 2. – S. 55.
10. Ivakin V.I. History of legal regulation of responsibility for violations of environmental legislation in pre-revolutionary Russia // Agrarian and land law. 2007. No. 5, pp. 95–104.
11. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future also known as The Brundtland Report. UNEP, 1987.
12. Sustainability circles URL: https://www.westernsydney.edu.au/ics/research/impact/circles_of_sustainability (accessed 03/31/2022)
13. COP 24 Special Report Health & Climate Change. World Health Organization, 2018, <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/276405/9789241514972-eng.pdf?ua=1> (accessed 03/31/2022)
14. Schochet L., Malik R. 2 Million Parents Forced to Make Career Sacrifices Due to Problems with Child Care. // Center for American Progress, September 13, 2017, URL: <https://www.americanprogress.org/issues/early-childhood/news/2017/09/13/438838/2-million-parents-forced-make-career-sacrifices-due-problems-child-care/>. (Accessed 03/31/2022)
15. Green jobs reports ILO URL: https://www.ilo.org/global/topics/green-jobs/publications/WCMS_360572/lang-en/index.htm

Факторы общественного участия в городском планировании

Малышкина Дарья Александровна,

аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

E-mail: dashamalyna@yandex.ru

Социальный потенциал жителей признается важным ресурсом для формирования комфортной городской среды. Внедрение практик общественного участия в нашей стране имеет ряд сложностей. В статье рассмотрены факторы участия граждан в решении городских вопросов, такие как готовность органов власти принимать решения с учетом мнения и инициатив граждан, уровень социальной активности граждан, информационная открытость и пространство для проявления инициатив, наличие ресурсов для успешной реализации проектов, что даст возможность видеть результат совместной деятельности в сфере развития городской среды. Эффективная коммуникация органов власти с населением является важным инструментом повышения качества и комфорта пространства города, повышает уровень взаимного доверия и снижает вероятность городских конфликтов.

Ключевые слова: городское планирование, участие населения, активность граждан, комфортная городская среда.

В современном градостроительстве все больше осознается роль общественного участия в городском планировании. Прогрессивные модели развития городской среды рассматривают вовлеченность и активность граждан при принятии решений в области развития городской среды как инструмент предотвращения городских конфликтов, возможность учитывать мнения и идеи горожан, принимать эффективные решения, которые устраивают всех пользователей городского пространства.

Одновременно с этим, участие городских жителей может обладать большим потенциалом и вносить существенный вклад в преобразование городских территорий. При этом, все больше осознается роль проектирования городской среды как значимого инструмента в улучшении качества жизни горожан. Появляется все больше исследований подтверждающих влияние пространства города на состояние горожан, их ощущение счастья. Однако, для того, чтобы трансформировать город в оптимальное пространство для комфортной жизни, нужно учитывать и понимать потребности пользователей городской среды. Масштабное исследование качества жизни в США показало, что субъективная оценка уровня удовлетворенности жителей совпадает с реальными условиями проживания.[3] Соответственно, данные полученные в ходе анализа мнения жителей, даже основанные на их самоощущении, могут содержать важную информацию, необходимую при принятии градостроительных решений.

Органы местного самоуправления и профессионалы в области градостроительства пытаются внедрить эту концепцию общественного участия в вопросах городского планирования в практику. На федеральном уровне действует национальный проект «Жи-

лье и городская среда». Одним из целевых показателей которого является создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, увеличение доли граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды, до 30%[5]. Становится очевидно, что правильно налаженная коммуникация между всеми участниками городской жизни является источником новых идей, проектов для организации пространства города и платформой для налаживания партнерского диалога. Сейчас принципы «соучаствующего проектирования» [1] внедряются на разных уровнях по всей территории нашей страны, также они отражены в рекомендациях по организации общественного участия в проектах комплексного благоустройства территорий, это: общественные обсуждения, фокус- группы, школьные проекты и другие.

В основном, все реализуемые практики участия населения в нашей стране можно отнести к формальным, так как в роли организатора выступают органы власти самостоятельно или в сотрудничестве с ключевыми застройщиками. Стоит отметить, что даже в случае организации взаимодействия «сверху» возникают сложности, так как в процессе взаимодействия по вопросам городской среды должна быть заинтересована и вторая сторона коммуникации, городские жители. Важна позиция пользователей городской среды: насколько они ощущают свои права и ответственность по отношению к городскому пространству и хотят ли они быть включены в городское планирование.

Основываясь на данных ранее проводимых исследований на эту тему и реализации формальных практик прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, в статье будут проанализированы основные факторы общественного участия в городском планировании.

Первый фактор – это готовность органов власти принимать решения с учетом мнения и инициатив граждан. Несмотря на действующие программы

по вовлечению в обсуждения жителей, в информационном поле широко освещаются случаи, когда после проведения процедуры общественных обсуждений, проекты утверждались и реализовывались вопреки мнению выраженому населением[6], что демонстрирует формальность проведения процедуры и в последующем снижает мотивацию горожан в участии в таких обсуждениях и снижает уровень доверия к власти.

Возможность внедрять инициативы и видеть результат их реализации, отклонять неприемлемые решения является необходимым условием вовлеченности населения в городские вопросы[2]. Наличие квалифицированных специалистов в органах местного самоуправления, которые могут вести диалог и поддерживать инициативу граждан также положительно влияют на активизацию общественного участия.

Второе, это уровень социальной активности граждан и их мотивация в решении городских вопросов. В данном случае речь идет о общественно полезной, конструктивной активности, ведущей к улучшению качества городской среды. Мотивация к участию тесно связана с возможностью повлиять на результат. Анализ ранее проводимых опросов показывают низкий уровень активности населения в решении городских вопросов в нашей стране.[2,7] К факторам понижающим активность относят устоявшиеся у населения установки, заключающиеся в низком уровне доверия, ощущением полной зависимости от принимаемых властью решений и невозможностью на них повлиять, факты фальсификации и манипуляции общественной активностью. К повышению общественной активности ведет личная заинтересованность граждан, развитие чувства ответственности за свой город, наличие интересных проектов и примеры уже реализованных[7]

Третий фактор, это информационная открытость и пространство для проявления инициатив. Для того, чтобы граждане могли участвовать в городском планировании, они должны быть осведомлены об инструментах

и возможностях внесения предложений по благоустройству своего района или общегородских вопросов. Интернет платформы эффективная площадка, с широким спектром возможностью налаживания диалога, но этот ресурс будет эффективен только при наличии обратной связи от органов власти. Важна роль информационно-образовательных проектов, так как уровень компетенции жителей в городских вопросах не всегда позволяет участвовать в обсуждении без предварительной подготовки. Часть горожан придерживаются мнения, что они не обладают достаточным уровнем знаний в вопросах городской среды, однако они эксперты своего района, двора. При этом застройщики отмечают, что даже в опросах касающихся непосредственно придомовой территории, результаты могут не всегда отражать реальные потребности жителей, а транслировать мысли других групп населения. Например, запрошенные у девелоперов площадки для занятий спорта, по факту реализации проекта строительства оказывались невозможными.[4] Поэтому на этапе взаимодействия необходима информационная поддержка, помощь специалистов в области градостроительной деятельности для выявления истинных потребностей жителей. Это позволит сформулировать устойчивую позицию жильцов для дальнейшего использования при принятии решений по проекту.

Важным фактором является возможность реализации проекта, наличие ресурсов, в частности финансовых, для поддержки инициатив населения. Принимая участие в обсуждении городских проектов горожане вкладывают свои ресурсы, такие как время, идеи, поэтому важным является увидеть результат приложенных усилий. На практике много проектов, даже для которых уже разработана проектная документация, остается нереализованными из-за проблем с финансированием. Процент реализации проектов на стадии разработки концепций или эскизного проектирования еще меньше. В случае при-

влечения населения к обсуждению проектов, нужно учитывать потенциальную возможность его реализации. В случае успешного завершения проекта будет виден социально-значимый результат совместных усилий и закрепит положительный опыт участия в вопросах городского планирования.

Эффективная коммуникация органов власти с населением является важным инструментом повышения качества и комфорта пространства города. Социальный потенциал жителей должен эффективно использоваться на пути преобразования городских территорий, а учет мнения жителей на всех стадиях принятия градостроительных решений позволит не только получить ценную информацию, но и снизить вероятность городских конфликтов.

Литература

1. Санюф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / Г. Санюф. – Вологда: Проектная группа 8, 2015. – 170 с.
2. Ключникова Т.Н. Социальная активность граждан как источник преобразований в местном самоуправлении // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 2 (46). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-grazhdan-kak-istochnik-preobrazovaniy-v-mestnom-samoupravlenii> (дата обращения: 14.02.2022).
3. Монтгомери Ч. Как городское планирование меняет нашу жизнь/ Ч Монтгомери. – М. Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 368 с.: ил.
4. Штейн О. Территория согласия. Почему невозможно грамотно сформировать городскую среду без участия жителей Российская газета – Неделя – Урал № 232(8286) Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/14/reg-urfo/pochemu-nado-privlekat-zhitelej-k-formirovaniu-gorodskoj-sredy.html> (дата обращения 06.04.2022)

5. Официальный сайт Минстрой РФ. Режим доступа: <https://minstroyrf.gov.ru/>
6. Бурнашева А.А. Участие граждан в формировании городской среды муниципального образования: противоречия и перспективы / А.А. Бурнашева. – Текст: непосредственный // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VI Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 27–28 апреля 2020 г.): в двух томах. – Издательство Уральского университета: Екатеринбург, 2020. – Т. 2. – С. 102–106.
7. Литовская А.О. Механизмы повышения активности населения на муниципальном уровне. Режим доступа: <https://nauchkor.ru/pubs/mehanizmy-povysheniya-aktivnosti-naseleniya-na-munitsipalnom-urovne-na-primere-administratsii-gorodskogo-poseleniya-gorod-liski-voronezhskoy-oblasti-5a402d497966e104c6a3e44a>

FACTORS OF PUBLIC PARTICIPATION IN URBAN PLANNING

Malyshkina D.A.

Tyumen Industrial University Tyumen

The social potential of residents is recognized as an important resource for creating a comfortable urban environment. The introduction of public participation practices in our country has a number of difficulties. The article discusses the factors of citizens' participation in solving urban issues, such as the readiness of authorities to make decisions taking into account the opinions and initiatives of citizens, the level of social activity of citizens, information openness and space for initiatives, the availability of resources for the successful implementation of projects, which will make it possible to see the result joint activities in the development of the urban environment. Effective communication of authorities with the population is an important tool for improving the quality and comfort of urban space,

increases the level of mutual trust and reduces the likelihood of urban conflicts.

Keywords: urban planning, participation of the population, activity of citizens, comfortable urban environment.

References

1. Sanoff G. Joint design. Practices of social coverage of the population of large and small cities / G. Sanoff. – Vologda: Project Group 8, 2015. – 170 p.
2. Klyuchnikova T.N. Social activity of citizens as a source of transformation in convenient self-government // Russian Pedagogical and Psychological Journal. 2015. No. 2 (46). Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-grazhdan-kak-istochnik-preobrazovaniy-v-mestnom-samoupravlenii> (date of access: 02/14/2022).
3. Montgomery C. How urban planning changes our lives / Chtgometry. . –M. Mann, Ivanov & Ferber, 2019. – 368 p.: ill.
4. Stein O. Territory of consent. Why it is impossible to competently form the urban environment without the participation of residents Rossiyskaya Gazeta – Nedelya – Ural No. 232 (8286) -formirovaniu-gorodskoj-sredy.html (accessed 04/06/2022)
5. Official site of the Ministry of Construction of the Russian Federation. Access mode: <https://minstroyrf.gov.ru/>
6. Burnasheva A.A. Participation of citizens in the formation of the urban environment of the municipality: contradictions and prospects / A.A. Burnasheva. – Text: direct // Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, April 27–28, 2020): in two volumes. – Ural University Press: Ekaterinburg, 2020. – Т. 2. – С. 102–106.
7. Lithuanian A.O. Mechanisms for increasing the activity of the population at the municipal level. Access mode: <https://nauchkor.ru/pubs/mehanizmy-povysheniya-aktivnosti-naseleniya-na-munitsipalnom-urovne-na-primere-administratsii-gorodskogo-poseleniya-gorod-liski-voronezhskoy-oblasti-5a402d497966e104c6a3e44a>

Цифровые технологии в современной системе государственной службы

Рыбакова Марина Владимировна,

доктор социологических наук, профессор
факультета государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: rybakovamv@yandex.ru

Иванова Наталья Анатольевна,

кандидат социологических наук, научный сотрудник
факультета государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: na.an.ivanova@yandex.ru

В работе показана роль цифровых технологий в современной системе государственной службы. Представлены нормативные документы в сфере использования цифровых технологий в органах государственного управления. На основе проведенного авторами исследования выявлено отношение студентов к образу государственного служащего в современном цифровом обществе, показаны проблемы формирования образа государственного служащего, его восприятия в медиасреде, оценки его деятельности, влияния информационных технологий на работу государственного служащего; дана оценка развития цифровых технологий в государственном управлении.

Ключевые слова: цифровые технологии, государственное управление, цифровизация, государственный служащий, студенческая молодежь.

В современном мире цифровые технологии являются синонимом прогрессивности, эффективности и экономичности. Они упрощают жизнь людей, выполняя за них сложные задачи, храня гигантские объемы информации. И рассматриваются как специфические средства управления и преобразования общества, целенаправленно воздействуют на сознание людей в процессе межличностной и межгрупповой коммуникации [1].

Использование социальных цифровых технологий в системе государственной службы обеспечивает быстрые вертикальные и горизонтальные направления коммуникации, что является важным шагом в развитии всей страны. Непрерывное повышение качества государственного управления – важная цель государства.

Цифровизация облегчает работу государственной системы: минимизирует издержки (исчезает необходимость площадей для хранения документов, исключаются траты на бумагу, печать, почтовые отправления), упрощает обратную связь гражданина и государства. Технологии позволяют населению более активно участвовать в принятии государственных решений, что влияет на рост доверия к государству со стороны народа. Любой гражданин может получить государственную услугу, не выходя из дома, с минимальными затратами времени и сил.

Нельзя отрицать и снижение коррупционного риска при использовании информационных технологий в работе государственных служащих. Возможностей для взяточничества, кумовства, вымогательства, превышения должностных полномочий в среде государственных служащих становится меньше, если правильно внедрять в эту систему цифровые технологии.

Показатель эффективности государственного управления в России су-

щественно ниже показателей в развитых странах. Всемирный банк составляет рейтинг стран по индексу эффективности государственного управления. Последний раз подобный рейтинг обновлялся в 2013 году. Тогда Россия заняла 122 место из 212 [2]. В первую пятерку вошли Финляндия, Сингапур, Дания, Швеция и Норвегия; в рейтинге стран по уровню развития электронного правительства, составленном ООН в 2020 году, Россия – на 36-й строке [3].

Проведение административных реформ на современном этапе невозможно представить без развития информационных технологий, без внедрения новых проектов в цифровой сфере. Это необходимо в деле повышения качества и эффективности работы системы государственного управления. Также немаловажным является развитие цифровых технологий в сфере государственной службы, поскольку именно государственные служащие являются основой системы государственного управления. В этой сфере цифровые технологии используются как для внутреннего взаимодействия, так и для взаимодействия с гражданами и организациями. Данные процессы получили название «электронное правительство». Развитие цифровых технологий и внедрение «электронного правительства» значительно улучшили качество предоставления государственных услуг населению, подняли отношения между государством и гражданами на более высокий уровень. Все это сопровождалось повышением качества и эффективности государственного управления, снижением затрат граждан и организаций при получении государственных услуг.

Во многих западных и некоторых азиатских странах цифровые технологии давно встроились в систему государственной службы, эффективно обслуживая каждого получателя государственных услуг и упрощая работу госслужащих. Подобная практика внесла свой вклад в повышение благосостояния общества и уровня жизни граждан, доступность и качество государственных услуг. Применение цифровых

технологий означает большую прозрачность и подотчетность государства обществу.

В России цифровые технологии в госслужбе воспринимаются по-разному. С одной стороны, внедрение цифровых технологий в систему государственной службы – явление положительное. С другой – в условиях российской действительности это сопряжено с социально-политическими рисками и создает дополнительные угрозы развитию общества.

В России предприняты серьезные усилия по внедрению технологий в государственное управление. Для регулирования деятельности по использованию информационно-коммуникационных технологий в органах государственной власти принято большое количество нормативно-правовых актов. Среди них: Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 г. № 65 (ред. от 09.06.2010) «О федеральной целевой программе Электронная Россия (2002–2010 годы)» [4]; Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 г. № 632-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» [5]; Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации Информационное общество (2011–2020 годы)» [6].

Цифровая трансформация государственного управления в России началась еще в 2008 году с утверждением президентом страны Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации [7], для реализации которой была разработана государственная программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)» из четырех подпрограмм. Одной из них является подпрограмма «Информационное государство», которая и описывает инструментарий перехода к цифровизации функций государственного управления.

Следующий важный этап развития публичной открытости органов государ-

ственного управления – Федеральный закон от 9 февраля 2009 года «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [8], где описываются основные принципы, которыми должны руководствоваться органы государственной власти, а также органы местного самоуправления при обеспечении доступа к информации о своей деятельности для населения.

В 2014 году принята «Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти» [9], закрепляющая основные принципы открытости органов государственной власти, а также основные инструменты реализации данных принципов. Эта концепция также выступает в качестве стратегии в области расширения и совершенствования прозрачности и открытости государственного управления.

В области внедрения цифровых технологий в систему государственной службы достигнуты определенные успехи: создан единый портал государственных услуг; в органах государственной власти перестали требовать от граждан предоставления документов, находящихся в распоряжении других органов, передача документов начала осуществляться без участия граждан в рамках межведомственного электронного взаимодействия; часть документации переведена в электронной формат в целях облегчения доступа к информации, сокращения площадей, предназначенных для хранения документации, снижения затрат на бумагу, печать, почтовые отправления; созданы такие порталы как: Российская общественная инициатива [10], Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [11], Официальный интернет-портал правовой информации [12].

Несомненным достижением является Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [13]. Стратегия направлена на повышение эффек-

тивности государственного управления и улучшение качества услуг. Среди ее приоритетов – ориентированность на пользователя и создание мобильных приложений, конфиденциальность данных, межведомственные сервисы, анализ информации.

7 мая 2018 года был принят Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [14], в котором поставлены задачи, способствующие реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [15]. Главная задача состоит в том, чтобы внедрить цифровые технологии в систему государственного управления в целом и в систему государственной службы в частности. Это создаст условия для повышения качества предоставления государственных услуг и увеличения эффективности взаимодействия между государством, бизнесом и обществом.

С каждым годом на развитие электронного правительства выделяется все больше средств, но добиться весомых достижений в этой области (помимо портала госуслуг и МФЦ) нелегко. Несмотря на все достижения, уровень цифровизации госслужбы в России остается невысоким, так как не хватает опыта и знаний в данной области, и существует ряд проблем в области цифровизации государственной службы [16]. Необходимо уделять внимание практической реализации проектов и программ, а не ориентироваться только на составление нормативно-правовых актов. Тогда наша страна сможет развиваться в условиях цифровой реальности.

Современное государственное управление необходимо перевести на новый технологический фундамент [17, с. 162], что требует перевода предоставления государственных услуг в цифровой формат на всех стадиях, ведь до сих пор сохраняются процедуры устаревшего типа, требующие обязательного предоставления документов в бумажном формате.

Контроль за деятельностью государственных органов также можно осуществлять в электронном виде. Например, можно создать электронную систему оценки эффективности деятельности государственных органов и отдельных государственных служащих.

Для преодоления вышеописанных препятствий по внедрению цифровых технологий в государственный сектор государство совместно с разными институтами и организациями проводит работу по переобучению государственных служащих [18]. Одним из примеров такой работы является программа обучения государственных служащих цифровой экономике «Управление, основанное на данных» [19], которая стартовала в 2018 году в Дальневосточном федеральном университете. Чиновники учатся использовать новые технологии в своей профессиональной деятельности, а также управлять регионами и страной, используя Big Data.

Первый этап обучения в рамках новой образовательной программы подготовки был пройден 200 государственными служащими из 38 регионов. Помимо госслужащих, курс был прослушан также представителями Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, госкорпораций и студентами Школы цифровой экономики Дальневосточного федерального университета. Слушателей ознакомили с новейшими технологиями сбора, анализа, использования и защиты данных.

Развитию информационной открытости в системе государственного управления и государственной службы способствуют цифровые технологии, а именно развитие официальных сайтов государственных органов в сети Интернет. Некоторые исследователи считают, что содержание официальных сайтов может отражать уровень информационной открытости и закрытости органов государственной власти, показывать степень прозрачности управленческих процедур и решений, а также способствовать в получении гражданами интересующей их информации

о деятельности органов государственной власти. Однако подобные сайты не всегда могут отражать всю полноту информации, но это постепенно решается путем проведения мониторингов информационной открытости официальных сайтов, а также развитием нормативно-правовой базы, где происходит расширение параметров, по которым должна быть предоставлена информация на сайте органов государственной власти.

Информационная открытость органов государственной власти в значительной степени влияет на доверие граждан к деятельности данных институтов, а институциональное доверие является важным элементом отношений государства и граждан и основным источником силы и устойчивости государства.

В декабре 2021 года авторами было проведено исследование, эмпирическую базу которого составили материалы глубинного интервью (n=14), проведенного со студентами московского вуза (в возрасте от 20 до 23 лет), чья будущая профессия связана с работой в медиасфере. Целью исследования было выявление отношения студентов к образу государственного служащего в цифровом обществе. В исследовании были поставлены задачи, касающиеся влияния информационных технологий на работу государственного служащего, проблем формирования имиджа государственного служащего, восприятия государственного служащего в медиасреде, оценки его деятельности. В структуру гайда интервью включены вопросы, отражающие задачи. Каждое интервью занимало 1,5 часа.

Результаты исследования показали, что, несмотря на постоянное изменение и совершенствование концептуально-правовых основ до сих пор сохраняется ряд проблем функционирования государственной службы в Российской Федерации.

Студенты подчеркивают, что *«государственные служащие часто забывают о своей роли “слуг народа”, считая, что обладают статусным превосходством»* (А.Т., муж., 20 года). Также «из-

за обезличивания происходит понижение градуса ответственности у конкретных госслужащих» (К.В., жен., 21 год). «Использование своего служебного положения является источником подмены интересов организации своими собственными. Однако, с другой стороны, безличный характер исключает возможность фаворитизма в процессе подбора персонала, вся система строится на принципе заслуг» (З.С., жен., 21 год).

В свою очередь, участие в политическом процессе также позволяет организовать вовлечение активного гражданского общества в государственное управление. Именно структуры государственной службы участвуют в реализации и координации социальной политики, а государственные служащие одновременно как граждане государства и члены бюрократического аппарата обеспечивают обратную связь между гражданским обществом и политической элитой.

В то же время осуществление социальных и управленческих функций государства является одной из главных задач государственной службы в течение всего процесса разработки проектов, проведении и воплощении решений по вопросам, касающимся соблюдения прав и свобод человека и гражданина; социальной защищенности населения, безработицы и другим социально-значимым проблемам.

Анализ публикаций в медиасфере позволил определить ряд проблем, связанных с прохождением чиновниками государственной службы, которые отражаются на формировании негативного имиджа государственных служащих:

- неэффективность государственной кадровой политики в государственной службе (высокая текучесть кадров, частые структурные изменения, нехватка мотивированных молодых специалистов);
- недостаточный уровень профессионализма и низкая компетентность гражданских служащих;
- закрытость государственной службы для мониторинга и контроля со стороны гражданского общества;

- низкий социальный статус государственных гражданских служащих среди населения;
- отсутствие доверия граждан к бюрократическому аппарату государственной власти;
- частые случаи коррупционного поведения государственных служащих.

Последняя проблема является наиболее упоминаемой в медиасфере. Скептическое отношение гражданского общества к «слугам народа» сформировалось не на пустом месте, поскольку очень часто в источниках СМИ происходит обнародование фактов коррупционного поведения того или иного представителя государственной власти. Кроме этого, СМИ часто производят опросы общественного мнения; так, 72% опрошенных считают, что в настоящее время очень непросто изменить уже сформировавшийся негативный имидж государственных служащих [20, с. 16].

С другой стороны, существует обезличенность, которая способствует конфликту между чиновниками и обращающимися гражданами. Представители гражданского общества упоминают в негативных тонах государственных служащих в целом как формальный институт, но при этом не обладают информацией, с кем конкретно они коммуницируют. «Проблему усугубляет недостаток информированности граждан о работе чиновников» (Г.Д., муж., 20 лет).

Формированию позитивного имиджа государственных служащих в медиасфере будет способствовать регулярная отчетность в открытых источниках информации и сотрудничество со СМИ. Для того чтобы решить проблему неверной трактовки действий и результатов чиновников в медиа, им стоит брать инициативу в свои руки. То есть, как отмечают студенты, «госслужащий, который ведет диалог с обществом публично, заявляет открыто свою позицию и аргументирует ее, вызовет гораздо меньше негатива и домыслов, чем если бы вся его деятельность транслировалась через посредников» (В.Л., жен.,

23 года). «И в нашей стране также есть позитивные примеры чиновников, которые активно ведут социальные сети и в числе первых показывают всю важную информацию» (Г.Д., муж., 20 лет).

При условии эффективного функционирования института государственной службы должно происходить снижение социального напряжения среди населения страны, повышение его общего уровня благосостояния, а также это сможет способствовать сохранению стабильности государственной системы.

Как отметил один из респондентов, «социальный институт государственной службы в современном мире становится объектом особенно пристального внимания» (Н.Д., муж., 21 год). И это связано с несколькими причинами. Во-первых, этому значительно способствовали цифровизация общества и открытость мира. «В данных условиях государственный служащий вынужден делать свою профессиональную деятельность прозрачнее и иметь безупречный «цифровой след»», как отметил один из студентов (С.Н., жен., 22 года). Во-вторых, интерес к образу госслужащего возрос с развитием гражданского общества. Все чаще мы слышим различные оценки деятельности государственных служащих, и все чаще этот вопрос поднимается в социальных сетях. Также неизбежное освещение темы образа государственного служащего в медиасреде влечет за собой дополнительную сложность – вопрос объективности восприятия.

Россия уверенно идет вперед в вопросах формирования доверия к органам государственной власти. Так, например, работает кодекс профессиональной этики государственного служащего. В нем собраны правила поведения, этические нормы, принципы и ценности, разделять которые должны нынешние и потенциальные госслужащие. Такой кодекс служит хорошей базой для выстраивания имиджа института государственной службы.

Другой студент отмечает, что «в настоящее время в регионах Российской

Федерации существуют некоторые негативные тенденции формирования имиджа государственных гражданских служащих. Прежде всего, необходимо отметить отсутствие централизованного органа, который осуществлял бы управление процессом формирования имиджа гражданских государственных служащих. Потребность в этом обусловлена тем, что формирование имиджа происходит в своеобразной среде, где ее субъектами выступают: население, средства массовой информации, сотрудники органов исполнительной власти, предприниматели, представители общественных организаций» (Г.П., муж., 22 года).

При этом, сталкиваясь с новыми вызовами современности, указанные выше структуры общества действуют на основе, как правило, уже наработанных социальных практик и в большинстве случаев совершенно несогласованно. Также для Российской Федерации характерно отсутствие специализированных структур, которые могли бы осуществлять системное регулирование процесса формирования имиджа гражданских государственных служащих, а также крайне малое количество специалистов, способных на профессиональном уровне осуществлять формирование имиджа органов власти.

Стоит обратить внимание на тот факт, что студенты отмечают, что «с появлением Интернета образ гражданского государственного служащего значительно изменился» (К.В., жен., 21 год). Различные изменения в государственной системе сильно отразились на образе государственных служащих в обществе.

С появлением большого количества информационных технологий коммуникация между людьми стала быстрее и разностороннее. Как отмечают исследователи, количество пользователей превысило 4,6 млрд чел., что составило 60% от всего населения земного шара, при этом 4,1 млрд чел. имеет аккаунты в социальных сетях [21]. Это сказывается и на качестве потребляемого контента.

С развитием интернет-технологий в медиасфере появилось понятие «новые медиа». Пандемия, вызванная коронавирусной инфекцией, ускорила процесс перехода жизни в онлайн, а также дала развитие новым каналам коммуникации, в особенности социальным медиа. Социальные сети и мессенджеры, которые и так играли заметную роль в жизни современного человека, стали самостоятельными СМИ. Так называемые каналы в Telegram могут конкурировать с серьезными и уважаемыми СМИ за внимание аудитории.

Подводя итог, хочется отметить, что цифровые технологии играют важную роль в системе государственного управления и государственной службы на современном этапе их развития. Ведь именно они позволяют осуществлять деятельность эффективно с минимальными издержками, выполнять свои функции по предоставлению государственных услуг оперативно и качественно. Цифровые технологии позволяют работать с огромным количеством информации, обрабатывать миллионы запросов со стороны населения и в то же время дают возможность государственным служащим постоянно поддерживать связь с гражданами, практически включая их в свою работу. Особенно, на наш взгляд, важна обратная связь, которую могут дать граждане, когда оценивают качество предоставления государственных услуг. Если смотреть на перспективу, в будущее, то можно с уверенностью говорить, что внедрение новых цифровых и информационных технологий продолжится. Наиболее перспективным является внедрение искусственного интеллекта в деятельность государственных служащих. На откуп искусственному интеллекту можно будет отдать документооборот, ведение архивов и некоторые организационные функции. Однако полностью доверить государственную службу роботам с искусственным интеллектом, конечно же, не представляется возможным, ведь работу с людьми качественно может выполнять только человек.

Таким образом, развитие цифровых технологий во всем мире преобразует не только институты экономики, но и способствует трансформации механизмов государственного управления. Но помимо положительных сторон цифровизации государственной службы создаются новые сопутствующие проблемы. Исследователям предстоит еще определить пути внедрения цифровых технологий в российскую систему государственного управления и представить решения новых вызовов и рисков.

Литература

1. Helmer O. Social Technology, N.Y., 1966.
2. Рейтинг стран по качеству государственного управления [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/governance-indicators> (дата обращения: 18.01.2022).
3. Рейтинг стран по уровню развития электронного правительства [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/e-government> (дата обращения: 27.01.2022).
4. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 г. № 65 (ред. от 09.06.2010) «О федеральной целевой программе Электронная Россия (2002–2010 годы)» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90180 (дата обращения: 13.03.2022).
5. Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 г. № 632-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76942/ (дата обращения: 13.03.2022).
6. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации Инфор-

- мационное общество (2011–2020 годы)» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения: 13.03.2022).
7. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92762/> (дата обращения: 27.01.2022).
  8. Федеральный закон от 9 февраля 2009 года «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/194874/> (дата обращения: 27.01.2022).
  9. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158273/ceb7ed405fd03ff2d1c28950ed07e061b19ffd6/ (дата обращения: 27.01.2022).
  10. Российская общественная инициатива [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru> (дата обращения: 13.03.2022).
  11. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 13.03.2022).
  12. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.03.2022).
  13. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 27.01.2022).
  14. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71937200> (дата обращения: 27.01.2022).
  15. Цифровая экономика РФ // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.ac.gov.ru/about> (дата обращения: 13.03.2022).
  16. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность [Текст]: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Д.Ю. Двинских, Н.Е. Дмитриева, А.Б. Жулин и др.; под общ. ред. Н.Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
  17. Рыбакова М.В., Иванова Н.А. Цифровизация как фактор эффективного управления взаимодействием государства и общества // Социология. 2021. № 5. С. 157–164.
  18. Кайсарова В.П., Винокурова М.Ю. Профессиональное развитие цифровых компетенций современных государственных служащих: российский и зарубежный опыт // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. Выпуск № 88. С. 216–232. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47154992_60082223.pdf (дата обращения: 13.03.2022).
  19. Сайт Дальневосточного федерального университета [Электронный ресурс]. URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/civil_servants_from_all_over_russia_began_preparations_for_the_cdo_program_at_the_university/ (дата обращения: 27.01.2022).
  20. Орлова В.Н. Позитивный имидж государственных гражданских слу-

жащих как основа развития управленческой культуры // Управленческое консультирование. 2016. № 77. С. 14–18.

21. Social media users pass the 4 billion mark as global adoption soars // Creative agency «We are social» [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2020/10/social-media-users-pass-the-4-billion-mark-as-global-adoption-soars/> (дата обращения: 27.03.2022).

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE MODERN PUBLIC SERVICE SYSTEM

Rybakova M.V., Ivanova N.A.

Lomonosov Moscow State University

The paper shows the role of digital technologies in the modern system of public service. The regulatory documents in the field of the use of digital technologies in government bodies are presented. Based on the study conducted by the authors, the attitude of students to the image of a civil servant in modern digital society is revealed, the problems of forming the image of a civil servant, his perception in the media environment, evaluating his activities, the impact of information technologies on the work of a civil servant are shown; an assessment of the development of digital technologies in public administration is given.

Keywords: Digital technologies, public administration, digitalization, civil servant, student youth.

References

1. Helmer O. Social Technology, N.Y., 1966.
2. Ranking of countries by the quality of public administration [Electronic resource]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/governance-indicators> (accessed 01/18/2022).
3. Ranking of countries according to the level of development of e-government [Electronic resource]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/e-government> (accessed 01/27/2022).
4. Decree of the Government of the Russian Federation of January 28, 2002 No. 65 (as amended on June 9, 2010) "On the federal target program Electronic Russia (2002–2010)" // Consultant Plus [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90180 (date of access: 03/13/2022).
5. Decree of the Government of the Russian Federation of May 6, 2008 No. 632-r (as amended on March 10, 2009) "On the Concept of Forming Electronic Government in the Russian Federation until 2010" // Consultant Plus [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76942/ (date of access: 03/13/2022).
6. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 313 "On Approval of the State Program of the Russian Federation Information Society (2011–2020)" // Consultant Plus [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (date of access: 03/13/2022).
7. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on February 7, 2008, No. Pr-212) [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92762/> (date of access: 01/27/2022).
8. Federal Law of February 9, 2009 "On providing access to information about the activities of state bodies and local governments" [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/194874/> (date of access: 01/27/2022).
9. Order of the Government of the Russian Federation of January 30, 2014 No. 93-r "On Approval of the Concept of Openness of Federal Executive Authorities" [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158273/ceb7ed405fd03ff2d1c28950ed07e061b19ffd6/ (date of access: 01/27/2022).
10. Russian public initiative [Electronic resource]. URL: <https://www.roi.ru> (date of access: 03/13/2022).
11. Federal portal of projects of normative legal acts [Electronic resource]. URL: <https://regulation.gov.ru/> (date of access: 03/13/2022).
12. Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 03/13/2022).
13. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (date of access: 01/27/2022).

14. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/71937200> (date of access: 01/27/2022).
15. Digital Economy of the Russian Federation// Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://digital.ac.gov.ru/about> (date of access: 03/13/2022).
16. Digital transformation of public administration: myths and reality [Text]: dokl. to XX Apr. intl. scientific conf. on Problems of Development of the Economy and Society, Moscow, 9–12 April. 2019 / D. Yu. Dvinskikh, N.E. Dmitrieva, A.B. Zhulin and others; under total ed. NOT. Dmitrieva; National research University "Higher School of Economics". M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2019.
17. Rybakova M.V., Ivanova N.A. Digitalization as a factor in effective management of interaction between the state and society // *Sociology*. 2021. No. 5. S. 157–164.
18. Kaisarova V.P., Vinokurova M. Yu. Professional development of digital competencies of modern civil servants: Russian and foreign experience // *State Administration. Electronic Bulletin*. 2021. Issue No. 88. pp. 216–232. [Electronic resource]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47154992_60082223.pdf (date of access: 03/13/2022).
19. Website of the Far Eastern Federal University [Electronic resource]. URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/civil_servants_from_all_over_russia_began_preparations_for_the_cdo_program_at_the_university/ (Date of access: 01/27/2022).
20. Orlova V.N. Positive image of state civil servants as a basis for the development of managerial culture // *Administrative Consulting*. 2016. No. 77. P. 14–18.
21. Social media users pass the 4 billion mark as global adoption soars//Creative agency "We are social" [Electronic resource]. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2020/10/social-media-users-pass-the-4-billion-mark-as-global-adoption-soars/> (Accessed: 03/27/2022).

Оценка эффективности институциональных практик социальной консолидации в контексте инновационного развития регионального пространства Юга России

Узунов Владимир Владимирович,

доктор политических наук, доцент, докторант
Южного федерального университета
E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

В статье доказывается необходимость консолидации социальных практик как можно большего числа индивидов, включенных в определенное социальное пространство, на примере региональных сообществ Юга России. Автором осуществлен анализ двух важнейших конструкторов – «консолидация» и «социальная практика», не нашедших однозначной трактовки в научной литературе. На примере регионов Юга России приводятся особенности региональных документов стратегического развития этих регионов. Приводятся оригинальные данные исследований, проведенных при участии автора настоящей статьи, в которых доказывается недостаточная эффективность институциональных практик социальной консолидации в контексте инновационного развития регионального пространства Юга России. Приводятся выводы и рекомендации по совершенствованию институционализации социальных практик, направленных на консолидацию региональных сообществ Юга России.

Ключевые слова: социальные практики, социальная консолидация, институционализация, региональные сообщества, публичная политика.

Постановка проблемы. Любое инновационное развитие предполагает консолидацию социальных практик как можно большего числа индивидов, включенных в определенное социальное пространство. Эти практики предполагают консолидированные действия, направленные на достижение общей цели. На первый взгляд, организация таких действий чрезвычайно проста, особенно если в качестве исторических примеров вспомнить лозунги советского периода: «Все на целину», «Все на БАМ» и т.п. Однако Пьер Бурдьё пророчески утверждал в своей работе «Практический смысл»: «... чрезвычайно опасно анализировать коллективное действие по модели индивидуального, игнорируя все то, чем оно обязано относительно автономной логике институций мобилизации (с их собственной историей, специфической организацией и т.п.), а также ситуациям – институционализированным или нет, – в которых это действие совершается» [1, С. 116].

В реальности мы не всегда учитываем логику институциональных практик социальной консолидации, поскольку само понятие консолидации трактуется по-разному, хотя и в близких смысловых комбинациях – объединение, сплочение, укрепление и т.д. При этом социальную консолидацию можно рассматривать и как существительное, характеризующее состояние социального объекта, и как глагол, характеризующий социальный процесс, направленный на достижение высокой степени единства.

Столь же сложным конструктом является понятие «социальные практики», поскольку в него входят социальные действия разных, подчас – противоположных групп общества, а сами

эти социальные практики приобретают различный характер в зависимости от степени своей институциональности. По мнению Т.И. Заславской, посвятившей данной проблеме ряд своих монографий и статей «Социальные практики представляют собой конкретные формы функционирования общественных институтов, общей же формой реализации каждого института служит не что иное, как совокупность соответствующих социальных практик Институты, как всякая сущность, глубже и устойчивее форм своей реализации, поэтому практики могут меняться, не затрагивая их сущности. Напротив, преобразование институтов неизбежно сопровождается изменением практик, причем последнее служит самым надежным критерием подлинных институциональных сдвигов [2, С. 3–15, 7].

«Между тем поведенческие стратегии разных общественных групп, – отмечала Т.И. Заславская, – зависят не только от проводимых правящим слоем институциональных реформ, но и от множества других обстоятельств. Поэтому действительные изменения социальных практик обычно оказываются совершенно иными, чем ожидалось, а иногда и противоположными. Это составляет еще одну сложность для разработки социальной политики и является стимулом к изучению механизмов трансформации институтов» [3, С. 179, 190].

Именно в этом ключе и представляется целесообразным подойти к раскрытию темы настоящей статьи.

Анализ результатов исследования

Прежде всего, необходимо отметить, что инновационное развитие регионального пространства – это изменение пространства смыслов в конфигурации социокультурного, социально-экономического, политического, территориального и др. элементов в результате отказа от традиционных, часто псевдоконсервативных способов и механизмов развития региональных процессов. Поскольку объектом нашего исследования является макрорегион Юга России, отметим,

что в нем действует ряд программных документов. Дело в том, что практически в каждом субъекте РФ в соответствии со стратегическими документами, принятыми в масштабах Российской Федерации в целом, разработаны собственные проекты социально-экономического и инновационного развития. Последнее зачастую просто включено в стратегию социально-экономического развития или просто Стратегию развития. Базовыми для Юга России выступают нормативные документы, разработанные на уровне федеральных округов [4,5,6,7], поскольку в них включены подпрограммы развития включенных в них субъектов РФ. Анализ имеющейся нормативно-правовой базы в указанном направлении показал, что все они выстроены в русле всероссийских аналогичных программных документов и, в частности, интересующей нас Стратегии инновационного развития, которая провозглашает переход на инновационный путь развития, но при этом основная миссия этого перехода и ее ключевые обозначены в обобщенном виде. Скорее, это документ, в котором заложены желаемые количественные показатели в контексте стратегического развития экономики, демографической сферы, науки, образования и т.д.

В ряде подобных документов регионального профиля можно встретить фразы, которые переходят затем в научные публикации, где ученые пишут, что развитие инновационной инфраструктуры предполагает достижение успехов в фундаментальных и прикладных исследованиях; интеграцию научно-исследовательского и образовательного процессов; трансфер результатов интеллектуальной продукции в сектор реальных производственных практик, что, в свою очередь, предполагает сотрудничество бизнеса и промышленных предприятий с организациями науки и образования и т.д., поддержку со стороны государства научных исследований и т.п. [8, С. 254].

Но совершенно очевидно, что эти инновационные проекты не могут быть реализованы в сложившихся реалиях, когда сама институциональная среда

не соответствует тому, что заявлено в инновационных проектах, а в данных проектах не отражаются реальные запросы населения на перемены. И заданным вопросом: возможна ли эффективная реализация стратегии инновационного развития России и регионов без единения вокруг самой идеи инновационного развития и объединения усилий граждан в данном процессе? Безусловно, нет.

На региональном уровне на Юге России принятие оптимальных стратегий инновационного развития осложнилось и осложняется рядом внутренних и внешних факторов, которые не до конца учтены, несмотря на то, что практически во всех отмеченных выше документах, представляющих стратегию их развития на перспективу, эти округа определяются как территории инноваций с опережающими темпами социально-экономического развития, с качественно новыми стандартами жизни населения.

К сожалению, анализ указанных региональных программ и особенностей их реализации фиксирует наличие актуальной проблемы, суть которой заключается в наличии реального противоречия между пониманием задач развития регионов и неполным учетом особенностей стратегии их реализации. К ним, в первую очередь, принадлежат социальные траектории развития региона в направлении социальной консолидации регионального социума. Из этих программ выпадают столь необходимые для инновационного развития социальные механизмы.

Определимся с критериями таких механизмов, способных, по нашему мнению, формировать необходимый уровень социальной консолидации. К ним, безусловно, следует относить консенсус морально-этических и мировоззренческих ценностей, характерных для большинства населения региона; общие представления о социальной справедливости, на базе которой формируются социальные практики основных акторов процесса консолидации; общие представления о путях достиже-

ния уровня консолидации, необходимо для инновационного развития региона.

Говоря о консенсусе ценностей, нельзя не упомянуть их статусно-иерархическую структуру, которую Н.И. Лапин характеризовал следующим образом: «ценности высшего статуса, «ядро» ценностной структуры; – ценности среднего статуса, которые могут перемещаться в состав ядра или на периферию, поэтому их можно представить как «структурный резерв»; – ценности ниже среднего, но не самого низкого статуса, или «периферию» – они также подвижны и могут перемещаться в «резерв» или в «хвост»; – ценности низшего статуса, или упомянутый «хвост» ценностной структуры, состав которого малоподвижен» [9].

Наши исследования 2018–2021 гг. в Ростовской области, Краснодарском Крае, Республике Адыгея и в Республике Крым наглядно свидетельствуют о том, что максимум консолидированных социальных практик населения указанных регионов возможен только тогда, когда эти практики опираются на ценности, входящие в так называемое «ценностное ядро» (см.: таблицу 1). Другие же сегменты иерархической структуры ценностей либо порождают определенные конфликты (например, конфликт по поводу вакцинации), либо предполагают пассивное или даже безразличное отношение к консолидированным социальным практикам.

Таким образом, именно ценности играют в обществе интегративную роль, являясь индикатором степени социальной личности. На их основании личность осуществляет свой жизненный выбор. Личностная система ценностей, как правило, построена на системе ценностей, которые доминируют в обществе, а последние, в свою очередь, аккумулируют и отражают выбор определенных целей и средств их достижения, сделанный на индивидуальном уровне.

В 2021 году мы опросили (методом личного интервью) по 100 представителей трех территориальных общностей – Ростовской области, Республики

Адыгея и Республики Крым, предложив им проранжировать варианты ответов на вопрос: «Что из предложенного является для Вас жизненно важным?» Отбор респондентов проводился с учетом данных демографической статистики по каждому из объектов исследования. Такой подход позволяет относительно точно охарактеризовать общие черты и особенности позиций респондентов по каждому из указанных регионов, несмотря на сугубо «пилотный» объем выборки.

Данные результатов этого исследования мы приводим в нижеследующей табл. 1.

Таблица 1. Оценка респондентами предложенных ценностей респондентами¹

Важнейшие ценности	Ростовская область	Республика Адыгея	Республика Крым
Жизнь и здоровье человека	83,0	80,0	84,0
Свобода для реализации индивида	51,0	39,0	54,0
Нравственность человека в жизни, поведении	32,0	58,0	35,0
Общение с друзьями, взаимопомощь	72,0	74,0	73,0
Семья, личное счастье, дети	81,0	85,0	73,0
Работа как смысл жизни и возможность зарабатывать	39,0	51,0	45,0
Благополучие и комфорт	78,0	61,0	73,0
Вера в Бога	21,0	52,0	23,0

Из данных, приведенных в таблице, (мы рассматриваем их в качестве ориентировочных, поскольку объем выбор-

ки не предполагает исключительной точности полученных результатов), несложно построить «пятерку» ядра ценностей населения регионов Юга России: «жизнь и здоровье человека → семья, личное счастье, дети → общение с друзьями, взаимопомощь → благополучие и комфорт → работа как смысл жизни и возможность зарабатывать». Остальные названные ценности представляют собой либо структурный резерв, либо периферию, что предполагает возможные ценностные конфликты разного уровня.

Все это выдвигает перед региональными органами власти, формулирующими стратегии развития регионов, задачи корректировки этих документов в ценностном аспекте. Такая корректировка может реально обеспечить институционализацию социальных практик населения, формирующих его консолидацию с целью решения общих задач. Применение в нашем исследовании метода Case study позволяет предложить следующую схему, в которой определены особенности и механизмы консолидации (рис. 1).

Если мы рассмотрим левую часть предложенной выше схемы, то обратим внимание на то, что социальные практики, не будучи должным образом институционализированными, могут возникать и прекращать свое существование спонтанно, появляться в результате возникновения определенных объективных обстоятельств, но исчезать сразу же после прекращения их воздействия во времени и в пространстве. По данным наших исследований 2021 года волны активной волонтерской деятельности в период пандемии коронавируса имели тенденцию к уменьшению по мере ослабления заболевания.

В ряде случаев спонтанность и обусловленность объективными обстоятельствами могут переплетаться. Точно так же в неинституционализированных социальных практиках может переплетаться традиционность и инновационность. Ярким примером этих наших утверждений может быть массовое распространение акции «Бессмерт-

¹ Подобная, но не идентичная методика определения иерархии ценностей использовалась О.Н. Жупник в диссертации «Тренды ценностных ориентаций современной студенческой молодежи» (научный руководитель – В.А. Чигрин).

ный полк», которая, с одной стороны, вызвана празднованием Дня Победы, а, с другой, вначале носила сугубо спонтанный характер. С одной стороны,

эта акция зарождалась стихийно, т.е. спонтанно, а с другой, отражала традиции (крестный ход).

Рис. 1. Особенности и механизмы социальной консолидации

Но самое главное здесь состоит в том, что данная форма социальных практик в результате институционализации переросла из кратковременной акции в акцию, повторяемую из года в год, а, кроме того, из региональной переросла в общероссийскую.

Однако последнее обстоятельство выходит за пределы консолидированных социальных практик в специфических полиэтнических регионах Юга России, характеристики которых мы рассматриваем в данной статье. Поэтому заметим, что консолидированными могут считаться не все социальные практики, а лишь те, которые, наряду с общими закономерностями, учитывают особенности среды. Как писал З. Бауман, «сейчас акцент надо сместить на сообщество (agency); точнее, на среду обитания (Habitat) сообщества, в котором оно действует и которое продуцирует своей деятельностью. Поскольку среда обитания пре-

доставляет сообществу определенную совокупность ресурсов для каких-либо действий, а также пространство, где могут осуществляться ориентированные на действие и сориентированные действием релевантные движения, оно является той территорией, в пределах которой конституируются... свобода и зависимость сообщества» [10, С. 259].

Кроме того об эффективности таких социальных практик можно говорить лишь с учетом характера и темпов их институционализации, поскольку, по нашему убеждению – «КОНСОЛИДАЦИЯ = социальные практики населения + институционализация этих практик государством».

Данное утверждение можно проиллюстрировать данными, полученными нами в 2016 году в результате участия в полевых исследованиях группы «Циркон» (табл. 2).

Таблица 2. Выберите, пожалуйста, в паре нижеприведенных суждений то, с которым Вы в большей степени согласны [11, С. 73]

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
России сегодня необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок	77,0
России сегодня больше нужны политические свободы, демократия	16,0
Затрудняюсь ответить	7,0

Подобная высокая оценка «твердой руки» в виде власти характерна для большинства населения всех изучаемых нами социальных сообществ регионов Юга России. Согласимся с тем, что эта оценка складывалась столетиями, входя в структуру менталитета наших соотечественников.

К сожалению, в противовес ориентациям населения на эту «твердую руку» на местах, особенно в сельских районах, как показывают исследования, эффективность деятельности органов власти в институционализации социальных практик населения минимальна, поскольку инерция в отношениях местных властей и населения, сформировавшаяся еще во времена Советского Союза, к сожалению, не преодолена в ряде регионов, в том числе и на Юге России.

Вот только два примера по Республике Крым, характеризующих оценки такой эффективности населением Крымского полуострова (исследования КФ ФНИСЦ РАН 2019 и 2020 гг., N= 1800 и 2000) [12, С. 24] (табл. 3).

Таблица 3. Как, по-вашему, складываются отношения власти и населения района?

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
Эти отношения вполне удовлетворительны, власть заботится о людях	19,2
Районная власть сама по себе, а люди сами по себе	30,9
Трудно сказать, я над этим не задумывался	27,8
Честно говоря, мы и сами редко обращаемся к представителям власти	22,1

Итак, во-первых, из данной таблицы мы видим недостаточное пересечение практик населения и практик местных властей. Во-вторых, учитывая традиционную персонифицированность отношения людей к власти, в том числе к власти местной, мы видим явный отрыв персоналий местной власти от большинства населения (таблица 4).

Таблица 4

Знаете ли Вы главу администрации Вашего района?	
25,42%	да, это (назвали фамилии)
74,58%	нет, фактически не знаю, не видел
Знаете ли Вы председателя районного совета?	
12,09%	да, это (назвали фамилии)
87,91%	нет, фактически не знаю, не видел

В такой ситуации мы можем сделать следующие **выводы**:

Во-первых, эффективность институционализации социальных (особенно инновационных) практик населения в регионах Юга России пока еще является недостаточной в силу неразработанности механизмов данного процесса.

Во-вторых, институционализация социальных практик является необходимым условием консолидации региональных сообществ, необходимой для их инновационного развития.

В-третьих, условием такого развития являются активные действия властей на местах по мониторингу и немедленной поддержке социально ориентированных инициатив населения.

В-четвертых, в предметном поле публичной политики актуальным представляется постепенное превращение социальных институтов на местах в легитимные формы социального взаимодействия власти и населения.

Литература

1. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые; пер. с фр. А.Т. Бикбов [и др.]. – Текст: непосредственный. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001.

2. Заславская Т. И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса / Т.И. Заславская. – Текст: непосредственный // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: междунар. симпозиум (Москва, 19–20 января 2001 г.) / под общ. ред. Т.И. Заславской. – Москва: МВШСЭН, 2001. – С. 3–15.
3. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция / Т.И. Заславская. – Текст: непосредственный. – Москва: Дело, 2002.
4. О стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года: Постановление Правительства Российской Федерации от 05.09.2011 № 1538-р. – Текст: электронный // Гарант. РУ: информационно-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55084615/>.
5. Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года: Постановление Правительства Российской Федерации от 05.04.2014 № 309 (в ред. от 11.02.2019 № 111). – Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091772>.
6. О стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.09.2010 № 1485-р. – Текст: электронный // Гарант. РУ: информационно-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/>.
7. О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г.: Закон Республики Крым от 09.01.2017 № 352-ЗРК/2017(принят Государственным Советом Республики Крым 28.12.2016 г.). – Текст: электронный. – URL: <https://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/strategy/strategy-fullvers.pdf>.
8. Широ М.С. Приоритетные направления формирования инновационной инфраструктуры регионов Южного Федерального округа / М.С. Широ. – Текст: непосредственный // Вестник ВГУИТ. – 2016. – № 2.
9. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н.И. Лапин. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 28–36.
10. Бауман З. Социологическая теория постмодерна / З. Бауман. – Текст: непосредственный // Человек и общество: хрестоматия / под ред. С.А. Макеева. – Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 1999.
11. Российский фронтир: гражданская идентичность на передовом рубеже страны: итоговый отчет по результатам исследования. – Текст: непосредственный // АНО Социологическая мастерская Задорина; Исследовательская группа «Циркон». – Москва, 2017.
12. Общество и власть: социально-политическое пространство Крыма: аналитический отчет (архив документов Крымского филиала ФНИСЦ РАН. 2018–2020 гг.) / В.А. Чигрин, А.И. Лучинкина, Е.Г. Городецкая, В.В. Узунов. – Текст: непосредственный. – Симферополь, 2020.

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL CONSOLIDATION INSTITUTIONAL PRACTICES IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL SPACE OF THE SOUTH OF RUSSIA

Uzunov V.V.
Southern Federal University

The article proves the need to consolidate the social practices of as many individuals included in a certain social space as possible, using the example of regional communities in the South of Russia. The author analyzes two most important constructs – “consolidation” and “social practice”, which have not found an unambiguous interpretation in the scientific literature. On the example of the regions of the South of Russia, the features of regional documents for the strategic development of these regions are given. The original data of research conducted with the participation of the author of this article are presented, which proves the insufficient effectiveness of institutional practices of social consolidation in the context of innovative development of the regional space of the South of Russia. Conclusions and recommendations on improving the institutionalization of social practices aimed at consolidating regional communities in the South of Russia are presented.

Keywords. Social practices, social consolidation, institutionalization, regional communities, public policy.

References

1. Bourdieu P. Practical sense / P. Bourdieu; translated from the French by A.T. Bikbov [et al.]. – Text: direct. – St. Petersburg: Aleteya, 2001.
2. Zaslavskaya T.I. On the subject-activity aspect of the transformation process / T.I. Zaslavskaya. – Text: direct // Who is trying to lead Russia and where? Actors of macro-, meso- and micro-levels of the modern transformation process: international. Symposium (Moscow, January 19–20, 2001) / edited by T.I. Zaslavskaya. – Moscow: MVSHSEN, 2001. – P. 3–15.
3. Zaslavskaya T.I. Societal transformation of Russian society: activity-structural concept / T.I. Zaslavskaya. – Text: direct. – Moscow: Delo, 2002.
4. On the strategy of socio-economic development of the Southern Federal District for the period up to 2020: Decree of the Government of the Russian Federation dated 05.09.2011 No. 1538-R. – Text: electronic // Garant. <url>: information and legal portal. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55084615/>.
5. On the approval of the State Program of the Russian Federation “Development of the North Caucasus Federal District” for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation dated 05.04.2014 No. 309 (as amended. dated 11.02.2019 No. 111). – Text: electronic // Electronic Fund of legal and regulatory and technical documents. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091772>.
6. On the strategy of socio-economic development of the North Caucasus Federal District until 2025: Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.09.2010 No. 1485-R. – Text: electronic // Garant. <url>: information and legal portal. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/>.
7. On the strategy of socio-economic development of the Republic of Crimea until 2030: Law of the Republic of Crimea dated 09.01.2017 No. 352-ZRK/2017 (adopted by the State Council of the Republic of Crimea on 28.12.2016). – Text: electronic. – URL: <https://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/strategy/strategy-fullvers.pdf>.
8. Shiro M.S. Priority directions of formation of innovative infrastructure of the regions of the Southern Federal District / M.S. Shiro. – Text: direct // Bulletin of VSUIT. – 2016. – № 2.
9. Lapin N.I. Functionally-oriented clusters of basic values of the population of Russia and its regions / N.I. Lapin. – Text: direct // Sociological research. – 2010. – No. 1. – P. 28–36.
10. Bauman Z. Sociological theory of post-modernity / Z. Bauman. – Text: direct // Man and society: a textbook / edited by S.A. Makeev. – Kiev: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 1999.
11. The Russian frontier: civil identity at the forefront of the country: the final report on the results of the study. – Text: direct // ANO Sociological workshop of Zadorin; Research group “Zircon”. – Moscow, 2017.
12. Society and power: the socio-political space of the Crimea: an analytical report (archive of documents of the Crimean branch of the FNCS RAS. 2018–2020) / V.A. Chigrin, A.I. Luchinkina, E.G. Gorodetskaya, V.V. Uzunov. – Text: direct. – Simferopol, 2020.

Трансформации модели российского социального предпринимательства

Федоринин Николай Михайлович,
аспирант, кафедра управления персоналом,
Институт государственной службы и управления,
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: socmanconsult@gmail.com

Стремительно трансформирующаяся экономика современной России особенно сильно актуализирует гармоничную работу малого и среднего бизнеса. Социальное предпринимательство является неотъемлемой частью российской экономической системы и может выступить гарантом будущего процветания как экономики, так и социальной политики нашего государства в целом. В связи с этим видится необходимым обладать качественной информацией об актуальном состоянии социальных предприятий, особенностях их работы в современных условиях, а также о возникающих барьерах и проблемах в процессе жизнедеятельности. Начиная исследование с регионов, можно получить более подробную и структурированную модель российского социального предпринимательства. Данная статья посвящена изучению социальных предпринимателей районного города Московской области, условиям работы их социальных предприятий и мерам государственной поддержки.

Ключевые слова: экономическая социология, социальное предпринимательство, малый и средний бизнес, экономические санкции, социальная политика.

С 2019 года в России официально закреплён новый вид предпринимательской деятельности – социальное предпринимательство [1], который так же может способствовать развитию экономики в условиях политики протекционизма. Социальное предпринимательство, как вид экономической деятельности ещё не стало повсеместно распространённым, но активно набирает обороты в течение последних 10 лет [2, с. 12]. Развиваются программы государственной поддержки социальных предприятий в разных регионах, создаются официальные реестры социальных предпринимателей, организуются ассоциации единомышленников, целью которых является поддержка и развитие социального предпринимательства на конкретной территории. Одним из первых официальных реестров социальных предприятий был создан Министерством инвестиций, промышленности и науки Московской области и существует уже с 2020 года. С научной точки зрения сам феномен социального предпринимательства является новой, нераскрытой в полной мере и актуальной темой для исследований. Основной целью данной статьи является анализ определенных факторов и условий функционирования социальных предприятий Павлово-Посадского района, входящих в официальный «реестр социального предпринимательства» Московской области [3], а именно особые условия работы социальных предприятий в условиях пандемии COVID-19 и современных санкций Запада по отношению к экономике России. В процессе исследования особое внимание было уделено изменению поведения целевой аудитории данных предприятий в сложившейся ситуации и эффективности программ государственной поддержки социального бизнеса в регионе Московской области.

Содержание исследования

Автор придерживается концепции редукционизма, начиная изучения особенностей российского социального предпринимательства с исследований в небольших районных городах, опираясь на экспертное мнение В. Бариновой: «чтобы построить модель российского социального предпринимательства нужно начинать с изучения своеобразия данного феномена в регионах». [6]

Исследование заключалось в проведении глубинного интервью с бизнесменами городского округа Павловский Посад, предприятия которых входят в официальный реестр социального предпринимательства Московской области. Всего было проведено порядка 10 интервью. Гайд интервью был разделен на несколько блоков вопросов, среди которых были затронуты темы пользы от получения статуса социального предприятия, роли социального предпринимательства в экономической системе регионов, изменения функционирования социальных предприятий и потребительского поведения в условиях «ковидных» ограничений и западных санкций, а также эффективность программ государственной поддержки социального бизнеса.

Было выяснено, что самой распространенной формой деятельности социальных предпринимателей городского округа Павловский Посад является оказание образовательных слуг, их оказывает половина организаций опрошенных предпринимателей. Оставшиеся предприятия занимаются оказанием услуг по уходу за детьми, научно-исследовательской, производственной и физкультурно-оздоровительной деятельностью. Большинство социальных предприятий района имеют официальный статус социального предприятия всего лишь на протяжении первого года (8 из 10 опрошенных). В связи с тем, что сами предприятия функционировали до того момента, как их включили в реестр социальных предприятий Московской области (все 10 опрошенных, руководители проще сравнивать

работу предприятия до получения статуса и после. Большинство респондентов (7 из 10) объяснили, что отношение потребителей к предприятию изменяется в положительную сторону после того, как потребители узнают, что у предприятия есть статус «социального». Заметно возрастают лояльность клиентов и частота пользования услугами предприятия. Основной проблемой в этом ключе является не прямой доступ к информации о том, что предприятие является «социальным». Всего один респондент из десяти имеет приставку «социальное» в названии предприятия, когда остальные такой приставки не имеют. Им приходится ненавязчиво предоставлять эту информацию непосредственно каждому клиенту, либо клиент сам узнает об этом статусе исходя из льготных цен (образовательные центры) или особенностей продукции предприятия (производство изделий народного промысла). По словам тех, кто не имеет приставку «социальное» в названии предприятия работают над этим вопросом, так как после получения статуса не успели внести коррективы в название, так же есть часть респондентов, которые эти коррективы вносить не хотят, в связи с тем, что, по их мнению, это «портит эстетику названия» (2 из 10) или даже похоже на «отголоски Советского Союза» (1 из 10).

Особенно интересным является тот факт, что официальное закрепление статуса социального предприятия и формирование первого реестра социальных предприятий Московской области выпал на период пандемии COVID-19 летом 2020 года, а к тому же в настоящей ситуации вся экономическая система России терпит серьезный прессинг со стороны стран Запада в виде экономических санкций. Получается, что официальное существование социального предпринимательства пришлось на сложный трансформационный период.

Все десять респондентов утверждают, что им пришлось подстраиваться под постоянно меняющиеся условия работы. В период пандемии были вынуж-

дены закрыться четыре предприятия из десяти, среди которых предприятия по уходу за детьми, производство изделий народного промысла и социальный банный комплекс. Остальные продолжили работать в режиме онлайн или с соблюдением всех требований Роспотребнадзора [8]. После снятия «ковидных» ограничений все предприятия вернулись к обычному режиму работы и продолжают успешно функционировать.

Следующим серьезным вызовом для отечественных предпринимателей стали современные экономические санкции стран Запада. На фоне повсеместного увеличения продовольственных цен 9 респондентов утверждают, что спрос на их услуги остался неизменным, а у одного из респондентов (руководитель социального банного комплекса) спрос даже возрос. Он это объясняет увеличением цен на альтернативные виды проведения досуга, например, бары и рестораны, при том условии, что цены на услуги банного комплекса тоже возросли, но заметно меньше чем у «не социальных» конкурентов. К тому же, по его словам, лояльность посетителей возрастает, когда они понимают суть социального бизнеса (банный комплекс предоставляет услуги по льготным ценам социально незащищенным слоям населения). На базе банного комплекса даже организовываются неформальные сообщества клиентов, которые периодически обновляются составом участников. По мнению руководителя банного комплекса, посетителям приятно, что заведение несет социальную нагрузку, заботясь о досуге социально незащищенных слоев населения.

По мнению всех респондентов, экономические ограничения западных стран способствуют развитию социальных предприятий, так как все предприятия (10 из 10 респондентов) ориентированные на местных потребителей и используют отечественные ресурсы для создания собственного продукта.

По словам самих предпринимателей с 2020 года Министерством инве-

стиций, промышленности и науки МО оказываются меры поддержки социальным предприятиям из официального реестра. На данный момент таких форм две: финансовые и образовательные. Образовательные заключаются в привлечении социальных предпринимателей к обучению на бесплатных курсах от Министерства, финансовые в получении грантов и субсидий на развитие бизнеса. В Павлово-Посадском городском округе воспользовались бесплатными образовательными услугами семь руководителей социальных предприятий из десяти. Шестеро из прошедших курсы получили финансовую поддержку в размере от 100 тыс. рублей до 500 тыс. рублей на развитие бизнеса. Прохождение образовательных курсов было одним из обязательных условий получения финансовых выплат. Исходя из ответов предпринимателей в ходе интервью процесс получения был не сложным и «без лишней бюрократии». Каждый получивший финансовую выплату положительно высказывался об условиях получения такого рода поддержки, основные из которых: финансовый контроль на целевые траты средств предпринимателем со стороны Министерства инвестиций, промышленности и науки МО, а также получение статуса социального предприятия на протяжении последующих трех лет с момента получения выплаты. Каждый субъект социального предпринимательства, входящий в официальный реестр московской области, должен продлевать этот статус каждый год, подавая специальный пакет документов [7].

Предприниматели, которые не принимали участия в образовательных курсах с последующим получением финансовых выплат обосновали это отсутствием свободного времени для обучения, но с большей вероятностью будут участвовать в этой акции в следующий раз.

Выводы

Социальное предпринимательство как вид экономической деятельности остается новым для России, но его активное

развитие не может быть проигнорировано со стороны научного сообщества. Изучение самобытности российского социально ориентированного бизнеса будет способствовать его развитию и образованию новых институтов поддержки. Социальное предпринимательство полезно как в экономическом, так и в социальном плане, повышает уровень жизни исключительно нуждающихся в этом граждан, решает острые социальные проблемы местного характера и дает возможность реализации новых экономических инициатив.

Социальные предприниматели – это особенная категория людей, деятельность которых видится интересным с точки зрения социологических исследований. Абсолютно уверенно можно заявить, что институт социального предпринимательства стремительно развивается в нашей стране, не смотря на всевозможные экономические и политические ограничения, а также пользуется активной поддержкой со стороны государственных органов.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2019 N 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие».
2. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования [Текст] / отв. ред. А.А. Московская; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 321 с.
3. <https://mb.mosreg.ru/content/Реестр-социальных-предприятий> (01.04.2022)
4. Рождественская Н.В. Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив [Текст] / Н.В. Рождественская, С.Б. Богуславская, О.С. Боброва // Издательство Политехнического университета, 2016. – 255 с.
5. Зверева Н. Создание успешного социального предприятия // М.: Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», 2017. – 260 с.
6. Зарубежный опыт развития социального предпринимательства и возможность его применения в России / В. Баринаева – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – с. 100: ил. – (Научные труды / Ин-т экономической политики имени Е.Т. Гайдара; № 174Р). – ISBN 978–5–93255–532–3
7. https://invest.mosreg.ru/business_creation/razvitie-biznesa/socialnoe-predprinimatelstvo (01.04.2022)
8. <http://23.rosпотреbnadzor.ru/content/427/51905/> (01.04.2022)

TRANSFORMATION OF THE MODEL OF RUSSIAN SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

Fedorinin N.M.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The rapidly transforming economy of modern Russia especially strongly actualizes the harmonious work of small and medium-sized businesses. Social entrepreneurship is an integral part of the Russian economic system and can act as a guarantor of the future prosperity of both the economy and the social policy of our state. In this regard, it seems necessary to have high-quality information about the current state of social enterprises, the features of their work in modern conditions, as well as the emerging barriers and problems in the process of life. Starting research from the regions, one can get a more detailed and structured model of Russian social entrepreneurship. This article is devoted to the study of social entrepreneurs of the district city of the Moscow region, the working conditions of their social enterprises and measures of state support.

Keywords: economic sociology, social entrepreneurship, small and medium business, economic sanctions, social policy.

References

1. Federal Law No. 245-FZ of July 26, 2019 “On Amendments to the Federal Law

- "On the Development of Small and Medium-Sized Businesses in the Russian Federation" in terms of fixing the concepts of "social entrepreneurship", "social enterprise".
2. Social entrepreneurship in Russia and in the world: practice and research [Text] / ed. ed. A.A. Moskovskaya; National research University "Higher School of Economics". – M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2011. – 321 p.
  3. <https://mb.mosreg.ru/content/Register-of-social-enterprises> (01.04.2022)
  4. Rozhdestvenskaya N.V. Evaluation of the effectiveness of projects of non-profit organizations, social entrepreneurship and civil initiatives [Text] / N.V. Rozhdestvenskaya, S.B. Boguslavskaya, O.S. Bobrova // Polytechnic University Publishing House, 2016. – 255 p.
  5. Zvereva N. Creation of a successful social enterprise // M.: Fund for Regional Social Programs "Our Future", 2017. – 260 p.
  6. Foreign experience in the development of social entrepreneurship and the possibility of its application in Russia / V. Barinova – M.: Publishing House of In-ta Gaidar, 2018. – p. 100: ill. – (Scientific works / E.T. Gaidar Institute of Economic Policy; No. 174P). – ISBN 978-5-93255-532-3
  7. https://invest.mosreg.ru/business_creation/razvitie-biznesa/socialnoe-predprinimatelstvo (01.04.2022)
  8. <http://23.rospotrebnadzor.ru/content/427/51905/> (01.04.2022)

Концепция японского перфекционизма, управление качеством и создание бренда

Филясова Юлия Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: phill.yield@gmail.com

В статье рассматривается система управления персоналом, основанная на концепции перфекционизма *kodawari* и метода всеобщего менеджмента качества *kaizen*, с точки зрения теории социального действия М. Вебера. Перфекционизм находит выражение в стремлении менеджмента к максимальному соответствию идеальным представлениям потребителей о качестве производимой продукции для удержания конкурентных позиций организации. Воплощением перфекционизма является система менеджмента, нацеленная на максимальное удовлетворение запросов потребителей о качестве товаров и услуг и создание добавленной ценности. Всеобщий контроль качества означает максимальную степень вовлеченности всех категорий персонала в достижение высших стандартов по целевым показателям качества. Качество выступает центральным звеном теории социального действия – ценностью, которая ориентирует действия субъекта по достижению определенного результата (производителя) на объект социального действия (потребителя). Качество товаров и услуг определяет силу и устойчивость бренда, который складывается на основе всех показателей деятельности организации.

Ключевые слова: управление персоналом, социальное действие, кодавари, кайдзен, добавленная ценность, бережливое производство, брендинг, внутреннее организационное продвижение, социальный капитал.

Внешние экономические и социальные условия являются важным фактором, определяющим качество управления персоналом. Отсутствие внешней рыночной конкуренции, социального контроля над деятельностью организации, медленный экономический рост создают предпосылки для развития управленческой практики, нацеленной на эксплуатацию руководителями существующего бренда организации.

Целью данного исследования является изучение подходов к повышению эффективности управления персоналом на основе японской концепции перфекционизма и метода всеобщего управления качеством (*total quality management, TQM*) для создания и развития устойчивого бренда организации. Задачи исследования включают (1) анализ концепции японского перфекционизма личности; (2) рассмотрение концепта «качество» в теории социального действия; (3) изучение принципов управления персоналом на основе принципов TQM; (4) определение степени участия персонала в создании и развитии бренда организации. Объектом исследования являются действия руководителей, способствующие развитию и укреплению качества производимых товаров, услуг и бренда организации. Предмет исследования – система управления персоналом, основанная на принципе TQM и непрерывного совершенствования качества. Исследование проводилось на материале систем управления японских компаний Тойота, Хонда и Ниссан.

Кодавари, или японский перфекционизм личности

Концепция японского перфекционизма, или кодавари (*kodawari*), основана на постоянном личном стремлении к совершенству, внимании к деталям и ежедневном скрупулезном труде. Кодавари – это конструкт личности, устанавливающий

наивысшую цель, наивысший стандарт качества, превышающий известные существующие социально-экономические нормы и направляющий поведение личности на достижение цели [2]. Кодавари – это не поиск легких путей, а тщательное и ответственное выполнение задач, постоянный поиск лучших и наиболее эффективных решений. Японский перфекционизм – это непрерывное личное стремление к наилучшему результату и одновременное осознание того, что лучший результат – впереди.

Кодавари предполагает осознание гордости за достигнутые результаты, однако исключает желание похвастаться ими перед другими, т.к. достижения имеют личную ценность. Собственный труд и прилагаемые усилия – это то, что составляет смысл жизни каждого человека. Совершенство не может быть достигнуто на практике, но перфекционизм – это то, что наполняет каждое мгновение жизни человека смыслом. Кодавари отражает бесконечность стремления человека к достижению лучшего. Перфекционизм – это источник мотивации к созданию продуктов трудовой деятельности максимально лучшего качества, которое способен достичь человек.

Личная ответственность является единственным критерием оценки собственных усилий. Только сам человек знает, когда он старался больше всего. Именно результаты наивысших усилий, основанных на принципе перфекционизма, являются для него самыми ценными, составляют предмет личной гордости и выступают в качестве источника вдохновения для последующих достижений.

Кодавари дает уверенность в будущем; осознание того, что будущие достижения превзойдут достигнутые. Кодавари предполагает, что совершенство недостижимо, однако именно эта идея позволяет думать о жизни как о бесконечном континууме. Труд, основанный на принципе перфекционизма и предполагающий скрупулезное отношение к каждой мелочи и тщательное выполнение задач, меняет человека

к лучшему и позволяет ему стремиться к идеалу.

В организационной социально-трудовой среде перфекционизм определяет повеление работников, нацеленное на ответственное выполнение задач, достижение значимых результатов высшего качества, которые составляют предмет гордости и раскрывают потенциал их личности.

Управление качеством

Качество в теории социального действия

Перфекционизм реализуется через социальные действия. Термин «социальное действие» был предложен М. Вебером [14] для описания человеческой деятельности, выполняемой под влиянием общественных отношений: ожиданий, целей, взаимного влияния. Социальные действия характеризуются осознанностью, мотивированностью, целенаправленностью и волей. Элементами социального действия являются: субъект – лицо, выполняющее действие, объект – лицо, на которое направлено действие, средства выполнения действия и результат – ответная реакция объекта социального действия. Рассмотрим взаимосвязи между элементами на примере качества.

В философии «качество» определяется как набор свойств и характеристик вещи, которые отличают ее от других вещей, и имеет абсолютное свойство [4]. Однако в социально-экономической среде термин приобрел прикладное значение, соотносимое с понятием «полезность», обусловленное потребностями конечных пользователей или заказчиков, – а именно, *уровень качества*, который может иметь разную степень соответствия потребностям конечных потребителей. «Качество» и «уровень качества» взаимозаменяемы. «Качество» ассоциируется с высшей степенью удовлетворенности заказчика. Об *отсутствии качества* говорят, когда конечный продукт или услуга не соответствует ожиданиям потребителей, несмотря на то, что этот продукт все-таки имеет определенное *качество*. При этом между качеством и отсутствием качества выделяют степени или уровни с разной

степенью шкалирования, например, 5-, 10-, 100-балльная шкалы определения качества; различают высокое, среднее, низкое качество. Таким образом, в прикладном значении качество обладает относительностью; высокое качество является ценностью.

Деятельность субъектов социального действия, реализующих выпуск товаров и услуг, определяется интересами, потребностями, ожиданиями и запросами объектов социального действия – покупателями и потребителями. Результат социального действия, выполненного субъектом, является отражением ожиданий и потребностей объекта. Результат социальных действий по производству товаров и услуг зависит от средств, методов и способов выполнения социальных действий по производству благ. К числу способов социального действия следует отнести менеджмент, в самом широком смысле, или организацию производства, которая обеспечивает качество выпускаемой продукции или услуг. Дополнительно, в организационной среде существует специальный отдел, занимающийся контролем качества на производстве.

В социально-экономическом контексте качество является такой категорией, которая определяет отношения между субъектом и объектом: социальные действия субъекта (производителя) нацелены на достижение удовлетворенности объекта (потребителя). Ожидания потребителей представляют собой идеальный образ товара или услуги; готовая продукция – материальное воплощение идеала. Чем выше конкуренция в определенной экономической отрасли, тем в большей степени цель субъектов ориентирована на удовлетворение потребностей объектов социального действия. Материальное воплощение идеального образа невозможно; стремление к его максимально приближенной реализации бесконечно. Перфекционизм – это непрерывное стремление производителя к максимально точному воплощению идеального представления потребителя о товаре или услуге.

Уровень качества, с экономической позиции, коррелирует с добавленной ценностью, которая образуется в процессе преобразования сырьевых материалов в готовую продукцию. Добавленная ценность тем выше, чем ближе создаваемый продукт к запросам потребителей. Высокая ценность определяется многими факторами, такими как характеристики исходных материалов, квалификация исполнителей, менеджмент организации, подходы, методы и способы организации труда, система контроля использования ресурсов и исполнения заказов. При строгом соблюдении принципов экономической целесообразности, рациональности и при равных условиях внешней среды, чем выше добавленная ценность, тем лучше качество изготавливаемой продукции.

Управление персоналом, нацеленное на высокое качество

Высокое качество производимых товаров и услуг достигается в условиях жесткой рыночной конкуренции, ограниченных ресурсов и экономической необходимости в получении прибыли [9]. В области управления персоналом главными условиями достижения высокого качества товаров и услуг являются эффективная система менеджмента, высокий уровень квалификации персонала и высокая степень удовлетворенности работников результатами своего труда.

Рассмотрим систему управления персоналом, обеспечивающую высокое качество производимой продукции на примере комплексного управления качеством TQM компаний Тойота, Хонда и Ниссан, опирающуюся на принципы философии кайдзен (kaizen). Концепция японского перфекционизма предполагает активную включенность работников в социально-экономические отношения. Именно в социально-трудовой среде человек имеет возможность реализовать свои личностные и профессиональные качества.

Некоторые руководители ошибочно полагают, что качество – это ответственность рядовых работников и тех линейных менеджеров, которые за-

действованы в специальном отделе по управлению качеством. На практике система TQM внедряется действиями руководителей организации [5]. Менеджмент качества ассоциируется, в первую очередь, с руководителями высшего уровня и означает демонстрацию ими личного примера подчиненным. Прежде чем предъявлять высокие стандарты работникам, руководители определяют целевые показатели, которые они ожидают получить от своих подчиненных, и создают условия для достижения поставленных целей. Системный подход к управлению качеством создает атмосферу доверия и уважения к менеджменту организации среди работников. Внедрение системы всеобщего управления качеством в условиях доверия и уважения происходит гораздо эффективнее, в том числе с меньшими временными затратами. Именно руководители организации демонстрируют личную ответственность, дисциплину, ежедневный труд, высокую самоотдачу делу, целеустремленность, направляют подчиненных к достижению целей на основе собственного опыта, экспертных знаний и профессиональных навыков. Активная включенность руководителей организации в достижение корпоративных целей обеспечивает условия участия каждого работника для достижения целей организации и высокого качества выполнения рабочих обязанностей, которое приводит к высоким производственным и финансовым результатам организации. Качество начинается с лидера компании, определяющего философию управления и нацеленного на создание продукции высокого качества по доступной цене, которая может удовлетворить потребности любого покупателя [12].

Принципы управления персоналом, ориентированные на достижение высокого качества производимых товаров и услуг, включают [8]:

1. устранение неравномерного графика работы служащих для обеспечения баланса между работой и свободным временем;
2. наделение работников полномочиями для предложения инициативы по улучшению качества бизнес-процессов;
3. регулярный пересмотр рабочих процедур и производственных процессов с целью устранения недочетов, ошибок и повышения качества их выполнения;
4. внутреннее продвижение на основе объективной оценки результативности и учета достижений;
5. развитие института лидерства на основе компетентности сотрудников и выдающихся результатов деятельности;
6. формирование кроссфункциональных рабочих групп для обмена лучшими практиками и повышения качества функционирования организации;
7. тесное сотрудничество менеджеров и работников для улучшения качества производимых товаров и услуг;
8. принятие стратегических, тактических и оперативных решений на основе совместных групповых обсуждений целей и задач с участием различных категорий персонала;
9. создание культуры непрерывного обучения, внедрения инноваций и стандартизации успешных практик.

Долгосрочное планирование, рассчитанное на пятилетний период, рассматривается как преимущество, т.к. позволяет устранять дефекты и ошибки на этапе создания чертежей, а не в процессе изготовления продукции. Проактивный подход к устранению неполадок сокращает расходы на потери производства. Каждый этап изготовления сопровождается проверкой качества целой командой исполнителей – инженерами, менеджерами по качеству, поставщиками и специалистами. Проверке подвергаются проблемные участки, методологические ошибки, возможные технические неполадки, навыки и квалификация работников – с точки зрения соответствия требованиям изготовления новой модели или услуги. В случае необходимости предлагаются решения

по разработке нового оборудования или методов производства [10]. В ходе тестирования происходит обучение служащих новым способам и приемам использования нового оборудования. Тем не менее, всегда остается угроза возникновения технических сбоев и недостаточно устойчивых навыков работников. После окончательной проверки производственной линии для новой модели, процесс изготовления автоматизируется. Новая модель может во многом совпадать с текущей серийной линией. Циклическая модель основана на идее перфекционизма и предполагает бесконечное повторение этапов контроля качества: при возникновении неполадок специалисты по управлению качеством выясняют способы сокращения потерь и оптимизации времени производства. Управление качеством означает вовлечение всех категорий персонала в создание моделей и подходов к изготовлению продукции.

Профилактика дефектов считается более рациональным способом производства, чем исправление бракованных изделий, т.к. повышает производительность оборудования и приводит к более высокому качеству продукции. Качество для работника ассоциируется с удовлетворенностью своим трудом и гордостью достигнутыми результатами [3]. Корневым аспектом проактивного подхода, обеспечивающего экономическую эффективность, является регулярное систематическое обучение персонала, которое позволяет избегать простоев и отрыва работников от производства, неизбежных при традиционном подходе [13]. Включенное обучение позволяет сокращать количество ошибок и непрерывно повышать качество, наращивая объемы производства и эффективность выполнения задач. В течение дня один и тот же работник занят над изготовлением как внедренной в производство, так и новой модели. Для предотвращения усталости осуществляется ротация специалистов на нескольких сборочных площадках. Смена длится не более двух часов, т.к. усталость из-за однообразия

функций приводит к снижению качества выполняемой продукции и появлению ошибок. На каждой производственной линии составляется ежедневная норма выработки. Система автоматического учета ежедневно показывает соотношение запланированной нормы и фактических результатов. Отношение показателей показывает достижение, перевыполнение и невыполнение нормы. Информация о дефектах вносится в программу, которая также ежедневно отслеживает качество работы каждого сотрудника. Мониторинговые показатели являются мотивирующим механизмом для работников и основанием для назначения стимулирующих выплат.

Коммуникация является эффективным средством поддержания высокого качества продукции. Каждая смена начинается с обсуждения вопросов качества, которые возникали в предыдущей смене. Ежедневно проводятся собрания по обсуждению качества на разных уровнях с целью непрерывного мониторинга процессов, установления доли дефектов в готовой продукции и выявления негативных закономерностей [7]. Менеджеры по качеству предлагают идеи и решения по улучшению качества продукции. Поставщики также активно вовлечены в управление качеством: на основе спецификаций компании они поставляют материалы необходимого качества. Ответственность и добросовестность поставщиков определяет долгосрочные отношения с компанией-производителем.

Сопоставление системы управления, демонстрирующей признаки удовлетворенности текущим положением организации, с одной стороны, и менеджмента качества, с другой стороны, показывает, что управление качеством предполагает активное участие руководителей в создании ценности (табл. 1).

Таблица 1. Деятельность менеджмента по управлению персоналом

Не ориентированная на качество	Нацеленная на качество
• бездействие	• активность

Окончание

Не ориентированная на качество	Нацеленная на качество
<ul style="list-style-type: none"> • удовлетворенность текущим положением дел 	<ul style="list-style-type: none"> • стремление к улучшению бизнес-процессов
<ul style="list-style-type: none"> • планирование максимального извлечения прибыли на основе существующей системы управления 	<ul style="list-style-type: none"> • планирование совершенствования системы управления
<ul style="list-style-type: none"> • отстранение работников от системы менеджмента организации 	<ul style="list-style-type: none"> • вовлечение работников в разработку и реализацию планов по повышению качества
<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие обучения и развития персонала 	<ul style="list-style-type: none"> • обучение и развитие персонала
<ul style="list-style-type: none"> • создание условий для низкой профессиональной самооценки работников 	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечение условий для удовлетворенности работников своим трудом и достижениями
<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие мотивирующей системы оплаты труда, выплата минимального оклада 	<ul style="list-style-type: none"> • внедрение мотивационной системы, дифференцированная система оплаты труда
<ul style="list-style-type: none"> • поощрение безынициативности и бездействия персонала и работников 	<ul style="list-style-type: none"> • стимулирование активности и инициативности персонала и работников

Источник: составлено автором

Создание бренда

Как было сказано выше, согласно теории социального действия М. Вебера, результат – это ответная реакция объекта социального действия на активность субъекта. Готовую продукцию можно рассматривать как результат социального действия субъекта (производителя), а покупательские предпочтения – как ответную реакцию объекта социального действия (потребителя). Популярность и устойчивость бренда опираются на качество производимых товаров и услуг. Агрессивный маркетинг может достичь только кратковременных преимуществ, которые быстро теряют силу, если обещания бренда не соответствуют ожиданиям потребителей [6]. Бренд – это не просто торговая марка, а репутация и образ компании, с которыми ассоциируется торговая марка в сознании потребителей. Для создания бренда важны имидж руководителей, знания о системе производства, финансовые результаты

компании, удовлетворенность служащих, условия труда, дополнительные эмоциональные ассоциации с компанией и корпоративная социальная ответственность. Для создания сильного бренда необходимы систематические, комплексные, объективные, точные и тщательные исследования по выявлению потребительских предпочтений. Исследование потребительского спроса включает практически все области деятельности организации – производство, научные исследования и разработки, маркетинг, менеджмент, финансы и др. Несомненно, бренд обладает не только экономическими, но и социальными свойствами [1], однако товар или услуга, имеющие желательные для потребителей качества, безусловно, являются ценными для потребителя.

Создание бренда возможно благодаря регулярным контактам с потребителями. Так, например, в компании Тойота знание спроса на создаваемую продукцию позволяет реализовать производство без излишних запасов на основе вытягивающей стратегии (pull strategy), обеспечивая доставку материалов в необходимом объеме в нужный производственный участок в определенное время (just in time). Технология точно вовремя сокращает объем запасов, доработку, исправления, идентификацию дефектов и повышение качества. Система поставки материалов точно вовремя предоставляет возможность картирования потока создания ценности [8], которая позволяет регулировать объем производства и выпуск моделей согласно вариативности покупательского спроса. В конечном итоге, знание интересов потребителей сокращает затраты на производство и способствует повышению экономичности изделий, являющейся дополнительным конкурентным преимуществом. Качество продукции и конкурентная стоимость производства товаров и услуг составляют преимущества бренда, которые формируют доверие и способствуют увеличению его ценности.

Управление персоналом, ориентированное на создание бренда, тесно связано с внутренним организацион-

ным продвижением (PR) товаров и услуг. Фактически, создание бренда начинается с формирования образа компании в глазах сотрудников, которые, будучи внутренними агентами организации, транслируют этот образ во внешнюю среду [11]. Методы управления персоналом направлены на формирование стандартов поведения служащих и нормы корпоративной культуры, являющихся частью общего имиджа компании. Социальный капитал, характеризующийся отношениями между работниками, характером коммуникаций, а также организационная культура в целом составляет определенную долю ценности в общей стоимости компании. Методы внутреннего PR, среди прочих, включают мероприятия по сплочению команд, тренинги, организацию курсов повышения квалификации, собеседования, проведение коллективных мероприятий, создание рекламных продуктов с участием сотрудников компании, распространение продукции компании среди сотрудников, проведение встреч с работниками по разъяснению миссии, стратегий, целей и достижений компании, распространение информации о карьерных перспективах внутри компании, социальных гарантиях и кадровых передвижениях, публикацию информации о сотрудниках и их достижениях в СМИ.

Необходимость создания товаров и услуг высокого качества возникает под влиянием жесткой конкуренции, которая создает условия для организации производственных систем, нацеленных на удовлетворение запросов и интересов потребителей (pull strategy). Вектор качества определяется руководителями организации, которые реализуют менеджмент качества на всех ступенях производства (kaizen) путем активного включения каждого работника в достижение лучших результатов. Стремление к постоянному совершенствованию качества производства, основанное на концепции японского перфекционизма (kodawari), продиктовано необходимостью соответствия идеальному образу готовой продукции в сознании

потребителей. Перфекционизм предполагает постановку высоких целей, превышающих известные стандарты. Перфекционизм менеджмента организации транслируется сотрудникам и воплощается в активном вовлечении каждого служащего в процесс непрерывного повышения качества производимых товаров и услуг для удержания конкурентных позиций. Идеи качества материализуются в производимых товарах и услугах, которые подвергаются оценке и сравнению потребителями с товарами и услугами конкурентов. Восприятие высокого качества способствует созданию сильного устойчивого бренда. Создание бренда – это процесс максимальной вовлеченности всех агентов коммуникации в производство продукции и нацеленность на соответствие высшим стандартам качества. Изучение TQM представляет практическую ценность в различных отраслях. Дальнейшие исследования помогут установить связи между управленческими подходами и перфекционизмом сотрудников, между вкладом каждого работника в результативность организации.

Литература

1. Balmer J.M.T., Podnar K. Corporate brand orientation: Identity, internal images, and corporate identification matters // *Journal of Business Research*, 2021, vol. 134, pp. 729–737. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.06.016
2. Das S. The Japanese philosophy of “Kodawari” – Great minds think alike. 2021. [Electronic Resource]. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/japanese-philosophy-kodawari-great-minds-think-alike-swarup-das> (accessed 15.01.2022)
3. Deming W.E. *Out of the crisis*. MIT Press edition, 2000. 658 p.
4. Hegel G.W.F. *Lectures on the Philosophy of Religion*. New York: Humanities Press, 1974.
5. Imai M. *Gemba Kaizen: A Common-sense. Low-Cost Approach to Management*. McGraw-Hill Publishing Company, 1997.

6. Mangano M.F. A marketing approach to evaluation: Four lessons for evaluators from the Honda Motor Company // *Evaluation and Program Planning*, 1992, vol. 15, iss. 3, pp. 233–237. DOI: 10.1016/0149–7189(92)90086-A
7. Mikami K., Ikegami J., Bird A. Opportunism and trust in cross-national lateral collaboration: the Renault-Nissan Alliance and a theory of equity-trust // *Journal of World Business*, 2022, vol. 57, iss. 3, 101286. DOI: 10.1016/j.jwb.2021.101286
8. Paladugu B.S.K., Grau D. Toyota production system – monitoring construction work progress with lean principles // *Encyclopedia of RSM*, 2020, pp. 560–565.
9. Phan A.C., Abdallah A.B., Matsui Y. Quality management practices and competitive performance: Empirical evidence from Japanese manufacturing companies // *International Journal of Production Economics*, 2011, vol. 133, iss. 2, pp. 518–529. DOI: 10.1016/j.ijpe.2011.01.024
10. Pohl H., Yarime M. Integrating innovation system and management concepts: The development of electric and hybrid electric vehicles in Japan // *Technological Forecasting and Social Change*, 2012, vol. 79, iss. 8, pp. 1431–1446. DOI: 10.1016/j.techfore.2012.04.012
11. Smudde P.M. Internal public relations' role with workplace, spirituality, and religion // *Public Relations Review*, 2021, vol. 47, iss. 5. 102121. DOI: 10.1016/j.pubrev.2021.102121.
12. *The Honda Book of Management* / by R.F. Hicks, D. Bone, Kogan Page, London. 1991, 121 p.
13. Toma S.-G., Marinescu P. Global Strategy: The Case of Nissan Motor Company // *Procedia Economics and Finance*, 2013, vol. 6, pp. 418–423. DOI: 10.1016/S2212–5671(13)00157–3
14. Weber M. Basic Sociological Concepts. In: *Economy and Society*: Harvard University Press, 2019, pp. 77–138. DOI: 10.4159/9780674240827–004

THE CONCEPT OF JAPANESE PERFECTIONISM, QUALITY MANAGEMENT AND BRAND DEVELOPMENT

Filyasova Yu.A.

Candidate of Philological Sciences, Department of English Philology and Translation, Saint-Petersburg State University of Economics

The article considers the system of personnel management based in the concept of perfectionism 'kodawari' and total quality management 'kaizen', in terms of the theory of social action by M. Weber. Perfectionism is expressed as the management striving to meet the ideals of end-users about produced goods and services for maintaining competitive advantages of the organization. The management system, aimed at a maximum satisfaction of consumer requirements for the quality of goods and services, as well as value added creation, is seen as the embodiment of perfectionism. The total quality management system implies the highest degree of involvement of all categories of employees into the achievement of top-tier standards upon all target quality indicators. Quality is viewed as the central component in the action theory – as the value that determines the actions of the subject (manufacturer), aimed at reaching a certain result, onto the object (consumer). The quality of goods and services directly influences the strength and sustainability of the brand which is based on all organization performance indicators.

Keywords: personnel management, kodawari, kaizen, value added, lean production, branding, internal organizational PR, social capital.

References

1. Balmer J.M.T., Podnar K. Corporate brand orientation: Identity, internal images, and corporate identification matters // *Journal of Business Research*, 2021, vol. 134, pp. 729–737. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.06.016
2. Das S. The Japanese philosophy of “Kodawari” – Great minds think alike. 2021. [Electronic Resource]. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/japanese-philosophy-kodawari-great-minds-think-alike-swarup-das> (accessed 15.01.2022)
3. Deming W.E. *Out of the crisis*. MIT Press edition, 2000. 658 p.
4. Hegel G.W.F. *Lectures on the Philosophy of Religion*. New York: Humanities Press, 1974.

5. Imai M. Gemba Kaizen: A Commonsense. Low-Cost Approach to Management. McGraw-Hill Publishing Company, 1997.
6. Mangano M.F. A marketing approach to evaluation: Four lessons for evaluators from the Honda Motor Company // *Evaluation and Program Planning*, 1992, vol. 15, iss. 3, pp. 233–237. DOI: 10.1016/0149–7189(92)90086-A
7. Mikami K., Ikegami J., Bird A. Opportunism and trust in cross-national lateral collaboration: the Renault-Nissan Alliance and a theory of equity-trust // *Journal of World Business*, 2022, vol. 57, iss. 3, 101286. DOI: 10.1016/j.jwb.2021.101286
8. Paladugu B.S.K., Grau D. Toyota production system – monitoring construction work progress with lean principles // *Encyclopedia of RSM*, 2020, pp. 560–565.
9. Phan A.C., Abdallah A.B., Matsui Y. Quality management practices and competitive performance: Empirical evidence from Japanese manufacturing companies // *International Journal of Production Economics*, 2011, vol. 133, iss. 2, pp. 518–529. DOI: 10.1016/j.ijpe.2011.01.024
10. Pohl H., Yarime M. Integrating innovation system and management concepts: The development of electric and hybrid electric vehicles in Japan // *Technological Forecasting and Social Change*, 2012, vol. 79, iss. 8, pp. 1431–1446. DOI: 10.1016/j.techfore.2012.04.012
11. Smudde P.M. Internal public relations' role with workplace, spirituality, and religion // *Public Relations Review*, 2021, vol. 47, iss. 5. 102121. DOI: 10.1016/j.pubrev.2021.102121.
12. The Honda Book of Management / by R.F. Hicks, D. Bone, Kogan Page, London. 1991, 121 p.
13. Toma S.-G., Marinescu P. Global Strategy: The Case of Nissan Motor Company // *Procedia Economics and Finance*, 2013, vol. 6, pp. 418–423. DOI: 10.1016/S2212–5671(13)00157–3
14. Weber M. Basic Sociological Concepts. In: *Economy and Society*: Harvard University Press, 2019, pp. 77–138. DOI: 10.4159/9780674240827–004

Российский город в социальной эволюции: социологический взгляд

Баранова Лариса Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
E-mail: baranovalm@yandex.ru

Изучение города позволяет увидеть, исследовать и понять много из того, что было в прошлом и что происходит в мире сейчас. Города создавали цивилизации и современные государства. Строительство российских городов – их расцвет, величие, падение и забвение – это эволюция становления и укрепления российской цивилизации и российской государственности, институционализация во всех сферах, складывание сословной структуры, формирование особой ментальности российской культуры. Чаще всего российские города возникали по инициативе и под патронатом государства, которое выступало источником креатива и инициативы и формировало адекватные государственным целям механизмы социальной организации.

Ключевые слова: социология города, российский город, цивилизация, социальная эволюция, социальный институт.

Современная социальная наука определяет начало собственно истории с появлением примерно шесть тысяч лет назад в плодородных долинах полноводных рек первых цивилизаций, которые и стали таковыми благодаря построению и формированию важнейших социальных институтов, не существующих по отдельности: город и государство.

Э. Гидденс, современный классик социологической науки и автор теории структурации, известен социологам, особенно студентам всего мира, как автор универсального учебника. Описывая типологию общества в его динамике, он подчеркивает, что о социальных изменениях можно судить только определив, насколько изменились основные социальные институты. Он сравнивает существование человечества с минутами, которые отмеряют стрелки на циферблате часов. В этих быстротекущих минутах спрессованы десятки тысячелетий примитивного существования малочисленных кровнородственных общин, путем проб и ошибок, вырабатывающих социальные нормы коллективного существования, что позже, в классовых обществах, сложится в систему социального контроля. Земледельческие общества появились 12 тысяч лет назад, за четыре минуты до нуля часов, а цивилизации, которым не более 6 тысяч лет, возникли за три минуты до конца суток. Развитие же современных обществ (а это максимум последние 400 лет!) началось всего за полминуты до наступления следующего дня. [3. С. 48].

Всем понятный пример с расчерченным социальным временем, заложенным в последние минуты уходящего дня, – это метафора его ускорения, перманентной динамики социального бытия, центрами прогресса и инноваций которого навсегда стали города. Город – это некое географически опре-

деленное место, на котором пребывает сообщество людей, и они это место возделывают в соответствии со своим историческим временем и своей национальной культурой ради достижения и реализации общей цели.

Появление городов – это начало цивилизаций, которые формировались благодаря инновациям и креативу, исходившим из городов, но они существовали и сохраняли свою субстанциональность и предназначение только благодаря цивилизации; они не могут существовать сами по себе, изолированно, а только дополняя и обогащая друг друга. Всегда поворотные моменты в истории связаны с урбанистическими процессами и событиями.

Города как социокультурное явление, их численность и значимость всегда отражали тот социум, в котором они возникали и строились, реализуя насущные потребности. Со временем в этих поселениях складывалась особая форма совместного проживания, детерминированная уже не природными циклами, а внутренними, прагматичными и понятными только горожанам способами общения и взаимодействия, а также – свободного от работы времяпрепровождения. Среди тотально сельских немногочисленных поселений с аграрным образом жизни возникли анклав, отгородившие себя и заявившие тем самым, что они по-другому организуют свое совместное бытие. Крепостной вал, городские стены с закрывающимися на ночное время воротами проводили материальную, зримую границу, которую не каждому дано пересечь. Возведенное ограждение, кольцо стен воспринимались внешним символом разделения не просто сельского и городского населения, а указанием на то, что внутри этих стен – порядок и закон. Здесь складывается противоположный прежнему аграрному новый хозяйственный, сословный и корпоративный уклад жизни, со своими нормами и ценностями, особенно, в понимании личной свободы-несвободы. Не случайно, в русском (славянском) языке город означает ограждение; место проживания

людей отгорожено стенами, земляным валом, возможно и рвом, от остального пространства, от других (чужих) людей. Здесь быстрее проходили процессы де- и ресоциализации, статусно-сословного расслоения, институциональной активности, формирования новых социальных лифтов, а также культурной трансляции, и таким образом создавались благоприятные условия роста и развития, вырабатывались новые, далекие от патриархальных, ограничения и запреты, то есть иные формы социального контроля.

Изучение и осмысление города как локомотива всех цивилизационных процессов на протяжении тысячелетий – это актуальная мультикультурная тема для историков, социологов, культурологов XX–XXI вв. Урбанистическое знание зародилось в работах социальных мыслителей Европы: Ф. Энгельс, М. Вебер, Г. Зиммель, Чикагская школа городской социологии, во второй половине XX века – Л. Мамфорд, Ф. Бродель, Д. Харви, А. Лефевр, М. Кастельс, Р. Парк, Э. Соя, Р. Сеннет.

В середине XX века, особенно в послевоенное время во Франции, утверждается новое понимание истории как «синтетической» науки, изучающей общество не просто в событийном контексте, а с учетом экономических, географических, психологических, религиозных и иных компонентов. Наиболее значимым здесь является трехтомный труд историка Ф. Броделя «Материальная цивилизация. Экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» (первый том вышел в 1967 году, а все три – в 1979 году). Он – один из авторов концепции «глобальной истории»; в том числе много внимания уделяет городам и их роли в развитии цивилизаций. Ф. Бродель, изучая города в контексте структур повседневности, предлагает их типологию. «Говоря упрощенно, Запад в ходе своего исторического опыта знал три основных типа городов: города открытые, т.е. не отличавшиеся от своей округи и даже смешивающиеся с нею (А); города, замкнутые в себе, закрытые в самом точном значении этого сло-

ва, стены которых в гораздо большей степени определяли границы сущности, нежели владений (В); наконец, города, находившиеся под опекой, понимая под последней целую гамму известных форм подчинения государю и государству (С)». [1. С. 547].

Характеризуя эту типологию, он задается вопросом, а куда можно отнести русские города: в них не было открытости первого типа, при которой стирались границы между городом и близлежащими сельскими поселениями, как это было в античных греческих полисах и древних римских городах. Закрытый город особенно характерен для европейского Средневековья: он четко отделен крепостными сооружениями от сельских поселений, где валы со стенами – это граница свободы-несвободы для селянина. Так описывал средневековый город и М. Вебер, раскрывая социальный смысл крепостного кольца как символа: «городской дух делает человека свободным». Но и однозначно Ф. Бродель не относит русские города к типу городов, находящихся под опекой государства. Скорее, это промежуточное положение между А и С, и центральная власть в них сыграла решающую роль, если не в зарождении, то в укреплении и развитии. У него есть и более подробное описание русских городов с учетом их разбросанности, а потому разобщенности из-за огромных пространств: не только европейского, но и азиатского. [1. С. 554–555].

В России раньше, чем в социальной науке, городская тема сложилась как дискурс на страницах литературных произведений, описавших непростую повседневность столичных городов, в которой, как в капле воды, читались реалии российской жизни. «Маленький человек» (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь), «униженные и оскорбленные» (Ф.М. Достоевский), обитатели петербургских трущоб (В.В. Крестовский), простые москвичи (В.А. Гиляровский). Неожиданно эти представители низших сословий, деклассированные элементы, маргиналы и люмпены, если использовать современный социологический язык, ста-

ли объектом пока еще не научного интереса.

В отечественной социальной науке интерес к изучению города как субъекта и актора эволюционных процессов первыми проявили историки. Здесь особо значимым исследованием можно считать многотомный труд П.Н. Миллюкова «Очерки по истории русской культуры» (1896–1903). В столь основательном научном труде впервые тема города увязана с генезисом российской государственности и российской общественной институционализацией во всех сферах и складыванием сословной структуры. В советский период изучение города продолжалось, в первую очередь, в историческом контексте: город – административный центр, место проживания князя (царя) и его окружения, военной и управленческой элиты, что неизбежно делало его духовным религиозным центром, благодаря чему развивались книжная культура, архитектура, живопись.

Социологи позже историков обратились к городской тематике, что объясняется, в первую очередь, физическим отсутствием науки социологии на советском эпистемологическом пространстве почти 30 лет, до середины 50-х гг. XX века. К этому времени западная (европейская и американская) городская социология уже обрела свой академический статус и практическую востребованность. Один из основателей современной городской социологии в России архитектор и социолог О.Н. Яницкий предлагает рассматривать и оценивать отечественные исследования города в связке «градостроительный процесс-социология города». Он считает, что социология города в России находится в стадии становления, и на основе критерия «тип социального порядка» выделяет этапы эволюции идей о городе и городском пространстве. Но социологии как науки до 60-х гг. XX века в Советском Союзе не было, а градостроительство было, и потому в периодизации автора на всех этапах эволюции доминируют идеи градостроительные (сначала – они единственные). С при-

ходом «хрущевской оттепели» впервые появляются публикации по социологии города и впервые проводятся социологические исследования общественного мнения; это заслуга Б.А. Грушина. И только с 70-х гг. XX века начинает оформляться предметная область социологии города, где исследования городской среды далеко не всегда укладываются в обозначенную автором связку. [9. С. 119–125.].

В первую очередь социологи рассматривают и изучают город как архитектурно оформленное, целостное социокультурное пространство, как статусно-иерархизированную систему и как многофункциональный социальный (и политический) институт. С помощью базовых социологических понятий (стратификация, мобильность, социальный лифт, равенство/неравенство, социальная группа, статус, престиж, (ре-, де) социализация, агенты социализации, социальный институт, социальное взаимодействие, социальный контроль) можно посмотреть на процесс эволюции российских городов, используя, в первую очередь, работы историков, дающих огромный фактологический материал.

Существует немало определений города, в том числе, известное: город – это поселение вокруг действующего рынка, в качестве рабочего предложенное М. Вебером; он утверждал мысль о первичности торгово-ремесленного начала в формировании городов. В отечественной науке в советское время такая трактовка была распространенной: город – центр ремесла, торговли, позже и фабричного производства. Но город – это всегда и центр власти, потому здесь первичны административные функции, в том числе и военные, но субстанционально важны и интеллектуальные, культурно-идеологические, духовные. Краткий обзор трактовок дает В.П. Даркевич в статье «О некоторых спорных проблемах происхождения и развития древнерусских городов (X–XIII вв.)», но сам автор воздерживается от четких формулировок города, считая, что это помешает свободно и непредвзято по-

дойти к изучению города как сложного социокультурного явления. [5. С. 127].

Несмотря на торгово-ремесленные приоритеты в изучении города, в работах Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова и других уважаемых историков изложенный материал позволяет увидеть социально-политические и духовно-культурные процессы, которые, несомненно, существовали в социальном пространстве русских городов. Например, в известном труде М.Н. Тихомирова «Древнерусские города» (1956) есть главы: «Городское население», «Борьба за городские вольности», «Городские власти», «Городская культура». В них описываются процессы, которые современным научным языком называются социальная дифференциация (стратификация), а также – формирование институций городского самоуправления, гражданского общества, формы и процессы социального взаимодействия и мобильности в разносословной городской среде. Свои социальные позиции здесь занимало, активно участвуя в городских делах, и духовенство: белое, приходское, и черное, монашеское. [7. С. 138–232].

Если отталкиваться от убеждения М. Вебера и Г. Зиммеля, что город – это собрание изначально чужих людей, то очевидно, что им жизненно необходимо было наладить коммуникацию, если они собираются здесь жить. Чужие люди принадлежат к каким-то социальным группам, которые существуют на протяжении столетий (тысячелетий) в городах, не зависимо от времен и цивилизаций: это бюрократы, торговцы, ремесленники (рабочие), священнослужители; все они вынуждены и должны адаптироваться и договариваться ради сегодняшних и завтрашних собственных и общих целей. Эти социальные группы символизируют основные институты: государство, экономика (рынок, производство), религия; главное назначение которых – удовлетворение базовых потребностей горожан. Каждое сословие (социальная группа) выполняло свои институционально важные функции: политическая элита (власть) – принуж-

дение и защита, торговцы – коммуникация, социальный креатив и энергия, ремесленники (рабочие) – создание материальных ценностей. Особые социальные позиции занимали священники (жрецы); они воспроизводили социальность, сохраняя сакральность, единство коллективного сознания, на основе веры скрепляли, сплывали, вдохновляли горожан в трудные времена.

Город и государство предполагают и дополняют друг друга. Власть имманентна homo sapiens, но системно-институциональной она становится с появлением городов, где немногочисленная высокостатусная группа (элита) использует ее как для принуждения, так и для защиты. В России в антиномии «город – государство» приоритет, конечно, был у государства, в то время, как в Европе сложилось по-другому. Ф. Бродель, описывая своеобразие западноевропейских городов, пишет, что «города перехитрили государство», потому что они развивались как автономные миры и по-своему [1. С. 541]. О том же писал Л. Мамфорд, считавший, что города, передав созданное и накопленное, в конечном счете, объединились с государством. Российским городам «перехитрить» государство не получилось, о чем еще в XIX веке писал в своем труде П.Н. Милюков.

В России города основывались и строились не совсем так, как в Европе. В ранний период российской государственности города чаще всего начинались от княжеского замка (кремля), с расширением территорий в XVI–XVII вв., – от крепости. Так строились города засечной черты, и в срединных (защищенных) местах – как центры торговли и ремесла. С XVII века активно осваиваются обширные территории за Уралом; здесь часто города начинаются как военные поселения или пограничные посты, как остроги, и здесь складываются специфические формы коммуникации. Позже из них выростали города, которые выполняли непростую культурно-цивилизаторскую миссию. Благодаря реформам 1860-х гг. началось строительство новых индустриаль-

ных центров. В советский период – прорыв от России аграрной к России индустриальной, и локомотивами, вытянувшими страну «от сохи к машине», были, конечно, города. Но на всех этапах город как новый социальный институт создавался властью и развивался под патронатом государства, а исходящий креатив был вертикальным (инициативы, перемены и предпочтения).

Тем не менее, в российских городах, как и везде, складывалась своя культура бюргерства; то есть городская культура. Горожанам всегда были свойственны грамотность и широта кругозора по сравнению с сельскими жителями, они были искусными ремесленниками, строителями жилых домов и православных храмов, где становились прилежными прихожанами. Но была и специфика, связанная с тем, что в России даже в больших городах, жители наряду с основным занимались и сельскохозяйственным трудом, и потому сельский уклад как образ жизни и ментальности продолжал существовать, накладывая отпечаток на постройки, культуру, в целом, – на эстетику города.

В городском пространстве сформировались собственные ценности, как предпринимательские, так и коммуникативные, учитывающие нормы христианской морали. При этом формы и механизмы социальной организации не получили должного развития. В России государство обусловило социальную организованность своих подданных, подразумевающую доминирование государственно-принудительного начала над свободой выбора, невозможность складывания коммунальных сообществ и самоуправления. Российским городам не удалось стать ускорителями социального движения, в городском пространстве не сложились инновационные нормы и институты, которые формировали бы сферу частных интересов, не контролируемую непосредственно государством и потенциально ведущую к элементам гражданского общества. Так складывалось столетиями; благодаря московским великим князьям сформировалось в основе

своей абсолютистское Московское царство, где не было места автономным городам, все они подчинились центральной власти, а остатки новгородской вольницы были уничтожены в XVI веке. Но начальный период эволюции, становления российской государственности был иным.

В период единого Киевского княжества и последующей феодальной раздробленности, то есть в домонгольский период, горожане, особенно, в крупных городах активно вмешивались в политическую жизнь, что выражалось в борьбе за свои права (привилегии) с князьями, статус, а значит и власть которых еще не были столь прочными и легитимными, как в последующие за Куликовской победой времена. Привычным делом были ссоры горожан с князьями, недовольство их политикой и как следствие – даже городские восстания. Существовала практика приглашения на княжение, что свидетельствовало о поддержке кандидата, но она могла со временем преобразоваться в противоположное – изгнание. Наиболее известен пример Новгорода, где сложился принцип «вольности в князьях». Естественно звучали слова: «киевляне (новгородцы, псковичи...) «посадили» кого-то на княжение»; важнейшими аргументами в пользу приглашения были моральные качества претендента, его набожность и порядочность. Так призывали и Ярослава Мудрого, и Александра Невского, и Владимира Мономаха, и многих других.

Бурная социально-политическая жизнь в постсоветской России 90-х гг. XX века, ренессанс православия, идеологический плюрализм повлияли и на академическую науку, и на высшее образование. В атмосфере влияния либеральных идей возрождается и активизируется интерес к городской тематике: историки не оставляют эту тему, но более активно городскими проблемами заинтересовались социологи и культурологи. Торгово-ремесленные, любые хозяйственные детерминанты городской жизни воспринимаются как однобокие материалистические аргу-

менты, а потому недостаточные для полноценного научного познания. «Добавляются» духовные, в том числе религиозные, политические, в целом, культурные (цивилизационные) основания, и они анализируются как институциональные, системные начала. Новому ставятся акценты: город – это очеловеченное, социокультурное пространство, поле формирования особого мироощущения, самоосознания и патриотизма горожан на основе твердой православной веры. Складывается точка зрения, которая дискутирует с привычной, советской: город – это не княжеская вотчина, а прежде всего социальная организованность граждан. Такому критерию, и то в виде исключения, могут соответствовать Великий Новгород и Псков, в которых зародились органы самоуправления в виде посадничества и вече. Эти институты включали в социальную активность демос (купцы, ремесленники), которому нужны были определенные свободы для успешной профессиональной деятельности.

В новой России о «праве на город» («The Right to the City», так назвал свою книгу Д. Харви) заявляет и социология. Медленно, но все же формируется исследовательский интерес, например, к сугубо социологической теме социального неравенства в городском пространстве, в котором отражена статусно-иерархичная структура общества. Эта тема не была актуальной в советский период в идеологизированных общественных науках; изучать наличие и проявления социального неравенства в стране развитого социализма социология не могла. Социальное пространство города воспроизводится благодаря совершенствованию социальных отношений в социально-экономической, политической и культурной сферах, акторами которых являются социальные группы, занимающие определенные социальные позиции в статусно дифференцированном пространстве. Как в мегаполисах, так и в провинциальных городах, люди всегда селились, исходя из социальных различий, кото-

рые «читались» как по внешнему виду, так и по домам, в которых они жили и в каких районах города эти дома находились. В научный оборот вводится понятие «городская социальная сегрегация», пришедшее из западной социологии, оно используется для анализа социально-дифференцированного расселения как следствия социального неравенства. [8. С. 5–14].

Город – это всегда пространство истории, в котором люди физически расселяются неравномерно в конкретных местах – мегаполисы, большие, средние и малые города, сельские поселения, – внутри которых расселение социально дифференцировано; здесь зарождаются социальные процессы, складываются различные формы организации совместной жизни. Изучение этого социокультурного пространства, задаваемого временными и пространственными параметрами архитектуры и созданного трудом, разумом и эмоциями поколений горожан, – интересное и продуктивное направление социологического познания.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. 622 с. // Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. В 3-х тт. М.: Прогресс, 1986.
2. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное: Образ общества. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 323–468.
3. Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
4. Глазычев В.Л. Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 137–144.
5. Даркевич В.П. О некоторых спорных проблемах происхождения и развития древнерусских городов (X–XIII вв.) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 126–137.
6. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть первая. СПб. 1896.223 с.
7. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Гос. изд-во политич. литературы, 1956. 475 с.
8. Трущенко О.Е. Престиж центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. 112 с.
9. Янин В.Л. Истоки формирования «социальной традиции» русского города (Новгород как социальная структура) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 120–126.
10. Яницкий О.Н. История городской социологии в России: Эволюция идей // Социологический исследования. 2016. № 8. С. 117–126.

THE RUSSIAN CITY IN SOCIAL EVOLUTION: A SOCIOLOGICAL VIEW

Baranova L.M.

Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov

Exploring the city allows you to see, explore and understand a lot of what happened in the past and what is happening in the world now. Cities created civilizations and modern states. The construction of Russian cities – their heyday, greatness, fall and oblivion – is the evolution of the formation and strengthening of Russian civilization and Russian statehood, institutionalization in all spheres, the formation of a class structure, the formation of a special mentality of Russian culture. Most often, Russian cities arose on the initiative and under the patronage of the state, which acted as a source of creativity and initiative and formed mechanisms of social organization adequate to state goals.

Keywords. Sociology of the city, Russian city, civilization, social evolution, social institute.

References

1. Braudel F. Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries. Vol.1. 622 p. // Braudel F. Structures of everyday life: possible and impossible. In 3 volumes. М.: Progress, 1986.

2. Weber M. City // Weber M. Favorites: The Image of Society. St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2012. pp.323–468.
3. Giddens E. Sociology / With the participation of K. Birdsall: Translated from English. 2nd edition, completely revised. and add. M.: Editorial URSS, 2005. 632 p.
4. Glazychev V.L. The city of Russia on the threshold of urbanization // The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process. Moscow: Nauka, 1995. pp.137–144.
5. Darkevich V.P. About some controversial problems of the origin and development of ancient Russian cities (X–XIII centuries) // The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process. Moscow: Nauka, 1995. pp.126–137.
6. Milyukov P.N. Essays on the history of Russian culture. Part one. St. Petersburg, 1896. 223 p.
7. Tikhomirov M.N. Ancient Russian cities. M.: State Publishing House politich. literature, 1956. 475 p.
8. Trushchenko O.E. Prestige of the center: Urban social segregation in Moscow. Moscow: Socio-Logos, 1995. 112 p.
9. Yanin V.L. The origins of the formation of the “social tradition” of the Russian city (Novgorod as a social structure) // The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process. Moscow: Nauka, 1995. pp.120–126.
10. Yanitsky O.N. The history of urban sociology in Russia: The evolution of ideas // Sociological Research. 2016. No. 8. pp.117–126.

Воздействие музыкальной традиции раннего христианства на формирование практики применения современной музыки поклонения в протестантских богослужениях

Беломыцев Арсений Анатольевич,

аспирант кафедры философии им. А.Ф. Шишкина
МГИМО МИД России

E-mail: ar.a.belomytsev@my.mgimo.ru.

Предметом исследования является богослужебная музыка ранней христианской церкви в контексте интерпретации ряда ее особенностей в качестве исторических оснований, свидетельствующих о нравственной и стилиевой нейтральности секулярной музыки как основы жанра современной музыки поклонения. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении древнеиудейских и греко-римских музыкальных традиций, выступивших генетическим фундаментом музыкального оформления богослужений ранней христианской церкви. В результате исследования установлено, что на определенном этапе становления христианской церкви использование инструментальной музыки пресекается: причинами этому послужили невозможность воссоздания былой грандиозности храмовой службы, морально-этические представления ранних христиан, а также стойкая ассоциация музыкальных инструментов с греко-римской культовой практикой. Положения, изложенные в статье, призваны обозначить теоретические основания для дальнейшего изучения музыкальной традиции раннего христианства в контексте ее связи с современной музыкой поклонения.

Ключевые слова: современная музыка поклонения, богослужебная музыка, ранняя христианская церковь, древнеиудейская культовая музыка, античная культовая музыка.

На волне религиозного подъема в североамериканском протестантизме конца 1960-х – начала 1970-х годов появляется новое музыкальное явление, в дальнейшем получившее название «современная христианская музыка» (англ. «contemporary Christian music»). Жанр современной христианской музыки формируется на западном побережье Соединённых Штатов Америки (прежде всего, в Калифорнии) под влиянием миссионерской деятельности представителей Движения Иисуса, стремившихся выразить свое отношение к Богу с помощью современного, понятного широкому кругу верующих музыкального языка.

К концу 1970-х годов возникает разновидность современной христианской музыки, предназначенная для исполнения на богослужениях, – «современная музыка поклонения», также известная как «музыка поклонения и прославления» (англ. «contemporary worship music», «praise and worship music»). Под влиянием идеологии харизматических направлений и в противовес традиционному богослужению формируется современный богослужебный стиль, в котором «современная музыка поклонения» занимает ключевую роль. Использование новой музыки на богослужениях вступает в противоречие со сложившейся традицией, приводя к так называемым «войнам поклонения» («worship wars»).

Сторонники использования современной мирской музыки на богослужениях апеллируют к ветхозаветному храмовому служению, а также литургии ранней христианской церкви, утверждая нравственную и стилиевую нейтральность музыки (в том числе, инструментальной). В данной статье рассмотрены

исторические данные, свидетельствующие о влиянии религиозных и культурных традиций Средиземноморья на музыкальное сопровождение богослужений ранней христианской церкви.

С одной стороны, решающую роль в формировании музыки раннего христианства сыграла древнеиудейская культовая музыка, поскольку христиане из иудеев составляли (во всяком случае, на первых порах) подавляющее большинство ранних христиан [1]. Е.В. Герцман отмечает: «Подобно тому, как христианство зародилось в недрах иудаизма, так и христианская музыка начала свой путь от традиционных еврейских песнопений. Отсюда берут начало ее истоки» [2]. Т.Н. Ливанова пишет, что «раннехристианская музыка... унаследовала приемы псалмодии как особого рода речитации с мелодическими вступлением и заключением из ритуального древнеиудейского пения» [3]. А.А. Симушов в статье «Гимны в Новом Завете» замечает: «Что же касается христианства, то, хотим мы того или нет, оно возникло и развивалось в иудейской среде, в лоне еврейской веры и, как следствие, заимствовало многие формы и образцы иудейского богослужения. В результате гимны, создаваемые первыми христианами, оказались во многом вдохновлены ветхозаветными примерами. Они, фактически, подражали им и следовали их канонам» [4]. Таким образом, исследователи сходятся на том, что раннехристианская музыка является прямой наследницей древнеиудейской культовой музыки.

С другой стороны, значительное влияние на музыкальное оформление литургии ранней христианской церкви оказала греко-римская музыкальная традиция – раннехристианские общины развивались в самом центре данной культурной традиции и не могли не впитать определенные свойства греко-римской музыки.

Далее рассмотрим влияние на музыку раннего христианства каждой культурной традиции в отдельности.

Влияние музыкальной традиции иудеев на музыку раннего христианства

Здесь прежде всего необходимо отметить, что христианство естественным образом перенимает синагогальную музыкальную традицию, а не храмовую. Э. Фергюсон отмечает подход Иоанна Златоуста и других представителей антиохийской школы, объясняющей наличие ветхозаветной инструментальной практики и обосновывающей ее отсутствие ее в контексте Нового Завета: «Бог дозволил иудеям использовать инструментальную музыку, точно так же, как дозволил приносить в жертву животных, не потому, что желал этого, а в качестве переходной практики, чтобы привести народ от идолопоклонства к истинному духовному поклонению» [5].

Таким образом, использование инструментов, также, как и практика жертвоприношений, трактовалось Иоанном Златоустом как своеобразное промежуточное звено, «снисходительность Бога» к «детскому» этапу духовного становления: «Некоторые, принимая названия этих орудий в переносном смысле, говорят, что тимпан требует умерщвления нашей плоти, а псалтирь обращения к небу, потому что это последнее орудие приводится в движение сверху, а не снизу, как гусли. Но я сказал бы, что древние были руководимы этими орудиями по причине грубости души их и потому, что они недавно отстали от идолов. Подобно тому, как жертвоприношения, так и это Бог дозволил им из снисхождения к их немощи» [6].

Э. Фергюсон приводит перевод труда «Об исцелении языческих немощей» Феодорита Кирского: «Тому не из нужды в жертвах и не из жадности обонять благовоние заповедал им Бог принести жертву, но, чтобы исцелить болящих. Также дозволил он инструментальную музыку не потому, что восторгался гармонией, но, чтобы постепенно покончить с идольским обольщением. Ибо если бы предложил Он им совершенные законы немедленно после из-

бавления из Египта, то впали бы они в непокорство и разнузданность, и поспешили бы вернуться к прежнему немощному состоянию» [5].

Ранние христиане перенимают вокальную музыку, звучащую в современной им синагоге, относясь к отзвучавшей инструментальной музыке Храма как к пройденному, хотя и необходимому этапу, когда иудеи только учились «правильному» поклонению. Об этом пишет Иоанн Златоуст: «Как иудеям заповедано было славить Бога всеми музыкальными орудиями, так и нам повелевается славословить Его всеми членами: глазами, языком, слухом и руками. Это выражает Павел, когда говорит: «умоляю вас, братья, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12:1). Славит Его глаз, когда не смотрит бесстыдно; и язык, когда поет; и слух, когда не внимает срамным песням и клеветам на ближнего; и сердце, когда не строит козней, но источает любовь; и ноги, когда бегут не на совершение зла, а на исполнение добрых дел; и руки, когда простираются не на хищение, любостяжание и побои, а на милостыню, и защиту обижаемых. Тогда человек делается благозвучною псалтирью, вознося Богу самую стройную и духовную песнь. Те орудия были дозволены тогда иудеям, как по их немощи, так и для того, чтобы располагать их к любви и согласию, побуждать ум их исполнять с радостью то, что доставляет пользу, и таким услаждением души руководит их к большему усердию. Бог, зная их грубость, леность и беспечность, хотел таким мудрым распоряжением пробудить их от усыпления, облегчая труд продолжительной молитвы приятностью музыкального пения» [7].

Иоанну Златоусту вторит Феодорит Киррский: «Сии орудия употребляли древние левиты, в божественном храме песнослова Бога, не потому что звуком их услаждался Бог, но потому что угодно Ему было намерение, с каким совершалось сие» [8].

У Василия Великого мы также встречаем положительное отношение к пению псалмов на богослужении: «Дух Святый знал, что трудно вести род человеческий к добродетели и что, по склонности к удовольствию, мы не радеем о правом пути. Итак, что же Он делает? К учениям примешивает приятность сладкопения, чтобы вместе с усладительным и благозвучным для слуха принимали мы неприметным образом и то, что есть полезного в слове. Так и мудрые врачи, давая пить горькое лекарство имеющим к нему отвращение, нередко обмазывают чашу медом. На сей-то случай и изобретены для нас сии стройные песнопения псалмов, чтобы и дети возрастом или вообще не возмужавшие нравами по-видимому только пели их, а в действительности обучали свои души. Едва ли кто из простолудинов, особливо нерадивых, пойдет отсюда, удобно удержав в памяти апостольскую и пророческую заповедь, а стихи из псалмов и в домах поют, и на торжищах возглашают. И если бы кто, как зверь, расшвирипел от гнева, – как скоро усладится слух его псалмом, пойдет прочь, немедленно укротив в себе швирипость души сладкопением».

Таким образом, подобно тому, как христианская церковь возникла в среде иудаизма, христианская богослужбная музыка начала свой путь от культовых песнопений древних иудеев. Раннехристианская музыка испытала сильное религиозное и культурное влияние синагогального богослужения, которое становится основным со времен разрушения Второго Храма. Е.В. Герцман отмечает, что богослужение «стало намного скромнее: не было многочисленных певчих, распределенных по хорам, и инструментальных ансамблей... можно ли петь по-прежнему, когда храм Иеговы лежит в развалинах». Музыка христианского богослужения становится вокальной: «сладость» исполнения, присущая пению псалмов, объясняется Отцами Церкви как необходимое потворство человеческой слабости: пение без инструментов (ассоциируемых с практикой жертвоприношений)

рассматривается как средство, открывающее путь (пользуясь выражением Э. Фергюсона), к «рациональному молитвенному поклонению» [5]. Инструментальная музыка вытесняется: причиной этому послужила невозможность воссоздания былой грандиозности храмовой службы, а также морально-этические представления ранних христиан.

Влияние греко-римской музыкальной традиции на музыку раннего христианства

В Древней Греции и в Древнем Риме религия включала в себя определенную систему культовых действий – это находит свое выражение в сопровождающих религиозный культ магических действиях, в ритуалах и обрядах в честь богов и, наконец, в родившихся на основе культа мистериях, переросших в трагедию, которая на первых порах выступала в качестве особого рода общественно-акта, а впоследствии превратилась в развитую художественную форму [9]. В древней Греции это проявилось как в эпических сказаниях (пение и пляски под аккомпанемент форминкса наряду с игрой на авлосе упоминается в «Илиаде» [10] и «Одиссее» [11]), читавшихся нараспев и первоначально имевших инструментальное сопровождение, так и в сформировавшейся впоследствии религиозной лирике, которая также имела музыкальное выражение.

Исследования свидетельствуют о широком использовании музыкальных инструментов в сопровождении древнегреческого и древнеримского культа. С культом Аполлона была связана игра на форминксе и кифаре, с культом Диониса – ударные и духовые инструменты, причем наряду с пением под аккомпанемент музыкального сопровождения использовалась и собственно инструментальная музыка [12].

Христианство, обретая статус государственной религии Рима, старалось возвести непреодолимую стену между христианскими и языческими духовными ценностями. В это время скла-

дываются литургические чины, в связи с этим активно обсуждается вопрос о характере музыки, сопровождающей богослужение.

С особым ригоризмом Отцы Церкви выступали против использования инструментов на богослужении. Причиной этому послужило состояние греко-римской музыки, которая к началу нового тысячелетия деградировала в этическом плане и более не несла в себе характерного для музыкального мышления греков классического периода нравственного элемента, став выражением пустого стремления к виртуозности. Греко-римская музыка, ставшая к этому времени широко распространенной во всей Римской империи, все больше воспринималась современниками в качестве неизменной спутницы оргиастических празднеств, побуждающей к сладострастию и разврату.

Климент Александрийский пишет: «Кто часто отдается слушанию игры на флейтах, на струнных инструментах, кто участие принимает в хороводах, плясках, египетском битье в ладилы и тому подобном неприличном и легкомысленном препровождении времени, тот скоро доходит и до больших неприличий и разнузданности, переходит к шуму цимбалов и тимпанов, начинает неистовствовать на инструментах мечтательного культа. {...} Предоставим поэтому дудки пастухам, флейты – людям суеверным, спешающим за богослужение идольское; желаем мы полнейшего изгнания этих инструментов с наших трезвых общественных пиршеств; они приличны более скотам, чем людям; пусть пользуются ими люди глупые» [13]. Далее у Климента мы встречаем осуждение хроматической виртуозной музыки: «Искусство, выражающееся в переливах голоса по разным коленам, есть лживое искусство; влияет оно на развитие склонности к жизни бездеятельной и беспорядочной. Мелодиями же строгими и серьезными бесстыдство и дикое пьянство, напротив, предупреждаются в самом зародыше. Разнеживающие звуки музыки хроматической посему мы предоставим лю-

дям, устраивающим грязные кутежи, и гетерам, имеющим обязанность украшать себя всем цветным» [13].

Киприан Карфагенский следующим образом отзывался о греческой музыке: «Глазам он (т.е. дьявол) представляет соблазнительные образы и нетрудные забавы, чтобы посредством зрения подорвать целомудрие; привлекает ухо веселыми песнями, чтобы посредством слышания сладких звуков поколебать и ослабить христианскую силу [14]. Языческий культ (как эллинов, так и варваров) ассоциировался с игрой на инструментах. Кроме того, ранним христианам казались дикостью и иступленные телодвижения языческого культа. Трехчленная хорея (синкретическое слияние танца, музыки и слова) являлись составной и неотъемлемой частью культа: «В религиозном обряде важнейшую роль выполнял танец, и это, в свою очередь, также вызывало впоследствии удивление и непонимание христиан» [15].

У Иоанна Златоуста мы встречаем противопоставление инструментов песнопениям христиан: «Там – флейты, цитры и свирели; здесь – ни одной неприличной песни, – а что? – гимны и псалмопения; там воспеваются демоны, здесь – Бог, Владыка всяческих. Смотри, сколько благодарности здесь, и сколько непризнательности и бесчувственности там. Скажи мне: Бог напитал тебя Своими благами, и напившись, надобно бы благодарить Его; а ты вводишь демонов? Ведь под свирель распеваются песни демонам» [16].

Таким образом, христианские общины Рима, окруженные в целом ориентированной на использование музыкальных инструментов античной культурой, принципиально отказываются от использования инструментов, тем самым дистанцируясь от греко-римской музыкальной традиции. При этом мелодии христианских гимнов оказываются в мелодическом отношении схожими с традиционными греческими гимнодиями. При сравнении пифийской оды Пиндара (относящейся к V веку до н.э.), гимна Мезомеда (II век н.э.) и самого

раннего сохранившегося христианского песнопения – гимна из Оксиринха мы обнаруживаем схожие черты: силлабичность, некоторая чеканность в произнесении текста, строгость, движение по широким интервалам. Судя по имеющимся у нас данным, несмотря на отказ от инструментов, раннехристианская псалмодия сохраняла склад, характерный для греческой музыки V века до н.э.

Вопросом остается причина отказа ранних христиан от использования музыкальных инструментов. На ранних этапах своего становления христианство испытало мощное религиозное и культурное влияние синагогального богослужения, но окончательный разрыв с иудаизмом наступает уже достаточно скоро – в первой половине II века н.э. Возникает проблема, связанная с поиском причины столь бескомпромиссного противостояния ранних христиан использованию инструментов в богослужении.

В синагогальном богослужении после разрушения Иерусалимского Храма перестает звучать инструментальная музыка и используется лишь вокальная, сохраняя черты импровизационности и одностольности. Данный факт свидетельствует об пресечении традиции, что ставит под сомнение аргумент сторонников современной музыки поклонения, касающийся исторически обоснованного отношения к музыке как нейтральной в стилевом и нравственном отношении. Рассмотренные свидетельства позволяют утверждать, что на определенном этапе становления христианской церкви использование инструментальной музыки рассматривалось в качестве категорически неприемлемого (по меньшей мере, по причине устойчивой ассоциации с греко-римскими культовыми практиками).

Дальнейшая разработка и установление иных причин резкого ригоризма в отношении использования инструментальной музыки на богослужениях ранней христианской церкви является целью дальнейших исследований.

Литература

1. Грубер Р.И. История музыкальной культуры. М.-Л: Гос. муз. изд-во, 1941. С. 348.
2. Герцман Е.В. Гимн у истоков Нового Завета. Беседы о музыкальной жизни ранних христианских общин. – М.: Музыка, 1996. С. 341.
3. Ливанова Т.Н. История западно-европейской музыки. Том 1. М.-Л.: 1940. С. 28.
4. Симушов А.А. Гимны в Новом Завете. [Электронный ресурс] URL: <http://esxatos.com/files/simushovshtml> URL: <http://esxatos.com/files/simushovshtml> (дата обращения 25.02.2022).
5. Фергюсон Э. Музыка а капелла на публичном богослужении церкви. [Электронный ресурс] URL: <http://textarchive.ru/c-1519001-pall.html> (дата обращения 23.02.2022).
6. Св. Иоанн Златоуст. «Толкования на псалмы», Беседа 59 на псалом 149 [Электронный ресурс] URL: <http://predanie.ru/lib/book/68209/> (дата обращения 25.12.2021).
7. Св. Иоанн Златоуст. «Толкования на псалмы», Беседа 60 на псалом 150 [Электронный ресурс] URL: <http://predanie.ru/lib/book/68209/> (дата обращения 25.12.2021).
8. Феодорит Киррский «Толкование на сто пятьдесят псалмов» [Электронный ресурс] URL: http://azbyka.ru/otechnik/Feodorit_Kirskij/tolkovanie_na_sto_pjatdesat_psalmov (дата обращения 25.12.2021).
9. Бычков Ю.Н. Религиозные аспекты музыкальной культуры Древнего мира // Два слова о музыке древности. Лекции для студентов музыкальных вузов. М., 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://yuri317.narod.ru/st/ramkdm.htm> (дата обращения 12.01.2022).
10. Ὀμηρος. Ἰλιάδος. I, 603; IX, 186. [Электронный ресурс] URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0133%3Abook%3D1%3Acard%3D568> (дата обращения 07.01.2022).
11. Ὀμηρος. Οὐδύσσεια. XVII, 270. [Электронный ресурс] URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0135%3Abook%3D17%3Acard%3D247> (дата обращения 07.01.2022).
12. Кириллова А. Н., Беломыцев А.А. Смысловые осцилляции музыкального сопровождения античного культа как основания элементов метамодернизма в творчестве современных оперных режиссёров // Культура и искусство. 2021. № 8. С. 11–19.
13. Климент Александрийский. Педагог. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/pedagog/ (дата обращения 20.01.2022).
14. Киприан Карфагенский. О ревности и зависти. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Karfagenskij/o_revnosti_i_zavisti/psalмов (дата обращения 20.12.2021).
15. Герцман Е.В. Языческие и христианские музыкальные древности. СПб.: 2006. С. 66.
16. Иоанн Златоуст. Беседы на послание к Колоссянам. [Электронный ресурс] URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/zlatoust/tom_11_1/txt41.html (дата обращения 13.02.2022).

THE IMPACT OF THE MUSICAL TRADITION OF EARLY CHRISTIANITY ON THE DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY WORSHIP MUSIC IN PROTESTANT WORSHIP SERVICES

Belomytsev A.A.

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

The object of the study is the worship music of the early Christian church in the context of interpreting a number of its features as historical evidence of the moral and stylistic neutrality of secular music as the basis for the genre of contemporary worship music. The novelty of the study lies in the complex consideration of ancient Jewish and Greco-Roman musical traditions, which

acted as the genetic basis of the musical design of worship services of the early Christian church. The results of this study indicate that at a certain stage in the formation of the Christian Church the use of instrumental music is suppressed: the reasons for this were the impossibility to recreate the former grandiosity of the Temple service, the moral and ethical concepts of early Christians, as well as the persistent association of musical instruments with the Greco-Roman cult practice. The statements presented in the article are intended to outline theoretical grounds for further study of the musical tradition of early Christianity in the context of its connection with contemporary worship music.

Keywords: contemporary worship music, liturgical music, early Christian church, ancient Jewish worship music, ancient worship music.

References

1. Gruber R.I. History of musical culture. M.-L.: State. music publishing house, 1941. S. 348.
2. Gertsman E.V. Hymn at the origins of the New Testament. Conversations about the musical life of the early Christian communities. – M.: Music, 1996. C. 341.
3. Livanova T.N. History of Western European music. Volume 1. M.-L.: 1940. S. 28.
4. Simushov A.A. Hymns in the New Testament. [Electronic resource] URL: <http://esxatos.com/files/simushovshhtml> URL: <http://esxatos.com/files/simushovshhtml> (accessed 02.25.2022).
5. Ferguson E. Music a cappella in the public worship of the church. [Electronic resource] URL: <http://textarchive.ru/c-1519001-pall.html> (accessed 02/23/2022).
6. St. John Chrysostom. "Interpretations on Psalms", Conversation 59 on Psalm 149 [Electronic resource] URL: <http://predanie.ru/lib/book/68209/> (accessed 12/25/2021).
7. St. John Chrysostom. "Interpretations on Psalms", Conversation 60 on Psalm 150 [Electronic resource] URL: <http://predanie.ru/lib/book/68209/> (accessed 12/25/2021).
8. Theodorit Kirrsky "An Interpretation of One Hundred and Fifty Psalms" [Electronic resource] URL: http://azbyka.ru/otechnik/Fedorit_Kirskij/tolkovanie_na_sto_pjatdesat_psalmov (accessed 12/25/2021).
9. Bychkov Yu.N. Religious aspects of the musical culture of the Ancient World // Two words about the music of antiquity. Lectures for students of music universities. M., 2007. [Electronic resource] URL: <http://yuri317.narod.ru/st/ramkdm.htm> (accessed 12.01.2022).
10. Ὅμηρος. Ἰλιάδος. I, 603; IX, 186. [Electronic resource] URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0135%3Abook%3D1%3Acard%3D568> (accessed 01/07/2022).
11. Ὅμηρος. Οδύσσεια. XVII, 270. [Electronic resource] URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0135%3Abook%3D17%3Acard%3D247> (Accessed 01/07/2022).
12. Kirillova A. N., Belomytsev A.A. Semantic oscillations of the musical accompaniment of the ancient cult as the basis for the elements of metamodernism in the work of modern opera directors // Culture and Art. 2021. No. 8. P. 11–19.
13. Clement of Alexandria. Teacher. [Electronic resource] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/pedagog/ (accessed 20.01.2022).
14. Cyprian of Carthage. About jealousy and envy. [Electronic resource] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Karfagenskij/o_revnosti_i_zavisti/psalmov (accessed 12/20/2021).
15. Gertsman E.V. Pagan and Christian musical antiquities. St. Petersburg: 2006. S. 66.
16. John Chrysostom. Conversations on the Epistle to the Colossians. [Electronic resource] URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/zlatoust/tom_11_1/txt41.html (accessed 13.02.2022).

О ценности исследования антропологического детерминизма А.Л. Чижевского в связи с идеей активной эволюции

Звонова Екатерина Евгеньевна,

кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: inflammatu@yandex.ru

Наумов Александр Владимирович,

кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: AVNaumov@fa.ru

В статье обосновывается ценность изучения детерминистских воззрений А.Л. Чижевского на природу человека в связи с концепцией активной эволюции. Приведены аргументы в пользу того, что именно эта концепция является ключевой для русского космизма и обуславливает другие важные особенности соответствующего направления отечественной философии. Подчеркивается следующее: реализация активной эволюции предполагает наличие у человека свободной воли, а идея свободы, относительной автономии человеческого существа от окружающей среды имеет христианские корни. Показывается, что, придерживаясь детерминистской позиции в том числе и в отношении человеческой природы, А.Л. Чижевский отрицает свободу воли, рассматривая ее в качестве «метафизического предрасудка». В то же время как представитель русского космизма он склоняется к идее активной эволюции. Ставится вопрос о том, каким образом ученый сочетает отрицание человеческой свободы с воззрениями, предполагающими ее наличие. Обосновывается, что изучение детерминистских воззрений А.Л. Чижевского на сущность человека в связи с концепцией активной эволюции, прояснение парадоксов мировоззрения космиста может позволить выявить содержание мировоззренческих универсалий культур, которые исторически формировались под влиянием христианства.

Ключевые слова: А.Л. Чижевский, философская антропология, русский космизм, активная эволюция, детерминизм, свобода воли, мировоззренческие универсалии, христианство.

Данная статья посвящена обоснованию ценности изучения детерминистских воззрений А.Л. Чижевского на природу человека в свете концепции активной эволюции. Прежде чем перейти непосредственно к аргументации, рассмотрим причины, побудившие нас к подобному исследованию.

Отметим, что мы разделяем точку зрения С.Г. Семёновой и А.Г. Гачевой в том, что касается демаркации русского космизма: «Избежать неправомерно и безмерного расширения этого философского течения можно, если сразу же обозначить принципиально новое качество мироотношения, которое является определяющей его генетической чертой. Это идея активной эволюции, т.е. необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство, берет, так сказать, штурвал эволюции в свои руки. Поэтому возможно точнее будет определить это направление не столько как космическое, а как активно-эволюционное».[7, с. 4] Действительно, такой подход к русскому космизму наиболее точно отражает его специфику.

Так, если согласиться с Л.В. Головановым и О.Д. Куракиной[2] в том, что отличительную особенность космизма составляет осознание единства всего со всем, и не указывать дополнительных характеристик самобытного направления отечественной философии, непонятно, почему мы рассматриваем его как «отдельный» феномен. Почему, например, не говорим аналогичным образом об «итальянском космизме» (согласно указанному «критерию посвящения в космисты», космистом вполне можно признать, допустим, Дж. Бруно[1])? Или почему не упоминаем как особое течение мысли «индийский космизм» (на роль такового по признаку

единства всего со всем идеально подходит учение веданты)?

Если мы займем позицию, согласно которой космизм предполагает экстраполяцию «космической точки зрения» на человеческий род и разные стадии его развития, причем будущее представляется в духе единства человека и космоса или космической экспансии человечества (А.Д. Урсул[8], В.В. Казютинский[4]), то опять же столкнемся с тем, что суть русского космизма не будет «уловлена»; идея единства микро- и макрокосма была характерна, например, для античной философии, о космической экспансии «мыслят» уже далеко не только философы, а «космическую точку зрения» на человека можно понимать настолько вольно и широко, что она обнаружится чуть ли не у большей части выдающихся представителей культуры.

Что касается идеи активной эволюции, она не только отличает русский космизм от космизма в широком понимании, но и обуславливает прочие его характеристики, в частности, названные выше в качестве недостаточных и нечетких, по нашему мнению, критериев выделения оригинального направления отечественной философии.

Именно представление о том, что эволюция, «программа» развития природы должна быть направлена, «переписана» человеком таким образом, чтобы ее порядок не противоречил требованиям разума и нравственности, способствует осознанию единства всего со всем и всех со всеми. Ведь диалектика «воль» природы (Бога, Вселенной) и человека, объединившегося со своими собратьями во имя «общего дела» преобразования мира, на уровне должного предполагает такую степень их согласованности, «синергии», что становится трудно провести четкую границу между ними.

Также идея о том, что «естественный» порядок смерти и взаимного вытеснения противоестественен для нравственного чувства и нуждается в изменении силой разума и воли человека, имела своим следствием наиболее яр-

ко проявившееся в философии основателя русского космизма Н.Ф. Фёдорова чаяние всеобщего воскресения и бессмертия, воплощение которого предполагает покорение космического пространства, дабы избежать перенаселения Земли.

Таким образом, концепт активной эволюции является той ключевой особенностью космизма, которая делает его обращенным не только к космосу, «порядку» мироздания, но и к Вселенной, «всеми», предназначенному для вселения всех», причем главный представитель «всех» – человек. Благодаря активно-эволюционной компоненте русский космизм приобретает особый интерес для исследователя в области философской антропологии и становится философией, о которой можно справедливо сказать: «Именно здесь ставятся «проблемы о космосе и человеке», разрабатывается активная, творческая эсхатология, смысл которой, по словам Бердяева, в том, что «конец этого мира, конец истории зависит и от творческого акта человека».

[7, с. 4]

Очевидно, что идея активной эволюции предполагает представление о человеке как о существе свободном и в некотором смысле «сверхъестественном», чья воля недетерминирована вполне окружающей средой, разве что в возможности детерминировать, определять саму эту среду. Соответствующая метафизика близка к христианскому видению человеческой природы – недаром сам Н.Ф. Фёдоров считал свое учение лишь интерпретацией христианства, призывающей человека не столько к пассивному уклонению от греха, сколько к активности, к возделыванию по сути райского сада на Земле. Именно в христианстве тема свободы от природы, неумолимо обрекающей на грех, от пагубных последствий естественного порядка, воцарившегося в мире после грехопадения, играет особую роль: именно ради нее Христос пошел на смерть и одержал победу над самым страшным злом падшего естества – смертью.

И хотя не все представители русского космизма с формальной точки зрения являются приверженцами христианства, христианская по происхождению идея относительной «свободы от природы» характерна для них, иначе они не были бы космистами, разделяющими представление об активной эволюции.

Учитывая сказанное выше, можно утверждать следующее: антропологические взгляды А.Л. Чижевского замечательны потому, что его понимание человеческой сущности основано на позиции последовательного (лапласовского) детерминизма, сочетающегося с холизмом, убежденностью во «вписанности» человека в природу. Противопоставление детерминизма, уверенности в обусловленности любого явления естественными закономерностями человеческому произволу, свободе, которые признаются иллюзорными, порождает у А.Л. Чижевского антиномию научности и человечности.[3] Тем не менее, в трудах ученого отражена идея активной эволюции[10], хотя соответствующий сюжет не развивается им сколь-либо последовательно или глубоко.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько показательных цитат из работ А.Л. Чижевского, иллюстрирующих его детерминистские воззрения на человека.

«Вера в метафизический догмат о свободе воли являлась одною из главных причин, тормозящих объективное исследование истории. И несмотря на то, что ещё и поныне философы не пришли к какому либо определенному заключению по вопросу о воле, учёным необходимо пришлось признать, на основании достижений науки, отсутствие таковой даже в самых малейших и ничтожных поступках, и выдвинуть детерминистическую точку зрения для объяснения сложнейших явлений в психической жизни человека».[11, с. 6]

«Таким образом, человеческая воля становится доступной опыту, и сам человек из сферы чудес переводится в ряд закономерных физико-химических явлений природы».[11, с. 8]

«В свете современного научного мировоззрения судьбы человечества, без сомнения, находятся в зависимости от судеб вселенной».[11, с. 9]

Возникает закономерный вопрос: как удалось ученому и философу, считавшему свободу воли «метафизическим предрассудком», стать одним из главных представителей течения мысли, основополагающий концепт которого базируется на этом «предрассудке»? Этот подталкивает нас исследовать взгляды А.Л. Чижевского на природу человека и судьбы человечества в связи с идеей активной эволюции.

Поскольку эволюционные представления русского космизма повлияли на становление парадигмы универсального эволюционизма, претендующего на роль фундамента современной научной картины мира, и в рамках данной картины могут быть эксплицированы многие аспекты соотношения детерминизма и свободы воли (например, с позиций системного подхода), по-видимому, решение обозначенной проблемы целесообразно искать, опираясь на указанную парадигму; однако для этого требуется отдельное исследование.

Ценность изучения антропологического детерминизма А.Л. Чижевского в связи с идеей активной эволюции, с нашей точки зрения, состоит в следующем: понимание того, как необходимость признать свободу воли сочетается у космиста с ее «научным» отрицанием, может пролить свет на содержание мировоззренческих универсалий[6], определяющих менталитет народов, историческая судьба которых связана с христианством (в том числе и русского).

Именно для этих народов, с одной стороны, характерны видение человека как личности, ценность свободы как неотъемлемого свойства личности, восприятие времени, истории как направленного процесса, которое способствовало возникновению эволюционных и прогрессистских идей – т.е. все то, что ярко отразилось в русском космизме и сделало возможной идею

активной эволюции; с другой стороны, именно цивилизация сформировавшаяся на фундаменте христианства, породила науку современного типа и свойственный для классического этапа развития научной рациональности латинский детерминизм, которым руководствовался А.Л. Чижевский в том числе и в подходе к человеку.

Возможно, рассмотрев на примере мировоззрения отдельного выдающегося мыслителя, как сочетается радикальный детерминистский взгляд на человека с представлениями, предполагающими свободу воли, мы получим возможность понять не только особенности такового, но и парадоксы культуры, которых зачастую не осознаем, поскольку на уровне обыденного сознания они представляют собой данность, а не проблему. Осознание же способа существования парадокса позволит сделать предположения о причинах и путях его закрепления в качестве культурной установки.

Христианство – религия вообще во многом парадоксальная, недаром апостол Павел оценивал его проповедь как «эллинам безумие». Действительно, менталитет народа, подарившего миру первую научную теорию – геометрию Евклида, породившего основателя логики Аристотеля, сформулировавшего закон непротиворечия, настолько не принимал противоречивости, что замечая ее в реальности, древние греки готовы были поставить под сомнение очевидное. Вспомним, например, учение Парменида о бытии: на основании того, что бытие есть, а небытия нет, и того, что встречающиеся повсюду изменчивость и многообразие предполагают наличие небытия, элейский философ сделал вывод о том, что мы живем в «ненастоящем» мире!

Разумеется, столь «нетолерантных» даже к зримым воочию противоречиям эллинов было непросто убедить в «бытийственности» христианской противоречивой невидимой реальности: в триединстве Божества, в том, что Бог может одновременно быть человеком,

в рождении Его от Девы и в его смерти во имя бессмертия для смертных.

Однако парадоксальность христианства имеет то преимущество перед непротиворечивостью, что делает возможным чудо, т.е. «размыкает» детерминизм, поскольку «из противоречия следует все, что угодно». И замечательно, что парадоксальна, не только оптика, но и судьба христианства: именно потомкам древних греков суждено было стать хранителями самой ортодоксальной из христианских традиций – православия, смыслы которого впитал в себя русский космизм; именно возросшая по почве христианства цивилизация стала оплотом рационализма, предполагающего непротиворечивость мышления.

Эллины не были бы эллинами, нарушив почитаемый ими не менее чем закон непротиворечия закон тождества, если бы не попытались определить беспредельное, концептуализировав и упорядочив содержание христианства: христианские богословие и догматика формировались под сильным влиянием античной традиции. И «прирученная» церковью аристотелевская логика превратила учение, воспринимавшееся древними греками как «безумие» в предпосылку развития науки современного типа, становление которой хотя и протекало зачастую в конфронтации с церковью и схоластикой, возведшей в абсолют взгляды Аристотеля о природе и мышлении, но отталкивалось от свойственных им метафизических установок.[5]

Таким образом, хотя, исследуя феномен любви к Богу, Э. Фромм выделяет в связи с ним характерную для восточной культуры допускающую противоречия логику и называет ее парадоксальной, полагая, что западная культура пошла по пути «непарадоксальной» аристотелевской логики, рассматривая ее как способ приближения к истине, сам этот «ход» является парадоксальным. Тем не менее, он стал решающим для нашей цивилизации: «Идея о том, что можно найти истину в мысли, породила не только догму, но и науку. В на-

учном мышлении правильная мысль – единственное, что имеет значение как в смысле интеллектуальной честности, так и в смысле применения научной мысли на практике, то есть в технике.[9]

Неудивительно, что культура, содержание мировоззренческих универсалий которой формируется на парадоксальных основаниях парадоксальным образом, порождает парадоксы и на уровне индивидуального мировоззрения. Показательно, когда речь при этом идет о мировоззрении ученого, стремящегося к отсутствию противоречий, как это наблюдается в случае А.Л. Чижевского.

Какой должна быть культура, чтобы исследователь отказывал человеку в свободе, стремясь сохранить детерминистский взгляд на реальность, для того, чтобы, основываясь на установленных закономерностях, преобразовать природу в соответствии с человеческой волей? Надеемся, что данная статья будет способствовать стремлению найти соответствующий ответ.

Литература

1. Бруно Дж. Философские диалоги: О Причине, Начале и Едином; О бесконечности, вселенной и мирах. – М.: Алетейа, 2000. – 320 с.
2. Голованов Л.В. Куракина О.Д. Космизм // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1996. С. 237–239
3. Звонова Е.Е. Философско-антропологические воззрения А.Л. Чижевского: монография / Е.Е. Звонова. – Москва: Макс Пресс, 2014. – 163 с.
4. Казютинский В.В. Космизм и космическая философия // Освоение космического пространства – прошлое, настоящее, будущее. – М., 1999. – С. 139–147.
5. Лега В.П. Христианство и наука нового времени // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2017. № 10 (783) – С. 329–342.
6. Панфилова Т.В. Универсалии культур как философская проблема //

Философия и общество. – 2021. № 3 – С. 55–68.

7. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; Вступ. ст. С.Г. Семеновой; Предисл. к текстам С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; Прим. А.Г. Гачевой. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
8. Урсул А.Д. Человечество, Земля, Вселенная. – М.: Мысль, 1977. – 264 с.
9. Фромм Э. Искусство любить. – М.: АСТ, 2009. – 220 с.
10. Чижевский А.Л. Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы. Введение, главы 1, 2, 3, 4, заключение. Автограф. 1920–1921 // Архив РАН 1703. Оп. 1. Д. 1. Л. 106.
11. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. – Калуга: Ассоциация «Калуга-Марс», Музей истории космонавтики им. К.Э. Циолковского, 1990. – 72 с.

ABOUT THE REASON TO STUDY A.L. CHIZHEVSKY'S ANTHROPOLOGICAL DETERMINISM IN CONNECTION WITH THE IDEA OF ACTIVE EVOLUTION

Zvonova E.E., Naumov A.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article explores the value of studying of A.L. Chizhevsky's deterministic point of view on the nature of man in connection with the concept of active evolution. The arguments are made in favor of the fact that this concept is the key for Russian cosmism and assumes other important features of the doctrine of Russian philosophy. Underlying the following: the realization of active evolution suggests that a person has free will, and the idea of freedom, of relative autonomy of human existence from the surrounding world has Christian roots. It is shown that standing on deterministic position (also about human nature), A.L. Chizhevsky denies freedom of will, considering it as a "metaphysical prejudice". At the same time as a representative of the Russian cosmism, he is bound to the idea of active evolution. It's a question of how a scientist combines the denial of human freedom with the

point of view according to which it is necessary for man. It is justified that the study of the deterministic views of A.L. Chizhevsky on the essence of man in connection with the concept of active evolution, clarification of the paradoxes of the cosmist's worldview can reveal the content of the worldview universals of cultures that were historically formed under the influence of Christianity.

Keywords: A.L. Chizhevsky, philosophical anthropology, Russian cosmism, active evolution, determinism, free will, worldview universals, Christianity.

References

1. Bruno J. Philosophical dialogues: On Cause, Beginning and One; About infinity, the universe and worlds. – M.: Aleteia, 2000. – 320 pp.
2. Golovanov L.V. Kurakina O.D. Cosmism// Russian Philosophy: Dictionary/Under the general. ed. M.A. Maslin. – M.: Republic, 1996. S. 237–239
3. Zvonova E.E. Philosophical and anthropological views of A.L. Chizhevsky: monograph/E.E. Zvonova. – Moscow: Max Press, 2014. – 163 pp.
4. Kazyutinsky V.V. Cosmism and space philosophy//Space exploration – past, present, future. – M, 1999. – S. 139–147.
5. Lega V.P. Christianity and the science of the new time//Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. – 2017. NO. 10 (783) – S. 329–342.
6. Panfilova T.V. Universalia of cultures as a philosophical problem//Philosophy and society. – 2021. № 3 – S. 55–68.
7. Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought/Comp. S.G. Semenova, A.G. Gacheva; Entry. Art. S.G. Semenova; Predisl. to the texts of S.G. Semenova, A.G. Gacheva; Approx. A.G. Gacheva. – M.: Pedagogy-Press, 1993. – 368 pp.
8. Ursul AD Humanity, Earth, Universe. – M.: Thought, 1977. – 264 pp.
9. Fromm E. The Art of Love. – M.: AST, 2009. – 220 pp.
10. Chizhevsky A.L. The main beginning of the universe. Space system. Problems. Introduction, chapters 1, 2, 3, 4, conclusion. Autograph. 1920–1921//Archive of the Russian Academy of Sciences 1703. Op. 1. 1. L. 106.
11. Chizhevsky A.L. Physical factors of the historical process. – Kaluga: Association “Kaluga-Mars,” Museum of the History of Cosmonautics named after K.E. Tsiolkovsky, 1990. – 72 pp.

Ролевая модель трикстера в мифе о самозванце русского смутного времени XVII в.

Луценко Антон Владимирович,

кандидат философских наук, доцент департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета
E-mail: avlu2009@yandex.ru

Статья посвящена проблеме поиска поведенческой модели, определявшей логику действий и личные инициативы акторов культурно-политического процесса в Московском государстве начала XVII века, который можно назвать «мифом о самозванце». В статье акцентируется, в первую очередь, значение мифа о самозванце как фактора, влияющего и формирующего массовое сознание русского общества описываемой эпохи. Далее, логика поведения самозванца сопоставляется с ролевой моделью трикстера, известной по классическим мифам, выделяются типологические сходства в поведенческих паттернах обоих. В результате анализа мифа о самозванце автор приходит к выводу, что подобная фигура, вобравшая в себя типологические черты трикстера, способна появиться в эпохи кризиса и моденизации традиционных представлений о власти, свойственных русскому обществу XVII века.

Ключевые слова: миф, культура, поведенческая модель, Смутное время, сценарии власти, массовое сознание.

Феномен самозванства в истории Смутного времени неоднократно рассматривался в исторической, культурологической и философской плоскостях. Подобное внимание к рассматриваемому явлению связано с тем, что в течение почти двух столетий, прошедших с начала Смутного времени до конца царствования Екатерины II, самозванство выступало отдельным и крайне важным фактором политической, культурной и идеологической жизни в начале Московского царства, а затем и Российской империи. Причины этого многократно описаны и исследованы в работах российских исследователей Б.А. Успенского, А.Ю. Низовского, И.Ю. Тимофеевой, Г.Л. Тульчинского, О.Г. Усенко [10, 6, 5, 7, 9] и др., а также иностранных ученых Дж. Биллингтона К. Ингерфлома, Р. Уортмана, С. Лефевра [1, 2, 8, 11] и др. К научному описанию причин и последствий самозванства как культурного феномена применялись критерии и методы семиотики, социологического, демографического и статистического анализа, изучались особенности русской культуры той эпохи, которая породила множество самозванцев, так или иначе оставивших свой след в политической истории России или ее отдельных областей. Особенно плодотворной с методологической точки зрения представляются подходы к феномену самозванства, предложенные в работе И.Ю. Тимофеевой «Авантюризм в русской культуре конца XVII- первой четверти XVIII века» [6, с. 11 и сл.]. Исследовательница рассматривает авантюризм в целом как своеобразное «антиповедение», реализующее индивид существует «поперек» социальных, культурных и иных норм, принятых в обществе традиционного типа [6, с. 14]. Таким образом, в логике И.Ю. Тимофеевой, «антиповедение» авантюриста становится своеобразной поведенческой «антисисте-

мой», явно или неявно противопоставляемой «официальной», общепринятой аксиологии современного авантюриста общества [6, с. 24]. Самозванство исследовательница трактует как дальнейшее развитие поведенческих стереотипов, присущих авантюризму, или как «усложненную модель авантюрного поведения, характерную для русской культуры конца XVII–XVIII века, которая предполагает программное конструирование поведенческого сюжета» [6, с. 18–19]. Под «программным конструированием» автор, очевидно, имеет в виду, что самозванец, претендующий на царский трон, уже не просто реализует авантюрное поведение «частным образом», а становится частью особой социокультурной традиции, предполагающей соответствие определенному экзистенциальному паттерну, ожидаемому от «чудесно спасшегося» государя (государыни) его (её) последователями. И.Ю. Тимофеева крайне удачно использует параллельное сравнение поведенческого паттерна русского самозванца XVII–XVIII вв. и культурного архетипа трикстера, настаивая на классическом определении последнего, данном Е.М. Мелетинским [4, с. 138]. В целом, позиция И.Ю. Тимофеевой в отношении рассматриваемой проблемы позволяет сделать плодотворные выводы, способствующие дальнейшей ее разработке.

Аргентинский историк и культуролог К. Ингерфлом, исследуя феномен русского самозванства в его совокупности, предположил, что подобное устойчивое, почти не меняющееся на протяжении нескольких веков иррациональное представление об истинном, «праведном» государе, который чудесным образом спасается от захватившей трон «неправды» и, возвращаясь, восстанавливает попорченную мирскую справедливость, можно в известном смысле назвать архетипическим для русского сознания мифом [2, с. 23]. На наш взгляд, в позиции К. Ингерфлома есть слабые места – так, например, он неоправданно распространяет представления русского общества XVII–

XVIII вв. о «справедливом истинном государе» на внешне схожие, но типологически отличающиеся явления конца XIX–второй половины XX вв. Однако при этом мысль аргентинского исследователя о своеобразном архетипическом мифе, конструирующем явление, называемое русским самозванством XVII–XVIII вв., заслуживает самого пристального внимания и может быть плодотворно использована в дальнейшем изучении рассматриваемого феномена [2, с. 295]. Представляется целесообразным исследовать русское самозванство XVII–XVIII вв. в рамках, заданных К. Ингерфломом (самозванство как своеобразная вариация национального культурного мифа), а также используя предложенное И.Ю. Тимофеевой определение самозванца-авантюриста как архетипического трикстера, то есть как своеобразный инвариант мифического культурного героя [2, с. 116].

Подобный анализ фигуры русского самозванца как трикстера, естественно, не может осуществляться в отрыве от реальных культурных, политических и социальных условий, существовавших в Московском государстве и Российской империи в XVII–XVIII вв. Как известно, обозначенный исторической период – это время резких изменений не только в вышеназванных сферах жизни общества и государства, но и самой структуре власти, ее манифестации и саморепрезентации. Американский исследователь Р. Уортман определяет бытовавшую в Московском государстве модель саморепрезентации власти как «архаическую» или «премодерновую» [8, с. 111]. Ее сутью, если продолжать мысль Р. Уортмана, является сакрализация фигуры правителя, не предполагающая в нем носителя каких-либо резко своеобразных индивидуальных качеств. В архаической традиции правитель символизирует власть своим присутствием, самим фактом своего существования в рамках заданной предками и освященной высшей силой традиции делая власть легитимной. В таком случае, вопрос о личной харизме или недостатках того или иного властителя в ар-

хаической властной модели отходит на задний план. Гораздо более важным становится успешное исполнение им ритуально-символической функции, манифестирующей связь власти с сакральным. Канадский исследователь русской культуры XVI–XVII вв. С. Лефевр отмечал, что для среднего жителя Московского государства до правления Ивана Грозного личные качества правителя не играли почти никакой существенной роли [11, с. 104]. Можно сказать, что человеку архаического, традиционного сознания достаточно знать, что правитель существует и исполняет свои обязанности как должно, то есть как исполняли их его предки. О личных качествах властителя осведомлено его ближайшее окружение, его свита, но для подданных эти качества, в целом, безразличны [7, с. 43].

Очевидно, с известной долей уверенности можно сказать, что Иван IV Грозный был первым правителем Московского государства, личные качества которого нашли широкое отражение не только в современных ему исторических сочинениях, но и в народном фольклоре (былинах, песнях, сказках и пр.). Это связано с тем, что Иван IV своим поведением резко выделялся из череды государей, играющих для основной массы подданных ритуально-символическую роль. Многие его действия (в частности, например, отъезд в Александровскую слободу 1565 года или возведение на царский трон «подставного» царя Симеона Бекбулатовича, не говоря об учреждении опричнины), настолько не укладывались в предписываемый традицией паттерн поведения властителя, что врезались в память как современников, так и последующих поколений. С известной долей уверенности, подкрепляемой мнением многих исследователей, можно сказать, что именно крайне яркой личностью Ивана Грозного открывается *возможность* для появления «мифа о русском самозванце» [9, с. 33]. Речь идет не только о том, что на сыне Ивана IV Федоре I Ивановиче династия Рюриковичей прекратила свое существование, и в обществе

возникли многолетние трудности с поиском легитимного государя. В данном случае гораздо важнее то, что правление «грозного царя» было манифестацией нового, лично ориентированного типа власти. Характерно при этом, что от «чудесно спасшегося царевича Дмитрия Ивановича» (то есть от Лжедмитрия I) ожидали именно отцовских качеств, а именно сохранившихся в народной памяти черт грозного к боярам, но справедливого к народу властителя и т.п.

Трикстер в классической мифе, как правило, выделяется более резко обозначенной индивидуальностью, чем другие мифологические герои [4, с. 23]. Личные качества трикстера, такие, как хитрость, смекалка, известная доля цинизма, с которой он смешивает сакральное и профанное или преступает границы табу, играют настолько определяющую роль в семантической ткани мифа, что в известном смысле становятся почти обязательными. Трикстер, как посредник между мирами или разными частями общества, неизбежно приобретает свойства, которые позволяют ему совершать поступки, немислимые ни для кого больше. При этом зачастую ответственность трикстера за нарушение им закона и традиции, многократно утяжеляется именно морально-нравственной амбивалентностью его натуры. Так, в классическом мифе боги или иные высшие силы часто сосуществуют с трикстером «по необходимости», используя его выдающиеся личные качества в своих целях. Однако, как, например, в случае с Прометеем, Сизифом или Локи, трикстер неизбежно допускает проступок против установленного богами миропорядка, который требует немедленной и жестокой кары со стороны богов. В этом случае высшие силы извергают трикстера из сакрального пространства, а его личные качества становятся, при этом, скорее «отягчающими обстоятельствами» [4, с. 38].

«Общим местом» в культурологии является присущее трикстеру тяготение к «пограничным ситуациям», в ко-

торых ярче всего проявляются такие необходимо присущие этому герою качества, как риск, любовь к «игре случая» и надежда на благоволение судьбы. В то время как герои классического мифа могут быть гонимы судьбой или нарушать веления высших сил, но сами никогда не идут на обострение конфликта с мирозданием, трикстер, используя выражение Е.М. Мелетинского, «балансирует на краю, любя риск и опасность, до тех пор, пока собственное неосторожное движение не свергает его в бездну» [4, с. 45]. К. Ингерфлом использует именно эту цитату Е.М. Мелетинского, чтобы подчеркнуть типологическое сходство русского мифа о самозванце и канонического сказания о трикстере [2, с. 70]. Похожего мнения придерживается и российская исследовательница И.Ю. Тимофеева, не уделяя при этом особого внимания актуализации трикстерских качеств в системе «самозванец-власть» [7, с. 45]. Однако именно логика поведения русских самозванцев XVII–XVIII вв. в их отношении с традиционными представлениями общества о властителе и его функциях вполне совпадает с поведенческой моделью трикстера.

Так, «дворянский сын» Григорий Отрепьев, ставший впоследствии Лжедмитрием I, как своей официальной, так и неофициальной (истинной) биографией манифестирует поведенческий разрыв, характерный для ролевой модели самозванца, вынужденного доказывать свое право на трон с помощью ярко выраженных индивидуальных качеств. Если традиционный властитель лишь обозначает свое сакрализованное, благословленное Богом присутствие, то «чудесно спасшийся царевич Дмитрий Иванович» после избавления от рук убийц, посланных Борисом Годуновым, претерпевает свою долю злоключений, положенных персонажу героического сказания или агиографического повествования – спасается доброй волей помогающих ему людей и заступничеством небесных сил, постоянно сознавая в себе «прирожденное право на престол», прибегает к временной по-

мощи Речи Посполитой и казаков только чтобы вернуть себе принадлежащее по праву [5, с. 54]. Такова официальная биография Лжедмитрия I, бывшая в ходу в период развязанной им войны с Московским царством и в последующее время его недолгого правления. В этой версии, по сути, подчеркивается, что царевич Дмитрий Иванович вынужденно оставил присущее традиционному государю «благолепие», поскольку происки врагов не оставили ему иного выхода. Истинная же жизненная канва Г. Отрепьева, как известно, представляет собой последовательную череду нарушений всех ритуальных табу и канонов, характерных для русского сословного общества XVII века. Приняв монашеский постриг, он через два года уходит с попущиками «в Литву», тем самым уже совершая тяжкий проступок как против религиозных, так и светских норм Московского государства своего времени (русские духовные лица в эту эпоху посещали Киево-Печерскую лавру в качестве паломников, но Отрепьев не получил на это разрешения патриарха Иоакима, келейным чтецом которого состоял и в покоях у которого жил после пострига) [5, с. 48]. В Польше Отрепьев около года провел в социнанской общине, придерживающейся несколько обновленной версии арианства, чем, естественно, поставил себя, в парадигме русской культуры XVII столетия, вне любых человеческих и божеских законов. Последующее принятие католичества в замке князей Вишневецких, покровительствующих расстриге, вкупе с письмом, переданном через Орден иезуитов Папе римскому с обещанием в обмен на помощь и поддержку привести Московское царство «под благодатную сень Святейшего Престола» совершает череду нарушений ритуальных запретов, свойственную самозванцу-трикстеру. Характерно, что официальная биография Лжедмитрия I подчеркивала, что даже в Польше царевич соблюдал православный пост и молился по православному обряду, не поддавшись на уговоры короля и магнатов перейти в католичество и отделившись

только туманными обещаниями, выполнять которые он, конечно, не собирался [5, с. 14]. При этом уже правительство Бориса Годунова, требуя от Речи Посполитой выдачи Отрепьева, аргументировало необходимость этой выдачи, в том числе тем, что беглый «розстрига» нарушил монашеский обет как духовное лицо и присягу своему государю как сын дворянский.

Нужно отметить устойчиво маргинальный, негативный социокультурный статус расстриги как в культуре русского позднего Средневековья и раннего Нового времени, так и вообще в христианской культуре. В апокрифических духовных сказаниях XV–XVII вв. сам Антихрист представлялся иногда «попом-расстригой», причем сравнение самозванцев с Антихристом, имевшим статус «верховного самозванца», пытающегося заместить собой Христа, было крайне распространено, в том числе активно использовалось в агитации против Отрепьева и его сторонников. Расстрига по своей природе изначально принадлежит к миру сакрального, но совершает жизненный выбор в пользу зла, извергая себя «во тьму внешнюю», что также можно считать моделью поведения, свойственной трикстеру. В силу того, что расстрига когда-то был причастен благодати, его духовная опасность для благочестивых христиан многократно возрастает, что само по себе служило аргументом для противника Лжедмитрия I и ускорило переворот, положивший конец его правлению [10, с. 83]. В случае с Лжедмитрием II, настоящее имя и сословная принадлежность которого в истории остались неизвестными, его противниками использовался еще более весомый с точки зрения эпохи аргумент о том, что самозванец был выкрестом, крещеным евреем. Поскольку на протяжении всего европейского Средневековья выкресты находились в большинстве европейских стран под подозрением в тайном отправлении иудейских обрядов, а также в народной среде бытовали поверья, что сам Антихрист будет «крещеным жидовином», несложно проследить тен-

денцию к дальнейшей гиперболизации inferнально-трикстерских черт в русском мифе о самозванце XVII в. [10, с. 101]

Самозванец, оказавшись на вершине традиционалистской сакрализованной властной иерархии, вынужден не только поддерживать, но и доказывать свой статус подданным, у которых, сколь бы восторженно они не принимали вновь обретенного государя, все же сохраняется сомнение в его легитимности и истинности. Такому «доказыванию» служили как намерения Лжедмитрия I начать грандиозную войну с Османской империей и Крымским ханством, довершая тем самым дело своего «отца» Ивана IV, так и не менее грандиозные пиры и попойки, устраиваемые Лжедмитрием II в Тушинском лагере для своих соратников и верных слуг. При этом, если принять предложенную И.Ю. Тимофеевой концепцию антиповедения, характерного для авантюриста-трикстера, то, применительно к самозванцу антиповедение играет, очевидно, как конструктивную, так и деструктивную роль [6, с. 16]. С одной стороны, самозванец нестандартными решениями и величественными замыслами восхищает последователей и привлекает новых сторонников. С другой, те же самые поступки, совершаемые самозванцем, находящимся на вершине властной иерархии, столь несовместимы в глазах подданных с традиционным представлением о роли и функциях, что исподволь разрушают веру в чудесно спасшегося истинного наследника престола. Так, женитьба Лжедмитрия I на Марине Мнишек, его благоволение к полякам и иезуитам, попытки создать из Боярской думы сенат и провозгласить себя императором подтачивали авторитет нового царя именно своей демонстративной «инаковостью», десакрализацией того, что в глазах московского общества было освящено религией и обычаем. Характерно и то, что приписываемые народным фольклором Марине Мнишек навыки ведовства и оборотничества послужили, очевидно, истоком инвари-

анта легенды о самозванце, по сюжету которого от убийц, подсланных Годуновым, спасся настоящий царевич Дмитрий Иванович, однако впоследствии, уже в Польше, Марина Мнишек и ее родственники злодейским образом подменили царевича на «расстригу» [5, с. 44]. Вообще, мотивы подмены в мифе о самозванце-трикстере играют традиционно важную роль. В силу своей природы трикстер склонен к перемене масок-«личин», причем, как, например, в случае с мифами о скандинавском боге-трикстере Локи, с каждой метаморфозой трикстеру все труднее скрывать «темную» сторону своей амбивалентной природы, которая при каждом удобном случае вырывается наружу. Самозванец также следует ожидаемым от него паттернам поведения до тех пор, пока не получит высшую власть, к которой стремится, а затем достижение им этой цели провоцирует его на все более решительный разрыв с принятой в обществе системой ценностей и норм. Типологические черты самозванца приписывались старообрядческой лубочной литературой и Петру I, также, как известно, отличавшемуся нестандартным для московского государя поведением и образом мыслей. Симптоматично и совпадение легенды о «подмене» царевича Дмитрия Ивановича в Польше с упорными слухами о «подмене» Петра I во время Великого посольства 1697–1698 гг. [7, с. 105]

Важной особенностью русского мифа о самозванце XVII века следует признать то, что после Лжедмитрия I, реализующего черты трикстера-авантюриста своим активным «антиповедением» (в терминологии И.Ю. Тимофеевой), его своеобразный «преемник» Лжедмитрий II (Тушинский вор) скорее манифестировал своим присутствием продолжающуюся борьбу за власть в Московском государстве, чем играл какую-либо активную роль в продолжающихся развиваться событиях. От него требовалось только придерживаться легенды о чудесном спасении царя от заговора московских бояр и служить знаменем антиправительственного дви-

жения, активно поддержанного казачьей и шляхетской вольницей. При всякой попытке отказаться от декларируемой роли, Лжедмитрий II подвергался обструкции или даже прямым угрозам со стороны своих соратников, многие из которых, очевидно, сами не верили в его тождество с погибшим в Москве самодержцем [7, с. 84]. Однако к тому времени социально-политические процессы, называемые в историографии Смутным временем, давно обрели собственную логику и инерцию, которым подчинялись все их участники. От Лжедмитрия II требовалось символическое, сниженное и имитационное повторение основных паттернов поведения Лжедмитрия I – причем последние воспроизводились так, как их запомнили присутствовавшие в Москве при недолгом правлении «расстриги» участники Смуты, присягнувшие Тушинскому вору. Именно этой логикой объясняется вынужденный, с обеих сторон, обряд воссоединения Марины Мнишек с «чудесно спасшимся» мужем, имитация в Тушинском лагере «сената» по образцу реформированной первым самозванцем Боярской Думы, а также явно подневольная имитация вторым самозванцем воинской удали, щедрости и широких жестов самозванца первого, при том, что собственные характер и темперамент Лжедмитрия II были предельно далеки от проявлений личной храбрости или бескорыстия. В сущности, в данном случае правомерно говорить о постепенной деградации мифа о самозванце, превращении его в символическую фигуру, призванную легитимизировать притязания на власть того или иного военно-политического лагеря эпохи Смутного времени.

Отечественный исследователь А.С. Королев изучая механизм формирования мифа о самозванце в случае с таким деятелем Смутного времени как «царевич Петр Федорович» (он же беглый холоп Илейка Муромец), обратил внимание на то, что «народная молва», формирующая первые представления об очередном чудесно спасшемся отпрыске Ивана IV, всячески подчеркивала, что

спасшийся, за время своих странствий, стал «обликом как простой хрестьянин, хоть навыком остался сыном царским», то есть приобрел за время скитаний истинно народную, крестьянскую сметку или казачью удаль [4, с. 36].

Таким образом, трикстер-самозванец Смутного времени представляется своеобразной синтетической фигурой, в которой характерные для Московского царства представления об истинном государе и его поведении соединились с негласно одобряемым тягловыми и служилыми сословиями качествами пройдохи-авантюриста, легкого на подъем удальца. Таким синтезом можно объяснить и более поздний феномен Емельяна Пугачева, которого признавали за спасшегося Петра III даже те его сторонники, кто в свое время видел настоящего самодержца. С известной степенью уверенности можно говорить о том, что поведенческий паттерн самозванца-трикстера, в котором индивидуальные качества, совершенно не соответствующие традиционным представлениям о носителе высшей власти, сочетаются с декларируемой им самим его сторонниками принадлежностью к этой власти, транслируется и воспроизводится в XVIII столетие в том виде, в котором он сложился в период Смутного времени.

Литература

1. Биллингтон Дж. Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры. М: Рудомино, 2001. 880 с.
2. Ингерфлом К. Аз есмь царь. История самозванства в России. М: Новое литературное обозрение, 2021. 448 с.
3. Королев А.С. Илья Муромец: опыт описания личности в мифе. М: Молодая гвардия, 2016. 437 с.
4. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М: Академический проект, 2012. 331 с.
5. Низовский А.Ю. Русские самозванцы. М: Прибой, 2001. 400 с.
6. Тимофеева И.Ю. Авантюризм в русской культуре конца XVII – первой четверти XIX века: Монография. London: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 152 с.
7. Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб, 1996. 400 с.
8. Уортман Р. Сценарии власти (в 2-х тт). М: ОГИ, 2004. 1442 с.
9. Усенко О.Г. Самозванцы и самозванчество в Московии. Материалы междунар. науч. семинара (25 мая 2009 г., Будапешт). Будапешт: Центр русистики Будапештского ун-та им. Лоранда Этвеша, 2010. С. 9–37.
10. Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994, с. 75–109.
11. Lefevre G. Russian Impostors as cultural phenomena. Montreal, 2014. 213 p.

ROLE MODEL OF THE TRICKSTER IN THE MYTH ABOUT THE IMPOSTOR OF THE RUSSIAN TIME OF TROUBLES OF THE XVII CENTURY

Lutsenko A.V.
Far Eastern Federal University

The article is devoted to the problem of searching for a behavioral model that determined the logic of actions and personal initiatives of the actors of the cultural and political process in the Muscovite state at the beginning of the 17th century, which can be called the «myth of the impostor». The article focuses, first of all, on the significance of the impostor myth as a factor influencing and shaping the mass consciousness of the Russian society of the described era. Further, the logic of the behavior of the impostor is compared with the role model of the trickster, known from classical myths, typological similarities in the behavioral patterns of both are highlighted. As a result of the analysis of impostor myth, the author comes to the conclusion that such a figure, which has absorbed the typological features of the trickster, can appear in the era of crisis and the modernization of traditional ideas about power, characteristic of Russian society of the 17th century.

Keywords: myth, culture, behavioral model, Time of Troubles, scenarios of power, mass consciousness.

References

1. Billington J. Icon and Ax: An Experience of Interpreting the History of Russian Culture. M: Rudomino, 2001. 880 p.
2. Ingerflom K. Az is the king. The history of imposture in Russia. M: New Literary Review, 2021. 448 p.
3. Korolev A.S. Ilya Muromets: the experience of describing personality in myth. M: Young Guard, 2016. 437 p.
4. Meletinsky E.M. Poetics of myth. M: Academic project, 2012. 331 p.
5. Nizovsky A. Yu. Russian pretenders. M: Surf, 2001. 400 p.
6. Timofeeva I. Yu. Adventurism in Russian culture of the late 17th – first quarter of the 19th century: Monograph. London: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 152 p.
7. Tulchinsky G.L. Imposture. The Phenomenology of Evil and the Metaphysics of Freedom. St. Petersburg, 1996. 400 p.
8. Worthman R. Scenarios of power (in 2 vols). M: OGI, 2004. 1442 p.
9. Usenko O.G. Pretenders and impostors in Muscovy. Materials of the international scientific seminar (May 25, 2009, Budapest). Budapest: Center for Russian Studies of the Budapest University. Loranda Eötvös, 2010, pp. 9–37.
10. Uspensky B.A. Tsar and impostor: impostorism in Russia as a cultural and historical phenomenon // Uspensky B.A. Selected works. T.1. Semiotics of history. Semiotics of culture. M., 1994, p. 75–109.
11. Lefevre G. Russian Impostors as cultural phenomena. Montreal, 2014. 213 p.

Специфика субъективного времени индивида в специальной социальной группе (студенческой группе)

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» – Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
E-mail: vitl_2002@list.ru

Забровский Вадим Алексеевич,

студент, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» – Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
E-mail: Vadim.frayd7777@gmail.com

Скрипниченко Андрей Александрович,

студент, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» – Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
E-mail: Askripka1551@gmail.com

Изучение особенностей субъективного времени представляется значимым и актуальным в интегральном представлении механизмов существования и функционирования включающего общества, в котором реализуется жизнедеятельность индивидов с ограниченными возможностями (ОВ). Субъективное время индивида с ограниченными возможностями рассматривается с позиции его восприятия хронологически представленных в интервалах времени явлений и событий. Темпоральность как базисная характеристика субъективного времени индивида представляется в качестве индивидуально-сущностного параметра в соотношении с коллективным сознанием индивидов с ОВ в особой социальной группе. Темпоральность синтезирует использование психологического, ситуативно-биографического и индивидуального времени, что представляет этапы процесса социализации и идентификации индивидов с ОВ во включающем социуме. Параметр субъективности индивидуального времени демонстрирует особую форму существования и упорядочивания комплекса событий и явлений в системе ментальных образов опыта человека. В современной литературе малоизученной является специфика переживания времени в студенческом возрасте с акцентом на переживание и проживание коллективно-профессионального времени в студенческой группе. Исследования в данном направлении показывают,

что переживание времени связано с оценкой, восприятием, сохранением и переработкой комплекса знаний и оперативной информации, отражающей качественную синхронизацию профессионально-значимых явлений и событий. Социализация индивидов с ОВ в студенческой группе во многом определяется значимостью переживания и проживания насыщенности событиями жизнедеятельности индивидов с позиции интенсивности их восприятия в рамках субъективного времени.

Ключевые слова: субъективное время, темпоральность, специальная социальная группа, студенческая группа, ограниченные возможности (ОВ).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00515, <https://rscf.ru/project/22-28-00515/>, в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

Введение. В контексте философской литературы проблема субъективного времени предстает с позиции определенного развития. Исследовательский интерес вызывает рассмотрение субъективного времени в русле практически-прикладной философии, как пример – в философии инклюзии. Изучение особенностей субъективного времени представляется значимым и актуальным в интегральном представлении механизмов существования и функционирования включающего общества, в котором реализуется жизнедеятельность индивидов с ограниченными возможностями (ОВ). При этом правомерно выделение различных групп индивидов с ОВ, что отражает их принадлежность к малым социальным группам. С позиции сценариев и путей вхождения людей в подобные группы их можно рассматривать как специальные группы индивидов с ограниченными возможностями с учетом профессионально-образовательной направленности.

Основная часть. Субъективное время индивида с ограниченными возможностями рассматривается с позиции его восприятия хронологически представленных в интервалах времени явлений и событий. Корреляция социального и субъективного времени дает возможность вести рассуждение относительно специфики бытия и деятельности индивидов с ограниченными возможностями, сохраняя системность и целостность восприятия становления самого включающего общества. Рассматривая аспекты субъективного времени индивида с ОВ необходимо отметить, что в ситуациях, когда они решают ценностно-целевые или прагматические задачи, приоритетным является профессионально-деятельностный подход к индивидам. Возникает проблема соотношения внешнего и субъективного времени для индивидов и тогда дискурс переходит в область переживания индивидом собственного индивидуального времени с учетом социального времени. Акцент переносится на комплексность переживания инди-

видов времени вхождения в группу людей с ОВ. Конечно, субъективное время протекает у различных индивидов по-разному, иногда оно вообще разнонаправлено. Однако правомерно утверждать аккумуляцию субъективного опыта в корреляции с основными целями стоящими перед индивидами во включающем обществе. В нем субъективное время выступает неоднородным, так как внутренний опыт индивида содержит локально-ментальные ощущения и образы времени, оставшиеся в прошлом. То есть, до его вхождения в общность людей с ОВ.

Темпоральность как базисная характеристика субъективного времени индивида представляется в качестве индивидуально-сущностного параметра в соотношении с коллективным сознанием индивидов с ОВ в особой социальной группе. Темпоральность синтезирует использование психологического, ситуативно-биографического и индивидуального времени, что представляет этапы процесса социализации и идентификации индивидов с ОВ во включающем социуме. При этом субъективные моменты социального времени предполагают конструирование многомерных моделей, отражающих переживание индивидом времени вхождения во включающее общество и воссоздание чувственно-ментальных образов в сфере индивидуального сознания. Параметр субъективности индивидуального времени демонстрирует особую форму существования и упорядочивания комплекса событий и явлений в системе ментальных образов опыта человека. Подобный комплекс событий и явлений систематизируется структурами темпоральности, в которых выделяют моментную и интервальную структуры времени. Эти структуры выступают темпоральными референтами, являющимися регуляторами синхронизации событий и явлений человеческой жизнедеятельности и опыта.

В условиях социальной нестабильности индивид с ограниченными возможностями своеобразно воспринимает и интерпретирует субъективное вре-

мя своей жизнедеятельности. В этой связи в современной литературе малоизученной является специфика переживания времени в студенческом возрасте с акцентом на переживание и проживание коллективно-профессионального времени в студенческой группе. Исследования в данном направлении показывают, что переживание времени связано с оценкой, восприятием, сохранением и переработкой комплекса знаний и оперативной информации, отражающей качественно-синхронизацию профессионально-значимых явлений и событий.

Приоритетными становятся такие характеристики как: дискретность-континуальность, ненапряженность-напряженность и позитивно-негативное эмоциональное соотношение собственных внутренних установок с имеющейся темпоральной шкалой. Причем подобные характеристики имеют различный уровень воздействия на характер взаимосвязей и взаимоотношений в студенческой группе. Постулируем, что в большей мере выражена темпоральная характеристика напряженности, а в меньшей – позитивно-эмоциональная корреляция субъективных установок индивида с интервалом переживания времени жизнедеятельности студенческой группы. Отметим, что на практике процесс формирования профессионально-коллективного времени внутри студенческой группы отличается своеобразным синтезом указанных характеристик, различным их сочетанием и возможным доминированием одной из характеристик в рамках становления коллективного опыта индивидов в студенческой группе. Обратим внимание на то, что формирование студенческой группы из индивидов с ОВ имеет определенные особенности, среди которых значимым сегментом является специфика переживания и проживания индивидом различных этапов вхождения в специальную социальную группу.

Социализация индивидов с ОВ в студенческой группе во многом определяется значимостью переживания

и проживания насыщенности событиями жизнедеятельности индивидов с позиции интенсивности их восприятия в рамках субъективного времени. Имеет место альтернативность субъективных оценок качества и особенностей синхронизации комплекса событий, связанных с формированием студенческой группы. Во-первых, такие оценки характеризуют события как весьма разнообразные, но, в определенной мере – неорганизованные, вызывающие ассоциации неограниченного времени. Подобное понимание касается длительности адаптации индивида с ОВ в студенческой группе и отсутствием адекватного представления об «оптимальном» варианте выхода из специальной социальной группы после обучения в структуру традиционного общества. Во-вторых, присутствуют оценки, характеризующие события как однообразные, но хорошо организованные и упорядоченные с позиции становления студенческой группы и вызывающие ассоциации неограниченности времени.

Такое представление вызвано стремлением студентов с ОВ принять стереотипы и правила поведения индивидов без ОВ в классической студенческой группе. В-третьих, достаточно часто оценки характеризуют события как однообразные, но недостаточно организованные, иницирующие темпоральную ограниченность. В подобных случаях индивид с ОВ фактически не принимает данную модель конструирования студенческой группы, так как она, в определенной мере, ограничивает его коммуникационную свободу. В итоге, в рамках студенческой группы индивиды с ОВ, по-разному упорядочивающие качественные характеристики переживаемых событий, отличаются по своему отношению к темпоральному сегменту «прошлое-настоящее-будущее», уровню понимания и интерпретации событий жизнедеятельности, оценкой и самоактуализацией профессионально-значимых ценностей.

Рассмотрение субъективного времени индивида с ограниченными возможностями предполагает, что в его сег-

ментах не встречается пара идентичных моментов времени. Так как всякий момент непосредственно включает человеческий опыт с учетом результатов его жизнедеятельности. Значимым становится параметр внутренней изменчивости субъективного времени, который демонстрирует «поток» ассоциаций и переживаний комплекса ментальных образов у индивидов с ОВ.

Исследование субъективного времени индивида с ОВ в социуме, естественно, ведет к сфере информационных систем. Так время, воспринимаемое индивидом, касается непосредственно индекса переработки имеющейся локально-определенной информации в контексте его жизнедеятельности в социуме. Подобная переработка информации предполагает темпоральность в качестве темпоральных референтов, причем среди всех по концептуальному статусу и смыслу приемлемы интервалы. Поэтому на интервалах осуществляется сама оценка, касающаяся установления адекватности и истинности любой порции информации, проходящей через субъективное время индивида.

Отметим, что каждый интервал времени представляется тождественным относительно длительности процесса обработки информации, являющейся достаточной для ситуации возникновения у индивида комплексных образов этой информации. Следовательно, акцент следует сделать не только на переработке порций и сегментов субъективного времени, характерных для индивидов с ОВ в особых социальных общностях, а на комплексном изучении специфики подобной переработки с позиции, например, сценариев вхождения индивида во включающее общество. Кроме того, наблюдается некоторый темпоральный «дисбаланс» в соотношении физического и субъективного времени.

Заключение. Основные параметры субъективного времени показывают его важную роль в процессе вхождения индивида в сферу функционирования включающего общества. А кроме того,

формирует базисные принципы интерсубъективности. Несомненно, течение субъективного времени не выглядит равномерным. Поэтому поиск своеобразных «нейронных часов» является предметным с позиции индивидуально-физиологического восприятия «потока» субъективного времени.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.
3. Научные исследования: информация, анализ, прогноз / Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / *Воронежский государственный педагогический университет*. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
4. Паутова Л.Е. Акме-синергетический подход к позиционированию успеха в системе инклюзивного образования // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 76–83.
5. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–25. С. 5730–5733.
6. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке // *Философия права*. 2012. № 5 (54). С. 86–90.

7. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3–2. С. 315–318.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1–2. С. 365–368.
9. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Социальная нестабильность в информационном обществе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 4. С. 198–199.
10. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофенко В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 7. С. 111–114.
11. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофенко В.А., Уколов А.О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7–6. С. 1110–1113
12. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофенко В.А., Уколов А.О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8–2. С. 307–310.
13. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23–27
14. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофенко В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1–2. С. 361–364.
15. Hickey-Moody A. «Turning away» from Intellectual Disability Methods of Practice, Methods of Thought // Critical

Studies in Education. 2013. № 44 (1). P. 1–22.

THE SPECIFICITY OF THE SUBJECTIVE TIME OF AN INDIVIDUAL IN A SPECIAL SOCIAL GROUP (STUDENT GROUP)

Popov V.V., Zabrovsky V.A., Skripnichenko A.A.
Rostov State Economic University (RINH) – Taganrog Institute. A.P. Chekhov (branch)

The study of the features of subjective time seems to be significant and relevant in the integral representation of the mechanisms of existence and functioning of an inclusive society in which the vital activity of individuals with disabilities is realized. The subjective time of an individual with disabilities is considered from the position of his perception of phenomena and events chronologically presented in time intervals. Temporality as a basic characteristic of the subjective time of an individual is presented as an individual essential parameter in relation to the collective consciousness of individuals with OB in a special social group. Temporality synthesizes the use of psychological, situational-biographical and individual time, which represents the stages of the process of socialization and identification of individuals with disabilities in an inclusive society. The subjectivity parameter of individual time demonstrates a special form of existence and ordering of a complex of events and phenomena in the system of mental images of a person's experience. In modern literature, the specifics of the experience of time at student age with an emphasis on the experience and living of collective professional time in a student group is little studied. Research in this direction shows that the experience of time is associated with the assessment, perception, preservation and processing of a complex of knowledge and operational information, reflecting the qualitative synchronization of professionally significant phenomena and events. The socialization of individuals with disabilities in the student group is largely determined by the significance of experiencing and living the saturation of events in the life of individuals from the standpoint of the intensity of their perception within the framework of subjective time.

Keywords: subjective time, temporality, special social group, student group, limited opportunities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness

- in social transformations // *Fundamental research*. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space // *Inclusive Education: Continuity and Continuity*. Moscow: MGPPU, 2019. P. 16–20.
  3. Scientific Research: Information, Analysis, Forecast / Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N.V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. ., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
  4. Pautova L.E. Acme-synergetic approach to positioning success in the system of inclusive education // *Inclusive education: continuity and succession*. Moscow: MGPPU, 2019. P. 76–83.
  5. Popov V.V., Agafonova T.P. Specifics of the temporality of the legal consciousness of a social subject // *Fundamental Research*. 2015. No. 2–25. pp. 5730–5733.
  6. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science // *Philosophy of Law*. 2012. No. 5 (54). pp. 86–90.
  7. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Ya.V. Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–2. pp. 315–318.
  8. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A. The concept of transitivity and transformation of society // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1–2. pp. 365–368.
  9. Popov V.V., Loitarenko M.V. Social instability in the information society // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2014. No. 4. S. 198–199.
  10. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Contradictions in the context of transitional periods of a transitive society // *International Journal of Experimental Education*. 2016. No. 7. P. 111–114.
  11. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A., Ukolov A.O. Temporality and transitivity in the historical process // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016. No. 7–6. pp. 1110–1113
  12. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A., Ukolov A.O. Features of globalization in the context of social synergy // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016. No. 8–2. pp. 307–310.
  13. Popov V.V., Shcheglov B.S., Loitarenko M.V. Features of the integral interpretation of probability in the context of evaluation factors and temporality // *Philosophy of Law*. 2015. No. 2 (69). pp. 23–27
  14. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Social Contradiction in the Context of Nonlinear Processes // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1–2. pp. 361–364.
  15. Hickey-Moody A. “Turning away” from Intellectual Disability Methods of Practice, Methods of Thought // *Critical Studies in Education*. 2013. No. 44 (1). R.1–22.

Представление женщины в кино в контексте дизайна женского костюма

Шуми Шакила,

аспирант, кафедра «Техническая эстетика и дизайн», Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
E-mail: haldersantanu@yml.com

Сантану Халдер,

аспирант, кафедра «Техническая эстетика и дизайн», Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
E-mail: haldersantanu@yml.com

же от самих зрителей, которые вносят свой вклад посредством выбора определенного кинопродукта.

Ключевые слова: семиотика, дизайн, костюм, кинематография, декодирование, объективация, гендер.

Регулярное и последовательное представление конкретного гендерного стереотипа приводит к его натурализации, в результате чего он превращается в социально одобряемый конструкт. Данный процесс приводит к формированию «гегемонистского культурного порядка». Подобная гегемония фиксируется в обществе посредством массовых типов дискурса, среди которых важную роль играет кино. Кинофильм можно представить как семиотически гетерогенный художественный текст. Женская объективация в кино – результат легитимизации многократно транслируемых смыслов. Костюм и грим женщин в кино являются набором символов, которые «декодирует» массовый зритель. Подход к дизайну костюма женских персонажах основывается на традиционной типологии женских ролей, сформированных в виде архетипических коллективных представлений. Выделяют традиционный, героический и демонически-роковой типы; данные типы соотносятся с тремя типами костюмов в кинематографии. Традиционный тип актуализирует характеристики женщин, связанные с признанием патриархального уклада как единственно верного, традиционной женственности. Демонически-роковой тип воплощает в себе стереотипные черты *femme fatale* – женщины, обладающей магической притягательностью и способностью вызывать непреодолимое влечение. Чуть позднее в кино стал появляться героический тип феминных персонажей, который конструируется на самостоятельности и активности, реализации вне семейного круга. Декодирование и коррекция гендерно-маркированной визуальной коммуникации во многом зависят от сценаристов, режиссеров, костюмеров и мастеров по гриму, а так-

Кинокартина представляет собой специфическую разновидность художественного текста и воплощение качественно нового этапа в усложнении понимания и интерпретации структуры произведения искусства. Согласно Ю.М. Лотману, любое художественное произведение, коим и является кинофильм, имеет многослойную структуру и отличается семиотической гетерогенностью, обусловленной связью с культурным контекстом и аудиторией. Таким образом, художественное произведение «перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату» [3, с. 130]: оно несет в себе набор символических шифров и культурных кодов, которые, безусловно, имеют ярко выраженное прагматическое воздействие. Ю.М. Лотман, помимо прочего, указывал на несовпадение кодов адресата и адресанта. Данный тезис коррелирует с концепцией С. Холла о том, что не существует унифицированного процесса «дешифрования» символов – каждый реципиент декодирует получаемое сообщение с опорой на культурный и личный экзистенциальный опыт [13].

«Закрытие» (closure), по С. Холлу, подразумевает изъятие из всего потенциального семантического спектра тех компонентов значения, которые являются преференциальными в господствующей идеологии. Регулярное и последовательное представление требуемого значения приводит к натурализации транслируемых символов, в результате чего они превращаются в социально одобряемый конструкт, норму, мыслительную предпосылку. Даже то, что ранее считалось девиацией, может быть легитимизировано и начать восприниматься как естественное и неизбежное. Подобное навязывание культурных смыслов приводит, в рамках терминологии С. Холла, к формированию «гегемонистского культурного порядка». Особенно отчетливо правдивость подобных суждений демонстрируют коды и символы, функционирующие в массовом сознании – СМИ, массовой литературе, кино, политическом дискурсе.

Именно с таких позиций мы рассмотрим кино, понимая его как семиотическую систему, а женскую объективацию в нем – как пример легитимизации агуманистических, неэтичных установок. Довольно оптимистичными представляются воззрения С. Холла о том, что нежелательную гегемонию можно оспорить и опровергнуть. Способом опровержения в данном случае станет декодирование посланий, переосмысление преференциальных смыслов [13].

В процессе просмотра кинофильма между зрителем и персонажем возникают определенные отношения, и персонаж, помимо вербальной коммуникации, использует невербальные средства для передачи нужной для раскрытия сущности героя и идеи фильма информации. Костюм и грим женщин в кино, безусловно, являются набором символов, прочесть и «разгадать» которые должен массовый зритель. При этом, предполагаемый зритель кино – мужчина, женщина же, напротив, расценивается как объект, на который смотрят и который подвергают оценке. Данный тезис далеко не нов – его выдвигала Л. Малви в публикации, считающейся сегодня классической – «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» [5]. Распределение субъектно-объектной структуры проявляется на всех уровнях кинематографического производства: от расположения камеры и построения мизансцены до сценария. Фильмы, построенные по такой модели, составляют абсолютное большинство всех выпускаемых образцов кинопродукции, что, в свою очередь, результирует в «маскулинизацию» зрительской позиции. Маскулинизацию Л. Малви считает симптоматическим для современной культуры феноменом, и восприятие таких фильмов женщинами только подтверждает данный постулат [5, с. 283].

Кинокартина, структурированная патриархальным обществом, транслирует женщинам «правила чужой игры», или, по А. Щербенку, получение мужского типа удовольствия (к примеру, вудайеристского удовольствия от рассма-

тривания женского тела) [10, с. 197]. Подобное искаженное, ассиметричное видение гендерных ролей в кино формирует идентичность посредством повторяемых визуальных практик [5, с. 281]. Налицо взаимосвязь с теорией С. Холла и деструктивной гегемонией транслируемых смыслов. Однако, как и в теории С. Холла, в концепции Л. Малви, гегемония не является безусловной и может существовать исключительно при дальнейшем продолжении трансляции зафиксированных ранее установок, а в случае их целенаправленной коррекции, дешифрования – меняются и массовые представления, и персональная идентичность.

Несмотря на то, что теория Л. Малви имеет продолжительную историю, ее актуальность на текущий момент неоспорима. Можно сказать, что сдвиг в общественном сознании в сторону новой этики придал новый импульс к осмыслению феномена *male gaze*. Очевидно, что и на сегодняшний день большинство кинокартин представляют собой «мужское кино». Тем не менее, существует и «женское кино», которое по-иному представляет героинь. Тем не менее, аудиторией «мужского кино» становится и женщина, и мужчина, а «женское» подразумевает исключительно зрителей-женщин. Поэтому можно говорить о продолжении существования гендерного дисбаланса, отражающего тенденции развития визуального искусства и гендерных представлений общественности.

Костюм сам по себе имеет довольно мощный семиотический потенциал. Традиционный народный костюм, наряду с традициями, устными фольклорными произведениями, играл значимую роль в расширении кругозора человека и служил для трансляции ключевых культурных кодов следующим поколениям. Знаково-символическая система народного костюма отображала ценностей и жизненный опыт целого этноса; он являл собой «своеобразный ансамбль знаков и символов» [9, с. 19]. Исторический и нравственный опыт накапливался и выражался эстетиче-

ски в материальной форме: силуэте, покрое, орнаменте, цветосхеме, аксессуарах. При этом символическое значение имеет не только национальный костюм. Пусть и в меньшей степени, но информационно и культурно значимой является, в принципе, любая одежда: она отражает мировосприятие, социальный, профессиональный, семейный и финансовый статус, гендер. Не можем в полной мере согласиться с Д.А. Харьковской, которая указывает на обезличенность современного бытового костюма: «утерян национальный адрес, обобщены элементы, которые способны рассказать о человеке» [9, с. 20].

Визуальное искусство кино также учитывает семиотику внешнего облика человека. Костюм героя играет, можно сказать, функцию сторителлинга: он представляет картину социальных отношений персонажа, черты его характера и даже роль в развитии сюжета. Д.А. Харьковская в диссертационном исследовании приводит крайне показательный пример: в 1930-х гг. голливудские костюмеры использовали, если не сказать – злоупотребляли – образ «девочки в белых колготках», который содержал «предустановленные» характеристики – финансовое благополучие, инфантильность характера, «теплые» условия существования, недостаток социализации [9, с. 19]. Ю.М. Лотман в издании «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» приводил в пример целостную художественную структуру образа Ч. Чаплина: «константный грим и костюм, константные приемы актерской игры, типовые сюжетные ситуации и отнесенность к некоторому единому человеческому типу в действительности позволяют говорить о единстве этого образа» [4].

Обобщенный принцип, по которому работали и работают многие костюмеры в киноиндустрии – одевать мужчину исходя из параметров персонажа (профессионала, отца семейства, убийцу и т. П.), а женского персонажа – в первую очередь, как женщину, т.е. с акцентом на гендер, а не на прочие параметры, которым наделен персонаж по сце-

нарию. Если обозреть дизайн женского костюма в эволюционном аспекте, с момента появления кино, можно отметить, что, вне зависимости от сюжета и жанра фильма, сексуальная объективация женщин в кинематографе очевидна. В частности, константными признаками женских персонажей в 1920–1930-е гг. были вечерние туалеты с открытыми плечами, спиной и шеей. В кинокартинах, где женщина являлась центральным персонажем, которому посвящена большая часть хронометража, ее реплики оставались шаблонными, как и костюм; следовательно, в фокусе внимания была не сама женщина, а ее платье, макияж и костюм.

Одним из первых фильмов, где режиссер отошел от подобного подхода, стал фильм «Госпожа Сатана» (*Madam Satan*, реж. Сесил Б. Демилль), вышедший в 1930 г. Костюм героини явил собой достаточно прямолинейное прочтение феминности: образ женщины был выполнен в виде извергающегося вулкана. Т.В. Бакина символику костюма вулкана интерпретирует как подавленную женскую сексуальность, экстремальную экзальтацию. Элементом дизайна костюма стала маска с дьявольскими рогами; в совокупности с искусственным французским акцентом данный образ призван был символизировать порок, искушение, априорно демоническую сущность женщины. Образ любовницы главного героя в фильме оказался противопоставленным образу классической жены: в обычной жизни героиня носила одежду светлых цветов, вызывающую уважение, а не сексуальное желание; костюмы любовницы темнее, изобилуют декором и вульгарными деталями. Для того, чтобы вернуть мужа, жена, посредством образа «госпожи Сатаны», мимикрирует под любовницу. Подобный китчевый образ «призван быть фигуральным воплощением идеи женской сексуальности» [1].

Костюмный дизайн в кинокартине *Madam Satan* приводит к рассмотрению вопроса о типологическом разнообразии базовых феминных типов. Типы женщин в кино, справедливо указыва-

ет Е.А. Потехина, «восходят к архетипическим коллективным представлениям о женских ролях» [7, с. 106]. Исследователь выделяет традиционный, героический и демонически-роковой типы; данные типы соотносятся, по нашему мнению, и с тремя типами костюмов в кинематографии. Традиционный тип актуализирует характеристики женщин, связанные с ведением домашнего хозяйства, супружества, признания патриархального уклада как единственно верного, традиционной женственности. Демонически-роковой тип воплощает в себе стереотипные черты *femme fatale* – женщины, обладающей магической притягательностью и способностью вызывать непреодолимое влечение. Чуть позднее в кино стал появляться героический тип феминных персонажей, который конструируется на характеристиках самостоятельности и активности, реализации вне семейного круга, нередко – в профессиональной сфере. Данные типы подтверждают тезис о мифологизации современной массовой культуры: схожее деление можно наблюдать в фольклоре, мифологии, древних литературных произведениях; безусловно, имеется связь и с традиционным противопоставлением Евы и Лилит. Е.А. Потехина, в свою очередь, проводит параллели с архетипами в контексте пантеона древнегреческих богинь: «к традиционному типу можно отнести Геру, Персефону, Гею, к героическому – Афины, Артемиду, амазонок, к демонически-роковому – Афродиту, Елену Троянскую, Медею» [7, с. 106].

Помимо вышеотмеченной *Madam Satan*, образ «демонической женщины» в начале становления кинематографического искусства был сыгран актрисой Тедой Барой в фильме «Жил-был дурак» (*A Fool There Was*, 1915 г.); по мнению Е.Р. Ярской-Смирновой, эту роль можно назвать «первой женщиной-вамп в истории» [11, с. 109]. В ходе развития сюжета внешне «нормальная» женщина разоблачается и показывает полуобнаженное тело, декорированное металлическим и кожаными ритуализированными аксессуарами, призван-

ными, судя по всему, стать наглядными референсами к ее языческой, демонической, проклятой сущности.

Сложно однозначно сказать, была ли эта картина первым известным образцом объективации женщины в кино: существуют мнения, что подобный неприкрытый эротизм явился продуктом волны эмансипации женщин, стремившихся доказать свою независимость, отринув сложившиеся в обществе устои «приличного поведения». Последующие реализации на экране образа *femme fatale* несколько отличались от амплуа Теды Бары: тип роковой женщины стал менее дьявольским; «роковой» тип был визуализирован подбором темной одежды и мрачного контрастного грима (в качестве примеров приведем образы, созданные для Луизы Глаум, Барбары ла Марр, Пола Негри, Мирны Лой, Веры Холодной). Неким незапланированным оммажем к демоническому образу *Madam Satan* является современный образ Анджелины Джели в роли Малефисенты (2014 г.).

Сегодня данный образ не столь тиражируем; кроме того, роковой типаж зачастую смешивается с другими. Тем не менее, неизменной символической чертой, которая отличает всех женских героинь *femme fatale*, являются специфический макияж – в первую очередь, алые губы – выразительный символ, используемый даже в эпоху черно-белого кино, который позволяет зрителю моментально типизировать героиню. Красный цвет помады уже более 130 лет функционирует как символ сексуального призыва и раскрепощенности, что, безусловно, имеет отношение к ошибкам каузальной атрибуции: замечая помаду как универсальный семиотический индикатор, зритель не пытается глубже декодировать персонажа, воспринимая его плоско, как носителя одной конкретной функции. Контрастные цвета костюмов и яркий макияж губ *femme fatale* используются «как подарочная обертка» [11, с. 105], которая в последующем приводит к одномерному изображению и рецепции женской идентичности. Как и ранее, в современ-

ной киноиндустрии агрессивная роковая женщина противопоставлена нормальной, благоразумной «фемине», стабильной и правильной.

Типаж женщины-героя оказался позитивно воспринят советским кинематографом – причиной этого является встраиваемость образа в государственный идеологический курс коммунистической партии, провозгласившей гендерное равенство. Женские образы специалистов и руководительниц в советском кино становятся маскулинизированными. Вероятно, сущность визуальной символики заключается в том, что только посредством мужского костюма женщина способна выразить волевые и деловые качества [8, с. 127]. Тенденция к маскулинизации женского костюма приобрела новые очертания к 1970-х гг., когда целью режиссеров стало изображение экзистенциальную неполноценность женщины, занятой на руководящий постах. Этот период был представлен депрессивными образами «человека в футляре», символизировавшими женщину, запертую в рамках своей социальной позиции. Дизайн костюма отражал подобную скованность: деловые костюмы, в которые одевались героини, стали иметь дисгармоничный крой, сдавливающий силуэт женщин; изменена и цветовая палитра костюма (цветосимволика костюмов в данный период основывалась на выборе «пыльных» цветов или черного). Руководящая должность приравнивалась к крушению жизненного пути женщины. В данной связи классическим, безусловно, может стать пример подбора костюмов в фильме «Служебный роман»; еще одним наглядным примером является неуместно-маскулинный образ Елизаветы Уваровой в фильме «Прошу слова» (1975 г.) режиссера Г. Панфилова (который, между прочим, описывал сюжет картины так: «трагическая история женщины на мужском месте», которая, «не задумываясь, притупляет свои женские инстинкты» [Глеб Панфилов, цит. по 8, с. 127]). Дизайн женского костюма советского кинематографа, таким образом, проявил

«те самые патриархальные установки, с которыми он боролся на протяжении всего своего предшествующего существования» [8, с. 127].

Отдельно следует рассмотреть вопрос нарочитого следования моде женскими персонажами и функций, которые выполняют подобные образы. Парадоксально, но схожая концепция прослеживается в двух фильмах совершенно разных исторических эпох и разных жанров – «Обман» (The Cheat, 1915 г.) С. ДеМилля и «Дьявол носит Прада» (2006 г.) Дэвида Фрэнкеля. В обоих фильмах женщина, одетая в модную дизайнерскую одежду, олицетворяет собой легкомысленность, ветреность и отсутствие духовной глубины. В кинокартине «Обман» речь идет о расточительной супруге, которая игнорирует финансовые затруднения мужа. Дизайн костюмов во всех сценах фильма отличается экстравагантностью и излишествами деталей. Символическое значение приобретает светлое пальто в полоску, подкладка которого выполнена из контрастной ткани в черно-белую клетку. Противоречие узоров подкладки и основной ткани пальто – часть визуальной насыщенности этого образа. Замысловатое пальто героиня демонстрирует на протяжении всего фильма, привлекая таким образом внимание окружающих [2, с. 254]. Возвращаясь к упомянутой выше типологии женских архетипических образов, можно сказать, что пальто символизирует отступление персонажа от своей канонической ролевой рамки – «женщины-хорошей жены», в противовес другим женским персонажам фильма, которые одеты невзрачно и демонстрируют большую скромность.

В современном фильме «Дьявол носит Прада» главная героиня Эндреа – провинциальная девушка в простой одежде; журналистка, которая устраивается на работу в ведущий модный журнал, и для того, чтобы добиться карьерного роста, начинает интересоваться модой, что отражается на ее внешности и в последующем возвращает ее и приводит к одиночеству. Ко-

личество модных брендов в гардеробе героини, таким образом, прямо пропорционально уровню ее нравственности. По этой причине к концу сюжета режиссер приводит ее к исходному состоянию «нормальной» девушки – одетой в простую поношенную одежду не по размеру – таково условие возврата ей психического и семейного благополучия. Героиня, отклонившаяся от типажа, осознает допущенную ошибку и выбирает тот путь, который продиктован ее окружением.

Объективацию женщин посредством дизайна костюма нельзя называть побочным эффектом массового кинопроизводства; в ряде случаев очевидно, что объективация выступает требованием, предпосылкой успешности кинокартины [6, с. 203]. Данный тезис можно подтвердить тем фактом, что склонность объективировать женское тело превозмогает стремление следовать исторической правде. Как очевидно, аутентичность не является ключевой функцией костюмов в кино; это было отмечено еще Ю.М. Лотманом: «нормы красоты очень подвижны, и режиссеру необходимо, чтобы героиня [Клеопатра] казалась красивой в свете вкусов сегодняшнего зрителя, а не довольно туманно нами представляемых и непосредственно-эмоционально весьма далеких вкусов ее современников»; при этом костюм представляет собой условный знак определенной эпохи, а не «воспроизведение реальной одежды какого-либо исторического периода» [4, с. 72]. Таким образом, обозначая какую-либо эпоху за счет узнаваемых силуэтов и деталей, режиссеры продолжают подчинять дизайн костюма современным предпочтениям, при этом довольно часто исходя, осознанно или нет, из вышеотмеченной парадигмы *mal gaze*. Такая особенность свойственна кино уже с начала его становления. Л.Д. Надулман указывает, что даже родоначальник дизайна костюмов в кино, модельер Поль Пуаре, в работе над костюмами для фильма «Королева Елизавета» (1913 г.) создавал такие исто-

рические образы, в которых можно было угадать черты женской моды 1910-х годов, хотя события сюжета разворачивались в XVI веке [15, р. 2]. В экранизации «Трех мушкетеров» (1948 г.) костюмы Миледи являются иллюстрацией вечерней моды 1940-х гг., «разбавленной» условными историческими деталями.

Среди современных кинокартин искажение аутентичности визуального облика женского персонажа особенно наглядно показывают образы женщин-воинов. Растиражированный образ амазонок благодаря киноиндустрии ассоциируется у массового зрителя, в первую очередь, с обнаженными сексуализированными женщинами, тогда как очевидно, что эти воюющие племена использовали достаточно массивные доспехи. Объективация женщин-воинов противоречива: сущность такого персонажа – сильная личность, но, при этом, именно эти образы чаще всего оказываются практически обнаженными. По данным анализа 56 кинокартин, признанных лучшими в ряде стран мира – США, Индии, Уганды, Швеции и др., женщины появляются обнаженными в 4 раза чаще мужчин в фильмах, снятых в 2011 году [12]. Каноничным примером является образ героини в фильме *Lara Croft: Tomb Raider* и проч. частях франшизы и одноименных видеоиграх: ее костюм несопоставим с костюмом Брендана Фрейзера, помещенного в серии фильмов «Мумия» в аналогичные условия. Таким образом, зачастую, оказываясь в одинаковых социальных, климатических условиях, в зоне боевых действий женские и мужские персонажи одеты совершенно по-разному (приведем в качестве примера телесериал «Затерянный мир», на постере которого все мужчины одеты в закрытую одежду, пригодную для путешественников, а единственная девушка, путешествующая с ними, практически обнажена).

Естественно, ряд приведенных выше примеров не доказывает абсолютную и сознательную приверженность кинорежиссеров к объектива-

ции. В разные исторические эпохи было создано множество кинокартин, служащих «взлому» гегемонических тенденций к объективации. К примеру, каноничным образом женщины называют Холли Голайтли в фильме «Завтрак у Тиффани» (1961 г.), воплощающей интеллектуальную красоту, в меньшей мере ориентированную на телесность; костюмы при этом играли далеко не последнюю роль в создании персонажа. Отметим также и эволюцию королевского костюма Падме Амидалы серии «Звездные войны» [14], отмечаемого множеством критиков. Костюмы способствовали созданию многогранных женских персонажей в фильмах Юхо Куосманена («Купе #6»), Жака Одиера («Ржавчина и Кость»), Ли Чхан Дона («Поэзия», «Тайное сияние»), Шона Бэйкера («Проект «Флорида»», Паоло Вирци (Like Crazy), Сергея Дворцевого («Айка») и многих других.

Кроме того, поколение фильмов для более молодой аудитории, менее подверженной патриархальной риторике и визуальной среде, отражает совершенно новый подход к дизайну костюмов в раскрытии персонажей («Дюна», «Голодные игры», «Бриджертоны», «Райские холмы» и др.). Отметим также и проблему объективации мужчин, которая также проявляется в современном массовом кино, пусть и в меньшей степени.

В заключение отметим: феминистское киноведение, во многом опираясь на традиции культурных исследований, не направлена на изобличение случаев сексистского изображения женщин, а ставит своей задачей лучшее понимание и переосмысление отношений между гендером и кинематографом, декодирование деструктивных смыслов. Декодирование и коррекция гендерно-маркированной визуальной коммуникации во многом зависят от сценаристов, режиссеров, костюмеров и мастеров по гриму, а также от самих зрителей, которые вносят свой вклад посредством потребительского выбора определенного кинопродукта.

Литература

1. Бакина, Т.В. Перья, фрукты и зефир: спектаклярность в дизайне костюмов для голливудских фильмов 1920–1940-х годов / Т.В. Бакина // Новое литературное обозрение. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/56_tm_2_2020/article/22419/. – Дата доступа: 08.04.2022.
2. Бакина, Т.В. Рождение голливудской зрелищности: визуальная экспрессия и повествовательные функции костюмов в немых фильмах Сесила Б. Демилля / Т.В. Бакина // Художественная культура. – 2021. – № 2 (37). – С. 252–285.
3. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 129–132.
4. Лотман, Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман Таллин: Издательство «Ээсти Раамат», 1973. – 76 с.
5. Малви, Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 280–297.
6. Петушкова, Т.А. Дизайн визуально-графических коммуникаций модных брендов: дисс. ... канд. искусств. 17.00.06 / Т.А. Петушкова. – М.: Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, 2020. – 372 с.
7. Потехина, Е.А. Культурные модели феминного: роковая женщина и женщина-вамп / Е. А. Потехина // Царскосельские чтения. – 2016. – № XX. – С. 106–110.
8. Торбург, М.Р. Эволюция образа женщины-руководительницы в советском кино / М.Р. Торбург, С.В. Добронравов // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 3. – С. 127–133.
9. Харьковская, Д.А. Костюм как средство изобразительной выразительности в создании кинообраза (на примере фильмов А.А. Тарковского): дисс. ... канд. искусств. 17.00.03 / Д.А. Харьковская. – М.: Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова, 2018. – 156 с.
10. Щербенок, А. Зеркало желания: женщина как визуальный объект / А. Щербенок // Философско-литературный журнал «Логос». – 2012. – № 6 (90). – С. 196–203.
11. Ярская-Смирнова, Е.Р. Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики / Е.Р. Ярская-Смирнова // ЖССА. – 2001. – № 2. – С. 100–118.
12. Elks, S. Women are four times more likely to be shown undressed in films than men / S. Elks // Worlds Economic Forum. – 2022 [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2019/10/harmful-female-gender-stereotypes-film-industry/>. – Date of access: 08.04.2022.
13. Hall, S. Encoding/decoding / S. Hall // Culture, Media, Language. – Routledge, 1980. – 11 p.
14. King, M.C. Costume evolution during the development of romantic relationships and its impact on the positions of power in the Star Wars prequel and original trilogies / M.C. King, J.L. Ridgway // Fash Text. – 6, 11. – 2019. – P. 80–89.
15. Nadoolman, L.D. Dressed: A Century of Hollywood Costume Design / L.D. Nadoolman. – New York: Harper Design, 2007. – 394 p.

REPRESENTATION OF A WOMAN IN THE CINEMA IN THE CONTEXT OF WOMEN'S COSTUME DESIGN

Shumi Shakila, Santanu Halder

Russian State University. A.N. Kosygin (Technology. Design. Art)

Regular and consistent presentation of a specific gender stereotype leads to its naturalization, as a result of which it turns into a socially approved construct. This process leads to the formation of a "hegemonic cultural order". Such hegemony is fixed in society through mass types of discourse, among which cinema plays

an important role. A movie can be represented as a semiotically heterogeneous text. Women's objectification in cinema is a result of the legitimization of repeatedly broadcasting meanings. The costume and make-up of women in cinema are a set of symbols that the mass audience decodes. The approach to costume design for female characters is based on the traditional typology of female roles, formed in the form of archetypal collective representations. There are traditional, heroic and demonic-fatal types; these types correlate with the three types of costumes in cinematography. The traditional type actualizes the characteristics of women associated with the recognition of the patriarchal way of life as the only true, traditional femininity. The demonic-fatal type embodies the stereotypical features of a femme fatale – a woman with a magical attraction and the ability to evoke an irresistible attraction. Consequently the heroic type of feminine characters began to appear in the cinema, which is constructed on independence and activity, realization outside the family circle. The decoding and correction of gender-specific visual communication largely depends on the scriptwriters, directors, costumers and make-up artists, as well as on the viewers themselves, who contribute through the choice of a particular film product.

Keywords: semiotics, design, costume, cinematography, decoding, objectivation, gender.

References

1. Bakina, T.V. Feathers, fruits and marshmallows: Spectacularity in the design of costumes for Hollywood films of the 1920s-1940s / T.V. Bakina // *New Literary Review*. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/56_tm_2_2020/article/22419/. – Access date: 04/08/2022.
2. Bakina, T.V. The Birth of Hollywood Spectacle: Visual Expression and Narrative Functions of Costumes in Silent Films by Cecil B. DeMille / T.V. Bakina // *Artistic Culture*. – 2021. – No. 2 (37). – P. 252–285.
3. Lotman, Yu.M. Semiotics of culture and the concept of text / Yu.M. Lotman // *Selected articles*. T. 1. – Tallinn, 1992. – P. 129–132.
4. Lotman, Yu.M. Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics / Yu.M. Lotman Tallinn: Eesti Raamat Publishing House, 1973. – 76 p.
5. Mulvey, L. Visual Pleasure and Narrative Cinema // *Anthology of Gender Theory / Ed.E. Gapova, A. Usmanova*. – Minsk: Propylaea, 2000. – S. 280–297.
6. Petushkova, T.A. Design of visual and graphic communications of fashion brands: diss. ... cand. arts. 17.00.06 / T.A. Petushkova. – M.: Russian State University. A.N. Kosygin, 2020. – 372 p.
7. Potekhina, E.A. Cultural models of the feminine: a femme fatale and a vamp / E. A Potekhina // *Tsarskoye Selo Readings*. – 2016. – № XX. – S. 106–110.
8. Torburg, M.R. The evolution of the image of a woman leader in Soviet cinema / M.R. Torburg, S.V. Dobronravov // *Woman in Russian society*. – 2021. – No. 3. – P. 127–133.
9. Kharkova, D.A. Costume as a means of pictorial expressiveness in creating a film image (on the example of A.A. Tarkovsky's films): diss. ... cand. arts. 17.00.03 / D.A. Kharkov. – M.: All-Russian State Institute of Cinematography named after S.A. Gerasimov, 2018. – 156 p.
10. Shcherbenok, A. Mirror of desire: a woman as a visual object / A. Shcherbenok // *Philosophical and literary journal "Logos"*. – 2012. – No. 6 (90). – P. 196–203.
11. Yarskaya-Smirnova, E.R. Gender, power and cinema: the main directions of feminist film criticism / E.R. Yarskaya-Smirnova // *JSSA*. – 2001. – No. 2. – P. 100–118.
12. Elks, S. Women are four times more likely to be shown undressed in films than men / S. Elks // *Worlds Economic Forum*. – 2022 [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2019/10/harmful-female-gender-stereotypes-film-industry/>. – Date of access: 04/08/2022.
13. Hall, S. Encoding/decoding / S. Hall // *Culture, Media, Language*. – Routledge, 1980. – 11 p.
14. King, M.C. Costume evolution during the development of romantic relationships and its impact on the positions of power in the Star Wars prequel and original trilogies / M.C. King, J.L. Ridgway // *Fash Text*. – 6, 11. – 2019. – P. 80–89.
15. Nadoolman, L.D. Dressed: A Century of Hollywood Costume Design / L.D. Nadoolman. – New York: Harper Design, 2007. – 394 p.

Понимание знака за пределами пользы и информации. Знак в теории не-систем

Сафронов Алексей Владимирович,

кандидат технических наук, кафедре онтологии и теории познания, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: alexey.safronov.w@gmail.com

В статье рассматривается проблема знака в контексте кризиса современного сциентизма и монизма вообще. Понимание знака как отношения, а не как вещи, свойственное семиотике, формирует парадигму «нереальности» текста и всех социальных отношений, основанных на коммуникации. Несмотря на то, что прагматизм преследовал цель упрощения онтологии, ее прагматизации, результатом применения идей этой философии стало не просто усложнение, но и виртуализация представлений о Вселенной. Понимание всего как информации оставило за скобками вопрос об авторстве, а значит, и об ответственности, во многом лишая читателя возможности сохранять связь с реальными источниками информации. В статье предлагается рассмотрение знака в плюралистической парадигме или, иначе говоря, в рамках теории не-систем. В этом ключе знак рассматривается как мульти-субстанциальный объект не-системы или мультивещь, но данная каждой субстанции как определенное отношение в двух планах: как тип отношения и как уровень сложности отношения. Данный поход, в частности, открывает путь для исследования взаимосвязи нейронных и знаковых структур, понятий и идей.

Ключевые слова: знак, мультивещь, мультивселенная, мультисубстанциальная онтология, плюрализм, не-система, теория не-систем.

Переходя от изучения переживаний, что было актуально для романтизма, к изучению верований или убеждений, прагматизм был вынужден объявить переживания чем-то совсем простым. Одновременно знак в этой системе понятий стал равновелик мысли или ощущению. А это значит, что понимаемый таким образом знак и, следовательно, наше познание, стали не способны более проникать глубже в мысль и ощущение, анализируя их части, структуры и т.п.

В работе «Вопросы относительно некоторых способностей, приписываемых человеку» Ч.С. Пирс пишет: «...ни одна мысль, ни одно чувствование сами по себе не содержат никаких других мыслей или чувствований, но все они являются абсолютно простыми и недоступными для анализа; считать, что они состоят из других мыслей или чувствований, так же ошибочно, как и считать, что движение по прямой линии состоит из двух движений, результатом которых оно является; то есть это утверждение – метафора или фикция, параллельные истине. Всякая мысль, какой бы искусственной и сложной она ни была, является, коль скоро она дана непосредственно, просто ощущением, не имеющим частей...» [1].

О том же пишет и другой знаменитый прагматист У. Джеймс в своей «Психологии»: «Ощущения не суть нечто сложное. Основным возражением против попытки Фехнера, по-видимому, должно быть то, что любая различимая степень и любое различимое количество самого ощущения – это нераздельный факт сознания, хотя внешние причины наших ощущений и состоят из многих частей. Каждое ощущение есть непрерывное целое» [2].

Понимание ощущения как непрерывного целого, однако, есть ограничение познания. Такое ограничение мы рассматриваем как влияние биологи-

ческого или информационного в науке, где организм или единица информации заведомо выступают как единицы целесообразности, как атомы смысла или даже пользы. Однако, общеизвестно, что атом всегда бывает расщеплен. Поэтому рассмотрим, может ли семиотика «копнуть» глубже в суть вещей. Есть ли у нее такой потенциал?

Семиотика (наука о знаках) началась, по большей части, с прагматизма, но, что особенно важно, она имманентно до сих пор включает в себя элемент стремления к пользе. И это по-своему разумно, так как редукция знака к значимости, в конечном счете, оказалась весьма «полезной». В современном мире мы видим постоянную оптимизацию работы с информацией, и только то, что по-настоящему значимо, теперь воспринимается как знак. На остальное, попросту говоря, нет времени. Однако, не правда ли, это не тот результат, к которому стремился, скажем, Уильям Джеймс? Будучи сам человеком в высшей степени образованным и добродетельным, Джеймс вряд ли думал о том, что прагматизм может привести к тотальному упрощению работы человека с информацией. Действительно, если в информации для данного человека нет никакой пользы, то зачем тратить на нее силы. Обратная сторона такого прагматизма – спекуляция фактами, стремление довести любую информацию до степени «значимой», жизненно важной.

Конечно, говоря о У. Джеймсе или Ч.С. Пирсе, мы не имеем в виду «бытовой» прагматизм, часто вырождающийся в банальную лень современного человека ставить перед собой амбициозные задачи. Прагматизм – это прежде всего пространство методологической свободы, позволяющее выбор всего и вся, от инструментов познания до законов природы, с целью достижения некоторых практических целей, удовлетворения важнейших потребностей, решения актуальных проблем. При этом представляется, что прагматизм – это половинчатая редукция, делающая только первый (биологический) шаг –

от знака к значимости, но не способная ничего сообщить о самих целях, о самой целесообразности тех или иных проблем, потребностей и т.д.

Говоря о значимости, Джеймс призывает нас быть морально «сильными»: «Поступок не имеет никакой нравственной ценности, если он не был выбран из нескольких одинаково возможных. Борьбаться во имя добра и постоянно поддерживать в себе благие намерения, искоренять в себе соблазнительные влечения, неуклонно следовать тяжелой стезей добродетели – вот характерные проявления этической способности. Мало того, все это лишь средства к достижению целей, которые человек считает высшими. Этическая же энергия *par excellence* (по преимуществу) должна идти еще дальше и выбирать из нескольких целей, одинаково достижимых, ту, которую нужно считать наивысшей. Выбор здесь влечет за собой весьма важные последствия, налагающие неизгладимую печать на всю деятельность человека» [2].

Попытки Джеймса показать, что такое лучший поступок и что он заключается в том, чтобы не идти путем наименьшего сопротивления, следует признать unsuccessful надстройкой на теле прагматизма. Современный деятельный человек, исходящий из практической пользы, очень часто просто впадает в апатию из-за неспособности получить ответ, к чему же все-таки стоит стремиться такими невероятными усилиями и с таким завидным упорством. В лучшем случае такой человек находит себе ценностный ориентир в других людях.

Рассуждения о знаке приводят к осознанию кризиса современного сциентизма, который происходит, казалось бы, во время самого расцвета науки и техники, поражающей нас почти каждый день. В то же время мы видим, как быстро растет пропасть между теми, кто занимается наукой, и теми, кто потребляет ее плоды. И пропасть эта вовсе не в том, что одним интересно, как устроен мир, а другим – нет, как можно было бы подумать, а в том, что

ученые и все остальные живут в принципиально разных знаковых системах. Если для ученых знаки все еще имеют «привкус» отражения какой-то реальности, то у потребителей науки просто нет никакой возможности почувствовать этот «привкус».

Деятельность ученых отодвигает границу знаков, которые еще «соприкасаются» с реальностью, слишком далеко от бытовых представлений зрелого человека. В тот момент, когда ребенок окончательно погружается в мир потребления знаков (созданных другими), он оказывается полностью отрезан от того, что мы бы назвали возможностью редукции к более глубокой онтологии, чем онтология значимости, ценности (или пользы).

Что же лежит за границей пользы? Существуют ли там знаки? Еще Платон утверждал, что если что-то не освещается светом блага, то его невозможно и познавать. Иными словами, бесполезное не переводимо в знаки (как их понимает прагматизм). Однако благо, в самом деле, есть продукт биологической природы, в которой есть место жизни и смерти, тогда как мир в целом, к счастью или несчастью, значительно больше его биологической прослойки. Много ли беды, что погибнет вселенная, в которой не существует и никогда не может появиться ни одной живой души? В то же время такую вселенную можно было бы познавать. Так к чему, в таком случае, на втором шаге редуцирует значимость? Чем еще более общим можно было бы фундировать существование знаков?

Вопрос крайне непростой, тем более что сами знаки, кажется, появились, тоже ради пользы – ради обособления организма, коммуникации и объединения усилий разных живых существ или даже для слаженной «работы» белков (биосемиотика).

Принято считать, что знак имеет место тогда, когда что-то одно обозначает другое (в более общем смысле – является моделью другого или правилом интерпретации одного другим). Однако для реализации этого, казалось бы,

непритязательного условия онтология уже должна содержать «систему» и в ней должен быть «субъект», для которого в широком смысле существует различие в том, чтобы быть чем-то и означать что-то. Должен быть кто-то, кто разбирается в правилах интерпретации, кто способен видеть за вещью модель, а за моделью вещь.

Так, скажем, лиса отличает самого зайца от его следов на снегу или его «духа», понимая, что съесть можно только самого зайца, а не его след. Но при этом следы означают, что заяц есть и его можно выследить. Следы являются знаком зайца, но, как известно, только лиса или другой хищник в состоянии этот знак прочесть. Без субъекта этого знака якобы не существует, так как нет никого, для кого след зайца что-либо обозначал.

Вселенная прагматизма, таким образом, – это вселенная читателя. Именно «читатель», такой как лиса, распознает здесь знаки, как будто все знаки уже даны. При этом заяц не создает знаки, он даже не пишет текст. Текст как бы возникает сам собой. Правила интерпретации одного через другое как бы возникают в силу некоторого системного детерминизма, через память или привычку. Но как может быть иначе в «системе», которая состоит только из читателей, где даже текст не создается, а возникает как чтение? Читатель и текст здесь постоянно меняются местами и «читают» друг друга. Сейчас я читатель, а через мгновение мое чтение становится текстом для другого. Упомянутая выше лиса, которая взяла след зайца, сама стала знаком для кого-то, но не стала автором этого знака.

Ролан Барт в 1967 году сообщает нам о «Смерти автора», что неудивительно, так как целостная единая вселенная без онтологического раскола не может породить «автора». Автор в такой закрытой и замкнутой на себе системе может быть только медиумом чужого текста.

Однако человек сложнее лисы, что заставляет задуматься, верны ли на-

ши системные представления вообще. Человек может не только распознавать знаки, не только писать текст, но и играть в онтологические игры, например, создавать новые знаки, которые в момент осознания еще не отражают ничего в реальности. И это требует хотя бы базового объяснения. Например, словам «единорог» или «ангел», кажется, не соответствует ничего в окружающем мире. Точнее, не существовало до того, как они проникли в нашу «систему» из онтологического раскола. Сегодня «ангелы» и «единороги» могут оказаться участниками историй, которые вызывают неподдельные эмоции, учат и воспитывают. Следует отдать должное тому, что и понятие «стол», например, когда-то появилось таким же образом.

Такие понятия, как «ангел» или «единорог», называются пустыми, но им соответствуют непустые знаки. В своем знакотворчестве человек способен и на большее. Еще дальше в бездну знака заглянул постмодернизм, обнаружив, что бывают также и пустые знаки. От Ж. Лакана, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делеза, М. Фуко мы узнаем, что есть знаки, которые не содержат совсем ничего реального, и читатель, или потребитель искусства, сам интерпретирует то, что видит. Фуко, более того, считает, что невозможно заложить в любой знак, даже непустой, полную определенность: он всегда лишен строго определенного смысла. Поэтому со стороны читателя в принципе всегда требуется собственная интерпретация.

Этот «трюк» постмодерна далеко не случаен. Мы видим в нем реакцию современного человека на заложенную прагматизмом управляющую или даже подчиняющую функцию знака. В известном смысле, знак-модель, знак-правило – это всегда данность уже совершенного чужого решения. Знак не только сообщает информацию, но и навязывает чью-то волю в виде модели ее исполнения. Знак сам является знаком того, что кто-то уже принял решение, совершил выбор, снизил уровень неопределенности, и восприятие

знака как бы есть акт авторского диктата над «читателем» (в самом широком смысле). Но мы пока не видим автора и не можем решиться выделить его из системы, поэтому наше сопротивление «автору» пока подобно поведению ребенка, закрывающего от страха глаза.

Таков знак прагматизма, создавший биоинформационный мир, в котором мы живем. Как писал Норберт Винер, «организм» – это информационный «сигнал». Живая клетка – это сигнал, даже человек – это сигнал. Это информационное понимание знака еще больше подчеркивает насильственную природу знака-модели, каким его видит прагматизм. Это значит, что информация не просто дается человеку извне, но и сообщается ему как «семья» чужой жизни. Если я знаю другого, стало быть, я уже «вынашиваю» его в себе.

Ответ постмодернизма – это, пожалуй, высшая точка «самообороны» от диктатуры знаковой реальности, которая только и доступна монистическому воззрению, или, что то же самое, парадигме системного мышления. Сообщая, как Фуко, что знак всегда требует интерпретации (а мы добавим – отличной от авторской), постмодернизм говорит вовсе не то, что знак не несет никакой определенности и смысла (определенность была заложена чужой волей): он говорит, что, не интерпретируя знак, мы оказываемся под его давлением, под его контролем. Это совершенно логичная реакция на то утилитарное понимание знака как чего-то полезного (как правила достижения цели), которое возникло вместе с семиотикой.

Такое понимание знака, конечно, имеет сугубо практический смысл. К. Шеннон сообщает нам, что любой выбор снижает уровень неопределенности. Постмодернизм поэтому намеренно повышает неопределенность, чтобы сохранить толику пространства для свободы читателя в широком смысле.

Неслучайно М. Маклюэн пишет: «По-видимому, в неграмотном, лишен-

ном письменности обществе просто невозможно сделать грамматическую ошибку. Во всяком случае, никто и никогда не слышал об этом» [3]. Этим он подчеркивает, что совершить ошибку в рамках знаковой системы может только тот, кто следует правилам этой системы. Поэтому неграмотность им в некотором смысле приравнивается к освобождению от диктата такой системы.

Постмодернистский разрыв обозначающего и обозначаемого – это как бы разрыв онтологической клетки, в которой пребывает читатель. Однако такая реакция на знак со стороны постмодернизма сама исходит из поверхностного утилитарного понимания знака. Постмодернистский методологический раскол – это лишь эрзац онтологического раскола, который следовало бы уже признать как реальность, принимая онтологический плюрализм.

Другую крайность такого понимания знака мы наблюдаем в понятии симулякра Ж. Бодрийяра: «Речь идет уже не об имитации, не о дублировании, даже не о пародии. Речь идет о субституции, подмене реального знаками реального, то есть об операции по апотропии всякого реального процесса с помощью его операциональной копии, идеально дескриптивного, метастабильного, программированного механизма, который предоставляет все знаки реального, миную любые перипетии» [4].

Бодрийяр, по всей видимости, продолжает постмодернистские попытки «побега» из семиотической клетки. И он совершает еще одну отчаянную акцию – сообщает нам, что знаковая реальность способна порождать внутри независимые, вполне свободные от реальности самостоятельные образования. Речь о симулякрах разного порядка и уровня, о гиперреальности. Фактически, идея Бодрийяра здесь в том, что знаковые реальности создают модели, из которых мы уже не можем добраться до реальности. Впрочем, если она существует на самом деле.

Так, А.А. Костикова отмечает, что уже на третьем порядке симулякр становится полностью неотличим от ре-

альности: «Симулякр третьего порядка имеет своей целью симуляцию различий, в этом случае симуляция тотальна и незаметна. Симулякр третьего порядка конструирует самостоятельную гиперреальность. Являясь полностью технологичным, даже в тех случаях, где участие техники вовсе не предусмотрено, симуляция несет в себе все свои «технические» черты (операциональность, инструментальность, алгоритм)» [5].

К сожалению, Бодрийяр здесь оказывается статистом ситуации, или, по крайней мере, крайним скептиком, не видящим выхода. В лучшем случае – он мыслитель спинозианского типа, который предостерегает нас: в познании – сила. Ибо мы не беспомощны, и все еще можем кое-где и за симулякром разглядеть его истинную природу. Хотя можем ли? Если справедливо утверждение Костиковой, то уже не можем, и симулякр третьего порядка наглухо захлопывает «дверцу семиотической клетки». Принимая эту философию, мы больше не способны из нее выбраться.

Как уже отмечалось выше, такой скептицизм сам по себе является продуктом монистической философии или теории систем (в науке), которая, кажется, достигла в постмодернизме вершины допустимой сложности обращения с Единым – своеобразного пика «монистических оговорок», после которого только «пропасть» и «пустота».

Действительно ли всякий знак является командой? Отдаляет ли симулякр нас от действительности? Конечно, да, если считать, что знак – это модель, правило действия, навязанное другим. Конечно, да, если понимать вселенную как Единое, как систему, в которой все взаимосвязано и все есть свойства системы. Так, скажем, «польза» и само «значение» тоже оказываются свойствами системы. Выход за пределы пользы означает и выход из системы, и переход к пониманию вселенной как не-системы, переход от онтологии Единого к онтологии Многого, где есть место и воле, и онтологической игре, и той

форме знака, которая предшествует знаку-модели или знаку-команде.

В «системе» знак может быть только моделью внутри Единого, то есть, в конце концов, причиной и командой, обязательной к исполнению. Если принять плюралистическую парадигму, для которой Единого не существует, знак может быть не моделью того, что и так существует (зачем же ему понадобилась модель?), не правилом, а формой взаимодействия элементов в не-системе (независимых субстанции). Тогда знак перестает быть командой, а становится сам по себе вещью и одновременно целью. Пирс неоднократно подчеркивал, что знак не является вещью, но он имел в виду обыденное представление знака как вещи в его материальном проявлении, а вовсе не онтологический смысл этого утверждения.

В то же время Пирс лишает нас возможности видеть в знаке что-то непосредственно данное, а следовательно, мы не можем проследить и процесс создания знака и переход от непосредственности к опосредованию в интерпретации внутри субъекта.

Он пишет: «Из пропозиции, что всякая мысль есть знак, следует, что всякая мысль должна обращаться к какой-то другой мысли, определять какую-то другую мысль, поскольку такова сущность знака. Это, в конечном счете, есть не что иное, как другая форма известной аксиомы, согласно которой в интуиции, то есть в непосредственно данном, нет мысли, или, иначе говоря, все, что осмысляется, имеет прошлое» [1]. Но если все, что осмысляется, имеет прошлое, то осмыслить само возникновение знака (понимаемого так) мы не в состоянии. Отсюда и цинизм современного человека, который решительно за всем видит «смысл» и часто даже «умысел», а не само существование.

Так, мы можем сказать, что дружба есть знак общения двух людей, но можем увидеть в ней и смысл этого общения. В теории систем (в рамках Единого) мы вынуждены задаться вопросом: зачем, для какой пользы, по какой при-

чине имеет место дружба. В не-системе такой вопрос неуместен, так как дружба оказывается здесь вещью, которая прежде всего есть и есть в виде формы взаимодействия миров-субстанции. В ней и способ, и сам смысл (ценность) такого взаимодействия.

Знаки-модели прагматизма начинаются в момент такого домысливания до Единого, когда мы за дружбой стремимся увидеть биологический смысл, усмотреть информационные законы дружбы, которые подчинены законам сохранения энергии, и тому подобные вещи. Знаки-модели прагматизма снижают неопределенность, но в ряде случаев, когда это касается человеческой свободы, делают это чрезмерно. Мы видим, что неопределенность в нашем понимании мира и других людей сейчас снизилась необыкновенно сильно, как будто «умысел» каждого для нас «как на ладони». Поэтому в постмодернизме возникает мотив – вернуть баланс неопределенности, или, проще говоря, вернуть нам другого человека, воссоздать мир, в котором есть баланс нашей и чужой воли.

Когда психолог объясняет нам, что дружба отражает наши детские комплексы и мы ищем в друге определенные психологические свойства, а биолог утверждает, что эту связь людей подкрепляет также и определенный выброс нейромедиаторов, мы, конечно, не будем тут спорить. Но заметим, что все эти объяснения недостаточны, и они построены на понимании дружбы как системного свойства. В конце концов, дружба становится здесь таким же сигналом, как любой другой, и можно было бы измерять ее с помощью датчиков на основе уровня выделения нейромедиаторов. Однако являются ли эти нейромедиаторы для нас биологическими знаками-командами, которым мы можем только подчиняться? Конечно, нет. Даже известный эксперимент Либета показал, что человек в состоянии противостоять импульсам нервной системы, отменяя ее команды, то есть как минимум свободой «неволи». Но как человек способен на это? Не означает ли

это, что человек способен создавать свои собственные правила и модели, то есть заниматься творчеством знаков? И ключевой вопрос здесь тогда – как и из чего человек создает знак? Не из памяти, не из привычки, и не из потребности.

Представляется, что знак глубже встроен в онтологическую структуру мира и являет собой не только нечто обозначающее или значимое для субъекта, а вообще являет собой некоторый вид явлений природы. По крайней мере, в знаке, который нам известен, есть что-то еще, чего мы не знаем, и что существует, но не является лишь отношением вещей или «материалом» для коммуникации. И здесь мы собираемся предпринять попытку разглядеть это скрытое явление. От нуля на оси «значения» мы оттолкнемся в обратную сторону, где постараемся обнаружить то, что лежит по ту его сторону.

Онтологический раскол

Вероятностная вселенная, о которой нам постоянно рассказывают физики, может быть осмыслена как мультисубстанциальная. В такой вселенной знаки становятся внешней стороной того, что есть на самом деле вероятность. Причинно-следственные связи мы здесь понимаем как каузальность внутри одной субстанции, тогда как связь между субстанциями обусловлена тем же, чем и связь слов в предложении.

Э. Гуссерль пишет: «Там, где мы говорим, что положение дел А есть оповещение о положении дел В, что бытие одного указывает на то, что существует также и другое, то здесь мы можем ожидать с полной определенностью, что мы действительно обнаружим это последнее, однако, говоря таким образом, мы не имеем в виду, что между А и В наличествует отношение объективно необходимой связи; содержания суждений не выступают здесь для нас в отношении посылок и выводов». И добавляет: «Если же оповещение (или мотивационная связь, в которой оно проявляется как объективно данное отношение) не имеет существенного отношения

к необходимой связи, то, конечно, можно спросить, не должно ли оно иметь сущностное отношение к вероятностной связи» [6].

Квантовая физика постоянно намекает нам, что мир не един, так как в природе существует вероятностная связь явлений, которая по сути есть информационная или знаковая связь там, где детерминизм «не имеет прав». Принимая плюрализм всерьез, мы признаем, что в мире имеют место области онтологического раскола, расщепления – иными словами, области неопределенности. В плюралистической вселенной нет Единого, точнее, нет какой-то единой вселенной, а на ее место приходит мультивселенная, но не как нечто целостное, а как совокупность или даже со-бытие Многого. Плюралистическая онтология больше не говорит о бытии, так как она говорит о со-бытии.

Тогда знак становится здесь мультисубстанциальным объектом (мультивещью) – «связующим материалом» или со-бытием для независимых субстанций и областей неопределенности. Знак прокладывает здесь мост между субстанциями, является способом и формой взаимодействия (одной из форм) онтологически не связанных частей не-системы. Специфика знака здесь, в отличие от прагматизма, заключается в том, что знак со-бытийствует как мультивещь, но дан каждой субстанции как феномен в виде отношения. Стало быть, поиск знака самого по себе, как он есть онтологически, – это изучение его мультивещности.

Для этого рассмотрим знак в двух планах: «с точки зрения» каждой субстанции (каждой вселенной), участвующей в этом процессе (тип отношения), а также в зависимости от числа таких субстанций (сложность отношения). Рассмотрим отдельно оба эти плана знака как мультисубстанциального объекта в не-системе:

- тип отношения;
- сложность отношения.

Тип отношения в не-системе определяет «точку зрения», в рамках которой знак может быть либо уже существую-

щим, либо существующим частично, либо непосредственно создаваться. Этим типам отношения соответствуют пассивное потребление знака, деятельное потребление знака и знакотворчество.

Как пишет М. Фуко: «Давно было известно – задолго до “Кратила”, – что знаки могут быть даны природой или образованы человеком. XVI век также знал об этом и распознавал в человеческих языках установленные знаки. Однако искусственные знаки обязаны своей жизнеспособностью исключительно их верности естественным знакам. Последние издавна составляли основу всех других знаков» [7]. Фуко несомненно прав, утверждая, что, создавая искусственные знаки, человек использует знаки естественные, существующие сами по себе в природе. Однако в этом смысле знакотворчество, о котором мы говорим, надо понимать двояко: и как творчество на основе естественного «материала» каждой отдельной вселенной, и как развертывание внутренней мультиструктуры (данной нам в виде логической схемы) самого знака.

Постараемся проследить это развертывание в обратном порядке. От его финальной стадии, когда знак уже существует во всем своем со-бытии (как многочисленные отношения) и может только потребляться, до его «зародыша» как идеальной логической конструкции, которая существует только как потенциал своего осознания, и в то же время как мультивещь. Для этого дадим описание указанных типов «взаимодействия» знака с помощью информационных принципов произвольного и произвольного внимания, которые мы ранее привели в статье «Гипотеза об информационных принципах произвольного и произвольного внимания. К вопросу о теории не-систем и каузальных сред в каузальном дуализме».

В соответствии с первым предложенным принципом и его информационной интерпретацией: «В случае произвольных действий нервная система стремится расходовать ресурсы пре-

имущественно на менее вероятные сигналы. То есть, как следствие, на более интенсивные, более контрастные и более новые и редкие сигналы» [8].

Из этого следует, что произвольное внимание связано с пассивным (бездейственным со стороны сознания) потреблением информации. Нервная система, следуя этому принципу экономии ресурсов, отбирает из всех поступающих сигналов лишь некоторые, пропускает их дальше и многократно кодирует. В коре больших полушарий сигнал может быть осознан или не осознан. Неосознанные сигналы такого типа остаются на уровне нейронных динамических процессов, а осознанные оказываются даны также и в виде ментальной проекции, образуя в паре «процесс – проекция» какой-либо знак – образ, чувство, идею, изображение, звук и т.д.

Пассивно потребляемый знак строго индивидуален и уникален. Его обозначающее – это нейронный процесс, а обозначаемое – ментальная проекция. В свое время Фердинанд де Соссюр дал такое описание языкового знака: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим отпечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств...» [9]. В этом смысле пассивно потребляемые знак, о котором мы говорим, является психофизическим или, точнее, психонейронным. Он может осознаваться в большей или меньшей степени, но не пониматься, то есть не иметь никакой интерпретации. Понимание знака, напротив, требует интерпретации, или, в терминах этой статьи, его деятельного потребления.

В процессе воспитания учитель или воспитатель через вторую знаковую систему формирует очаги вынужденного произвольного внимания у ребенка. Используемые при этом воспитателем или учителем знаки создают произвольные связи с произвольными потребляемыми знаками. Это новая пара «означающее – обозначающее». Здесь менталь-

ная проекция становится означающим, а его учительская (внешняя) интерпретация – означаемым.

При этом такая интерпретация сама становится новым нейронным процессом. Этот новый нейронный процесс оказывается результатом деятельного потребления знака с участием воспитателя. Кроме того, этот новый нейронный процесс сам может выступать как означающее для своей ментальной проекции – означаемого. Этот механизм формирования ассоциаций запускает возможность самостоятельного в дальнейшем деятельного потребления знаков без учителя или воспитателя. Однако этот механизм является очень сложным и может быть классифицирован по уровню «новизны» ассоциаций от просто деятельных до знакотворческих. Это условное деление необходимо всесторонне изучать, но мы можем выделить некоторые очевидные критерии двух таких механизмов.

Отличие этих механизмов связано с тем, что деятельное потребление знака, несмотря на «деятельную» составляющую, все еще является потреблением. Деятельным его делает то, что этот знак возникает в ответ на ситуацию информационной неопределенности в результате познавательного усилия, но при этом знак не создается, а копируется из самой возникшей ситуации – стимула, решения и подкрепления. Это происходит тогда, когда уровень неопределенности «поислен» для преодоления силами потребляющего знак по сложности каузальной схемы.

Так чаще всего бывает, когда неопределенность создается учителем искусственно, и тогда она снижается также совместными с учителем усилиями. Хотя «учителя» здесь следует рассматривать в широком смысле, им может быть и воспитатель, и преподаватель, тренер, психолог, наставник, ментор или проповедник. Еще шире – любой собеседник или даже просто событие может оказаться учителем, если такой собеседник или событие порождает в человеке сомнение по какому-то поводу, и показывает его решение, под-

крепляя его верность. Или не показывает решение, и тогда возникает очень важная промежуточная стадия – «неполный» знак или знак-радикал, который все еще содержит неопределенность.

«Неполный» знак, обладающий лишь потенциалом связи «означающее – означаемое» (знак-радикал), на обыденном языке можно связать с различными понятиями/состояниями: сомнение, предчувствие и др. Выход из этого состояния связан с активизацией нейронных связей, изменением каузальной топологии нейронных процессов, в результате которого знак-радикал (или знак-предчувствие) достраивается до полного знака, обладающего определенными означаемым и означающим. Этот процесс может быть охарактеризован в терминах «понимание», «осознание» и т.д. Если этот процесс происходит без участия учителя, то его можно рассматривать как знакотворческий.

Такое понимание знакотворчества соответствует второму принципу, описанному в упомянутой статье. В соответствии с ним: «В ситуациях информационной неопределенности нервная система производит собственные сигналы, которые стремятся снизить эту неопределенность». Действительно, если потребляемые знаки (в том числе деятельно потребляемые знаки) не снижают уровень неопределенности, то в этом случае нервная система стремится произвести новую каузальную схему – новый знак, решающий такую задачу.

Таким образом типы потребления и производства знаков представляют следующую иерархию:

- пассивно потребляемые знаки – нейронные процессы и ментальные проекции;
- деятельное потребление знака – новый нейронный процесс и связь с сигналами учителя;
- знакотворчество – неполный знак-предчувствие, полный знак.

При этом полный знак состоит из определенной связи ментальной

проекции как обозначающего и нейронного процесса как обозначаемого. Переход от неполного знака к полному снижает уровень неопределенности. Однако сам процесс знакотворчества, как было показано, включает на первом этапе и образование неполного знака, то есть приводит вначале к росту неопределенности. Следует поэтому предположить, что возможно далеко не все неполные знаки сразу же преобразуются в полные, снижая неопределенность. Напротив, вероятно все же имеет место некоторый баланс определенности и неопределенности, который, в свою очередь, поддерживает энергетический баланс между процессами в нервной системе.

Это связано с тем, что знаки-предчувствия (неполные знаки), вероятно, менее энергетически затратны, чем полные знаки, в кратковременной памяти и более затратны – в долговременной. Снижение неопределенности является энергетически затратным процессом, но зато после этого полный знак может быть переведен в долговременную память, что, по всей видимости, приводит к экономии ресурсов. По сути, это означает, что эмоции представляют собой экономичный вид хранения знаний (пред-знаний или схем-знаний) на уровне кратковременной или оперативной памяти. Также они, вероятно, могут направлять рациональные процессы. Роль эмоций в формировании когнитивных процессов подробно изучал А. Дамасио [10].

Рациональному сомнению предшествует эмоция сомнения или эмоция предчувствия. При этом неполные знаки обладают потенциалом к движению, они «беспокойны» и стремятся к образованию полноты. Но создаваемый ими импульс далеко не всегда достаточен, чтобы активизировать достаточно нейронных связей и процессов и образовать полный знак. Нервная система может не обладать необходимыми для этого средствами (шаблонами) на уровне нейронных структур. Это становится причиной, по которой нервная система организует проведение «исследо-

вания» (самообучение, поиск информации), поиска недостающих знаков-шаблонов. Полный знак при этом представляет собой не любое случайное сочетание ментальной проекции и нейронного процесса, а зависит от ряда факторов.

Чтобы определить, каким может или должен быть полный знак, необходимо проследить всю цепочку его образования: от причины возникновения чувства сомнения, образования знака-предчувствия со всеми его вариациями разрешения до уже конкретной схемы полного знака. Рассмотрим это на следующем примере.

Сомнение возникает как результат деятельного потребления знаков с учителем, где под учителем понимается любое информационное событие, которое создает информационную неопределенность в нервной системе. Потребляемый знак-сигнал в данном случае – это не любой знак, а такой знак, для которого в нервной системе нет соответствующего ему нейронного процесса. Например, достаточно взрослый ребенок видит, что его родитель, разговаривая со своим собеседником, краснеет. Допустим, что ребенок наблюдает такое впервые. Поэтому он не понимает, что этот знак обозначает, но видит, что поведение родителя тоже выглядит необычно. У него возникает подозрение, что он заметил что-то важное, связанное с разговором взрослых.

Ребенок может сделать какой-то неверный вывод. Например, что краснота лица родителя связана с тем, что последний заболел. Но это будет означать, что нервная система ребенка уже обладает таким знаком, то есть в его мозге имеет место необходимый нейронный комплекс, и он связан с определенной ментальной проекцией. В данном случае – с идеей болезни. Такой процесс нельзя считать знакотворчеством, так как эта связь и этот неверно считанный знак уже имели место в нервной системе ребенка. Поэтому более важно посмотреть ситуацию, когда ребенок оказывается не в состоянии

сделать какой-то вывод и сохраняет сомнение.

Данное сомнение, оставаясь на уровне чувства, почти сразу формирует неполный знак-предчувствие. Его означающим является наблюдаемая ребенком ситуация или примерная схема этой ситуации, а означаемое не определено и существует в виде специальной эмоции. Такой знак энергетически затретен, так как не может быть переведен из кратковременной памяти в долговременную. Эмоция продолжает беспокоить ребенка, часто возвращаясь в сознание при каждой ассоциации, а не укладывается в архив. Ребенок стремится выяснить причину – содержание означаемого знака.

Весьма интересно, что, чем дольше эмоция-сомнение продолжает оставаться в рабочей памяти ребенка и не получает разрешения, тем вероятнее это событие оставит эмоциональный след и в долговременной памяти. Если же ребенок быстро получает ответ на свой вопрос, то эмоция (знак-сомнение) перерождается в полный знак и сохраняется в долговременной памяти не как эмоция, а как готовая каузальная схема, то есть как некое знание. Причем в этом случае эмоции ребенка о познавательном акте на переходят в долговременную память, и он быстро забывает природу происхождения такого знания и считает его своим исходно.

Рассмотрим некий более общий вариант развития этой ситуации.

Например, ребенок спрашивает у родителя, что означал данный знак, и, скажем, получает ответ, что в комнате было жарко. Родитель не раскрывает истинное содержание означаемого. Этот вариант развития событий ценен тем, что дает возможность проследить процесс знакотворчества. Ведь ребенок догадывается, что если бы причина была в температуре, тогда краснота на лице появилась бы у всех, и его сомнения не уходят, то есть неопределенности для него не снижается.

Тревожащий ребенка неполный знак переходит в долговременную память в виде эмоции. Рано или поздно

ребенок узнает, что краснота лица может вызываться разными причинами, в том числе смущением. Он вспоминает, что его родитель странно себя вел и странно говорил о такой ситуации. Все это подтверждает ему, что его родитель был смущен. Возникает постоянный знак, в котором означаемым оказывается смущение родителя, а означающим – покраснение лица. То есть ребенок приобретает форму мышления, что родитель может смущаться. В дальнейшем такие наблюдения уже не будут вызывать у ребенка сомнения. Ребенок сам доходит в нашем примере до важного вывода, и значит, создает для себя знак. Поскольку его наблюдение стало творческим процессом, вероятнее всего, оно также найдет отражение в обычном творческом поведении ребенка – рисунках, придуманных словах, фразах и т.д.

Важно отметить, что, кроме верной интерпретации, у ребенка могла закрепиться как полный знак также и ложная интерпретация этого события. Он мог бы решить, что родитель краснеет по какой-то иной причине. Например, из-за того, что злится или боится чего-то, или что это особая очень важная способность, дающая ему преимущества. Поэтому полный знак может возникать не только как верная интерпретация события, но и как такая интерпретация, которая объясняет достаточно много и снижает уровень неопределенности. При этом уровень неопределенности оказывается информационным понятием, но зависящим не от содержания информации, а только от того, соответствует ли каузальная схема события каузальной схеме нейронного процесса (его топологии) в достаточной мере.

Что значит соответствие каузальных схем? Его можно понимать в самых общих чертах, например, как смысловое соответствие. Ведь помимо обозначаемого за знаком скрывается и смысл. Г. Фреге писал: «Напрашивается мысль, связать с каждым знаком (именем, оборотом речи, письменным знаком), помимо обозначаемого, которое

мы будем называть значением знака, также и то, что я называл бы смыслом знака и в чем выражается способ данности...» [11]. Однако, расчлняя знак, мы хотели бы двигаться дальше и увидеть за смыслом что-то более конкретное. Поэтому мы понимаем это как топологическое соответствие.

В частности, известна теорема Краскала [12]. Это теорема, которая дает последовательность графов (деревьев), составленных из, например, трех типов вершин. Причем одним из условий этой теоремы является то, что «ни одно дерево не должно являться частью более позднего дерева или повторять его». Иными словами, каждый следующий граф не просто структурно сложнее предыдущего – он не включает ни один из предыдущих как свою часть. На уровне топологии это можно проиллюстрировать на примере таких двух последовательностей:

- 1) шар и объемная восьмерка,
- 2) тор и объемная восьмерка.

Мы не можем сконструировать восьмерку из шара (шаров), но можем сконструировать ее из тора (торов). Переход от тора к восьмерке, по крайней мере в топологическом смысле, требует меньше затрат ресурсов, чем от шара к восьмерке. Фактически, тор является готовой схемой для восьмерки, а шар нет.

Такое рассуждение близко к структурализму, но на уровне нейронных топологических структур и ментальных проекций, а не языка. Оно открывает путь к изучению нейронных «дополнений» графа. Скажем, рассматривая нейронную составляющую неполного знака, мы можем говорить о топологическом графе этого знака и о его производных. Например, о его «дополнении» до полного графа, или до полного знака.

Полным графом мы называем по определению полный граф, составленный из всех вершин исходного. А полным знаком мы называем тут нейронную составляющую полного знака, который мог бы быть образован нервной системой. Очевидно, что не все

вершины полного графа и полного знака будут иметь нейронные соединения (на этапе неполного знака), поэтому часть нейронных связей такого «дополнения» будут существовать здесь как возможность – то есть идеально. Иными словами, такой подход открывает возможность для изучения нейронной природы «идеальных» явлений.

В этом смысле физические знаки, а именно их означающие, как физические объекты, оказываются «вершиной айсберга» иерархии знаков, самым глубинным пластом которой выступает «идеальное» как знак, чувствительностью к которому обладает только столь сложная структура как мозг. Знаки-дополнения не существуют физически, но существуют как мультивещи и являются необходимыми для снижения информационной неопределенности каузальными топологиями нейронных процессов. Мы уже неоднократно писали, что именно для образования таких каузальных топологий и требуются сознательные процессы в мозге.

Завершая краткое описание первого плана рассмотрения знака в плюрализме или теории не-систем, отметим, что в этом плане особое значение имеет изучение неполных знаков и их «идеальных дополнений». Говоря о знаках за пределами пользы и информации, мы, в первую очередь, имеем в виду именно этот вид знака в виде «идеального дополнения» существующих материальных схем. Эти знаки даны человеку как нечто несуществующее, так как они существуют лишь в виде своего отсутствия. Но это отсутствие может быть рассмотрено на подобии формы замочной скважины, для которой необходимо подобрать ключ, то, что мы называем полным знаком. Хотя, конечно, это не лучшее сравнение, так как замок может открыть только один ключ, тогда как, создавая знак, человек или животное может довольствоваться бесчисленным числом приближений к «идеальному дополнению». Здесь слово «идеальное» оказывается сразу в двух своих смыслах: и как нечто нематериальное, и как что-то идеализирован-

ное – как недостижимый абстрактный идеал.

Здесь обнаруживается причина, почему «идеальное дополнение» к неполному знаку не является информацией. Почему в нем нет и «пользы». Это связано с тем, что такой знак сам ничего не обозначает и является по сути вещью, хотя и пустой, а значит, имеющей потенцию к творчеству. Такой знак является самим собой в том смысле, что он существует, объединяя различные несвязанные реальности или субстанции. Причем его существование лишь отчасти переходит в одну из реальностей, так как он по природе идеализирован и проявляется своими набросками – не в виде идеального ключа, а, скорее, как набор отмычек. При этом «отмычки» становятся «указателями», «индексалами» и существуют как информация, как сомнение и предчувствие, тогда как само «идеальное дополнение» есть недостижимое Ничто. Оно не передается в рамках какой-то коммуникации нервной системы, а возникает как ее каузальная граница (вполне в витгенштейновском смысле, что субъект есть граница мира).

Как пишет в статье «Символ в системе культуры» о подобном явлении Ю.М. Лотман: «Важно лишь, что смысловые потенции символа всегда шире их данной реализации: связи, в которые вступает символ с помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением, не исчерпывают всех его смысловых валентностей. Это и образует тот смысловой резерв, с помощью которого символ может вступать в неожиданные связи, меняя свою сущность и деформируя непредвиденным образом текстовое окружение» [13].

Второй план рассмотрения знака в плюрализме – это изучение сложности отношения в самом знаке. Осуществляя мечту Г. Фреге, можно попробовать рассматривать знаки с позиции внутренней сложности их логических конструкций. Как указывает Б.В. Бирюков: «Основной идеей, пронизывающей логическую теорию Фреге, является метафизическое представление о логике

и ее законах как о чем-то абсолютном и неизменном. С точки зрения Фреге законы мышления всегда и всюду одни и те же. Если когда-либо будут открыты отличные от людей мыслящие существа, они тоже, говорит он, будут мыслить по этим законам» [14].

В этом вполне фрегеанском смысле знаки могут сами по своей логической структуре состоять из высказываний, рассматриваемых как внутренние для знака логические процедуры. При этом онтологическая степень сложности таких высказываний будет соответствовать числу взаимодействующих в структуре такого высказывания единиц или независимых «субстанций» не-системы (каузально динамических независимых областей мозга, источников каузальности и т.д.). По смыслу это соответствует числу мест в логическом операторе плюс один (за счет неопределенной среды не-системы).

Так, «отрицание» является одноместной операцией и соответствует не-системе, в которой имеет место одна субстанция в неопределенной среде. Знаки (второй степени сложности) в такой не-системе соответствуют по своей форме ощущениям или инстинктам, ограничивающим и определяющим границы субстанции в неопределенной среде. Это высказывания типа «А» или «не А». При этом одно из них есть «идеальное дополнение» другого и, следовательно, изначально также ничего не означает и существует как пустая вещь. То, что этой пустой вещи присваиваются значения, уже вторично.

Так, скажем, знак «пицца» есть связь нейронного процесса и его ментальной проекции, в нем с самого начала есть обозначающее и обозначаемое. Пицца выполняет функцию и является информацией. Знаком «пицца» природа сообщает свое уже совершенное решение человеку или животному, и ему, кажется, только остается выполнять эту команду. Но знак «не пицца» изначально ничего не обозначает. В процессе знакотворчества человек приписывает ему разные значения, не принадлежащие ему изначально. Человек формирует

для пустой вещи «не пища» различные сочетания нейронных процессов и ментальных проекций. При этом сама эта вещь «не пища» не пропадает, а постоянно существует как связь субстанций, вызывая все новые и новые свои интерпретации. Например, «человек – не пища» и др.

Здесь мы находимся на онтологическом горизонте, так как в этом контексте знак как мультивещь как бы «отражается» сам от себя, чтобы породить свои многочисленные идеальные дополнения – идеальные знаки (отношения). Если понимать знак только как отношение, то есть идеально, и не видеть за ним порождающую его пустую вещь, то становится непонятно, почему вообще что-либо обозначает что-либо. Как пишет Ж. Деррида: «Если стереть принципиальную границу между означающим и означаемым, то придется отказаться и от самого слова “означающее” как от метафизического понятия» [15]. Но что значит «принципиальная граница»? Очевидно, если этот водораздел приводит к онтологически последствиям, то и сам он должен быть онтологическим.

В этом смысле со знаков второго уровня сложности начинается онтология ощущений. Поэтому знаки этого уровня – это прежде всего сами ощущения, чувства, инстинкты и их простейшие ограничители (дополнения): «тепло», «холод», «боль», «голод», «красное», «опасность» и т.д. Например, «Мне больно» или «Это пища».

Двухместные логические операторы, такие как конъюнкция, импликация или дизъюнкция, составляют знаки третьей степени сложности. С помощью таких знаков, в частности, описываются причинно-следственные связи, любые детерминистические теории («Если А, то В»). К ним относятся такие знаки, как «сытость», «знание», «теория», «закон», «возмездие», «преграда», «страх», «смерть» и т.д. Скажем: «Если двигаться, то рано или поздно встретишь препятствие» (преграда).

Эти знаки имеют три варианта «идеального дополнения», образуемых од-

ним или двумя отрицаниями: «Если неА, то В», «Если А, то неВ» и «Если неА, то неВ». Первый тип дополнения порождает здесь идею (знак) о пустом, о нуле. «Если не двигаться, то встретишь преграду». Иными словами, отсутствие причины тоже может иметь следствие. Второй тип дополнения здесь порождает идею (знак) ненасыщаемости, бесконечности. «Если двигаться, то не встретишь преграду». Третий тип дополнения образует здесь знак гипотезы или правила. «Если не двигаться, то не встретишь преграду». Неудивительно, что древние философы, открывшие знаки этого порядка сложности, были озабочены идеями пустоты, бесконечности и установления правил (законами самоограничений). Очевидно также, что осмысление этих знаков-вещей («идеальных дополнений») может быть многообразным, и более поздние мыслители их видели по-своему.

К знакам третьего уровня сложности относятся также «желание», «симптом» и, собственно, сам «знак». Как пишет Ж. Лакан: «Итак, мы все время возвращаемся к нашей двойной ориентации: на речь и язык. Чтобы освободить речь субъекта, мы вводим его в язык его желания, т.е. в первичный язык, на котором, помимо всего того, что он нам о себе рассказывает, он говорит нам что-то уже безотчетно, и говорит, в первую очередь, символами симптома» [16]. Но язык желания не является первичным, так как желание становится знаком только на третьем уровне сложности. Чтобы осознать и использовать «желание» как знак, недостаточно помыслить: «Я хочу». Необходимо осознать: «А приводит к В» или «Пища утолит голод», и т.д. До такого осознания речь идет не о желании, а об инстинкте.

Для вероятностных моделей и выражений убеждений/верований необходимы знаки четвертого порядка сложности, то есть трехместные логические операции. Например, это тернарная операция – вероятностное суждение «Если А, то В или С». Однако далеко не все тернарные операции составляют структуру знака четвертого поряд-

ка. Если тернарная операция является детерминистической теорией, то она вырождается до знака третьего уровня. Например, условная дизъюнкция, конъюнкция или импликация вырождаются до третьего уровня сложности, несмотря на то, что они трехместные. Это может быть условная теория «Если А, то В, иначе С».

Возникает ключевой вопрос. Почему из двух трехместных операций одна оказывается знаком четвертого порядка (вероятностной теорией, убеждением), а другая вырождается до знака третьего порядка (до знания), то есть до детерминистической теории? Единственный критерий здесь заключается в том, что каждое место логической операции должно выполнять роль независимой субстанции в общей не-системе данного порядка сложности. Если же выражение распадается на две отдельные независимые теории, то порядок не-системы снижается. «Если А, то В, иначе С» заменимо на две теории «Если А, то В» и «Если неА, то С». Любопытно, что одна из этих теорий является естественным знаком, а вторая – идеальным (искусственным) дополнением.

Вероятностное суждение «Если А, то В или С» теряет целостность не-системы, если его разбивать на части. Важно, что оно также может быть интерпретировано как суждение об убеждении. В этом случае оно может принимать вид в обыденном языке: «А убежден, что В, а не С» или более строго «Если А, то В, хотя С». Например: «Свобода воли возможна, хотя есть детерминизм». Очевидно, что таблицы истинности для вероятностных суждений произвольны. Для них было бы более адекватны «таблицы убежденности».

Внутри вероятностного высказывания есть место для двух детерминистических теорий: «Если А, то В» и «Если А, то С», которые могут противоречить или не противоречить друг другу. Однако только в целостном высказывании они образуют вероятностный знак. Это, например, такие знаки, как «удача», «возможность», «преимущество», «ве-

ра», «убеждение», «фактор», «обстоятельство» и т.д. Такой знак имеет семь возможных дополнений, каждое из которых порождает тип идеи, понятия. Например, дополнение «Если неА, то неВ или неС» является по своей природе диалектическим. Скажем, «Если мир бесконечен, то он не ограничен по объему или не имеет границы». В знаке четвертого порядка также уже заложена идея относительности теории.

Вероятностные суждения, о которых идет речь, никак не связаны с существующей вероятностной логикой, где исходы В, С и т.д. имеют какую-то конкретную или определяемую вероятность. Такие суждения типа «Если А, то В с вероятностью 10% или С с вероятностью 17%» также должны быть отнесены к детерминистическому типу высказываний (третьего уровня сложности), так как они могут быть разделены на части без потери смысла. Скажем, выражение «Если я выйду пораньше в школу, то встречу на улице Петю с вероятностью 10%» вполне самоценно и осмысленно даже без части «или Васю с вероятностью 17%». Однако фразу «Если я выиграю в лотерею, то отдам деньги приюту для собак или куплю телевизор» нельзя разделить на части, так как по частям оно будет иметь иной смысл, нежели вместе.

Также важно, что начиная с высказываний (знаков) четвертого уровня сложности теряет актуальность следующее положение Р. Карнапа: «Соглашение. Предложение σ L-истинно в семантической системе S, если и только если σ истинно в S таким образом, что его истинность может быть установлена на основе одних лишь семантических правил системы S, без всякой ссылки на (внеязыковые) факты» [17]. Это связано с тем, что, как мы отмечали в [18], для вероятностных высказываний или высказываний убежденности/веры истина перестает быть критерием. Такие высказывания не могут быть истинными или ложными, так как таблицы истинности принципиально не определяемы. Как было указано выше, они могут быть убедительными или неубедитель-

ными в каком-то строгом смысле, присущем данному типу логики.

Четырехместные логические операции могут составлять знаки пятой степени сложности. Мы причисляем их к вероятностным высказываниям второго порядка или высказываниям «надежды» [18]. Например: «Если данный эксперимент будет плохо сочетаться с теорией, это не значит, что теория неверна». Более формально: «Если А или В, то С или D». В таком высказывании вероятностным не только следствие, но и причина. Внутри такого высказывания есть место для двух убеждений:

- 1) «Если А, то С или D»,
- 2) «Если В, то С или D».

Также оно содержит шесть возможных детерминистических теорий:

- 1) «Если А, то С»,
- 2) «Если А, то D»,
- 3) «Если В, то С»,
- 4) «Если В, то D»,
- 5) «Если А или В, то С»,
- 6) «Если А или В, то D».

Контекст «надежды» заключается в том, что одно из убеждений «данная теория верна» может оказаться в будущем надежным, несмотря на то, что какая-то из теорий этого убеждения вызывает сомнение.

Пяти-, шестиместные (и более) логические операции еще более усложняют контекст и будут весьма актуальны для будущих исследователей, но пока мы не видим смысла их подробно рассматривать. Ограничимся знаками для пяти степеней структурной сложности:

- 1) неопределенность,
- 2) чувство/инстинкт,
- 3) знание/мотив,
- 4) убеждение/вера,
- 5) надежда.

Интересно, что, когда Сартр пишет о различиях в использовании знаков писателем и поэтом, он, вероятно, имеет в виду, что в поэтическом тексте знаки из категории «убеждения», «надежды» и «знания» искусственно понижаются в своей структурной сложности до «чувства» или «предчувствия» («до-чувствия»). «Со значениями работает писатель. Но и тут желательно

различать: мир знаков – это проза, поэзия же находится там же, где и живопись, скульптура и музыка». «На самом деле поэт одним махом избавляется от языка-инструмента – раз он навсегда избрал поэтическую позицию, в которой он видит слова как вещи, а не как знаки» [19].

Что же дальше?

Вернемся к изначальному предмету нашего исследования. Дает ли такое понимание знака выход из ловушки прагматизма и уловки постмодернистской традиции? Дает ли эта теория способ обрести баланс информационной неопределенности? В описанной теории, которую мы ранее назвали каузальным дуализмом, или теорией не-систем, оказывается, что в основании знаковой системы находится онтологический раскол, который для нас существует как нечто идеальное – недостающие элементы каузальных топологий нервной системы.

Фактически, это описание телеологической причинности Аристотеля на нейронном уровне. А это в свою очередь означает, что фундаментально знак оказывается укоренен здесь в той цели, которую он и формирует. То есть знак и цель оказываются историческими близнецами. Больше нельзя сказать, что знак необходим для коммуникации, так как знак – ее «материал». Знак нужен для какой-то цели, так как он и есть в конечном счете сама эта цель, но в ином отношении. А именно в том отношении, в котором знак управляет балансом информационной неопределенности. Знак подчиняет читателя, если только потреблять его, и, напротив, позволяет «осознавать», если создавать его самостоятельно.

Так, один из известнейших симулякров в философии – иллюзия, создаваемая хитроумным демоном Декарта. Если задаться вопросом, куда, действительно, приводит сомнение, то выяснится, что, каким бы изворотливыми ни был демон, какие бы хитроумные симулякры он ни создавал для нас, всегда есть место разным версиям – картезианской, Спинозианской, Лейбнициан-

ской и т.д. А это значит, что симулякр не скрывает истину, а, напротив, создает условия, в которых человек стремится к истине, а точнее – к убежденности или надежде. И все зависит от того, кто ищет. Знаки не ограничивают того, кто достраивает свой мир новыми знаковыми системами, тем самым задавая и ценностные ориентиры.

Как мы уже отмечали, знакотворчество связано у человека с осознанием чего-либо, и одним из видов такого осознания является акт молитвы. Смысл осознанной молитвы заключается в творении знака для личности. Примером такой молитвы, открывающей молящемуся новый знак, несомненно является Гефсиманское моление, или Моление о чаше Иисуса Христа. Очевидно, что речь идет не о самом Христе, а о том, кто читает эту молитву. В ней Христос говорит: «Да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты». Затем он говорит: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя»; и заключает: «вот, предается Сын Человеческий в руки грешников. Встаньте, пойдем; вот, приблизился предающий Меня».

Вместе с Молитвой о чаше человек открывает для себя неожиданную идею, что Бог также может страдать, как и человек. Это становится знаком неизбежности страданий или истины о реальной природе мира. Мир несовершенен, в нем есть страдания. И даже Бог не лишен этой участи. Далее молитва Христа переходит от темы неизбежности к теме воли. Христос говорит: «Да будет воля Твоя», и мы снова видим в этом знак того, что есть место воле. И воля оказывается выше, сильнее неизбежности. Иными словами, молитва сначала как будто заставляет молящегося смириться, но потом показывает, что, оказывается, воля сильнее неизбежности. И, наконец, в третьей части Христос переходит от идеи к действию. Воля вершится над неизбежным, и тут мы видим знак того, что действие поглощает волю.

Мы также замечаем, что ученики Христа еще спят, и все эти знаки им по-

ка недоступны. Они вынуждены постигать эти знания самостоятельно. Ученики здесь олицетворяют каждого человека, который «спит», но коль скоро обращается к Молитве о чаше, осознает знаки – неизбежность, волю и поступок, Каждому человеку, как и Христу в Евангелии, рано или поздно придется создать для себя эти знаки. Один из путей такого знакотворчества – это молитва или вообще чтение в широком смысле.

Знак как вещь. Токенизация текста

Проблема интерпретации современных текстов заключается в том, что они скрывают вещи, а не раскапывают их. В текстах мы привыкли видеть правила, модели. Мы примеряем эти модели к тем моделям, которыми обладаем в памяти, и часто, особенно в последнее время, приходим к выводу, что получаемые инструкции противоречат друг другу. Через средства массовой информации с разных сторон к нам поступает противоречивая информация, и это становится причиной недоверия, пожалуй, почти ко всему.

Но мы недооцениваем вещьность текстов, которая может быть более отчетлива для нас благодаря современным технологиям. Мир многосубстанционален, но он не противоречив. Любой парадокс свидетельствует лишь о неверной логике, в которой мы рассматриваем явления. Если знание недоступно, например, то необходимо говорить об убеждениях, а не о знаниях. Видя в текстах вещи, мы смогли бы избежать очень многих парадоксов. Для этого текст должен обладать следующими вещными свойствами:

1. Уникальность (вещность). Каждая вещь уникальна сама по себе. Чтобы изучать вещь, необходимо непосредственно или опосредованно взаимодействовать с ней самой в ее уникальности. Копия вещи может содержать отклонения, о которых мы не знаем. Если текст уникален, то, изучая его, мы всегда можем быть уверены, что изучаем сам текст, а не его копию.

2. Принадлежность (авторство). Если вещь принадлежит человеку или организации, то необходимо знать об этой принадлежности. Читая каждое слово, каждый знак препинания текста, мы хотели бы знать, кому принадлежит это слово или этот знак.
3. Статус. Каждая вещь создана природой, животным или человеком. Если вещь создана человеком, то она может иметь также разный статус в зависимости от принадлежности к автору (человеку или организации). Статусы составляют иерархию в двухмерном/многомерном пространстве. Основными критериями иерархии статусов могут быть, например, научность и фактичность. Также критерии могут оценивать художественные качества текста и пр.
4. Статус уровня перевода. Для тестов критично качество перевода на разные языки с исходного языка автора.

Для реализации проекта овеществления текстов необходимо создание специальных институтов, например, рейтинговых агентств, присваивающих всем авторам текущий статус аучности и фактичности создаваемых автором (человеком или организацией) текстов. Причем рейтинг может регулярно меняться, в таком случае не только каждый автор, но и каждое отдельное произведение (статья, новость, книга и пр.) можно подвергнуть рейтингованию. Кроме того, необходимо создание и таких рейтинговых агентств, которые будут оценивать качество перевода текста, которое представлено в каждом конкретном случае.

Главное условие успеха овеществления текстов, однако, – это их токенизация. Чтобы быть уникальным, каждый текст, как и вещь, должны существовать в единственном числе (свойство 1). Отображения текста для разных читателей должны быть токенами самого этого текста, то есть быть им же самим. Как будто электронное средство, с помощью которого мы видим текст, – это

телескоп, с помощью которого мы видим все одну и ту же вещь вдалеке.

Токен текста, в свою очередь, должен иметь свойства 2, 3 и 4, содержать информацию о принадлежности, научный и фактологический статусы автора и статус качеств перевода (в случае перевода). Либо статус, что текст не переведен.

Если какой-то текст содержит в себе цитаты, вставки других авторов и т.д., то, значит, такой текст состоит из нескольких токенов. Читатель должен это видеть, понимая авторство каждого слова и знака препинания, качество перевода каждого слова и фразы, если необходимо.

Представленный таким образом текст сразу разоблачает всех авторов и организации, стоящие за ним, даже если они не упомянуты, экспертизу этих организаций и т.п. Безусловно, такой проект – дело будущего, но он несомненно нужен и должен быть осуществлен. В противном случае современный читатель остается именно в том положении, в котором его стремится видеть современный автор: в положении лица, исполняющего команды.

Литература

1. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ./Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М: Логос, 2000. – 448с.
2. Джеймс У. Психология/Под ред. Л.А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / Пер. с англ. И.О. Тюриной. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2015. – 443с. С. 366.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240с. Стр. 7.
5. Костикова, А.А. Симулякр третьего порядка в современном мире / А.А. Костикова, А.Д. Коновалова // PR и реклама в изменяющемся ми-

- ре: региональный аспект. – 2020. – № 23. – С. 102–107.
6. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Т. 3(1). Логические исследования. Т II (1) (пер. с нем. В.И. Молчанова). – М.: Гнозис, ДИК, 2001.
  7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер.: В.П. Визгин, Н.С. Автономова. Спб.: А-сад, 1994. – 408 с. ISBN: 5–85962–021–7.
  8. Сафронов А.В. Гипотеза об информационных принципах произвольного и непроизвольного внимания. К вопросу о теории не-систем и каузальных сред в каузальном дуализме // Философская мысль. – 2021. – № 11. – С. 66–83. DOI: 10.25136/2409–8728.2021.11.36862.
  9. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Пер. с французского А.М. Сухотина, под редакцией и с примечаниями Р.И. Шор. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. – (Лингвистическое наследие XX века). – ISBN 5–354–00556–6.
  10. Damasio, A; Carvalho, GB (2013). “The nature of feelings: Evolutionary and neurobiological origins”. *Nature Reviews. Neuroscience*. 14 (2): 143–52. doi:10.1038/nrn3403. PMID 23329161. S2CID 35232202
  11. G. Frege. *Über Sinn und Bedeutung*. «Zeitschrift für Philosophische Kritik», 1892, Bd. 100, S. 25–50.
  12. Kruskal, J. B. (May 1960), *Well-quasi-ordering, the tree theorem, and Vazsonyi’s conjecture*, *Transactions of the American Mathematical Society (American Mathematical Society)*. – Т. 95 (2): 210–225, doi:10.2307/1993287
  13. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 191–199.
  14. Бирюков Б.В. Теория смысла Готлоба Фреге. // *Применение логики в науке и технике*. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – С. 502–555.
  15. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму*. М.: Прогресс, 2000.
  16. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М: Гнозис, 1995.
  17. Р. Карнап. Значение и необходимость. М., ИЛ, 1959.
  18. Сафронов А. В. К проблеме эволюции сознания. Мультисубстанциальная эволюция наблюдателя и иерархия модальных логик в каузальном дуализме // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. – 2021. – № 5. – С. 73–83
  19. Сартр Ж.П. Что такое литература? Слова/ Пер. с фр. – Мн.: ООО «Поппури», 1999. – 448с.

UNDERSTANDING THE SIGN IS BEYOND USEFULNESS AND INFORMATION. SIGN IN THE THEORY OF NON-SYSTEMS

Safronov A.V.

Moscow State University. M.V. Lomonosov

The article deals with the problem of the sign in the context of the crisis of modern scientism and monism in general. The understanding of the sign as a relationship, and not as a thing, which is characteristic of semiotics, forms the paradigm of the “unreality” of the text and all social relations based on communication. Despite the fact that pragmatism pursued the goal of simplifying ontology, its pragmatization, the result of applying the ideas of this philosophy was not just complication, but also virtualization of ideas about the Universe. Understanding everything as information left out the question of authorship, and therefore of responsibility, largely depriving the reader of the opportunity to maintain contact with real sources of information. The article proposes consideration of the sign in a pluralistic paradigm, or, in other words, within the framework of the theory of non-systems. In this vein, a sign is considered as a multi-substantial object of a non-system or a multi-thing, but given to each substance as a certain relationship in two ways: as a type of relationship, and as a level of complexity of the relationship. This approach, in particular, opens the way for the study of the relationship between neural and sign structures, concepts and ideas.

Keywords: sign, multi-thing, multi-universe, multi-substantial ontology, pluralism, non-system, non-system theory.

References

1. Piers Ch.S. Selected Philosophical Works. Translated from English / Translated by K. Golubovich, K. Chukhruidze, T. Dmitrieva. M: Logos, 2000. – 448s.
2. James W. Psychology / Ed. L.A. Petrovskoy. – M.: Pedagogy, 1991. – 368 p.
3. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy. Formation of a person who prints / Per. from English. AND ABOUT. Tyurina. – 3rd ed. – M.: Academic project, 2015. – 443 p. S. 366.
4. J. Baudrillard. Simulacra and simulations / J. Baudrillard. – M.: POSTUM Publishing House, 2015. – 240p. Page 7.
5. Kostikova, A. A. A third-order simulacrum in the modern world / A.A. Kostikova, A.D. Konovalova // PR and advertising in a changing world: a regional aspect. – 2020. – No. 23. – P. 102–107.
6. Ed Husserl. Collected works. T.3(1). Logical research. T II (1) (translated from German by V.I. Molchanov). – M.: Gnosis, DIK, 2001.
7. Foucault M. Words and things. Archeology of the Humanities. Transl.: V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. SPb.: A-cad, 1994. – 408 p. ISBN: 5–85962–021–7.
8. Safronov A.V. Hypothesis about the information principles of voluntary and involuntary attention. To the question of the theory of non-systems and causal environments in causal dualism // Philosophical Thought. – 2021. – No. 11. – P. 66–83. DOI: 10.25136/2409–8728.2021.11.36862.
9. Saussure Ferdinand de. Course of General Linguistics / Per. from the French by A.M. Sukhotin, edited and with notes by R.I. Shor. – M.: Editorial URSS, 2004. – 256 p. – (Linguistic heritage of the XX century). – ISBN 5–354–00556–6.
10. 10 Damasio, A; Carvalho, G. B. (2013). “The nature of feelings: Evolutionary and neurobiological origins”. Nature Reviews. neuroscience. 14(2): 143–52. doi:10.1038/nrn3403. PMID 23329161. S2CID 35232202
11. G. Frege. Uber Sinn und Bedeutung. “Zeitschrift für Philosophic und philosophische Kritik”, 1892, Bd. 100, S. 25–50.
12. Kruskal, J. B. (May 1960), Well-quasi-ordering, the tree theorem, and Vazsonyi's conjecture, Transactions of the American Mathematical Society (American Mathematical Society). – T. 95 (2): 210–225, doi: 10.2307 / 1993287
13. Lotman Yu.M. Selected articles. T. 1. – Tallinn, 1992. – S. 191–199.
14. Biryukov B.V. Gottlob Frege's theory of meaning. // Application of logic in science and technology. – M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. – S. 502–555.
15. Derrida J. Structure, sign and game in the discourse of the humanities // French semiotics: From structuralism to poststructuralism. Moscow: Progress, 2000.
16. Lacan J. Function and field of speech and language in psychoanalysis. – M: Gnosis, 1995.
17. R. Carnap. Meaning and necessity. M., IL, 1959.
18. Safronov A.V. On the problem of the evolution of consciousness. Multisubstantial evolution of the observer and the hierarchy of modal logics in causal dualism // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. – 2021. – No. 5. – S. 73–83
19. Sartre J.P. What is literature? Words / Per. from fr. – Minsk: LLC “Poppuri”, 1999. – 448 s.

Функциональные модели интеллекта в междисциплинарной эпистемологии

Шипунова Ольга Дмитриевна,

доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
E-mail: o_shipunova@mail.ru

Статья посвящена развитию междисциплинарного подхода к интерпретации природы интеллекта. Акцентируется информационное влияние системных условий жизни на адаптивное поведение человека и его когнитивную ориентацию. Показано, что функции естественного интеллекта обусловлены необходимостью постоянного согласования внешних норм поведения и внутренних биологических норм жизнеобеспечения. Функциональный принцип в эпистемологии интеллекта подчеркивает ключевую роль когнитивного обмена в социуме с использованием символических матриц и абстрактной системы значений. На современном этапе технологии интеллектуальной деятельности, которые связаны с вычислениями в базах с большими объемами данных, усиливают различие функций информационной и когнитивной системы. Цифровые сети создаются для работы с когнитивными системами. В условиях интенсивного распространения гибридных сред интерактивные технологии когнитивного обмена ассоциируются с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: функциональные модели, интеллектуальные структуры, когнитивный обмен, гибридная среда, эпистемология интеллекта.

Введение

История моделирования человека, его мышления и поведения представлена поиском механизма, определяющего способность движений и ориентации в пространстве взаимодействий. Специфика рационального действия традиционно связывается с когнитивной ориентацией субъекта в информационном поле. Сравнение функциональных особенностей человека и счетной машины по тесту А. Тьюринга позволило перенести признаки интеллектуальности на действия машины, аналогичные действиям человека. Общим методологическим основанием коннекционистских и символических моделей интеллектуального действия выступило представление о когнитивном процессе, связанном с обработкой информации. Функциональная архитектура естественного интеллекта в этом контексте была представлена когнитивной сетью, имеющей два уровня организации: нейрофизиологический и ассоциативный [1].

Во второй половине XX в. соотношение естественного и искусственного в рациональной деятельности послужило началом дискуссий вокруг перспектив суперкомпьютера как искусственного разума [2, 3]. По мере развития вычислительной техники для обработки больших объемов данных вопрос о природе и функциях интеллекта все более обостряется. В цифровую эпоху констатируется беспрецедентный рост симбиоза человека и машины, Интернет ассоциируется с физическим проявлением длительной эволюции человеческого интеллекта, специфика кибертехнологии связывается с расширением сознания в функциональных структурах постментальности [4,5]. Расширение символических взаимодействий в цифровых средах с замкнутой циркуляцией информации лежит в основании имитации реальности в различных подобиях. Информационное влияние медийной тех-

нологии сопровождается размыванием экзистенциальных критериев саморегуляции в оценке ситуаций и систем суждений, создавая проблему онтологической достоверности. В этой связи констатируется необходимость формирования морально-этических установок в отношении рациональных действий в гибридных средах [6].

Обзор литературы

В XXI веке конвергенция естественного и искусственного интеллекта обсуждается в контексте «расширения человеческой функциональности» в связи с разработками в области нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий и формированием «интерфейсной культуры», модифицирующей восприятия реальности в киберпространстве [7]. Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ) соотносят с автоматизацией разумных действий [8]. В представлении о дополненной реальности подчеркивается иной, отличный от традиционной культуры опыт операций, который ассоциируется с когнитивными расширениями за пределы естественных психических и нейрофизиологических структур человека [9, 10].

Осмысление новых уровней рациональности и опыта когнитивной ориентации в интерактивных средах указывает на актуальность задач междисциплинарной эпистемологии интеллекта [11, 12]. Философия искусственного интеллекта позиционируется в качестве методологического генератора основных линий сопряжения в развитии и применении конвергентных технологий в условиях смешанной реальности, информационно-технологический формат которой может кардинальным образом изменить семантические матрицы «связности» социума на понятийном и феноменологическом уровне жизненного мира.

Цель статьи – концептуальный анализ моделей интеллекта в науке и философии, развитие функционального подхода в исследовании эволюции интеллектуальных структур.

Принципы междисциплинарной эпистемологии

Исходная позиция данного исследования определяется системной методологией в объяснении природы и функций интеллекта. В описании интеллектуальных действий базовым процессом выступает информационный обмен знаками и символическими матрицами в виде абстрактной системы значений.

Принципиальные установки информационного и функционального подхода к эволюции органического мира, позволяют рассматривать метасистемные факторы на разных уровнях био-, психо-, ноогенеза, с точки зрения иерархической связи целостной системы социума, включенного, в свою очередь, в биосферное единство. Функциональная архитектура целостности, диктуется принципом ее самосохранения и устойчивого развития в границах обитания.

Системная онтология выделяет факторы, с которыми связана трансформация условий и границ жизненного мира для включенных в нее систем. В этом контексте главный вектор эволюционных трансформаций интеллектуальных структур в истории человека определен сохранением относительно устойчивого функционирования и саморепродукции социума как антропологической целостности. Индивидуальное выживание уже на биологическом уровне зависит от самосохранения и выживания популяции, то есть имеет характер системной причинности.

Функциональный принцип в эпистемологии интеллекта подчеркивает информационное влияние системных условий жизни на адаптивное поведение индивида и развитие его когнитивных способностей. В междисциплинарном контексте такой подход не фиксирует однозначно материальную структуру функциональной системы, позволяя рассматривать только информационные связи внутри целостности, а также внешние факторы воздействия метасистемного плана.

Невидимая логика метасистемной причинности обозначена в теории по-

знания принципом априори. Функциональные связи внутри целостности играют базовую роль в организации жизненного пространства малых систем в виде популяций, сообществ, родов, племен, народов, стран, цивилизаций, которые воспринимают эти связи как объективное условие, данное априори. Практически все генетические модели интеллекта в науке и философии опираются на адаптивные функции к условиям жизни в сообществе. В адаптивном ключе трактует природу интеллекта в частности, А. Бергсон, подчеркивая искусственный социальный характер его предназначения и ограниченность функций, в отличие от свободы творчества.

Дискуссия

В философской традиции субъектом разумной действия выступает как человеческий род в целом, так и коллективный разум в лице науки, а также отдельный человек. Раздвоение субъекта разумного поведения хорошо показывают концепции в рамках антропологической и социологической модели интеллекта, в которых абстрактный субъект познания представлен в диаметрально противоположных статусах *индивида* с его психикой и *сообщества*, владеющего знанием и транслирующего его в поколениях. Сообщество выступает носителем социальной памяти, выраженной в предметах жизнедеятельности, стереотипах поведения, кодах и матрицах семантического пространства. Наличие семантического поля культуры создает объективное условие для адаптивного поведения и развития интеллектуальных функций человека. При этом в описании условий когнитивной эволюции антропология акцентирует либо эволюцию мозга, либо эволюцию культуры.

Концептуальные модели эволюции интеллекта

Концептуальное основание нейронауки образует биологическая установка, которая связывает интеллект с системой высшей нервной деятельности мозга. Образная интерпретация этой установ-

ки художественно развернута в фантастической повести Александра Беляева "Голова профессора Доуэля." С этой точки зрения наличие мозга, обладающего сложной морфологией, достаточное условие для реализации разумного поведения. Однако нейродинамическая структура, которая имеет прямое отношение к мысли человека не найдена. Смоделировать нейронную сеть мозга в искусственном варианте тоже не удается. Альтернативная модель формируется в психологии, относящей природу интеллекта к структурам ментальной динамики, и в социологии, относящей природу интеллекта к коллективному субъекту познавательной деятельности.

В социобиологической модели для объяснения механизма когнитивной эволюции человека вводится вектор эпигенеза, дополняющий биогенетическую программу индивидуального развития [13]. Условия для ментального эпигенеза в социобиологической модели создаются культурными условиями жизни индивида и средовыми факторами жизни самого общества в совокупности с инвариантами социальной памяти, которые обозначаются как культуры. По аналогии с экосистемой, сначала в биосферном цикле при его трансформации появляется жизненное пространство как пространство априорных ограничений, которое предполагает некую потенциальную норму адаптации имеющихся в наличии структур или их модификации.

Функции естественного интеллекта обусловлены необходимостью постоянного согласования внешних норм поведения и внутренних биологических норм жизнеобеспечения индивидуального организма. Фактор, стимулирующий интеллектуальное развитие индивида, связан с ориентацией в смысловом пространстве социальной сферы на уровне матрицы здравого смысла в понимании ситуации или на уровне компетенций профессиональной деятельности, которая в свою очередь требует расширения когнитивной сферы сознания. Замыкание человека в определенном смысловом горизонте, свя-

занное с неким устоявшимся набором понятий, соответствует достаточно комфортному уровню адаптированности к жизненным (социальным или профессиональным) условиям. Знакомые, стереотипные ситуации не требуют анализа, поскольку ориентации в обстоятельствах жизни происходит автоматически, без дополнительных энергетических затрат на активизацию высших отделов мозга. По С. Савельеву [14], мозг самый энергоёмкий орган, который потребляет 10% всей поступающей с пищей энергии. Поэтому стимул к интенсивной интеллектуальной деятельности должен быть внешним.

В психологии развития Ж. Пиаже [15] связывает стимулы интеллектуальной активности с инвариантностью и обратимостью действия, необходимость которого диктуется неразрывностью ситуации и нужд субъекта. Так, игра по правилам мотивирует на успешную когнитивную ориентацию в жёстко нормированной ситуации, обеспечивая репродуктивный уровень интеллектуальной активности. Условия профессиональной деятельности, связанные с требованиями социального престижа (зарплата, высокий статус), стимулируют уже иной уровень интеллектуальной активности, при этом ключевую роль играет мотивация познавательного интереса в профессиональной области.

Ноосферная модель в междисциплинарном контексте

С точки зрения информационного подхода, интеллект – функциональная система, которая должна быть вписана в определенный цикл жизнедеятельности макросистемы (по аналогии с круговоротом биогенеза в биосферном единстве). Этой концептуальной установке соответствует ноосферная модель, в которой интеллектуальные функции и технологии поддерживают постоянное воспроизводство глобального социума через связь уровней активности своих элементов, среди которых есть как естественные, так и искусственные формы. Проблема ноосферной модели заключается в расширении техногенного давления на гло-

бальную экосистему и самосохранение человека как живого организма.

Функциональные структуры интеллекта обеспечивают связь индивидуального и коллективного нормирования уровня жизни. В этом его назначение как экзистенциальной нормы для индивида и для общества. Уровень интеллектуального развития индивида как члена общества диктуется социальной технологией жизни, которая в свою очередь тоже развивается как информационная и интеллектуальная культура, формируя новые пласты социальной памяти, которые представлены в разных формах деятельности человека. На современном этапе социального развития технологии интеллектуальной деятельности, которые связаны с вычислениями в базах с большими объемами данных, не затрагивают принципов социогенеза и механизмов воспроизводства человеческого рода. Они проектируются и функционируют внутри ноосферной модели, но независимо от сохранения биогенеза как основы воспроизводства природной органической силы жизни, генофона и генофонда популяции как основы воспроизводства биологической структуры носителя естественного интеллекта, а также культургена как основы воспроизводства семантических сред социума, которые проявляются в формах памяти и стереотипах поведения.

Гиперсетевая модель интеллекта

В условиях интенсивного распространения гибридных сред усиливается различие функций информационной и когнитивной системы. Информационная система выступает резервуаром данных и характеризуется объемом или количеством информации. Когнитивная система имеет фреймовую основу, поскольку элементом работы с информацией выступает систематизированная информация, представляющая в понятийной форме определённые семантические связи. Цифровые сети создаются для работы с когнитивными системами и когнитивным обменом. Эта область автоматизируется более успешно в искусственных

системах, оперирующих информацией и системами знаний, которые выражены в символической форме, отчуждённой от непосредственного процесса индивидуального мышления. Познавательная стратегия, которая указывает на метасистемный уровень факторов в трансформации жизненного мира на фоне экспансии цифровой культуры и конвергентных технологий, подчеркивает функциональную (манипулирующую) роль абстрактной инфоструктуры в формировании семантического поля индивидуального и массового сознания.

В сложно структурированной инфосфере гибридной реальности взаимодействуют мульти-агентные системы, которые представляют собой псевдо-субъектов со специфическим набором интерактивных инструментов. В процессе жизнедеятельности ментальная активность каждого человека постоянно активизируется необходимостью ориентации в смысловых горизонтах. При этом сознанию далеко не все факторы информационного давления доступны. В частности, Л. Флориди [16] выделяет три системы формирования смысловых горизонтов в инфосфере: физиологические (объективно физические), когнитивные и сознательные. Из этой модели следует, что неосознаваемое человеком воздействие идет по двум каналам, обладающим явно выраженным объективным характером семантического давления на механизмы восприятия мира, когнитивной ориентации и саморегуляции.

Модели когнитивной ориентации в гибридных средах

В синхронической модели когнитивной ориентации акцентируются системные факторы, связанные с обеспечением коммуникации в сообществе. На этом основании в современной философии и нейронауке соотносятся функциональные системы символической, социокультурной, ментальной и кортикальной репрезентации. Синхронизация временного и семантического аспекта выступает принципиальным условием ориентации индивидуума в поле социаль-

ной информации. Системное давление инфосферы на подсознание человека осуществляется через семантическую (смысловую) взаимосвязь с нейродинамическими структурами мозга.

В синхронизации нейрофизиологических и социальных условий коммуникации ключевую роль играет организация когнитивной сети социума, функциональная архитектура которой строится на базе символических матриц, представляющих собой семантически согласованные наборы фреймов. В частности, модель когнитивной гиперсети К. Анохина [17] позволяет органично соединить факторы социокультурной, ментальной и кортикальной репрезентации в понимании подсознательных механизмов информационного влияния на представление человека о реальности.

Современный технологический уклад сопровождается интенсивным воздействием инструментов массмедиа на подсознание и поведение человека. Вследствие широко транслируемых в сети виртуальных представлений о реальности, трансформируется более глубокий уровень мотивации действий человека, который связан с уверенностью в достоверности происходящих событий. Проблема онтологической достоверности становится более актуальной с развитием цифровой культуры, создающей условия для расширения искусственной имитации реальности в киберпространстве. Нейронаучные исследования показывают, что при множественных социально одобряемых повторениях мозг может спутать исходный объект воспроизведения и его имитацию. Более того, многократно повторяемая в коммуникации искусственно конструируемая социальнo-культурная репрезентация способна обеспечить существенные изменения в кортикальной репрезентации [18, 19].

Заключение

Междисциплинарная эпистемология включает в качестве фактора эволюции человека онтологию когнитивной системы, в которой прогнозируемые физи-

ческие взаимодействия направляются ориентационными (смысловыми). Жизнь популяции, затем социума образует необходимое условие эволюционных изменений нервной активности, лежащих в основании высших психических процессов, сознания, интеллекта. Функциональный подход в интерпретации интеллекта подчёркивает условия, стимулирующие генезис когнитивных структур в организации информационной среды и деятельности субъектов или элементов, включенных в эту среду, но не рассматривают материальную природу носителя этих функций.

Такая установка позволяет выделить социальные факторы когнитивной эволюции человека и функциональные модели интеллектуальных структур, которые детерминированы требованием тотальной информационной связи в сообществе и закрепляются на уровне механизмов наследования биогенетического и эпигенетического плана. Роль стимула подсознательной мотивации социального и индивидуального действия играют коммуникативные факторы и формы имитации реальности в когнитивных структурах.

Функциональные системы интеллекта обеспечивают эффективность информационного обмена на уровне трансляции социальной памяти в обществе с определенной культурой деятельности благодаря использованию символических языков и других небиологических структур, оперирующих знанием. Цифровая сеть выступает инструментом, обеспечивающим интерактивный когнитивный обмен в социальных и профессиональных сферах, а интерактивные технологии когнитивного обмена ассоциируются с искусственным интеллектом.

Литература

1. Simon G.A., Kaplan C.A. Foundations of Cognitive Science // *Foundations of Cognitive Science*. 1991. P. 1–49.
2. Dreyfus H. L., Dreyfus S.E. Making a Mind versus Modelling The Brain: Artificial Intelligence Back at a Branch-Point // *The Philosophy of Artificial*

Intelligence / Boden M. (ed.), Oxford, 1990.

3. Ладов В.А. Критический анализ логико-эпистемологических оснований философии искусственного интеллекта Х. Дрейфуса. *Гуманитарная информатика*. 2013. Вып. 7, с. 28–34
4. Hagerty, L. *The Spirit of the Internet. Speculations on the Evolution of Global Consciousness* / www.MatrixMasters.com
5. Mirenayat, S.A., Soofastaei, E., Singh, H.K. A/P Ju.. *Epochs and Evolution of Consciousness by Gebser and Barfield*. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. MCSEER Publishing, Rome-Italy. Vol 6 No 5 September 2015, 450–454. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n5p450
6. Saveliev, A.M., Zhurenkov, D.A., Poikin, A.E., Berkutova, T.A. *Ethics of Artificial Intelligence and Post-non-classical Scientific Rationality*, IFAC-PapersOnLine, Volume 54, Issue 13, 2021, Pages 397–401, ISSN 2405–8963, <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2021.10.480>
7. Лещев С.В. Демаркационный предел когнитивности. *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук*, 2019, 4(26), С. 34–36
8. Люгер, Дж.Ф. Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем, 4. изд. – М. [и др.]: Вильямс, 2003. – 863с.
9. Clark, A. *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension* / A. Clark. – New York: Oxford University Press, 2008.
10. Князева Е.Н. Когнитивная архитектура воплощенного разума. *Вестник Российского научного гуманитарного фонда*. 2010, с. 84–91.
11. Luger, G.F. *Knowing our World: An Artificial Intelligence Perspective*. 2021. Springer, Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-71873-2>
12. Лещёв С.В. Технонаука и моделируемая реальность // *Нейрокомпьютеры: разработка, применение*. – 2018. – № 6. – С. 61–62.

13. Wilson E.O. *Sociobiology: The New Synthesis*. Cambridge (Mass.); London: Belknap press of Harvard univ. press, 2002. – 697p.
14. Савельев С.В. Морфология сознания: в 2 т. – М.: ВЕДИ, 2018. Т. 1. – 208с.
15. Пиаже Ж. *Психология интеллекта*. – СПб.: Питер, 2004–192с.
16. Floridi L. *The Fourth Revolution – How the infosphere is reshaping human reality*. – Oxford: Northwestern Oxford University Press, 2014. – 272p.
17. Анохин К.В. Коннектом и когнитом: заполнение разрыва между мозгом и разумом. Седьмая международная конференция по когнитивной науке. Ответственные редакторы: Ю.И. Александров, К.В. Анохин. М.: Институт психологии РАН 2016, с. 18–19.
18. Thomson, H. Empathetic mirror neurons found in humans at last. *New Scientist*, 2010, 2756, 12. [https://doi.org/10.1016/S0262-4079\(10\)60911-6](https://doi.org/10.1016/S0262-4079(10)60911-6)
19. Iacaboni M. Imitation, Empathy, and Mirror Neurons // *Annual Review of Psychology*. Vol. 60, 2009, 653–670. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163604>.

FUNCTIONAL MODELS OF INTELLIGENCE IN INTERDISCIPLINARY EPISTEMOLOGY

Shipunova O.D.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The purpose of this article is to develop an interdisciplinary approach to the interpretation of the nature of intelligence. The author emphasizes the informational influence of system-living conditions on person's adaptive behavior and his cognitive orientation. The functions of natural intelligence appear to be due to the need for constant coordination between the external norms of behavior and the internal biological norms of life support. The functional principle in the intelligence epistemology emphasizes the key role of cognitive exchange in society via symbolic matrices and an abstract system of meanings. At the present stage, the technologies of intellectual activity associated with big data processing strengthen the difference in the functions be-

tween the informational system and the cognitive one. Digital networks are created to handle cognitive systems. In the context of the intensive spread of hybrid environments, interactive technologies of cognitive exchange are associated with artificial intelligence.

Keywords: functional models, intellectual structures, cognitive exchange, hybrid environment, intelligence epistemology.

References

1. Simon G.A., Kaplan C.A. *Foundations of Cognitive Science*. Foundations of Cognitive Science. 1991. P. 1–49.
2. Dreyfus H. L., Dreyfus S.E. Making a Mind versus Modelling The Brain: Artificial Intelligence Back at a Branch-Point. *The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M. (ed.)*, Oxford, 1990.
3. Ladov V.A. Kriticheskiy analiz logiko-epistemologicheskikh osnovaniy filosofii iskusstvennogo intellekta KH. Dreyfusa [The critical analysis of logical and epistemological foundations in artificial intelligence philosophy of X. Dreyfus]. *Gumanitarnaya informatika*. 2013. Issue 7, pp.28–34
4. Hagerly, L. The Spirit of the Internet. Speculations on the Evolution of Global Consciousness/ www.MatrixMasters.com
5. Mirenyat, S.A., Soofastaei, E., Singh, H.K. A/P Ju.. Epochs and Evolution of Consciousness by Gebser and Barfield. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. MCSER Publishing, Rome-Italy. Vol 6 No 5 September 2015, 450–454. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n5p450
6. Saveliev, A.M., Zhurenkov, D.A., Poikin, A.E., Berkutova, T.A. Ethics of Artificial Intelligence and Post-non-classical Scientific Rationality, IFAC-PapersOnLine, Volume 54, Issue 13, 2021, Pages 397–401, ISSN 2405–8963, <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2021.10.480>
7. Leshchev S.V. Demarkatsionnyy predel kognitivnosti [Demarcation limit of cognition]. *Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2019, 4(26), pp.34–36
8. Luger, G.F. *Iskusstvennyy intellekt. Strategii i metody resheniya slozhnykh problem* [Artificial intelligence. Strategies and methods for solving complex problems], 4th ed. – M. [and others]: Williams 2003. – 863p.
9. Clark, A. *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension /*

- A. Clark. – New York: Oxford University Press, 2008.
10. Knyazeva E.N. Kognitivnaya arkhitektura voploshchennogo razuma [Cognitive architecture of the embodied mind]. Vestnik Rossiyskogo nauchnogo gumanitarnogo fonda, 2010, pp. 84–91.
  11. Luger, G.F. Knowing our World: An Artificial Intelligence Perspective. 2021. Springer, Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-71873-2>
  12. Leshchëv S.V. Tekhnonauka i modeliruyemaya real'nost' [Technoscience and simulated reality]. Neyrokomp'yutery: razrabotka, primeneniye, 2018, vol.6, pp.61–62.
  13. Wilson E.O. Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge (Mass.); London: Belknap press of Harvard univ. press, 2002. – XIII, 697 c.
  14. Savel'yev S.V. Morfologiya soznaniya [Morphology of consciousness]. – M.: VEDI, 2018. – T.1. – 208p.
  15. Piaget J. Psikhologiya intellekta [Psychology of intelligence]. – St. Petersburg: Piter, 2004–192p.
  16. Floridi L. The Fourth Revolution – How the infosphere is reshaping human reality. – Oxford: Northwestern Oxford University Press, 2014. – 272 p.
  17. Anokhin K.V. Konnektom i kognitom: zapolneniye razryva mezhdu mozgom i razumom [Connectome and Cognitom: Filling the Gap Between Brain and Mind] SEVENTH INTERNATIONAL CONFERENCE ON COGNITIVE SCIENCE Abstracts. Managing editors: Yu.I. Aleksandrov, K.V. Anokhin. 2016, pp.18–19. Moskva: Institut psikhologii RAN.
  18. Thomson, H. Empathetic mirror neurons found in humans at last. New Scientist, 2010, 2756, 12. [https://doi.org/10.1016/S0262-4079\(10\)60911-6](https://doi.org/10.1016/S0262-4079(10)60911-6)
  19. Iacaboni M. Imitation, Empathy, and Mirror Neurons // Annual Review of Psychology. Vol. 60, 2009, 653–670. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163604>

Стремление к истине в контексте антропологии и этики христианства

Звонова Екатерина Евгеньевна,

кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: inflammatu@yandex.ru

Статья посвящена исследованию основного характерного для западной культуры стремления к истине в контексте этики и антропологии христианства. Рассматриваются примеры из области религии, мифологии и этимологии, свидетельствующие о распространенности интуиции, согласно которой истина и порядок устройства реальности соотносятся с человеческой природой, нравственным началом. Раскрывается особое значение понятия истины и стремления к ней для западной культуры с учетом того, что в ее рамках возникло научное естествознание, наука современного типа, и конечной целью науки является достижение истины. Указывается роль христианства в становлении свойственного для европейского менталитета понимания истины и отношения к ней. Рассматривается, как связанные с истиной этические воззрения христианства формировались в ходе противостояния фарисеям и фарисейству. Анализируется человекомерность истины в христианстве, ее прямое отношение к природе человека и конечным смыслам его существования. Раскрывается актуальность исследования фарисейства как духовного явления.

Ключевые слова: христианство, философская антропология, этика, истина, ложь, фарисейство.

То, что истина, правда, подлинность, настоящесть, соответствие реальности воспринимаются человеком как ценность, само по себе является предметом интереса для исследователей в области философской антропологии и этики. Особенно если учесть, что истина часто соотносится с объективностью, а последняя – с элиминированием «человеческого фактора» из процесса познания.

Что же настолько резонирует в истине с собственно человеческим в нас, что мы готовы порой ради нее отречься от «слишком человеческого»? И не только от него, но и в некоторых случаях от самой жизни: так, история науки и философии знает немало случаев, когда люди в прямом или переносном смысле шли на костер во имя абстрактной идеи; ни одно животное никогда не вело себя подобным образом.

Д.И. Писареву принадлежат следующие замечательные слова о соотносительности сущности человека и стремления к правде: «К чести человеческой природы вообще и человеческого ума в особенности, надо заметить, что до сих пор, кажется, ни один человек не пошел на смерть за то, что он считал красивым, и что, напротив того, нет числа тем людям, которые с радостью отдавали жизнь за то, что они считали истинным или общепользным. У искусства не было и не может быть мучеников. Наука и общественная жизнь, напротив того, уже давно потеряли счет своим мученикам».[7, с. 371]

Прямого общезначимого ответа на вопрос о том, почему истина воспринимается как фундаментальная ценность, нет. Объяснение, согласно которому подобное положение вещей обусловлено ее практической полезностью, представляется малоубедительным, поскольку польза для человека, а не человек для пользы: если его по-

рой и используют, превращая, вопреки завету Канта, в средство для достижения цели, это воспринимается как нарушение порядка должного. Самопожертвование же ради того, что полагается правдой, вызывает ощущение восстановления или установления подлинного порядка.

Несмотря на отсутствие прямого универсального ответа на вопрос об антропологических основаниях «воли к истине» (как и о природе «подлинного порядка») частные и косвенные ответы отражены в различных мифологических представлениях и религиозных традициях. Нередко божества, герои, сущности, имеющие отношение к устройству мироздания, истине, ее познанию, в то же время олицетворяют «человекомерное» нравственное начало или связаны с ним, служат ему. Таковы Маат у древних египтян [1], Рита у индусов, дхарма у буддистов, Хокма у иудеев[5], Дике и Прометей у эллинов, София[12] и Христос-Логос у христиан[4].

О распространенности интуиций соразмерности истины человеческой нравственной природе и «вписанности» праведного человека в некоторый подлинный порядок можно судить и по их отражению в разных языках. Так, например, в русском языке словом «правда» обозначается соответствие реальности, и в то же время мы говорим «жить по правде», «праведник». Достойного человека можно охарактеризовать как «порядочного», словно он соответствует некоторому объективному или должному порядку. Допустимую ошибку в измерениях называют «погрешностью», как если бы искажение реальности имело отношение к греху. Если человек верит в некие нравственные ценности, он может сказать о них, что они подлинные, истинные.

Итак, представления о ценности истины, ее глубинной связи с сущностью человека, нравственным и мировым порядком широко распространены и, повидимому, имеют архетипическое основание. Однако в различных культурах они проявляют себя по-разному. Весь-

ма популярным является мнение, что категория истины сыграла особенно важную роль в развитии именно западной цивилизации, поскольку в рамках последней сформировалось научное естествознание, которое определила облик современного мира, главной же целью науки является достижения истинного знания.

Что же определило характерное для западной культуры понимание истины, правды, подлинности? Хотя религия и наука зачастую противопоставляются друг другу, первая во многом подготовила почву для второй [9], поскольку именно в христианстве вопрос об истинности формулировок основ верования, его догматов приобрел огромное значение. Еретики (в том числе и пострадавшие за свои научные воззрения) самим фактом своего преследования и «упорствованием в заблуждении» даже перед перспективой аутодафе утверждали порожденную христианской церковью логику, согласно которой вопрос об истинности мысли обладает приоритетом перед соответствием жизни убеждениям, что нехарактерно, например, для восточных традиций.

Для обоснования наших утверждений обратимся к знаменитой книге Э. Фромма «Искусство любить». Исследуя феномен любви к Богу, автор рассматривает в связи с ним свойственную восточным религиям парадоксальную, допускающую противоречия логику и привычную для западной культуры логику Аристотеля, одним из законов которой является закон непротиворечия. Немецко-американский мыслитель убедительно показывает, что для западного религиозного сознания было чрезвычайно важно создать стройное учение о Божественном, что, разумеется, не означало совершенного обесценивания жизни в соответствии с ним. «И тем не менее человек, который верил в Бога – даже если он не жил по его заветам, – чувствовал себя выше того, кто жил по заветам Бога, но не «верил» в него.

Подчеркивание особой роли мышления влечет за собой еще одно след-

стве, исторически очень важное. Идея о том, что можно найти истину в мысли, породила не только догму, но и науку. В научном мышлении правильная мысль – единственное, что имеет значение как в смысле интеллектуальной честности, так и в смысле применения научной мысли на практике, то есть в технике.

Таким образом, парадоксальное мышление порождало терпимость и стремление к преобразованию себя. Установка Аристотеля привела к догме и к науке, к католической церкви и к открытию атомной энергии».[11, с. 41]

Исходя из сказанного очевидно, что понимание того, какие философско-антропологические и нравственные следствия можно вывести из характерного для христианской традиции понимания истины и ее ценности, того, какое отношение истина и стремление к ней имеют к человеческой природе в контексте христианства, позволяет осознать истоки многих привычных для нас реалий современного мира и самих себя как его обитателей. Рассмотрим, как в христианстве осмысляются истина, правда, подлинность в связи с философско-антропологической и этической проблематикой.

Интересно, что стремление к правде самого Христа, каким Он предстает в Евангелии, проявляется не в поиске оптимальной с точки зрения логической стройности формы для изложения учения, а в протесте против формализма и лицемерия фарисеев, против подмены настоящести, подлинности религиозного опыта, подчас драматического и травматического, но преображающего, соблюдением правил внешнего благочестия.

При этом Христос не отвергает религиозную форму иудаизма, закон как таковой, Он выступает лишь против жизненного несоответствия ей. Упомянув фарисеев, Иисус говорит следующее: «итак все, что они велют вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возла-

гают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди».(Мф 23:3–5)

Если к заблуждающимся и грешникам со стороны Христа мы видим снисхождение (вспомним, например, знаменитый эпизод с женщиной, взятой в прелюбодеянии, «кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Иоан 8:7)), то при обращении к фарисеям он неоднократно говорит «горе вам», повторяя при этом и характеристику «лицемеры». Иисус предостерегает учеников: «берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемерие». (Иоан 12:1) И это весьма показательно в контексте проблематики истинности, подлинности.

Явный, признаваемый в качестве такового грешник или заблудший, ошибающийся человек в определенном смысле честны. Грешник и есть грешник, заблудиться, потерять путь намеренно, предаваясь сознательной неправде, невозможно: заблуждение отличается от обмана произвольностью. Поэтому грех хоть и нарушает порядок должного, но менее, нежели фарисейство, поскольку не предполагает лжи другим и успокоительного самообмана в качестве обязательного условия, а честность перед собой может привести к покаянию.

Если же честность отсутствует, теряется связь с реальностью и надежда вернуться на путь истинный. Поэтому лицемерие, лживость осуждаются Христом наиболее строго, как качества, убивающие человека, заглушающие в нем жажду вечной жизни, жизненности, настоящести. Поэтому диавол именуется лукавым и соотносится с ложью: «Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи. (Иоан 8:44)

Закон был дан через Моисея, чтобы способствовать истине, однако его быстро научились «обходить», и именно фарисеи прекрасно продемонстрировали, что можно поступать «по зако-

ну», «соблюсти формальности», но нарушать все, ради чего установлен закон (причем с чистой совестью – вспомним притчу о мытаре и самодовольном фарисее (Лк. 18:1–14)). Но внутреннее состояние цельности, отсутствия ощущения раскола между тем, что есть, и тем, как должно быть, при наличии связи с реальностью и трезвой оценке ее нельзя сохранить, фарисействуя, а без его сохранения закон утрачивает смысл. Поэтому благодать стала подлинной потребностью стремящегося к спасительной правде: «благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа». (Иоан 1:17)

Итак, в Евангелии диавол представлен источником лжи и человекоубийцей, а Христос – носителем истины и Спасителем человечества, победившим смерть и безжизненную форму, убивающую дух. По-видимому, «неформальность» истины и благодати имеет философско-антропологическое основание: безграничное содержание духовной полноты человека, созданного по образу и подобию обладающего бесконечными атрибутами Бога, «не укладывается» ни в какую форму. Христос своей правдой спас человека именно от приобретенной в результате грехопадения ограниченности падшей природы, лишаящей свободы не совершать зла, недаром написано: «и познаете истину, и истина сделает вас свободными». (Иоан 8:32)

Замечательно, что адресованный Пилатом Христу вопрос касался именно истины: «что есть истина?», а также то, что задан он был после следующих слов Иисуса: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего». (Иоан 18:37) Вспоминается и другое изречение Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь». (Иоан 14:6)

Истина, таким образом, укоренена в личности Бога и Человека, и всякий человек, обладая потенциальным богородбием, является личностью. По-видимому, именно это обстоятельство в совокупности с прочими особенностями

ми понимания истинности, подлинности в христианстве способствовало тому, что в возросшей на его фундаменте европейской культуре сформировалось восприятие истины как к высшей ценности, к которой надлежит стремиться, ценности, имеющей непосредственное отношение к человеческой природе и судьбе. Вместе с другими христианскими по происхождению метафизическими установками подобное восприятие впоследствии и повлияло на развитие науки[6]; этой темы мы уже отчасти касались ранее.

Впрочем, можно вспомнить, что для западной цивилизации в метафизическом и познавательном плане оказалась важна именно форма выражения истины, формальная логика Аристотеля (в том числе и применительно к религиозным вопросам), формализация законов природы. По-видимому, это обусловлено сильным влиянием на становление христианского богословия философских воззрений античности, в которых оформляющее начало (например, число у пифагорейцев, идеи у Платона и т.д.) чаще всего обладает онтологическим приоритетом перед оформляемым: пока нечто не оформлено, о его бытии, согласно интуиции древних греков, если и можно говорить, то с некоторым сомнением. Однако в указанном контексте форма неотделима от сути, практически сливается с ней.

Возвращаясь к теме фарисейства, противостояние которому определило значение истинности, подлинности в христианстве, следует заметить: хотя в Писании изобличается лицемерие фарисеев как представителей конкретного религиозно-общественного течения определенного исторического периода, очевидно, что оно представляет собой более широкое и вневременное явление[8], поэтому его исследование и понимание всегда актуально, равно как и христианская этика.

С.Л. Франк описывал суть фарисейства следующим образом: «Мнимое подобие оцерковления мира, приводящее к обмирщению Церкви, есть существо *фарисейства* – того искажения духов-

ной жизни, в котором внешнее подобие правды заменяет ее внутреннюю сущность и вытесняет ее. Фарисейство есть не отдельное конкретное историческое явление, а имманентное, всегда вновь возрождающееся заблуждение человеческого духа».[10, с. 97]

Фарисейство как пустая форма внешнего благочестия процветает и сегодня, в частности, в христианской церкви, и это зачастую отталкивает от христианства именно наиболее склонных к нему по духовному складу людей – нетеплохладных, требующих абсолютной истины и абсолютно честного отношения к этой истине.

«Антифарисейский» нравственный максимализм, кстати, особенно характерен для русского православного менталитета, яркие представители которого, столкнувшись с лицемерием «носителей духовности», становились атеистами, материалистами, коммунистами.[2] И парадоксальным образом оставались при этом по сути в большей степени христианами, нежели «формальные» христиане, «смирившиеся» с невозможностью вполне соответствовать истине Христа. Понимание диалектики формы и содержания в данном случае проливает свет на многие перипетии отечественной истории.

Итак, в настоящей статье представлен анализ оснований свойственного западной культуре стремления к истине в контексте этики и антропологии христианства. Мы надеемся, что высказанные нами соображения не только могут оказаться полезными для дальнейшего исследования проблемы нравственного статуса истины, но и будут способствовать осознанию общности метафизических оснований науки и религии, их человекомерности и плодотворному диалогу между ними во благо человека.

Литература

1. Андрианов Г. В., свящ. К вопросу об отождествлении библейской Жены Премудрости и древнеегипетской богини Маат // Ипатьевский вестник. – 2021. – № 4. – С. 11–27
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
3. Библия. Н. З. Святое Евангелие: [От Матфея, Марка, Луки и Иоанна]. – 74-е изд. – Репр. воспр. изд. 1914 г. (СПб.). – М.: Сов. писатель, 1990. – 464 с.
4. Кирилл (Зинковский) иеромонах, Мефодий (Зинковский) иеромонах. Значение христианской культуры в воспитании личности в контексте святоотеческого учения о Логосе и логосах. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_I_Mefodij_Zinkovskie/znachenie-hristianskoj-kultury-v-vospitanii-lichnosti-v-kontekste-svjatootecheskogo-uchenija-o-logose-i-logosah/ (дата обращения: 27.02.2022)
5. Ковалевич А.А. Ветхозаветное учение о Премудрости Божией в соотношении с новозаветной логологией // Христианское чтение – 2019. – № 3. – С. 140–151.
6. Лега В.П. Христианство и наука нового времени // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2017. № 10 (783) – С. 329–342
7. Писарев Д.И. Пушкин и Белинский – М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1956. – СС в 4-х Т.Т. – Т. 3. – С. 306–417.
8. Рожковский В. Б., Краснова А.Г. Фарисейство как форма «благочестия» и его антиподы в христианской культуре // Философия права. – 2018. – № 2 (85). – С. 115–120
9. Строев С.А. Христианство как предпосылка существования науки // Международные научные исследования. – 2019. – № 3–4 (40–41) – С. 53–56
10. Франк С.Л. Духовные основы общества. / Введение в социальную философию. – М.: Республика, 1992. – 511с.
11. Фромм Э. Искусство любить. – М.: АСТ, 2009. 220 с.
12. Хачатрян М.В. София как Мировая Душа в мирозерцании русских

софиологов и Григора Нарекаци // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, вып. 3. – С. 291–297.

THE PURSUIT OF TRUTH IN THE CONTEXT OF THE ANTHROPOLOGY AND ETHICS OF CHRISTIANITY

Zvonova E.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the grounds of the aspiration for truth which is typical for Western culture in the context of ethics and anthropology of Christianity. Examples from the field of religion, mythology and etymology, indicating the prevalence of intuition, according to which the truth and order of reality correlate with human nature, moral origin, are considered. The special significance of the concept of truth and the desire for it for Western culture is revealed, taking into account the fact that within its framework natural science, a science of the modern type, arose, and the ultimate goal of science is to achieve truth. The role of Christianity in the formation of the understanding of truth and of relation to it typical for the European mentality is indicated. It is considered how the ethical views of Christianity associated with the truth were formed during the confrontation between Christ, the Pharisees and the Phariseism. We analyze the human meaning of truth in Christianity, its direct relation to the nature of man and the final meanings of his existence. The relevance of the study of Phariseism as a spiritual phenomenon is revealed.

Keywords: Christianity, philosophical anthropology, ethics, truth, lie, Phariseism.

References

1. Andrianov G. V., holy. On the question of the identification of the Biblical Wife of Wisdom and the ancient Egyptian goddess

Maat // Ipatievsky vestnik. – 2021. – No. 4. – pp. 11–27

2. Berdyaev N.A. The origins and meaning of Russian communism. Reprint reproduction of the YMCA-PRESS edition, 1955 – Moscow: Nauka, 1990. – 224 p.
3. The Bible. N. 3. The Holy Gospel: [From Matthew, Mark, Luke and John]. – 74th ed. – Repr. vospr. ed. 1914 (St. Petersburg). – M.: Soviet writer, 1990. – 464 p.
4. Kirill (Zinkovsky) hieromonk, Methodius (Zinkovsky) hieromonk. The importance of Christian culture in the upbringing of the individual in the context of the patristic teaching about the Logos and logos. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_I_Mefodij_Zinkovskie/znachenie-hristianskoj-kultury-v-vospitanii-lichnosti-v-kontekste-svjatootecheskogo-uchenija-o-logose-i-logosah/ (accessed: 02/27/2022)
5. Kovalevich A.A. The Old Testament teaching about the Wisdom of God in relation to the New Testament logology // Christian Reading – 2019. – No. 3. – pp. 140–151.
6. Lega V.P. Christianity and modern science // Herald of the MGLU. Humanities. – 2017. No. 10 (783) – pp. 329–342
7. Pisarev D.I. Pushkin and Belinsky – M.: State Publishing House of Artists. literature, 1956. – SS in 4 Vols. – Vol. 3. – p. 306–417.
8. Rozhkovsky V. B., Krasnova A.G. Pharisaism as a form of “piety” and its antipodes in Christian culture // Philosophy of Law. – 2018. – № 2 (85). – pp. 115–120
9. Stroeve S.A. Christianity as a prerequisite for the existence of science // International scientific research. – 2019. – № 3–4 (40–41) – pp. 53–56
10. Frank S.L. Spiritual foundations of society. / Introduction to social philosophy. – M.: Republic, 1992. – 511 p.
11. Fromm E. The Art of loving. – M.: AST, 2009. 220 p.
12. Khachatryan M.V. Sofia as the World Soul in the worldview of Russian sophologists and Grigor Narekatsi // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2019. – Vol. 19, issue 3. – pp. 291–297.

Аксиологические основы культурных вызовов в условиях потери функции трансфера ценностей в традиционных социальных институтах

Язовских Антон Владимирович,

аспирант, кафедра гуманитарных наук и технологий,
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный
университет»

E-mail: yazovskikh@mail.ru.

Цель исследования – идентификация современных культурных вызовов в условиях потери функциональности традиционных социальных институтов в части трансфера культуры, понимание аксиологических оснований этих вызовов. Определены вызовы: 1. витальная необходимость соответствия человека собственной природе и культурно-историческому контексту эволюционирующего бытия; 2. нарастающий раскол общества по эволюционному основанию онтогенеза. Научная новизна состоит в разработке основного вектора преодоления указанных вызовов: смены целевой функции общественных институтов – современный человек нуждается в создании условий для раскрытия потенциала личности и апеллирования к совести. Предложен концептуальный подход, направленный на актуализацию индивидуальных и бытийных ценностей, формирование и развитие совести индивида, как рефлексии самосознания и осознания себя в бытии.

Ключевые слова: ценности, самосознание, культура, вызовы, аномия.

Современный этап развития европейского общества и культуры характеризуется смещением основных эволюционных процессов с антропологического биогенеза к онтическому ноогенезу (категории описаны в работе «Система и личность» А. Менегетти [1]). Это проявляется в массовой смене ценностных ориентаций с выживания индивида и человечества, обеспечения безопасности и благосостояния, социальных отношений, на индивидуальность, духовную свободу, развитие, максимальное проявление самости, творчества – своеобразный аксиологический водораздел, предопределенный развитием техники и технологий, возросшим уровнем жизни, культурным наследием и накопленным ценностно-культурным объемом человечества. Фактически мы имеем дело со сменой ценностных парадигм.

Такой переход естественным образом сопровождаются сильнейшие кризисные явления на социальном и индивидуальном уровнях, связанные с потерей смыслов и поиском новых. Ранее [2] мы уже обосновывали, почему традиционные социальные институты в условиях беспрецедентных в истории темпов смены технологического окружения более не способны полноценно обеспечивать межпоколенческий трансфер системы ценностей и эволюционное развитие культуры. Эволюционирующая личность, проживая в современности особый экзистенциальный опыт, четко осознает, что «никакая система не может удовлетворить индивидуалистические потребности», так как «эгоизм, обусловленный универсальным порядком вещей, не входит в компетенцию системы» и, соответственно, она «не может думать о мотивациях, о чувствах, о любви субъекта, о тех предметах, которых он так истово желает ради точного соответствия потребностям своего природного эгоизма» [1, с. 151].

Безусловно, данный экзистенциальный кризис общества, каким бы закономерным он ни был, угрожает утратой значительной части культурного наследия, многообразия, устойчивым движением к универсализму, потерей преемственности ценностных ориентаций поколений, а также витальность самого общества. Дальнейшая атомизация социума, тренд на предельный эгоизм личности – это объективная и непреодолимая тенденция, эффективное, поддерживающее следование которой приведет человечество в будущем к объединению людей на более высоком уровне, уже не связанном с совместным трудом для выживания (логическую схему актуализации уровней ценностного мировоззрения мы ранее предложили в работе [3] и показали, что предельно индивидуализированный человек через метаною приходит к тотальной принадлежности бытию и самоутверждению бытия через такого человека). В итоге человечество придет к актуализации бытийных ценностей, где личность, полностью раскрывающая свой потенциал, будет уже не потребителем, но источником благ, творчества, созидания для общества и для бытия в целом. Предвосхищая именно эти события минимум на столетие, В.И. Вернадский писал: «геологически мы переживаем сейчас выделение в биосфере царства разума, меняющего коренным образом и ее облик и ее строение, – Ноосферу» [4, с. 173]. Однако для максимально безболезненного прохождения этого периода, для того, чтобы свести к минимуму потери культурного наследия, минимизировать негативные последствия трансформации социальных институтов и уровень экзистенциальных переживаний индивидов, важно идентифицировать ключевые культурные вызовы и определить стратегии их преодоления.

Важно учитывать, что период актуализации уровня индивидуальных ценностей, таких, как постижение смысла, разум, мудрость, самопознание, самопроявление и самоактуализация, на первый план экзистенциальных во-

просов выводит категории свободы и ответственности, так как в условиях атомизированного эгоистичного общества гражданская максима «свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому» [5] становится более актуальной, чем золотое правило нравственности. Человек, стремящийся освободиться от любых внешних ограничений, выступает против систем (и без того утративших функциональность в части преемственности культуры и ценностей): институтов, отношений, морали и нравственности.

Соответственно, первым важнейшим вызовом нашего времени становится личная ответственность человека – его приобретаемая способность витально соответствовать собственной природе и культурно-историческому контексту эволюционирующего бытия. Таким образом, ответственность напрямую связана с осознанной активностью индивида, его способностью проявлять волю в актах выбора и, тем самым, соответствовать реальности в мыслях и действиях. Следовательно, мы утверждаем, что понятие ответственности непосредственно и неразрывно связано с актуализированными уровнями ценности индивида и его ценностно-культурным объемом – на деятельностном уровне содержание ответственности субъекта является производной от его ценностных ориентаций и, применительно к контексту общества, – от морали.

Тем самым, витальная важность работы с системой ценностей на государственном и международном уровнях в современных условиях бесспорна. В России действительно уделяется большое внимание духовно-нравственному воспитанию: создана институциональная основа, нормативно-правовая база и обеспечено финансирование. Но эта работа сфокусирована на молодежном сообществе и организуется на базе институтов образования и воспитания. Тем самым допущены фундаментальные ошибки, которые существенно снижают эффективность такой деятельности в долгосрочной перспективе (если не сводит ее к нулю):

1. игнорируется семья, как единственный традиционный институт, способный обеспечить культурный и ценностный трансфер в условиях потери прочими институтами аксиологической функциональности;

2. без внимания оставлено детство (к молодежи относят с 14 лет [6]).

В настоящее время на государственном уровне в качестве целевого ориентира молодежной политики определено именно раскрытие потенциала и интеграция молодых людей в общество для успешной самореализации – положение закреплено в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Приоритетом обозначена задача формирования с учетом многонациональной основы нашего государства такой системы ценностей, которая объединяла бы идеи гуманизма и гражданственности и обеспечивала преемственность культурного, исторического и национального наследия. Но, ни одно из мероприятий, направленных на реализацию этой задачи, не задействует институт семьи и не предполагает его развития. Роль семьи не акцентирована и в отношении реализации таких задач, как образование, формирования здорового образа жизни, создание информационного поля и инфраструктуры, способствование социально-экономической реализации человека. Семья вынесена в отдельную задачу, но она носит скорее хозяйственный характер и определяет материальную сторону развития, не охватывает вопросы культурной преемственности.

Государственная политика в области образования не восполняет этот пробел. Так, действовавшая в 2000–2014 гг. Национальная доктрина утверждала «образование приоритетной сферой накопления знаний и формирования умений, создания максимально благоприятных условий для выявления и развития творческих способностей каждого гражданина России, воспитания в нем трудолюбия и высоких нравственных принципов» [7]. И хотя документ в качестве приоритетной задачи декларировал «историческую преем-

ственность поколений, сохранение, расширение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию», но закреплял образование сферой ответственности и интересов лишь государства и его институтов, а ожидаемые в перспективе до 2025 года результаты реализации доктрины были сведены к социально-экономическому эффекту. Документ утратил силу, а направления государственной политики уже не столь описаны в Государственной программе «Развитие образования», цели которой «обеспечение высокого качества российского образования» и «повышение эффективности реализации молодежной политики в интересах инновационного социально ориентированного развития страны» [8].

Приведенный анализ позволяет выделить 3 проблемы межпоколенческого трансфера культуры и воспроизводства системы ценностей в период перехода от антропологического биогенеза к онтическому ноогенезу.

Первая – идеологически-нравственная. Сохраняется ресурсный подход к человеку, когда ключевой задачей государства является его введение в хозяйственный оборот, а критерием оценки – рентабельность затрат. В этом контексте речь идет лишь о социальной реализации молодого человека, но не о формировании ценностно-культурного объема его личности, что так важно в условиях культурной эрозии, вызванной современными процессами глобализации. Работа с ценностями российских детей и молодежи выстроена в системе товарно-денежных отношений и основывается на материальных мотивах, никак не затрагивая морально-нравственный базис предыдущих поколений.

Преобладание материальной ценностной ориентации не способствует творческой самореализации человека и реализации потенциала нашей культуры. Еще Э. Фромм отмечал: «Конечно же, в некоторых группах средневекового общества работа приносила опре-

деленное удовольствие труженикам – как реализация их творческих возможностей, – но большинство работало потому, что им надо было кормить себя и свою семью» [9, с. 115]. Доминирование компетентностного подхода актуализирует именно те уровни в системе ценностей, которые соответствуют выживанию, безопасности и кооперации, то есть, отбрасывает современное общество на уровень позднего средневековья.

Вторая проблема – институциональная. Системная работа с молодежью действительно поддерживает процесс социализации, но на поздних этапах, то есть, обеспечивает общественную функциональность человека. Она не затрагивает фундаментальный для индивида процесс закладки культурно-нравственных основ личности, происходящий в период детства, в первую очередь, в семье. Но результаты именно этого процесса в дальнейшем определяют масштаб личности, его восприимчивость к конкретным нормам, правилам и ценностям общества. Более того, действующая молодежная политика неминуемо оказывает негативное опосредованное влияние на будущие поколения через институт семьи: укрепляет приоритет материальной ценностной ориентации над духовной, который нынешняя молодежь передаст своим детям.

Третья проблема – методологическая. Работа по формированию системы ценностей, сохранению богатого культурного наследия и обеспечению преемственности культуры на уровне государства не имеет единой методологической основы и полноценного институционального механизма реализации.

Указанные проблемы в условиях открытого информационного общества и глобализации создают недопустимый уровень и масштаб риска для сохранения культурной идентичности – наибольшее деструктивное влияние на сохранение самобытности общества, его культурную преемственность происходит через изменение системы первичных образов, усваиваемых еще в дет-

стве, с дальнейшим подкреплением искажений уже на уровне морали.

Следующим ключевым вызовом нашего времени, органически связанным с первым – проблемой личной ответственности, как способности полноценного воспроизводства реальности, является проблема культурного раскола общества по эволюционному основанию: на тех, кто остановился на уровне биологического антропогенеза и сосредоточен на аспектах выживания и безопасности, и на тех, кто перешел на уровень антропологического ноогенеза, актуализировав индивидуальные и бытийные уровни ценностей, обеспечивающие самореализацию и самоактуализацию личности в контексте бытия.

На протяжении известной нам истории человечества общество всегда было вертикально структурировано, то есть, в системе общественных отношений присутствовали и присутствуют группы, обладающие большим или меньшим объемом формальных и неформальных прав и свобод, социально-экономических возможностей, допусков к информации, ресурсам и контактам, уровнем ответственности (неопровержимые доказательства существования социального расслоения относят еще к периоду когнитивной революции – период между 70 и 30 тысяч лет назад [10, с. 32]). Явление стратификации имеет общемировое распространение: «во всех странах привилегированные группы людей пользуются непропорционально большой властью, богатством, престижем и другими высокоценными благами» [11, с. 7]. Многомерность и вариативность моделей стратификации – это естественные компоненты и драйверы эволюции различных культур и даже цивилизаций. Появление и изменение общественных институтов, развитие политики, экономики, науки, религии, культуры – все это сопровождалось и сопровождается метаморфозами, в том числе, усложнением и повышением мобильности общественной структуры. И если цивилизации далекого прошлого были максимально закрыты, переход с од-

ного уровня на другой был практически табуирован, то по мере эволюции социума, в рамках сложившихся в цивилизации порядков – экономического, политического и религиозного – получили развитие социальные лифты, позволяющие человеку управлять своим положением в системе стратификации. Вертикальные границы страт становятся все более транспарантными, что связано с высоким уровнем динамики общественных процессов, кризисом институциональной структуры общества и самих социальных институтов в контексте глобализации. Ранее географически, конфессионально и политически разделенный культурно-исторический планетарный континуум, оказался сконцентрирован в рамках единого, взаимно обуславливающего, открытого мультикультурного пространства онтогенеза ценностного и культуротворчества. В актуализированном опыте человечества такого не было.

В условиях вертикальной и горизонтальной мобильности открытых обществ, а также культурной диффузии в процессе глобализации мы могли бы ожидать постепенного нивелирования социальных дистанций и, соответственно, неравенства. Однако, при расширении потенциальной возможности перехода из одной страты в другую, мы наблюдаем не размывание границ и их сближение, а напротив, нарастающее расслоение общества по критериям экономического достатка, власти, безопасности, уровня и стиля жизни, культурному содержанию. И если ранее для достижения целей структурирования общества применялись различные методы сегрегации, вплоть до примеров политики апартеида, то в настоящее время это происходит естественным путем. Так, темпы растущего разрыва между богатейшими и беднейшими слоями населения Земли с XIX века (начало промышленной революции), только увеличиваются: в начале XIX века доходы граждан богатейших и беднейших стран различались в разы, а в настоящее время – в десятки и сотни раз [12].

Дистанция возрастает и по другим критериям, к примеру: по уровню безопасности жизни (что связано с явлениями сегрегации, экологическим и техногенными проблемами, военными конфликтами, неравномерным доступом к медицинским услугам), доступа к экономическим ресурсам (в том числе, в условиях цифровизации и полной автоматизации, широкого применения международных санкций, бюрократического давления и коррупции, как «естественных» элементов деловой культуры в мире), образования и культуры (прежде всего в связи с массовым внедрением технологий дистанционного и машинного обучения). К примеру, тектонические сдвиги в системе общественной стратификации в наши дни в связи с глобальными переменами в подходе к воспитанию детей, школьному и профессиональному образованию, а также в связи с радикальной перестройкой духовного, институционального и материального контекста социализации и жизни человека, только намечаются. Можно лишь предполагать масштабы будущего расслоения общества в связи с массовым внедрением технократических подходов в образовании, цифровизацией различных бизнес-процессов в экономике и замещением полностью автоматизированными решениями многих функций, ранее выполнявшихся людьми. Тренды массовых увольнений в крупных корпорациях (в промышленности, логистике, торговле, банковском секторе и сфере услуг), кадровой оптимизации в социальной сфере явно сложились – рынок профессий, требующих минимальной подготовки, не предполагающих значительной креативной составляющей и не связанных с регулярной выработкой и принятием решений, сжимается, что ведет к росту конкуренции и снижению доходов.

Таким образом, мы имеем дело с нарастающим противоречием, которое, вероятно, приведет к новой волне жестких социальных конфликтов, как это бывало не раз в истории человечества. Однако уровень таких конфликтов и их деструктивные культурные, поли-

тические, социальные и экономические последствия, вероятнее всего будут гораздо масштабнее бунтов, революций и войн прошлого, так как в настоящее время мы столкнулись с более сложным взаимозависимым интегрированным миром. Суть противоречия заключается в следующем. По мере роста открытости обществ, межкультурного взаимодействия, культурной диффузии, по мере декларируемого сокращения явлений дискриминации и создания целой системы социальных лифтов следовало бы ожидать сокращения дистанции между стратами, транспарентности и некоторого выравнивания условий жизнедеятельности. На практике же, в полном соответствии с библейским утверждением («всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:29)) мы констатируем диаметрально противоположную динамику: мир предельно поляризуется по уровню жизни, доступу к влиянию на политические и экономические процессы, качественному образованию и здравоохранению и т.д.

На наш взгляд причина происходящего – поверхностное понимание природы страт и, соответственно, фундаментальные ошибки управления развитием общества. К вопросам неравенства подходят так, будто стратификация имеет сугубо интересубъективную природу, то есть связана с общностью установок и воззрений определенных групп людей, имеет культурный код, социальный базис. Чтобы преодолеть ограничение интересубъективной трактовки и, тем самым, идентифицировать причину обозначенного выше противоречия, необходимо ответить на вопрос, что является фундаментальным базисом расслоения общества, свойственного всем странам, несмотря на разницу в уровне их социально-экономического развития, культурного наследия, природных факторов. Ответ на поставленный вопрос возможен с позиции антропологического подхода, который опирается, прежде всего на ценностное и органически целостное понимание человека, как духовно-материального,

психически-биологического, индивидуально-социального, динамично-консервативного и разумно-творческого существа, особый род бытия, находящийся в онтологической общности с эволюцией мироздания. Безусловно, суть стратификации состоит в дифференциации общества на основе культурно обусловленной в историческом контексте системы оценок и проявляется на социальном уровне в объективации ценностного, а на индивидуальном уровне – как экзистенциальный опыт. Однако, сама интенция социальной дифференциации не задана социальными отношениями, а связана с иерархическим строением бытия в дифференциации его видов на материальное, биологическое, психическое, социальное и духовное. Идея естественности иерархии бытия была, к примеру, отражена в таком понятии античной философии, как эманация, и генетически восходит в том числе к аристотелевским концептам иерархии уровней всего сущего, Универсума и энтелехии. Она совершенно естественно проходит через философию и теологию разных эпох: к примеру, в учении о бытии Ф. Аквинского, в концепции Бога Н. Кузанского, понимании пути совершенствования человека В. Соловьева. В современности идея уровней бытия, к примеру, глубоко разработана в философии Николая Гартмана (многослойность реального бытия, включающего неорганический, органический, душевный и духовный уровни). Идея иерархии естественным образом прослеживается также в интенциональности и Dasein М. Хайдеггера.

Тем самым, многие мыслители в различные времена в той или иной форме отражали в своих работах, что базис расслоения находится глубже социального уровня: будучи связанным с самой природой человека, он принадлежит к области трансцендентного. Рассмотрение ценностей человека именно с позиции трансцендентного понимания экзистенциальной природы ценностей (данный подход представлен, к примеру, в работах Л.В. Баяевой [13, 14], а также рассмотрен нами в контексте логи-

ческой схемы актуализации уровней ценностного мировоззрения человека работе [3]) позволяет нам в полной мере преодолеть ограничение интерсубъективного понимания стратификации и иначе идентифицировать причину нарастающего социального расслоения. Речь идет об обозначенном нами выше разделении общества по эволюционному основанию на тех, которые остаются на уровне биологического антропогенеза и тех, которые функционируют на уровне онтического ноогенеза. Тогда актуальность, масштаб и сложность задачи перевода значительной части общества с одного уровня на другой осознается совершенно иначе.

Совместив два проанализированных нами вызова современности (культурных по форме и аксиологических по содержанию) – витальная необходимость самостоятельного обеспечения соответствия человека собственной природе и культурно-историческому контексту эволюционирующего бытия в условиях кризиса социальных институтов трансфера культуры и ценностей, а также нарастающий раскол общества по эволюционному основанию – мы приходим к пониманию масштабов современной и будущей аномии, эрозии культуры, расчеловечивания значительной части общества и связанной с этим социальной дестабилизацией в глобальном плане.

Естественной реакцией институтов общества на указанные процессы является «усиление прескриптивных воздействий посредством норм, правил, систем контроля, поощрения и санкций» [3, с. 77]. Однако это не просто не соответствует запросу человека на этапе онтического ноогенеза, но и прямо противоречит ему, лишь усугубляя кризис – давление ведет к росту антагонизма, и в результате, нацеленные на самоактуализацию личности вступают в конфликт с социальными институтами, фокусируясь на их революционном преобразовании или даже разрушении. Переход человека от антропологического биогенеза к онтическому ноогенезу предполагает

смену целевой функции общественных институтов. В прошлом они накапливали, сохраняли, воспроизводили и обеспечивали эволюционное преобразование системы ценностей (гомеостаз) посредством обучения и воспитания в человеке члена общества. Сейчас же человек нуждается, прежде всего, в целенаправленном самопознании личности, взаимодействующей не только с обществом, но в первую очередь, с универсумом. И это небывалый для человечества вызов, предполагающий высший уровень доверия к личности и высший уровень ответственности личности. Как бы это ни звучало парадоксальным в первом приближении, в этом шаге в сторону крайнего индивидуализма кроется условие и естественная эволюционная возможность перехода к актуализации ценностей бытийного уровня и объединению общества на их основе. Проявление особого интереса к этнографии, свойственное в настоящее время молодежной среде на постсоветском пространстве и в странах Европы, явно указывает как раз на то, как предельный эгоизм возвращает человека, желающего понять, кто он и откуда он, к социуму, его традициям, и далее – к единству бытия.

Поскольку социальные институты более не могут обеспечить полноценное формирование ценностно-культурного объема самоактуализирующейся личности (личности, переходящей на уровень онтического ноогенеза), решение этой задачи ложится на самого человека; при этом задачей институтов становится формирование у человека особого базиса культуры, включающего комплекс практик и систему критериев для точной мировоззренческой и социокультурной самоидентификации в условиях стремительных перемен. Соответственно, в системах социализации и образования важно выделить 2 взаимосвязанных, но принципиально различных по своему назначению, принципам, методологии и содержанию функциональных блока:

- компетентностный, обеспечивающий профессиональную подготовку

ку и социальную функциональность личности; конечным продуктом здесь является социализированная личность, адаптивный трудовой ресурс, соответствующий культурно-историческому контексту;

- гуманистический, создающий стимулы и благоприятные условия для самопознания, развития мировоззрения и самостоятельной актуализации вначале индивидуальных, а затем, бытийных ценностей; конечным продуктом здесь будет самоактуализирующаяся личность, опирающаяся на совесть, глубоко индивидуальное чувствование и осознание законов бытия, духовных законов общества, понимание своей физиологической, общественной, психосоциальной и духовной индивидуальности, связей с социумом, средой обитания и мирозданием.

В той или иной форме оба функциональные блока присутствуют в современном обществе, но они не управляются, как монолитная целенаправленная система, отвечающая обозначенным в статье вызовам. Так, включение человека в компетентностный блок, реализуемый в форме действующей системы образования (дошкольного, школьного, профессионального) и науки, корпоративных систем адаптации, наставничества и повышения квалификации, жизненно необходимо для обеспечения социализации и нормальной жизнедеятельности в системе социально-экономических отношений – компетентностный блок, сформировавшийся, как результат общественного побуждения, общественной воли, является социальной нормой. Включение же в гуманистический блок, не представленный в настоящее время системно, происходит по мере достижения соответствующего ценностно-культурного объема – как результат индивидуального побуждения, осознанного запроса человека. Мы не можем в полной мере отнести ко второму блоку науку или религию, поскольку этими институтами преследуются иные цели, и критерий истины в обоих случаях находится вне лично-

сти, то есть не опирается на совесть человека.

С аксиологической и этической позиций, если компетентностный блок призван формировать в первую очередь мораль и, соответственно, обеспечивать нравственное поведение человека в обществе, то гуманистический блок направлен на формирование и развитие совести индивида, как рефлексии самосознания и осознания себя в бытии. Таким образом, гуманистический блок необходим для того, чтобы создать системную основу перемещения локуса метаболизма культуры и культуротворчества с общества на личность, которая сможет воспринимать и воспроизводить традиции не как данность и не в силу принуждения, а в свете бытийной необходимости, утилитарности, через призму отношений индивида и универсума. В результате, этосом социализации и образования станет мировоззренческая социокультурная самоидентификация индивида в конкретном культурно-историческом контексте, раскрытие потенциала культуры уникальной личности, а не та или иная идеология.

В завершении обозначим два направления практической работы в рамках гуманистического блока: 1) проявление и актуализация интенциональности личности; 2) развитие ценностно-культурного объема личности, образумого координатами интенциональности, актуальных ценностей и мировоззрения.

Методологическая сложность деятельности, направленной на проявление и актуализацию интенциональности личности, заключается в том, что в бытийной диаде (действия человека здесь направлены на достижение единства логоса, имеющего бытийный, надантропогенный характер, с одной стороны, с врожденными и приобретенными психофизиологическими особенностями индивида, с другой стороны) и индивидуально-эволюционной диаде (в этой плоскости происходит работа по согласованию мотивов и ценностных ориентаций физиологического и психи-

ческого уровней развития человека) человек имеет дело с ценностями, отражающими эволюцию бытия: индивидуальными ценностями и бытийными ценностями сущего (свобода воли, индивидуальность, идеал, радость, счастье и т.п.). То есть, самопознание индивидуальности это сугубо личный, уникальный и даже сакральный процесс, приводящий человека через предельное проявление самости, индивидуальности к осознанию единения с высшим (сущим, Вселенной, логосом, Богом), а через него, с природой, обществом, ближним социальным окружением. И этот процесс, проходящий вне социальных институтов, и даже подталкивающий личность на некоторую конфронтацию с ними, по своей природе не может быть институализирован. Вот почему мы утверждаем, что задачей социальных институтов на современном этапе актуализации ценностей человеком и обществом является не активная актуализация ценностей и формирование морали, а создание условий для раскрытия потенциала личности и апеллирование к совести.

Второе указанное выше направление работы – развитие ценностно-культурного объема личности – должно быть непосредственно направлено на расширение возможностей и практики восприятия и осознания человеком актуальных для него явлений, процессов и состояний сущего. Прежде всего это стимулирование каналов восприятия и обучение способам восприятия и метаболизма информации, образующей культурный, морально-нравственный, эстетический и духовный контекст личности. Человек, находящийся на уровне актуализации индивидуальных ценностей и бытийных ценностей сущего, то есть, человек, осуществляющий онтический ноогенез, в этой благоприятной среде будет соотносить происходящее с ним с внутренним критерием прекрасного, онтического, витального, тем самым, через эту рефлексию, обеспечивая познание своей совести, как единственного подлинного для него критерия идеального и на-

стройку на точное восприятие ее отклика.

Разработка соответствующей методологической базы и реализация указанных направлений работы на государственном и международном уровнях во многом обеспечат снижение рисков и сглаживание возможных последствий для современной культуры в условиях обозначенных нами вызовов, культурную и ценностную преемственность, а также минимизируют вероятность предельной социальной дестабилизации за счет масштабной гуманистической трансформации общественно-го сознания и массовой актуализации уровня бытийных ценностей.

Литература

1. Менегетти А. Система и личность [Текст] / А. Менегетти; пер. с итальянского ННБФ «Онтопсихология». – изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Москва: ННБФ «Онтопсихология», 2007. – 352 с.
2. Шабатура Л. Н., Язовских А.В., Смена ценностной парадигмы на современном этапе эволюции общества: актуальность, культурно-исторический контекст, прогноз / Культура и антикультура. Соотношение цивилизации и культуры, материального и идеального, традиции и преемственности. Проблемы региональной культуры: монография / науч. ред. Л.Н. Захарова, Л.Н. Шабатура. – Тюмень: ТИУ, 2020 – С. 72–82. – Текст: непосредственный.
3. Язовских А.В., Шабатура Л.Н. Аксиологические основания преодоления современного экзистенциального кризиса общества / Проблемы истории и философии науки и техники: сборник научных статей по материалам национальной научно-практической конференции аспирантов и магистрантов (23 апреля 2021 г.) / отв. ред. Т.В. Дягилева. – Тюмень: ТИУ, 2021. – С. 164–168. – Текст: непосредственный.
4. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление [Текст] /

- В.И. Вернадский; отв. ред. А.Л. Яншин. – Москва: Наука, 1991. – 270 с.
5. Декларация прав человека и гражданина, 26 августа 1789 г. / Дополнительная образовательная программа, Французский университетский колледж, СПГУ, [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cuf.srbu.ru/PDF/colle3.pdf> – дата обращения 10.04.2022.
  6. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р), [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov.garant.ru> – дата обращения 12.12.2021.
  7. Национальная доктрина образования в Российской Федерации (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751), [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> – дата обращения 12.12.2021.
  8. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642), [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/860/events> – дата обращения 12.12.2021.
  9. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя [Текст] / Э. Фромм; пер. с англ. – Минск: ООО «Попурри», 1998. – 672 с.
  10. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества [Текст] / Юваль Ной Харари; пер. с англ. Л. Сумм. – Москва: Синбад, 2020. – 520 с.
  11. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Т. 27. № 2. С. 6–35. DOI: 10.17323/1811–038X-2018–27–2–6–35
  12. Асемоглу Д. Введение в теорию современного экономического роста [Текст] / Д. Асемоглу; пер. с англ. В 2 кн., книга 1. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 928 с.
  13. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: монография [Текст] / Л.В. Баева. – Москва: Прометей; МПГУ, 2003. – 240 с.
  14. Баева Л.В. Экзистенциальная природа ценностей [Текст]: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук (09.00.13) Баева Людмила Владимировна; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2004. – 43 с.

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF CULTURAL CHALLENGES IN THE CONDITIONS OF THE LOSS OF THE VALUE TRANSFER FUNCTION IN TRADITIONAL SOCIAL INSTITUTIONS

Yazovskikh A.V.

Tyumen Industrial University

The purpose of the study is to identify modern cultural challenges in the context of the loss of functionality of traditional social institutions in terms of the transfer of culture, understanding the axiological foundations of these challenges. Challenges are identified: 1. the vital need for a person to conform to his own nature and cultural and historical context of evolving being; 2. the growing split of society along the evolutionary basis of ontogeny. The scientific novelty lies in the development of the main vector for overcoming these challenges: changing the target function of public institutions – a modern person needs to create conditions for unlocking the potential of the individual and appealing to conscience. A conceptual approach is proposed aimed at actualizing individual and existential values, the formation and development of the individual's conscience, as a reflection of self-consciousness and awareness of oneself in being.

Keywords: values, self-awareness, culture, challenges, anomia.

References

1. Meneghetti A. (2007) System and personality. Moscow: NNBF "Ontopsychology", 352 p. [in Russ.].
2. Shabatura L.N., Yazovskikh A.V. (2020) Change of the value paradigm at the pres-

- ent stage of the evolution of society: relevance, cultural and historical context, forecast / Culture and Anti-Culture. The ratio of civilization and culture, material and ideal, tradition and continuity. Problems of regional culture: monograph / scientific. ed. L.N. Zakharova, L.N. Shabatura. Tyumen, pp. 72–82. [in Russ.].
3. Yazovskikh A.V., Shabatura L.N. (2021) Axiological foundations for overcoming the modern existential crisis of society / Problems of the history and philosophy of science and technology: a collection of scientific articles based on the materials of the national scientific and practical conference of postgraduates and undergraduates / ed. T.V. Dyagileva. Tyumen, pp. 164–168. [in Russ.].
  4. Vernadsky V.I. (1991) Scientific thought as a planetary phenomenon; resp. ed. A.L. Yanshin. – Moscow: Nauka, 270 p. [in Russ.].
  5. Declaration of the rights of man and citizen, August 26, 1789 / Additional educational program, French University College, St. Petersburg State University. Access: <http://cuf.spbu.ru/PDF/colle3.pdf> – date of access 10.04.2022. [in Russ.].
  6. Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 2403-r). Access: <http://gov.garant.ru> – date of access 12/12/2021. [in Russ.].
  7. National Doctrine of Education in the Russian Federation (approved by Decree of the Government of the Russian Federation of October 4, 2000 No. 751). Access: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> – date of access 12/12/2021. [in Russ.].
  8. The State Program of the Russian Federation “Development of Education” (approved by Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 1642). Access: <http://government.ru/rugovclassifier/860/events> – accessed 12.12.2021. [in Russ.].
  9. Fromm E. (1998) Escape from freedom; Man for himself; per. from English. – Minsk: Popourri LLC, 672 p. [in Russ.].
  10. Harari Yu.N. (2020) Sapiens. Brief history of mankind; per. from English. L. Summ. – Moscow: Sinbad, 520 p. [in Russ.].
  11. Shkaratan O.I. (2018) Socio-economic inequality in the modern world and the emergence of new forms of social stratification in Russia // World of Russia. T. 27. No. 2. S. 6–35. DOI: 10.17323/1811–038X-2018–27–2–6–35. [in Russ.].
  12. Acemoglu D. (2018) Introduction to the theory of modern economic growth; per. from English. In 2 books, book 1. – Moscow: Delo Publishing House, RANEPa, 928 p. [in Russ.].
  13. Baeva L.V. (2003) Value bases of individual existence: Experience of existential axiology: monograph. – Moscow: Prometheus; Moscow State Pedagogical University, 240 p. [in Russ.].
  14. Baeva L.V. (2004) Existential nature of values: dissertation abstract for the degree of Doctor of Philosophy (09.00.13) Ludmila Vladimirovna Baeva; Volgograd State University. – Volgograd, 43 p. [in Russ.].

«Политика» амортальности в доводах Х.Л. Кордейро

Хвастунова Юлия Викторовна,

к. филос.н., доцент, кафедра права, философии и социологии, Горно-Алтайский государственный университет
E-mail: hvastunovoy@mail.ru

В статье рассматривается концепт амортальности в контексте аргументов современной науки в сфере технологий достижения бессмертия, представленной трансгуманистами, в частности идеями Х.Л. Кордейро. Последний написал книгу в соавторстве с Д. Вудом, где обобщил имеющиеся данные о достижении бессмертия под углом трансгуманизма. Научная новизна работы заключается в анализе трансгуманистической методологии, аргументации и прогнозирования на предмет достижения бессмертия. Акцентируя внимания на главной задаче – достижении бессмертия, трансгуманисты создают терминологическую и политики-правовую базу, попутно собирая статистические данные, выстраивая политическую стратегию на многие десятилетия вперед и предлагая конкретные методологические рекомендации своим последователям в деле успешного продвижения данного бренда «амортальности» («несмертные») и реювенирования (проекты омоложения, продления долгожительства с помощью радикальных, а не терапевтических технологий).

Ключевые слова: трансгуманизм, амортальность, реювенирование, Х.Л. Кордейро.

Одна из наиболее политизированных фигур среди трансгуманистических идеологов, входящая в транснациональную элиту и продвигающая трансгуманизм в ряде латиноамериканских стран – Хосе Луис Кордейро. В русском сегменте можно познакомиться с его мнением на канале ютуб [2]. Но более подробно и систематично Х. Кордейро как заместитель председателя Совета директоров Humanity Plus (Humanity+(H+)) и как один из первых преподавателей и консультантов Университета Сингулярности (SU), с 2009 г. выразил в ряде научных работ и статей. Как и все ведущие аналитики трансгуманизма он входит в состав совета Фонда Спасательной шлюпки, а как политик он поддерживает Институт Экстропии (EXI). На пространствах интернета Кордейро ранее указан как член Ассоциации единой глобальной валюты (SGCA) и Римского клуба [5]. На русском языке недавно вышла его книга, написанная совместно с Д. Вудом «Смерть должна умереть: Наука в борьбе за наше бессмертие» [1]. Соавтор Д. Вуд занимается привлечением политической элиты в проект. В книге демонстрируется не только понимание трансгуманизмом вопросов достижения бессмертия, но и представлена стратегия и методы убеждения, привлечения влиятельных людей. А также изменение массового сознания в пользу трансгуманизма.

Трансгуманисты, как и многие западные влиятельные трендовые круги достаточно серьезно относятся к истории древности, символике и различным знакам и отличаются популяризацией аналогов альтернативной истории. Х.Л. Кордейро начинает свое повествование темы бессмертия с магической истории египетской цивилизации, с обращения к египетским магическим заклинаниям. «Хотя сегодня обеспечивающие бессмертие египетские обычаи и практики считаются мифологическими, их практиковали почти три тысячи лет, то есть они на многие века стар-

ше христианства или ислама» [1 с. 21–23]. Кордейро выделяет тему создания эликсира бессмертия и философского камня как доказательство теоретического и практического поиска решения главных человеческих проблем: старения, смерти, болезней. Главная же цель человечества – это обретение вечной жизни каким-нибудь чудесным способом и собственными усилиями. Польза от таких экспериментов по мнению ученого уже в том, что параллельно шло развитие фармакологии [см. 1, с. 25]. Кстати, в религиозной истории встречаются примеры, более впечатляющие нежели мифический эликсир молодости или философский камень. Так известная евангельская история о купели «Вифезда» (Овчая купель) в Иерусалиме описана не только в связи с деятельностью Иисуса Христа, о ней было известно, что любой человек, который первым погружался в источник после возмущения воды сразу исцелялся какой бы болезнью не страдал. Здесь уже фиксируется несколько любопытных деталей: о купели знали и ее окружало множество больных, факт исцеления могли зафиксировать многие свидетели, источник не оскудевал и отличался универсальностью – любая болезнь излечивалась. Кордейро завершает свое погружение в «предтрансгуманистическую» историю обращением к современному трансгуманисту Ю. Харари [3, 4]. «Тема бессмертия... описывает историю человечества с начала эволюции Homo sapiens... Фундаментальный элемент этих великих событий – религии и смерть» [1, с. 27]. Далее Кордейро упоминает достижения современных ученых генетиков, например Марии Бласко, выросшая «тройных трансгенных мышей, которые живут примерно на 40% дольше обычных. Хуан Карлос Исписуа... сумел омолодить грызунов на 40%» [1, с. 30]. И под конец упоминает большие проекты Google и Microsoft, первый запустил в 2013 г. деятельность Calico (California Life Company), а вторая компания объявила, что в течение 10 лет исцелит рак, т.е. предоставит резуль-

тат в 2026 году [см. 1, с. 30]. Рекламу трансгуманизма Х.Л. Кордейро завершает цитатой из Послания ап. Павла к Коринфянам, 15:26 «Последний же враг истребится – смерть». Здесь типичное передергивание христианского первоисточника, причем сам Х.Л. Кордейро не является христианином. Победа над смертью у апостолов четко указана как завершающее мероприятие, т.е. то, что будет сделано только после реализации всей программы спасения человечества. В Апокалипсисе вполне определенно сказано, что смерть уйдет во времена Антихриста исключительно по воле Бога, транслюди (люди с имплантами) не смогут умереть, но остальные проблемы (болезни, язвы, боль, чувство голода) у них будут и т. об. бессмертие станет проклятием «сверхлюдей». Х.Л. Кордейро ищет аргументы для внедрения радикальных технологий, а в этическом плане согласие на эксперименты над людьми, поясняя: «...это не только этично, но и является нашим моральным долгом» [1, с. 39]. И снова возвращаясь к любимой теме, заявляется: «...главная причина смерти на планете – не малярия, не туберкулез, а старение» [1, с. 40]. Однако здесь сложно категорично согласиться даже если сузить мир до ЕС или США. Все больше и больше людей умирают в активном молодом возрасте: автоаварии, болезни, военные конфликты, пандемии, природные и техногенные катаклизмы и т.п. Трансгуманистический проект реювенирования (омоложения) по Х.Л. Кордейро аргументируется практическими соображениями, выгодой, но прежде надо убедить мир, что старение – источник всех страданий [см. 1, с. 40]. Тут помогает главный аргумент – статистика, якобы в развитых странах «...почти 90% людей умирают от старости и связанных с ней серьезных болезней» [1, с. 41]. По ходу всей книги чаще всего идут ссылки на работы Обри ди Грея, который заявляет: «Старение – это варварство, оно просто недопустимо. Мне не нужны этические аргументы, да и вообще никакие не нужны. Это интуиция. Позволять лю-

дям умирать – дурно. ...Право на жизнь даровано каждому, и это право, которое защищает от лишения жизни другими» [1, с. 42]. Однако здесь фиксируется лицемерие, прикрытое якобы заботой о правах человека. Известно, что в ЕС уже введены законы о принудительной эвтаназии, включая разрешение на детскую эвтаназию, т.е. жизнь человека обесценивается трансгуманистами под предлогом глобальных преобразований и корыстных интересов отдельной группы. Сама фраза «позволить умирать», сомнительна. Кордейро вспоминает сказку о Драконе, написанную Н. Бостромом, у которого Дракон – это смерть, пожирающая людей с начала их существования, а все, кто «смирится», т.е. не борются с Драконом, помогают ему [1. см.с. 42]. Х.Л. Кордейро как большинство трансгуманистов, которые вроде бы очень глубоко погружаются в вопросы старения и смерти, почему-то поверхностно упоминают о видах смерти, не разводят физическую смерть и духовную. Трансгуманисты популяризируют свою идеологию на всех уровнях, включая детей, так писатель Г. Столяров в 2013 г. издал книжку «Смерть – это неправильно», где главный тезис – «старение – это плохо и что смерть – наиболее ужасная потеря» [1, с. 42]. Ученый надеется, что сегодняшние дети достигнут амортальности. Психологически Кордейро описывает технологии бессмертия как уже почти состоявшиеся, живущих людей как тех, кто в ситуации предреволюции и если не сделать шаг, окажешься в дураках, умерев тогда, когда остальные омолодятся. На самом деле мы еще очень далеки от технологий бессмертия.

В отношении цитирования стихов из Евангелия в неканонической трактовке, следует сказать отдельно. Совершенно нечистоплотно и не объективно с научной точки зрения брать цитату из конкретного источника и трактовать его в своем «удобном» ключе, т.е. грубо фантазировать, искажать смысл, который вложил туда автор произведения (тем более являясь специали-

стом в другой сфере и применяя источник в нетипичном для него формате). Но для трансгуманистов это в порядке вещей, постоянно использовать чужие первоисточники, чужие заслуги, научные открытия и приписывать их себе, трактовать в свою пользу (паразитизм). Для объективной науки подобные методы сродни шарлатанству и шулерству. Применение подобных методов в начале трансгуманистического пути не сулит ничего более оптимистичного и честного и в дальнейшем. Убедив элиту, изменив научный этический кодекс, трансгуманисты готовы положить на алтарь радикальных экспериментов беззащитные категории граждан, в том числе детей.

Кордейро постоянно сращивает два различных понятия или процесса – старение и смерть. Возможно даже, что технологии путем искусственного поддержания жизни, смогут гарантировать такое вечное существование (как они уже заявляют о криопациентах, якобы они в «глубокой коме»), но процессы старения, болезней скорее всего останутся. Кордейро приводит примеры с различными бактериями, моллюсками, животными, которые обнаруживают отсутствие старения и делает предположение о том, что, заимствовав их опыт, генный материал, человечество быстро справится со старением. Однако сам Кордейро не видит или смягчает «подсказки» природы, так все такие виды, например дрожжи *S. Pombe*, медузы, гидры, голые землекопы не изнашивают свой организм или долго сохраняются, но они все благополучно умирают, пусть и якобы оставаясь молодыми [1, с. 53].

Еще один принципиальный момент, Кордейро как многие трансгуманисты всячески «растущевывает» границу между живым и искусственным. Естественно, в пользу необязательности этапов и особенностей, присущих живому для транслудей. Однако такие теоретические фокусы на практике могут обернуться экзистенциальным кошмаром, например сознание будет просто вынуждено томиться в разлагающемся

или искусственном контейнере. Далее говорится об усилиях по открытию технологий регенерации, сосредоточившись на видах, демонстрирующих «пренебрежимое старение». Это относится к видам «...у которых нет свидетельств физиологических нарушений в пожилом возрасте, увеличения темпа смертности после созревания и признанного характерного ограничения продолжительности жизни» [см. 1, с. 57]. Пренебрежимое старение не означает полного бессмертия и далее идет восхитенный рассказ получения клеточной линии HeLa., посредством изъятия раковых клеток (без разрешения у умирающей от рака шейки матки афроамериканки Генриетты Лакс в 1951 г.). «Эти клетки помогли совершить такие медицинские открытия, как вакцина против полиомиелита и лекарство от СПИДа... HeLa обладают невиданными свойствами: оставались живыми и росли в клеточной культуре. Они стали первыми биологически «бессмертными» (не погибающими после нескольких делений) человеческими клетками, пригодными для выращивания в лаборатории, а потому могли быть использованы во множестве экспериментов...они стали первыми клонированными человеческими клетками» [1, С. 58, 63–64]. «...линии HeLa удалось избежать предела Хейфлика (ограниченное количество делений соматических клеток (не больше 100 на каждую клетку), на которые способны большинство нормальных клеток в культуре). В отличие от всех прочих болезней, великая трагедия рака заключается в том, что его клетки непрерывно размножаются и не стареют» [1, с. 65, 77]. Здесь можно увидеть нечто большее – великая трагедия в том, к чему трансгуманисты стремятся, делая все для реализации такого проекта – «великой трагедии» в масштабах всего человечества. А ведь рак может быть предупреждением.

Теории старения. «Это теории молекулярные (ограничения кодона, катастрофы ошибок, соматических мутаций, дедифференцировки и генной регуляции), клеточные (изнашивание,

свободнорадикальная, старения клеток в результате утраты теломер или стресса, а также теория апоптоза), организменные (скорости жизни, нейроэндокринная и иммунологическая) и эволюционные (одноразовые сомы, антагонистической плейотропии и накопления мутаций) ...Жао Педро де Магалхас делит концепции на теории о повреждении либо о запрограммированном старении, что тоже представляет собой стандартный способ классификации. Одни биологи проводят границу между генетическими и негенетическими теориями, другие говорят об эволюционных и физиологических концепциях...» [1, с. 80].

Самая большая реклама сделана трансгуманисту Обри ди Грею [6], который использует радикальные технологии и не останавливается. Грей предложил подход «SENS, или стратегию достижения пренебрежимого старения инженерными методами (англ. – Strategies for Engineered Negligible Senescence)... Грей...пришел к выводу, что существует семь основных типов повреждений (отсюда семь причин), связанных с процессом старения...: 1. Внутриклеточные отходы. 2. Межклеточные отходы. 3. Мутации в ядре. 4. Мутации в митохондриях. 5. Потеря стволовых клеток. 6. Рост количества стареющих клеток. 7. Рост межклеточных белковых сшивок...Новый метод SENS способствует «местному восстановлению живых клеток и внеклеточного материала...Согласно SENS, на каждое из семи основных видов повреждений можно воздействовать с помощью одной из конкретных стратегий лечения, известных как RepleniSENS, OncoSENS, MitoSENS, ApoptoSENS, GlycoSENS, AmyloSENS и LysoSENS. ...противовозрастные и омолаживающие терапевтические методики [1, с. 83–84, 87]. Еще вариант – это девять признаков (причин старения); «нестабильность генома, укорочение теломер, эпигенетические альтерации, нарушение протеостаза и распознавания питательных веществ, митохондриальную дисфункцию, клеточное старение, истощение пула стволовых

клеток и изменение межклеточных взаимодействий...Старение, которое в общих чертах определяется как зависящее от времени снижение функций, затрагивает большинство живых организмов» [1, с. 90–91]. И главный вывод по Кордейро «Старение происходит постепенно...Старение сегодня не считается чем-то биологически «неизбежным» или даже «необратимым». ...это «пластичный» и «гибкий» процесс и им можно манипулировать» [1, с. 96].

Стратегия трансгуманизма «Всемирная экосистема долголетия». Главная победа трансгуманистов на политико-чиновничьем уровне, это то, что старение «...ВОЗ включила в список перечня болезней... Международной классификацией болезней (МКБ)» [1, с. 98]. Итак, здесь указана тактика трансгуманистов в продвижении нужной стратегии или положений трансгуманизма на уровне «международных» прозападных организаций. Добившись помещения старения в список болезней, далее можно получить финансирование и реализовать пакет различных методов лечения, экспериментально воздействия на людей как отдельных групп (сначала добровольно), так и больших сообществ или целых стран по трансгуманистической схеме. Такая деятельность – чистая манипуляция с документами и сговор с чиновниками. В бюрократическом и идеологизированном мире, где продавливаются инициативы богатых и влиятельных, трансгуманисты уже добились включения старения в классификатор болезней, а значит объявили ее патологией, в очередной раз сместив понятие нормы. На Западе уже давно, ряд болезней стали нормой, а норма объявлена расстройством. Такой путь прошли ЛГБТ вариации, и такой путь уже реализуют защитники педофилии и зоофилии. Кордейро заключает: «Отличия между нормой и патологией зависят от исторического контекста... Преимущество его рассмотрения в этом ключе (болезнь, заболевание) состоит еще и в том, что, отвергнув мнимую неизбежность ярлыка естественности, легче признать це-

лесообразными медицинские вмешательства, направленные либо на его отмену, либо на устранение связанных с ним нежелательных состояний... Прекрасные возможности ждет и индустрию омоложения и борьбы со старением, которая в ближайшем времени может стать крупнейшей отраслью мировой экономики» [1, с. 100, 103].

Об инновациях. Большие надежды трансгуманисты возлагают на методику CRISPR, на геномную инженерию в целом. Последняя понимается как «игра в Бога» или достижение сверхспособностей. Кордейро восхищается К. Вентером «Вентер – провидец на заре новой эры геномной инженерии и возможностей, которые появляются в ходе оцифровки самой жизни [1, с. 120]. Еще одно направление, это нанотехнологии, причем последние больше всего реализуются в медицинской сфере [см. 1, с. 149]. «Всемирная экосистема долголетия уже появилась; на данный момент она успела объединить науку, финансы, бизнес, правительства и другие субъекты внутренних и международных отношений. ...Сейчас самое время помочь этой все еще хрупкой и только зарождающейся экосистеме таким же образом вырасти в крупнейшую в мире индустрию...» [1, с. 129]. Итак, планы трансгуманистов совпадают с планами транснациональной элиты – слияние институтов и из темы старения сделать высокодоходную индустрию. В качестве же некоего эволюционного ориентира Кордейро указывает на теорию экспоненциального прогресса Р. Курцвейла как на нечто доказанное и общепринятое [см. 1, с. 131]. Интересно, что Кордейро отказывается от концепции Мальтуса и мальтузианства, заявляя, что современный прогресс обязан капитализму и НТП. «...благодаря текущему прогрессу за ближайшие два десятилетия случится больше преобразований, чем за последние два тысячелетия [1, с. 134]. Здесь опять же типичное искажение фактов и научной истории. Многие ученые говорят об обратном, о деградации, замедлении прогресса, о мыльном пузыре рыночной экономи-

ки и скатывании человечества в нищету и войны. Кордейро же продолжает в своем духе «...Всемирный банк поставил цель покончить с крайней бедностью к 2030 г...в будущем нас ожидают повышение доходов и падение цен» [1, с. 135–136]. Что называется «без комментариев».

Мафусалярность или теория «второй космической скорости долголетия» (или «скорости убегания долголетия»). Выдвинута Д. Гобелем, который затем вместе с Обри ди Греем основал Фонд Мафусаила. Теория гласит, что вследствие прогресса и технологий «...средняя ожидаемая продолжительность жизни будет ежегодно расти больше чем на год ...с каждым годом мы станем жить больше на год и подобным образом сможем продержаться сколько угодно долго...(как и пишут Курцвейл и Гроссман – «от долголетия к вечной жизни»)» [1, с. 152]. По аналогии с теорией сингулярности, Ди Грей использует термин «мафусалярность» (Methuselarity, первым обозначил П. Хайнек): ««Мафусалярность» – это момент в будущем, когда все биологические причины, вызывающие умирание человека, будут устранены, и смерть станет наступать только от несчастного случая или убийства. ...мы достигнем жизни неограниченной, – без старения. Тогда мы и наберем вторую космическую скорость долголетия» [1, с. 154]. Представители трансгуманизма из элиты, Диамандис и Котлер, описали свое видение будущего мира через стадийные этапы технического прогресса, т.н., «шести «Д»: «дигитализация, дезинформация, дезорганизация, демонетизация, дематериализация и демократизация». Сначала все подвергается оцифровке – дигитализация по экспоненциальному темпу, затем дезинформация и т.п. вплоть до демократизации [см. 1, с. 154]. Последняя описывается как доступность и дешевизна высоких технологий для людей. На практике это может означать охват всех некими технологиями контроля во главе с ИИ, вследствие чего аутсайдеры будут подвергаться гонениям и ликвидации. Не случайно Кордей-

ро приводит примеры с достижениями ИИ, победа в шахматах, использование в медицине «...быстрое распространение новых персональных сенсоров, многие из которых – медицинские...К 2025 г. системы ИИ могут быть задействованы везде...» [1, с. 164]. Однако такие специалисты по ИИ как Б. Герцель уверяет, что в серьезных случаях лучше полагаться на человека, интуицию, а ИИ может сильно ошибаться. Однако Кордейро склонен доверять ИИ, а оценка людей у него чрезмерно низкая: «...по своей природе люди, к сожалению, довольно глупы» [1, с. 168].

Этическая подоплека реювенирования. Кордейро начинает с отсылки к Эпикуру и подчеркивает, что утрата человеком религиозных основ, веры в Бога и нематериальное существование «...побуждают человечество стремиться не только к бессмертию, но и к земному счастью» [1, с. 169]. Как и большинство трансгуманистов он апеллирует к этической системе И. Бенгама, подчеркивая задачи ученых, как более эгоистичные нежели направленные на интересы страны, государства или Бога [см. 1, с. 170]. В качестве критического примера среди чиновников и ученых биоэтиков, Кордейро упоминает И. Эмануэля, который желает прожить до 75 лет и затем возможно закончить жизнь эвтаназией, нежели познать старость и дряхлость [см. 1, с. 174]. И вот после такого личного примера, он заключает о том, что главная причина торможения борьбы – страх, в том числе у тех, кто боится стареть, а само по себе долголетие без гарантий избежать деменции и иных старческих болезней лишь увеличивает риск длительного прозябания. Поэтому Кордейро ставит своей задачей доказать необходимость применение как можно быстрее радикальных технологий, в том числе стволовых клеток и генной терапии, что должно замедлить поздние старческие болезни. Например, найти гены ««переключатели», влияющие на скорость старения» [1, с. 192]. Для успешности таких открытий надо всего лишь «перенаправить сред-

ства в благотворительные организации по борьбе со старением. ...Если эта книга поспособствует резкой перемене курса общественного мнения, финансирование такого типа может возрасти» [1, с. 211]. Итак, планы и амбиции автора направлены на желание скорейшей смены общественного мнения и мнения влиятельных людей по вопросу продления жизни. Если программы реювенирования и амортальности получат многомиллиардные западные инвестиции, то дело быстро приведет к успеху.

Радикальная медицина. «Чтобы избежать старости, требуется не столько лечебная, сколько по-настоящему профилактическая медицина» [1, С. 214]. Здесь он уповает на нанотехнологию, когда молекулярные машины смогут чинить, строить любой вид материи при низких затратах. Это возможно потому, что тело состоит из распространенных элементов земной коры [см. 1, с. 216]. Однако Корейдо забывает, что даже простые элементы представлены в человеке в уникальной сборке, которая по большей части современной науке не ясна, а если говорить о сознании, природе души, то здесь еще больше пробелов. Он приводит в пример, два проекта И. Маска, в частности «...в области интерфейса мозг – компьютер, который надеется совершить при помощи Neuralink, и популяризацией дружественного ИИ путем новой инициативы OpenAI (новая открытая платформа ИИ)» [1, с. 218]. Интересно что реализуется сразу две технологии, одна – создание чипов, имплантируемых в мозг, а другая – сильный ИИ, обе запустятся параллельно. В книге много пишется о прогрессе и качественных улучшениях технологий, но не говорится о главном – самые продвинутые и изощренные технологии приходят в руки все тому же глубоко уязвленному пороком человеку, группам и в итоге – это всегда страшнее по последствиям, ведь рулят миром не святые. А теперь трансгуманисты активно трансформируют этику и понятно почему, просто радикальные античеловеческие проекты большинство людей сознательно в современной

культурной парадигме не примет, люди сопротивляются такому насилию. Однако Кордейро не унимается: «Очень важно начинать испытания на людях... «Проекта 21» Исследовательского фонда SEN» [1, с. 220].

Критика, возражения против реювенирования. 1. Реювенирование само по себе не борется с неизлечимыми болезнями. 2. Физический закон энтропии перечеркивает возможность омоложения. 3. На сегодняшний день наука может предоставить лишь теоретический громоздкий и дорогой план долгого реювенирования. 4. У человека есть объективные границы срока жизни. 5. Множество нестареющих существ создадут предпосылки демографического перенаселения. 6. Долгожители будут жить старым и тормозить инновации. 7. У нестареющего бессмертного существа не будет мотивации для многих дел. 8. Выгоды от реювенирования получит только элита [см. 1, с. 224].

Трансгуманистическая стратегия глубинной мотивации для запуска программ бессмертия. Современный человек рассматривается исключительно в рамках теорий о подосознании и его доминировании, теории Хайдта метафоры сознания как слона и всадника «...ум как бы делится на слона и всадника, и задача погонщика – служить своему животному. Всадник – это логика нашего сознания, поток слов и образов, которым охвачена сцена нашего разума. Слон представляет собой остальные 99% мыслительного процесса – тех, что происходят неосознанно, но на самом деле управляют большей частью нашего поведения» [1, с. 228]. Что подосознание это 99% – наивное банальное недоказанное утверждение. На самом деле такая методика просто эксплуатирует инстинктивное начало в человеке, разрешает ему властвовать над человеком, уверяя что оно «в большинстве», реально же оно в меньшинстве, но как известно, на Западе давно рулят всем меньшинства. А разум, здравый смысл, совесть, традиционные ценности, честь и долг ушли в глубокий аут. Отсюда откровенный совет Кор-

дейро: «Не нужно спорить с всадником. Необходимо найти способы привлечь к общению слона» [1, с. 229]. На самом деле тут манипуляция еще большая, повлиять на подсознание т.е. на животное грубое начало, которое, итак, слабо обуздывается, приняв за аргумент что оно главное и его мотивы важнее. Акцент на животном зверином начале и его стимулировании, вместо контроля и обуздания уже привела современный мир к серьезным проблемам. Кордейро, по сути, продвигает грязные методы и далее уже доходит в своих выводах к обязательной войне с культурными установками, ценностями, которые подстраховывают человека, удерживают от самоубийства, от слома и в том числе через экзистенциальный страх смерти. Но это не тот страх, который описывает Кордейро. Далее он ссылается на теорию Э. Беккера «Отрицание смерти», которая породила Теорию управления страхом смерти (англ. – Terror Management Theory, TMT), суть которой в том, что люди имеют символическое мышление, последнее способно прогнозировать и предполагать неизбежность смерти. Это в свою очередь рождает страх и одновременно придает смысл жизни. Культура придает смысл жизни и смерти, раскрывая представления о прижизненном бессмертии (в детях, памяти и т.п.) и духовном бессмертии и формирует самоуважение у человека [см. 1, с. 235]. «Еще на сайте кратко излагаются три линии фактических доказательств, подтверждающих TMT: 1. Способность самоуважения гасить тревожность... 2. Более явственная демонстрация картины смерти... усиливает стремление к защите своих культурных ценностей, усиливая положительную реакцию на подобных себе и отрицательную на тех, кто отличается. 3. Экспериментально подтверждена экзистенциальная функция культурных воззрений и самоуважения, а именно – доказано, что неосознанные мысли о смерти появляются у человека скорее, если угроза была подвержена его самооценке или заветные верования...противодействие увеличению

долголетия исходит из того, что можно назвать верой...«системы амортизации беспокойства» – смеси культуры и философии» [1, с. 236–237]. Итак, другими словами, трансгуманистам и их планам мешает высокая самооценка, которая обусловлена у людей вовлеченностью их в культуру и философию, а также верой, формируемая религией. Все перечисленное Кордейро обозначил как искусственное и преходящее, которое в следствии прогресса должно и можно изменить и/ или отменить. Обри ди Грей связывает спокойное отношение людей к старению осознанием неотвратимости и бесполезности борьбы с ней и поэтому люди якобы чисто психологически предпочитают не замечать эту проблему. [см. 1, с. 240]. Однако далеко не все люди так считают, наоборот, если учесть, что большинство населения планеты – религиозные люди, то это означает, что они много знают о смерти и духовности. Старение они не считают абсолютно необратимым явлением, а скорее временным. Индуисты и буддисты используют понятия «перерождения», а христиане теорию о посмертном воздании и молодости всех людей в духовном мире. Не случайно, чтобы заставить перенаправить бюджеты стран на технологии достижения бессмертия, трансгуманисты так усердно борются с религиями, представлениями о духовном бессмертии и Боге.

Тактика переубеждения трансгуманистов. Предлагается три способа:

1. Давать советы с дружеской стороны, т.е. сначала надо добиться доверия или убедить того, кому доверяют люди.
2. Использовать эмоционально эффективные произведения художественной культуры в качестве примеров.
3. Предносить идеи реювенирования в контексте, где аудитория чувствует себя безопасно (большинство людей – это «прагматическое стадо»). Попутно необходимо менять существующую парадигму, традиционные нормы и ценности. Использовать более непрямой хитрый путь к сердцам людей. Например, 1. не критиковать в лоб (упрекая в невежестве), 2. постоянно повторять

об этичности и контролируемости радикальных технологий. 3. Снижать тревожность, путем «привыкания» населения к «усовершенствованию», чтобы из неестественных они стали обыденными, не акцентировать на сверхчеловеке. 4. Обещать, что технологии бессмертия запустят и оздоровление, рост сексуальности, фертильности, социальных благ. 5. Создать новую культуру и ценности [см. 1, с. 244]. Итак, Кордейро описывает методы и дает инструкции как менять установки людей на трансгуманистические в чисто психологическом манипулятивном ключе, без опоры на фактический опыт или здравый смысл и главное, без возможности существования альтернативных мнений или образа жизни. Всячески затушевывая (умалчивая) о по-настоящему негативных явлениях и создавая идеальный образ бессмертных будущего! Итак, речь не идет о конструктивных решениях и доводах или реальных объективных открытиях, а главная стратегия строится вокруг манипулятивных технологий – создать некий бренд с трансгуманистической идеологией и убедить в этом весь мир! В качестве моста или станции ожидания «вот-вот» запускаемых технологий бессмертия предлагается **крионика** как запасной метод [см. 1, с. 270]. При чем, уже сейчас по финансовым и идеологическим критериям предлагается два предложения – «продукта»: криоконсервация всего тела и нейропрезервация, т.е. крионирование только головы. Второй экономичный вариант тут же легко вписывается и в экономическую парадигму, и в идеологическую «...именно головной мозг вмещает личность и память человека, поэтому необходимость в криоконсервации всего тела нет» [1, с. 271]. Здесь аналогично лишь гипотезы, и такой экономичный пакет все равно предполагает дальнейшую дорогую реанимацию и искусственное тело, и еще большой вопрос относительно нахождения всего сознания исключительно в мозгу. Главный пророк – Р. Курцвейл уточняет, что уже в 2040-е г. случится первая криоконсервация, но правда первые паци-

енты криоликlinik будут «разморожены» последними [см., с. 274]. Интересно кажется это особым элитным персон, например М. Минского, крионированного в 2016 г.? **Возражения против крионики.** Существенная разница температурного режима между терапевтической гипотермией (в среднем понижение температуры тела до 33°-32 °С) и крионикой (196 °С). Разница во временном периоде, в первом случаи до суток в среднем, а крионика предполагает сохранение тел многие годы. Кордейро делает упор на то, что крионика – это не заморозка, а «витрификация». «Поскольку при витрификации лед не образуется, ткани отверждаются без структурных повреждений» [1, с. 284]. Однако многие представители элиты считают крионику видом мошенничества, такой намек можно увидеть в начале фильма С. Кубрика «Искусственный разум», 2001 г, где при упоминании о криоконсервации показана сцена – стена с фреской «голый король».

Опасения трансгуманистов. Кордейро указывает на опасения элит относительно успешности проекта за «человеческого фактора». «...есть шансы, что какие-нибудь присущие исключительно человеку качества способны каким-то образом помешать его усовершенствованию» [1, с. 299]. Поэтому трансгуманистам так важно под видом «усовершенствования» исключить любые сюрпризы из возможностей людей, блокируя волю, контролируя эмоции и разум техническими средствами. Еще одни завершающий штрих, это уверенность Кордейро и его соавтора Вуда в том, что частная инициатива и финансирование не приведут к должному результату, необходимо привлечение всей мощи государственного аппарата [см. 1, с. 308]. Итак, Кордейро призывает к государственному регулированию и вовлечению государственных структур в проект. Интересно, что обычным людям навязывается противоположная инициатива – свободное предпринимательство, постоянное переобучение и т.п. Сродни ситуации на российском инновационном рынке, где разрекла-

мированные компании по продвижению стартапов реально лишь получают огромные средства из бюджета РФ и растрачивают их без всякой полезной отдачи со своей стороны. В завершении книги Кордейро упоминает о своем восхищении от когда-то прочитанного «Письма к Матери-Природе» Макса Мора, 1999 г. и приводит его целиком. Суть письма в том, что М. Мор обвиняет природу в плохой работе, она якобы произвела бракованное изделие (глубоко неполноценное) – человека, а теперь сам человек с помощью радикальных технологий это исправит. Исправления коснутся прежде всего старения и смерти через генетические и клеточные манипуляции, синтетические органы, легализацию эвтаназии, создания новой системы ценностей в рамках честолюбивых планов транслюдей. Есть в письме и религиозный момент – просьба передать привет Отцу («Может, передашь это и Отцу, а то его никогда не бывает рядом») [см. 1, с. 316]. Рассуждения Х. Кордейро строятся не на созидании подлинно нового, а на расшатывании старых традиций, ценностей и устоев, уничтожении и присваивании чужих заслуг [см. 1, с. 317]. И, как всегда, завершается весь пафос сравнением дела трансгуманистов с борьбой за отмену рабства, но в последнем случае основанием выступали христианские нравственные начала и гуманизм. Трансгуманистами же движет выгода и амбиции – стать богами. Нельзя сравнивать борьбу за отмену рабства с борьбой трансгуманистов.

Итак, в целом прослеживаются конкретные очень четкие и узкие границы понимания бессмертия и развития технологий «усовершенствования человека» в трансгуманизме Х.Л. Кордейро. Для корректировки предлагается использовать термин «амортальность» (англ. «amortality»), но в русском языке в значении как – «несмертие» или «антисмертность / антилетальность», т.е. нечто, тормозящее окончательную смерть, но не гарантирующее подлинное бессмертие. Такая амортальность у трансгуманистов вполне реально мо-

жет выразиться в двух сценариях: 1. Генные манипуляции и импланты, которые продлят режим жизнедеятельности тела, но скорее всего окажутся не способными сдерживать существующие болезни и более того, способны запустить новые отклонения по не программируемому сценарию. 2. Посредством цифровых технологий создание некой общей живой сети всех сознаний с единым ИИ, полная ликвидация приватности и частной жизни, свободы воли и выбора. «Несмертие» как существование на границе живое/неживое или вариант замедленной смерти. Стратегия трансгуманистов не предполагает конструктивных решений или объективных открытий, поскольку строится преимущественно за счет манипулятивных технологий – создать некий успешный бренд с трансгуманистической идеологией и вовлечь в это весь мир. Очевидно также, что «элита» идеологов трансгуманизма надеется на особое вип-положение, которое и описывается по большей части как успехи и достижения сверхспособностей постлюдей, для чего уже сейчас теоретически и практически реализуются планы по страхованию и гарантиям в случае негативных сценариев развития пост-общества.

Литература

1. Кордейро Х. Л., Вуд Д. Смерть должна умереть: Наука в борьбе за наше бессмертие / Хосе Луис Кордейро, Дэвид Вуд; Пер. с англ. – М.: Альпина Паб лишер, 2021. ISBN 978–5–9614–7289
2. Через 30 лет мы все будем бессмертными, учёный Массачусетского технологического института» Интервью с Х. Кордейро, 2017 г., URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T-3AyeTny1A>
3. Харари Н. Sapiens: Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2017. – 520 с.
4. Харари Н. Homo Deus: Краткая история будущего. – М.: Синдбад, 2018. – 496 с.
5. Cordeiro J. website. URL: <http://cordeiro.org/>

6. Ди Грей О., Рэй М. Отмена старения. Прорывы в современной науке смогут обратить старение вспять уже при нашей жизни. ООО «Институт Биологии Старения», 2006. – 343 с.

THE “POLITICS” OF AMORTALITY IN THE ARGUMENTS OF J.L. CORDEIRO

Khvastunova Ju.V.

Gorno-Altai State University

The article examines the concept of amortality in the context of the arguments of modern science in the field of technologies for achieving immortality, presented by transhumanists, in particular the ideas of Jose Luis Cordeiro. The latter wrote a book in collaboration with D. Wood, where he summarized the available data on achieving immortality from the angle of transhumanism. The scientific novelty of the work lies in the analysis of transhumanistic methodology, argumentation and forecasting for achieving immortality. Focusing on the main task – achieving immortality, transhumanists create a terminological and political-legal base, simultaneously collecting statistical data, building a political strategy for many decades to come and offering specif-

ic methodological recommendations to their followers in the successful promotion of this brand of “amortality” (“non-mortal”) and rejuvenation (rejuvenation projects, prolongation of longevity with using radical, not therapeutic technologies).

Keywords: transhumanism, amortality, rejuvenation research, J. Cordeiro.

References

1. Cordeiro H. L., Wood D. Death must die: Science in the struggle for our immortality / Jose Luis Cordeiro, David Wood; Per. from English. – M.: Alpina Pub Lischer, 2021. ISBN 978–5–9614–7289
2. In 30 Years We Will All Be Immortal, MIT Scientist” Interview with J. Cordeiro, 2017, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T-3AyeTNY1A>
3. Harari N. Sapiens: A brief history of mankind. – M.: Sinbad, 2017. – 520 p.
4. Harari N. Homo Deus: A Brief History of the Future. – M.: Sinbad, 2018. – 496 p.
5. Cordeiro J. website. URL: <http://cordeiro.org/>
6. De Gray O., Ray M. Aging reversal. Breakthroughs in modern science could reverse aging within our lifetime. LLC “Institute of Biology of Aging”, 2006. – 343 p.

Представления о справедливости в межэтнических отношениях: общественное мнение жителей Краснодарского края

Волков Юрий Григорьевич,

заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южный федеральный университет
E-mail: ugvoikov@sfnedu.ru

Верещагина Анна Владимировна,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета,
Южный федеральный университет
E-mail: anrietta25@mail.ru

Левшин Валерий Степанович,

магистрант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южный федеральный университет
E-mail: vlevshin@sfnedu.ru

Целью исследования является оценка межэтнических отношений в Краснодарском крае и управления ими в контексте сложившихся в общественном мнении представлений о справедливости в отношении этнических групп. Методологическую базу исследования составили результаты массового опроса, проведенного в 2021 году в Краснодарском крае (N=606) по репрезентативной выборке с учетом выбора в качестве объекта исследования этногруппы: русские, турки-месхетинцы, шапсуги, армяне. Результаты исследования. В ходе исследования было выявлено, что в Краснодарском крае межэтнические отношения носят достаточно позитивный характер, которые не рассматриваются местными жителями как источник социального напряжения и эскалации конфликтов. На восприятие справедливости в отношении этнических групп влияет наличие/отсутствие определенных ресурсов и механизмов сохранения этнической культуры и идентичности народа, т.е. смысловым ядром понимания справедливости для большинства этногрупп Краснодарского края (кроме русского сегмента) является социокультурная составляющая. В этой связи, эффективное управление межэтническими отношениями видится референтам в решении задачи, связанной

с обеспечением механизма этнокультурного воспроизводства населяющих край народов, но первостепенную важность имеет задача, связанная с нивелированием фактора национальной принадлежности в повседневных взаимодействиях и отношениях жителей края. *Перспективы исследования* заключаются в разработке механизма эффективного управления межэтническими отношениями в Краснодарском крае и других субрегионах Юга России на основе формирования высокой культуры межэтнического общения. Этой цели может способствовать грамотно выстроенная и реализованная национальная политика российского государства.

Ключевые слова: социальная справедливость, межэтнические отношения, Краснодарский край, этнические группы, армяне, русские, турки-месхетинцы, шапсуги.

Статья подготовлена в рамках выполнения программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. по проекту «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России» (государственное задание Минобрнауки, внутренний номер Г30110/21-04-РГ).

Введение

В каждом обществе, в каждом региональном пространстве складывается своя история межэтнических отношений, детерминированная совокупностью факторов, определяющих «градус» напряженности между населяющими регион этническими группами, наличие/отсутствии острых социальных противоречий, методы их разрешения, а также динамику идентификационных и интеграционных процессов [2]. История этих отношений не всегда наполнена позитивными событиями, зачастую – трагическими, транслируемыми через память поколений и оказывающими влияние на характер межэтнических взаимодействий в современной реальности, на уровень межэтнической консолидации и интегрированности регионального социума, а также восприятие установившегося социального порядка по шкале справедливости/несправедливости [3].

Иными словами, представления о социальной справедливости в полиэтничных регионах, во многом, определяют сложившуюся систему, историй и реалиями межэтнических отношений [4], и в этой ситуации изучение межэтнических отношений и управления ими на Юге России в контексте влияния справедливости как ценности и регулятивной нормы представляется социально значимым и научно перспективным направлением в социологических исследованиях региональных и этносоциальных процессов. Данное направление реализуется в рамках выполнения проекта «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России» (руководитель – Волков Ю.Г.), включенного в Программу фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г.).

В данной статье предлагаются результаты исследования, выполненного в концептуальных границах ре-

лизуемого проекта в одном из субрегионов Юга России – Краснодарском крае. Концептуальные позиции данной работы базируются на принципах новой парадигмы объяснения этничности, в рамках которой она предстает в виде культурной идентичности и культурного многообразия общества, что, в свою очередь, «обосновывает перевод оценки межэтнических отношений по шкале «справедливость – несправедливость» в сферу защиты гражданских прав и свобод индивида: гарантий равенства этих прав и их реализации, независимо от этноконфессиональной и языковой идентичности» [3, с. 21]. Переход к этим представлениям в разных регионах современной России, в разных этногруппах и поколениях происходит с различной скоростью в силу различных причин – экономических, культурных и др., что несколько осложняет макрорегиональные замеры и определяет необходимость обращения к каждому отдельному региону как уникальному с точки зрения природы, характера и динамики развития межэтнических отношений.

Характеристика эмпирической базы исследования

Массовый опрос (2021 год) был проведен в 4 субъектах Юга России. Объем выборки составил 2213 чел., в том числе в Республике Калмыкия – 17,6% от общего объема выборки, КЧР – 18%, Ростовской области – 21,3%, Краснодарском крае – 21,5%. Непосредственно в Краснодарском крае точками опроса стали: г. Абинск, с. Вперед, ст. Холмская, г. Апшеронск, пгт. Ахтырский, Лазаревское, г. Сочи, Агуй-Шапсуг, аул. Большой Кичмай, аул Кичмай, Армавир, Краснодар.

Выборка исследования – стратифицированная, с выделением квот внутри этнических групп по таким ключевым параметрам, как местность проживания (городская, сельская), пол и возраст (начиная с 18 лет).

В качестве эмпирического объекта исследования была выбрана этническая группа: русские (152 чел.), турки-месхетинцы (150 чел.), шапсуги (154 чел.), армяне (150 чел.). Всего выбор-

ка исследования в Краснодарском крае составила 606 человек.

Результаты

Краснодарский край представляет собой полиэтничный регион со своей длительной историей формирования и развития межэтнических отношений, которая складывалась в процессе динамики этнического состава на различных этапах истории российского государства и реализуемой им национальной политики [2].

Краснодарский край на современном этапе развития, как и другие субъекты южнороссийского макрорегиона, стоит перед проблемой формирования межэтнического согласия и гражданской консолидации. Это, во многом, зависит о того, насколько справедливо организованными представляются жителям края условия для жизнедеятельности различных этногрупп и насколько конфликтными являются сами межэтнические отношения, складывающиеся в непростых социально-экономических и социокультурных условиях.

Ответы респондентов, представляющих население Краснодарского края, показали, что, в целом, межэтнические отношения в данном регионе можно оценить как положительные. Именно так их оценило большинство опрошенных (54,8%); 27,2% респондентов оценили их, как спокойные при том, что, преимущественно, люди ориентированы на общение с представителями своей этнической группы. Всего 9,7% опрошенных жителей Краснодарского края оценивают отношения между различными этническими группами данного региона как напряженные, а на их

конфликтный характер указали только 2,3% респондентов. Наиболее позитивно настроенными в своих оценках межэтнических отношений в Краснодарском крае оказались турки-месхетинцы (67,3%) и шапсуги (70,1%), полагающие, что люди в большинстве своем в процессе взаимодействия не обращают внимания на национальную принадлежность друг друга. Среди армянского и русского сегмента опрошенных данной позиции придерживается 46,7% и 34,9% соответственно.

Если рассматривать в гендерном аспекте распределение ответов по данному вопросу, то наблюдается более высокий уровень позитивных оценок межэтнических отношений в Краснодарском крае среди женской части опрошенных, причем независимо от этнической принадлежности респондентов. Более позитивно настроенными в оценке отношений между различными этническими группами, проживающими на территории Краснодарского края, оказались также жители сельской местности, нежели городской, кроме респондентов, представляющих этническую группу турок-месхетинцев: среди них жители городской местности в более высокой степени (83,3%), нежели сельской (63,3%) посчитали, что в отношениях между людьми национальная принадлежность роли не играет.

Можно предположить, что причина такой ситуации, связанной с различными оценками межэтнических отношений в Краснодарском крае, кроется в наличии этнических интересов у каждой из этногрупп, что, собственно, подтвердилось в ходе опроса (таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, существуют ли свои собственные интересы у этнических групп, проживающих в Вашем регионе?» (%)

	Этническая принадлежность респондента			
	Армяне	Русские	Турки-месхетинцы	Шапсуги
Да	46,7	70,4	74	67,5
Нет	16	7,9	9,3	10,4
Затрудняюсь ответить	37,3	21,7	16,7	22,1
Всего	100	100	100	100

Как видим, этнические интересы имеют место быть для всех опрошенных нами ключевых групп этносов, но в наибольшей степени они отмечены респондентами, представляющими русский этнос и турок-месхетинцев. Значимыми они являются и для шапсугов, при том, что и они, и турки-месхетинцы весьма позитивно оценили характер межэтнических отношений, сложившихся на данный период времени в Краснодарском крае. Что же тогда в большей степени определяет оценку межэтнических отношений по шкале конфликтности/неконфликтности в изучаемом регионе в большей степени?

Для ответа на данный вопрос мы решили выяснить характер противоречий между различными социальными группами в изучаемом регионе и присутствие в них этническая компоненты. Результаты опроса показали, что основные противоречия в данном регионе наблюдаются между чиновниками и гражданами (32,2%), местными жителями и мигрантами (29,7%), богатыми и бедными (28,2%). О наличии противоречий между русскими и людьми других национальностей в Краснодарском крае заявило только 20,3% по всему массиву опрошенных, но в этническом срезе ситуация иная – около 50,3% русских респондентов убеждены, что противоречия в регионе вызваны неприязнью между русскими и людьми других национальностей (эту позицию разделяет 20,7% армян, 9,7% шапсугов и только 1,3% турок-месхетинцев). Крайне негативный настрой русского населения, по сравнению с другими этногруппами, фиксируется и по всем остальным индикаторам социальных противоречий.

Таким образом, составляющие большинство населения Краснодарского края русские по всем позициям определили наличие противоречий, особенно в контексте отношений между чиновниками и гражданами.

Таким образом, можно сделать вывод о достаточно позитивном фоне межэтнических отношений в Краснодарском крае, которые не соотносятся с характером противоречий между различ-

ными социальными группами, наличие которых более всего очевидно и актуализировано во время ответов русской части опрошенных жителей данного края.

Данное обстоятельство, как мы полагаем, самым непосредственным образом отразилось на представлениях жителей региона о социальной справедливости с точки зрения развития межэтнических отношений и развития этнических групп в сложном организованном и многосоставном этническом пространстве данного края. На вопросы о том, с чем ассоциируется у респондентов справедливость в отношении этнических групп, проживающих в регионе, а также несправедливость в межэтнических отношениях, были получены ответы, которые четко фиксируют правовой и экономический характер восприятия справедливости/несправедливости в системе организации отношений между представителями разных этногрупп. Так, наиболее несправедливым в межэтнических отношениях население Краснодарского края считает ситуацию, когда какие-то этнические группы испытывают ущемление своих прав (49,2%). На второй по значимости позиции оказалось мнение о несправедливости, связанной с ситуацией, когда представители какой-то этнической группы имеют приоритет, например, в торговле на рынке, или в получении рабочих мест и пр. (39,1%). Третья позиция заняла мнение о том, что нельзя считать справедливой ситуацию, когда представители какой-то этнической группы за деньги решают любой вопрос, и ничего с этим нельзя сделать (37,3%).

Привлекает внимание то, что политический контекст восприятия несправедливости в межэтнических отношениях, который измерялся через оценку ситуации, когда представители каких-то этногрупп представлены в органах власти и занимают руководящие должности, не представляет, по сути, значимости для опрошенных жителей края. Только у респондентов-шапсугов эта ситуация попала в тройку воспринимаемых, как несправедливых.

В восприятии справедливости в межэтнических отношениях политический контекст также не стал определяющим,

хотя и незначимым его не назовешь (таблица 2)

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «С каким пониманием справедливости в отношении этнических групп Вы согласны?» (%)

	Этническая принадлежность респондента			
	Армяне	Русские	Турки-месхетинцы	Шапсуги
	% ответов по столбцу (база: наблюдения)	% ответов по столбцу (база: наблюдения)	% ответов по столбцу (база: наблюдения)	% ответов по столбцу (база: наблюдения)
Возможность равного представит в органах власти всех народ	49,3	41,4	34	35,1
Недопущение политического насилия по нац. признаку	40	47,4	25,3	54,5
Возможность народов развиваться автономно	26,7	9,9	28,7	14,3
Возможность иметь собственную государственность	29,3	9,2	22,7	10,4
Возможность сохранять и развивать культуру, язык каждого народа	53,3	40,1	54,7	76
Регулярное финансирование и развитие соц. и культ. инфраструктуры этногрупп	13,3	9,2	48	32,5
Проявление уважения в адрес всех этнических групп	22,7	40,8	10,7	51,3
Затрудняюсь ответить	0	0	0	0
Всего	234,7	198	224	274

Для трех из четырех опрошенных этногрупп (армян, турок-месхетинцев и шапсугов) понимание справедливости в отношении этнических групп ассоциируется, прежде всего, с возможностью сохранять и развивать культуру, язык каждого народа, иметь собственные школы, религиозные учреждения, общественные организации, т.е. все то, что является основой воспроизводства этноса посредством сохранения и трансляции молодому поколению этнических ценностей, культурных традиций. Данный выбор в качестве приоритетного в восприятии справедливости в этническом ключе понятен и естественен для этногрупп, представляющих этническое меньшинство в регионе и осознающих риски утраты идентичности в полиэтничном пространстве с до-

минированием русского этноса. В данном ключе вполне объяснима и позиция русских респондентов, не отдавших предпочтение выбранной другими этногруппами в качестве доминантной позиции о сохранении и развитии культуры, языка и т.д. Имея эти возможности, не находясь в зоне риска с точки зрения этнического воспроизводства в самом широком контексте, русские жители региона справедливым считают, прежде всего, недопущение политического насилия, политических репрессий по национальному признаку (47,4%), возможность равного представительства в органах власти всех народов, свободного выражения и защиты своих политических убеждений (41,4%) и проявление уважения в адрес всех этнических групп (40,8%).

Значимость политического индикатора в соблюдении принципа справедливости в отношении этнических групп обнаружена со стороны респондентов армянского и турецкого сегмента опрошенных: армяне поставили на второе место по степени важности принцип равного представительства в органах власти для всех народов (49,3%), а турки-мехетинцы – на третье (34%).

Итак, мы можем констатировать, что, согласно данным массового опроса, на восприятие справедливости в отношении этнических групп влияет наличие/отсутствие определенных ресурсов и механизмов сохранения этнической культуры и идентичности, воспроизводства этнической структуры и этноса в целом.

Иными словами, смысловым ядром понимания справедливости для большинства этногрупп Краснодарского края (кроме русского сегмента) является социокультурная составляющая.

Изложенные выше результаты коррелируют с мнением респондентов относительно того, что должно составлять основу национальной политики государства и управления межэтническими отношениями.

В качестве важнейшего направления национальной политики государства в каждой подгруппе опрошенных было выделено «обеспечение равноправия граждан, независимо от их национальной принадлежности», а затем приоритеты в этногруппах опрошенных, при некотором расхождении, в целом, связаны с таким магистральным направлением, как языковое: на этническом образовании делают акцент армяне (44,7%), на поддержке русского

языка – русские (38,2%), на поддержке языков народов РФ – турки-мехетинцы (32%), на согласовании интересов разных этнических групп – шапсуги (51,9%).

Достаточно солидарны респонденты оказались и при ответе на вопрос о справедливом управлении в сфере межэтнических отношений. В качестве важнейшего индикатора была определена ориентация на формирование равных, независимых от национальности отношений, в которых национальные различия не влияют на характер повседневных взаимодействий. Исключение составляют только турки-мехетинцы, которые на первую позицию определили необходимость защиты интересов старожильческого населения, развития их культуры.

Итак, две, казалось бы, сложно совместимые, задачи обозначены в качестве определяющих в формировании справедливо устроенного регионально-полиэтнического пространства: 1) нивелирование фактора национальной принадлежности в повседневных взаимодействиях и отношениях и 2) сохранение и воспроизводство элементов этнической культуры, прежде всего, языка.

В этом, как нам представляется, и заключается сложность управления межэтническими отношениями, и сами респонденты это понимают, что проявилось в ответах на вопрос о том «Как можно оценить управление межэтническими отношениями в Вашем регионе?»: во всех группах опрошенных респондентов доминантной оказалась позиция, согласно которой «при любом управлении, этногруппы будут испытывать ущемление» (таблица 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Как можно оценить управление межэтническими отношениями в Вашем регионе?» (%)

	Армяне	Русские	Турки-мехетинцы	Шапсуги
Межэтнические отношения управляются справедливо	32,7	35,5	27,3	44,2
Межэтнические отношения управляются несправедливо	13,3	15,8	12	9,7
При любом управлении, этногруппы будут испытывать ущемление прав	48,7	44,1	48	39

	Армяне	Русские	Турки-месхетинцы	Шапсуги
Другое	0,7	0,7	0	0,6
Затрудняюсь ответить	4,7	3,9	12,7	6,5
Всего	100	100	100	100

Заключение

Полученные в ходе социологического опроса данные позволяют заключить, что, во-первых, в Краснодарском крае межэтнические отношения, с точки зрения местного населения, не носят конфликтный характер, и в отношениях между людьми национальная принадлежность не является определяющим фактором; во-вторых, наиболее негативно в плане оценки межэтнических отношений в крае настроены представители русского и армянского этноса при том, что этнические интересы имеют место быть для всех опрошенных этногрупп; в-третьих, сферой социального напряжения и эскалации конфликтов не выступает межэтническое взаимодействие и противоречия между русскими и представителями других этнических групп, хотя у самих русских позиция отличается (отношения между русскими и иными этногруппами они склонны рассматривать как достаточно напряженные) и, в-четвертых, эффективное управление межэтническими отношениями предполагает решение задач, связанных с обеспечением механизма этнокультурного воспроизводства населяющих край народов и развитием высокой культуры межэтнического общения как базиса межэтнической интеграции и гражданской консолидации.

Литература

1. Дробижина, Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4(140). С. 7–22. DOI 10.14515/monitoring.2017.4.02.
2. Маркин В.В., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Дискурс феномена эт-

норегиональной идентификации в модельном Южнороссийском регионе (аналитический обзор социологических исследований в Краснодарском крае) // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения // Сборник статей. Москва, 2016. С. 85–103.

3. Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России: монография / Ю.Г. Волков, А.В. Бедрик, Н.К. Бинеева, А.В. Верещагина, В.П. Войтенко, Н.И. Чернобровкина; отв. ред. Ю.Г. Волков. – Москва: РУСАЙНС, 2021. 180 с.
4. Файзулин Ф.С. Проблемы социальной справедливости в полиэтничном регионе: монография. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2010. 132 с.

IDEAS OF JUSTICE IN INTERETHNIC RELATIONS: PUBLIC OPINION OF RESIDENTS OF THE KRASNODAR REGION

Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Levshin V.S.
Southern Federal University

The purpose of the study is to assess interethnic relations in the Krasnodar Territory and their management in the context of the prevailing public opinion ideas about justice in relation to ethnic groups. *The methodological basis of the study* was the results of a mass survey conducted in 2021 in the Krasnodar Territory (N=606) on a representative sample, taking into account the selection of ethnic groups as the object of research: Russians, Meskhetian Turks, Shapsugs, Armenians. *The results of the study.* The study revealed that interethnic relations in the Krasnodar Territory are quite positive, which are not considered by local residents as a source of social tension and escalation of conflicts. The perception of justice in relation to ethnic groups

is influenced by the presence/absence of certain resources and mechanisms for preserving ethnic culture and identity of the people, i.e. the semantic core of understanding justice for most ethnogroups of the Krasnodar Territory (except for the Russian segment) is the socio-cultural component. In this regard, effective management of interethnic relations is seen by respondents in solving the problem of ensuring the mechanism of ethnocultural reproduction of the peoples inhabiting the region, but the task of leveling the factor of nationality in the daily interactions and relationships of the inhabitants of the region is of paramount importance. *The prospects of the study* are to develop a mechanism for effective management of interethnic relations in the Krasnodar Territory and other subregions of Southern Russia based on the formation of a high culture of interethnic communication. A well-structured and implemented national policy of the Russian state can contribute to this goal.

Keywords: social justice, interethnic relations, Krasnodar region, ethnic groups, Armenians, Russians, Meskhetian Turks, Shapsugs.

References

1. Drobizheva L.M. Dynamics of civic identity and its resource in positive integration processes of Russian society // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2017. No. 4(140). P. 7–22. DOI 10.14515/monitoring.2017.4.02.
2. Markin V.V., Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. Discourse of the phenomenon of ethno-regional identification in the model South Russian region (analytical review of sociological research in the Krasnodar Territory) // *Diasporas and fellow countrymen: experience of regional dimension* // *Collection of articles*. Moscow, 2016. P. 85–103.
3. Social justice in the sphere of interethnic relations and strengthening of the all-Russian identity of the population of the South of Russia: monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Bedrick, N.K. Bineeva, A.V. Vereshchagina, V.P. Voitenko, N.I. Chernobrovkina; ed. by Yu.G. Volkov. – Moscow: RUSAINS, 2021. 180 p.
4. Fayzullin F.S. Problems of social justice in a multiethnic region: monograph. Ufa: RIO RUNMC MO RB, 2010. 132 p.

Социальный портрет сборщика мамонтовой кости

Дьяконова Августа Петровна,
аспирант кафедры социологии и управления
персоналом Финансово-экономического института
Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова
E-mail: avgust_48813@mail.ru

Целью данного исследования является введение в социологию труда социально-профессиональной страты «сборщик мамонтовой фауны». В период социальных и экономических изменений, трансформации трудовых отношений в местах добычи мамонтовой фауны появился новый вид трудовой занятости на позиции «сборщик мамонтовой кости», не регулируемой правовыми отношениями, но составляющей собой новую трудовую занятость в локальных сообществах и кочевых родовых общинах. Методологию исследования социального аспекта трудовой деятельности субъектов оборота бивней мамонта и других остатков мамонтовой фауны составили труды М. Вебера, П. Сорокина, концепции общего блага и экософии. По разработанной нами методике проведено углубленное интервью 20 сборщиков мамонтовой кости на арктических территориях Республики Саха (Якутия). Выявлены особенности социальных отношений, связанных со сбором ископаемой мамонтовой кости. Создан социальный портрет сборщика мамонтовой кости: это семейный молодой мужчина со средним общим образованием, испытывающий внутренний конфликт между традиционными ценностями и видом трудовой занятости в сфере палеофауны. Результаты данного исследования могут быть использованы в совершенствовании нормативно – правового регулирования добычи ископаемой мамонтовой фауны и социально-трудовой деятельности кочевых родовых общин в местах ее добычи.

Ключевые слова: сборщик мамонтовой кости, Арктика, ископаемые остатки мамонтовой фауны, малочисленные народы Севера, традиционный народный промысел.

Введение

Трансформация экономики в условиях перехода на рыночные отношения в 90-е годы XX столетия отрицательным образом сказалась на качестве жизни населения арктических районов Республики Саха (Якутия). Население исконно проживающее на территории арктических районов, в советское время вело традиционный образ жизни, занимаясь оленеводством, рыболовством, охотой. Организация традиционного производства осуществлялась через механизмы социально-экономической кооперации в виде артелей, товариществ, факторий, колхозов и совхозов. К концу советской власти в 80-х годах прошлого века государственная протекция в формате совхозов уступила так называемым рыночным отношениям. Коренные жители Арктики, сохранявшие стиль жизни биосферного общества, не имели профессионально-трудовых компетенций для адаптации к рыночным и предпринимательским отношениям.

В начальный период формирования постсоветского общества население Крайнего Севера оказалось в бедственном положении. В поисках средств выживания и ответа на возникшие экономические и социальные вызовы местное население занялось добычей ископаемой мамонтовой кости. В правовом смысле «ископаемая мамонтовая кость» является видом минерального сырья и не включен в Общероссийский классификатор полезных ископаемых и подземных вод, хотя он является особым геокриогенным природным ресурсом Крайнего Севера России [1, с. 38].

Мамонтовая кость – это ископаемый аналог современной слоновой кости, высоколиквидное сырье, пользующееся постоянным спросом на внутреннем и зарубежном рынках. Современные цены в зависимости от качества сырья составляют на внутреннем рынке 30–150 долларов за килограмм; цена на высокосортную коллекционную

кость на зарубежных аукционах достигает 250–280 долларов за килограмм [2]. Россия является мировым монополистом по добыче и ресурсам этого полезного ископаемого и на протяжении XVIII–XIX веков она обеспечивала значительную часть мировой торговли костью, добывая ежегодно 20–30 тонн [3].

В конце XX века наблюдается активное возрождение добычи остатков мамонтовой фауны в арктических территориях Сибири, чему способствует востребованность сырья на рынке, глобальное потепление климата и таяния многолетних грунтов в Арктике, а также потребность коренного населения в финансовом и материальном самообеспечении.

Легализация промышленной добычи ископаемой мамонтовой кости началась в 2003г, когда Государственный комитет Республики Саха (Якутия) по геологии и недропользованию стал выдавать лицензии на сбор с поверхности бивня мамонта и других остатков мамонтовой фауны индивидуальным предпринимателям, родовым кочевым общинам коренных малочисленных народов Севера, а также юридическим лицам в соответствии с принятыми в республике нормативными правовыми актам, тем самым была определена социальная база сборщиков мамонтовой фауны [4]. Законом Республики Саха (Якутия) от 16 июня 2005 года 250-З № 507-III «О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом – ископаемыми остатками мамонтовой фауны» определяются субъекты оборота бивней мамонта и других остатков мамонтовой фауны, в том числе устанавливается, что сбор и обработка бивней мамонта являются традиционным народным промыслом коренного населения северных районов Республики Саха (Якутия) в течение более чем двух веков [5].

Методология

Концепция общего наследия при использовании возобновляемых природных ресурсов обосновывает общую ответственность за сохранность природ-

ных ресурсов при совместном использовании выгод и распределении благ на труднодоступных территориях Арктики. Добыча ископаемых ресурсов в уязвимой природно-географической среде Арктики начинает осуществляться с соблюдением международных принципов ESG- экологическая природоохранная деятельность, направленность на общие блага и социальное развитие, корпоративное управление производством, учитывающим интересы и ценности местного населения. Социологическое обоснование и сопровождение внедрения принципов ESG еще не началось в Российской Арктике, хотя в практике горнодобывающих компаний и критериях оценки их деятельности внедряются принципы ESG. По сути, принципы ESG соответствуют экософским ценностям коренных народов, направленным на конструирование бережных отношений взаимопомощи человека-социума-природы в условиях жизни на краю ойкумены [6].

Основным критерием для определения социально-трудовой страты сборщиков мамонтовой фауны нами использована самоидентификация опрашиваемого после предварительного обследования видов трудовой занятости в локальных сообществах, проживающих в ареалах добычи остатков ископаемой мамонтовой фауны, и выявления круга лиц, предположительно состоящих в организованных сообществах, занимающихся добычей палеонтологических остатков. Основываясь на теориях М. Вебера [7, с.148] и П. Сорокина [8, с.302] и синтезируя экономические и профессиональные критерии (доход, власть, уровень образования и т.д.), мы пришли к пониманию их неактуальности по отношению к выявлению страты сборщиков мамонтовой фауны. Для определения данной новой страты более важным представляется субъективный критерий – самооценка индивидом своего социально-трудового статуса. К данному критерию следует добавить фактор социального самочувствия [9], а также учитывать «производные факторы, влияние которых действительно

чрезвычайно велико в условиях современного общества» [10, с.50].

Расширение сферы хозяйственной деятельности общин коренных малочисленных народов в условиях Арктики на их исконных родовых землях стало территориально-пространственной основой для занятий добычей мамонтовой фауны для коренных жителей [11]. Данный вид деятельности имеет, с одной стороны, глубокие корни в мифологической картине мира коренных народов Арктики, а с другой стороны, является новым видом товарно-денежных производственных отношений в рыночном мире.

В Республике Саха (Якутия) были разработаны правовые формы поддержки коренных малочисленных народов севера, ведущих традиционный образ жизни. Впервые в российском праве был разработан и принят закон «О кочевой родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера» [12] введено понятие «кочевая родовая община», представляющая собой форму самоорганизации лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера и объединяемых по кровнородственному (семья, род) территориально-соседскому признакам, создаваемая на основе членства и объединения имущественных долей взносов для совместной деятельности в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры [13]. Одним из условий создания общины является прикрепление земель для традиционных занятий и промыслов. Добыча бивня мамонта стала основой для развития декоративно-прикладного искусства – резьбе по кости, отличающейся у разных арктических этнических и локальных сообществ [14, 15]. Кочевая родовая община «Омолой» Усть-Янского района Республики Саха (Якутия) ведет сотрудничество с Академией наук Республики Саха (Якутия) в реализации научных исследований мамонтовой фауны (гора Сопливая) реке Яна [16, с. 578].

Результаты исследования

Немногочисленная социально-профессиональная страта добытчиков мамонтовой фауны не выделяется ни в каких статистических отчетах, ведет скрытый образ жизни и неохотно вступает в общение с исследователями. Тем не менее нам удалось войти в доверие и провести по разработанной нами методике – расширенном интервью с 20 мужчинами, занимающимися сбором мамонтовой кости в арктических улусах Республики Саха (Якутия).

Как выяснилось, 60% опрошенных сбор бивней мамонта считают видом традиционного промысла народов Арктики. 60% опрошенных не знают закон РС(Я) «О регулировании, пользовании и распоряжению особым природным ресурсом ископаемых остатков мамонтовой фауны» и 20% считает свое занятие нелегальным видом дохода, 20% – обычной работой по найму у владельцев лицензии, остальные затруднились с ответом.

13% добытчиков знают свои права и обязанности, 60% – не знают и не интересовались, 13% частично знают о приоритете добычи представителями коренных малочисленных народов Севера. Выявлено 6% опрошенных, считающих, что в правовом регулировании нарушается принцип общего блага для всех жителей Арктики.

Преобладающая часть сборщиков состоит в возрастной категории от 35 лет до 55 лет, что составляет 65% от общего числа опрошенных. Значительная их часть являются местными жителями или уроженцами мест, где производится добыча остатков мамонтовой фауны. 65% из них проживают в местах добычи мамонтовой фауны более 15 лет, то есть фактически выросли в этих местах и знают природно-ландшафтные особенности исконных земель. Каждый третий добытчик мамонтовой кости является неместным или приехавшим на сезон добычи.

Добыча и сбыт мамонтовой фауны является для большинства занятых мужчин источником содержания семей.

Лишь 13% молодых мужчин не имеют своих семей, но их доход вносится в семейный бюджет родительской семьи.

Следует отметить достаточно высокий уровень профессионального образования мужчин, вовлеченных в данную трудовую занятость: имеют основное среднее образование – 10%, среднее общее – 50%, среднее профессиональное образование – 32% (водитель, менеджер культуры, хореограф, оператор ЭВМ, бухгалтер) и высшее профессиональное образование – 8% (экономическое и юридическое образование). Как выяснилось при глубинном интервью, определенная часть молодых мужчин, не имеющих профессионального образования, становятся добытчиками мамонтовой фауны в силу отсутствия иных источников доходов в малонаселенном арктическом селе. Безработица стала причиной вовлеченности в данную сферу у 50% опрошенных.

С другой стороны, данный вид трудовой занятости требует определенных профессиональных компетенций в обращении с техническими средствами, знаний в экономике предпринимательства и правового регулирования добычи ископаемой мамонтовой кости. Для 30% опрошенных сбор мамонтовой фауны является дополнительным доходом к зарплате по основному месту работы, а 20% добытчиков сбор бивней считают попутным занятием к традиционному виду деятельности (оленовод, охотник, рыбак). Из всех числа опрошенных только 13% являются членами Союза сборщиков и переработчиков мамонтовой фауны, а 20% не слышали о таком союзе. На роду у каждого третьего добытчика были и есть мастера резьбы по кости.

Вовлечение в производственно-трудовые отношения в социальной страте добытчиков мамонтовой фауны осуществляется посредством связей неформальных структур локального сообщества, по рекомендации членов кочевых родовых общин, друзей, знакомых (50%), по приглашению бригад сборщиков мамонтовой кости (40%), и только 10% опрошенных были при-

няты в сообщество сборщиков по объявлению. Сезонная добыча длится от 3 до 60 дней. Доходы могут быть варьироваться до 60 тыс до 1,5 млн р.

Открытая взаимопомощь и поддержка сборщиков бивней мамонта наблюдается только у членов одной семьи и родственников, у жителей одного села. 20% опрошенных указывают на существующую конкуренцию между группами сборщиков, 34% считают, что никто чужим не помогает и не поддерживает. Тем не менее, наблюдается достаточно высокая нестабильность трудовых отношений. Каждый третий сборщик отработывает лишь один сезон. 50% опрошенных сообщили, что они проработали несколько сезонов. Более 5 лет продержались в качестве добытчиков лишь 20%, наибольший стаж трудовой деятельности в этой сфере имеют местные мужчины. Нестабильность доходов, риски производственных циклов по добыче ископаемой кости, неопределенность системы сбыта и реализации продукции являются основными сдерживающими факторами для устойчивого развития данного вида предпринимательской деятельности. Сбыт добытой мамонтовой кости распределен следующим образом: отдают добытое лицензиату, по договору с которым работают – 20%, руководителю родовой общины – 10%, имеют постоянного посредника для нашей группы сборщиков – 40%, случайным перекупщикам – 14%, остальные затруднились с ответом.

Трудовая занятость в сфере палеофауны вызывает неоднозначное отношение у местных жителей в зависимости от территориальной принадлежности добытчика. 20% из опрошенных (все местные жители) считают, что местное население одобряет и поддерживает их род занятий, так как данный вид промысла приносит доход в семьи сел. 20% (все приезжие) ответили, что местное население не одобряет и не поддерживает, относится враждебно. Причиной называют нанесение урона природе, так как используют «промышленный способ» добычи мамонто-

вой кости. 60% опрошенных добывают попутным способом (когда остатки сами выступают на поверхности) и 40% промышленный (размытие помпой почвы) (из них 30% приезжее население).

Как правило, перед началом добычи мамонтовой кости проводят ритуалы и обряды почитания духов местности и воды, кормления огня молоком, творогом, рассыпают бисер и т.д. 60% добытчиков признают, что происходит нарушение ландшафта, экосистемы, 20% считают, что происходит потеря артефактов об истории заселения Арктики и лишь 20% считают, что как такового вреда нет, это все надуманно и необоснованно.

Согласно традиционному верованию эвенов Якутской Арктики, исконная среда их обитания имеет два статуса: танара сирэ (профанная земля, созданная Творцом для пользования людей) и ойуун сирэ (сакральные места, где похоронены шаманы и удаганки, где наложен запрет на любые нарушения покрова земли и требуется соблюдения строгих обычаев и ритуалов, оберегающих их чуткий покой). Различить границы между ними можно посредством звуков колокольчика, издающих предупредительный звон при приближении к сакральному месту. Так же существовало стереотипное представление об опасности иметь какие бы то ни было отношения с «уу оуһа» (водяной бык), как называли северные якуты мамонта, Люди могли подбирать только те остатки клыков мамонта, что лежали на поверхности верхнего слоя почвы и мастерить из них предметы повседневного пользования. Хотя по заказу купцов и промышленников царской России местные жители находили и сдавали клыки мамонтов, промысел столетиями оставался экологически щадящим и не требовал профессионализации добытчиков мамонтовой фауны.

Проведенное исследование выявило несоответствие принципов нормативно-правового регулирования добычи мамонтовой фауны как общего блага и укоренившегося среди коренного населения отношения к остаткам ма-

монтовой кости как принадлежащим к их исконным родовым местам и, соответственно, как к собственности родовых общин и местных жителей. Так, добытчики считают, что лицензию на право сбора бивней мамонта и других остатков мамонтов фауны должны выдавать органы местного самоуправления, на территории которых производится сбор (53%), также есть мнения о передаче этих полномочий руководству родовой общины.

Заключение

Социальный портрет добытчика мамонтовой кости представляет собой семейного мужчину 35 лет со средним общим образованием, проживающий на территории арктического района, работающий в родовой общине и понимающий, что мамонтовая кость является особым ресурсом, требующим пристального внимания государства, но в тоже время считающего, что распоряжаться, владеть, добывать имеют право только население, проживающее на территории места добычи.

Литература

1. Кириллин Н.Д. Федерализм и недра. Якутск: Бичик, 2012. 176 с.
2. Смирнов А.Н. Ископаемая мамонтовая кость – проблемы и перспективы изучения и освоения ресурсного потенциала в Российской Арктике / [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/5\(13\)/smirnov_5_13_255_265.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/5(13)/smirnov_5_13_255_265.pdf) (Дата обращения: 17.03.2022)
3. Зензинов В.М. Добыча мамонтовой кости на Новосибирских островах // Природа. 1915. С. 979–991.
4. Ковалев Л.Н., Кириллин Н.Д. Региональное нормативное правовое регулирование рационального пользования остатками мамонтовой фауны в Республике Саха (Якутия): Тезисы докладов IV Международной мамонтовой конференции. Якутск: Изд-во АН РС(Я), Институт прикладной экологии Севера АН РС(Я). 2007. С. 86–88.

5. Закон Республики Саха (Якутия) от 16 июня 2005 года 250-З N507-III «О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом – ископаемыми остатками мамонтовой фауны» /https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjpw978msz2AhVioosKHQchB7kQF-noECAUQAQ&url=http%3A%2F%2Fwww.consultant.ru%2Fregbase%2Fcgi%2Fonline.cgi%3Ffreq%3Ddoc%26base%3DRLAW249%26n%3D7551&usg=AOvVaw3NBMYFf518sx-Ubr8oVbPSQ (Дата обращения: 17.03.2022)
6. Vinokurova U.A. Ecophy: A response to the global climate change looking for a new civilizational paradigm. With a commentary by Jan Kieniewicz. / Wydział «Artes Liberales» Warszawa 2019. – 45 с.
7. Вебер М. Основные положения социальной стратификации /Пер. с англ. А.И. Кравченко. – 156 с.
8. Сорокин П.А. Человек. Общество. Цивилизация. – М.: Издательство политической литературы. – 1992. – 543 с.
9. Малева Т.М., Бурдяк А.Я. Средний класс: эмпирические измерения социальной мобильности поколений в России // Журнал новой экономической ассоциации. – 2016. – 14. – С. 62–85.
10. Федорова, Л.Н. Социальные страсти и классы: взаимосвязь и российские реалии / Л.Н. Федорова // Проблемы современной экономики. – 2018. – № 4. – С. 47–50.
11. Потравный И. М., Протопопов А.В., Гассий В.В. Добыча бивней мамонта как вид традиционного природопользования // Арктика: экология и экономика. – 2020. – No 1 (37). – С. 109–121. – DOI: 10.25283/2223-4594-2020-1-109-121.
12. «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера» /https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjpyN-q7msz2AhXys4sKHQeKBbkQFnoE-CAwQAQ&url=http%3A%2F%2Fwww.consultant.ru%2Fregbase%2Fcgi%2Fonline.cgi%3Ffreq%3Ddoc%26base%3DRLAW249%26n%3D5525&usg=AOvVaw1uXeNa4jmEx-Y0hcRhc0QNo (Дата обращения: 17.03.2022)
13. Слепцов А.Н. Родовая община коренных малочисленных народов Севера в системе управления традиционным природопользованием // Арктика: экология и экономика. – 2021. – Т. 11, No 4. – С. 568–581. – DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-568-581.
14. Иванов В.Х. Якутская резьба по кости. Новосибирск: Наука, 1979;
15. Чернышова С.Л. Современные особенности косторезного искусства Чукотки /Холод и цивилизация: кол. моногр. / под общ. ред. д-ра социол. наук У.А. Винокуровой; [ред. совет: С.С. Игнатъева и др.]. – Новосибирск: Наука, 2021. – 160с. – (Культура Арктики; вып.11).
16. Слепцов А.Н. Родовая община коренных малочисленных народов Севера в системе управления традиционным природопользованием // Арктика: экология и экономика. – 2021. – Т. 11, No 4. – С. 568–581. – DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-568-581.

THE SOCIAL PORTRAIT OF MAMMOTH TUSK COLLECTOR

D'iakonova A.P.
North-Eastern Federal University

The purpose of current study is to introduce a social and professional strata of «collector of the mammoth fauna» to the sociology of labour. At the time of transformation of labour relations in places of collection of «mammoth tusk», a new type of labour engagement has emerged – «a collector of mammoth tusk», which is currently not regulated legally but is a new form of labour engagement in local and nomadic tribal communities. Works by M. Weber, P. Sorokin, as well as concepts of common good and ecosophy were applied as research methodology of social aspects of labour activity focused on turnover of mammoth tusks and other remains of the

mammoth fauna. Applying these methods, we conducted in-depth interview of 20 collectors of mammoth tusk in the Arctic regions of Yakutia. We have identified specifics of social relations connected to the mammoth tusk harvesting. A social portrait of the collector of mammoth tusk has been established: a young family man with comprehensive school education experiencing conflict between traditional values and labour employment in the sphere of paleofauna. The results of this research can be used for improving the norms and legislation to regulate harvesting of the mammoth fauna and social and labour activity of the nomadic tribal clans in the areas of harvesting.

Keywords: collector of mammoth tusk, Arctic, remains of the mammoth fauna, minority peoples of the North, traditional activities.

References

1. Kirillin N.D. Federalism and subsoil. Yakutsk: Bichik, 2012. 176 p.
2. Smirnov A.N. Fossil mammoth bone – problems and prospects of studying and developing the resource potential in the Russian Arctic / [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/5\(13\)/smirnov_5_13_255_265.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/5(13)/smirnov_5_13_255_265.pdf) (Date of access: 17.03. 2022)
3. Zenzinov V.M. Extraction of mammoth bone on the New Siberian Islands // *Priroda*. 1915, pp. 979–991.
4. Kovalev L.N., Kirillin N.D. Regional normative legal regulation of the rational use of the remains of the mammoth fauna in the Republic of Sakha (Yakutia): Abstracts of the IV International Mammoth Conference. Yakutsk: Publishing House of the Academy of Sciences of the RS (Y), Institute of Applied Ecology of the North of the Academy of Sciences of the RS (Y). 2007. P. 86–88.
5. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated June 16, 2005 250-Z N507-III “On the regulation of the use and disposal of a special natural resource – the fossil remains of the mammoth fauna” / <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjpw978msz2AhVioosKHQchB7kQFnoECAUQAQ&url=http%3A%2F%2Fwww.consultant.ru%2Fregbase%2Fcgi%2Fonline.cgi%3Ffreq%3Ddoc%22base%3Ddoc%22base%3DRW%3DRW5 AOvVaw3N-BMYFf518sxUbp8oVbPSQ> (Date of access: 03/17/2022)
6. Vinokurova U.A. Ecophy: A response to the global climate change looking for a new civilizational paradigm. With a commentary by Jan Kieniewicz. / *Wydział “Artes Liberales” Warszawa* 2019. – 45 p.
7. Weber M. The main provisions of social stratification / *Per. from English*. A.I. Kravchenko. – 156 p.
8. Sorokin P.A. *Man. Society. Civilization.* – M.: Publishing house of political literature. – 1992. – 543 p.
9. Maleva T.M., Burdyak A. Ya. Middle class: empirical measurements of the social mobility of generations in Russia // *Journal of the New Economic Association*. – 2016. – 14. – S. 62–85.
10. Fedorova, LN *Social strata and classes: relationship and Russian realities / LN Fedorova // Problems of modern economics.* – 2018. – No. 4. – P. 47–50.
11. Potravny I. M., Protopopov A.V., Gasny V.V. Extraction of mammoth tusks as a type of traditional nature management // *Arktika: ecology and economy.* – 2020. – No 1 (37). – S. 109–121. – DOI: 10.25283/2223-4594-2020-1-109-121.
12. “On the tribal, tribal nomadic community of the indigenous peoples of the North” / <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjpyN-q7msz2AhXys4sKHQeKBbkQFnoECAwQAQ&url=http%3A%2F%2Fwww.consultant.ru%2Fregbase%2Fcgi%2Fonline.cgi%3Ffreq%3Ddoc%22base%3DRLAW249%26n%3D5525&usg=AOvVaw1uXeNa4jmExY0hcRhc0QNo> (Date of access: 03/17/2022)
13. Sleptsov A.N. Tribal community of indigenous peoples of the North in the system of management of traditional nature management // *Arktika: ecology and economy.* – 2021. – T. 11, No 4. – S. 568–581. – DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-568-581.
14. Ivanov V. Kh. *Yakut bone carving.* Novosibirsk: Nauka, 1979;
15. Chernyshova S.L. *Modern features of the bone-carving art of Chukotka / Cold and civilization: coll. monograph. / under total ed. Dr. Sociol. Sciences U.A. Vinokurova; [ed. advice: S.S. Ignatieva and others].* – Novosibirsk: Nauka, 2021. – 160p. – (Culture of the Arctic; issue 11).
16. Sleptsov A.N. Tribal community of indigenous peoples of the North in the management system of traditional nature management // *Arctic: ecology and economy.* – 2021. – T. 11, No 4. – S. 568–581. – DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-568-581.

Отношение населения Китая к китайской системе социального кредитования

Чжан Вэнь,

аспирант Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (КНР)
E-mail: zhangwen2016@gmail.com

Рассматриваются проблемы социального управления, повышения финансовой дисциплины, а также коррекции социального поведения за счёт введения системы поощрений и наказаний в рамках системы социальных кредитных рейтингов. Показаны основные механизмы китайской системы социального кредитного рейтинга и особенности механизмов его функционирования. Показано, что система социальных кредитных рейтингов опирается на историческую традицию социального устройства Китая. Представлены основные источники для формирования баз данных для оценки поведения каждого гражданина страны. Приводятся данные социологического исследования о восприятии системы социальных кредитных рейтингов населением Китая. Показано, что система социальных кредитных рейтингов пользуется большой поддержкой населения и Китая. Приводятся основные направления системы совершенствования социальных кредитных рейтингов, необходимые населению Китая. Рассмотрен вопрос применимости элементов системы социальных кредитных рейтингов для внедрения в России. В статье утверждается что элементы системы кредитного рейтинга воплощены сегодня системе поведенческого надзора, который используется Банком России на финансовых рынках для контроля за деятельностью банков и иных финансовых организаций.

Ключевые слова: социальный кредит, социальный кредитный рейтинг, поведенческий надзор, поведение населения, социальный рейтинг, Китай

Разработки в области системы социальных рейтингов представляют одно из наиболее актуальных направлений совершенствования глобального социального управления, поэтому они активно обсуждаются как в китайской [1–4] научной среде, так и в России [5–8].

Система социальных кредитов, известная также как социальная кредитная система, а также система социальных (или кредитных) рейтингов, представляет собой единый комплекс технических решений, законодательных актов и организационных мероприятий, направленных на сбор, анализ и практическое использование информации о различных аспектах поведения граждан Китая, китайских компаний и государственных учреждений [9, 10]. Конечной целью системы национальных рейтингов является создание условий для упорядочивания общественных отношений, внедрение меритократии, а также создание дополнительных благоприятных условий для оптимизации социально-экономических отношений, ускорения развития общества и бизнеса. В более узком определении система социальных кредитов (или кредитных социальных рейтингов) нацелена на повышение надежности и прозрачности деятельности физических лиц компаний, судов и иных государственных учреждений. По большому счету можно утверждать, что социальный кредитный рейтинг представляет собой рейтинг доверия, добропорядочности, хорошей репутации и благих намерений граждан, крупных и мелких компаний, а также государственных органов.

Механизм мотивации населения к повышению социальных рейтингов опирается на использование системы поощрения и наказаний. к обладатели высокого социального рейтинга могут получить медицинское обслуживание более высокого уровня по более низким ценам, бесплатную аренду государ-

ственного жилья, льготы при ведении бизнеса и иные преимущества. Лица с низким социальным рейтингом могут, напротив, получить отказ в доступе к качественному образованию, или, например, отказ в продаже билетов на самолеты и скоростные поезда. При этом при всех обстоятельствах сердцевинной системы социальных рейтингов по-прежнему является оценка кредитоспособности и благонадежности в части общения с финансовыми организациями.

Идея социальных рейтингов начала обсуждаться в Китае с начала двухтысячных годов и первоначально представляла собой попытку внесения западного опыта классических кредитных рейтингов в практику ведения бизнеса в Китае. Низкий уровень благосостояния китайского населения в конце девяностых – начале двухтысячных годов, отсутствие кредитных историй – все это не давало возможностей для развития дешевого кредитования населения и бизнеса. Соответственно создание аналогов западных кредитных рейтингов могло бы помочь решить эту задачу. Однако постепенно идея рейтингования граждан и предприятий на основании финансовых показателей в части уровня доходов, пользования финансовыми услугами и предшествующего исправного погашения кредитов приобрела более широкий характер полноценной оценки добропорядочности физических и юридических лиц с использованием принципиально более широкого набора данных [11]. Предложение о создании системы социального кредитования, выходящей за рамки финансового сектора, было официально выдвинуто в 2011 году и объявлено тогдашним премьером Вэнь Цзябао.

Система социальных рейтингов имеет глубокие корни в традиционной китайской культуре [12–14]. Идеологически она опирается на два фундаментальных направления китайской политической философии – конфуцианство и легизм. Основной идеей легизма является требование жесткого выполнения законов, что, по мысли представи-

телей этой школы, должно стать главным фактором воспитания населения и создания дисциплинарного общества. В рамках этой концепции инструментом воспитания является неукоснительное наказание за нарушение действующего законодательства, без разбора чинов, званий и уровня богатства, то есть опора на страх телесного наказания или финансовых санкций. Для лучшего исполнения законов и выявления правонарушений легистская школа предлагает опираться на наблюдение граждан за своим окружением, то есть надзор всех за всеми. Конфуцианство, напротив, пытается достичь гармонии и порядка в обществе за счет воспитания, соблюдения ритуалов, социального этикета и этических норм. Особое значение в конфуцианстве уделяется объяснению необходимости следования правильным нормам общественного поведения, которые приводят к повышению уровня всеобщего блага. Цель конфуцианского воспитания состоит в том, чтобы всеобщее благо и всеобщая гармония стали долгом, потребностью и целью каждого китайца. При этом те, кто выполняет нормы поведения добропорядочного гражданина, должны поощряться за свои поступки. Таким образом, конфуцианство и легизм представляют собой два полюса, две составляющие, положенные в основу системы социальных рейтингов. С одной стороны, безусловное, неотвратимое наказание за «неправильное» поведение, вредное для развития общества и бизнеса. С другой стороны, объяснение необходимости следования установленным нормам исходя из требования увеличения общественного блага для всех, и одновременно с этим – поощрения за «правильное», добропорядочное поведение.

Государственный совет Китая впервые представил систему социальных кредитных рейтингов, охватывающих физических лиц, бизнес, общественные отношения и суды в 2014 году [15]. Система социальных рейтингов представляет собой совокупность баз данных, программное обеспечение и организа-

ционные мероприятия, которые собирают данные и оценивают на этой основе надежность (уровень доверия), физических лиц, предприятий или различных государственных структур. Каждая запись в базах данных, описывающая тот или иной эпизод поведения человека или предприятия, получает специальный бал, определяющие вознаграждение для рядовых граждан и предприятий, или наоборот, наказание за совершение поступка. Система управляется Правительством Китая, а также Народным банком Китайской Народной Республики с участием судебной системы Китая. При этом система социальных кредитных рейтингов постоянно развивается. Если первоначально в базы данных, являющиеся основанием для ограничений, входила в основном информация из финансовых источников, то с осени 2019 года количество нарушений, приводящих к снижению рейтинга, было существенно расширено. По состоянию на ноябрь 2019 года помимо традиционных финансовых дефолтов и мошенничества основанием для снижения рейтинга стали еда или громкая музыка в метро, нарушения ПДД, включая проезд на красный свет или пересечение дороги в неположенном месте. Мусор и бытовые отходы, оставленные в ненадлежащем месте, использование чужих документов для проезда в общественном транспорте и иные виды неприемлемого поведения также стали основанием для снижения рейтинга. С другой стороны, донорство крови, жертвования, благотворительность, волонтерство стали рассматриваться как основание для получения бонусов и повышения социального рейтинга.

Особенностью системы социального кредитного рейтинга в Китае является ее децентрализация. Местные власти могут водить или убирать из общего перечня нарушений, крающих снижение рейтингового балла, те или иные опции в зависимости от проблем, которые характерны для тех или иных муниципальных образований. ц так, в ряде крупных городов Китая особое

внимание уделяется правильному обращению с мусором, в других городах приоритетом является соблюдение правил содержания домашних животных, прежде всего собак, в третьих особое внимание обращается на соблюдение правил дорожного движения, или например, на предотвращение финансовых мошенничеств и иных правонарушений при ведении бизнеса.

Основная часть данных, попадающих в систему кредитных рейтингов, собирается из традиционных источников, к которым относятся банки, онлайн-кредитные платформы, онлайн-ритейлеры, полиция и суды. Кроме этого, в качестве источников данных используются системы видеонаблюдения, предоставляющие данные в реальном времени, а также иные источники, например, мониторинг вредных выбросов предприятий, налоговые платежи, выплаты по банковским кредитам и трудовые споры. При формировании баз данных для составления рейтингов социального кредита местные и национальные власти просят компании, в дополнение к данным по собственным операциям, представить информацию о своих партнерах и поставщиках. При этом информация о партнерах и поставщиках имеет двоякое значение. С одной стороны, она учитывается при составлении рейтингов контрагентов, с другой стороны, сама компания, имеющая неблагонадежных покупателей, партнеров и поставщиков, также может потерять уровень рейтинга доверия. Как мы упоминали выше, физические лица с недостаточно высоким социальным рейтингом могут столкнуться с невозможностью получить кредит, купить билет на самолет или на скоростной поезд, им может быть отказано в доступе к качественному образованию. Компании, попавшие в черный список предприятий с низким кредитным рейтингом, могут столкнуться с большим числом проверок, сложностями в получении кредита, отказом в предоставлении прав землепользования, запретом на инвестиции и строительство. им может быть отказано в предоставлении налоговых льгот,

государственных субсидий и в участии в системе государственных закупок. Важной частью воспитательной работы в рамках системы социальных рейтингов является обнародование «черных списков» недобросовестных граждан и компаний, что в рамках китайской культурной традиции является позором и потерей лица.

Местные органы власти также обязаны предоставлять в систему социальных рейтингов свои данные о финансах и исполнительской дисциплине. Согласно действующим правилам, местные органы считаются недобросовестными и ненадежными, если они вовремя не заплатили подрядчиком или сфальсифицировали данные отчетности. Местным или правительственным чиновникам из таких органов власти запрещают покупать билеты в бизнес-классе на самолетах, поездах и паромах, селиться дорогих гостиницах, посещать ночные клубы поля для гольфа, а также покупать или ремонтировать недвижимость.

Записи о недобросовестном поведении, особенно если нарушения являются крупными, хранятся в базах данных достаточно долго. Однако физические лица и компании, исправившие свои нарушения и погасившие долги, а также доказавшие свою готовность следовать принципам добросовестного поведения, могут подать заявку на исключение из черных списков.

По данным Центрального банка КНР – Народного банка Китая (НБК), система социального кредитования уже охватила более 1,02 миллиарда физических лиц и более 28 миллионов компаний и организаций. Более 2,6 миллиона человек были ограничены в полетах, 90 тыс. человек были лишены возможности пользоваться высокоскоростными железнодорожными перевозками, а еще 300 тыс. человек китайские суды признали ненадежными заемщиками. Сотни компаний и местных органов власти также были неблагонадежными за неуплату или несвоевременные выплаты работникам и подрядчикам, а также за незаконный сбор средств.

Разумеется, система социальных кредитных рейтингов имеет свои недостатки. Компании, предоставляющие данные в рамках этой системы, сталкиваются с ростом затрат на подготовку необходимой информации. Большие проблемы возникают с полнотой и достоверностью данных, значительная часть которых никем не собирается и не консолидируется. Опасения возникают в связи с потенциальными утечками собранных данных из системы хранения информации. Вызывают сомнения методы морального воздействия на лиц и компании с низким рейтингом доверия путем «выставления на позор» – обнародования черных списков неблагонадежных граждан и компаний, а также местных органов власти, многие из которых имеют многолетние и независимые от чиновников финансовые проблемы.

Несмотря на недостатки система социальных кредитных рейтингов пользуется огромной поддержкой китайского населения. В этой связи большой интерес представляет исследование, проведенное местной администрацией в Пекине в 2021 году и посвященное восприятию населением система социального кредитных рейтингов [16].

Опрос длился почти 4 месяца и охватил 16 районов Пекина. Он сосредоточился на законодательстве в области социального кредита, добросовестном строительстве, удобстве кредитования для людей и предприятий, а также специальных проектах по управлению надежностью и репутацией.

Исследование показало, что по мнению респондентов, основными причинами отсутствия доверия и порядочности среди населения являются:

- неадекватный надзор и низкая стоимость нарушения доверия – 62%,
- слабое исполнение законов и нормативных актов – 60%,
- неискренность проявлений доверия и честности – 51%,
- информация о социальных кредитных рейтингах непрозрачна и асимметрична – 43%,
- недостаточные размеры премий за добросовестное поведение

и штрафов за нарушение норм – 42%.

При этом по мнению респондентов укреплять надо

- политическую честность – 59%,
- деловую честность – 50%,
- социальную честность – 72%,
- авторитет судебной системы – 51%.

Почти 90% граждан поддерживают законодательство в области социальных кредитов и считают, что кредитное законодательство является эффективной гарантией оптимизации деловой среды столицы. А 92% считают, что развитие кредитного социального законодательства играет большую роль в деле дальнейшего усиления защиты прав и интересов населения и предприятий, противоположной точки зрения придерживаются только 3% респондентов.

Что касается построения системы социальных кредитных рейтингов, то общественность в целом считает, что она должна играть главную роль в финансовом кредитовании, исправлении рыночных и социальных нарушений законов и правил. В целом 87% участников исследования считают, что внедрение системы социальных кредитных рейтингов является необходимостью, 3% считают такое внедрение ненужным, 5% заявили, что не имеют мнения по этому вопросу и 4% отказались отвечать.

При этом участники исследования считают, что это в первую очередь необходим контроль за добросовестностью среди следующих профессиональных групп населения:

- юридические лица (предприятия) – 40%,
- государственные служащие – 37%,
- врачи – 34%,
- учителя – 31%,
- юристы – 28%.

По результатам опроса основным требованием к системе кредитных рейтингов является ужесточение наказания за нарушение закона и ненадежность. Далее в числе приоритетов приоритетов следует повышение стимулов к честному и заслуживающему доверия поведению, а также расширение откры-

тости и широкое использование кредитной информации, включая повышение прозрачности различных видов операций и расчетов:

- ужесточение наказания за нарушение закона и ненадежность – 69%,
- повышение стимулов к честному и заслуживающему доверия поведению – 49%,
- расширение открытости и повышение оперативности использования кредитной информации и данных, повышение прозрачности различных операций ее транзакций – 42%,
- регулирование границ кредитной информации, уточнение рамок ненадежного поведения, отказ от обобщения кредитных записей – 36%,
- усиление защиты неприкосновенности частной жизни и кредитной информации – 26%,
- регулирование использование кредитной информации кредитных продуктов для избежания злоупотреблений 21%,
- усиление надзора за государственными и социальными кредитными учреждениями, стандартизация их деятельности по предоставлению услуг, таких, как кредитная отчетность и оценка кредитоспособности – 19%.

Приоритетными областями для строительства системы социальных кредитных рейтингов с точки зрения участников исследования являются финансы и кредит, надзор за состоянием рынков, а также пресечение нарушений законов и нормативных актов:

- финансы и кредит – 60%,
- наведение порядка на различных рынках – 57%,
- пресечение нарушений законов и нормативных актов – 55%,
- социальная честность и мораль – 54%,
- оптимизация государственных услуг – 53%,
- Надзор за рынком – 47%,
- ответственность честность и взаимное доверие – 45%,
- снятие с учета и покупка автомобилей – 34%,

- другие аспекты – 2%.

При обсуждении социальных кредитных рейтингов большое значение имеет вопрос, в какой степени они влияют на экономическое развитие Китая. Выделение их влияния представляет достаточно сложную задачу в связи с тем, что на экономическое развитие воздействуют целый ряд взаимодействующих, переплетающихся между собой показателей. Тем не менее, китайские специалисты указывают на такой показатель, как Рейтинг удобства ведения бизнеса в различных странах мира, который до 2020 года готовил и публиковал Всемирный банк. В этом рейтинге в 2006 году Китай занимал 96 место по удобства ведения бизнеса среди 190 рассматриваемых стран. в 2020 году на момент публикация последнего рейтинга всемирным банком Китай переместился вверх на 31 позицию, опережая такие страны, как Франция, Турция и Швейцария. Введение системы социальных кредитных рейтингов, безусловно, сыграло свою существенную роль в таком быстром и значительном подъеме качества управления бизнесом.

Еще один вопрос, который встает при обсуждении системы социальных кредитных рейтингов внедренный Китайской Народной Республики, являются возможности её применения в России. Очевидными причинами, тормозящими использование аналогичных механизмов социального управления являются отсутствие необходимой инфраструктуры, а также вопросы относительно необходимости создания таких механизмов с точки зрения ожидаемого эффекта. Действительно, создание единой базы кредитной, судебной и иной поведенческой информации с подключением сюда потоков данных с систем видеонаблюдения, представляет собой весьма значительную по объемам работу, требующую немалых капиталовложений. Эта работа была актуальна для Китайской Народной Республики, где в конце 90-х – в начале 2000-х годов создавалась инфраструктура современного рыночного капиталистического общества, одновремен-

но с этим шел процесс воспитания современных участников экономических процессов. В России процесс создания институтов современной цивилизации «западного» образца в сочетании со привитием населению соответствующих норм поведения произошел намного раньше и задача социального управления с использованием таких инструментов, как социальный кредитный рейтинг, является гораздо менее актуальной. Соответственно появляется вопрос, какой эффект такая система может принести в части социального управления и оправдана ли она затраты на ее создание. К тому же российский бизнес уже располагает инструментами оценки добропорядочности и платежеспособности финансовых контрагентов: в любом крупном российском банке существует своя система скоринга для оценки потенциальных заемщиков с учетом целого ряда поведенческих факторов. Существует такая система и на макроуровне, которые используются при осуществлении надзора за предприятиями, в частности – российскими банками в рамках так называемого «поведенческого» надзора [17, 18].

Смысл поведенческого надзора, который получает все более значительное распространение в деятельности Банка России, состоит в переносе акцента в контролирующих и надзорных действиях с соблюдения нормативных и формальных требований на финальный итог деятельности финансовых компаний, а именно предоставление потребителям финансовых услуг высокого качества на протяжении длительного времени.

Методы осуществления поведенческого надзора могут быть различными. Так, например, в Сингапуре надзор за финансовыми организациями сконцентрирован на получении потребителями максимального эмоционального и прикладного финансового результата. В Швейцарии, с другой стороны, акцент делается на мониторинге соблюдения правил ведения бизнеса для защиты потребителей от манипулирования и обмана со стороны финансовых

компаний, а также нарушений принципов равенства доступа к финансовым услугам. В Нидерландах во главу угла ставится качественная оценка деятельности финансовых организаций, их добросовестности, а также культура взаимодействия с потребителями. В Великобритании поведенческий надзор ориентируется на соблюдение стандартов взаимодействия с потребителями с целью снижения реального и возможного вреда, который банки и иные финансовые компании могут нанести потребителям и финансовому рынку как таковому. В рамках российской практики поведенческий надзор подразумевает воздействие на финансовые организации с целью формирования бизнес-моделей, ориентированных на максимальное удовлетворение потребностей потребителя, обеспечение его прав и интересов, совершенствование набора инструментов надзора за деятельностью рынка в сфере взаимоотношений с клиентами, а также системный и глубокий подход с целью пресечения нелегальной, нелегализованной деятельности на финансовых рынках, наносящей ущерб потребителю. В рамках данного подхода ключевой точкой контроля является клиентоориентированность финансового бизнеса, выражающаяся в долгосрочной удовлетворенности потребителя. Она, в свою очередь, является показателем качества продуктов и процессов взаимодействия с потребителями, а также фактором финансового успеха компании.

В рамках поведенческого надзора Центральный банк занимается сбором информации из различных источников, включая сюда информацию из социальных сетей, жалобы потребителей, обращения граждан, как в сам Центральный банк, так и в различные органы власти. Центральный банк также собирает информацию по своим запросам от финансовых организаций, анализирует их отчетность и данные из различных открытых источников. идет также обмен информацией с различными правоохранительными органами, которая дает возможность пресекать предоставле-

ние потребителям нелегализованных услуг и услуг низкого качества. Широкое использование информации из различных источников позволяет заранее выявлять проблемы на финансовых рынках и пресекать деятельность компаний, нацеленных на некорректное обслуживание потребителей финансовых услуг. Одним из основных источников такой информации являются жалобы потребителей, число которых в 2019 году составило около 250 тысяч. По результатам анализа информации каждому из финансовых институтов присваивается профиль риска, обозначающий его долгосрочная надежность в части предоставления потребителям услуг надлежащего качества. Банком России сегодня используется шкала из 5 уровней риска, от «Потребительские риски минимальны» до «Наличие в работе финансовой организации нарушений, которые могут привести к прекращению ее деятельности». Из этого описания видно, что основные подходы, используемые при построении социальных кредитных рейтингов в Китайской Народной Республике, уже сейчас широко используются российскими регуляторами в практике повышения качества услуг, предоставляемых населению. Практика учета предыдущих заслуг широко используются в деятельности российских судов при вынесении судебных приговоров.

С другой стороны, совершенно очевидно, что практика Китайской Народной Республики в части составления и использования социальных кредитных рейтингов нуждается в дополнительном изучении и применении наиболее удачных инструментов в практике социального управления для ускорения социально экономического развития России.

Литература

1. Liao Ling. Analysis of the current situation of the construction of our country's social credit system [J]. *Economic Outlook the Bohai Sea*, 2020 (11):125–127. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://d.wanfangdata>.

- BobnN4eXhiMjAxOTAyMDA4GghueXg1b-HpqYQ%3D%3D (accessed 25.04.2022)
5. Fomicheva T.L. Social credit in China – managing the behavior of the population in the digital age. *Self-government*. 2021. No. 2 (124). pp. 522–525.
  6. Ruvinsky R.Z. The social credit system in China: a model of constitutionalism for the crisis era. *Comparative Constitutional Review*. 2021. No. 3 (142). pp. 63–85.
  7. Shilova T.S. The influence of artificial intelligence technologies on the creation of a social credit system of trust in China. *Via scientiarum – The Road of knowledge*. 2021. No. 2. pp. 109–114.
  8. Gabdulina D.R. The social credit system in China: theory and practice. In the collection: *Legal education. Collection of scientific articles*. Edited by B.M. Magomedov, A.I. Vakul. Rostov-on-Don, 2021. pp. 70–75.
  9. Amanda Lee. What is China's social credit system and why is it controversial? *South China Morning Post* 09/08/2020 [Electronic resource] Access mode URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3096090/what-chinas-social-credit-system-and-why-it-controversial> (accessed 25.04.2022)
  10. Shazeda Ahmed, “The Messy Truth About Social Credit”, *Logic*, No. 7 / China, 01.05.2019.
  11. René Raphaël et Ling Xi, “Bons et mauvais Chinois: Quand l'état organise la notation de ses citoyens”, *Le Monde diplomatique*, janvier 2019.
  12. Ruvinsky R.Z., Tarasov A.A. – “Social credit system”: historical prerequisites and doctrinal foundations of the phenomenon// *National security / nota bene*. – 2020. – No. 3. DOI: 10.7256/2454–0668.2020.3.33021
  13. Elena Larina, Vladimir Ovchinsky. The Chinese social credit system: traditions and Technologies. “*Tomorrow*”, September 4, 2019. [Electronic resource] Access mode URL: https://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_traditcii_i_tehnologii (accessed 25.04.2022)
  14. Shalagina S.V., Serdyuk A.V. Philosophical concepts of ritual and philanthropy as the basis of the social credit system in China. *USNTU Bulletin. Science, education, economics. Series: Economics*. 2021. No. 2 (36). pp. 109–117.
  15. Notification of the State Council on the approval of the Plan for the Construction of the Social Credit System (2014–2020) dated 14/06/2014 [Electronic resource] Access mode http://www.gov.cn/zhengce/content/2014–06/27/content_8913.htm (accessed 25.04.2022)
  16. Expectations of Beijing residents regarding the construction of a social credit system 21.01.06. [Electronic resource] Access mode URL: https://www.creditchina.gov.cn/xinyongyanjiu/xinyongyanjiuhuicui/202101/t20210106_222964.html (accessed 25.04.2022)
  17. Directions of consumer protection of financial services. Information report of the Bank of Russia. Moscow, 2021.
  18. The concept of countering unfair actions in the financial market. The Bank of Russia. Moscow, 2018.

Управление ценностями в исследовательском университете: кейс Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Петрова Ольга Викторовна,

кандидат социологических наук, доцент, министр образования, науки и молодежной политики Нижегородской области
E-mail: opet1208@gmail.com

Цель исследования – выявление ценностных ориентаций и культуры в ИЭП ННГУ им. Н.И. Лобачевского и определение на этой основе стратегии управления ценностями. Для диагностики типа организационной культуры использовалась методика Р. Гоффи и Г. Джонса «Куб Двойное С», а для выявления ценностных ориентаций – опросник предпочтения академических – предпринимательских ценностей. В опросе участвовали 170 штатных преподавателей всех кафедр института, около 50% всего состава. Выявлено, что ИЭП имеет выраженную слабо культуру общинного типа, а для создания креативной среды необходимо формирование сильной культуры этого типа. Обнаружено, что большинство НПР института являются приверженцами традиционных академических ценностей. Это ставит задачу по переориентации на предпринимательские ценности, которые максимально отражают ценности креативного класса и стимулируют креативную деятельность. Выявлено, что академические и предпринимательские ценности представляют собой независимые целостные структуры и поэтому формирование устойчивой интегрированной системы ценностей трудно достижимо. В этой связи задача менеджмента – создание необходимых условий для перехода от системы академических ценностей к системе предпринимательских.

Ключевые слова: исследовательский университет, управление ценностями, креативный класс, ценностные ориентации, университетская культура.

Введение

В настоящее время все большее распространение в социологических и экономических исследованиях получают понятия «креативный класс», «креативная экономика», «креативный город» [1]. В своей ставшей уже классической работе «*Креативный класс: люди, которые создают будущее*» Р. Флорида пишет, что в современных условиях ключевую роль на рынке труда играет креативный класс [2]. К креативному классу он относит широкую группу профессий, представители которых занимаются созданием «новых форм» как в материальной, так и в нематериальной сферах. Основными отраслями креативной экономики называются IT-индустрия, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, издательское дело, дизайн, музыка, кино, телевидение, радиовещание, реклама и др. При всей разнородности профессиональной деятельности в этих сферах их объединяет то, что она имеет творческий характер и нацелена на поиск нового знания, идей и образов, разработку нового продукта и технологий.

Акцент на создании нового сближает креативную деятельность с инновационной, которая определяется как перевод некоей системы из одного состояния в другое [3] и неразрывно связана с понятиями «открытие», «изобретение», «новшество». По мнению Е.Г. Ясина различие между ними в том, что инновация в качестве ключевого элемента включает в себя внедрение, т.е. доведение новой идеи, продукта или технологии до конечного потребителя [4].

Креативному классу присуща особая система ценностей, которая оказывает значительное влияние на поведение в организации. К основным ценностям креативного класса Р. Флорида относит индивидуальность, меритокра-

тию; разнообразие и открытость [2]. Индивидуальность означает сильную приверженность своеобразию и самоутверждению, что часто приводит к нежеланию подчиняться установленным в организации нормам и правилам поведения. Меритократия предполагает придание особого значения личным заслугам и достижениям. Представители креативного класса амбициозны и для них важен профессиональный рост, достигнутый благодаря собственным способностям и усилиям. Разнообразие и открытость представляют это прежде всего характеристики среды, собой необходимой для проявления креативности.

Ценности креативного класса по своему содержанию близки предпринимательским. [см., например, 5]. Обусловлено это тем, что креативная и предпринимательская деятельности сходны по своей направленности и мотивации, так как креативная деятельность осуществляется как правило в форме внешнего или внутреннего предпринимательства (антрапренёрства). По определению Й. Шумпетера миссия предпринимателя – экономическое новаторство, «осуществление новых комбинаций» [6]. Предпринимательская деятельность, как уход от привычного «движения по течению», требует творческого подхода, что формирует определенные требования к мотивации, способностям и личностным качествам предпринимателя. Предпринимательская мотивация направлена не на сиюминутное удовлетворение потребностей, а на высокую активность, победу над конкурентами и преодоление трудностей. Для успешной предпринимательской деятельности необходимо обладать такими способностями, как дар предвидения, сильная воля и интуиция. А к основным личностным качествам Й. Шумпетер относит стремление к новаторству, веру в свои силы, готовность рисковать, самостоятельность в действиях. Следует отметить, что подобный психологический «портрет» в целом характерен и для представителей креативного класса.

Идея сближения креативной и предпринимательской деятельности представлена в концепции «интеллектуального предпринимательства» А. Червитца [7]. Автор считает, что классическое понимание предпринимательства как новаторства в сфере создания материальных благ является неполным и должно быть распространено на естественнонаучную и гуманитарные сферы. По его мнению, предпринимательство не следует понимать только как бизнес, оно представляет собой установку на овладение миром и процесс культурной инновации. При таком понимании предпринимателями являются представители многих креативных профессий, которые занимаются разработкой интеллектуальных, информационных и социальных инноваций.

В целом можно утверждать, что эффективное управление креативным классом должно осуществляться на основе управления ценностями, включая и организационную культуру, которая также имеет ценностные основания [8]. Управление ценностями позволяет создать в компании психологически комфортную и способствующую проявлению креативности среду, которая будет способствовать высокой мотивации и удержанию креативного персонала.

К креативному классу несомненно относятся и представители академической профессии. Фундаментальные и прикладные исследования, проектная и экспертная работа требуют от исполнителей творчества, так как направлены на получение нового научного знания, создание новых наукоемких продуктов и технологий. В особенности это характерно для исследовательских университетов. Большим потенциалом для реализации креативности обладает и вторая составляющая академической деятельности – образовательная, которая также предусматривает разработку и внедрение нового содержания, обучающих методов и технологий. Все это позволяет с уверенностью включить научно-педагогических работников (НПР) исследовательских университетов в креативный класс. Соответствен-

но, эффективное управление в них также должно осуществляться на основе управления ценностями и культуры.

Эмпирическое исследование управления ценностями проводилось в Институте экономики и предпринимательства (ИЭП) Национального исследовательского университета «ННГУ им. Н.И. Лобачевского». Институт был создан в 2014 года в результате реорганизации и слияния трех факультетов экономического профиля: экономического, финансового, управления и предпринимательства. В настоящее время ИЭП реализует подготовку бакалавров, специалистов и магистров по более чем 20-ти направлениям и является самым крупным структурным подразделением ННГУ им. Н.И. Лобачевского по количеству студентов и преподавателей.

Целью исследования было выявление ценностных ориентаций и типа культуры ИЭП и определение на этой основе стратегии управления ценностями. В задачи исследования входили: 1) диагностика типа организационной культуры с помощью модели Р. Гоффи и Г. Джонса «Куб двойное С» и определение необходимого вектора его развития; 2) выявление академических – предпри-

нимательских ориентаций НПР института и разработку стратегии управления ценностными ориентациями.

Методология исследования

Диагностика типа организационной культуры проводилась с помощью модели Р. Гоффи и Г. Джонса «Куб двойное С» [8]. В этой модели выделяются два ключевых измерения организационной культуры – социальность и солидарность. Социальность понимается как общительность и дружелюбие членов организации, а солидарность – как сходство интересов и единомыслие в принятии целей и задач. Каждое из этих ценностных измерений может иметь высокий и низкий уровни, комбинации которых дают четыре типа культуры – сетевую, общинную, фрагментированную и наёмническую (см. рис).

Сетевая культура характеризуется высоким уровнем социальности и низким уровнем солидарности. Атмосфера сетевых культур дружелюбна, сотрудники много общаются в непринужденной и неформальной манере. При этом они имеют различные взгляды на организационные цели и задачи. Метафора для описания культуры – «Среди друзей» («Between Friends»).

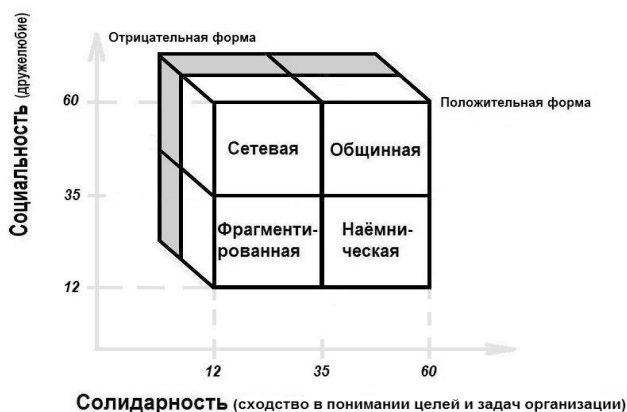

Рис. 1. Модель организационной культуры «Куб двойное С»

Наемническая культура противоположна сетевой культуре и характеризуется низким уровнем социальности и высоким уровнем солидарности.

Предпочтение отдается деловому стилю общения, праздные беседы считаются пустой тратой времени, все подчинено достижению поставленной це-

ли. Метафора для описания культуры – «Работайте по воскресеньям» («Get to Work on Sunday»).

Фрагментированная культура отличается низким уровнем и социальности, и солидарности. Люди, работающие в такой культуре склонны отождествлять себя не столько с организацией, сколько с профессией. Метафора для описания культуры – «Вместе, но раздельно» («All Together Alone»).

Общинная культура характеризуется как высоким уровнем социальности, так и высоким уровнем солидарности. Сотрудники в таких организациях очень дружелюбны в отношении друг друга и хорошо ладят как в частной жизни, так и в профессиональной деятельно-

сти. Метафора для описания культуры – «Мы семья» («We Are Family»).

Для выявления ценностных ориентаций преподавателей нами был разработан опросник, в котором респондент ставится в ситуацию выбора между академическими и предпринимательским трактовками ценностной исследовательской деятельности. Респонденту предлагается оценить по 3-балльной шкале предпочтительность академической или предпринимательской трактовки ценностей [9]. По результатам опроса для каждого респондента определяется индивидуальный профиль ценностных ориентаций. Ниже приведен текст опросника.

Таблица 1. Опросник ценностных ориентаций в исследовательской деятельности

Научная актуальность, личный интерес	Мотивация _ _ _ _ _ _ _ _ 3 2 1 0 1 2 3	Практическая востребованность, интересы «заказчика»
Самостоятельность в выборе темы, методов, сроков и оценке результатов	Свобода _ _ _ _ _ _ _ _ 3 2 1 0 1 2 3	Зависимость от «заказчика» в выборе темы, методов, сроков и оценке результатов
Академическая карьера: научные степени, звания и должности	Карьера _ _ _ _ _ _ _ _ 3 2 1 0 1 2 3	Предпринимательская карьера в академической сфере: менеджер проектов
Взаимопомощь и сотрудничество с коллегами	Взаимодействие _ _ _ _ _ _ _ _ 3 2 1 0 1 2 3	Конкуренция и соперничество с коллегами
Научные публикации, доклады на конференциях	Результативность _ _ _ _ _ _ _ _ 3 2 1 0 1 2 3	Внедренные технологии, экспертные заключения и прогнозы
Признание академического сообщества	Признание _ _ _ _ _ _ _ _ 3 2 1 0 1 2 3	Признание бизнес-сообщества и потребителей
Стабильное, фиксированное	Вознаграждение _ _ _ _ _ _ _ _ 3 2 1 0 1 2 3	Гибкое, по результатам работы

Всего в опросе приняли участие 170 штатных преподавателей всех основных кафедр института – примерно 50% всего состава.

Результаты

Тип организационной культуры

В табл. 2 представлены показатели социальности и солидарности, полученные на экономических факультетах ННГУ

им. Н.И. Лобачевского до реорганизации [5] и в ИЭП после реорганизации.

Сравнение показателей свидетельствует о том, что тип организационной культуры после реорганизации принципиально не изменился: он представляет собой выраженную слабо культуру общинного типа (см рис). При этом, если исключить из сравнения факультет управления и предпринимательства –

он изначально создавался и работал как проектное подразделение – то можно видеть, что в ИЭП практически не изменились показатели социальности и выросли показатели солидарности. Эти изменения в культуре ИЭП мы объясняем тем, что после реорганизации

произошли изменения в управлении институтом. В частности, сотрудникам были четко сформулированы цели и задачи развития нового подразделения, что в конечном счете привело к определенному росту единодушия.

Таблица 2. Показатели социальности и солидарности на экономических факультетах и в ИЭП

Подразделения	Социальность		Солидарность	
	Среднее значение	Станд. отклонение	Среднее значение	Станд. отклонение
До реорганизации				
Факультет управления и предпринимательства	45,50	7,79	47,83	5,27
Экономический факультет	40,05	6,42	36,59	6,64
Финансовый факультет	41,38	8,74	38,97	8,65
После реорганизации				
Институт экономики и предпринимательства	40,98	5,23	44,27	5,72

Достаточно невысокие (немного выше среднего) показатели социальности и солидарности означают, что культура ИЭП до конца не сформирована и находится на промежуточном этапе развития. При этом важно знать, какая культура является оптимальной с точки зрения создания креативной среды? Авторы типологии считают, что наиболее благоприятные условия для реализации комплексных и долгосрочных инноваций возникают при общинном типе культуры: катализаторами для креативности и инноваций в ней являются активная командная работа и внимание к личности. Именно таким типом культуры характеризуются хорошо структурированные международные команды, продвигающие инновации в крупных фармацевтических и IT-компаниях (Pfeiser, Roche, Microsoft, Apple и др.). Зачастую такие команды цементирует «провидческое» стремление руководства сделать крупный прорыв, который «изменит мир».

Исходя из опыта таких компаний логично предположить, что и для исследовательских университетов оптимальной будет культура общинного типа. Понятно, что академическая креативная дея-

тельность имеет свою специфику, а ее сходство с креативной деятельностью в инновационной бизнес-компании не является абсолютным. Однако это не отменяет общие типологические характеристики культуры общинного типа служит хорошей предпосылкой для ее развития в этом направлении, что может быть достигнуто за счет повышения уровней как социальности, так и солидарности. Таким образом, можно прийти к заключению, что основным вектором развития культуры ИЭП должно стать создание сильной культуры общинного типа.

Ценностные ориентации

В табл. 3 показаны частота и значимость выборов академической и предпринимательской трактовок ценностей исследовательской работы. Из таблицы видно, что среди преподавателей ИЭП отсутствует единодушие в отношении ценностей, т.е. среди них есть приверженцы как академических, так и предпринимательских ценностей. Количество респондентов, затруднившихся с выбором ценностей (оценки 0 баллов), в целом, незначительно. При этом по всему на-

бору зафиксировано преобладание приверженцев академических ценностей.

Отметим также, что большинство выборов академических ценностей сопровождаются высокими оценками значимости: среди них много ответов «очень значимо» (3 балла) и «значимо» (2 балла) и мало ответов «относительно значимо» (1 балл), Иная картина в группе приверженцев предпринимательских ценностей. Здесь преобладают оценки «значимо» (2 балла), «относительно значимо» (1 балл) и мало оценок «очень значимо» (3 балла). Следовательно, значимость академических ценностей оценивается выше, чем значимость предпринимательских ценно-

стей. В целом можно заключить, что и по числу приверженцев, и по уровню значимости в ИЭП преобладают академические ценности.

Принятая в ННГУ им. Н.И. Лобачевского стратегия развития инновационного университета требует переориентации с традиционных академических ценностей на предпринимательские, которые максимально соответствуют ценностям креативного класса и способствуют активизации креативной инновационной деятельности. Полученный результат ставит перед менеджментом ИЭП задачу по изменению ценностных ориентаций НПП.

Таблица 3. Частота и значимость выборов академической и предпринимательской трактовок ценностей

Ценности	Частота выборов (%)								
	Академическая трактовка					Предпринимательская трактовка			
	Всего	Значимость			0	Значимость			Всего
		3	2	1		1	2	3	
Мотивация	67	32	27	8	2	10	14	7	31
Свобода	48	14	22	12	13	16	13	9	39
Карьера	59	31	20	8	14	8	12	8	27
Взаимод-ие	68	34	27	7	6	9	11	6	26
Результ-ть	62	20	32	9	7	11	12	8	31
Признание	56	23	25	8	8	8	15	12	36
Вознаграж.	52	32	14	7	8	6	14	19	40

0 – затрудняюсь ответить, 1 – относительно значимо, 2 – значимо, 3 – очень значимо.

Наибольшее преобладание академической ориентации зафиксировано для ценности «взаимодействие»: 68% выборов за взаимопомощь и сотрудничество с коллегами и 26% – за конкуренцию и соревновательность. Более чем в два раза сильнее академическая ориентация для ценностей «мотивация» (67% выборов против 31%), «карьера» (59% выборов против 27%) и «результативность» (62% выборов против 31%). В полтора раза сильнее академическая ориентация для ценности «признание» (56% против 36%). И, наконец, наименьшее преобладание академической ори-

ентации зафиксировано для ценностей «вознаграждение» (52% выборов против 40%) и «свобода» (48% выборов против 39% при 13% затруднившихся ответить).

Остановимся более детально на последних двух ценностях, так как по ним наблюдается наибольшее продвижение в сторону предпринимательской ориентации. С предпринимательской трактовкой ценности «свобода» согласны 39% опрошенных. Эта трактовка предполагает определенную зависимость от «заказчика» в выборе темы, методов, сроков и оценке результатов ис-

следования. Ее принятие является важной предпосылкой для успешной работы с внешними заказчиками. В тоже время выбор академической трактовки (48%) свидетельствует о неготовности большинства сотрудников принимать во внимание потребности заказчика. Такое восприятие свободы популярно в академическом сообществе и обосновывается тем, что отсутствие свободы разрушает саму природу исследовательской мотивации. Следствием этого является то, что большинство тем инициируются самими исследователями, исходя из собственных научных интересов. Результаты исследований оформляются в виде публикаций, но, как правило, не находят практического применения. Поэтому наращивание проектной работы требует дальнейшего увеличения числа приверженцев предпринимательской ориентации для ценности «свобода».

Что же касается ценности «вознаграждение», то здесь 40% опрошенных согласны с предпринимательской трактовкой, которая предполагает, что вознаграждение должно быть гибким и зависеть от результатов труда. Альтернативную академическую трактовку – вознаграждение должно быть стабильным и фиксированным – поддерживают

52% опрошенных. Понятно, что система гибкого вознаграждения и ее «завязанность» на результат имеет своим следствием заметную дифференциацию в доходах, что непривычно для университетских сотрудников и вызывает у многих из них отторжение. Однако и здесь необходима их переориентация на предпринимательские ценности. Сотрудников необходимо убеждать в том, что гибкой системе вознаграждения нет альтернативы, и что основным источником повышения доходов в университете являются внебюджетные средства, привлечение которых требует от сотрудников предпринимательской инициативы, а их получение – активного участия в проектах.

В табл. 4 представлены результаты корреляционного анализа ценностей. Они свидетельствуют о том, выбор академических или предпринимательских ценностей происходит синхронно по всему набору. Одновременный выбор академической трактовки для одной ценности и предпринимательской – для другой является маловероятным. Это позволяет сделать вывод о том, что академические и предпринимательские ценности представляют собой независимые целостные структуры, состоящие из тесно связанных элементов.

Таблица 4. Матрица коэффициентов корреляции Пирсона

Ценности	Мотив.	Свобод.	Карьера	Взаим.	Результ.	Призн.	Вознаг.
Мотив.	X						
Свобода	0,606**	X					
Карьера	0,707**	0,450**	X				
Взаимод.	0,740**	0,582**	0,672**	X			
Результ.	0,634**	0,446**	0,713**	0,649**	X		
Признан.	0,701**	0,434**	0,653**	0,716**	0,729**	X	
Вознагр.	0,652**	0,493**	0,668**	0,700**	0,649*	0,720**	X

** корреляций значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Этот вывод является принципиально важным для понимания стратегии управления ценностями. Если академические и предпринимательские ценности действительно представляют собой

жестко связанные независимые структуры, то трудно достичь формирования у сотрудника интегрированной (смешанной) системы ценностей: он не может одновременно иметь предпринима-

тельную ориентацию по одним ценностям и академическую – по другим. Также проблематично сосуществование этих систем ценностей у одного сотрудника. Образно говоря, поведенческая модель «до обеда – профессор, а после обеда – предприниматель» не может быть устойчивой на больших отрезках времени. Поэтому не оправданы ожидания «плавного» перехода от системы академических ценностей к системе предпринимательских посредством постепенного включения отдельных предпринимательских ценностей в систему академических. Более реальной, хотя и более болезненной для сотрудника, является стратегия одномоментного отказа от одной системы ценностей и принятия другой. Задача университетского менеджмента состоит в том, чтобы создать благоприятные условия для реализации такой стратегии.

Заключение

Управление научно-педагогическими работниками исследовательского университета, как представителями креативного класса, должно осуществляться на основе управления ценностями. Управление на основе ценностей предполагает выявление ценностных ориентаций сотрудников, изучение университетской культуры и разработку стратегии их изменения.

Результаты эмпирического исследования, проведенного нами в Институте экономики и предпринимательского Национального исследовательского университета «ННГУ им. Н.И. Лобачевского» позволяют сделать следующие выводы:

1. Для создания в Институте среды, способствующей проявлению креативности, необходимо формировать в нем сильную культуру общинного типа, которая отличается высокими уровнями социальности и солидарности. Культура общинного типа инновационных бизнес-компаний служит катализатором креативности и поэтому актуальна для исследовательского университета.

2. Для активизации инновационной работы научно-педагогических работ-

ников Института необходимо переориентировать их с академических ценностей на предпринимательские, так как они максимально соответствуют ценностям креативного класса и стимулируют креативную деятельность.

3. Формирование устойчивой интегрированной системы ценностей трудно достижимо, так как академические и предпринимательские ценности представляют собой независимые целостные структуры. В этой связи задача менеджмента состоит в том, чтобы создать необходимые условия для перехода от одной системы ценностей к другой.

Литература

1. Сачкова Е.А. Креативный класс: зарубежная теория и отечественная практика нового образа жизни // Философия права. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2011. № 1. С. 112–116.
2. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
3. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003. 864 с.
4. Лебедева Н.М., Ясин Е.Г. Культура и инновации. К постановке проблемы // Форсайт. 2009. Т. 3. № 2. С. 16–26.
5. http://newdealpeople.skillscenter.ru/wpcontent/uploads/2021/01/Манифест-о-предпркультуре_v1.1.pdf
6. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
7. Cherwitz A.R. (2002). Intellectual Entrepreneurship. A vision for graduate education. Change. November/ December.
8. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2007. 336 с.
9. Goffee R., Jones G. (2003). The Character of Corporation: How Your Company's Culture Can Make or Break Your Business. 2nd Edition, London: Profile Books, P. 256.

10. Мкртычян Г.А., Петрова О.В. Развитие предпринимательского университета: организационная культура и сопротивление изменениям. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. 237 с.
11. Грудзинский А.О., Петрова О.В. Компаративный метод диагностики организационной культуры инновационного университета // Социологические исследования. 2014. № 2 (358). С. 37–43.

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT AT RESEARCH UNIVERSITY: CASE OF THE INSTITUTE OF MANAGEMENT AND ENTREPRENEURSHIP, LOBACHEVSKY UNIVERSITY

Petrova O.V.

Minister for Education, science and youth policy Nizhny Novgorod region

The type of this article is the research. The main goal was to find out the reasons of resistance to change and the factors of that resistance. We use the Goffi and Jonson "Double S" method and the questionnaire for academic value. The data was collected and analyzed for the teachers of the Institute of Economics and Entrepreneurship of Lobachevsky University.

The methodological background of the research was based on the basic understanding of the resistance to change, its' causes and circumstances. The resistance to changes is considered as complex phenomenon, which has negative influence on the efficiency of changes, and it includes both physiological mechanism and types of behavior describing the ways of resistance. Different reasons for resistance were described based on the psychological approach. The idea of the questionnaire is the quantitative description of the dependence between the resistance to change and the factors of resistance to the university teachers. Basis of the questionnaire is the authors' description of psychological reasons and organizational factors of resistance. The 170 pedagogical staff of the Institute were questioned, which is more than 50% of the personnel.

The following results were received: 1) the resistance to change has modest strength and, mainly, the passive form; 2) the main reasons of resistance is the fear of negative results of changes and change of academic values; 3) the crucial factor of resistance is inefficient system of communication.

The farther perspective for the research is the extension of the methodological approach to the resistance to change and the development of recommendation for managing of changes in the university.

The results of that paper have the importance for the university managers while they start to plan and implement organizational changes. The uniqueness of the results lay in the suggested hierarchy of the causes and organizational factors of the resistance to change at the universities.

Keywords: research university, human resource management, creative class, value of personal, university corporate culture

References

1. Sachkova E.A. Creative class: foreign theory and domestic practice of a new way of life // Philosophy of Law. – Rostov-on-Don: Publishing House Rost. legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. No. 1. S. 112–116.
2. Florida R. Creative class: people who create the future. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 384 p.
3. Prigogine A.I. Methods for the development of organizations. M.: MTsFER, 2003. 864 p.
4. Lebedeva N.M., Yasin E.G. Culture and innovation. On the formulation of the problem // Foresight. 2009. Vol. 3. No. 2. pp. 16–26.
5. [http://newdealpeople.skillscenter.ru/wpcontent/uploads/2021/01/Preculture Manifesto_v1.1.pdf](http://newdealpeople.skillscenter.ru/wpcontent/uploads/2021/01/Preculture_Manifesto_v1.1.pdf)
6. Schumpeter J. Capitalism, socialism and democracy. M.: Economics, 1995. 540 p.
7. Cherwitz A.R. (2002). Intellectual Entrepreneurship. A vision for graduate education. change. November/December.
8. Shane E. Organizational culture and leadership. St. Petersburg: Piter, 2007. 336 p.
9. Goffee R., Jones G. (2003). The Character of Corporation: How Your Company's Culture Can Make or Break Your Business. 2nd Edition, London: Profile Books, p. 256.
10. Mkrtychyan G.A., Petrova O.V. Entrepreneurial University Development: Organizational Culture and Resistance to Change. Nizhny Novgorod: Publishing house of UNN, 2018. 237 p.
11. Grudzinsky A.O., Petrova O.V. Comparative method for diagnosing the organizational culture of an innovative university. Sociologicheskie issledovaniya. 2014. No. 2 (358). P. 37–43.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Bagaeva A.V., Ternovaya L.O.</i> Central European Religious-Ethical and Socio-Political Meanings of the Memory of the Plague.....	5
<i>Dobrenkov V.I.</i> The Crisis of the Christian Religion in a Global Era.....	14
<i>Kravchenko A.I.</i> Existential sociology and the problem of borderline existence	27
<i>Mikhailov I.S.</i> Rationality of the new working class	40
<i>Oseev A.A., Nogai E.A.</i> Shopping and Entertainment Center: Theoretical Approaches and Social Practice	47
<i>Pruzhinin A.N.</i> Modeling the development of human capital in modern business	59
<i>Filippova I.A., Savitskaya Yu.P.</i> The concept of open science as the basis for the development of modern society.....	69
<i>Zuo Qi.</i> Technology and development of society in the era of the digital economy	76
<i>Shastina A.E.</i> Social Aspects of the Formation of Ecological Culture in the Perspective of the Problems of Sustainable Development.....	86
<i>Bloshko V.V., Kapustin V.V.</i> Classification of methods of patriotic education of youth in terms of their scope.....	93

EMPIRICAL STUDIES

<i>Anosov S.S.</i> Social solidarity and identity of volunteers of public organizations	101
<i>Batyanova L.N., Zavarzina Yu.V.</i> Problems of managing the sphere of culture in villages (on the example of rural settlements of the Irkutsk region)	109
<i>Dekhanova N.G., Sushko V.A., Kholodenko U.A.</i> Russia: the socio-economic impact of the COVID-19 pandemic	120
<i>Zhuravleva I.A.</i> Problems of the Russian higher education system: qualitative analysis.....	134

<i>Lyalikova S.V., Karpova V.M.</i> Main issues of family education: results of sociological research.....	143
<i>Polyushkevich O.A.</i> The social dimension of happiness	154
<i>Sinelnikov A.B.</i> Family-demographic policy and ways to improve its effectiveness	162
<i>Stoyanov A.S., Kalinkina L.V.</i> The status of an athlete as a factor of social adaptation in a student group.....	174
<i>Singaevskaia M.V.</i> Structure and functions of public opinion in politics.....	186
<i>Dzutsev Kh. V., Dibirova A.P., Berezina (Kornienko) N.V.</i> Attitude towards public expression of one's views on religious and political life in the North Caucasus	202
<i>Ravochkin N.N., Bobrikov V.N.</i> Emotions of youth in a post-COVID city: a sociological analysis. Modern youth and its essential characteristics.....	214

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Bakunov A.V., Konkov A.T.</i> Management of corporate social responsibility programs in the oil and gas sector (on the example of companies in developed and developing countries).....	223
<i>Vatolin D.A.</i> The use of social networks in the management system of a Russian small town.....	233
<i>Velmisova D.V.</i> Interpretation of scientific discourse on the phenomena of values and meaning in the context of work	239
<i>Gulina D.S.</i> Socio-legal foundations of migration management of modern Russia.....	250
<i>Ermolaeva Yu.V.</i> Transformations of green jobs framework trends.....	257
<i>Malyshkina D.A.</i> Factors of public participation in urban planning	267
<i>Rybakova M.V., Ivanova N.A.</i> Digital technologies in the modern public service system	271

Uzinov V.V. Assessment of the effectiveness of social consolidation institutional practices in the context of innovative development of the regional space of the South of Russia 281

Fedorinin N.M. Transformation of the model of Russian social entrepreneurship..... 289

Filyasova Yu.A. The concept of Japanese perfectionism, quality management and brand development..... 294

SOCIOLOGY OF CULTURE

Baranova L.M. The Russian City in Social Evolution: a sociological View..... 303

**THEORY AND HISTORY OF CULTURE.
PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY.
PHILOSOPHY OF CULTURE**

Belomytsev A.A. The Impact of the Musical Tradition of Early Christianity on the Development of Contemporary Worship Music in Protestant Worship Services 311

Zvonova E.E., Naumov A.V. About the reason to study A.L. Chizhevsky's anthropological determinism in connection with the idea of active evolution..... 318

Lutsenko A.V. Role model of the trickster in the myth about the imposter of the Russian time of troubles of the XVII century 324

Popov V.V., Zabrovsky V.A., Skripnichenko A.A. The specificity of the subjective time of an individual in a special social group (student group) 332

Shumi Shakila, Santanu Halder. Representation of a woman in the cinema in the context of women's costume design 338

Safronov A.V. Understanding the sign is beyond usefulness and information. Sign in the theory of non-systems..... 347

Shipunova O.D. Functional models of intelligence in interdisciplinary epistemology 367

Zvonova E.E. The pursuit of truth in the context of the anthropology and ethics of Christianity..... 375

Yazovskikh A.V. Axiological Foundations of Cultural Challenges in the Conditions of the Loss of the Value Transfer Function in Traditional Social Institutions..... 381

SOCIAL PHILOSOPHY

Khvastunova Ju.V. The "Politics" of amortality in the Arguments of J.L. Cordeiro 392

Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Levshin V.S. Ideas of Justice in Interethnic Relations: Public Opinion of Residents of the Krasnodar region 403

D'iakonova A.P. The social portrait of mammoth tusk collector 411

SCIENTIFIC LIFE

Zhang Wen. Attitudes of the Chinese people towards the Chinese social credit system 418

Petrova O.V. Human resource management at Research University: case of the Institute of management and entrepreneurship, Lobachevsky University 428

